

633/4фр/52

568

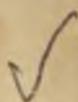
Луи Блан...

История

французской
революции 1789.

т. 10

57244H

63.3(4фр)52 *резюме*
783248

9 (M) 3-Фр
Б 68 Блан Луи
История Французской
революции 1789 года. Т.
10.
1909

783248

м/ф

р. ф

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

63.3/44p)52

Б68

9(М)3-9

Б68

Луи Бланъ

ИСТОРИЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789 года

ТОМЪ X

ЧИТАЛЬНИЦА
ИМ. СУРИНОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1909

572444

11 г. 9(М)З-9Р V

Б 68

491

5 АПР 1957

О К Т 1957

1952

483248

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Некрасова

59 г.

ЧИТАЛЬНЯ ЗАЛ

9(и)З-9Р V

Типография А. С. Суворина. Златевъ пер., д. 13

Клеберъ.—Пораженіе подъ Антрамомъ.—Истинныя причины этого пораженія.—Несправедливыя нареканія на Л'Эшели.—Онъ находитъ утѣшеніе и одобреніе со стороны Комитета общественного спасенія, удаляется въ Нантъ и умираетъ тамъ съ отчаянія.—Роспускъ отряда майнцевъ.—Смерть Лескюра.—Г-жа Ларошжакленъ проѣзжаетъ на конѣ по трупамъ убитыхъ республиканцевъ.—Англичане зовутъ вандейцевъ въ Гранвилъ.—Странное посланіе къ князю Тальмону.—Вандейцы отбиты изъ-подъ Гранвиля.—Уныніе вандейскихъ солдатъ; они уже извѣрились въ своихъ вождяхъ и священникахъ; обратное движеніе къ Луарѣ.—Главнокомандующимъ соединенныхъ западной и брестской армій назначаются Россиньоль.—Военная партія майнцевъ подкапывается подъ его авторитетъ.—Глубокомысленная политика Комитета общественного спасенія въ выборѣ полководцевъ.—Пораженія, обусловленные недоразумѣніями въ штабѣ.—Двойной разгромъ подъ Долемъ, вызванный отсутствіемъ единогласія во взглядахъ.—Жестокости, совершенныя въ Фужерѣ; подвигъ гуманности.—Мужество и великодушная скромность Россиньоля.—Замѣчательная смерть Приѣра.—Марсо получаетъ временное командованіе западною арміею.—Вандейцы идутъ на Анжеръ; осада этого города; вандейцы отброшены.—Ихъ прогоняютъ изъ Манса, находившагося въ ихъ рукахъ; ужасная рѣзня.—Бродячая и раздробленная вандейская армія приходитъ въ Ансени.—Невозможность для нея переправиться обратно чрезъ Луару.—Ларошжакленъ—Стофле переправляются черезъ эту рѣку одни, въ лодкѣ, и оказываются навсегда отрѣзанными отъ своихъ.—Князь Тальмонъ покидаетъ вандейскую армію.—Жалкое состояніе и деморализація этой арміи.—Уничтоженіе ея подъ Савне.—Философское заключеніе

ГЛАВА III.

Непріятель вытѣсненъ съ территоріи Франціи.

Англичане хотятъ удержать Тулонъ за собою.—Оскорбленія, дѣлаемая Франціи дипломатическими агентами Питта.—Жестокости, совершенныя роялистами въ Тулонѣ.—Всеобщее негодованіе противъ союзниковъ и ихъ сообщниковъ во Франціи.—Письмо Кутона.—Республиканцы осаждаютъ Тулонъ.—Карто; Салисетти; Наполеонъ Бонапарте; Лапуапъ.—На мѣсто Карто назначается Дюгомье.—Робеспьеръ-младшій и Рикоръ въ Тулонѣ.—Близость отношеній между Робеспьеромъ-младшимъ и Бонапарте.—Они, вмѣстѣ съ Рикоромъ, руководятъ осадными дѣйствіями.—Шарлота Робеспьеръ и г-жа Рикоръ; характерная черта.—Принятый военнымъ совѣтомъ планъ.—Бой на Аренскихъ высотахъ (Agènes); О'Гара взять въ плѣнъ.—Взятіе *англійскаго редута*; неотразимый порывъ французовъ; храбрость народныхъ представителей.—Англичане покидаютъ Тулонъ при заревѣ устроеннаго

ими пожара. — Отвъвъ англичанъ объ образѣ дѣйствій сара Сиднея Смита. — Патриотизмъ тулонскихъ каторжниковъ. — Прискорбныя сцены; отчаяніе населенія, предоставленнаго пноземцами въ жертву мстительности побѣдителя. — Какъ проявлялась эта мстительность; опроверженіе исторической клеветы. — Докладъ Барера. — Кампанія на Рейнѣ. — Сень-Жюсть въ арміи. — Лакость возбуждаетъ Гоша противъ Сень-Жюста. — Геройскій пылъ Гоша. — Герцогъ Брауншвейгскій отъисняетъ Гоша изъ-подъ Кайзерслаутерна. — Комитетъ общественнаго спасенія поощряетъ Гоша. — Соединеніе армій Гоша и Пишегрю. — Лакость и Бодо назначаютъ Гоша главнокомандующимъ. — Недовольство Сень-Жюста. — Побѣда подъ Гейсбергомъ. — Непріятель переправляется обратно за Рейнъ. — Соперничество между Гошемъ и Пишегрю. — Высокомѣрное отношеніе Гоша къ Комитету общественнаго спасенія и къ Сень-Жюсту. — Несоотвѣтствие его тогдашняго тона съ величіемъ его души; воспроизведеніе тона рѣчей Гебера. — Предубѣжденіе Комитета противъ Гоша. — Гошъ оскорбляетъ Карно независимостью своей манеры. — Арестованіе его по распоряженію только Карно и Колло-д'Эрбуа. — Сѣверная армія на зимнихъ квартирахъ. — Отозваніе Журдана. — Военныя событія на восточно-пиренейской границѣ

ГЛАВА IV.

Проносулы.

Сень-Жюсть и Леба въ Страсбургѣ. — Ихъ энергія и безкорыстіе. — Чисто римскій характеръ ихъ распоряженій. — Внушенное ими уваженіе къ себѣ. — Шнейдеръ. — Партія «Пропаганды», Монз, Эдельманъ, Юнгъ. — Борьба нѣмецкой и французской партій. — Смѣщеніе установленныхъ властей. — Сень-Жюсть избавляетъ край отъ гнета Шнейдера. — Шнейдера судятъ по почину Робеспьера. — Сень-Жюсть спасаетъ Эльзасъ, не проливъ ни капли крови. — *Блгмй терроръ*, гораздо болѣе ужасный, чѣмъ *терроръ красный*. — Изабо и Тальенъ въ Бордо. — Тальенъ оказывается террористомъ. — Въ Бордо безъ надобности вводится террористскій режимъ. — Гуманныя мѣры, за которыми вскорѣ слѣдуютъ кровавыя казни. — Число жертвъ. — Варварскія распоряженія; отказъ Брюна препятствуетъ ихъ выполнению. — Пышность, проявлявшаяся Тальеномъ и Изабо въ голодающемъ Бордо; презрѣніе, съ которымъ отнеслись къ этому революціонеры. — Перранъ д'Эрваль и Наблюдательный комитетъ. — Бравированіе власти обоихъ комиссаровъ. — Комиссары смѣщаютъ Наблюдательный комитетъ, но Комитетъ общественнаго спасенія оставляетъ его въ должности. — Любовныя дѣла Тальена и дочери испанскаго банкира Кабаррюса; вліяніе ихъ на послѣдующее поведеніе Тальена. — Источникъ богатства Тальена. — Честность Робеспьера пугаетъ Тальена. — Фреронъ и Баррасъ становятся террористами. — Отвра-

тительныя письма Фрерона къ Моизу Бадю. — Фреронъ вводитъ въ Марсель кровавый режимъ; производимыя имъ опустошенія. — Фреронъ и Баррасъ соединяютъ вымогательства съ варварствомъ. — Они дѣлаются врагами Робеспьера изъ-за того, что онъ разблачаетъ ихъ злоупотребленія. — Письмо Робеспьера-младшаго къ брату. — Фуше и Колло-д'Эрбуа въ Лионѣ. — Контрастъ между ихъ политикой и умѣренной политикой Кутона. — Они устанавливаютъ въ Лионѣ террористскій режимъ. — Гебертистскія оргіи. — *Инструкція* народу. — Комитетъ по дѣламъ севестра. — Комитетъ разрушенія. — Революціонная комиссія изъ семи судей. — Война съ домами. — Прибытіе Ронсена. — Колло-д'Эрбуа и Фуше задумываютъ систему истребленія. — Колло-д'Эрбуа старается заранѣе предотвратить негодованіе Робеспьера. — Странныя письма, которыя онъ ему пишетъ, не получая отвѣта. — Онъ обращается, но тщетно, къ Дюпю. — Употребленіе пушекъ противъ приговоренныхъ къ смертной казни. — Ужасныя сцены. — Физиономія Революціоннаго суда, учрежденнаго Фуше и Колло-д'Эрбуа. — Робеспьеръ встаетъ противъ ихъ тираніи. — Не осуществившійся проектъ женитьбы Фуше на сестрѣ Робеспьера. — Каррье въ Нантѣ. — Возмутительныя жестокости вандейцевъ. — Гудленъ, Башелье, Шо, гвоздильный мастеръ Прусть и его жена. — Подробная исторія тираніи Каррье. — Массовыя потопленія. — Отозваніе Каррье по почину Робеспьера. — Историческое сопоставленіе

ГЛАВА V.

Наладки на терроръ.

Развитіе террора. — Террористская партія. — Робеспьеристы. — Дантонисты. — Обѣ послѣднія партіи вначалѣ объединяются противъ первой. — Система *справедливости*. — Система *милосердія*. — Дантонъ въ клубѣ якобинцевъ. — Робеспьеръ защищаетъ его. — Камилль Демуленъ выпускаетъ первый номеръ «Старога Кордельера». — Во второмъ номерѣ онъ нападаетъ на гебертистовъ. — Эти два номера были показаны Робеспьеру до выхода ихъ въ свѣтъ. — Исключеніе Клооца изъ клуба якобинцевъ; его допросъ; несправедливая защита его Робеспьеромъ. — Камилль Демуленъ передъ клубомъ якобинцевъ. — Робеспьеръ покровительствуетъ ему. — Третій номеръ «Старога Кордельера». — Роковое значеніе гипербола Камилла Демулена. — Оппозиція Комитету общественнаго спасенія въ Собраніи. — Возобновленіе полномочій этого Комитета. — Отклоненіе важныхъ предложеній Робеспьера. — Декретъ Конвента объ арестованіи Ронсена и Венса; истинное значеніе этого декрета. — По почину Робеспьера декретируется учрежденіе *Комитета справедливости* для обслѣдованія несправедливо арестованныхъ лицъ. — Филиппо и Камилль Демуленъ подрываютъ умѣренную политику. — Несправедливыя наладки и ошибочныя утвержденія Филиппо. — Краснорѣчивыя, но необду-

манья заявленія Камилла Демулена; онъ требуетъ учрежденія *Комитета милосердія*; четвертый нумеръ «Стараго Кордельера» какъ бы клонился къ разоруженію революціи.—Громадная выгода, которую гебертисты извлекаютъ изъ этой неосторожности Камилла Демулена.—Другой его промахъ: обращеніе къ Робеспьеру.—Бравада клуба кордельеровъ.—Возвращеніе Колло-д'Эрбуа въ Парижъ; «великанъ появился»; радость гебертистовъ; празднество въ память Шалье.—Колло-д'Эрбуа внушаетъ свою ярость клубу якобинцевъ.—Онъ нападаетъ на Камилла Демулена.—Варварское обвиненіе со стороны Никола.—Колло-д'Эрбуа сообщаетъ въ клубъ якобинцевъ о самоубійствѣ Гайльяра; страшная клятва.—Рвзкая выходка Левассёра противъ Филиппо.—Дантовъ отступаетъ отъ Филиппо.—Робеспьеръ защищаетъ послѣдняго.—Торжество партіи гебертистовъ.—Камиллъ Демуленъ ставитъ Робеспьера въ затруднительное положеніе.—Робеспьеръ намѣчаетъ революціи путь между системой, клонящейся къ ея разоруженію, и системой, направленной къ тому, чтобы сдѣлать ее ненавистною.—Большинство Комитетовъ противъ него.—По почину Вильо-Варена *Комитетъ справедливости* упраздняется

172

ГЛАВА VI.

Зима 1794 года.

Мясной голодъ.—Приказчики мясниковъ.—Уменьшеніе средствъ и увеличеніе нуждъ.—Ужасающая перспектива.—Покупщики провіанта для революціонной арміи.—Внѣшній видъ мясного рынка.—Удивительное гражданское самоотреченіе.—Гражданскій постъ; Лежандръ предлагаетъ декретировать его.—Всеобщее добровольное недоѣданіе.—Отвратительныя махинаціи контръ-революціонеровъ съ цѣлю повышенія цѣнъ на хлѣбъ.—Возникшее на одно мгновеніе потребленіе птицы въ Парижѣ.—Парижъ вынужденъ питаться овощами.—«Хвосты» около хлѣбопекаренъ.—Гибельное вліяніе сборищъ голодающихъ на общественную нравственность и на стыдливость женщинъ.—Разныя предлагавшіяся средства.—Всеобщій вопль противъ скопленія причасовъ въ однихъ рукахъ.—Брошюра Дюбуа-Крансе «Хлѣбъ по два су».—Брошюра Моморо о продовольствіи.— *Таблица максимальныхъ цѣнъ*.—Новость и важность этого большого труда.—Къ голоду присоединяются морозы.—Всѣ бѣдствія какъ бы сговорились между собой.—Геройство парижскаго народа

297

ГЛАВА VII.

Судъ въ клубъ якобинцевъ.

№ 5 «Стараго Кордельера», покаянный и сатирической.—Камиллъ Демуленъ и Геберъ передъ судомъ клуба якобинцевъ; Робеспьеръ и Дантовъ встаютъ противъ чисто личныхъ ссоръ.—Филиппо выступаетъ съ обличеніями противъ Ронсена, Россиньоля и дру-

ишь агентовъ министерства.—Рѣзкое опроверженіе со стороны Шудьё.—Замаскированная оппозиція Бурдона (отъ д-та Уазы) Комитету общественной безопасности; осторожныя нападки Дантона.—Камилла Демулена вызываютъ къ отвѣту передъ клубомъ якобинцевъ.—Робеспьеръ беретъ на себя его защиту.—*Сожженіе не отвѣтъ*.—Раздраженіе Робеспьера; его возраженіе на вопль Демулена.—Примирительное вмѣшательство Дантона.—Въ клубѣ якобинцевъ прочитываются нумера «Стараго Кордельера».—Робеспьеръ дѣлаетъ въ клубѣ якобинцевъ запросъ Фабру-д'Эглантину.—Портретъ Фабра.—Что ему ставится въ вину.—Его отвѣтъ на обвиненія.—Робеспьеръ оказываетъ покровительство Камиллу Демулену.—Затруднительное положеніе, въ которое ставитъ его это покровительство.—Происки гебертистовъ съ цѣлью взвалить на Робеспьера отвѣтственность за мѣрнія, высказанныя Камилломъ Демуленомъ.—Демулена вычеркиваютъ изъ списковъ клуба якобинцевъ.—Робеспьеръ требуетъ, чтобы это постановленіе было признано недѣйствительнымъ; клубъ соглашается на это.—Демуленъ остается въ якобинскомъ клубѣ

217

ГЛАВА VIII.

Финансовый заговоръ.

Арестованіе Фабра-д'Эглантина по обвиненію въ подлогѣ.—Донесеніе Шабо о поддѣлкѣ декрета Собранія.—Баронъ Батсъ и его сообщники.—Дѣятели ажіотажа.—Делона требуетъ упраздненія Индійской компаніи; его тайные виды.—Фабръ-д'Эглантинъ возстаетъ противъ нихъ.—Шабо, какъ агентъ по части подкупа; его посылаютъ подкупить Фабра; онъ выпытываетъ его и отчаявается въ возможности подкупить его.—Исторія поддѣлки декрета относительно Индійской компаніи.—Доказательство невинности Фабра-д'Эглантина.—Объясненіе смѣлости лица, совершившаго подлогъ.—Побѣгъ Батса, Венуа (отъ Анжера) и Жюльена (отъ Тулузы), скомпрометированныхъ донесеніемъ Шабо.—Временное арестованіе Шабо и Базира.—Заключеніе Делона въ тюрьму; онъ заявляетъ о документѣ, который, по его словамъ, обнаружитъ истиннаго преступника.—Документъ этотъ ни въ чемъ не уличалъ Фабра.—Ничто не указываетъ, чтобы Робеспьеръ и Сень-Жюсть считали Фабра дѣйствительнымъ участникомъ въ дѣлѣ о подлогѣ декрета.—Докладъ Амара объ этой интригѣ; что было нечисто въ этомъ докладѣ.—Докладъ этотъ осуждается Бильвареномъ и Робеспьеромъ; въ какомъ смыслѣ и съ какою цѣлью они осуждаютъ его

235

ГЛАВА IX.

Конецъ гебертизма.

Конвентъ лицомъ къ лицу съ гильотиной.—Дантонъ не поддерживаетъ Камилла Демулена.—Товарищескій духъ среди гебертистовъ.—

Ярость Венсана.—Почему Робеспьер не противорѣчилъ освобожденію Ронсена и Венсана.—Дантонисты рѣзко нападаютъ на Ронсена и Венсана; ихъ горячо защищаетъ Дантонъ, по настоянію котораго и принимается декретъ объ ихъ освобожденіи.—Рѣчь Робеспьера объ общественной морали.—Гебертисты выступаютъ съ высоко поднятымъ челомъ; ихъ горячія выходки; ихъ проекты.—Прибытіе Каррье.—Болѣзнь Робеспьера.—Появленіе Сень-Жюста на трибунѣ.—Съ зловѣщимъ краснорѣчіемъ онъ грозитъ «нисходительнымъ» и наноситъ удары террористамъ.—Колло-д'Эрбуа старается вовлечь якобинцевъ въ союзъ съ кордельерами.—Клубъ кордельеровъ спѣшитъ провозгласить возстаніе; трагическое засѣданіе.—Спокойствіе Парижа.—Растерянные гебертисты, пытаясь привлечь къ себѣ Коммуну, терпятъ неудачу — Колло-д'Эрбуа отступается отъ нихъ.—Докладъ Сень-Жюста противъ нихъ.—Ихъ арестуютъ.—Бильо-Варенъ объясняетъ въ клубѣ якобинцевъ причины ареста гебертистовъ.—Настроеніе клуба кордельеровъ.—Робеспьеръ защищаетъ Вуланже.—Арестъ Геро де Сешеля и Симона; мотивы этого ареста.—Отъ гебертистовъ всюду отрекаются.—Арестъ Шометта и Клооца.—Ужасная несправедливость, совершенная по отношенію къ Клооцу.—Происки дантонистовъ съ цѣлью воспользоваться побѣдою Комитета общественнаго спасенія.—Образъ дѣйствій Дантона, противный дѣятельности дантонистовъ; трогательная сцена между Дантономъ и Рюлемъ.—Бурдонъ (отъ д-та Уазы) домогается ареста Герона; значеніе этого нападенія; почему въ дѣло вмѣшиваются Кутонъ и Робеспьеръ.—Процессъ гебертистовъ.—Ихъ смерть.—Трусость Гебера.—Твердость Ронсена.—Удивительное мужество и философское хладнокровіе Клооца.—Непосредственныя послѣдствія казни гебертистовъ

ГЛАВА X.

Процессъ и смерть дантонистовъ.

Дантонистская оппозиція.—Роялисты поощряютъ ее.—Друзья Камилла Демулена дѣлаютъ ему благоразумныя предостереженія; письмо Фрерона; Брюнь за завтракомъ у Демулена.—№ 7 «Старога Кордельера»; заключавшіяся въ немъ буйныя нападки.—Противоположныя доктрины Сень-Жюста и Камилла Демулена относительно революціоннаго идеала.—Эпикурейскія наклонности Демулена; аскетизмъ Сень-Жюста; болѣе мягкій ригоризмъ Робеспьера.—Дурная книга, данная для прочтенія сестрѣ невѣсты Робеспьера Демуленомъ.—Чрезмѣрный пуританизмъ Робеспьера: циническая распушенность Дантона.—Причины охлажденія между ними; ихъ стараются сблизить; различные толки относительно ихъ свиданія.—Бильо-Варенъ предлагаетъ казнить Дантона; бѣшенство Робеспьера по поводу этой мысли.—Дантонисты радостно привѣтствуютъ казнь Гебера; ихъ ослѣпленіе на этотъ счетъ;

жестокій отзывъ Камилла Демулена.—Въ силу самой фатальности положенія, дантонизмъ оказывается авангардомъ роялизма.—Успѣхи и опасность дантонистской оппозиціи; она вызываетъ волненіе въ Комитетѣ общественнаго спасенія. — Сень-Жюстъ старается побудить Робеспьера отступить отъ Дантона.—Жалобы на Дантона по поводу его прежнихъ сношеній съ Дюмурье; двусмысленность этихъ сношеній; подозрѣнія были приняты за улики; въ этомъ и была несправедливость. — Робеспьеръ соглашается отступить отъ Дантона.—Доставленные Сень-Жюсту замѣтки.—Тревожные признаки.—Дантона предупреждаютъ.—Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, онъ раздражается брвадами.—Арестованіе Дантона, Камилла Демулена и Филиппо.—Письмо послѣдняго къ женѣ.—Дантонисты въ тюрьмѣ.—Измученіе въ Парижѣ.—Протестъ Лежандра; отвѣтъ Робеспьера; Лежандръ отступаетъ.—Докладъ Сень-Жюста противъ дантонистовъ; постановленіе Собранія.—Заявленіе, сдѣланное Дантономъ Лакруа: «Надо постараться взволновать народъ». — Трогательное письмо Камилла Демулена къ женѣ.—Отчаяніе Люсилы; какія мысли внушаетъ ей это отчаяніе; благородное поведеніе молодой жены Дантона.—Недописанное и несланное письмо Люсилы къ Робеспьеру.—Удивительное прощаніе. — Рѣчи Дантона въ тюрьмѣ; Фабръ д'Эглантинъ озбоченъ единственно комедіей, которую, какъ онъ опасается, можетъ украсть у него Бильо-Варенъ.—Шабо отравляется; его возвращаютъ къ жизни; его трогательное заявленіе относительно Базира.—Подсудимые передъ Революціоннымъ судомъ.—Канцелярія суда состоитъ изъ дантонистовъ. — Распоряженія Фукье-Тенвиля.—Физиономія присяжныхъ.—Былъ ли произведенъ отборъ присяжныхъ?—Несправедливое отклоненіе просьбы Фабра; его защита.—Страстная рѣчь Дантона и произведенное ею впечатлѣніе.—Допросъ Камилла Демулена, Лакруа, Филиппо и Вестермана.—Прекрасный отвѣтъ Филиппо.—Отказъ выслушать шестнадцать членовъ Конвента въ качествѣ свидѣтелей; несправедливость этого отказа.—Вурное засѣданіе суда 15 жерминаля.—Признаніе Дантономъ честности Германа.—Письмо Германа и Фукье въ Комитетъ общественнаго спасенія.—Донось Лафлота.—Сень-Жюстъ вводитъ Конвентъ въ заблужденіе относительно поведенія подсудимыхъ на судѣ.—Декретъ объ устраненіи отъ судебныхъ преній тѣхъ изъ подсудимыхъ, которые будутъ оказывать сопротивленіе суду или оскорблять его.—Жена Филиппо ходатайствуетъ о допущеніи ея къ рѣшеткѣ Конвента.—Почему Бильо-Варенъ хочетъ, чтобы она явилась; почему Робеспьеръ противится этому.—Присяжные заявляютъ, что дѣло для нихъ достаточно выяснилось.—Негодованіе подсудимыхъ; ихъ выводятъ.—Что повліяло на рѣшеніе присяжныхъ. — Яростное заявленіе Треншара.—Осужденіе и смерть дантонистовъ.—Критическая замѣтка

Луи Бланъ.—Исторія французской революціи.

ГЛАВА I.

Режимъ террора.

Терроръ не былъ системой.—Онъ возникъ изъ самаго положенія вещей.—Починъ террора сдѣлали первичные сходы.—Террористы, модерантисты и люди твердые, но безъ ярости.—Комитетъ всеобщей безопасности: *люди дѣловые, слушатели и люди противоявса*.—Жаго, Амаръ, Вадье, Вуланъ и Луи (отъ д-та Нижняго Рейна) были всѣ террористами и врагами Робеспьера.—Весь Комитетъ всеобщей безопасности, за исключеніемъ Давида и Леба, цѣликомъ были противъ Робеспьера.—Геронъ, орудіе Вадье.—Революціонные комитеты.—Шометтъ тщетно пытается овладѣть ими.—Физиономія Революціоннаго суда, его личный составъ.—Германъ не былъ «человѣкомъ Робеспьера».—Дюма и Кофиналь.—Фукье-Тенвиль; его жестокость; его отчужденность отъ Робеспьера; его сношенія съ Комитетомъ общественнаго спасенія.—Свирѣпые присяжные.—Присяжные гуманые.—Жестокій характеръ Вилата.—Столяръ Дюплъ.—Буфетъ Революціоннаго суда.—Опровергнутыя клеветы.—Оправданымъ подсудимымъ обезпечено было вознагражденіе.—Характерныя сцены въ судебныхъ засѣданіяхъ.—Рядъ обвинительныхъ приговоровъ.—Казнь Манюеля, генераловъ Брюне, Ушара и Ламарльера, Жире-Дюпре, Барнава, Дюпоръ-Дютертра, Керсена, Рабо-Сентъ-Этьена и г-жи Дюбарри.—*Ружифѣбъ*.—Наибольше буйные террористы—противники Робеспьера.—Строгая, но справедливая политика, которой совѣтовалъ держаться Робеспьеръ.—Разница между тономъ его рѣчей и рѣчей Колло-д'Эрбуа и Барера.—Признавшой невиновности оказываются почести.—Неумолимая, но искренняя революція.

Въ *Considerations sur la Révolution française* г-жи Сталь говорится:

«Въ теченіе четырнадцати лѣтъ исторіи Англіи, которую въ столь многихъ отношеніяхъ можно уподобить исторіи Франціи, нѣтъ ни одного періода, могущаго идти въ сравненіе съ четырнадцатю мѣсяцами террора. Что слѣдуетъ заключить изъ этого? То, что за сто лѣтъ ни одинъ народъ не былъ такъ несчастенъ, какъ народъ французскій. Если санъ-домингскіе негры совершили еще гораздо больше жестокостей, то это потому, что они были еще болѣе угнетаемы»¹⁾.

¹⁾ Madame de Staël, *Considerations*, etc., troisième partie, chap. XVI.

числѣ и стали громадны; Дюмурье, показывая на картѣ Аргонскій лѣсъ, говоритъ Тувено: «Вотъ Оермопилы Франціи». Въ Иарижѣ Роланъ заявляетъ въ на-скоро созданномъ совѣтѣ министровъ, что надо уѣзжать, а прибывшій изъ Седана Керсенъ восклицаетъ: «Да, да, такъ какъ прибытіе сюда герцога Брауншвейгскаго настолько же невозможно, насколько невозможно то, чтобы клинъ не вонзился въ полѣно, когда по немъ ударить». И дѣйствительно, роялисты уже измѣряли, съ циркулемъ въ рукахъ, разстояніе, отдѣляющее Вердёнъ отъ французской столицы. И вотъ, въ то время, какъ министры обсуждаютъ проекты бѣгства, въ то время какъ приговоренные къ смерти заявляютъ съ гильотины, что они будутъ отмщены возстаніемъ тюремъ, избиеніемъ часовыхъ и сожженіемъ Парижа; въ то время, какъ мѣста заключенія превращаются въ фабрики фальшивыхъ ассигнацій; въ то время, какъ министерскія воззванія, составленныя въ ужасающе неопредѣленныхъ выраженіяхъ, вызываютъ передъ глазами перепуганнаго и взбѣшеннаго народа призракъ измѣны; въ то время, какъ Горзъ, разоблачая планъ союзныхъ силъ и какъ бы трубя въ трубу Страшнаго суда, кричитъ парижанамъ: «Васъ выведутъ въ открытое поле и тамъ разсортируютъ: революціонеры будутъ казнены, а другіе... (на ихъ участь набрасывается покрывало)»;—въ это самое время раздается великій вопль: *Непріятель въ Вердёнъ!* Тогда всѣхъ охватываетъ роковая мысль, что свобода впала въ агонію; что факель, который несла Франція съ цѣлью озарить міръ, будетъ вырванъ у нея и погаснетъ подъ копытами прусскихъ лошадей; что революціи уже нечего ждать пощады; что справедливость умираетъ, что она уже умерла... И умы впадаютъ въ мрачное безуміе, которое—о, вѣчная скорбь!—выливается въ формулу трехъ полныхъ крови словъ: «Живѣе къ тюрьмамъ!..»¹⁾

А теперь переверните небольшое число листковъ: какія событія вызвали тѣ колоссальны мѣры, которыми ознаменованы августъ и первые дни сентября 1793 г.? То были событія, совпаденіе которыхъ образуетъ неслыханнѣйшее и ужаснѣйшее положеніе, какое только было когда-либо оставлено въ людской памяти исторіей. Югъ Франціи въ огнѣ, Бретань и Нормандія подняты жирондистами, департаментъ Лозеры во власти роя-

¹⁾ См. въ VII томѣ настоящаго сочиненія главу: «Помни Вароломееву ночь».

листовъ, Корсика призываетъ англичанъ, Тулонъ находится наканунѣ принятія ихъ, Лионъ вооружается противъ Парижа и бросаетъ ему, какъ бы въ задатокъ боя, голову Шалье; вандейцы ходятъ побѣдителями, австрійцы овладѣли Конде, пруссаки Майнцемъ, герцогъ Юркскій Валансьеномъ; коалиція утвердилась повсюду и революція корчится, наполовину задушенная междоусобною и внѣшнею войнами. Вотъ что заставило не того или другого человѣка, а всѣ восемь тысячъ депутатовъ первичныхъ сходовъ сказать Конвенту: «Теперь уже не время разсуждать, надо дѣйствовать; мы требуемъ арестованія всѣхъ подозрительныхъ». На это предѣдатель отвѣтилъ: «Пусть сказанныя вами слова раздадутся по всей Франціи какъ громъ мести и разрушенія!» Значитъ, Дантонъ только констатировалъ фактъ, отрицать который было невозможно, когда воскликнулъ въ томъ же засѣданіи ¹⁾: «Депутаты первичныхъ сходовъ проявляли среди васъ починъ террора» ²⁾.

Нѣтъ, нѣтъ, правленіе террора вовсе не было продуктомъ *системы*; оно вышло во всеоружіи и роковымъ образомъ изъ самой сущности положенія дѣлъ: зачато оно было несправедливостями прошлаго, а порождено чудовищною борьбою и безпримѣрными опасностями настоящаго.

И произошло вотъ что:

Люди, страстямъ которыхъ терроръ оказывалъ услугу или свирѣпому характеру которыхъ онъ былъ на-руку, искали въ немъ омерзительной точки опоры. Такъ поступали Геберъ, Ронсенъ, Фуше, Колло-д'Эрбуа, Каррье.

Тѣ, у которыхъ природная склонность къ милосердію соединялась съ убѣжденіями, въ соединеніи съ утомленіемъ, отступили вплоть до контръ-революціи, лишь бы не видѣть эшафота. Такъ поступили Дантонъ и Камиллъ Демуленъ.

Наконецъ, были и такіе, которые, желая, чтобы революція, нисколько не утрачивая своей энергіи, отбросила свирѣпость, высказались какъ противъ «модерантизма, являющагося по отношенію къ умѣренности тѣмъ, чѣмъ является безсиліе по отношенію къ цѣломудрію», такъ и противъ «излишествъ, столько

¹⁾ 12 августа 1793 г.

²⁾ Объ этомъ напомнилъ Бареръ въ *защитительной запискѣ*, внесенной имъ 5 жерминаля отъ имени трехъ членовъ бывшихъ комитетовъ, на которыхъ тогда поступилъ доносъ (См. *Bibliothèque historique de la Révolution*, 1097. 8, 9 (*British Museum*)).

же похожихъ на энергію, сколько водяная болѣзнь походитъ на здоровье» ¹⁾). Такими людьми были Робеспьеръ, Сенъ-Жюсть и Кутонъ.

Все это выставляютъ въ надлежащемъ свѣтѣ слѣдующіе факты, которые были слишкомъ охотно затемняемы.

Въ первомъ ряду орудій террора стоитъ Комитетъ всеобщей безопасности, въ рукахъ котораго были сосредоточены управленіе полиціей и грозное примѣненіе закона о «подозрительныхъ».

Членами его состояли: Моисъ Бэль, Эли Лакость, Ла Виконтри, Дюбарранъ, Жаго, Амаръ, Вадье, Вуланъ, Давидъ, Леба и Луи (отъ департамента Нижняго Рейна).

По словамъ Сенара, который былъ принятъ въ Комитетъ всеобщей безопасности въ качествѣ секретаря-редактора, Комитетъ этотъ дѣлился на три партіи:

Партія *людей дѣловыхъ*, состоявшая изъ Вадье, Вулана, Амара, Жаго и Луи (отъ д-та Нижняго-Рейна);

Партія *слушателей* (*écouteurs*), въ составѣ Давида и Леба;

Партія *людей противовѣса*, который состоялъ изъ Моиса Бэля, Ла Виконтри, Эли Лакоста и Дюбаррана ²⁾).

Первая изъ этихъ партій была безусловно проникнута духомъ террора.

Жаго, человѣкъ потрясающе звѣрскаго характера, называлъ тюрьму *одеждою изъ тесанаго камня*. Сенаръ называетъ его «разсыпающеюся связкой шиповъ ³⁾».

Амаръ подъ лживою внѣшностью и хитрыми рѣчами таилъ жестокое сердце. Въ его распоряженіи былъ экипажъ Комитета и главною его заботой было разжигать усердіе Революціоннаго суда. Въ его гостиной, превращенной въ сераль, каждое утро собиралась группа хорошенькихъ женщинъ, изъ которыхъ одна подавала ему табуретъ, другая цвѣты, и съ которыми онъ то держался серьезно, то нѣжничалъ и шутилъ ⁴⁾).

¹⁾ Докладъ Робеспьера объ основахъ революціоннаго правленія, *Histoire parlementaire*, t. XXX, p. 459.

²⁾ *Mémoires de Senar*, chap. XIV, p. 149 et 150, publiés par Alexis Dumesnil. 1824.—*Biographie universelle*, въ статьѣ Сенаръ, замѣчаетъ, что фамилію эту надо писать такъ, а не Sénart, какъ напечатано въ заголовкѣ его *Mémoires*.

³⁾ *Mémoires de Senar*, p. 138.

⁴⁾ *Ibid.*

Характерною особенностью Вадье была смѣсь спеси и варварства и трусости. Онъ, словно заинтересованная сторона, постоянно возставалъ противъ допущенія на судѣ средствъ къ оправданію подсудимыхъ, окрестилъ гильотину *форточкой* и любилъ слушать, какъ казнимые *чихаютъ въ мѣшокъ*¹⁾.

Вуланъ, когда выпадалъ въ гнѣвъ, что съ нимъ бывало часто, стучалъ кулакомъ по столу и подпрыгивалъ, точно разъяренный картонный наяцъ. Подавая голосъ за смертную казнь, онъ пользовался словами: *сбрить голову, снести голову*²⁾. Увидѣвъ однажды, въ день чьей-то казни, процессію, онъ сказалъ своимъ сосѣдямъ: «Вѣдемъ, посмотримъ, какъ служатъ красную мессу»³⁾.

Луи (отъ д-та Нижняго Рейна) былъ человѣкъ неумолимый и лицемѣръ⁴⁾.

Такими изобразилъ секретарь-редакторъ Комитета Сенаръ людей, въ которыхъ терроръ нашелъ наиболѣе дѣятельныхъ пособниковъ, а Робеспьеръ наиболѣе опасныхъ враговъ.

Слабость почти всегда бываетъ сообщницею насилія. Поэтому всѣмъ этимъ Вадье, Амарамъ, Вуланамъ и Жаго нетрудно было пріобрѣсти господство надъ людьми въ родѣ Моиса Вэля, Ла Виконтри, Эли Лакоста и Дюбаррана, такъ что Робеспьеръ въ своихъ усиліяхъ доставить преобладаніе политикѣ, одинаково свободной какъ отъ малодушія, такъ и отъ свирѣпости, встрѣтилъ противниковъ во всѣхъ членахъ Комитета общественной безопасности, за исключеніемъ двухъ: художника Давида и Леба.

Да и то Леба былъ въ Комитетѣ единственнымъ человѣкомъ, который серьезно являлся представителемъ мысли Робеспьера. Ибо Давидъ, человѣкъ вулканическаго темперамента, охотно поддавался увлеченію крайностями; какъ ни велико было его уваженію къ серьезному генію перваго изъ яacobинцевъ, предметомъ его великаго и истиннаго преклоненія всегда былъ *другъ народа*; и когда онъ восклицалъ: «Краснаго, краснаго намъ!»⁵⁾ то, очевидно, находился во власти воспоминанія о Маратѣ.

Слѣдующій фактъ показываетъ, до чего доходило враждебное настроеніе Комитета всеобщей безопасности противъ Робеспьера. Когда Сенаръ выразилъ однажды сожалѣніе по поводу

¹⁾ *Mémoires de Senar*, p. 141.

²⁾ *Ibid.*, p. 142.

³⁾ *Ibid.*, chop. XIII, p. 107.

⁴⁾ *Ibid.*, *passim*.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 143.

того, что не арестовали Тальена, Моисъ Вэль отвѣтилъ ему: «Тальень совершилъ столько преступленій, что, будь у него пятьсотъ тысячъ головъ, ни одна изъ нихъ не уцѣлѣла бы у него; но достаточно было напасть на него Робеспьеру, чтобы мы умолкли»¹⁾.

Такъ продолжалась борьба вплоть до 9 термидора — борьба глухая и полная лицемѣрія, но тѣмъ болѣе и опасная. Робеспьеръ не могъ заблуждаться на этотъ счетъ; онъ понималъ, что Комитетъ всеобщей безопасности усердно подготавливаетъ его паденіе, и попытался предотвратить опасность, выставивъ противъ власти своихъ враговъ «Бюро общей полиціи»; но когда онъ прибѣгъ къ этой мѣрѣ, было уже поздно: подъ его ногами уже разверзлась пропасть, поглотившая и его и революцію, которую онъ сжималъ въ своихъ объятіяхъ.

Привилегированнымъ убійцей въ Комитетѣ всеобщей безопасности былъ Геронъ. Неся обязанность производить аресты и являясь всегда въ сопровожденіи сбирровъ, которыхъ звали *геронистами*, человекъ этотъ былъ ужасомъ семей. Если вѣрится Сенару, онъ запятналъ себя всякаго рода жестокостями и грабежами. Онъ носилъ охотничій ножъ на бѣломъ пояскѣ, пряча его иногда подъ одеждой; за поясомъ его сверкалъ рядъ маленькихъ пистолетовъ; изъ боковыхъ кармановъ торчали у него портативные мушкеты; когда онъ шелъ, то былъ подобенъ полной артиллеріи. Его называли *начальникомъ, le chef*²⁾. Сынъ фурьера при конюшняхъ матери Людовика XVI, онъ и самъ былъ фурьеромъ при конюшняхъ графа д'Артуа³⁾. Революція, создавшая столько героевъ и мучениковъ, создала также и тирановъ: Геронъ принадлежалъ къ числу тирановъ подручныхъ. Въ немъ воплощался, въ самомъ звѣрскомъ и самомъ грубомъ видѣ, тотъ духъ, которымъ проникнуты были вожаки Комитета всеобщей безопасности. Геронъ былъ орудіемъ Вадье.

Вовсе не состоя—какъ гдѣ-то говорить Сенаръ—*бульдогомъ* Робеспьера, Геронъ никогда не имѣлъ ни малѣйшаго отношенія ни къ Робеспьеру, ни къ его друзьямъ. Когда, 20-го марта 1794 г., Бурдовъ (отъ д-та Уазы) выступилъ съ нападками на Герона, съ цѣлью возбудить отвращеніе къ Комитетамъ, защит-

¹⁾ *Mémoires de Senar*, p. 152.

²⁾ *Ibid.*, p. 112.

³⁾ См. *Biographie universelle*, статьи Héron.

никами его явились Вадье и Моисъ Бэль. Кутонъ высказался такъ: «Я совсѣмъ не знаю Герона, я никогда не видалъ его; но Комитетъ всеобщей безопасности, узнавъ о декретированномъ вами арестѣ, сообщилъ о томъ Комитету общественнаго спасенія и заявилъ намъ, что республика обязана Герону обнаруженіемъ и поимкою крупныхъ заговорщиковъ»¹⁾. Въ свою очередь, Робеспьеръ, заявивъ, что *лично* о Геронѣ онъ говорить не будетъ, сказалъ, что въ наведенныхъ у прокурора справкахъ нѣтъ ничего такого, что говорило бы противъ Герона²⁾. Слѣдовательно, если Геронъ избѣгъ на этотъ разъ декрета объ арестованіи, то это вслѣдствіе особаго ходатайства Комитета всеобщей безопасности и именно потому, что Робеспьеръ и Кутонъ были введены въ заблужденіе относительно этого чело-вѣка, котораго они не знали, такъ какъ онъ проявлялъ свой деспотизмъ въ подонкахъ полиціи³⁾.

¹⁾ См. *Histoire parlementaire*, t. XXXII, p. 41.

²⁾ *Ibid.*, p. 42 et 43.

³⁾ Въ *Biographie universelle*, въ статьѣ Нэгон, можно видѣть, какъ все это было искажено партійнымъ духомъ, при помощи умышленныхъ умолчаній.

Вообще, усвоенная врагами Робеспьера историческая система заключалась въ слѣдующемъ: отчаявшись въ возможности очернить его въ мѣру своей враждебности, они, приводя его собственные поступки, старались ввзвѣлить на него отвѣтственность за поступки чужіе и для этого облыжно представляли его подстрекателемъ негодяевъ, которыхъ онъ не вналъ или же презиралъ или противъ которыхъ даже боролся. Эта гнусная система, въ ловушку которой, надо сказать, попался довѣрчивый г. Мишле, есть та система, которую встрѣчаешь на каждой страницѣ книги Сенара, гдѣ, рядомъ съ правдивыми подробностями, заключается безконечное число лживыхъ со-общеній. Мы не поколебались опираться на показанія этого автора въ томъ, что касается вожаковъ Комитета всеобщей безопасности, такъ какъ нѣтъ причины не вѣрить ему, когда онъ, говоря о видѣнныхъ и слышанныхъ имъ вещахъ и о людяхъ, среди которыхъ онъ жилъ, не имѣетъ никакого инте-реса лгать. Но другое дѣло, когда онъ говоритъ о Робеспьерѣ или Сень-Жюстѣ. Крупный террористъ, угнетатель Тура, Сенаръ былъ заключенъ въ тюрьму послѣ 9 термидора; а свои якобы «разоблаченія, почерпнутыя изъ дѣлъ Комитетовъ общественнаго спасенія и всеобщей безопасности», Сенаръ написалъ въ самый разгаръ реакціи противъ Робеспьера, когда въ перспективѣ видѣлся эшафотъ и когда всѣ, чьей головѣ грозила опасность, не находили лучшаго средства къ спасенію, какъ вопіять противъ *тирана*.

При томъ, весьма замѣчательно то, что Сенаръ, столь щедрый на *факты*—и *факты точные*—относительно разныхъ Вадье, Вулановъ и т. п., не нахо-дитъ сказать ничего подобнаго относительно Робеспьера. По отношенію къ

Стоя ниже Комитета всеобщей безопасности и находясь подъ его наблюдениемъ, дѣйствовали еще революціонные комитеты.

Будучи учреждены Конвентомъ 21 марта 1793 г., по предложенію Жана Дебри, и облечены 17-го сентября того же года властью подвергать аресту «подозрительныхъ» они избирались, народомъ въ секціяхъ¹⁾. По закону, число этихъ комитетовъ во всей Франціи должно было простираться до сорока пяти тысячъ; число дѣйствовавшихъ изъ нихъ достигло уже довольно

нему онъ прикидывается проникнутымъ сильнѣйшею ненавистью; по тогдашней модѣ, онъ не упускаетъ случая назвать его *тираномъ*; онъ осыпаетъ его память неопредѣленною бранью всякаго рода; но этимъ все и ограничивается. Какое, напримѣръ, доказательство приводитъ онъ въ подтвержденіе того, будто Геронъ былъ «бульдогомъ» Робеспьера? Никакого. Эта брань, не подтвержденная ни единымъ фактомъ, является просто украшеніемъ декламаторской тирады. И Сенаръ самъ настолько хорошо понимаетъ, чего читатель въ правѣ отъ него потребовать и что поставить ему въ упрекъ, что въ одномъ мѣстѣ своей книги внезапно пишетъ: «Было совершенно бесполезно искать въ бумагахъ Робеспьера *доказательства* этой широкой системы *истребленія населенія*. Развѣ не принялъ онъ мѣръ предосторожности въ предшествовавшей его смерти промежуткъ времени?» (р. 117). Робеспьеръ принялъ настолько мало предосторожностей, что изъ найденныхъ послѣ его смерти бумагъ Куртуа могъ составить толстый томъ. А что касается предшествовавшаго его смерти промежутка времени, то, когда мы расскажем о его паденіи, будетъ видно, могъ ли онъ думать о «принятіи предосторожностей» или успѣть принять ихъ.

Такъ какъ книга Сенара служить арсеналомъ, изъ котораго систематическіе враги революціи много черпали, и способна ввести въ заблужденіе тѣхъ, кто не старается освѣщать исторію критикою, то я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ заключающихся въ ней огромныхъ несообразностей. Сенаръ утверждаетъ, будто слышалъ, какъ одинъ епископъ говорилъ о Людовикѣ XVI: *Эта свинья не можетъ больше служить намъ*, и изъ этого дѣлаетъ выводъ, что существовалъ окончательно принятый со стороны герцога Орлеанскаго замыселъ убить короля (chap. I, p. 7). О Сантѣрѣ онъ говоритъ, будто онъ раздавалъ одновременно суммы Питта и суммы герцога Орлеанскаго (*ibid.*, p. 11). Онъ толкуетъ о сочиненіяхъ Сантѣра, въ которыхъ тотъ будто бы называлъ народъ злодѣйскою сволочью (chap. VII, p. 33). Вандейское возстаніе онъ приписываетъ проискамъ Марата (chap. VIII, p. 58 et suiv.). Тѣмъ же перомъ, которымъ онъ пишетъ слова: *адюльтеръ Марсо* (chap. VII, p. 51), онъ строчитъ: «свирѣпый Сентъ-Жюсть велѣлъ арестовать г-жу Сентъ-Амарантъ, съ досады на то, что не могъ воспользоваться ею, какъ любовницей» (chap. XIII, p. 104). Не достаточно ли этихъ глупыхъ клеветъ?

¹⁾ Часть защитительной записки трехъ членовъ бывшихъ Комитетовъ, внесенной Бареромъ въ засѣданіи 5 жерминаля. *Bibliothèque historique de la Révolution*. 1097—8 (*British Museum*).

значительной цифры—21,500¹⁾... Правленію террора дано было 21,500 рукъ!

Но положеніе имѣло настолько роковой характеръ, что Бареръ могъ сказать: «Ни одинъ декретъ не былъ вотированъ съ большею искренностью и одобренъ съ бѣльшимъ единодушіемъ, чѣмъ тотъ декретъ, которымъ Конвентъ повелѣлъ 17-го сентября революціоннымъ комитетамъ арестовывать подозрительныхъ людей»²⁾.

Подобная власть являлась слишкомъ могучимъ рычагомъ, чтобы различныя, разъединявшія республику партіи не стали домогаться овладѣнія ею. Господствовавшіе надъ парижскою Коммуной гебертисты сдѣлали въ этомъ отношеніи отчаянную попытку. 1-го декабря, подъ тѣмъ предлогомъ, что Парижъ не можетъ *секціонизироваться* безъ неудобствъ и что необходимо обуздать крайности мѣстнаго произвола, Шометтъ, въ чрезвычайно горячей рѣчи, потребовалъ, чтобы революціоннымъ комитетамъ было предписано сноситься съ совѣтомъ ратуши по всѣмъ вопросамъ, касающимся полицейскихъ мѣръ и мѣропріятій безопасности³⁾. Это равнялось требованію, чтобы руководство наносимыми ударами перешло отъ Комитета всеобщей безопасности къ Коммунѣ и чтобы въ ея руки отдана была власть, которая фактически подчинила бы ей не только Конвентъ, но и Комитетъ общественнаго спасенія. Всѣ это поняли. Тщетно Шометтъ старался прикрыть свою цѣль превознесеніемъ Горы, увѣряя въ своемъ уваженіи къ ней и восклицая: «Сплотимся вокругъ Конвента!» Ловкое смиреніе этихъ почти-тельныхъ возгласовъ лишь вызвало со стороны правительства крутую мѣру, пресѣкшую всякія дальнѣйшія затѣи въ этомъ родѣ.

Послѣдовавъ рѣчи Шометта, совѣтъ Коммуны созвалъ на 4 декабря (14 фримэра) всѣхъ членовъ революціонныхъ комитетовъ. Въ этотъ же день Бильо-Вареннъ, появившись на трибунѣ Конвента, произнесъ иронически похвальное слово тѣмъ чувствамъ, которыя внушили Шометту его рѣчь и, въ заключеніе, высказался за отміну декрета, заявивъ, что послѣдній и опасенъ, и противорѣчитъ декрету 17-го сентября. Заключеніе его было принято. Затѣмъ, по предложенію Барера, Собра-

¹⁾ Исчисленіе Финансоваго Комитета. *Bibliothèque historique de la Révolution*, 1907—1908 (*British Museum*).

²⁾ *Ibid.*, p. 6.

³⁾ См. рѣчь Шометта въ *Histoire parlementaire*, t. XXX, p. 306.

ніе постановило строжайше запретить всякой установленной власти созывать революціонные комитеты и, по предложенію Шарлье, декретировало карать десятилѣтнимъ заключеніемъ въ оковахъ всякое преступленіе этого рода¹⁾. Тѣмъ временемъ, революціонные комитеты собрались въ ратушѣ. Только что принятый Конвентомъ декретъ былъ доставленъ туда и Шометтъ, попросивъ слова, тотчасъ же предложилъ созданнымъ членамъ разойтись во исполненіе закона²⁾. Дѣло было кончено, и революціонные комитеты продолжали сноситься съ Комитетомъ всеобщей безопасности.

Другимъ агентствомъ террора былъ Революціонный судъ.

Дѣлясь на четыре отдѣла, онъ состоялъ изъ шестнадцати судей, считая предсѣдателя и вице-предсѣдателя, и изъ шестидесяти присяжныхъ, которымъ присвоено было содержаніе въ размѣрѣ восемнадцати ливровъ въ день³⁾. Предсѣдателемъ суда былъ Германъ, а вице-предсѣдателемъ Дюма. Фукье-Тенвиль, какъ мы уже видѣли, исполнялъ страшную должность прокурора. Въ числѣ судей находились Кофингаль, Фуко, Добсенъ, Селье, Арни и Мэръ, а въ числѣ присяжныхъ были: авторъ книги *Causes secrètes de la Révolution au 9 thermidor* Вилатъ; одинъ изъ фанатическихъ послѣдователей Марата, Броше; содержатель кофейни Кретьенъ; типографщикъ Никола; золотыхъ дѣлъ мастеръ Жераръ; столяръ Треншаръ; живописцы Тоино-Лебрёнъ и Приёръ; скрипичный мастеръ Реноденъ; Леруа, по прозванію «10-ое августа» хирургъ Субербель; квартирній хозяинъ Робеспьера Дюплэ⁴⁾.

¹⁾ *Histoire parlementaire*, t. XXX, p. 507—509.

²⁾ См. его рѣчь, *ibid.*, p. 309

³⁾ См. *Histoire parlementaire*, t. XXIX, p. 48.

⁴⁾ Полный списокъ см. въ *Histoire parlementaire*, t. XXV, p. 306 et 307.— Необходимо предостеречь здѣсь читателя отъ жалкой рапсодіи, изданной въ 1816 г. Русселемъ, подъ псевдонимомъ Пруссиналя, и озаглавленной: *Histoire secrète du Tribunal révolutionnaire*. Въ этой якобы секретной исторіи нѣтъ ничего ни секретнаго, ни новаго. Это сборникъ всѣхъ лживыхъ розсказней, разсѣянныхъ тамъ и сямъ въ контръ-революціонныхъ пасквиляхъ. За авторомъ не числится заслуги ни единой оригинальной клеветы. Онъ до того мало позаботился о сокрытіи своихъ позаимствованій, что плагиатъ можно выслѣдить у него на каждой страницѣ. Напримѣръ, все то, что онъ говоритъ либо объ обѣдѣ нѣсколькихъ членовъ Комитета общественнаго спасенія у Венюа, либо объ осужденіи жирондистовъ, дословно списано имя у Вилата, котораго онъ не упоминаетъ. Изъ *Mémoires* Шарлоты Ребеспьеръ известно,

Скажемъ нѣсколько словъ о личномъ составѣ этого пресловутаго суда.

Германъ былъ сыномъ честнаго и свѣдущаго чловѣка, состоявшаго старшимъ письмоводителемъ провинціального собранія сословій графства Артуа. Землякъ Робеспьера, Германъ, вступивъ въ конгренацію Ораторіи, гдѣ онъ пробылъ недолго, купилъ еще въ молодости должность товарища генералъ-адвоката при высшемъ совѣтѣ Артуа. Въ должности этой онъ состоялъ до 1789 г., при чемъ проявилъ честность и даровитость¹⁾. Онъ имѣлъ всѣ внѣшніе признаки добросердечія и многіе изъ его поступковъ соотвѣтствовали его доброй внѣшности²⁾. Будучи впоследствии назначенъ комиссаромъ гражданскаго управленія, онъ ознаменовалъ свое вступленіе въ должность «поведеніемъ и перепиской, обличавшими въ немъ такую мягкую филантропію и такую строгую справедливость», что враги его, не имѣя возможности затемнить истину въ этомъ отношеніи, вынуждены были—когда оказались побѣдителями—обвинять его въ лицемеріи³⁾. Преступленія, въ которыхъ они въ пору бѣшенной реакціи винили его устами дантониста Тирье-Гранъ-Пре, заключались въ томъ, что онъ: 1) учредилъ должности надзирателей, съ цѣлью обезпечить себѣ точное исполненіе обязанностей его служащими⁴⁾; 2) сократилъ жалованье⁵⁾; 3) запретилъ входъ

какая нѣжная привязанность существовала между нею и ея братомъ. А между тѣмъ, авторъ, на основаніи слуховъ, не задумываясь, обвиняетъ Робеспьера въ томъ, будто онъ послалъ свою сестру къ Жозефу Лебону, чтобы тотъ гильотинировалъ ее! Вотъ изъ какихъ *источниковъ*—разумѣется, не указывая ихъ—черпали свои свѣдѣнія писатели, считающіе себя серьезными людьми!

¹⁾ *Biographie universelle*, статья Hermap.

²⁾ Въ процессѣ Фукье-Тенвиля, на который, какъ на поле битвы, устремились всѣ дантонисты, чтобы отмстить за смерть своего вождя, Тирье-Гранъ-Пре, завязанный дантонистъ и заляпанный врагъ Германа, председательствовавшаго при осужденіи Дантона и Камилла Демулена, не смогъ—иссмотря на всю свою ненависть—умолчать о томъ довѣріи, которое внушали ему вначалѣ «видимое добросердечіе и *чуждые поступки* Германа». См. процессъ Фукье-Тенвиля въ *Histoire parlementaire*, t. XXXIV, p. 434.

³⁾ Такъ сдѣлалъ въ своемъ показаніи Тирье-Гранъ-Пре. См. *Procès de Fouquier-Tinville* въ *Hist. parlement.*, t. XXXV, p. 47. А г. Мишле пошелъ за нимъ слѣдомъ, безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія!

⁴⁾ Показаніе Тирье-Гранъ-Пре, *ubi supra*, p. 47 et 48.

⁵⁾ Тирье-Гранъ-Пре показалъ: «Нѣсколько начальниковъ, къ которымъ принадлежалъ и я, получали по 5,000 ливровъ. Германъ уменьшилъ наше жалованіе до 4,000». *Ibid.*, p. 48. Какое преступленіе!

въ бюро женщиныамъ, которыя, какъ видно было по ихъ костюмамъ и манерамъ, не принадлежали къ почтенному классу простонародья¹⁾; другими словами, удалилъ *хорошенькихъ просительницъ!* Что касается его доли отвѣтственности въ дѣйствіяхъ, связанныхъ съ дѣломъ «заговора въ тюрьмахъ», то мы увидимъ, когда дойдемъ до этого дѣла, чѣмъ ограничивается эта отвѣтственность. Въ настоящую же минуту необходимо сказать, что во всякомъ случаѣ неправда, будто Германъ былъ, какъ столько разъ утверждали, «человѣкомъ Робеспьера»²⁾.

Что послѣдній считалъ Германа человѣкомъ честнымъ и просвѣщеннымъ—это несомѣнно³⁾; что онъ рекомендовалъ его Конвенту на должность предсѣдателя Революціоннаго суда—это возможно и даже вѣроятно, хотя и не доказано. Но при этомъ Робеспьеръ былъ настолько далекъ отъ желанія заручиться своимъ, что Германъ вовсе даже не зналъ, кому онъ обязанъ былъ своимъ назначеніемъ. Вотъ что написано объ этомъ имъ самимъ въ такое время и въ такой средѣ, гдѣ было бы очень легко уличить его, если бы онъ написалъ неправду: «Не знаю, кто намѣтилъ меня на мѣсто въ Революціонномъ судѣ. Клянусь въ этомъ со всею искренностью души и не желалъ бы спасти свою жизнь цѣною лжи». И еще онъ писалъ: «Утверждаю, что въ теченіе восьми мѣсяцевъ, которые я состоялъ въ Революціонномъ судѣ, я всего два раза былъ у Робеспьера, хотя онъ былъ изъ того же города, какъ и я, и хотя я иногда встрѣчалъ его въ Аррасѣ, никогда не имѣя связей съ нимъ». И далѣе: «За четыре мѣсяца моего пребыванія въ должности комиссара гражданскаго управленія, я, хотя и жилъ по сосѣдству съ занимаемымъ Робеспьеромъ домомъ, былъ у него только три раза, да и то случайно, потому что меня свели къ нему, и, клянусь, между нами никогда не было произнесено ни одного конфиденціального слова»⁴⁾. Нужно замѣтить, что въ процессѣ, въ который побѣдоносная контръ-революція впутала Германа, враги его

1) *Hist. parl.*, t XXXV, p. 49.

2) Такимъ изображаетъ его г. Мишле на всемъ протяженіи своей книги, не приводя ни единого доказательства въ подтвержденіе мнимой близости Германа къ Робеспьеру.

3) Это видно изъ собственноручной замѣтки Робеспьера, найденной въ его бумагахъ (см. документы, приложенные къ докладу Куртуа).

4) *Mémoire justificatif pour le citoyen Herman* въ *Bibl. hist. de la Révolution*. 947. 8 (*British Museum*).

не могли выставить ни одного факта противъ его только что приведенныхъ заявленій ¹⁾.

Вице-предсѣдателя Дюма, одного изъ людей, сметенныхъ съ земли термидорскою бурей, постигла участь, ожидающая всѣхъ побѣжденныхъ, исторія которыхъ пишется лишь побѣдителями: онъ подвергся множеству нападокъ, не имѣлъ возможности ни найти въ комъ нибудь защиту, ни защищаться самому. Но достоверно то, что въ такую минуту, когда могли блѣднѣть самые твердые люди, онъ проявилъ мужество, которое если и не говорить противъ приписываемой ему буйности нрава, то, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуешь объ искренности его убѣжденій и о силѣ его личныхъ привязанностей.

Тутъ же справедливость надо отдать и Кофингалю, человѣку пылкому и полному почина, имѣвшему безстрашную душу въ тѣлѣ Геркулеса. Бывшій прокуроръ въ судѣ Шатле, Кофингаль походилъ не столько на судью, сколько на солдата. Онъ былъ высокъ ростомъ, цвѣтъ лица имѣлъ желтый и черные глаза его смотрѣли изъ-подъ густыхъ бровей ²⁾. Его мѣсто было бы на поляхъ битвъ, если бы въ ту пору поля битвъ не находились повсюду.

Чтобы узнать Фукье-Танвиля, достаточно было увидѣть его. Круглая голова, густые черные волосы, блѣдный лобъ, маленькіе кошачьи глаза, полное рябое лицо, средній ростъ, довольно толстыя ноги, то пристальный, то уклончивый взглядъ—такова была внѣшность этого человѣка ³⁾. Онъ имѣлъ привычку хмурить брови, когда начиналъ говорить. Голосъ его изъ рѣзкаго внезапно переходилъ въ степенный и для подсудимыхъ звучалъ

¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, прочтите весь процессъ, и вы не найдете ничего такого, что исторически оправдывало бы слѣдующія слова обвинительнаго акта вслѣдъ за фразой, въ которой упомянуто имя Робеспьера: «Германъ получилъ мѣсто комиссара гражданскаго управленія для того, чтобы на этомъ новомъ посту онъ имѣлъ болѣе возможности служить *ихъ* мстительности и *ихъ* страстямъ». Ламурѣ и Мишо-младшій приводятъ эти слова въ биографіи Германа, какъ рѣшающее доказательство. Да еще и приводятъ-то они его невѣрно, потому что вмѣсто словъ: «*ихъ* мстительности и *ихъ* страстямъ» замѣняютъ словами: «его мстительности и его страстямъ» (См. *Biographie universelle*, приложение, и сличите статью *Herman* съ обвинительнымъ актомъ, составленнымъ Антуаномъ Жюдиси, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ напечатанъ въ *Histoire parlementaire*, t. XXXV, p. 31.

²⁾ *Biographie universelle*, статья Coffinhal.

³⁾ См. Mercier, *Nouveau Paris*, t. IV, chap. CLVII.

какъ удары топора по плахѣ. Фукье-Тенвиль былъ сыномъ земледѣльца изъ деревни Эруелль, расположенной близъ Сень-Кентэна. Прокуроръ въ судѣ Шатлэ, какъ и Кофингаль, онъ въ 1781 г. написалъ стихи, въ которыхъ восхвалялъ Людовика XVI¹⁾. Сдѣлавшись сперва присяжнымъ при Революціонномъ судѣ, а потомъ прокуроромъ, онъ сталъ въ Парижѣ представителемъ того духа истребленія, который олицетворился затѣмъ въ Колло-д'Эрбуа и Фуше въ Ліонѣ и въ Карье—въ Нантѣ. Онъ почти всегда подавалъ голосъ за *смертную казнь*. У него бывали припадки такого кровожаднаго нетерпѣнія, что онъ заравѣе заготовлялъ приговоры, гильотину и повозки²⁾. Когда одинъ изъ арестованныхъ подалъ прошеніе о своемъ освобожденіи, Фукье-Тенвиль возбудилъ о немъ дѣло, ссылаясь на необходимость удовлетворить его, такъ какъ онъ-де столь торопится³⁾. Отъ его яростной поспѣшности случалось иногда то, что происходила замѣна однихъ подсудимыхъ другими⁴⁾. Порою онъ оставлялъ нераспечатанными пакеты, поступавшіе къ нему отъ арестованныхъ и заключавшіе въ себѣ документы оправдательнаго характера: такіе пакеты найдены были у него послѣ его арестованія⁵⁾. Однажды, когда одинъ изъ приставовъ, получившій приказаніе доставить изъ Люксамбургскаго дворца нѣкую гражданку Биронъ, явился къ нему съ докладомъ, что розыскалъ двухъ женщинъ съ этою фамиліею, онъ закричалъ: «Ну, такъ доставь ихъ обѣихъ; обѣихъ и засудимъ!»⁶⁾. Онъ часто жаловался на недостаточно скорую работу приставовъ и говорилъ имъ: «Вы мѣшкаете», а говоря о подсудимыхъ, прибавлялъ: «Мнѣ требуется ихъ отъ двухъ до трехъ сотъ въ декаду»⁷⁾. При нѣкоторыхъ оправдательныхъ приговорахъ онъ

1) *Biographie universelle*, статья Fouquier-Tinville.

2) См. въ *Histoire parlementaire*, t. XXXIV et XXXV, процессъ Фукье-Тенвиля. Здѣсь противъ него, разумѣется, приводятся только такіе факты, относительно которыхъ онъ не далъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ.

3) Подлинныя документы въ дѣлѣ Фукье-Тенвиля. *Bibliothèque hist. de la Révolution*. 947.—8 (*British Museum*).

4) *Ibidem*.

5) *Ibid.*

6) *Histoire parlementaire*, t. XXXIV, p. 450.—Показаніе Вольфа, бывшаго письмоводителемъ Революціоннаго суда со времени его учрежденія.

7) *Ibid.*, t. XXXV, p. 12 et 14—15.—Показаніе приставовъ Революціоннаго суда Вуше и Тавернье.

прямо рычалъ ¹⁾). Этимъ объясняется слѣдующее восклицаніе, сдѣланное впослѣдствіи Фрерономъ, который и самъ пролилъ столько крови: «Я требую, чтобы Фукье-Тенвиль былъ посланъ въ адъ для вытрезвленія отъ всей той крови, которою онъ упивался» ²⁾). Будучи, въ свою очередь, намѣченъ въ жертву для гильотины, поставщикомъ которой онъ до тѣхъ поръ былъ, Фукье-Тенвиль дожидался своей участи: пока прокуроръ производилъ свое рѣзюме, онъ дѣлалъ видъ, будто спитъ или и въ самомъ дѣлѣ заснулъ ³⁾).

Но человѣческая природа настолько сложна, что даже и этотъ безпощадный служитель террора бывалъ иногда доступенъ чувству жалости. Случалось, что онъ—тотъ самый человѣкъ, который доводилъ свое варварство до того, что приказывалъ доставлять къ себѣ больныхъ арестантовъ, на носилкахъ,—съ большою гуманностью принималъ изстрадавшихся отцовъ семействъ, которые являлись съ просьбою выдать имъ ихъ заточенныхъ по тюрьмамъ дѣтей ⁴⁾). Случалось, что онъ облегчалъ участь несчастныхъ заключенныхъ ⁵⁾). Однажды у него сорвалось съ языка заявленіе, что онъ охотнѣе сталъ бы пахать землю, чѣмъ быть прокуроромъ ⁶⁾). Состоя старшиною присяжныхъ на судѣ 17-го августа, онъ велъ себя «прямодушно, добросовѣстно и гуманно» ⁷⁾). Въ апрѣлѣ 1793 г., когда состоялся декретъ Конвента о привлеченіи къ суду генераловъ Арвилля, Буше и Фруасака, Фукье-Тенвиль, по внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, нашелъ, что преслѣдовать ихъ нѣтъ основанія, рѣшилъ, вопреки декрету, воздержаться отъ обвиненія и имѣлъ мужество заявить о томъ публично въ письмѣ ⁸⁾). Увѣряли, будто онъ имѣлъ обыкновеніе входить въ комнагу присяжныхъ, съ цѣлью вліять на

¹⁾ Подлинныя документы и т. д... въ *Bibl. hist. de la Révolution*. 947—8 (*British Museum*).

²⁾ *Biographie universelle*, статья Fouquier-Tinville.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ См. въ *Histoire parlementaire*, t. XXXIV, p. 444—446, замѣчательно безпристрастное показаніе секретаря канцеляріи прокурора Дюшато.

⁵⁾ Показаніе жены буфетчика суда Моризана.—*Histoire parlementaire*, t. XXXV, p. 19.

⁶⁾ Показаніе дочери Моризана.—*Ibid.*, p. 20.

⁷⁾ Показаніе Реалы.—*Ibid.*, t. XXXIV, p. 397.

⁸⁾ *Ibid.*, p. 398.—Реаль, давшій показаніе объ этомъ въ процессѣ Фукье, былъ защитникомъ привлеченныхъ къ суду генераловъ.

нихъ; но это ложь ненависти¹⁾. Точно также неправда, будто онъ имѣлъ обликновеніе послѣ засѣданій предаваться оргіямъ съ членами суда²⁾. Его винили во взяточничествѣ: опять клевета! Наканунѣ казни онъ могъ написать: «До революціи у меня было на пятьдесятъ тысячъ лавровъ родового имущества; теперь же все мое родовое имущество состоитъ изъ жены и пятерыхъ дѣтей»³⁾.

Фукье-Тенвиль никогда не имѣлъ сношеній ни съ какими властями, кромѣ Комитетовъ общественнаго спасенія и всеобщей безопасности, да и то только въ мѣстѣ ихъ засѣданій. Онъ отправлялся туда ежедневно между 10 и 11 часами вечера, представлялъ списокъ постановленныхъ за день приговоровъ, докладывалъ о дѣйствіяхъ суда присутствовавшимъ членамъ и получалъ отъ нихъ инструкціи⁴⁾. Въ частныхъ сношеніяхъ ни съ Робеспьеромъ, котораго онъ не любилъ, ни съ Сень-Жюстомъ онъ не состоялъ. Что касается Кутона, то онъ едва ли зналъ его лично, такъ какъ Кутонъ никогда не являлся по вечерамъ въ Комитетъ⁵⁾. Любопытенъ слѣдующій фактъ, показывающій, до какой степени Фукье-Тенвиль былъ чуждъ той партіи, представителями которой являлись Робеспьеръ, Кутонъ и Сень-Жюсть; когда Робеспьеръ учредилъ «Бюро общей полиціи», Фукье-Тенвиль узналъ о томъ тѣмъ же путемъ, какъ и публика. «Я и сейчасъ еще не знаю—писалъ онъ во время своего процесса—въ какомъ мѣстѣ Комитета помѣщается это бюро⁶⁾».

Наиболѣе свирѣпыми—послѣ прокурора—членами Революціоннаго суда были Треншаръ, Леруа, по прозванію «10-е августа», Броше, Кретьенъ, Реноденъ, Жераръ, Приёръ и Вилать. Это были *суровые* присяжные, употреблявшіеся для постановленія тѣхъ коллективныхъ приговоровъ, которые Фукье-Тенвиль, на своемъ ужасномъ языкѣ, называлъ *пальбой рьядами*⁷⁾.

¹⁾ См. показанія судебного пристава Леклера и дочери Моризана.—*Hist. parlementaire*, t. XXXIV, p. 419 et. t. XXXV, p. 20.

²⁾ См. показаніе дочери буфетчика при судѣ *Ibid.*, t. XXXV, p. 20.

³⁾ Отвѣтъ Антуана-Каитена Фукье на разные выставленные противъ него обвинительные пункты.—*Bibliothèque historique de la Révolution*, 947—8 (*British Museum*).

⁴⁾ *Ibid.*, p. 28 et 29.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 29.

⁶⁾ *Ibid.*

⁷⁾ См. въ процессѣ Фукье-Тенвиля (*Hist. parlem.*, t. XXXV, p. 74) показаніе Сезилля, а на стр. 13 показаніе судебного пристава Таверньс.

Леруа былъ маркизь — маркизь Монфлаберъ ¹⁾. Онъ былъ туговатъ на ухо, но непремѣнно хотѣлъ засѣдать въ судѣ!

Броше былъ авторомъ молитвы: «О, святое сердце Исуса! О, святое сердце Марата!» ²⁾.

Реноденъ считалъ себя слѣпымъ орудіемъ закона. Когда восторжествовавшая контръ-революція привела его въ тюрьму Консьержерри, онъ говорилъ: «Я былъ лишь топоромъ, которымъ пользовались; топоръ нельзя судить» ³⁾.

Кретьенъ содержалъ кофейню, гдѣ собирались наиболѣе ярые изъ якобинцевъ. Превосходный патриотъ, человекъ мужественный и чистосердечный ⁴⁾, но до безумія экзальтированный, онъ деспотически правилъ секціею Лепельтье ⁵⁾.

Приѣръ во время судебного разбирательства занимался рисованіемъ карикатурныхъ портретовъ съ подсудимыхъ, фізіономіи которыхъ обращали на себя его вниманіе. Поглядывая на нихъ, онъ говаривалъ: «Вотъ этотъ — бордоская анисовка, а вонъ тотъ — ликеръ завода Амфу» ⁶⁾.

Вилатъ былъ священникъ ⁷⁾.

У террора не было другого дѣятеля, который могъ бы идти въ сравненіе съ этимъ человекомъ, авторомъ книги, гдѣ онъ во имя гуманности предастъ революцію анаемѣ. Онъ принялъ имя Семпронія Гракха. Робеспьеръ впервые увидѣлъ его въ обществѣ Барера. «Кто этотъ молодой человекъ?» спросилъ онъ, и когда Бареръ отвѣтилъ: «Онъ изъ нашихъ; это Семпроній Гракхъ», то Робеспьеръ живо возразилъ: «Семпроній Гракхъ, одинъ изъ нашихъ! Значитъ, вы не читали Цицеронова «*De Officiis*?» Аристократъ Цицеронъ, желая возбудить ненависть къ проектамъ обоихъ Гракховъ, превозноситъ добродѣтели ихъ отца, а сыновей называетъ бунтарями» ⁸⁾.

Въ этомъ случаѣ сказалась проницательность Робеспьера:

¹⁾ Показаніе Сезилля, *ubi supra*.

²⁾ Мы уже упоминали о немъ.

³⁾ Показаніе Карантана въ дѣлѣ Фулье. *Histoire parlementaire*, t. XXXV, p. 102.

⁴⁾ Показаніе бывшаго арльскаго мэра Антонелли. *Ibid.*, p. 106.

⁵⁾ Показаніе 56-го свидѣтеля. *Ibid.*, t. XXXIV, p. 465.

⁶⁾ Показанія письмоводителя суда Вольфа и судебного пристава Тавернье. *Ibid.*, t. XXXIV, p. 458 et t. XXXV, p. 13.

⁷⁾ См. процессъ Фулье. *Ibid.*, t. XXXIV, p. 378.

⁸⁾ Это разсказъ самого Вилата въ *Causes secrètes de la Révolution du 9 au 10 thermidor*, p. 178.—Собраніе *Mémoires sur la Révolution*.

Вилать былъ вдвойнѣ отступникомъ, и небезынтересно отмѣтить здѣсь, каковы права на довѣріе у тѣхъ людей, которые считаютъ его неопровержимымъ историческимъ авторитетомъ. Его ожесточеніе противъ подсудимыхъ было таково, что когда ему казалось, что судебныя пренія слишкомъ затягиваются, онъ выражалъ свое нетерпѣніе непристойными позами или жестокими заявленіями. Пока его сотоварищи занимались разбирательствомъ дѣла, онъ расхаживалъ по свидѣтельской комнатѣ, увѣряя, что онъ всегда убѣжденъ въ виновности. Однажды онъ имѣлъ безстыдство сказать предсѣдательствовавшему Дюма: «Пора обѣдать; подсудимые вдвойнѣ уличены, потому что въ настоящую минуту они ведутъ заговоръ противъ моего брюха»¹⁾. Броше, Леруа, Треншаръ, Кретъень и Пріеръ были безпощадными, но искренними террористами и то, какъ они держали себя, очутившись въ двухъ шагахъ отъ смерти, доказало энергію ихъ убѣжденій; Вилать же былъ бездушнымъ скептикомъ. Когда пришла послѣдняя минута, онъ не сказалъ, какъ Пріеръ: «Я судилъ по моему убѣженію и никому не обязанъ давать въ томъ отчетъ»; или какъ Треншаръ: «Если *твердыми* называютъ тѣхъ, кто служитъ родинѣ, то я твердъ»; или какъ Леруа: «Я судилъ по душѣ и совѣсти; голова моя готова»; или какъ Кретъень: «Мы готовы»²⁾. Нѣтъ, Вилать разыгралъ передъ эшафотомъ сцену угрызеній совѣсти, чтобы спасти свою голову³⁾, которой, однако, не спасъ этою гнусной комедіей.

Если въ числѣ членовъ Революціоннаго суда были люди непреклонные, то были и такіе, у которыхъ преклоненіе предъ гуманностью всегда сочеталось съ чувствомъ справедливости.

Имѣется множество свидѣтельствъ о добросердечіи Нолен, Селье, Мэра и Арни⁴⁾.

Ноленъ съ величайшею твердостью давалъ отпоръ тѣмъ изъ своихъ сотоварищей, которые своими слишкомъ крутыми взглядами могли повредить защитѣ подсудимыхъ⁵⁾.

¹⁾ См. показаніе Аннъ Дюкре и писмоводителя Массона. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 484, et t. XXXV, p. 89.

²⁾ См. процессъ Фуке. *Hist. parlem.*, t. XXXV, p. 75 et 76.

³⁾ Книгу свою онъ написалъ въ тюрьмѣ.

⁴⁾ См. въ процессѣ Фуке (*Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 354, 398, 411, 458 et t. XXXV, p. 5, 6, 13) показанія Пепена, Реалья, д'Обиньи, Вольфа, Тавернье и Буше.

⁵⁾ Показаніе Реалья. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 399.—Показаніе Буше. *Ibid.*, t. XXXV, p. 13.

присяжнаго Революціоннаго суда. Онъ исполнялъ ихъ рѣдко и не присутствовалъ ни на судѣ надъ Маріей-Антуанетой, ни на процессѣ принцессы Елизаветы. Однажды, когда онъ засѣдалъ въ качествѣ присяжнаго, его жилецъ спросилъ его, что онъ дѣлалъ въ судѣ. «Максимиліанъ -- отвѣтилъ Дюплэ -- я никогда не старался узнать, что вы дѣлаете въ Комитетѣ общественнаго спасенія». Робеспьеръ, не возразивъ ничего, съ любовью пожалъ ему руку¹⁾. Изъ всѣхъ присяжныхъ, фигурировавшихъ въ возбужденномъ противъ Фукье-Тенвиля дѣлѣ, только одинъ оказался оправданнымъ какъ по существу, такъ и въ виду руководившихъ имъ побужденій: то былъ квартирный хозяинъ, другъ и страстный поклонникъ Робеспьера -- Дюилэ²⁾.

Эту картину Революціоннаго суда мы дополнимъ слѣдующею цитатой, являющеюся отвѣтомъ на клеветы:

«Пріѣръ вина не пилъ; Вилать пилъ только молоко; Треншаръ пилъ кофе или шоколадъ; прочіе присяжные выпивали по утрамъ всего по графинчику, а вечеромъ по бутылкѣ вина. Гарсонъ, подавъ въ комнату присяжныхъ порцію бульона, тотчасъ же уходилъ оттуда. Я не знаю, чтобы въ эту комнату входили, во время преній, посторонніе. Чтобы никто не слышалъ преній, Ганне вынималъ ключъ изъ двери, выходившей на лѣстницу»³⁾.

Вотъ къ чему сводится исторія объ оргіяхъ, будто бы происходившихъ въ буфетѣ суда, и о постороннихъ вліяніяхъ, будто бы тяготѣвшихъ надъ его членами!

Весьма достойно замѣчанія то, что дѣятели революціи были единственными людьми, которые поняли, что жертвамъ неправильныхъ преслѣдованій должно выдавать вознагражденіе. За подсудимыми, выходившими изъ суда оправданными, было особымъ декретомъ обезпечено вознагражденіе, пропорціональное продолжительности ихъ содержанія подъ стражею⁴⁾.

Справедливость требуетъ также отмѣтить, что Революціонный судъ часто бывалъ театромъ такихъ сценъ, въ которыхъ торжественно воздаваемо были ночести справедливости и истинѣ.

1) *Dictionnaire de la Conversation*, статья Duplay.

2) См. судебный приговоръ въ *Hist. parlém.*, t. XXXV, p. 147.

3) Показаніе жены буфетчика при Революціонномъ судѣ Моризана. *Hist. parlém.*, t. XXXV, p. 19 et 20.

4) Показаніе Вольфа въ процессѣ Фукье-Тэнвилля, *Ibidem*, t. XXXIV, p. 452.

Однажды нѣкій старикъ Делоръ и его жена предстали предъ мрачнымъ ареопагомъ въ качествѣ обвиняемыхъ въ произнесеніи рѣчей, клонившихся къ восстановленію королевской власти и опороченію установленныхъ властей. Фактъ не былъ доказанъ и судъ оправдалъ подсудимыхъ. Но вотъ, въ свою очередь, и свидѣтели подвергли обвиненію въ ложныхъ показаніяхъ. Всѣ присутствовавшіе дрогнули отъ ужаса. Судъ постановилъ тотчасъ же арестовать свидѣтелей для немедленнаго привлеченія ихъ къ отвѣтственности. Жена Делора, движимая великодушнымъ состраданіемъ, начала умолять о помилованіи ея клеветниковъ. Присутствовавшіе были растроганы, многіе стали плакать; но народъ потребовалъ правосудія и встрѣтилъ рукоплесканіями приговоръ суда, крича: *Да здравствуетъ республика!*¹⁾

Главными лицами, осужденными Революціоннымъ судомъ съ 24-го брумэра (14-го ноября) по 11-е нивоза (31-е декабря) были: Манюель, генералы Брюне и Ушаръ, Жире-Дюпре, генералъ Ламарльеръ, Барнавъ, Дюпоръ-Дютертръ, Керсень, Рабо-Сентъ-Этьенъ и г-жа Дюбарри и Биронъ.

Осужденіе Манюеля было мотивировано тѣмъ, что онъ способствовалъ побѣгу князя Пуа, противодѣйствовалъ заточенію королевской семьи въ Тамплъ, во всеуслышаніе выражалъ соболъзнованіе по поводу вынесеннаго Людовику XVI приговора и — странною дѣло! — тѣмъ, что онъ былъ прикосновененъ къ сентябрьскимъ убійствамъ²⁾. Умеръ онъ безъ мужества³⁾.

Совсѣмъ иначе держалъ себя передъ эшафотомъ генералъ Брюне. Но мужество его могло быть поддержано вовсе не признаніемъ невинности, потому что приведенные на судъ документы и собственныя его письма уличили его въ томъ, что, не удовольствовавшись отказомъ послать пять баталіоновъ противъ тулонскихъ и марсельскихъ мятежниковъ, онъ поддерживалъ съ ними непрерывную переписку⁴⁾.

Противъ Ушара могла быть видимость, но доказательствъ не было. Умомъ онъ былъ робокъ, но душу имѣлъ безстрашную, и нерѣшительность его подъ Гондшооте отнюдь не доказываетъ, что онъ сталъ тамъ побѣдителемъ вопреки собственной волѣ;

¹⁾ Засѣданіе 25 брумэра II года (см. *Moniteur* 1793 г., годъ II, № 55).

²⁾ *Ibid.*, № 56

³⁾ *Bulletin du Tribunal révolutionnaire*, приведенный въ *Hist. parlem.*, т. XXXI, p. 136.

⁴⁾ *Moniteur*, 1793, an II, № 56.

да и военные авторитеты расходятся во мнѣніяхъ относительно того, имѣлъ ли онъ возможность, послѣ побѣды, отбросить англичанъ въ море¹⁾. Во всякомъ случаѣ, ошибка не составляетъ преступленія; а что касается трехъ милліоновъ, будто бы обѣщанныхъ герцогомъ Йоркскимъ Ушару, если послѣдній дастъ ему взять Дюнкирхенъ, то для того, чтобы установить историческій фактъ такой важности, нужно было бы нѣчто большее, чѣмъ застольный разговоръ передъ Левассеромъ²⁾. Защита несчастнаго генерала отличалась трогательною простотою и силой: «Я—говорилъ онъ—всегда былъ приверженъ успѣхамъ французской революціи. Изъ простаго поручика я сталъ главнокомандующимъ: какой же интересъ было мнѣ измѣнить націи и передаться неприятелю? Онъ изрубилъ бы меня въ куски за то зло, которое я ему причинилъ. Я, можетъ быть, дѣлалъ ошибки; какой полководецъ не дѣлаетъ ихъ? Но я отнюдь не измѣнникъ. Присяжные будутъ судить меня по ихъ совѣсти: моя совѣсть чиста и спокойна»³⁾. Къ несчастію для подсудимаго, въ ту пору господствовала мысль, что въ тотъ день, когда топоръ перестанетъ служить противовѣсомъ шпагѣ, революція погибнетъ; и это опасеніе, такъ легко ведшее къ подозрительности, придавало послѣдней безпощадность. Ушаръ доставленъ былъ въ Консьержери 9-го ноября; 15-го онъ предсталъ предъ судомъ, а 16-го былъ мертвъ.

Здѣсь напрашивается сопоставленіе. Въ засѣданіи 7-го августа, т. е. немного болѣе трехъ мѣсяцевъ предъ тѣмъ, генераль Оберъ-Дюбайе былъ вызванъ въ Конвентъ для того, чтобы рассказать объ осадѣ Майнца. О немъ доложили, онъ вышелъ, и его появленіе послужило сигналомъ для проявленій самаго горячаго восторга. Нѣсколько депутатовъ бросились къ нему и стали обнимать его. Моръ предложилъ, чтобы предсѣдатель братски поцѣловалъ его отъ имени республики, что предсѣдательствовавшій Дантонъ и поспѣшилъ сдѣлать среди всеобщаго умиленія⁴⁾.

Итакъ, сильная подозрительность революціи по отношенію къ людямъ военнымъ не препятствовала ей подносить прекрас-

¹⁾ Мы приводили мнѣніе Жюмини на этотъ счетъ. См. въ т. IX настоящей исторіи главу: «Коалиція отброшена».

²⁾ См. выдержки изъ *Mémoires de Lavoisier*, приведенныя нами въ только что упомянутой главѣ IX тома.

³⁾ *Bulletin du Tribunal révolutionnaire*, deuxième partie, № 93.

⁴⁾ *Moniteur*, 1793, № 221.

нѣйшіе изъ ея цивическихъ вѣнковъ тѣмъ изъ нихъ, вѣрность которыхъ была безупречна; и если, при преслѣдованіи измѣны, революціи случалось впадать въ заблужденіе, то, съ другой стороны, сколько разъ рука ея опускалась на головы виновныхъ? Одинъ роялистскій писатель увѣряетъ, будто генераль Ламарльеръ, осужденный вскорѣ вслѣдъ за Ушаромъ, былъ привлеченъ къ Революціонному суду по смѣшному предмету обвиненія, именно на основаніи письма нѣкоего *эмигранта къ какой-то неизвѣстной*¹⁾. Это совершенно невѣрно; напротивъ, обвиненія были подавляющіе. Ламарльеръ обвинялся въ томъ, что онъ хотѣлъ сдать Лилль непріятелю и подготовилъ успѣхъ этой ужасной измѣны принятіемъ слѣдующихъ мѣръ: онъ приказалъ отворять ворота во всѣ часы ночи, оставляя безъ вниманія представленія коменданта крѣпости, котораго Кюстинъ неправильно поставилъ въ подчиненное къ нему отношеніе; несмотря на слабость гарнизона и скудость провіанта, онъ сосредоточилъ въ цитадели большое число плѣнныхъ; онъ допускалъ вводить непріятельскихъ парламентаровъ безъ повязокъ на глазахъ; онъ поселилъ въ цитадели, съ правомъ ходить всюду, непріятельскихъ адъютанта и скрипача, которыхъ подозрѣвали въ шпіонствѣ; онъ уклонялся отъ передачи коменданту крѣпости ряда паролей; наконецъ, онъ собирался вывести изъ города значительную часть артиллеріи въ то самое время, когда готовился укрѣпить три предмѣстья Лилля и, такимъ образомъ, распределить на трехъ пунктахъ гарнизонъ, который былъ бы навѣрное уничтоженъ, въ виду его крайне малой численности. Все это были ужъ никакъ не легкія обвиненія, а что мѣры эти дѣйствительно были Ламарльеромъ приняты, это было установлено его перепиской, письменными показаніями генераловъ Фавара и Дюфрена, показаніемъ генераль-адъютанта Мерленъ-Лежѣна и, наконецъ, словесными показаніями народныхъ представителей Дюшена и Лесажа-Сено, которые оба были командированы къ Ламарльеру²⁾.

Что касается Жире-Дюпре, Барнава, Керсена и Рабо-Сентъ-Этьена, приговоренныхъ, одинъ за другимъ Революціоннымъ судомъ въ послѣдніе дни ноября и въ началѣ декабря, то это были люди благородные и участь ихъ заслуживаетъ жалости;

¹⁾ Michaud jeune, *Biographie universelle*, статья Lamarlière.

²⁾ См. *Histoire parlementaire*, t. XXXI, p. 139 et 140.

но можно ли упрекать революцію въ жестокости и несправедливости, когда сопоставишь причины ихъ осужденія съ тѣми обстоятельствами, при которыхъ оно состоялось?

Изъ всѣхъ жирондистовъ никто не призывалъ къ междоусобной войнѣ такъ пламенно, какъ Жире-Дюпре, никто не призывалъ къ атакѣ на Гору съ большею яростью, чѣмъ онъ¹⁾. Не кто иной, какъ онъ, въ нижеслѣдующихъ стихахъ торопилъ провинцію двинуться на Парижъ, превращая Дантона въ сообщника принца Кобургскаго, грома никогда не существовавшей триумвиратъ и бросая зажженный факелъ въ Бретань:

Quoi! sur cette place fameuse
 Qui fume encore du sang breton,
 On verrait la troupe hideuse
 Et de Cobourg et de Danton!
 Brisons les sceptres sanguinaires
 D'un triumvirat criminel.
 Au rendez-vous du Carrousel
 Nous allons embrasser nos frères!²⁾

Извѣстно, какой результатъ имѣли эти гибельныя подстрекательства. Будучи арестованъ въ Бордо, куда онъ отправился разжигать департаментское возстаніе, Жире-Дюпре былъ препровожденъ въ Парижъ и 1-го фримэра (21-го ноября) предсталъ предъ Револуціоннымъ судомъ. Такъ какъ защита его заключалась въ отрицаніи всякаго участія въ жирондистскомъ возстаніи, то позволительно усомниться въ подлинности слѣдующаго отвѣта, приписываемаго ему, относительно Бриссо Риуфомъ, который сидѣлъ тогда въ тюрьмѣ: «Бриссо жилъ, какъ Сократъ, и умеръ, какъ Сидней»³⁾. Какъ бы то ни было, Жире-Дюпре про-

¹⁾ См. въ предшествующемъ томѣ настоящаго сочиненія главу: «Комитетъ двѣнадцати».

²⁾ *Hymne des Bretons*, par Girey-Dupré. См. книгу Луи дю-Буа о Шарлотѣ Кордэ, *Pièces justificatives*, № V (*Гимнъ бретонцевъ*, соч. Жире-Дюпре.— «Какъ! на этомъ славномъ мѣстѣ, еще дымящемся бретонскою кровью, появилось бы отвратительное войско герцога Кобургскаго и Дантона? Изломаемъ кровавые скипетры преступнаго триумвирата! Мы отправимся обнять нашихъ братьевъ на Карусельной площади»).

³⁾ Это замѣчаніе принадлежитъ не намъ: оно сдѣлано авторами *Histoire parlementaire*, но оно кажется намъ справедливымъ. См. *Histoire parlementaire*, t. XXXI, p. 139 (Олджернонъ Сидней, одинъ изъ борцовъ за свободу Англіи, казненный въ 1683 г. и принявшій смерть съ величайшимъ мужествомъ.— *Переводч.*).

явилъ въ послѣднія минуты своей жизни такое же мужество и такую же буйность характера, какія онъ проявлялъ въ борьбѣ противъ Горы. Когда повозка, въ которой его везли на гильотину, проѣзжала мимо дома Дюплэ, при чемъ дочери столяра случайно сидѣли у окна, Жире-Дюпре началъ кричать: «Долой тирановъ! Долой диктаторовъ!» и повторялъ эти возгласы до тѣхъ поръ, пока домъ не скрылся у него изъ вида¹⁾.

Черезъ восемь дней, 9-го фримэра (29-го ноября), пришла очередь Барнава... Никто не пользовался большею благосклонностью у народа, чѣмъ онъ; никто не велъ съ большимъ, чѣмъ онъ, усердіемъ подкопа подъ устои старой монархіи. Но онъ не дошелъ еще и до полъ-пути, какъ уже ощутилъ усталость. «Въ тебѣ нѣтъ божественной искры», сказалъ ему однажды Мирабо. Замѣчаніе это, относившееся къ краснорѣчію Барнава, было очень справедливо; такъ же справедливо было оно и по отношенію къ его характеру. Это былъ человекъ отъ природы холодный и, какъ самъ онъ писалъ, онъ считалъ, что возвышенность ума заключается въ соблюденіи *мъри*²⁾. Когда онъ увидѣлъ, съ какимъ неистовымъ порывомъ революція устремила въ неизвѣданныя области, имъ овладѣла великая тревога, а возвращеніе изъ Варенна, поставивъ его въ положеніе охранителя Маріи-Антуанеты, окончательно измѣнило направленіе его мыслей. Тогда-то онъ и началъ понемногу отпадать отъ той партіи, однимъ изъ главарей которой состоялъ, а затѣмъ вступилъ на извилистый путь, ставъ, вмѣстѣ съ Дюпоромъ и Ламетомъ, таинственнымъ совѣтникомъ королевы; онъ началъ писать ей и, когда ему пришлось покинуть Парижъ, она почтила его, въ видѣ благодарности, дозволеніемъ поцѣловать ея руку³⁾: честь опасная, и жестоко же пришлось ему поплатиться за нее!

15-го августа 1792 г. Ларивьеръ, который былъ посланъ въ Тюильрійскій дворецъ въ качествѣ комиссара Собранія, сообщилъ своимъ сотоварищамъ найденный имъ въ шкапчикѣ Людовика XVI документъ. Поставленный на поляхъ документа заголовокъ былъ, повидимому, написанъ рукою короля и былъ таковъ: *Проектъ*

¹⁾ Lamoureux, *Biographie universelle. Supplément.*

²⁾ См. въ *Causeries du lundi* Сентъ-Бѣва его этюдъ о Барнавѣ.

³⁾ Всѣ эти факты утверждаетъ г-жа Кампанъ и передаетъ она ихъ съ такими подробностями, что заподозрить ее въ ихъ выдумкѣ невозможно. Да и въ какихъ интересахъ стала бы она сообщать такой рядъ живыхъ свѣдѣній? См. *Mémoires de madame Campan*, t. II, chap. X et XIX.

комитета министровъ, составленный по соглашенію съ и. Александромъ Ламстомъ и Барнавомъ.

Что касается самаго документа, написаннаго рукою министра Лессара, то содержаніе его было слѣдующее:

«1) Отказать въ утвержденіи (декрета относительно священниковъ и эмигрантовъ);

«2) Написать новое письмо принцамъ въ братскомъ и королевскомъ тонѣ;

«3) Опубликовать новое воззваніе объ эмигрантахъ, въ твердомъ тонѣ, съ отчетливымъ указаніемъ на намѣреніе сохранить конституцію;

«4) Разослать державамъ мотивированное требованіе, чтобы онѣ не допускали на ихъ территоріи никакихъ сборищъ, вооруженій или враждебныхъ приготовленій;

«5) Учредить три военныхъ суда и, если окажется нужнымъ сдѣлать новыя распоряженія относительно отставокъ, дезертирства, замѣщений и т. д.».

Далѣе слѣдовали совѣты насчетъ того, что и какъ должны говорить въ Собраніи министры юстиціи, иностранныхъ дѣлъ, военный, внутреннихъ дѣлъ; а въ видѣ заключенія, говорилось: «Полагають, что король сдѣлалъ бы очень полезное дѣло, если бы потребовалъ отъ cadaго департамента извѣстное число людей для зачисленія въ его охрану»¹⁾.

Подобный документъ не заключалъ въ себѣ ничего такого, о чемъ Барнавъ не имѣлъ бы права заявить съ трибуны, но онъ доказывалъ, что Барнавъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ дворомъ, а такихъ сношеній не допускало его положеніе пароднаго представителя, да еще въ такое время, когда дворъ велъ заговоръ противъ революціи. Поэтому, хотя въ то время еще не было извѣстно о существованіи желѣзнаго шкапа, однако Собраніе единодушно признало преступный характеръ прочитаннаго Ларивьеромъ документа. «Документъ этотъ, сказалъ Камбонъ, убѣдитъ даже самыхъ недовѣрчивыхъ людей въ дѣйствительномъ существованіи очага заговора, на который вамъ указывали подъ именемъ Австрійскаго Комитета». И онъ предложилъ привлечь обоихъ бывшихъ членовъ Учредительнаго собранія къ суду, что и было единогласно вотировано Собраніемъ²⁾.

¹⁾ *Moniteur*, 1792, № 230.

²⁾ *Ibid.*, № 250.

Согласно этому постановленію, Барнавъ былъ арестованъ на своей дачѣ въ Сентъ-Робертъ и препровожденъ въ Гренобль, откуда его, послѣ полугодоваго заключенія, перевели въ фортъ Барро. Желая спасти его, друзья его обратились къ Дантону и Базиру. Но Дантонъ ограничился предложеніемъ посовѣтовать арестанту, чтобы онъ написалъ письмо въ Конвентъ; однако тотъ благородно отказался сдѣлать такой смиренный шагъ, а Базиръ съ грустью отвѣтилъ просившему его вмѣшательства Буасси-д'Англа: «У меня меньше вліянія, чѣмъ у васъ, и вы не замедлите увидѣть это». Такимъ образомъ, въ концѣ ноября несчастный Барнавъ очутился въ Парижѣ! Съ дороги онъ писалъ сестрѣ: «Вчера я разстался съ матерью и съ Юліей.. а, можетъ быть, удалюсь навсегда и отъ тебя. Настоящая минута ужасна, но не будемъ преувеличивать бѣды... Я еще молодъ, а между тѣмъ уже испыталъ всѣ блага и все зло, изъ которыхъ слагается человѣческая жизнь. Обладая живымъ воображеніемъ, я долго вѣрилъ химерамъ, но разочаровался въ нихъ и въ эту минуту, когда вижу себя готовымъ разстаться съ жизнью, единственными благами, которыхъ мнѣ жаль, представляются мнѣ дружба (никто не могъ болѣе меня льстить себя тѣмъ, что пользовался ея радостями) и культура ума, привычка къ которой часто сладостно наполняла мои дни»¹⁾.

Если, даже еще до установленія полного доказательства существованія дворцоваго заговора, поступки Барнава представлялись всѣмъ членамъ Законодательнаго собранія преступными, то насколько же еще болѣе преступными должны были они показаться въ ноябрѣ 1793 г. судьямъ Революціоннаго суда? Онъ былъ осужденъ вмѣстѣ съ Дюпоръ-Дютертромъ. На эшафотѣ онъ сперва обратился съ рѣчью къ народу, а потомъ, взглянувъ на ножъ гильотины, произнесъ свои послѣднія слова: «Такъ вотъ награда за все то, что я сдѣлалъ для свободы!»²⁾

Въ своей защитительной рѣчи онъ сказалъ, между прочимъ: «Я утверждаю, ручаясь головою, что никогда, безусловно никогда не имѣлъ ни малѣйшей перениски съ дворцомъ и что никогда, безусловно никогда нога моя не бывала во дворцѣ». Что

¹⁾ Факсимиле этого письма, изъ котораго мы привели лишь отрывки, касающіеся политическихъ мыслей Барнава въ концѣ его карьеры, напечатаны въ концѣ *Œuvres de Barnave*, приведенныхъ въ порядокъ депутатомъ отъ д-та Дромы, Беранже.

²⁾ *Nouvelle Biographie universelle*.

слѣдуетъ думать объ этомъ, столь рѣшительномъ, но пристрастномъ отрицаніи, когда его сопоставишь съ совершенно безпристрастнымъ разказомъ г-жи Кампанъ и съ тѣмъ документомъ, которымъ вызванъ былъ декретъ о привлеченіи Барнава къ суду? ¹⁾

1) Въ концѣ труда Сентъ-Бѣва о Барнавѣ, въ *Causeries du lundi*, сказано: «Благосклонности маркиза Жокура, который былъ хорошо знакомъ съ Барнавомъ, я обязанъ нѣкоторыми объясненіями, отвѣчающими на занимавшій меня вопросъ объ отношеніяхъ знаменитаго оратора къ королевѣ. Вотъ что думали на этотъ счетъ маркизъ и наиболѣе освѣдомленные люди его общества (я лишь въ точности воспроизвожу то, что мнѣ было сообщено): «Барнавъ никогда не видѣлся съ королевой. Отъ лица Барнава съ нею видѣлся Дюпоръ; но обычнымъ посредникомъ былъ шевалье Жарже, жена котораго состояла при дворѣ королевы. Когда королева желала сообщить что-нибудь Барнаву, она клала запечатанную записку въ карманъ Жарже, а тотъ передавалъ ее Барнаву, который, ознакомившись съ содержаніемъ записки, снова клалъ ее, въ запечатанномъ видѣ, въ карманъ передатчика, такъ что королева могла получить ее обратно и уничтожить. Такой же порядокъ былъ принятъ и для сообщеній, которыя Барнавъ желалъ сдѣлать королевѣ: записки такъ же опускались въ названный карманъ и возвращались въ руки Барнава. Изъ этого слѣдуетъ, что Барнавъ—строго или *почти строго* говоря—могъ сказать въ Революціонномъ судѣ, что онъ никогда не имѣлъ непосредственныхъ сношеній съ королевой и никогда не видѣлся съ нею.. Конечно (при математически точномъ разсмотрѣніи дѣла), приходится придать нѣкоторое ограниченіе, извѣстное истолкованіе заявленію Барнава передъ Революціоннымъ судомъ: «Я никогда не состоялъ въ перепискѣ съ дворцомъ». Но каковъ былъ судъ, таково было и показаніе».

Сентъ-Бѣвъ справедливо прибавляетъ: «Вотъ наиболѣе приемлемое объясненіе, въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ оно мнѣ дано; и, тѣмъ не менѣе, нравственное чувство все-таки оскорбляется такимъ рѣшительнымъ отрицаніемъ фактовъ со стороны Барнава».

Съ другой стороны, когда Жокуръ говоритъ, что «Барнавъ никогда не видѣлся съ королевой», то онъ говоритъ то, чему *въпрямъ*, и что могло быть ему неизвѣстно, такъ какъ условіе свиданій этого рода было, со стороны Барнава, самою безусловною тайной, такъ что утвержденіе г-жи Кампанъ остается непоколебленнымъ.

Такъ какъ Сентъ-Бѣвъ стремился выяснитъ вопросъ о сношеніяхъ Барнава со дворомъ, то удивительно, почему во всемъ его трудѣ нѣтъ ни одного слова, которое намекало бы на прочитанный Ларивьеромъ документъ.

Г. Барантъ, въ своей *Histoire de la Convention* (т. III, p. 315, édition Méline), не ограничивается умолчаніями, а восклицаетъ: «Достоверно, что съ первыхъ дней 1792 г. Барнавъ нисколько не былъ прикосновененъ къ сношеніямъ Адриена Дюпора и Ламета со дворомъ». Съ первыхъ дней 1792 г. Пусть. Ну, а раньше?

Слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, ожидать, что данный вопросъ окажется затронутымъ и обсужденнымъ у Веранже (отъ д-та Дромы), въ исторической

Продолженіемъ великой драмы побѣжденной жирондистской партіи—продолженіемъ, которое, увы, слишкомъ легко было предусмотрѣть—послужили казнь Керсена 15 фримэра (5 декабря), казнь Рабо-Сентъ-Этьена, состоявшаяся въ тотъ же день, и смерть Клавьера, который 9-го числа закололся въ комнатѣ, гдѣ онъ содержался.

Гильотина ждала менѣе благородную жертву: 27 фримэра (17-го декабря) поплатилась подъ рукою палача за унижительное великолѣпіе своей прошлой судьбы г-жа Дюбарри. Въ іюлѣ 1792 г. она уѣхала въ Англию, какъ говорятъ, желая распорядиться своими брилліантами согласно внушеніямъ своего сердца, оставшагося вѣрнымъ семьѣ Людовика XV²⁾). Это благородство чувствъ, дѣлающее нѣкоторую честь ея памяти, оказалось для нея роковымъ. Когда она, страшась строгости изданныхъ противъ эмигрантовъ законовъ, вернулась во Францію, на нее сдѣланъ былъ доносъ, съ обвиненіемъ ея въ томъ, что она «растрчивала государственныя сокровища, злоумышляла противъ республики и носила въ Лондонѣ трауръ по тиранѣ». Сдѣлавшись любовницею герцога Бриссака, она жила въ Люсьеннѣ; здѣсь-то ее и арестовали въ ночь съ 30-го на 31-ое августа 1792 г. Она укрывала въ своемъ домѣ бывшего пажа Монсабре: его нашли спрятавшимися въ комнатѣ, которую долго отказывались отворить подъ тѣмъ предлогомъ, будто она совсѣмъ заброшена³⁾). Когда Революціонный судъ призналъ Дюбарри виновною, она не могла отнестись къ мысли о смерти иначе, какъ впадая въ состояніе, близкое къ безумію, заявила, что имѣетъ сдѣлать разоблаченія, погребовала, чтобы ее препроводили въ ратушу, и тамъ безъ основанія обвинила сто сорокъ человекъ. На пути къ казни она съ растеряннымъ видомъ кричала толпѣ, провожавшей ее ругательствами: «Добрый народъ, освободи меня!» Она жалкимъ образомъ отбивалась отъ палача, говоря ему: «Господинъ палачъ, сжальтесь надо мной! Еще минутку! всего только минутку!»⁴⁾»

замѣткѣ, напечатанной имъ во главѣ *Œuvres de Barnave*. Но нѣтъ. Если бы систематическіе хулители революціи говорили только правду или всю правду, то задача ихъ стала бы слишкомъ трудною. Люди умалчиваютъ о нѣкоторыхъ вещахъ и торжествуютъ, опираясь на пробѣлы!

1) См. *Histoire parlementaire*, t. XXXI, p. 140—142.

2) *Biographie universelle*.

3) *Moniteur*, 1792, № 246.

4) *Biographie universelle*.

И на удары ежедневно поднимавшагося и падавшаго тонора ужасные согрудники газеты *Père Duchesne* очень часто откликались яростными выкриками. 31-го мая адвокатъ изъ д-та Па-де-Калэ, Жиффруа, сталъ издателемъ газеты, которую называлъ *Rougiff*, въ видѣ анаграммы своей фамиліи. Слѣдующія извлеченія изъ нея покажутъ, до какого языка не стыдились опускаться извѣтнаго сорта писатели:

«Сообщники этой шлюзы (Шарлоты Кордэ) еще не всѣ побриты подобно ей. Побриты - то они будутъ; не правда ли, палачъ? ¹⁾—Какъ разъ въ настоящую минуту нужны въ каждомъ домѣ, на каждой улицѣ патріотическіе аргусы... Ну-ка, ну, живѣ! пусть гильотина работаетъ непрерывно по всей республикѣ. За работу, суды! ²⁾—Жидкость политическаго тѣла была испорчена; ее не очистишь, ее надо вылить ³⁾. Латуръ-дю-Пэнъ взять; бывшій настоятель Альтье взять; взяты двадцать восемь тысячъ марсельцевъ, республиканцевъ во вкусѣ Барбару. Ну-ка, подавайте мнѣ выручку живѣ! Ну-ка, сударыня-гильотина, побрѣйте почище этихъ враговъ отечества! Живо, живо, нечего тутъ разсказывать сказки! Голову въ мѣшокъ!» ⁴⁾

Отмѣтимъ заранѣе, что редакторъ этой жестокой газеты стоялъ въ послѣдствіи въ первомъ ряду кровавыхъ дѣйствующихъ лицъ 9-го термидора, въ первомъ ряду террористовъ, заявлявшихъ, что они хотятъ убить терроръ въ лицѣ Робеспьера!

А Робеспьеръ, между тѣмъ, боролся противъ этихъ призывовъ къ убійствамъ путемъ изложенія строгой, но справедливой политики. «Какъ нѣжничаютъ по отношенію къ угнетателямъ — восклицалъ онъ — и какъ неумолимо относятся къ угнетеннымъ! Милость злодѣямъ? нѣтъ, милость невиннымъ! милость слабымъ! милость несчастнымъ! милость гуманнымъ!» ⁵⁾—«Горе тому, кто, смѣшная неизбѣжная ошибка цивизма съ умысленными ошибками коварства или съ покушеніями заговорщиковъ, оставляетъ безъ вниманія интригана, чтобы преслѣдовать мирнаго гражданина! Если бы во всей республикѣ былъ всего одинъ добродѣ-

¹⁾ *Rougiff*, № 7.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibid.*, № 8.

⁴⁾ *Ibid.*, № 14.

⁵⁾ Докладъ Робеспьера о принципахъ политической морали, которыми долженъ руководствоваться Національный Конвентъ. Засѣданіе 18 плювіоза (6 февраля 1794 г.).

тельный человекъ, гонимый врагами свободы, то правительство было бы обязано съ заботливостью разыскать его и блестяще отмстить за него» ¹⁾).

Такія рѣчи были далеки отъ рѣчей Барера, когда онъ высказывалъ слѣдующую яко бы аксіому: «Не возвращаются только мертвецы» ²⁾); или отъ рѣчей Колло-д'Эрбуа, когда онъ, находя ссылку во Французскую Гвіану мѣрою слишкомъ мягкою, говорилъ: «Ссылать никого не надо; всѣхъ заговорщиковъ нужно уничтожить и зарыть въ землю свободы» ³⁾).

Впрочемъ, если читатель хочетъ быть справедливымъ, пусть онъ ни на минуту не упускаетъ изъ виду обстоятельствъ и того: какъ властно вліяютъ они на наименѣ бурныя души. Людямъ, жаловавшимся на чрезмѣрную крутость мѣръ, Шанфоръ отвѣчалъ: «А вы хотѣли бы, чтобы авгіевы конюшни вычищались метелкою изъ перьевъ?» А тѣмъ, кто корилъ его проповѣдью безпорядковъ, онъ говорилъ: «Когда Богъ творилъ міръ, движеніе хаоса должно было привести хаосъ въ болѣе безпорядочное состояніе, чѣмъ то, въ какомъ онъ находился, когда былъ въ величественно покойномъ безпорядкѣ» ⁴⁾).

Кромѣ того, разнузданность страшнѣйшаго озлобленія все-таки оставляла мѣсто и побужденіямъ гуманности, о чемъ свидѣльствуютъ столь многія благотворныя мѣры, принятія Комитетомъ общественнаго спасенія. Приводя здѣсь лишь нѣкоторыя изъ нихъ, упомянемъ о слѣдующихъ мѣрахъ: приказаніе удовлетворять нужды заключенныхъ въ тюрьмѣ Аббатства заложниковъ ⁵⁾); предписаніе полицейскимъ управленіямъ наблюдать за тѣмъ, чтобы во всемъ, касающемся продовольствія арестантовъ, не было совершаемо никакихъ злоупотребленій ⁶⁾); распоряженіе объ оздоровленіи тюрьмы Консьержери ⁷⁾); приказаніе предотвратить неудобства, проистекавшія отъ убоя скота въ Архіепископскомъ домѣ, гдѣ были больные ⁸⁾); распоряженіе

¹⁾ Засѣданіе Конвента 18 плювіоза (6 февраля 1794 г.).

²⁾ Докладъ, внесенный Сададеномъ отъ имени Комиссіи 21-го.—*Biblioth. histor. de la Révolution*, № 1097—8—9.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Chamfort*, par P. J. Stahl (Hetzal); préface, p. XLV.

⁵⁾ Постановленіе 26 вандемьера.

⁶⁾ *Ibid.*, 25 брюмера.

⁷⁾ *Ibid.*, 8 вантоза.

⁸⁾ *Ibid.*, 12 флореали.

о переводѣ въ Майнцъ 300,000 ливровъ, предназначенныхъ на улучшение положенія плѣнныхъ (французовъ ¹⁾): порученіе Исполнительному совѣту озаботиться участію плѣнныхъ непріятелей ²⁾; распоряженіе объ открытіи больницы Валь-де-Грасъ для родильницъ и подкидышей ³⁾).

Необходимо напомнить также о томъ, какой восторгъ вызвало всегда торжество признанной невинности.

На одного изъ депутатовъ, Робера, поступилъ доносъ: его обвиняли въ нарушеніи закона о скупщикахъ предметовъ первой необходимости, по поводу найденныхъ у него нѣсколькихъ бочекъ рома. Карою въ такихъ случаяхъ являлась смертная казнь. Взошелъ на трибуну Жозефъ Лебонъ и заговорилъ о томъ, что если законъ не ясенъ, то его какъ бы и не существуетъ; затѣмъ онъ предложилъ передать на обсужденіе Комитета общественнаго спасенія вопросъ о томъ, относится ли ромъ къ числу предметовъ первой необходимости. Со всѣхъ сторонъ раздались рукоплесканія и тотчасъ же было декретировано передать этотъ вопросъ въ Комитетъ ⁴⁾).

Сынъ одного купца сдѣлалъ на дверяхъ магазина своего отца, въ его отсутствіе, надпись: *Оптовый складъ винъ*, не обозначивъ—какъ того требовалъ законъ—количества и качества этихъ винъ. Въ ту пору голода и страданій скандальная скупка товаровъ съ барышническою цѣлью вызвала безжалостныя репрессіи: купца привлекли къ Революціонному суду, и такъ какъ въ числѣ поставленныхъ присяжнымъ вопросовъ оказался пропущеннымъ вопросъ, наиболѣе благопріятный для подсудимаго, то послѣдній былъ осужденъ. Гоіе тотчасъ же письменно извѣстилъ объ этомъ Собраніе, и оно единогласно, при единодушныхъ рукоплесканіяхъ, декретировало приостановить дѣйствіе судебного приговора. Всталъ Дантонъ и взволнованнымъ голосомъ сказалъ: «Спасая невиннаго, мы дѣлаемъ себѣ честь». Снова раздались рукоплесканія. «Я поспѣшу,—продолжалъ онъ,—самъ передать принятый Конвентомъ декретъ». Онъ вышелъ, а слѣдомъ за нимъ бросились многіе изъ его сотоварищей, чтобы остановить приведеніе приговора въ исполненіе ⁵⁾).

¹⁾ Постановленіе 23 нивоа.

²⁾ Постановленіе 14 плювіоза.

³⁾ Постановленіе 15 плювіоза.

⁴⁾ *Moniteur*, 1793, an II, № 19.

⁵⁾ *Moniteur*, 1793, № 93 (23 декабрл).

Да, если добросовѣстно изучать революцію по дѣйствіямъ людей, бывшихъ дѣйствительно представителями ея духа, то мы видимъ, что она была настолько же искренна, насколько и неумолима. Будучи окружена интригою и измѣной, какъ темною ночью, и видя борьбу съ врагами, которыхъ она всего чаще видѣла лишь при вспышкахъ молній, она несомнѣнно наносила иногда удары, по ошибкѣ, людямъ неповиннымъ; но даже и ихъ она карала только потому, что имѣла несчастіе считать ихъ виновными.

ГЛАВА II.

Агонія и смерть католической арміи.

Воинствующая эмиграція вандейцевъ.—Ларошжакленъ главнокомандующій.—Вестерманъ атакуетъ вандейцевъ въ Лавалѣ; онъ отбитъ.—Партія майнцевъ.—Душою фрондирующей партіи является Клеберъ.—Пораженіе подъ Антрамомъ.—Истинныя причины этого пораженія. Несправедливыя нареканія на Л'Эшеля.—Онъ находитъ утѣшеніе и одобреніе со стороны Комитета общественнаго спасенія, удалется въ Нантъ и умираетъ тамъ съ отчаянія.—Роспускъ отряда майнцевъ.—Смерть Лескура.—Г-жа Ларошжакленъ проѣзжаетъ на конѣ по трупамъ убитыхъ республиканцевъ.—Англичане зовутъ вандейцевъ въ Гранвиль.—Странное посланіе къ князю Тальмону.—Вандейцы отбиты изъ-подъ Гранвиля.—Уныніе вандейскихъ солдатъ; они уже извѣрились въ своихъ вождахъ и священникахъ; обратное движеніе къ Луарѣ.—Главнокомандующимъ соединенныхъ западной и брестской армій назначается Россиньоль.—Военная партія майнцевъ подкапывается подъ его авторитетъ.—Глубокомысленная политика Комитета общественнаго спасенія въ выборѣ полководцевъ.—Пораженія, обусловленныя недоразумѣніями въ штабѣ.—Двойной разгромъ подъ Долемъ, вызванный отсутствіемъ единогласія во взглядахъ.—Жестокости, совершенныя въ Фужерѣ; подвигъ гуманности.—Мужество и великодушная скромность Россиньоля.—Замѣчательная смерть Пріёра.—Марсо получаетъ временное командованіе западною арміею.—Вандейцы идутъ на Анжеръ; осада этого города; вандейцы отброшены.—Ихъ прогоняютъ изъ Манса, находившагося въ ихъ рукахъ; ужасная рѣзня.—Бродячая и раздробленная вандейская армія приходитъ въ Ансени.—Невозможность для нея переправиться обратно чрезъ Луару.—Ларошжакленъ и Стофле переправляются черезъ эту рѣку одни, въ лодкѣ, и оказываются навсегда отрѣзанными отъ своихъ.—Князь Тальмонъ покидаетъ вандейскую армію.—Жалкое состояніе и деморализація этой арміи.—Уничтоженіе ея подъ Савне.—Философское заключеніе.

Въ то время какъ передъ Парижемъ вставалъ призракъ террора, революція всюду выступала съ мечомъ въ рукѣ и всюду уничтожала своихъ враговъ.

Великая католическая армія, съ силою отброшенная на правый берегъ Луары, была побѣждена и обращена въ бѣгство, но ее хотѣли уничтожить совершенно. Въ самомъ дѣлѣ, какое

значеніе могло имѣть то, что Вандея «дымилась кровью», была усѣяна трупами и предана пламени»¹⁾, если междоусобная война прекратилась въ Верхнемъ Пуату лишь для того, чтобы перекинуться со всею своею яростью въ департаментъ Мэнъ, въ Бретань, въ Нормандію, и если въ Марэ, около Шаллана, въ Манкулѣ, Рошъ-сюръ-Іонѣ и Саблѣ Шареттѣ продолжалъ избивать людей во имя Бога и короля?

Кромѣ того, за Луару перешли не всѣ побѣжденные подъ Шолле. На лѣвомъ берегу этой рѣки оставались тѣ изъ нихъ, которые проникнуты были любовью къ родной землѣ, эту неистребимую страстью жителя Пуату²⁾. Едва отрубленные головы гидры угрожали возрожденіемъ.

Прослѣдимъ сперва воинствующую эмиграцію вандейцевъ до того дня, когда погибли ея обломки.

До боя подъ Шолле князю Тальмону и Д'Отишану было поручено спѣшно овладѣть, съ 4,000 бретонцевъ и анжерцевъ, Варадомъ на правомъ берегу Луары, чтобы, въ случаѣ пораженія, можно было переправиться черезъ рѣку, не подвергаясь нападеніямъ³⁾. По словамъ Клебера, оборона поста Варада, несмотря на слабость его гарнизона, не была невозможна; но главнокомандующимъ не было сдѣлано никакого распоряженія и никакихъ мѣръ предосторожности принято не было; никто не позаботился даже о посылкѣ съ праваго берега судовъ, которыя могли бы послужить для перевозки бѣгущихъ войскъ⁴⁾. Варадъ былъ взятъ, что и дало разбитымъ подъ Шолле вандейцамъ возможность совершить знаменитую переправу, картина которой уже была нами набросана⁵⁾. Переправа состоялась въ Варадѣ 18-го октября, а 19-го, когда отрядъ арміи Лиро овладѣлъ Ансени, обезпеченъ былъ бродъ для вандейской артиллеріи⁶⁾. Шудѣ только въ ночь съ 19-го на 20-е октября узналъ чрезъ посланныхъ на развѣдки піюновъ, что у Ансени переправляется черезъ рѣку колонна разбойниковъ. Онъ немедленно донесъ объ

¹⁾ Письмо Г'Эшеля къ военному министру. *Correspondance inédite du Comité de salut public avec les généraux et les représentants du peuple*, t. I, p. 332.

²⁾ См. *Mémoires du général Turreau*, liv. III, p. 122.

³⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. VIII, p. 235 et 236.

⁴⁾ Разсказъ Клебера въ книгѣ Савари, t. II, chap. VIII, p. 292.

⁵⁾ См. въ предшествующемъ томѣ главу: «Вандея побѣждена».

⁶⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. IX, p. 244.

этомъ генералу Бопюи, который и направилъ на зарѣ въ ту сторону часть кавалеріи. Мерленъ (отъ Тіонвиля), постоянно жаждавшій битвъ, двинулся во главѣ другого отряда для оказанія поддержки первому. Экспедиція эта овладѣла одиннадцатью пушками; но если бы солдаты брестской арміи, защищавшіе Варадъ и Ансени, оказали сопротивление, то католическая армія была бы потоплена въ Луарѣ ¹⁾.

Тѣмъ временемъ, въ Бопрео, гдѣ находилась въ сборѣ побѣдоносная армія республиканцевъ, собрался военный совѣтъ, который рѣшилъ, чтобы авангардъ тревожилъ непріятеля, либо переправившись черезъ Луару въ Сенъ-Флорантъ, либо направившись къ Анжеру лѣвымъ берегомъ, въ томъ случаѣ, если этому городу будетъ угрожать опасность. Что касается армейскаго корпуса, то слѣдовало ли двинуть его къ Нанту, который былъ тогда безъ защиты, или же вмѣстѣ со всею арміей послать для преслѣдованія бѣглецовъ? Главнокомандующій Л'Эшель держался этого послѣдняго мнѣнія, но большинство военного совѣта полагало, что переправа черезъ Луару была бы затруднительна, вызвала бы проволоочки, а тѣмъ временемъ Нантъ и Анжеръ рисковали попасть въ руки разбойниковъ. Л'Эшель уступилъ.

Поэтому 19-го октября армейскій корпусъ двинулся къ Нанту, куда и прибылъ 20-го, и на слѣдующій же день выступилъ оттуда двумя колоннами, изъ которыхъ одна была направлена къ Ренну, а другая, подъ начальствомъ Л'Эшеля, къ Ансени ²⁾. Еще не было хорошенько извѣстно, въ какомъ направленіи двинулись вандейцы, но вскорѣ было узнано, что они идутъ на Конде, Шато-Гонтъе и Лаваль.

Численность ихъ была не меньше 60,000 человекъ ³⁾, въ томъ числѣ 30,000 вооруженныхъ ⁴⁾, не считая безчисленнаго и беспорядочнаго множества тянувшихся слѣдомъ женщинъ, дѣтей, стариковъ, священниковъ, монаховъ и монахинь ⁵⁾. У нихъ

¹⁾ Докладъ Шудъё о Вандеѣ, представленный въ отвѣтъ на обвинительный актъ Филиппо, *Moniteur* 21 плювіоза (9 февраля 1794 г.).

²⁾ *Moniteur* 21 плювіоза (9 февраля 1794 г.).

³⁾ Таково исчисленіе Клебера. См. *Guerres des Vendéens et des Chouans*, par Savary, t. II, p. 292 et 293.

⁴⁾ Донесеніе одного изъ агентовъ Комитета общественнаго спасенія, отъ 14 ноября 1794 г.

⁵⁾ *Ibid.*

было отъ 1,200 до 1,500 лошадей, 600 повозокъ, 22 полныхъ зарядныхъ ящика¹⁾, 30 пушекъ²⁾ и большое количество пуль, потому что, по словамъ одного изъ вандейцевъ³⁾, они для полученія свинца не только срывали крыши съ замковъ, но не останавливались передъ снятіемъ крышъ также и съ церковей, при чемъ вовсе не считали себя повинными ни въ вандализмъ, ни въ святотатствѣ.

По прибытіи на правый берегъ Луары, они прежде всего позаботились о выборѣ себѣ вождя. Раненый Д'Эльбе былъ отвезенъ въ Нуармутъ; Воншанъ умеръ; Лескюръ находился при смерти. Голоса сосредоточились на Ларошжакленѣ, несмотря на его крайнюю молодость. Онъ былъ не столько мужемъ совѣта, сколько человѣкомъ боевымъ; онъ понималъ это и лишь со слезами согласился на избраніе⁴⁾. Но для упавшихъ духомъ солдатъ нуженъ былъ начальникъ, полный отваги; и хотя Ларошжакленъ, со времени боя подъ Мартинь, всегда носилъ руку на перевязи⁵⁾, однако никто не былъ болѣе его способенъ толкать своихъ людей прямо въ опасность.

Плачевно и трагично было это шествіе вандейскихъ крестьянъ, которые съ каждымъ шагомъ удалялись отъ могилъ своихъ предковъ и отъ своихъ дорогихъ деревень. Авангардъ составляла часть вооруженныхъ людей, тащившихъ за собою нѣсколько пушекъ. Затѣмъ, безъ всякаго порядка и заполняя всю дорогу, слѣдовали обозъ, священники, раненые, женщины съ дѣтьми на рукахъ, шумливый сбродъ полупаломниковъ, полусолдатъ⁶⁾. Смятеніе было ужасное, непоправимое. «Часто,—пишетъ г-жа Ларошжакленъ,—проѣзжая ночью верхомъ сквозь эту толпу, я бывала вынуждена, чтобы пробраться, въ нѣкоторомъ родѣ идти среди штыковъ, раздвигать ихъ обѣими руками; и сколько я ни кричала, прося дать мнѣ дорогу, меня не

¹⁾ Донесеніе агента Комитета общественнаго спасенія 14 ноября 1794 г.

²⁾ Заявленіе начальника дивизіи вандейцевъ Лангреньера, когда онъ перешелъ на сторону республиканцевъ во время боя подъ Савне (Неизданные документы, сообщенные Бенжаменомъ Филлономъ).—Документъ, о которомъ идетъ рѣчь, написанъ и подписанъ рукою Лангреньера. Онъ очень любопытенъ и мы еще не разъ будемъ имѣть случай цитировать его.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, t, I, p. 248.

⁵⁾ *Ibidem*, p. 257.

⁶⁾ *Ibidem*.

было слышно среди шума»¹⁾. Въ арьергардѣ, на старомъ креслѣ съ навѣсомъ изъ обручей, кое-какъ обтянутыхъ простынями, несли Лескюра, который отъ времени до времени болѣзненно стоналъ отъ раны²⁾.

Слѣдующая черта дастъ читателю понятіе о недостаточности провіанта у вандейцевъ. «Мы прибыли поздною порой въ Шато-Гонтъе,—разсказываетъ г-жа Ларошжакленъ.—Дорогою я раздала мой хлѣбъ раненымъ и за весь день, вплоть до полуночи, съѣла только два яблока. Во время этой поѣздки я много разъ страдала отъ голода»³⁾.

Изъ Шато-Гонтъе, который оказался неимѣющимъ защиты, всѣ отправились въ Лаваль, который также не былъ въ состояніи сопротивляться⁴⁾. Здѣсь къ вандейцамъ, крича: *Да здравствуетъ король!* и размахивая привязанными къ палкамъ бѣлыми платками, присоединилось много бретонскихъ крестьянъ, сбѣжавшихся изъ разныхъ приходоу; сборище ихъ было названо *Малою Вандеей*. Ихъ можно было отличить по длиннымъ волосамъ и по одеждѣ, состоявшей большею частью изъ козьихъ шкуръ мѣхомъ въ наружу⁵⁾.

Католическая армія, сильно нуждавшаяся въ отдыхѣ, рассчитывала провести нѣсколько времени въ Лаваль. Но вечеромъ второго дня распространился слухъ, что идутъ майнцы.

И дѣйствительно, изъ двухъ колоннъ, выступившихъ 21-го октября изъ Нанта, первая, предводимая Вестерманомъ и Бопюи, достигла 24-го числа Шато-Гонтъе. Такъ какъ въ ложныхъ донесеніяхъ сообщалось, что вандейцы очищаютъ Лаваль⁶⁾, то порывистый Вестерманъ захотѣлъ тотчасъ же сдѣлать на нихъ нападеніе. Бопюи былъ противнаго мнѣнія. Надо сдѣлать шесть льѣ,—говорилъ онъ,—и въ Лаваль нельзя прибыть ранѣе, какъ къ срединѣ ночи; благоразумно ли вести въ бой изнуренныхъ солдатъ? Вестерманъ стоялъ на своемъ. Командованіе принадлежало, по старшинству, ему: войскамъ отданъ былъ приказъ двинуться впередъ⁷⁾; значить, нужно повиноваться. Къ не-

¹⁾ *Mémoires de m-me de la Rochjaquelein*, p. 254.

²⁾ *Ibid.*, p. 250—251.

³⁾ *Ibid.*, chap. XV, p. 260.

⁴⁾ Докладъ Шудьѣ.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 259.

⁶⁾ *Ibid.*, *ubi supra*.

⁷⁾ Разсказъ Клебера. См. *Guerres des Vendéens et des Chouans*, par Savary, t. II, p. 296 et 297.

счастью, случилось такъ, что капитанъ Отвилль, посланный лишь на развѣдку, сдѣлалъ нападеніе. Вандейцы, узнавъ, въ чемъ дѣло, отъ своихъ передовыхъ постовъ, которые отступили, выступили изъ Лавалья и двинулись навстрѣчу Вестерману. Столкновение было ужасно. Ночь была такъ темна, что вандейцы хватили патроны изъ зарядныхъ ящиковъ республиканцевъ, а республиканцы изъ зарядныхъ ящиковъ вандейцевъ¹⁾. Начальникъ нѣмецкихъ войскъ, состоявшихъ на вандейской службѣ, Келлеръ, подаль руку какому-то республиканцу, чтобы помочь ему вылѣзти изъ канавы, но вдругъ, при свѣтѣ пушечнаго выстрѣла, узналъ форменную одежду этого человѣка и убилъ его²⁾. Такъ какъ эта ночная свалка оказалась въ пользу вандейцевъ, то республиканцы отступили, но въ полномъ порядкѣ, не потерявъ ни пушекъ, ни зарядныхъ ящиковъ³⁾. На слѣдующій день армейскій корпусъ былъ въ Шато-Гонтье и готовился возобновить наступательныя дѣйствія.

Мѣстность, отдѣлявшая республиканцевъ отъ непріятеля, была ограничена, слѣва отъ нихъ, рѣкою Майенной и была пересѣчена оврагами, ручьями и густымъ лѣсомъ, такъ что, если вѣрить сдѣланному впоследствии Л'Эшелемъ донесенію, удобный въ военномъ отношеніи выходъ изъ этой мѣстности представляла лишь большая дорога, впрочемъ, превосходная и очень просторная⁴⁾.

Напротивъ, по разсказу Клебера, позицію вандейцевъ можно было атаковать съ различныхъ сторонъ, если бы двинуть часть арміи на другой берегъ Майенны, и Л'Эшелю слѣдовало, давъ войскамъ отдохнуть, повести атаку на всѣхъ пунктахъ разомъ, вмѣсто того, чтобы вести 20,000 чел. одною колонною, съ цѣлью форсировать постъ, доступный съ нѣсколькихъ большихъ дорогъ, и, при томъ, не дѣлая ни диверсіи, ни ложной атаки. Такъ думали майнцскіе генералы и Савари, который зналъ Лаваль⁵⁾.

¹⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XV, p. 260.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ Утвержденіе Филиппо, будто авангардъ республиканцевъ былъ въ данномъ случаѣ изрубленъ, составляетъ одно изъ слишкомъ многочисленныхъ заблужденій или преувеличеній, на которыя долженъ былъ указать Шудьё; а свидѣтельство его о данномъ фактѣ подтверждается разсказомъ Клебера. См. *Guerres des Vendéens et des Chouans*, par Savary, t. II, p. 297.

⁴⁾ Письмо Л'Эшеля къ военному министру, отъ 28 октября 1793 г.

⁵⁾ *Guerres des Vendéens et des Chouans*, par Savary, t. II, p. 300—305.

Но въ средѣ республиканской арміи все еще существовала — да еще и обострилась больше, чѣмъ когда-нибудь — та борьба, которую мы описали ранѣе: борьба, столкнувшая лицомъ къ лицу Канкло и Россиньоля, Шудё и Филиппо, партію нантскую и партію сомюрекую, чисто-военный духъ и духъ демократическій.

Клеберъ, несомнѣнно, былъ выдающимся человѣкомъ и крупнымъ полководцемъ; но въ немъ надъ всѣмъ преобладалъ солдатъ. Въ душѣ онъ считалъ себя оскорбленнымъ тою властью, которую Комитетъ общественнаго спасенія желалъ проявить по отношенію къ людямъ военнымъ. Казнь Кюстина, въ пользу котораго онъ давалъ показанія, оставила въ немъ глубокое раздраженіе. Въ этомъ ударѣ топора, нанесенномъ генералу, онъ видѣлъ пониженіе арміи, кровавое подтвержденіе превосходства гражданского элемента, мысль о необходимости преклониться предъ которымъ вызывала въ немъ негодованіе. Будучи, при томъ, мало способенъ соизмѣрять значеніе революціонныхъ порывовъ, онъ осуждалъ ихъ хотя бы уже только потому, что они нарушали симметрію его военныхъ расчетовъ. Такъ какъ онъ былъ по природѣ одержимъ духомъ фронтства, то можно представить себѣ, сколько озлобленія прибавилось съ этимъ поводомъ къ враждебности, когда ему предпочтены были люди, главною заслугой которыхъ была страстная преданность революціи!¹⁾ Этимъ объясняется та оппозиціи въ войскахъ, душой которой онъ былъ и въ которой Марсо, хотя и подпавшій его дружескому вліянію, лишь робко слѣдовалъ за нимъ. Мы присутствовали при зарожденіи этой оппозиціи, точкою опоры и очагомъ которой была майнцская армія: не замедлили сказаться и ея послѣдствія. Всякій изъ офицеровъ, отказывавшійся стать подъ знамя этой оппозиціи, признавался неспособнымъ къ службѣ и, къ великой радости роялистовъ, подвергался глухимъ нападкамъ, какъ *санкюлотъ*; примѣромъ тому были генералы Канюель и Мюллеръ, на которыхъ сыпались всякаго рода несправедливыя обвиненія²⁾.

Хотя Л'Эшель былъ не новичкомъ на поляхъ сраженій и

¹⁾ Въ разсказѣ Клебера, въ томъ видѣ, въ какомъ его передаетъ Савари, нѣтъ ни одной страницы, почти ни одной строки, въ которой не сказана бы указанный нами духъ.

²⁾ См. у Савари, t. I, chap. X, p. 415, письмо, написанное Россиньолемъ военному министру послѣ осады Анжера.

хотя за нимъ числилось четырнадцать лѣтъ службы въ солдатахъ и офицерскихъ чинахъ¹⁾, однако, майнцскіе главари не могли простить ему его принадлежности къ партіи, завѣдомою цѣлью которой было подчинить военную силу гражданской власти. Ихъ задѣтая гордость возмущалась противъ того довѣрія, которымъ онъ пользовался у Комитета общественнаго спасенія въ виду своего восторженнаго патріотизма; и точно такъ же, какъ они негодовали, видя противопоставленіе Россиньоля генералу Канкло, негодовали и на то, что неизвѣстный имъ Л'Эшель одержалъ верхъ надъ Оберомъ Дюбайе²⁾. Настроеніе это, пропагандировавшееся среди непосредственно подчиненныхъ имъ солдатъ, распространилось съ тѣмъ болѣею легкостью, что оно какъ нельзя болѣе совпадало съ чувствомъ соперничества, одушевлявшимъ майнцскихъ солдатъ прогивъ остальныхъ войскъ. Вскорѣ мы увидимъ доказательство тому.

Съ своей стороны, Л'Эшель, взбѣшенный происходившею вокругъ него глухой борьбой, былъ склоненъ искать въ ней признаковъ измѣны³⁾, и тогда какъ съ солдатами, пришедшими изъ Ніора, Орлеана и Люсона, онъ обращался запросто, къ майнцамъ онъ неразъ относился въ оскорбительномъ и жесткомъ тонѣ⁴⁾.

Эти слабости человѣческаго сердца часто объясняютъ исходъ боевъ лучше всякихъ стратегическихъ доводовъ!

Бой, данный на дорогѣ, ведущей изъ Шато-Гонтье въ Лаваль, начался около 11 часовъ утра. Республиканскій авангардъ, которымъ командовалъ Юпюи, былъ поддерживаемъ дивизіею Клебера. Затѣмъ слѣдовала дивизія Шальбо. Авангардъ, состоявшій изъ 4,000 человѣкъ отборныхъ войскъ, овладѣлъ сперва возвышенностью, господствовавшей надъ непріятельскою пози-

¹⁾ См. *Correspondance inédite du Comité de salut public avec les représentants du peuple*, t. I, p. 355.

²⁾ Это сквозить въ каждой строкѣ книги Савари, которой историкъ, особенно роялистскіе, держались слѣпо, слѣдуя за ней шагъ за шагомъ, не взвѣшивая оцѣнокъ автора, не обсуждая фактовъ, не остерегаясь, наконецъ, того, что Савари, какъ выразитель мнѣній нантской партіи, однимъ изъ главарей которой онъ состоялъ, оказывается въ этомъ крупномъ историческомъ процессѣ одновременно и судьбою, и тяжущеюся стороной.

³⁾ См. его письмо къ военному министру изъ Анжера, *Correspondance inédite du Comité de salut public*, p. 356.

⁴⁾ Запѣтки Клебера въ книгѣ Савари, t. II, p. 307.

ска, къ которымъ они показывали презрѣніе? Это заслуживало бы болѣе удовлетворительнаго объясненія, чѣмъ слѣдующее: *у солдата глаза всегда на спинѣ*. И если дѣло происходило такъ, какъ описываетъ Клеберъ, то становится понятнымъ предположеніе Л'Эшеля, что пораженіе его было плодомъ того духа дезорганизациі, который разтѣдалъ армію¹⁾, тѣмъ болѣе, что въ самый разгаръ бѣгства онъ слышалъ странный при подобныхъ обстоятельствахъ крикъ: «*Да здравствуетъ Дюбайе!*»²⁾

Клеберъ сказалъ, что онъ самъ подалъ примѣръ бѣгства, и вотъ роялистскіе историки хоромъ повторяли это, обрадовавшись такому прекрасному случаю опозорить выборъ Комитета общественнаго спасенія. Бѣда въ томъ, что Клеберъ въ собственномъ своемъ разказѣ, самъ того не замѣчая, привелъ опроверженіе этого столь сильно обвиняющаго его факта. Онъ разсказываетъ, что, отходя къ Шато-Гонтъе, Л'Эшель воскликнулъ: «Чѣмъ же я виноватъ, что мнѣ пришлось командовать такими трусами?» на что какой-то раненый солдатъ изъ майнцевъ, будто бы, возразилъ: «А чѣмъ же виноваты мы, что нами командуетъ такой прохвостъ (jean f...)?» Но чѣмъ бы ни былъ вызванъ отвѣтъ майнскаго солдата—оскорбительнымъ ли какимъ-нибудь замѣчаніемъ или какими-нибудь позднѣйшими предубѣжденіями, ключъ къ которымъ у насъ уже есть—все равно, отвѣтъ этотъ ни въ чемъ не измѣняетъ значенія возгласа упрека, негодованія и отчаянія: «Чѣмъ же я виноватъ, что мнѣ пришлось командовать такими трусами?» Неужели это можно признать возгласомъ человѣка, бѣгущаго отъ непріятели во главѣ своихъ войскъ и подающаго всѣмъ примѣръ трусости? Не есть ли это, скорѣе, отчаянное восклицаніе полководца, тщетно борющагося съ охватившимъ и уносящимъ его потокомъ пораженія? Кого можно убѣдить въ томъ, чтобы Л'Эшель, мчась вскачь отъ непріятели, посмѣлъ крикнуть людямъ, только подражавшимъ ему и слѣдовавшимъ за нимъ: «Вы трусы!» Нѣсколько дней спустя онъ писалъ военному министру въ письмѣ, отмѣченномъ тою грустью, которая свела его въ могилу: «Я счелъ бы себя счастли-

¹⁾ См. его письмо отъ 28 октября къ военному министру въ *Correspondance inédite du Comité de salut public*, t. I, p. 356.

²⁾ *Ibid.*—Въ книгѣ Савари упоминается о крикахъ: «Долой Л'Эшеля! Да здравствуетъ Дюбайе!», раздававшихся на смотру, произведенномъ главнокомандующимъ послѣ боя. Оба эти сообщенія примиримы между собою и оба могутъ быть вѣрными.

вѣйшимъ изъ республиканцевъ, если бы имѣлъ способность заставлять драться солдатъ поневолѣ, которыхъ, къ тому же, безъ сомнѣнія, настраиваюгъ дезорганизаторы и завистники, еще существующіе въ этой арміи, такъ какъ въ самый разгаръ бѣгства раздавались крики: «*Да здравствуетъ Дубайе!*»¹⁾

Достовѣрно, что безпорядокъ былъ такъ великъ, что его нельзя было ничѣмъ прекратить. Мерленъ (отъ Тіонвиля) и Тюрро употребили въ этомъ отношеніи невѣроятныя, но тщетныя усилія. Храбрѣйшій изъ храбрыхъ, Блоссъ, получилъ приказаніе отправиться въ Виллье и выѣхалъ съ этою цѣлью изъ Шато-Гонтъе; но нахлынули бѣглецы и Блоссъ, вмѣстѣ со своими гренадерами, увлеченъ былъ потокомъ по ту сторону города²⁾. Вандейцы вели преслѣдованіе съ такою горячностью, что едва республиканцы успѣли перейти мостъ въ Шато-Гонтъе, какъ непріятель уже былъ въ городѣ и стрѣлялъ изъ ружей въ окна. Вдругъ для защиты моста явился, въ сопровожденіи пяти-шести стрѣлковъ, какой-то человекъ безъ шляпы, съ повязанною окровавленнымъ платкомъ головою. То былъ герой Блоссъ, раненый, но желавшій еще драться, потому что ему хотѣлось умереть. Къ нему бросился Савари, крича: «Пойдемъ, постараемся возстановить хоть какой-нибудь порядокъ въ отступленіи». — «Нѣтъ, — отвѣчалъ Блоссъ, — пережить позоръ такого событія непозволительно». Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по мосту и палъ мертвымъ³⁾. Подальше, на небольшомъ разстояніи отъ Шато-Гонтъе, несли въ хижину генерала Бопюи, тѣло котораго было прострѣлено пулей. «Оставьте меня здѣсь, — сказалъ онъ, — и снесите мою окровавленную рубашку моимъ гренадерамъ»⁴⁾. Его увезли въ Анжеръ. Съ господствовавшей надъ дорогою возвышенности непріятель на переставалъ стрѣлять пулями и картечью. Ночь была очень темна; среди бѣглецовъ царила ужасающая сумятица и остановились они только тамъ, гдѣ уже не было слышно пушекъ⁵⁾.

Послѣ этого разгрома подъ Антрамомъ, который отнюдь не

¹⁾ *Correspondance inédite du Comité de salut public*, t. I, p. 356.

²⁾ Разсказъ Клебера въ книгѣ Савари, t. II, p. 300—305.—Почему бы то, что случилось съ безстрашнымъ Блоссомъ, не могло случиться и съ Л'Эшелемъ?

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ *Ibidem*.

былъ послѣдствіемъ дурныхъ распоряженій Л'Эшеля, если правда—какъ это видно изъ разсказа Клебера,—что причиною его была непостижимая паника, республиканская армія заняла по ту сторону Ліона-д'Анжера выгодную позицію, прикрывавшуюся рѣкою Удонъ. Но она потеряла девятнадцать пушекъ, столько же зарядныхъ ящиковъ, нѣсколько повозокъ съ водою и хлѣбомъ; болѣе тысячи человѣкъ изъ состава дивизіи Клебера легли на полѣ сраженія и солдаты были голы, босы и впади въ горькое уныніе¹).

Враги главнокомандующаго не пощадили ничего, чтобы взвалить на него, въ глазахъ солдатъ, отвѣтственность за все; а Вестерманъ, вѣчно непокорный, вѣчно завидовавшій своимъ начальникамъ, всегда готовый обильно обливать ихъ дѣйствія презрѣніемъ и вторить бросаемымъ по ихъ адресу обвиненіямъ²),—Вестерманъ говорилъ повсюду во всеуслышаніе, что не станетъ больше повиноваться трусу³). Л'Эшель писалъ министру о павшихъ въ бою генералахъ: «Они умерли за республику; кто не позавидовалъ бы ихъ участи?.. Если бы я имѣлъ возможность изобразить вамъ всѣ мои печали, вы увидѣли бы, какъ онѣ жгучи»⁴). Неумолимый Комитетъ общественнаго спасенія, такъ торопливо жертвовавшій генералами, которыхъ онъ считалъ виновными, не замедлилъ отвѣтить Л'Эшелю чрезъ министра: «Мы по прежнему питаемъ къ вамъ довѣріе»⁵). Но здоровье Л'Эшеля было сильно подорвано, и онъ отлично понималъ, что часть арміи ускользаетъ изъ его рукъ; поэтому онъ исходатайствовалъ у народныхъ представителей разрѣшеніе передать на нѣкоторое время командованіе старѣйшему въ арміи дивизионному генералу Шальбо⁶) и отправился въ Нантъ, гдѣ и умеръ—во-

¹) Разсказъ Клебера въ книгѣ Савари, т. II, р. 300—305.

²) Таковъ портретъ Вестермана, набросанный генераломъ Тюро въ его *Mémoires*, liv. II, р. 81; портрету этому онъ предпосылаетъ слѣдующія слова: «То, что я сейчасъ скажу объ этомъ генералѣ, есть лишь сводка мнѣніи сорока служившихъ съ нимъ офицеровъ и даже нѣсколькихъ офицеровъ его легіона».

³) *Guerres des Vendéens et des Chouans*, par Savary, t. II, р. 307.

⁴) *Correspondance inédite du Comité de salut public avec les généraux et les représentants du peuple*, t. I, р. 355.

⁵) Savary, t. II, р. 312.

⁶) Судя по его письму, онъ самъ, по собственному почину, испросилъ себѣ отпускъ. По словамъ Клебера (см. Savary, р. 308), просить отпуска предложили ему народные представители.

все не отъ яда, который онъ, будто бы, принялъ съ цѣлью избѣгнуть казни, какъ увѣряетъ Филиппо, а—согласно увѣренію Шудё—съ горя отъ того, что ему приписывались неудачи республики¹⁾.

По поводу именно этихъ событій Комитетъ общественнаго спасенія приказалъ слить отрядъ майнцевъ съ другими корпусами—мѣра очень умная, по поводу которой Клеберъ дѣлаетъ слѣдующее важное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лояльное признаніе: «Мѣра эта была полезна по отношенію къ зависти и ненависти, которыя виѣдрились въ разныя дивизіи»²⁾.

Тогда какъ республиканская армія отходила до Анжера, гдѣ она была на нѣкоторое время задержана полнымъ отсутствіемъ башмаковъ³⁾, католическая армія, имѣя передъ собою свободную дорогу, колебалась относительно того, въ какомъ направленіи идти. Князь Тальмонъ желалъ, чтобы армія двинулась на Парижъ, на что Марошжакенъ возражалъ ссылкой на невозможность подобнаго движенія, когда приходится тащить за собою столько женщинъ, дѣтей и раненыхъ⁴⁾. Пришлось бы стараться проникнуть въ Нижнюю Бретань, очень фанатически-роялистскую, гдѣ для пріема англичанъ имѣлись весьма длинная береговая линія и много гананей. Но общее мнѣніе сводилось къ тому, что въ такомъ случаѣ нужно было бы овладѣть Ренномъ; а городъ этотъ считался находящимся въ состояніи сильной обороны, чего на самомъ дѣлѣ не было, такъ какъ численность свободныхъ силъ тамъ не превышала 5,000 человекъ⁵⁾, до-

¹⁾ Поощрительное и лестное письмо, полученное Л'Эшелемъ отъ министра послѣ разгрома подъ Лавалемъ, достаточно доказываетъ, что казни ему нечего было опасаться, какъ предположилъ, со свойственнымъ ему легкомысліемъ, Филиппо.

Кто пожелаетъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ можно исказить исторію путемъ простаго умалчиванія объ обстоятельствахъ, благоприятныхъ недобрымъ людямъ, тому стоитъ только прочесть рассказъ въ десяти строкахъ о пораженіи подъ Антрамомъ, написанный Барантомъ въ *Histoire de la Convention*, t. III, p. 397, édition Méline.

Г. Тьеръ поступилъ такъ же, какъ Барантъ. Ограничившись сокращеніемъ разсказа Савари, онъ черпалъ только изъ одного источника тамъ, гдѣ справедливость требовала вѣвѣсить противорѣчивыя показанія и, во всякомъ случаѣ, огласить ихъ.

²⁾ См. книгу Савари, t. II, p. 312.

³⁾ Докладъ Шудё въ отвѣтъ на обвиненія Филиппа, *ubi supra*.

⁴⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XV, p. 266.

⁵⁾ Рассказъ инженернаго офицера Обенэма въ книгѣ Савари, t. II, chap. IX, p. 347.

вольно дурно организованныхъ и составлявшихъ, подъ начальствомъ Россиньоля, такъ называемую брестскую армію. Нѣкоторые говорили, что надо пробраться въ Нормандію и осадить Гранвиль¹⁾. Отъ взятія Гранвиля зависѣлъ успѣхъ экспедиціи лорда Мойра, которому было поручено подать роялистамъ помощь, направившись чрезъ Джерсей, и который уже собирался отплыть изъ англійскихъ портовъ²⁾. Пренія были тѣмъ горячѣе, что давали пищу господствовавшимъ между этими роялистскими вождями зависти и интригамъ³⁾. Наконецъ, рѣшено было двинуться въ Фужеръ, откуда тоже можно было направиться къ Ренну или къ побережью⁴⁾.

Лескюръ умеръ между Эрне и Фужеромъ. Около повозки, на которой онъ бился въ агоніи, ѣхала верхомъ г-жа Ларошжакленъ и часть дороги проѣхала она, не зная, что въ сопровождаемой ею повозкѣ былъ уже только трупъ ея мужа⁵⁾. Слѣдующія слова написаны ею самою: «Признаюсь, когда въ тотъ день я встрѣтила на дорогѣ тѣла нѣсколькихъ республиканцевъ, нѣчто въ родѣ тайнаго и невольнаго бѣшенства побудило меня, не говоря ни слова, направить мою лошадь такъ, чтобы истоптать людей, убившихъ Лескюра»⁶⁾.—Но и на сторонѣ республиканцевъ тоже были вдовы!

Г-жа Ларошжакленъ съ большими подробностями рассказываетъ о томъ, что происходило во время пребыванія католической арміи въ Фужерѣ: она повѣствуетъ, что тамъ былъ составленъ военный совѣтъ изъ двадцати-пяти лицъ; что Донисанъ былъ тамъ назначенъ губернаторомъ *завоеваннаго края*; что тамъ состоялось новое чинопроизводство; что отличительнымъ значкомъ для офицеровъ, имѣющихъ доступъ въ военный совѣтъ, признанъ былъ бѣлый кушакъ съ кистью того или другого цвѣта, обозначающаго разные чины: черная кисть для

¹⁾ Г-жа Ларошжакленъ говоритъ въ своихъ *Mémoires*, что предложеніе на этотъ счетъ сдѣлано было Обенэмомъ, который раньше участвовалъ въ возмущеніи Вимпфена, а потомъ примкнулъ къ католической арміи; но изъ разсказа самого Обенэма оказывается, что въ этомъ г-жа Ларошжакленъ ошибалась. См. разсказъ этого офицера у Савари, t. II, chap. IX, p. 347.

²⁾ Beauchamp, *Biographie universelle*, статья Talmont.

³⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XV, p. 264.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 273.—Г-жа Ларошжакленъ была замужемъ первымъ бракомъ за Лескюромъ.

⁶⁾ *Ibid.*, p. 272 et 273.

Ларошжаклена, красная для Стофле и т. д...¹⁾); но она забыла рассказать, что «въ Фужерѣ вандейцы поступали съ такимъ варварствомъ, что за ними можетъ сохраниться до самыхъ отдаленныхъ вѣковъ названіе *разбойниковъ*». Буквально таково выраженіе одного очевидца и неопровержимаго свидѣтеля: офицера Обенэма, одного изъ нихъ же²⁾.

Куда направиться по выходѣ изъ Фужера? въ Реннъ или въ Гранвилль? Вандейскіе вожди колебались; слѣдующее обстоятельство заставило ихъ принять рѣшеніе. Изъ Англіи прибыли двое эмигрантовъ, нередѣтыхъ крестьянами, и принесли депеши, запятанныя въ полую палку. Депешами этими были одобрительное письмо англійскаго короля и посланіе, которымъ его министръ Дѣндэсъ сообщалъ о присылкѣ помощи и мѣстомъ сбора назначалъ Гранвилль. Любопытно, что Дѣндэсъ, предлагая вандейцамъ помощь Англіи, спрашивалъ ихъ: «Какія у васъ политическія воззрѣнія? какая у васъ цѣль?»³⁾. Если Англія не знала цѣли вандейцевъ, то, значитъ, поддерживая возстаніе, сама она могла имѣть только ту цѣль, чтобы все болѣе и болѣе способствовать Франціи растерзать себя собственными руками! Такимъ образомъ, принять эту возмутительную поддержку значило совершить преступленіе оскорбленія отечества. Отступили ли вандейцы передъ такою крайностью? Нѣтъ, имъ даже не пришло въ голову, что союзъ съ иностранцами среди столькихъ окружившихъ Францію опасностей является преступленіемъ. Ихъ заботило только одно: слѣдуетъ ли имъ положиться на добросовѣстное или, по крайней мѣрѣ, дѣятельное намѣреніе Англіи оказать имъ услугу. Рѣчи обоихъ эмигрантовъ, доставившихъ депеши, вызывали сомнѣнія на этотъ счетъ, и въ еще большее сомнѣніе впали вандейскіе вожди, когда, сломавъ полую палку, бывшую у эмигрантовъ, нашли въ ней письмо

¹⁾ *Ibid.*, p. 280.

²⁾ См. Savary, *Guerres des Vendéens et des Chouans*, t. II, chap. IX, p. 338.—Нѣтъ надобности прибавлять, что подобныя вещи неизмѣнно опускаются роялистскими историками. Напр., Барантъ, у котораго книга Савари передъ глазами, хотя онъ и не цитируетъ ея, и который старательно выдвигаетъ на видъ малѣйшую подробность, даже малѣйшее слово, могущія послужить къ обвиненію республиканцевъ, умышленно опускаетъ *всю* обстоятельность, показывающія, до какихъ отвратительныхъ крайностей доходила жестокость вандейцевъ. Такъ ли пишутъ исторію?

³⁾ См. *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XVI, p. 281.

одного изъ главныхъ бретонскихъ эмигрантовъ, который совѣтовалъ не довѣрять депешамъ¹⁾... Но положеніе католической арміи было очень серьезно, а затѣмъ весьма велико было и искушеніе приобрѣсти, при помощи англичанъ, портъ, въ которомъ можно было бы водворить мѣшавшую арміи массу женщинъ, дѣтей и раненыхъ; поэтому осада Гранвиля была рѣшена. По взятіи города, предполагалось дать знать о томъ англичанамъ посредствомъ поднятія бѣлага флага между двумя черными²⁾.

20-го брѹмэра (10-го ноября) вандейцы вступили въ Доль, не встрѣтивъ сопротивленія, а черезъ день дошли до Авранша, откуда двинулись къ Гранвилю, оставивъ позади, подъ сильною охраной, ненужные рты и багажъ³⁾.

Они были наканунѣ атаки, когда, часовъ въ 10 вечера, явились два моряка съ просьбою о разрѣшеніи переговорить съ княземъ Тальмономъ. Когда ихъ допустили къ нему, они вручили ему письмо, писанное дорогимъ ему лицомъ, и, въ доказательство подлинности письма, представили цѣнную ювелирную вещь. Въ письмѣ его умоляли довѣриться обоимъ морякамъ, которые, имѣя наготовѣ лодку, были уполномочены отвезти его на Джерсей и тамъ устроить въ безопасномъ мѣстѣ. Онъ благородно отказался отъ этого⁴⁾... въ то время.

При вѣсти о приближеніи вандейцевъ, часть гранвильскаго гарнизона была выслана на дорогу для наблюденія. Она встрѣтила вандейцевъ, которые отгѣснили ее, стали преслѣдовать и загнали въ городъ, при чемъ заняли предмѣстья послѣдняго. У нихъ не было съ собою ни топоровъ, ни фашинъ, ни лѣстницъ, ни петардъ, но, имѣя передъ собою лишь палисады, они, можетъ быть, были и правы въ этомъ: они ограничились тѣмъ, что завязали бесполезную перестрѣлку и понесли большую потерю людьми, такъ какъ осажденные отвѣчали на ружейный огонь пушечною пальбой. Съ наступленіемъ ночи, около четырехсотъ вандейцевъ осталось въ предмѣстьѣ, гдѣ и перепились.

¹⁾ Все это наивно рассказываетъ сама г-жа Ларошжакленъ, chap. XVI, p. 281—283.

²⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XVI, p. 282 et 283.

³⁾ Разсказъ Обенэма у Савари, t. II, chap. IX, p. 348.

⁴⁾ Разсказъ вандейскаго офицера Ростена, присутствовавшего при этомъ свиданіи. См. біографію князя Тальмона, написанную Бошаномъ, въ *Biographie universelle*.

Остальная часть ихъ разсѣялась, въ поискахъ провіанта, топлива и помѣщенія. На слѣдующій день осаждавшіе поставили на окружающихъ высотахъ нѣсколько полевыхъ орудій и приготовились къ смѣлой атакѣ вдоль береговой полосы, обнаженной морскимъ отливомъ. Однако два небольшихъ судна, пришедшихъ изъ Сенъ-Мало, начали обстрѣливать этотъ пунктъ и разстроили попытку вандейцевъ. Съ другой стороны, вандейцы надѣялись, что англичане, которые могли у Джерсея слышать пушечную пальбу, приплотъ имъ какую-нибудь помощь; но помощи не было. Вдругъ, по приказанію народнаго представителя Лекарпантье, предмѣстье было подожжено, и сдѣлано это было съ такою смѣлою быстротою, что на минуту возникло опасеніе, какъ бы огонь не перекинуло на самый городъ, такъ какъ внезапно поднялся сильнѣйшій вѣтеръ. Удерживаться въ предмѣстьѣ становилось невозможно; поэтому тѣ изъ вандейцевъ, которые занимали его, поспѣшно удалились отсюда. Затѣмъ каждый изъ нихъ, не спросившись у начальниковъ, направился по дорогѣ въ Авраншъ. Странное зрѣлище представляли всѣ эти люди, бѣжавшіе въ разсыпную черезъ поля, чтобы выбраться на одну и ту же дорогу. Дорога въ одну минуту покрылась почти двадцатью тысячами бѣглецовъ, и вожди едва могли собрать вокругъ себя тысячу солдатъ для осадныхъ дѣйствій. Меньше чѣмъ въ четверть часа толпа пробѣжала шесть лѣ. Республиканцы въ Гранвилѣ, потерявшіе около ста пятидесяти человекъ, а неприятелю нанесшіе уронъ, по меньшей мѣрѣ, въ полторы тысячи человекъ убитыми, подобрали на дорогѣ, которой держались вандейцы, генеральскій и епископскій пояса, оба окровавленные¹⁾.

Какое направленіе слѣдовало принять вандейцамъ, вновь стянувшимся въ Авраншъ? Ларошжакленъ попытался увлечь ихъ въ Нормандію. Въ сопровожденіи Стофле и храбрѣйшихъ изъ своихъ людей, онъ двинулся прямо на Вилль-Дѣё и овладѣлъ этимъ пунктомъ, несмотря на очень мужественный и горячій отпоръ со стороны мѣстныхъ жителей, дома которыхъ онъ предалъ разграбленію²⁾. Но вспыхнувшее въ арміи волненіе

¹⁾ Объ осадѣ Гранвиля см. рассказъ Обенэма въ книгѣ Савари, т. II, р. 348—351; *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XVI, p. 286—288; донесеніе народнаго представителя Лекарпантье, напечатанное въ Кутансѣ.

²⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XVI, p. 289.

вынудило его тотчасъ же вернуться въ Авранипъ. Солдаты отказывались идти далѣе впередъ, требуя, чтобы ихъ отвели обратно къ Луарѣ, на родныя мѣста.

Тамъ у нихъ, по крайней мѣрѣ, всего было въ изобиліи. «Я видѣлъ—разказывалъ вандейскій офицеръ Лангреньеръ республиканцамъ, когда передался на ихъ сторону—я видѣлъ, какъ пятьдесятъ мызниковъ-арендаторовъ разомъ явились просить вождей, чтобы они взяли ихъ воловъ, самые мелкіе изъ которыхъ стоили по сто пистолей и по 1,200 франковъ. Волонъ продано было болѣе двухсотъ паръ, по цѣнѣ отъ 1,500 до 1,600 франковъ. Крестьяне готовы были отдать все за квитанціи, съ уплатою по нимъ по возстановленіи мира—до того велики были ихъ патріотизмъ и довѣріе! Со всѣхъ сторонъ подвозились зерновой хлѣбъ, вина, водка, фуражъ. Я знаю, что за однихъ только воловъ было уплочено болѣе 1.500,000 ливровъ, съ выдачею денегъ по возстановленіи мира. Я видѣлъ, какъ плакали мызники-арендаторы изъ-за того, что у нихъ не хотѣли взять воловъ, въ которыхъ не было надобности»¹⁾. Кромѣ того, въ Вандеѣ передъ глазами вандейцевъ не было бы надрывающей душу картины, которую представляли ихъ дѣти и жены, нищенски влачившіяся по невѣдомымъ дорогамъ, гдѣ витала смерть. Они дрались, постоянно думая о томъ, какъ бы по окончаніи боя опять повидать родныя поля, деревни и сельскія колокольни.

А сейчасъ—какая разница! Даже грабежъ не прокармливалъ этой бродячей массы. Она на всемъ своемъ пути распространяла голодъ и голодала сама. Одежда въ лохмотьяхъ, обуви пѣтъ. Наименѣе безстрашные или тѣ, у кого ноги были въ крови, отставали и тѣмъ замедляли движеніе остальныхъ. Конница была снаряжена такъ дурно, что ее называли въ насмѣшку *торговцами вишнею*²⁾. Бѣдственное положеніе повлекло за собою недовѣрчивость. Среди солдатъ распространилось мнѣніе, что вожди ищутъ уже только морского порта, чтобы бѣжать, бросивъ солдатъ на произволъ судьбы; могли ли они при этомъ съ готовностью повиноваться начальству? Князь Тальмонъ не пользовался совсѣмъ довѣріемъ. Единственнымъ человѣкомъ,

¹⁾ Заявленіе Лангреньера въ неизданныхъ документахъ, которые передавы мнѣ Бенжаменомъ Филлономъ.

²⁾ Разказъ Обснѣма у Савари, т. II, р. 339.

который пользовался дѣйствительнымъ авторитетомъ, былъ не тотъ или другой изъ генераловъ дворянскаго рода, а бывшій смотритель охоты Стофле. Для того, чтобы солдаты рѣшились ринуться на непріятеля, нужно было, чтобы Ларошжаклэнъ подалъ примѣръ и чтобы Стоффле двинулся впередъ во главѣ пѣхоты, со знаменами¹⁾. Отецъ 1-жи Ларошжаклэнъ, Дониссанъ, не игралъ никакой роли; но такъ какъ онъ былъ очень богатъ, то изъ собственныхъ средствъ оплачивалъ предводимый Келлеромъ отрядъ иноземцевъ-швейцарцевъ или германцевъ—отрядъ недисциплинированный, хотя и очень храбрый²⁾. Что касается высшаго совѣта, то его все осуждали. Въ Фужерѣ генераламъ было прислано папское бревно, которое, какъ подозрѣвали, было вызвано подъ-рукою аббатомъ Бернье, изъ зависти³⁾, и въ этомъ бревне указывалось на лже-епископа агрскаго, какъ на кощунственнаго обманщика; это подало генераламъ поводъ опасаться огласки тайны, сохраненіе которой было для нихъ такъ важно. Но что значили эти опасенія, когда настроеніе умовъ уже настолько измѣнилось, что набожные крестьяне начинали роптать даже на священниковъ, считая дѣломъ дурнымъ, что они вмѣшиваются въ управленіе арміей, вмѣсто того, чтобы «знать свое дѣло!»⁴⁾.

Итакъ, не во власти вождей было воспрепятствовать католической арміи вернуться назадъ, и она двинулась по дорогѣ въ Понторсонъ, уподобившись отнынѣ, по выраженію Обенгема, раненому кабану, которому остается только, прежде чѣмъ погибнуть, давить случайно встрѣчаемыхъ по пути охотниковъ⁵⁾.

Мы разстались съ республиканскими войсками въ то время, когда они заняты были въ Анжерѣ своей реорганизаціею. Такъ какъ Шальбо заболѣлъ и главное командованіе западною и брестскою арміями было ввѣрено Россиньолю, находившемуся тогда въ Рениѣ, то именно въ этомъ городѣ и состоялось 24 брюзэра (14 ноября) соединеніе обѣихъ армій. Сила ихъ вмѣстѣ равнялась 20,000 человекъ. Россиньоль давно уже служилъ для аристократической и военной партіи въ Вандеѣ предметомъ разсчитаннаго презрѣнія, но это не могло обезоружить ни его

1) Разсказъ Обенэма, у Савари, т. II, p. 339.

2) Заявленіе Лангреньера.

3) *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XVI, p. 284.

4) Заявленіе Лангреньера, *ubi supra*.

5) Savary, t. II, p. 351.

одновременно достаточною долей здраваго смысла, скромности и патриотизма, чтобы слѣдовать надлежащимъ совѣтамъ. Это была истинная политика государственныхъ людей, и лучшаго орудія, чѣмъ Россиньолю, встрѣтить она не могла¹⁾. Въ концѣ концовъ она привела къ успѣху и успѣхъ этотъ обошелся бы не такъ дорого, если бы лица, подчиненныя Россиньолю и считавшіе себя выше его, возвысились до подобающаго ихъ роли безпристрастія.

Извѣстіе о нападеніи на Гранвиль пришло въ Реннъ 26 брюмера (16 ноября). Тотчасъ же было рѣшено двинуть соединенныя западную и брестскую арміи въ Антрень. Пробили сборъ, и солдаты поплелись безъ башмаковъ по ужаснымъ дорогамъ, по колѣна въ грязи, къ указанной позиціи, куда и прибыли 27 брюмера (17 ноября). Разсчитывали, что генераль Сеферъ, съ шестью тысячами человѣкъ шербургской дивизіи, пойдетъ слѣдомъ позади вандейцевъ и что послѣдніе будутъ остановлены въ Понтарсонѣ генераломъ Трибу, которому, съ четырьмя тысячами человѣкъ при десяти орудіяхъ, надлежало оборонять недоступное обходу ущелье въ 18 футовъ шириной²⁾. Такимъ образомъ, вандейцы, запертые между понтарсонскимъ постомъ, шербургскою дивизіей, антреньскою арміею и моремъ, были, казалось, обречены на неизбѣжное истребленіе. Но планъ этотъ не удался—и не столько вслѣдствіе неумѣлости нѣкоторыхъ генераловъ, сколько вслѣдствіе господствовавшихъ между всѣми ними разногласій.

Сеферъ пришелъ въ Кутансъ на слѣдующій день послѣ осады Гранвиля; вмѣсто того, чтобы идти впередъ, онъ отошелъ назадъ къ Сенъ-Ло. А почему? Потому что ему не нравилось находиться въ подчиненіи у Россиньоля³⁾.

Съ своей стороны, Трибу, сдѣлавшій отъ избытка усердія ту громадную ошибку, что продвинулся по ту сторону ущелья, изъ котораго онъ не долженъ былъ выходить при малочисленности своихъ силъ, послалъ въ Антрень просить подкрѣпленія: оно, быть можетъ, спасло бы его отъ послѣдствій его неосто-

¹⁾ Этого не сумѣлъ понять г. Тьеръ, любящій революцію, а ненавидящій ее Барантъ понять не захотѣлъ.

²⁾ Savary, t. II, chap. IX, p. 361 et 362.

³⁾ Beauchamp, *Histoire de la Vendée et des Chouans*, t. II, liv. XI, p. 66.

рожности, но прислано ему не было¹⁾. Причина неприсылки подкрѣпленія неизвѣстна. Но достовѣрно то, что генераль Вернь, у котораго Трибу просилъ подкрѣпленія, командовалъ штабомъ Канкло и принадлежалъ къ *наитской партіи*, тогда какъ Трибу состоялъ въ *партіи сомюрской* и, въ глазахъ чисто военной партіи, былъ повиненъ въ преступной принадлежности къ якобинизму. Тѣмъ не менѣе онъ велъ себя такъ, что, располагая едва четырьмя тысячами человѣкъ для отпора натиску всей католической арміи, держался противъ нея въ теченіе трехъ часовъ и отступилъ къ Дюнану лишь тогда, когда его невыгодное положеніе, бывшее послѣдствіемъ крайняго несоотвѣтствія его силъ съ непріятельскими, ухудшилось вслѣдствіе истощенія боевыхъ припасовъ²⁾.

Гдѣ господствовало вліяніе майнцевъ, тамъ недоброжелательство къ солдатамъ генерала Трибу было такъ велико, что когда въ Антрентъ явились около полуночи двѣсти человѣкъ изъ числа дравшихся подъ Понтарсономъ, ихъ стали ругать трусами; дошло даже до того, что имъ отказали въ провіантѣ,—поступокъ, котораго пришлось сильно постыдиться на слѣдующій день, когда стало извѣстно, съ какимъ мужествомъ сражались пришедшіе³⁾.

Трибу, взбѣшенный неудачею, обусловленною преимущественно его собственными промахами, но, на его взглядъ, бывшею лишь слѣдствіемъ того, что его оставили безъ помощи, горько жаловался на генерала Верня, который вслѣдствіе этого донесенія, былъ подвергнутъ аресту; друзья же его, мстя за него, стали громче прежняго кричать, что «военныя дарованія замѣнены репутаціею санкюлотизма, а невѣжество и неумѣлость ставятся выше таланта и справедливости»⁴⁾.

¹⁾ Фактъ этотъ, на который рѣзко жаловался Трибу и который послужилъ причиною арестованія генерала Верня—впрочемъ освобожденнаго послѣ успѣшныхъ дѣлъ подъ Маномъ и Савне—самымъ положительнымъ образомъ подтвержденъ въ *Mémoires inédits de Mercier du Rocher*.

²⁾ Это констатируется въ разсказѣ очевидца, инженернаго офицера, цитированномъ самимъ Клеберомъ. См. Savary, t. II, chap. IX.

³⁾ *Mémoires inédits de Mercier du Rocher*. — Объ этомъ ни словомъ не упомянуто ни у Савари, ни у тѣхъ историковъ, которые, какъ Тьеръ и Барантъ, слѣдовали за нимъ шагъ за шагомъ, не потрудившись ознакомиться ни съ показаніями, ни съ документами противоположнаго характера.

⁴⁾ Это подлинныя выраженія, которыми пользуется Клеберъ, говоря объ этомъ дѣлѣ. Читатель можетъ расудить, въ какой степени основательно было это обвиненіе!

Овладевъ Понтарсономъ, вандейцы пробыли въ немъ всего одинъ день, и день этотъ ознаменовался совершенно неожиданнымъ событіемъ. Такъ какъ князь Тальмонъ, Воволье-старшій и сенъ-лоскій приходскій священникъ внезапно куда-то исчезли, то разнесся слухъ, что они дезертировали, съ цѣлью отплыть на рыбацкѣй лодкѣ къ Джерсею. Извѣстіе это вызвало повсюду негодованіе. Крутой, непреклонный Стофле, хотя и былъ до тѣхъ поръ лично преданъ князю Тальмону, бросился съ пикетомъ конницы въ погоню за бѣглецами, настигъ ихъ въ ту минуту, когда они собирались отчалить отъ берега, и велѣлъ арестовать ихъ. Всадники не рѣшались наложить руки на князя, но Стофле, сверкая глазами и обнаживъ шпагу, заставилъ ихъ схватить его. Тальмона обезоружили и отвели обратно въ лагерь вмѣстѣ съ его сотоварищами. Въ свое оправданіе всѣ они заявили, что хотя ими и была дѣйствительно нанята рыбацкая лодка, однако лишь съ тою цѣлью, чтобы съѣздить и поторопить англичанъ съ присылкой помощи, а также проводить нѣсколькихъ дамъ, которыя, желая ѣхать на Джерсей, просили ихъ содѣйствія. Это оправданіе, которое одними было принято на вѣру, а другими сочтено за ложь, потушило скандалъ, но не устранило подозрѣній. Особенно труднымъ оказалось убѣдить тѣхъ, которымъ извѣстна была исторія о врученіи князю Тальмону, наканунѣ осады Гранвиля, письма и ювелирной вещицы¹⁾.

Изъ Понтарсона вандейская армія направилась въ Долю. Какъ только Вестерманъ, бывшій при авангардѣ антреноской республиканской арміи, узналъ о движеніи непріятеля, онъ предложилъ генералу Мариньи²⁾ преслѣдовать его до города Доля. И вотъ они двинулись съ тремя тысячами человекъ пѣхоты, двумястами всадниковъ, одною гаубицей и тремя пушками³⁾.

Они направились по понтарсонской дорогѣ, но только пере-

¹⁾ Г-жа Ларошжакленъ, въ своихъ *Mémoires* (р. 291), явно старается выставить этотъ фактъ въ возможно менѣе неблагоприятномъ свѣтѣ. Она говоритъ, что Стофле не самъ отправился въ погоню за княземъ, а послалъ другихъ; объ арестованіи и обезоруженіи князя она не упоминаетъ, а пишетъ: «Они прибыли послѣ трехчасового отсутствія, не бывъ встрѣчены г. Мартеномъ» и т. д. Но та версія, которой держались мы, не только согласна съ рассказомъ Бошана (т. II, liv, X, р. 57 et 58), но, кромѣ того, подтверждается показаніями какъ Мерсье дю Роше, такъ и Лангреньера.

²⁾ Извѣстно, что и среди вандейцевъ также былъ генералъ, носившій ту же фамилію.

³⁾ Рассказъ Клебера у Савари, т. II, р. 366.

сѣкли ее и пошли на Доль. Вандейцы были тамъ совершенно спокойны; улицы были окутаны вечернимъ сумракомъ и все, даже бдительность часовыхъ, уснуло подъ вліяніемъ сознанія безопасности. Вдругъ послышались крики и сильный шумъ. То Мариньи, во главѣ горсти вольныхъ стрѣлковъ, ворвался въ предмѣстье, опрокидывая все на своемъ пути. Къ несчастію, онъ второяхъ пробрался слишкомъ далеко впередъ, въ сопровожденіи однихъ только всадниковъ, тогда какъ пѣхота, подъ начальствомъ Вестермана, находилась еще въ трехъ льѣ назади. Непрiятель не замедлил оправиться отъ неожиданности, и Мариньи, не имѣя поддержки, вынужденъ былъ отступить¹⁾.

Это произошло 30 брюмера (20 ноября), между 6 и 7 часами вечера²⁾.

А въ то же самое время въ Антрени происходило засѣданіе совѣта генераловъ и народныхъ представителей.

По мнѣнію Клебера — а онъ склонилъ генераловъ на свою сторону — слѣдовало ограничиться дѣятельно-оборонительною системою дѣйствій, имѣвшею цѣлью блокировать непрiятеля, при чемъ Вестерману и Мариньи было бы поручено тревожить его³⁾. Но планъ этотъ не отвѣчалъ пылкому настроенію народныхъ представителей, особенно представителю департамента Марны, Приёру, который былъ посланъ его сотоварищами въ Комитетъ общественнаго спасенія къ западной арміи съ порученіемъ слѣдить за военными начальниками. Пренія совѣта еще продолжались, когда подано было какое-то письмо. Письмо оказалось отъ Вестермана. Онъ извѣщалъ, что положеніе вандейцевъ въ Долѣ плачевно, что онъ намѣренъ атаковать ихъ въ началѣ ночи съ понтарсонской дороги и что если угодно будетъ двинуть колонну по антренской дорогѣ, то Даль окажется для католической арміи могилою. При чтеніи этого письма народные представители вскипѣли; планъ Клебера былъ отвергнутъ и состоялось рѣшеніе поддержать атаку Вестермана⁴⁾.

Доль состоялъ изъ очень широкой улицы, образуемой большою динанскою дорогою. На противоположномъ концѣ, почти у въѣзда

¹⁾ Savary, t. II, p. 367. — *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XVII, p. 296.

²⁾ Донесеніе генераль-адъютанта Руве, приводимое въ донесеніи Шудль

³⁾ Разсказъ Клебера у Савари, t. II, p. 368.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 369.

въ городъ, дорога расходилась двумя вѣтвями, изъ которыхъ одна вела въ Понтарсонъ, а другая въ Антрень¹⁾.

Двойная атака съ этихъ обѣихъ вѣтвей дороги несомнѣнно повела бы къ осуществленію предсказанія Вестермана, если бы была поведена совокупно и выполнена энергично. Но въ то время какъ Вестерманъ въ Понтарсонѣ стремился только продвинуться впередъ, Клеберъ въ Антрень желалъ держаться оборонительныхъ дѣйствій и ничего не предиринимать наудачу; а послѣдствіемъ этого разномыслія оказался недостатокъ связи въ движеніяхъ, который могъ быть только гибельнымъ.

Дѣйствительно, Вестерманъ началъ, съ своей стороны, въ полночь атаку, не имѣя поддержки. А между тѣмъ въ Долѣ царило такое смятеніе, что вандейцы уже сочли себя находящимися на волосъ отъ гибели. Женщины, раненые, вообще всѣ не сражавшіеся высыпали изъ домовъ и стали рядами вдоль стѣнъ. Посреди улицы сгромоздились обозъ, повозки, запасная артиллерія. По обѣимъ сторонамъ, между пушками и женщинами, расположились, съ саблями на-голо, кавалеристы, ожидая минуты, чтобы вступить въ начатый пѣхотою бой. Мгновеніе было ужасное! Ночь была темна, пушки гремѣли, огонь орудій озарялъ, отъ времени до времени, дома свѣтомъ, еще болѣе зловѣщимъ, чѣмъ ночная тьма. Женщины не осмѣливались дать волю своимъ воплямъ и молча жались одна къ другой, какъ бываетъ въ минуты великаго ужаса. Для подбадриванія солдатъ, по городу были разосланы барабанщики, бившіе атаку. Слово предоставлено было только смерти. Спустя полчаса, у вѣзда въ городъ раздался крикъ: «Кавалерія впередъ! Да здравствуетъ король!»— «Да здравствуетъ король!» съ мрачнымъ одушевленіемъ подхватили кавалеристы и понеслись вскачь, размахивая саблями, сверкавшими во тьмѣ при вспышкахъ боевого огня²⁾.

Республиканцы въ теченіе четырехъ часовъ поддерживали бой, которому ночныя потемки придавали ужасный характеръ. Обѣ стороны дрались съ такимъ бѣшеннымъ остервенѣніемъ, что сражавшіеся, бросаясь въ рукопашную, разрывали другъ друга руками. Патроны хватались противниками изъ однихъ и тѣхъ же ящиковъ; люди убивали одинъ другого и были убиваемы наудачу. Наконецъ, Вестерманъ, видя, что диверсіи, на которую

¹⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XVII, p. 297.

²⁾ *Ibid.*, p. 297—298.

онъ разсчитывалъ, не послѣдовало, былъ вынужденъ отойти на понтарсонскую дорогу, на разстояніе въ 2¹/₂ льё отъ Доля¹⁾.

Въ эту самую минуту, т. е. слишкомъ поздно, Марсо пошелъ на разстояніе одного льё отъ Доли по антреноской дорогѣ, на которую высыпала часть вандейской арміи, въ предвидѣніи двойной атаки. Стороны встрѣтились въ 4 часа утра. Вскорѣ поднялся густой туманъ и среди вандейцевъ возникла страшнѣйшая паника. Была ли она вызвана шумомъ чиновъ бывшей во главѣ артиллеріи, которые бросились на повозку, груженую хлѣбомъ²⁾, или же движеніемъ группы кавалеристовъ, посланной въ Долю за порохомя, но показавшейся находящеюся въ полномъ бѣгствѣ³⁾—неизвѣстно. Такъ или иначе, но ужасъ былъ всеобщій, сильнѣйшій. Множество растерявшихся солдатъ хлынули обратно въ городъ и переполнили его ужасомъ. Въ одну минуту динанская дорога, на другомъ концѣ Доля, была запружена бѣгущими. Никогда еще пораженіе не представляло такого плачевнаго вида. Раненые, сбитые съ ногъ лошадьми, которыя топтали ихъ, плакавшія дѣти, кричавшія женщины, офицеры, тщетно бившіе саблями бѣгущихъ и увлекаемые послѣдними за собою, самъ Стофле, неустрашимый Стофле, уносимый обцимъ потокомъ—все, казалось, давало знать католической арміи, что пришелъ ея послѣдній часъ⁴⁾. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что часъ этотъ тогда пробилъ бы, если бы князь Тальмонъ, во главѣ четырехсотъ человекъ, не проявилъ мужества и стойкости, которыя, благодаря туману, прикрыли безпорядокъ отъ глазъ республиканцевъ и дали генераламъ Стофле, Мариньи и д'Отишану время сплотить бѣглецовъ и вернуть ихъ въ бой⁵⁾. Нѣкоторые изъ офицеровъ покрикивали гробовымъ голосомъ: «Ну-ка, молодцы, идемъ умирать!» Другіе кричали: «Пусть женщины не даютъ людямъ бѣжать!» Послѣдовало другое движеніе въ обратномъ смыслѣ и, при томъ, не менѣе порывистое, чѣмъ первое. Выѣхали священники; приходскій священникъ церкви Сентъ-

¹⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, p. 304.

²⁾ Разсказъ Обенэма у Савари, t. II, p. 377.

³⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XVII, p. 305.

⁴⁾ Нужно замѣтить, что въ разсказѣ Клебера совсѣмъ не упоминается объ этихъ обстоятельствахъ, такъ неопровержимо доказывающихъ, что вандейцы были бы разбиты, если бы оказались болѣе энергически атакованными со стороны Антрена.

⁵⁾ См. *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XVII.

Мари-де-Ре, взобравшись на холмъ и поднявъ большое Распятіе, пригрозилъ адомъ всякому, кто поддастся назадъ передъ непріателемъ¹⁾. Женщины начали останавливаться и возвращаться; нѣкоторыя изъ нихъ, перейдя отъ страха къ экзальтаціи, стали загораживать бѣглецамъ дорогу. Горничная г-жи де ла Шевалери схватила ружье и пустила свою лошадь вскачь, крича: «Впередъ, въ огонь, жительницы Суату!»²⁾.

Тѣмъ временемъ, Ларошжакленъ послѣшно перешелъ съ понтарсонской дороги, гдѣ онъ отбѣснилъ Вестермана, на дорогу антренскую и тутъ былъ, прежде всего, пораженъ увидѣннымъ имъ бѣгствомъ вандейцевъ. Въ отчаяніи онъ остановился, скрестивъ руки, передъ республиканскою батареей, ища смерти. Онъ не зналъ, что на крайнемъ концѣ праваго фланга еще держался Тальмонъ. Когда ему сообщили объ этомъ, онъ съ возродившеюся надеждой присоединился къ сражающимся. Немного времени спустя, подошелъ Стофле съ собранными имъ войсками, и оказалось, что генералу Марсо, за минуту передъ тѣмъ столь превосходившему непріателя численностью, приходится имѣть дѣло со всею соединившеюся вандейскою арміею. Въ довершеніе несчастія, одна изъ республиканскихъ колоннъ, вернувшись изъ Фужера, куда она была ранѣе послана, бросилась въ ряды своихъ и только внесла въ нихъ переполохъ. Марсо, въ отчаяніи, послалъ гонца къ Россиньолю и Клеберу, которые и прибыли со всею послѣшностью. Но возстановлять въ войскахъ порядокъ въ присутствіи непріателя было опасно. Клеберъ предложилъ отойти на позицію впереди Трана, впредь до возвращенія въ Антрень, что, по его мнѣнію, должно быть сдѣлано на слѣдующій день. Мнѣніе это, вначалѣ принятое, было очень скоро оставлено. Главнокомандующій Россиньоль и народные представители разсудили, что ради осторожности вполне достаточно окопаться впереди Трана³⁾.

1) *Mémoires de m-me de la Rochjaquelein*, ch. XVII, p. 303.

2) *Ibid.*, p. 302.

3) Нужно сказать, что рассказъ Клебера въ томъ, что касается событій, этого дня, не только очень неполонъ, но и не согласуется ни съ донесеніемъ Вестермана, ни съ рассказомъ г-жи Ларошжакленъ, ни съ лежащими у насъ передъ глазами *Mémoires de Mercier du Rocher*. Рассказъ этотъ, при разныхъ умолчаніяхъ и при данной положенію дѣлу окраскѣ, очевидно, рассчитанъ на то, чтобы сложить съ партіи, къ которой принадлежалъ Клеберъ, всякую отвѣтственность за неудачу, ввадивъ ее, въ возможно большей сте-

Вандейскія войска торжественно вернулись въ Доль. Радость была величайшая; всѣ поздравляли и обнимали другъ друга. Женщинъ благодарили за ихъ мужественное вмѣшательство. Священникъ церкви Сентъ-Мари появился снова, попрежнему съ распятіемъ въ рукахъ, и сталъ пѣть гимнъ *Vexilla regis*, при чемъ всѣ падали при его проходѣ на колѣни¹⁾.

Говорить ли? Да, скажемъ, такъ какъ того требуетъ истина. Солдаты республиканской колонны, посланной въ Фужеръ, совершили тамъ преступленія, равныя по своей жестокости съ тѣми, которыми запятнали себя въ томъ же мѣстѣ вандейцы. Раненые были тамъ убиваемы въ постеляхъ, вандейки были умерщвляемы послѣ опозоренія, которое хуже смерти. Это свидѣтельствуется письмомъ, написаннымъ къ одному хирургу, съ просьбою показать его Робеспьеру. Но не будемъ опускать ничего. Писавшій письмо прибавлялъ: «Среди этихъ ужасовъ я видѣлъ прекрасный поступокъ. Какая-то женщина, съ которой сняли юбки—ей могло быть лѣтъ двадцать и она была довольно хороша собою—просила капитана канонировъ убить ее. А онъ, движимый благородствомъ и чувствомъ гуманности, снялъ съ себя шюртукъ, надѣлъ его на нее, вывелъ ее изъ госпиталя и, съ саблею въ рукѣ, спасъ ей жизнь»²⁾.

2 фримэра (22-го ноября) тѣ же причины, которыя вызвали понесенное наканунѣ пораженіе, повели къ вторичной неудачѣ. Тогда какъ Клеберъ только о томъ и говорилъ въ Транѣ, что войска слѣдуетъ отодвинуть назадъ до Антрена³⁾, Вестерманъ, находившійся въ Понтарсонѣ, упорно держался мысли о возобновленіи атаки. На это онъ и рѣшился 2 фримэра, не удостоившись, будетъ ли ему своевременно оказана поддержка. Въ 7 часовъ утра онъ двинулся прямо на Доль. Ларошжакленъ снова выступилъ ему навстрѣчу и завязался бой. Обѣ стороны

цени, на противную партію. Такъ, смятеніе, вызванное въ колоннѣ Марсо возвращеніемъ той колонны, которая была раниѣ послана въ Фужеръ, изображено въ напечатанномъ у Савари разказѣ въ видѣ послѣдствія того, что Мюллеръ былъ пьянъ. Не надо, однако, забывать того, что говоритъ Россиньоль, въ письмѣ къ военному министру изъ Анжера, объ отвратительныхъ слухахъ, которые майнцакая партія старалась распускать о генералахъ-патріотахъ, между прочимъ о Мюллерѣ и Канюелѣ.

¹⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XVII, p. 304.

²⁾ Докладъ Куртуа о бумагахъ, найденныхъ по смерти Робеспьера, *Pièces justificatives*, № LXV.

³⁾ Разказъ Клебера у Савари, t. II, p. 370.

дрались съ мужествомъ, близкимъ къ ярости. Въ 9 часовъ подчиненный Вестермана Мариньи, видя, что республиканцы подаются назадъ, сдѣлалъ усиліе, чтобы поправить судьбу, спѣшившись со своими стрѣлками и начавъ, во главѣ ихъ, отчаянную атаку. Какой-то бискаецъ нереломилъ у него въ рукѣ саблю и Мариньи лишь чудомъ избѣгнулъ смерти¹⁾. Что касается Вестермана, то онъ, чувствуя, что побѣда ускользаетъ изъ его рукъ, впалъ въ такое бѣшенство, что началъ бить и направо и налево собственныхъ солдатъ и ударомъ сабли въ лицо убилъ жандармскаго офицера въ ту самую минуту, когда тотъ старался собрать бѣжавшихъ²⁾.

Пришлось, однако, отступить; и понтарсонская дорога была уже цѣлый часъ свободна³⁾, когда вандейцы увидѣли, что по антренской дорогѣ подвигаются главныя силы республиканской арміи, стоявшей въ Транѣ. На этой сторонѣ вандейцами командовалъ Стофле, но такъ какъ къ нему присоединился побѣдоносный Ларошжакленъ, то республиканцамъ пришлось снова выдерживать натискъ всей соединенной вандейской арміи. Отъ этого-то⁴⁾, а вовсе не отъ деморализаціи республиканскихъ войскъ⁵⁾, зависѣлъ исходъ боя. Войска настолько мало были деморализованы, что сраженіе длилось нѣсколько часовъ⁶⁾. Вторая колонна держалась хорошо, третья поддерживала огонь до тѣхъ поръ, пока не истощились боевые припасы, послѣ чего пущено было въ ходъ холодное оружіе⁷⁾. Наконецъ, республиканцы, подвергшись натиску на свой правый флангъ⁸⁾, дрогнули.

¹⁾ Разказъ Клебера у Савари, t. II, p. 374.

²⁾ Письмо Россиньоля къ военному министру, отъ 11 фримаэра (1 декабря) 1793 г.—По этому поводу Савари говоритъ (t. II, p. 404), что у Вестермана, человѣка вспыльчиваго и опаснаго, была привычка осыпая сабельными ударами офицеровъ и солдатъ.

³⁾ Пораженіе было понесено Вестерманомъ въ 9 часовъ, а другая часть арміи произвела атаку лишь въ 10 часовъ. См. письмо Генона въ концѣ доклада Куртуа о бумагахъ, найденныхъ послѣ смерти Робеспьера, № LXV.

⁴⁾ См. разказъ Обенэма у Савари, t. II, p. 379.

⁵⁾ Какъ говоритъ Клеберъ у Савари, t. II, p. 373, чтобы доказать, что его система оборонительныхъ дѣйствій была лучше.

⁶⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XVII, p. 307.

⁷⁾ Донесеніе генераль-адъютанта Руїе, приведенное въ докладѣ Шудьё.

⁸⁾ См. письмо Генона, въ концѣ доклада Куртуа, въ *Pièces justificatives*, № LXV.—Клеберъ не говоритъ въ своемъ разказѣ ни слова о проявленной Россиньолемъ неустрашимости; понятно, что роялистскіе историки, съ своей стороны, поостереглись восполнить этотъ пробѣлъ. Если бы, напр., Барантѣ

Тщетно Россиньоль, постоянно державшійся во главѣ боя, на-прягалъ, вмѣстѣ съ Бурботомъ и Пріеромъ, всевозможныя усилія, чтобы доставить побѣду своему знамени, то упрашивая солдатъ, то грозя имъ, то ругая ихъ и крича: «Вы будете говорить, что ваши генералы выдаютъ васъ, но это неправда: мы теряемъ бой изъ-за вашей трусости!..»¹⁾. Отступленіе, разъ начавшись, приняло такой стремительный характеръ что обратилось въ бѣгство, и увлекло республиканцевъ въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ даже за Антрень, улицы и дома котораго переполнились вандейскою арміею. «Отрядъ, силою въ тысячу человекъ, который атаковалъ бы вандейцевъ въ эту минуту—пишетъ Обенгемъ—уничтожилъ бы ихъ»²⁾.

Но республиканская армія не только не думала возвращаться, но отодвинулась до Ренна. Здѣсь Россиньоль проявилъ одинъ изъ тѣхъ благородныхъ порывовъ, которые могутъ рождаться только среди дѣйствительно великихъ армій. Съ несправедливою вслѣдствіе самоотреченія скромностью принявъ на себя отвѣтственность за пораженіе, которое могло бы быть приписываемо ему только потому, что онъ состоялъ главнокомандующимъ, и дѣйствительною причиною котораго служили лишь существовавшіе въ арміи внутренніе раздоры, онъ явился, съ бумагою въ рукѣ, въ военный совѣтъ и сказалъ народнымъ представителямъ: «Граждане, я далъ клятву служить республикѣ или умереть: клятву эту я выполняю. Но я не пригоденъ для командованія арміею. Пусть мнѣ дадутъ баталіонъ, и я исполню свой долгъ. Вотъ мое прошеніе объ отставкѣ: если въ принятіи его мнѣ будетъ отказано, я буду думать, что республику хотятъ погубить»³⁾. Но Пріеръ возразилъ: «Россиньоль, ты старшій сынъ Комитета общественнаго спасенія. Никакой отставки не будетъ. Отвѣтственность падеть не на тебя, а на тѣхъ людей, которые тебя окружаютъ и должны помогать тебѣ своими совѣтами и военными дарованіями»³⁾.

Въ этихъ словахъ цѣликомъ сказалаь политика Комитета

считалъ своимъ долгомъ не умалчивать ни о чемъ, то онъ не могъ бы доставить себѣ удовольствіе сказать въ своей *Histoire de la Convention*, t. III, p. 398, édition Méline, что у большей части покровительствуемыхъ якобинцами генераловъ не было ни дарованій, ни мужества.

¹⁾ См. у Savary, t. II, p. 380.

²⁾ *Ibid.*, t. II, chap. IX, p. 376.

³⁾ *Ibidem.*

общественнаго спасенія по отношенію къ людямъ военнаго дѣла; и Пріёръ, навѣрное, не придавалъ игриваго смысла тому опредѣленію, которое имѣлъ обыкновеніе придавать самому себѣ, когда сказалъ майнцскимъ генераламъ, вѣроятно съ ироническимъ намѣреніемъ: «Самъ я романистъ революціи»¹⁾.

Итакъ, званіе главнокомандующаго было оставлено за Росиньолемъ. Однако Клеберъ добился отъ народныхъ представителей, чтобы Марсо былъ назначенъ командующимъ войсками, а Вестерманъ командующимъ кавалеріей, и чтобы во главѣ артиллеріи былъ поставленъ Дебилли. «Будучи другомъ Марсо — пишеть Клеберъ — я былъ увѣренъ, что онъ ничего не предприметь безъ соглашенія со мною»²⁾. Несмотря на то, что эти мѣры явно имѣли цѣлью усилить вліяніе майнцской партіи на армію, онѣ были приняты народными представителями, такъ какъ для Пріёра и его сотоварищей важнѣе всего было то, чтобы высшая военная власть, власть въ послѣдней инстанціи, оставалась въ рукахъ человѣка, душою и тѣломъ преданнаго революціи, какъ понималъ ее и какъ олицетворялъ ее въ этомъ человѣкѣ Комитетъ общественнаго спасенія. Если бы генераламъ, обязаннымъ помогать ему совѣтами, вздумалось оказывать ему такое содѣйствіе, которое только вводило бы его въ ошибки, о, тогда горе было бы имъ! На этотъ счетъ Пріёръ высказался вполне опредѣленно³⁾.

8 фримэра (28 ноября) было рѣшено двинуть армію на Шатобрианъ, куда первая колонна, подъ командою Марсо, прибыла 10 фримэра (30-го ноября) и гдѣ получено было свѣдѣніе, что непріятель угрожаетъ Анжеру⁴⁾.

Дѣйствительно, въ эту-то сторону и рѣшили вендейцы направиться по выступленіи изъ Антрена. Снова прошли они чрезъ Фужеръ, Эрне и Лаваль; но какое же зрѣлище развернулось теперь передъ ихъ глазами въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они одерживали побѣды! Всюду скорбь, всюду предзнаменованія ихъ близкаго истребленія, всюду слѣды мщенія, которому подверглись всѣ тѣ, у кого они находили пріютъ. Громадною и жалкою толпой плелись они теперь, пятная дороги своею кровью, усѣи-

¹⁾ Савари приводитъ это выраженіе безъ всякихъ комментаріевъ въ своей книгѣ, т. II, р. 391.

²⁾ *Ibid.*, р. 389.

³⁾ *Ibid.*, р. 391.

⁴⁾ *Ibid.*

вая ихъ своими трупами, и оставляя на каждомъ изъ этихъ могильныхъ этаповъ людей, погибавшихъ отъ холода и голода. Ибо холодъ былъ такой чрезвычайный и недостатокъ провіанта такъ великъ, что въ Антрень г-жѣ Ларошжакленъ пришлось ограничиться въ ѣдѣ «нѣсколькими вырытыми въ огородѣ луковицами»¹⁾. Такъ добрались вандейцы до Анжера.

Получивъ свѣдѣніе о ихъ приближеніи, находившійся въ Шатобрианѣ Марсо тотчасъ же послалъ извѣстить о томъ Россиньоля, оставшагося въ Реннѣ. Такъ какъ Россиньоль отвѣтилъ, что прибудетъ лично на слѣдующій день, то Марсо подумалъ, что ему слѣдуетъ дожидаться его; и это довольно естественное толкованіе, въ виду опасности, которой изъ-за него, повидимому, подвергался Анжеръ, послужило предметомъ очень горячаго объясненія сперва между Россиньолемъ и Марсо, а потомъ между Марсо и Приёромъ. Послѣдній, убѣдившись наконецъ, что Марсо нисколько въ этомъ дѣлѣ не виноватъ, свалилъ все на Клебера и даже заговорилъ о гильотинѣ. Къ счастью, благодаря очевидности фактовъ и твердости Клебера, Приёръ одумался и буря улеглась²⁾.

При томъ, въ Анжерѣ, за два дня до осады, вступили генералы Даниканъ и Букре; и хотя трехъ тысячъ вооруженныхъ человѣкъ было недостаточно для обороны линіи въ 1,200 туазъ³⁾, однако воинственный пылъ жителей былъ настолько великъ, что вандейцы разбились объ это препятствіе. Когда они овладѣли предмѣстьями, имъ пришлось въ теченіе цѣлаго дня 13 фримера (3-го декабря) выдерживать огонь двадцати артиллерійскихъ орудій. Душою обороны былъ Бопюи, едва оправившійся отъ раны. Ему оказываема была удивительная поддержка: старики, молодья дѣвушки, женщины, дѣти взапуски поспѣшили доставлять на укрѣпленія провіантъ и боевые припасы⁴⁾. Среди вандейцевъ, напротивъ, царило уныніе. Чтобы иобудить ихъ къ общей атакѣ, начальники обѣщали позволить имъ разграбить городъ, но и это было тщетно⁵⁾.

¹⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XVII, p. 309.

²⁾ См. Savary, t. II, chap. IX, p. 292 et suiv.

³⁾ Разсказъ коменданта анжерской крѣпости Менара, въ книгѣ Савари, t. II, chap. X, p. 409.

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ Г-жа Ларошжакленъ, въ своихъ *Mémoires*, p. 310, признавая этотъ фактъ, говоритъ, что это обѣщаніе многихъ возмутило. Въ этомъ можно

Осада длилась уже тридцать часовъ, когда подошла выступившая изъ Шатобриана колонна. При ея приближеніи вандейцы рѣшили отступить. Мариньи, шедшій въ тылу по флешской дорогѣ, атаковалъ ихъ во главѣ ста пятидесяти человѣкъ, но былъ настигнутъ пушечнымъ ядромъ. «Стрѣлки, добейте меня!» крикнулъ онъ и умеръ. Въ Анжерѣ ему предполагалось объявить о его смѣщеніи, но славная смерть предупредила это сообщеніе ¹⁾.

Вспоминая объ этомъ смѣщеніи, Клеберъ не воздерживается отъ ропота на «несправедливость правящихъ лицъ». Но онъ не говоритъ о томъ, что Мариньи, воинъ очень храбрый, принадлежалъ къ той вооруженной оппозиціи, по отношенію къ которой Комитетъ общественнаго спасенія приказалъ, подѣ страхомъ смертной казни, держаться на-сторожѣ. А доказательствомъ того, что въ лицѣ Мариньи имѣлось въ виду покарать не вонна, является слѣдующій интересный декретъ, изданный 25-го декабря по предложенію Мерлена (отъ Тіонвила): «Конвентъ декретируетъ, что отцу Мариньи будетъ отдана лошадь, бывшая подѣ его сыномъ въ ту минуту, когда онъ былъ раненъ» ²⁾.

Клеберу тоже грозила неприятность. Но та же самая рука, которая внесла его фамилію въ списокъ лицъ, подлежащихъ смѣщенію—списокъ, отмѣненный почти тотчасъ по его составленіи—не колеблясь подписала патентъ, которымъ Марсо возводился въ званіе временнаго главнокомандующаго западною арміею, которой одной поручалось преслѣдованіе вандейцевъ, впредь до прибытія генерала Тюрро ³⁾. Клеберъ не разъ говаривалъ Марсо: «Мы будемъ гильотинированы вмѣстѣ». Истина, однако, въ томъ, что ни тотъ, ни другой изъ нихъ гильотинированъ не былъ, а возвышеніемъ своимъ оба они обязаны были единственно республикѣ. Если она была страшна такимъ генераламъ, которые, какъ Кюстинъ, осмѣливались порицать ее, то, съ другой стороны, она окружала блестящимъ торжествомъ

усомниться, если вспомнить, что въ Мансѣ, какъ будетъ видно дальше, аристократы и патриоты безъ разбора подверглись грабежу.

¹⁾ Разсказъ Клебера у Савари, t. II, p. 411.

²⁾ Объ этомъ забываетъ упомянуть Барантъ въ своей *Histoire de la Convention*, t. III, p. 405, édition Méline; но зато онъ не забываетъ сказать, что «распоряженіе о смѣщеніи Мариньи пришло изъ военнаго министерства въ тотъ самый день, когда онъ шелъ на смерть!»...

³⁾ Эти сооставленія въ высшей степени важны, а факты, на которые они опираются, приведены самимъ Савари, t. II, chap. X, p. 414.

тѣхъ, которые, подобно Оберу-Дюбайе въ Майнцѣ, служили ей хорошо ¹⁾); по отношенію же къ такимъ людямъ, которые, какъ Клеберъ, при рѣдкихъ заслугахъ отличались неуживчивымъ, стронтивымъ характеромъ, она довольствовалась однимъ лишь наблюденіемъ, что, въ концѣ концовъ, не лишало отечества пользы отъ ихъ службы.

Осада Анжера показываетъ, настолько необходима была такая бдительность революціи относительно военныхъ дѣятелей. Въ числѣ генераловъ, которые, заодно съ майнцами, хулили такъ называвшуюся у нихъ «неумѣлость генераловъ изъ санкюлотовъ», находился Даниканъ. И какъ же велъ онъ себя въ Анжерѣ? «Паденіе съ лошади, притворное или дѣйствительное—говорить Бошанъ—послужило для Даникана предлогомъ къ тому, чтобы сдать командованіе другому лицу. Въ минуту наибольшей опасности, его карета и багажъ направились къ воротамъ св. Николая. Такъ какъ въ томъ же направленіи двинулась и его кавалерія, освѣщавшаяся факелами, то явилось подозрѣніе, что она старалась указать непріятелю наиболѣе слабый пунктъ» ²⁾. Кроме того, Даникана обвиняли въ томъ, что онъ дезертировалъ съ антрамскаго поста передъ дѣломъ подъ Шато-Гонтье ³⁾. Не было ли въ томъ чувствѣ, которое побудило народныхъ представителей смѣстить его, несправедливой недоувѣрчивости? Отвѣтъ на это дала его послѣдующая жизнь. Даниканъ былъ тайнымъ роялистомъ ⁴⁾. Именно онъ-то и командовалъ впослѣдствіи возставшими противъ Конвента секціями, а умеръ онъ, состоя у англичанъ на пенсіи, которую получалъ за услуги, оказанныя контръ-революціонному дѣлу ⁵⁾.

Прогнавныя изъ Анжера, гандейцы направились по дорогѣ къ Мансу, черезъ городъ Ла Флешъ. При ихъ приближеніи три или четыре тысячи республиканцевъ, большею частью національныхъ гвардейцевъ ⁶⁾, выступили изъ Манса и рѣшительно двинулись на непріятеля. Завязалась перестрѣлка. Какой-то гусарь,

¹⁾ Въ первой главѣ настоящаго тома мы рассказали о восторженномъ и трогательномъ приѣмѣ, который былъ оказанъ Конвентомъ Оберу-Дюбайе по его возвращенію изъ Майнца (см. *Moniteur*, 1793, № 221).

²⁾ Beauchamp, t. II, liv. X, p. 89 et 90.

³⁾ Savary, t. II, chap. X, p. 415.

⁴⁾ *Biographie des contemporains*.

⁵⁾ *Adresse des administrateurs de la Sarthe à leurs concitoyens*.

⁶⁾ *Ibid.*

узнавъ Тальмона по его генеральской перевязи, началъ наступать на него; Тальмонъ крикнулъ ему: «Я тебя жду!» дождался его приближенія и раскрылъ ему саблею голову¹⁾. У республиканцевъ было недостаточно боевыхъ припасовъ; когда припасы стали истощаться, началось беспорядочное отступленіе и ни генераль Шальбо, ни народный представитель Гарнье не могли остановить его. Вечеромъ вандейцы ворвались со всѣхъ сторонъ въ городъ, а на слѣдующій день объ этой послѣдней побѣдѣ католической арміи свидѣтельствовали разстрѣлянные лучшіе граждане, разгромленные общественныя зданія и ограбленные безъ разбора аристократы и патриоты²⁾.

22 фримэра (12 декабря) подъ стѣнами Манса появился неутомимый Вестерманъ, который, бросившись съ авангардомъ преслѣдовать непріятеля, безостановочно тревожилъ его.

Среди вандейцевъ царили невыразимое утомленіе, смертельное уныніе и мрачная покорность судьбѣ, предшествующая давно предвидѣнной катастрофѣ. У солдатъ уже не было уваженія къ начальникамъ, между начальниками не оставалось никакой связи. Несчастіе озлобило всѣхъ, ненависть и зависть всѣхъ снѣдали. Всѣ они чувствовали себя подъ ножомъ и, въ ожиданіи, когда онъ опустится на нихъ, въ бѣшенствѣ растерзывали другъ друга³⁾. Въ Ла Флешѣ Ларошжакленъ, негодуя на офицеровъ, предоставившихъ ему драться почти одному, сказалъ имъ: «Мало того, что вы противорѣчите мнѣ въ военномъ совѣтѣ, но еще и бросаєте меня въ бою»⁴⁾.

Сдѣлано было, однако, послѣднее усиліе, и вначалѣ оно увѣнчалось успѣхомъ. Республиканскій авангардъ былъ оттѣсненъ, наткнулся на свою, стоявшую ближе другихъ, дивизию и вызвалъ въ ней беспорядокъ. Но вызванная изъ Шербурга колонна, подъ командой Тилли, остановила побѣдоноснаго непріятеля, ударила на него въ штыки, обратила его въ бѣгство и въ неотразимомъ порывѣ пробралась, преслѣдуя бѣгущихъ, черезъ манскій мостъ, проникла въ городъ и вступила на большую городскую площадь⁵⁾. Дѣло было къ ночи. Наиболѣе храбрые

¹⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XVIII, p. 319.

²⁾ *Adresse des administrateurs du département de la Sarthe à leurs concitoyens*.

³⁾ См. *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XVIII, p. 319.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 318.

⁵⁾ Донесеніе народныхъ представителей Тюрро, Пріера (отъ д-та Марны) и Бурбота, отъ 23 фримэра, 7 час. вечера.

изъ вандейцевъ, рассыпавшись по домамъ, открыли стрѣльбу изъ всѣхъ оконъ. Остальная же часть католической арміи представляла собою уже не что иное, какъ безпорядочный сбродъ растерявшихся женщинъ, стонавшихъ раненыхъ и солдатъ, возмущившихся противъ офицеровъ и утратившихъ силу смотрѣть смерти въ глаза. Въ моментъ своего возвращенія въ Мансъ, Ларошжакленъ, придя въ бѣшенство, пустилъ свою лошадь вскачь и началъ давить ею тѣхъ самыхъ вандейцевъ, которые еще недавно такъ вѣрно служили ему, а теперь не признавали его голоса¹⁾. Положеніе было ужасное! Но республиканцы не подозрѣвали, что дѣла противника такъ плохи. Марсо, опасаясь, чтобы его не окружили, приказалъ заградить справа и слѣва огъ себя выходящія на площадь улицы и послалъ передать Клеберу, дивизія котораго находилась еще далеко, чтобы онъ прибылъ какъ можно скорѣе²⁾. Но въ это время вандейцы думали только о томъ, чтобы выбраться изъ города, воспользовавшись темнотою. Стофле уходилъ со знаменосцами; толпа запрудила всѣ свободные еще выходы; на улицахъ валялись опрокинутыя повозки; волю, полегши на землю, отбивались ногами отъ людей, наступавшихъ на нихъ въ общемъ движеніи бѣгства; общій безпорядокъ еще больше увеличивался вслѣдствіе охватившаго всѣхъ ужаса; отовсюду неслись отчаянные крики... Вотъ какое зрѣлище представлялось г-жѣ Ларошжакленъ, зажатой и наполовину задавленной между парю лошадей, которыхъ бѣгущіе непрерывно наталкивали на нее, и стѣною, вдоль которой она старалась пробраться. «Я увидѣла— рассказываетъ она—проѣзжавшаго мимо меня верхомъ молодого человѣка съ добрымъ лицомъ и взяла его за руку, сказавъ: «Милостивый государь, сжальтесь надъ бѣдной беременной и больной женщиной; я не могу двинуться впередъ». Молодой человѣкъ заплакалъ и отвѣтилъ мнѣ: «Я сама женщина»³⁾.

Въ 1 часъ пополудни подоспѣла дивизія Клебера. Она прошла въ одинъ день десять льѣ и, тѣмъ не менѣе, дала Марсо возможность смѣнить посты, такъ какъ колонна Тилли была утомлена продолжительнымъ боемъ. Утромъ солдаты попросили у Марсо позволенія ударить въ штыки. Онъ согласился. Вна-

¹⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XVIII, p. 323.

²⁾ Письмо Марсо къ военному министру, у Савари, t. II, chap. X, p. 430.

³⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XVIII, p. 324.

чалъ водворилась жуткая тишина, потомъ слышались торжествующіе крики: арбергартъ, оставленный вандейцами въ городѣ съ цѣлью замаскировать ихъ отступленіе, оказался истребленнымъ. «Трудно себѣ представить—нижегъ Клеберъ—какая въ этотъ день произошла рѣзня»¹⁾.

Разсказывали, что при взятіи Манса Марсо, встрѣтивъ хорошенькую молодую дѣвушку, которая, вся въ слезахъ, молила о смерти, взялъ ее къ себѣ въ экинажъ, обошелся съ ней почтительно и доставилъ ее въ безопасное мѣсто²⁾. Но Савари категорически говоритъ, что дѣвушка эта была спасена имъ, причемъ приводитъ и ся фамилію: мадмуазель Демелье. Она лишилась родителей и не хотѣла послѣ этого оставаться въ живыхъ; Савари утѣшилъ ее, усадилъ въ принадлежавшій Марсо кабриолетъ, единственный изъ экипажей штаба, оставшійся никѣмъ незанятымъ, и поручилъ офицеру Николу проводить кабриолетъ въ городъ и отвезти осиротѣвшую дѣвушку на квартиру, куда вечеромъ долженъ былъ прибыть штабъ, при чемъ просилъ его держать все это въ тайнѣ. Клеберу и Марсо было сообщено объ этомъ только вечеромъ, и только тогда они впервые увидѣли мадмуазель Демелье, въ судьбѣ которой и приняли живѣйшее участіе. Дѣвушку отвезли въ Лаваль, гдѣ ее навѣстилъ Марсо. Но на слѣдующій день по выступленіи войскъ она была обнаружена при произведенныхъ по распоряженію мѣстныхъ властей обыскахъ и погибла. Противъ обоихъ генераловъ, кажется, возбуждено было даже дѣло, «и дѣло это—говоритъ Савари—могло оказаться для нихъ роковымъ, если бы его не передали народному представителю Бурботу, который по нездоровью задержался на нѣсколько дней въ Лаваль и взялъ протоколы въ свое вѣдѣніе»³⁾.

Вандейцы, безостановочно преслѣдуемые гусарами Вестермана, «которые каждую ферму, каждый домъ на своемъ пути превращали въ могилу»⁴⁾, прослѣдовали чрезъ Лаваль, Краонъ и Сень-Маркъ. У нихъ оставалась теперь только одна забота, одна надежда: переправиться обратно за Луару. Но возможна ли бу-

¹⁾ Savary, t. II, chap. X, p. 430.

²⁾ Такъ писали многіе историки, въ томъ числѣ и г. Тьеръ. См. его *Histoire de la Révolution*, t. III, chap. VIII, p. 350, édition Méline.

³⁾ Разсказъ Савари, t. II его книги *Guerre des Vendéens et des Chouans*, p. 435—439.

⁴⁾ *Campagne de Westermann*, p. 32.

детъ переправа? Не угнаны ли республиканцами необходимія для нея суда? Ларошжакленъ опасался этого и потому велѣлъ захватить въ Сень-Маркѣ небольшую лодку, которую нашли на какомъ-то прудѣ и извадили на повозку¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, когда 26 Фримэра (16-го декабря) вандейцы прибыли въ Ансени, они нашли тамъ всего одну маленькую лодку. Однако у противоположнаго берега стояли четыре большія барки съ сѣномъ. Желая поскорѣе завладѣть ими, Ларошжакленъ бросился со Стофле въ лодчонку, привезенную изъ Сень-Марка, а восемнадцать солдатъ сѣли въ лодку, найденную въ Ансени. Но едва они достигли праваго берега, показался республиканскій отрядъ и заставилъ ихъ разсѣяться. Наскоро сколочено было нѣсколько плотовъ, но и тѣ были потоплены внезапно расположившеюся противъ Ансени канонерскою шлюпкой, такъ что вандейская армія, разъединенная со своимъ вождемъ, вынуждена была двинуться внизъ по Луарѣ, при чемъ все время была по прежнему тревожима и уже сама не знала больше, куда бѣжать²⁾.

И вотъ тогда князь Тальмонъ, во главѣ двадцати лучшихъ кавалеристовъ, отправился на соединеніе къ отряду въ три или четыре тысячи человекъ, сформировавшемуся въ Бретани подъ руководствомъ Жана Шуана и служившему очагомъ разбойничества, извѣстнаго подъ названіемъ шуанства³⁾. вмѣсто Ларошжаклена выбранъ былъ Флёріо, а Тальмонъ не могъ примириться съ этимъ, на его взглядъ, несправедливымъ предпочтеніемъ названнаго лица⁴⁾.

Армію онъ оставилъ въ самомъ жалкомъ состояніи, живое представленіе о которомъ даютъ слѣдующія строки г-жи Ларошжакленъ: «Я была одѣта крестьянкой; на головѣ у меня былъ лиловый шерстяной капюшонъ; тѣло мое было окутано старымъ шерстянымъ одѣяломъ и большимъ кускомъ синяго сукна, подвязаннымъ у шеи веревочками; на лошади моей было гусарское сѣдло съ овчиннымъ чепракомъ. Г. Роже Мулинье носилъ чалму и доломанъ, которые взялъ въ ла-флешскомъ

¹⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XIX, p. 331—332.

²⁾ *Ibid.*, p. 331—333.

³⁾ Показаніе Лангреньера. Оно у насъ передъ глазами и написано имъ собственноручно.

⁴⁾ См. *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XIX, p. 335 et 336.

театрѣ. Шевалье Боволье щеголялъ въ прокурорской мантии и въ женской шляпкѣ, надѣтой поверхъ шерстяного чепчика»¹⁾ и т. д. Деморализація въ арміи дошла до крайняго предѣла; благородныя чувства, казалось, угасли совсѣмъ. Это доказы-вается слѣдующимъ фактомъ: офицеры имѣли подлость расхи-тить кассу арміи²⁾.

При такомъ состояніи вандейцамъ было невозможно долго еще ускользать отъ смертоноснаго удара: ударъ этотъ нанесенъ былъ имъ 3 нивоза (23 декабря) подъ Савне, гдѣ будучи настигнуты и оцѣплены генераломъ Марсо, они были не то, чтобы побѣждены, а истреблены. «Всюду—писалъ Вестерманъ—виднѣлись лишь груды мертвыхъ тѣлъ. Въ одномъ только при-городѣ Савне предано землѣ болѣе шести тысячъ труповъ»³⁾.

Такова была развязка такъ называемой великой вандейской войны. Въ обоихъ лагеряхъ проявлены были въ гигантскихъ размѣрахъ весь героизмъ и все варварство, какіе только могутъ проявиться въ опьяненіи междоусобій. Конвентомъ изданъ былъ декретъ, гдѣ говорилось: «Всякій городъ республики, который приметъ разбойниковъ въ свою среду или окажетъ имъ по-мощь, будетъ срытъ до основанія»⁴⁾. И въ агентахъ, для вы-полненія такихъ ужасныхъ постановленій недостатка не было. Какъ ужасны слѣдующія слова Россиньоля, писанныя къ Ко-митету общественнаго спасенія: «Еще есть гуманные люди, а въ революціонное время это, по моему, недостатокъ!»⁵⁾ А по миѣнію вандейцевъ, это было недостаткомъ также и въ контръ-революціонное время, и намъ очень скоро придется набросать картину тѣхъ ужасовъ, совершеніемъ которыхъ они запятнали себя⁶⁾. Да, энтузіазмъ, вѣра, мужество, самоотверженность, безудержное честолюбіе, необузданная жестокость, жалкая зависть рядомъ съ великодушною экзальтаціей—вотъ что проявляется въ перемежку и въ лагерѣ республиканцевъ, и въ лагерѣ ихъ враговъ. Много крайностей таится въ душѣ человѣческой!

¹⁾ *Mémoires de la Rochjaquelein*, chap. XIX, p. 336 et 337.

²⁾ Это признано самою г-жей Ларошжакленъ, p. 335.

³⁾ *Campagne de Westermann*, p. 41.

⁴⁾ У насъ передъ глазами этотъ декретъ, отпечатанный въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ расклеенъ повсюду въ Вандеѣ.

⁵⁾ Savary, t. II, chap. IX, p. 331.

⁶⁾ См. ниже главу: «Проконсулы».

что вскорѣ и было дано имъ понять. Депутаци отъ секцій, явившейся съ просьбой о возвращеніи эмигрантовъ и прежняго епископа, а также объ установленіи королевской администраціи съ *Monsieur* въ качествѣ регента, уполномоченные англійскіе комиссары отвѣтили: «Мы отнюдь не уполномочены компрометировать его британское величество въ вопросѣ о регентствѣ. Еще того менѣе можемъ мы согласиться на сдѣланное предложеніе призвать графа Прованскаго въ Тулонъ для исполненія должности регента, такъ какъ это значило бы лишить его британское величество ранѣе условленнаго времени той власти, которая ввѣрена ему въ Тулонѣ»¹⁾.

Итакъ, не оставалось сомнѣнія, что англичане намѣрены были удержать свою добычу за собою, а измѣнники оказались лишенными награды за свое коварство.

Чувство бѣшеннаго озлобленія, которое естественно долженъ былъ вызвать въ республиканцахъ подобный образъ дѣйствій, было еще болѣе усилено оскорбленіями, непрерывно наносившимися французскому народу, въ лицѣ ея избранниковъ, дипломатическими агентами сентъ-джемскаго кабинета. Какое французское сердце не дрогнуло бы при чтеніи слѣдующей записки, представленной 25 января 1793 г. въ генеральные штаты англійскимъ посланникомъ въ Гаагѣ: «Прошло едва четыре года съ тѣхъ поръ, какъ разные *жалкіе люди*, принявъ названіе философовъ, сочли себя способными установить новый порядокъ гражданскаго общественнаго устройства и, въ видахъ осуществленія этой тщеславной мечты, признали нужнымъ перевернуть и уничтожить всѣ установленныя основы іерархіи, нравственности и религіи»²⁾.

Жалкіе люди! Вотъ какимъ наименованіемъ угодно было англійскому правительству заклеить выборныхъ представителей великаго народа; а преступленіе, за которое предполагалось покарать этотъ народъ, заключалось въ томъ, что онъ не заимство-

¹⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'État*, t. II, p. 420.

²⁾ Текстъ этой записки заслуживаетъ того, чтобы привести его въ англійской редакціи: «It is not quite four years since certain *miscreants* assuming the name of philosophers, have presumed themselves capable of establishing a new system of civil society; in order to realize this dream, the offspring of vanity, it became necessary for them to overturn and destroy all established notions of subordination, morals, and religion». См. *Annual Register*, 1894. State papers, p. 148—149.

валъ у своихъ враговъ практиковавшихся у нихъ правилъ политики, нравственности и религіи!

Понятно, какою ненавистью одушевлены были члены Комитета общественнаго спасенія и Конвента противъ союзниковъ, которыхъ Питтъ имѣлъ въ самой Франціи! Не было человѣка, который не поблѣднѣлъ бы отъ гнѣва при одномъ только упоминаніи о Тулонѣ, тѣмъ болѣе, что въ возмутившемся городѣ акты мстительности проявлялись въ дикой, безумной формѣ. Обоихъ народныхъ представителей, Бове и Пьера Бэля, водили по улицамъ, среди раздававшихся кругомъ свистковъ и ругательствъ, а потомъ бросили въ вонючую тюрьму, гдѣ они подвергались такому жестокому обращенію, что первый впалъ въ состояніе апатіи, граничившее съ сумасшествіемъ, а второй съ отчаянія удавился¹⁾. Всѣ республиканцы, всѣ люди, предпочитавшіе Францію поддерживаемой иноземцами монархіи, подвергались безжалостному гоненію. Желая наказать гильотину за то, что она послужила орудіемъ казни Людовика XVI, тулонскіе роялисты публично сожгли ее на площади, но бѣшенство ихъ ничуть не ослабѣло отъ этого; они отдѣлывались отъ патріотовъ другимъ способомъ: подвѣшивали ихъ на крючья, на которыхъ мясники вѣшаютъ туши, и оставляли ихъ висѣть, пока не наступала смерть!²⁾

Этимъ объясняется слѣдующее письмо, которое Кутонъ, при всей проявленной имъ въ Ліонѣ умѣренности, написалъ 20 октября Сень-Жюсту:

«Страданія мои значительно усиливаются отъ холодовъ, которые начинаютъ здѣсь чувствоваться. Мнѣ хотѣлось бы стѣздить подышать немножко южнымъ воздухомъ. Быть можетъ, я оказалъ бы нѣкоторыя услуги въ Тулонѣ, но хочу, чтобы меня послали туда по постановленію Комитета. Выхлопочи мнѣ такое постановленіе, и безногіи генераль тронется въ путь. По сожженіи Тулона — потому что безусловно необходимо, чтобы этотъ мерзкій городъ исчезъ съ земли свободы³⁾ — я вернусь

¹⁾ См. *Mémoires du maréchal duc de Bellune*, t. I, liv. II, p. 121, и *Moniteur*, an I-er, 1793, № 271.

²⁾ *Réponse de Fréron aux diffamations de Moyse Bayle*, въ *Bibliothèque historique de la Révolution*, p. 17. 995, 6, 7. (*British Museum*).

³⁾ «Въ ту минуту, когда я пишу эти строки, во всей Англійи, отъ одного конца до другого, только и рѣчи, что о томъ, чтобы сжечь—послѣ его взятія—не англійскій, а индійскій городъ Дели и покарать массовымъ истребле-

къ вамъ и уже до смерти укоренюсь у васъ. Моя жена, Ипполитъ и я отъ души цѣлуемъ тебя»¹⁾.

Образъ дѣйствій Кутона всюду, куда его посылали, позволяетъ думать, что это было лишь преувеличеніемъ въ его тонѣ; но въ этомъ преувеличеніи отражается то чувство, которое внушала патріотамъ измѣна тулонскихъ роялистовъ.

Отбитіе Тулона возложено было вначалѣ на генерала Карто. По усмирении Марсея, онъ, во главѣ семи или восьми тысячъ человѣкъ, расположился у выхода изъ Олліульскихъ ущелий, близъ Тулона. Подъ его начальствомъ служилъ генераль Лапуапъ, который, будучи съ четырьмя тысячами человѣкъ отряженъ отъ итальянской арміи, стоялъ лагеремъ на значительномъ разстояніи около Сольеса и Лавалета. Шуринъ Фрерона и солдатъ-дворянчикъ, Лапуапъ возмущался тѣмъ, что ему приходится повиноваться генералу Карто, который, отвѣчая ему на презрѣніе презрѣніемъ же, называлъ его *туалетнымъ генераломъ*²⁾. При главнокомандующемъ находился народный представитель Салисетти, человѣкъ одновременно и податливый, и смѣлый, энергическій и хитрый, который удержалъ подъ Тулономъ своего земляка, двадцати-четырёхлѣтняго офицера, отправлявшагося къ итальянской арміи. То былъ Наполеонъ Бонапарте. Онъ былъ небольшого роста, лицомъ худощавъ, на видъ хилъ, обладалъ нервнымъ, однако крѣпкимъ сложеніемъ, блѣднымъ лицомъ и проницательнымъ взоромъ. Простой капитанъ артиллеріи, онъ сразу обращалъ на себя вниманіе своимъ задумчивымъ видомъ и своею внушительною молодостью³⁾.

Предпріятіе, подлежащее выполнению, было дѣломъ крайне труднымъ. Большой тулонскій рейдъ—рейдъ громадный, могущій вмѣстѣ многочисленнѣйшія эскадры—былъ защищенъ грозными батареями, особенно же фортомъ Ламальгъ, съ его высокими стѣнами, безопасными отъ бомбъ камерами и казематами и двумя стама орудіями. Малый рейдъ, болѣе безопасный, защищался, съ одной стороны, большою готическою башней Людовика XII, а съ другой фортами Баланье и Эгюильетъ. На эгюильет-

ніемъ возмущившихся сипаевъ за жестокости, совершенныя нѣкоторыми изъ нихъ».

¹⁾ № LXII документовъ, приложенныхъ къ докладу Куртуа о бумагахъ, найденныхъ по смерти Робеспьера.

²⁾ *Mémoires du maréchal duc de Bellune*, t. I, liv. II, p. 152.

³⁾ *Ibid.*, p. 148—149.

ской косѣ англичане возвели съ большимъ искусствомъ обширный редутъ, который назвали *фортомъ Мюльравъ*; французы же называли его *англійскимъ редутомъ*. Редутъ этотъ представлялъ собою обширную цитадель, гдѣ могъ помѣститься гарнизонъ силою въ три или четыре тысячи человекъ¹⁾.

Союзная армія въ Тулонѣ состояла изъ англичанъ, испанцевъ, пьемонтцевъ и неаполитанцевъ, числомъ, въ общей сложности, около 20,000 человекъ, съ прибавкою, сверхъ того, семисотъ или восьмисотъ французовъ, сформированныхъ въ баталіоны, подъ названіемъ *королевскаго баталіона Людовика (Royale-Louis)* и баталіона *королевскихъ стрѣлковъ*²⁾. Численность осаждавшихъ, даже послѣ полученія подкрѣпленій, никогда не превышала 35,000 человекъ, изъ которыхъ 15,000 были неопытны и не имѣли оружія³⁾.

Начало осады не было удачно. Занятая непріателемъ гора Фаронъ была сперва взята генераломъ Лапуаномъ, но потомъ отбита у него⁴⁾. Эта неудача обострила разногласія между нимъ и Карто, который былъ болѣе храбрымъ, чѣмъ способнымъ воиномъ, и толковалъ только о томъ, что укрѣпленія надо взять штурмомъ.

Когда, вскорѣ послѣ неудачной попытки овладѣть Фарономъ, О'Гара привезъ войска изъ Гибралтара въ Тулонъ, гдѣ онъ принялъ главное командованіе союзными силами, разнесся слухъ, что въ городѣ находится графъ д'Артуа, и Карто воскликнулъ: «Теперь я не уступлю моего мѣста самому Богу!»⁵⁾ Но уже Комитетъ общественнаго спасенія рѣшилъ иначе, и на смѣну Карто сѣдѣшилъ Доппе.

Новый генералъ прибылъ въ главную квартиру въ Оллиулѣ между 19 и 20 числами брѹмэра (9—10 ноября), и онъ рассказываетъ, что, осматривая посты, нашелъ молодого Бонапарте лежавшимъ въ плащѣ около батарей⁶⁾. Вообще же, Доппе, въ нѣкоторомъ родѣ, только проѣхался по лагерю. Отвѣтственность такой рискованной осады пугала его, въ чемъ онъ и открылся

1) *Mémoires du maréchal duc de Bellune* t. I, liv. II, p. 144—146.

2) *Ibid.*, p. 159—160.

3) *Ibid.*, p. 177.

4) Въ этой атакѣ отличился Викторъ, впоследствии ставшій маршаломъ, герцогомъ Веллювскимъ. См. его *Mémoires*, t. I, liv. II, p. 155.

5) *Ibid.*, p. 159.

6) *Mémoires du général Doppet*, liv. III, chap. IV, p. 207.

министру; и, едва только появившись под Тулономъ, онъ получилъ депешу съ декретомъ, которымъ онъ назначался главнокомандующимъ восточно-пиренейской арміей, при чемъ замѣстителемъ его по руководству осадой Тулона становился Дюгомье¹⁾.

Между тѣмъ роялисты не пренебрегали ничѣмъ, стараясь вызвать вокругъ себя упадокъ духа; они даже выдумали письмо, будто бы отъ Барраса и Фрерона, съ жалобами на полное отсутствіе провіанта, съ заявленіемъ, будто они отчаяваются въ успѣхѣ, и съ предложеніемъ предоставить англичанамъ весь районъ отъ морского берега до Дюранса²⁾. Вѣрить возможности этого значило мало знать людей того времени, людей желѣзныхъ. Всякому, кто сдѣлалъ бы Конвенту подобное предложеніе, онъ, вѣроятно, отвѣтилъ бы ударомъ топора. Тулонъ *надо* взять непременно — таковъ былъ выводъ изъ инструкцій, посланныхъ имъ командированнымъ туда комиссарамъ: Баррасу, Фрерону, Салисетти, Робеспьеру-младшему и Рикору.

Робеспьеръ-младшій поѣхалъ въ Тулонъ въ сопровожденіи своей сестры Шарлоты, а Рикоръ взялъ съ собою жену, очень хорошенькую женщину, которая, говорятъ, успѣла понравиться Огюстену Робеспьеру, а также и Наполеону Бонапарте, что не помѣшало обоимъ послѣднимъ подружиться между собой. «Бонапарте — рассказываетъ Шарлота — глубоко уважалъ обоихъ моихъ братьевъ, особенно старшаго. Сколько я знаю, ни одинъ историкъ революціи не сообщилъ того факта, что послѣ 9 термидора Бонапарте предлагалъ народнымъ представителямъ, прикомандированнымъ къ итальянской арміи, двинуться на Парижъ, чтобы наказать зачинщиковъ контръ-революціоннаго движенія, вызвавшего гибель обоихъ моихъ братьевъ»³⁾. Въ ту пору Бонапарте былъ или называлъ себя республиканцемъ.

Что достовѣрно, такъ это то, что всѣми осадными операціями подъ Тулономъ руководилъ Огюстенъ Робеспьеръ, въ соглашеніи со своимъ юнымъ пріятелемъ и Рикоромъ⁴⁾.

¹⁾ *Mémoires du général Doppet*, liv. III, chap. IV, p. 205.

²⁾ Волье, въ *Biographie universelle*, въ статьѣ Fréron, говорить объ этомъ письмѣ въ такомъ тонѣ, будто оно дѣйствительно было написано. Онъ не упоминаетъ о томъ, что Баррасъ и Фреронъ самымъ опредѣленнымъ образомъ отреклись отъ него.

³⁾ *Mémoires de Charlotte Robespierre sur ses deux frères*, chap. V.

⁴⁾ См. что говорить на этотъ счетъ Мишо-младшій въ *Biographie universelle*, въ статьѣ Ricord.

Утверждали, будто Робеспьеръ-младшій любилъ выступать, во время своихъ командировокъ, окруженнымъ какъ бы своего рода династическою пышностью¹⁾. Истина же какъ разъ противоположна этому: доказательствомъ является то, что причиною ссоры Шарлоты Робеспьеръ сперва съ г-жею Рикоръ, а потомъ съ братомъ, было слѣдующее обстоятельство: Огюстенъ Робеспьеръ настоятельно запретилъ сестрѣ—которая запрещеніе это нарушила—парадно разѣзжать въ каретѣ и развлекаться глупыми прогулками верхомъ въ компаніи, что осуждалось строгостью республиканскихъ нравовъ²⁾.

5-го фримэра (25 ноября) состоялось засѣданіе военнаго совѣта, въ присутствіи Салисетти, Рикора, Робеспьера-младшаго, Барраса и Фрерона, при чемъ принятъ былъ слѣдующій планъ, главныя черты котораго были намѣчены Комитетомъ общественнаго спасенія, по указаніямъ Бонапарте: всѣ атаки направить на *англійскій редутъ*; установить на оконечности косъ Баланье и Эгюильетъ батареи, чтобы заставить непріятельскую эскадру уйти съ рейда или сжечь ее, если противный вѣтеръ помѣшаетъ ей уйти; обстрѣливать фортъ Мальбуске батареями подъ названіемъ *Convention* и *Poudrière*, чтобы замаскировать отъ непріятеля истинный пунктъ атаки, и, наконецъ, овладѣть горою Фаронъ³⁾.

Въ исполненіе этого плана, 8-го фримэра (28 ноября) названнаго батареи были демаскированы и открыли огонь по форту Мальбуске. Непріятельскіе солдаты, не ожидавшіе этого, спокойно сидѣли на амбразурахъ: послѣ перваго же залпа оказалось, что рвы переполнились трупами⁴⁾.

Черезъ день⁵⁾ 2,300 человекъ—англичанъ, сардинцевъ, не-

¹⁾ Слѣдуетъ пожалѣть, что такой видный историкъ, какъ Мишле, не поостерегся высказать такое обвиненіе, ложность котораго было такъ легко провѣрить.

²⁾ Подробности, очень интересныя и характерныя, см. въ *Mémoires de Charlotte Robespierre*, chap. V.—Письмо Шарлоты, помѣщенное подъ № XLII документовъ въ концѣ доклада Куртуа и начинающееся словами: «Ваше отвращеніе ко мнѣ, мой братъ», и т. д., писано къ Огюстену, а не къ Максимилиану, какъ нѣкоторые притворно утверждали изъ коварства.

³⁾ *Mémoires du maréchal duc de Bellune*, t. I, liv. II, p. 171.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 173.

⁵⁾ Т. е. 30 ноября. Эта подробность очень важна—и мы увидимъ, почему—а дата эта опредѣлена разсказомъ присутствовавшего при томъ Виктора.

аполитанцевъ, испанцевъ и французовъ—выступили, подъ предводительствомъ Девида Дундеса, съ цѣлью овладѣть Аренскими высотами (*hauteurs des Arènes*). Прогнавъ республиканскіе форпосты, они взобрались на усѣянные уступами виноградниковъ высоты и, послѣ часового боя, обратили въ бѣгство бывшія передъ ними войска, сплошь состоявшія изъ новобранцевъ. Побѣдителямъ слѣдовало бы остановиться, но въ порывѣ боя они бросились преслѣдовать убѣгавшихъ. Испугавшись этой неосторожности, поспѣшно прибылъ на мѣсто О'Гара; но было уже слишкомъ поздно. Дюгомье, подоспѣвъ съ Сервони, Арсней и Бонапарте, сплотилъ добровольцевъ и, получивъ въ подкрѣпленіе два баталіона, отгнѣшилъ союзныя войска, которыя попали теперь подъ истребительный огонь своихъ, открытый, съ цѣлью оградить ихъ, съ фортовъ Сентъ-Антуанъ, Мальбуске и Помме. О'Гара былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, и непріятель отошелъ, потерявъ 519 человекъ убитыми, 127 ранеными и 250 чел. плѣнными¹⁾.

26-го фримэра (16-го декабря), въ 5 часовъ утра, отдано было приказаніе двинуться къ *англійскому редуту*. Редутъ этотъ, защищаемый тремя тысячами слишкомъ человекъ, двадцатью пушками и нѣсколькими мортирами, считался неприступнымъ. Но Конвентъ требовалъ повиновенія себѣ: во всякомъ случаѣ, возможно было одно: умереть. Въ ту минуту, когда начато было движеніе, Дюгомье, подойдя къ Виктору, сказалъ ему вполголоса: «редутъ *долженъ* быть взятъ, не то...» И онъ провелъ себѣ рукою по шеѣ²⁾. Шелъ проливной дождь, но зычные го-

¹⁾ Барантъ, въ своей *Histoire de la Convention*, t. III, p. 346, édit. Méline, утверждаетъ, что батарея, назначенная для обстрѣла форта Мальбуске, была демаскирована слишкомъ рано, «въслѣдствіе полного притязательности невѣжества народныхъ представителей, приказавшихъ канонирамъ отереть огонь». И дѣйствительно такъ изображаетъ дѣло Наполеонъ въ своихъ *Mémoires*. Но версія герцога Беллюнскаго, единственно согласная съ официальными реляціями, опровергаетъ разсказъ Бонапарте съ такою опредѣленностью, которая устраняетъ всякія сомнѣнія. Въ изложеніи герцога Беллюнскаго не только нѣтъ и рѣчи объ ошибкѣ, вызванной, будто бы, невѣжествомъ народныхъ представителей, но о дѣлѣ на Аренскихъ высотахъ говорится, что оно происходило лишь черезъ день послѣ того, когда батарея была демаскирована, тогда какъ въ версіи Баранта, слишкомъ обрадовавшись случаю заявить о «полномъ претензіи невѣжествѣ народныхъ представителей», оба факта, столь различные, слиты воедино.

²⁾ *Mémoires du duc de Bellune*, t. I, liv. II, p. 187.

лоса солдатъ грянувшихъ марсельезу, заглушали шумъ ненастья. При свѣтѣ пушечныхъ выстрѣловъ можно было различить красивое лицо и сѣдые волосы Дюгомье: онъ улыбался войскамъ и черты его свѣтились надеждою на побѣду ¹⁾. Во главѣ одной колонны ѣхалъ Рикоръ. Салисетти и Робеспьеръ-младшій съ саблями въ рукахъ, казалось, рвались на опасность и первыми бросились на штурмъ. Завязалась яростная рукопашная схватка. Но менѣе чѣмъ черезъ часъ непріятель былъ выгнанъ изъ *англійскаго редута*, гдѣ онъ оставилъ распростертыми въ крови 800 человекъ, тогда какъ Лапуапъ, съ своей стороны, взялъ укрѣпленія горы Фаронъ ²⁾.

Никогда еще республиканская храбрость не сіяла такимъ яркимъ свѣтомъ. Восторженный пылъ французовъ былъ такъ великъ, что раненые, отдохнувъ нѣсколько мгновений, требовали, чтобы ихъ снова отвели въ строй. Какой-то солдатъ, передъ

¹⁾ *Mémoires du duc de Bellune*, t. I, liv. II, p. 183.

²⁾ См. письмо народныхъ представителей Рикора, Фрерона и Робеспьера-младшаго въ *Moniteur*, an II, № 95;—докладъ Барера, *ibid.*;—*Mémoires du duc de Bellune*, t. I, liv. II, p. 183—185.

Что касается храбрости, проявленной Рикоромъ, Салисетти и Робеспьеромъ-младшимъ (Фреронъ и Баррасъ упомянуты не были), то реляціи того времени и докладъ Барера не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Это не помѣшало, однако, Баранту написать: «Фортъ былъ взятъ за три часа до того времени, когда явились, съ саблями въ рукахъ, народные представители—явились безъ достаточной надобности, такъ какъ при боѣ они не присутствовали. На этотъ счетъ Наполеонъ опровергаетъ показанія официальныхъ реляцій».

На это слѣдуетъ отвѣтить: 1) что Наполеонъ отнюдь не говоритъ, будто народные представители *не присутствовали при боѣ*; 2) что народные представители могли бы оставаться позади не иначе, какъ рискуя попасть на гильотину, и что ихъ появленіе въ фортъ спустя три часа послѣ боя не только неправдоподобно, но и невозможно, если принять въ соображеніе тогдашнее время; 3) что существуетъ написанный однимъ изъ участниковъ боя разсказъ, не вызывающій особыхъ подозрѣній въ революціонномъ пристрастіи, но Барантъ даже не подумалъ упомянуть о немъ, хотя онъ былъ у него передъ глазами; разсказъ же этотъ вполне согласуется какъ съ реляціями того времени, такъ и съ докладомъ Барера. Въ разсказѣ этомъ, который написанъ Викторомъ, герцогомъ Беллюнскимъ, говорится (t. I, liv. II, p. 183) буквально слѣдующее: «Народные представители, появляясь то во главѣ, то по бокамъ колоннъ, то-и-дѣло выкрикиваютъ подбадривающія слова солдатамъ, которымъ слова эти не нужны». А Барантъ, имѣя передъ глазами разсказъ герцога Беллюнскаго, утверждаетъ, будто *народные представители не присутствовали при боѣ!*

тѣмъ какъ итти въ огонь, просилъ выдать ему деньги, которыхъ онъ ждалъ отъ родныхъ. Его спросили, на что ему деньги.— «Я ихъ проглочу, пока еще живъ», отвѣчалъ онъ.— «Да деньги еще не получены на почтѣ». — «А! въ такомъ случаѣ, если я умру, раздайте ихъ бѣднымъ» ¹⁾.

Рикоръ, Фреронъ и Робеспьеръ-младшій написали изъ главной квартиры въ Олліулѣ Конвенту, донося о томъ, что произошло послѣ взятія *англійскаго редута*: «Форты Эгюилъетъ и Баланье взяты были приступомъ. Ночью непріятель покинулъ форты Мальбуске и Помме; послѣдній онъ съ отчаянія взорвалъ. Англичане принимаютъ мѣры къ укрытію своего флота отъ дѣйствія нашихъ пушекъ и бомбъ. Войска оставлены въ форгѣ Ламальгъ, который мы надѣемся взять ночью. Въ нашихъ рукахъ осталось сто шестьдесятъ пушекъ большого калибра, множество провіанта, палатокъ, повозокъ, много быковъ, барановъ, свиней—этихъ единственныхъ войскъ которыя прислалъ папа вмѣстѣ съ нѣсколькими монахами. Первое наше письмо будетъ писано на развалинахъ Тулона» ²⁾.

Вотъ что происходило въ это время въ городѣ. Англичане съ ранняго утра отправили больныхъ, раненыхъ и полевую артиллерію на суда. Въ теченіе дня гарнизоны уцѣлѣвшихъ фортовъ были переведены въ фортъ Ламальгъ и тоже посажены на суда. Впрочемъ, служба въ Тулонѣ отправлялась съ обычною правильностью. Часовые расхаживали, гдѣ слѣдовало, мѣрнымъ шагомъ: на крѣпостныхъ стѣнахъ находились солдаты. Никакихъ признаковъ безпокойства, никакихъ видимыхъ приготовленій къ отступленію не замѣчалось. Губернаторъ показывался всюду съ смѣющимся лицомъ. Можно было только замѣтить, что подступы къ складамъ и къ арсеналу охранялись съ необычною тщательностью ³⁾.

Вдругъ, часа въ три пополудни, отъ флота отдѣлился гальотъ *Hirondelle* и направилась, въ сопровожденіи нѣсколькихъ канонерскихъ плутокъ, къ арсеналу. Командовалъ ею Сидней Смитъ. Офицеры и часть экипажа, быстро сойдя на берегъ, приказали открыть ворота арсенала, запасныхъ магазиновъ и складовъ, гдѣ сложено было громадное количество горючаго мате-

¹⁾ Отчетъ Робеспьера-младшаго въ засѣданіи клуба якобинцевъ 9 нивоза.

²⁾ *Moniteur*, an II, № 95.

³⁾ *Mémoires du duc de Bellune*, t. I, liv. II, p. 188.

ріала... О, святая любовь къ Франці! При видѣ этихъ зловѣщихъ приготовленій, каторжники, сидѣвшіе на галерахъ безъ кандаловъ, повскакали со скамей и подняли ревъ. Англійскій командоръ тотчасъ же велѣлъ навести на нихъ орудія гальота и одной изъ шлюпокъ. Горе тому, кто шевельнется! Но вотъ наступила ночь. Догадавшись по обмѣну выстрѣловъ неподалеку отъ складовъ и хлѣбопекарни о близости французовъ, каторжники, которыхъ любовь къ роднымъ превратила въ героевъ, рѣшились сдѣлать нападеніе. Они стали на скамьи и подняли яростный крикъ. Показались новыя шлюпки, тащившіе на буксирѣ брандеръ *Vulcain*. Сопротивленіе было невозможно: каторжникамъ пришлось спуститься въ трюмы галеръ. Кончено: когда на часахъ арсенала пробило десять, взвилась ракета и въ воздухъ поднялись клубы дыма и пламени, при радостномъ воѣ англичанъ¹⁾. Предоставимъ на минуту слово одному изъ нихъ: «Сэръ Сидней Смитъ, дѣятельной неустрашимости котораго ввѣрено было сожженіе складовъ, запасныхъ магазиновъ, арсенала, а также находившихся въ гавани французскихъ судовъ, исполнилъ этотъ *рискованный и необычайный долгъ съ успѣхомъ*, оправдавшимъ порученіе этого дѣла именно ему»...²⁾

Вотъ какъ англичане сохраняли Тулонъ въ видѣ залога для Людовика XVIII! На такомъ поступкѣ останавливаться нечего: приговоръ надъ нимъ уже произнесенъ. Но пусть тѣ, въ комъ это воспоминаніе пробудило бы слишкомъ горькія мысли, не забываютъ, что страна, произведшая Питта, породила также и Фокса, одного изъ благороднѣйшихъ защитниковъ, какихъ только встрѣчали человѣчество и Франція!

Нельзя обойти молчаніемъ еще и другого обстоятельства: «Вслѣдствіе поступка, которому исторія дастъ, какое ей будетъ угодно, названіе—говорить Жомини—послѣдовавшая эвакуація, производившаяся согласно приказаніямъ адмирала Гуда, едва не повела къ гибели двухъ тысячъ испанскихъ солдатъ, составившихъ арьергардъ. Такъ какъ всѣ ворота Тулона были заграждаемы по мѣрѣ возвращенія союзниковъ въ городъ, то названной части войскъ надо было выходить чрезъ ворота, обра-

¹⁾ *Mémoires du duc de Bellune*, t. I, liv. II, p. 189—190.

²⁾ «Sir Sidney Smith to whose active intrepidity was entrusted the conflagration of the magazines, store-houses and arsenals, with the ships in the harbour, performed that hazardous and extraordinary duty, in a manner that justified his appointment to it!...»

ценныя въ сторону форта Ламальгъ; но когда ей отдано было приказаніе на этотъ счетъ, она нашла ворота прочно забаррикадированными снаружи и спаслась отъ опасности только благодаря большимъ усиліямъ, употребленнымъ на открытіе себѣ прохода ¹⁾).

Тулонъ проснулся въ отчаяніи. Мужчины, женщины, дѣти съ растеряннымъ видомъ бѣжали по улицамъ покинутого города. При свѣтѣ огня, пожирившаго арсеналъ и суда, они хлынули къ берегу, оглашая воздухъ жалобными криками и простирая руки къ союзному флоту, который, удаляясь, бросалъ ихъ въ жертву ярости побѣдителей. Отъ берега отошли послѣднія шлюпки. То было разрывающее душу зрѣлище. Одни падали на берегу на колѣни, жестаи и криками умоляя суда вернуться и взять ихъ съ собою; другіе бросались въ море и погибали въ волнахъ. Увѣряютъ, что были и такіе, которые закалывались кинжалами и умирали, корчась на пескѣ ²⁾). «Мы не будемъ изображать—писать Жомини—тѣхъ ужасовъ, которыми была ознаменована эта операція, изъ опасенія навлечь на себя обвиненіе въ пристрастіи или ненависти: записки Фонвьеля и Эмбера, этихъ главныхъ посредниковъ въ измѣнѣ, оставятъ эти ужасы въ наслѣдіе потомству, какъ примѣръ участи, рано или поздно постигающей людей, достаточно неблагодарныхъ, чтобы вручать судьбу своего отечества неумолимымъ врагамъ» ³⁾).

Впрочемъ, часть беглецовъ нашла убѣжище на испанскихъ и неаполитанскихъ судахъ, гдѣ съ ними обходились съ благороднымъ сочувствіемъ. Сами англичане, хотя и съ меньшею готовностью, выбрали нѣкоторое число бѣглецовъ и англійское правительство выдало имъ пособія ⁴⁾).

Салисетти, Рикоръ, Робеспьеръ-младшій, Фреронъ и Баррасъ написали въ Конвентъ: «Армія вступила въ Тулонъ 20-го фримера, въ 7 часовъ утра, послѣ боевъ и трудовъ, длившихся пять дней и пять ночей. Она сгорала отъ нетерпѣнія броситься на штурмъ. Заготовлены были четыре тысячи лѣстницъ. Трусость непріятеля устранила надобность взбираться на стѣны.

¹⁾ Jomini, *Histoire des guerres de la Révolution*, цитированная въ *Histoire parlementaire*, t. XXX, p. 456.

²⁾ *Mémoires du duc de Bellune*, t. I, liv. II, p. 193.

³⁾ Цитировано въ *Hist. parlem.*, t. XXX, p. 456 et 457.

⁴⁾ Испанскій адмиралъ Лангара проявилъ въ данномъ случаѣ гуманность, заслуживающую того, чтобы быть отмѣченною.

Непріятель очистилъ крѣпость, заклевавъ свои орудія. Злодѣи взорвали судно *Thémistocle*, служившее тюрьмою для патріотовъ. Къ счастью, послѣднимъ, за исключеніемъ шести человѣкъ, удалось спастись во время пожара. Они сожгли у насъ девять судовъ и увели съ собою три судна. Республика сохранила пятнадцать судовъ, въ томъ числѣ прекрасный корабль *Sans-Culotte*, съ тремястами тридцатью пушками. Четыре фрегата уже горѣли, когда каторжники, которые являются честиѣйшими въ Тулонѣ людьми, перерубили канаты и потушили огонь. Разстрѣливаніе идетъ въ широкихъ размѣрахъ. Морскіе офицеры всѣ истреблены.—Бове освобожденъ изъ заточенія; онъ былъ неузнаваемъ. Отецъ Пьера Бэля тоже освобожденъ»¹⁾.

Въ другомъ письмѣ къ Конвенту народные представители говорили: «Подлый городъ представляетъ ужасное зрѣлище. Арсеналь горитъ, городъ почти совсѣмъ опустѣлъ; здѣсь встрѣчаются только каторжники, разбившіе свои оковы во время низложенія королевства Людовика XVII.—Найдено двѣсти осѣдланыхъ и занузанныхъ лошадей, которыхъ не могли захватить на суда. Посадка на суда производилась въ безпорядкѣ. Нашими батареями потоплены двѣ переполненныя бѣглецами шлюпки. Непріятельскія суда переполнены женщинами, да больныхъ на нихъ, по меньшей мѣрѣ, пять тысячъ человѣкъ»²⁾.

Если правда, что комиссары Конвента вступили въ городъ «съ раскраснѣвшимися отъ страшной радости лицами, со сверкающими глазами и раздувающимися ноздрями»³⁾, то историкъ-философъ можетъ только сокрушаться объ этомъ; но можно ли отрицать, что никогда еще примѣрная кара не была вызываема болѣе преступнымъ и болѣе отвратительнымъ возмущеніемъ? Ибо не надо забывать, что въ ту пору, когда Тулонъ призвалъ къ себѣ англичанъ, Франція была какъ бы въ агоніи, и что эта измѣна могла привести ее къ смерти. Кромѣ того, вспомнимъ, что оба представителя націи подвергались издѣвательствамъ, были водимы по улицамъ со свѣчами въ рукахъ и брошены въ вонючую тюрьму, гдѣ одинъ почти сошелъ съ ума, а другой удавился; что всѣ патріоты были гонимы, какъ дикіе звѣри; что тѣла республиканцевъ вѣшались на

¹⁾ *Moniteur*, 1793, an II, № 98.

²⁾ *Ibid.*, № 96.

³⁾ *Mémoires du duc de Bellune*, t. I, liv. II, p. 195.

крючкахъ, въ перемежку съ съ говѣжими тушами, на видномъ мѣстѣ въ мясныхъ лавкахъ¹⁾... Нуно ли было что нибудь (ще большее, особенно при опьяненіи всеобщей отчаянной борьбы, чтобы довести негодованіе побѣдителей до безумія?²⁾ А между тѣмъ, каковы были послѣдствія этого? Вотъ истина, очищенная отъ всѣхъ преувеличеній и всей лжи партійнаго духа.

Населеніе было созвано на Марсово поле и размѣщено въ-сколькими рядами. Баталіонъ войскъ составилъ каре. Народные представители отправились на назначенное мѣсто въ предшествіи трехсотъ патриотовъ, у каждаго изъ которыхъ былъ въ рукахъ шесть съ выведенною крупными буквами надпись: «Арестанты съ судна *Thémistocle*». Въ настоящемъ страшномъ случаѣ люди эти должны были составить нѣчто въ родѣ «большого жури». Какъ только они показались, раздался зловѣщій крикъ: *Гибель измѣнникамъ!* Затѣмъ изъ толпы были вызваны впередъ тѣ изъ жителей, которые занимали разныя должности отъ имени Людовика XVII или состояли на жалованьи у англичанъ. Ихъ вышло около шестисотъ человекъ и всѣхъ ихъ построили въ рядъ передъ арестантами съ *Thémistocle*. Къ послѣднимъ народные представители обратились съ призывомъ забыть перенесенное ими зло и ни на минуту не упускать изъ вида священныхъ обязанностей, связанныхъ съ исполненіемъ дѣла, возлагаемаго на нихъ довѣріемъ націи. «Клянетесь ли вы, — спросили ихъ комиссары, — предать забвенію все то, что касается васъ лично?» — «Клянемся!» торжественнымъ тономъ отвѣтили они. Въ видахъ большей предосторожности, было рѣшено, чтобы

¹⁾ Réponse de Fréron aux diffamations de Moyse Bayle, p. 17.—*Bibl. hist. de la Révolution*, 995—6—7 (*British Museum*).

²⁾ Въ ту минуту, когда я пишу это, въ Англии всѣ въ одинъ голосъ кричатъ о необходимости и справедливости массоваго истребленія возставшихъ въ Индіи сипаевъ; и со всѣхъ сторонъ раздаются рукоплесканія по поводу энергіи англійскихъ генераловъ, приказывающихъ привязывать плѣнныхъ къ жерламъ пушекъ, въ присутствіи объятыхъ ужасомъ туземцевъ, и затѣмъ дающихъ сигналъ... Не хочу доканчивать. Это такіе рассказы, отъ которыхъ волосы на головѣ встаютъ дыбомъ. Правда, со стороны сипаевъ, оказывается, были совершаемы ужасы, которымъ не подобрать названія; но вѣдь не *ося* участвовали въ ихъ совершеніи, даже изъ мятежниковъ; и нельзя, надѣюсь, сказать, чтобы сипаи, дерущіеся за то, что въ концѣ концовъ составляетъ ихъ землю, были болѣе виновны, чѣмъ тѣ французы, которые въ 1793 г. применили къ непріятелю и призвали его, чтобы облегчить ему убіеніе Франціи въ самой же Франціи.

триста бывшихъ арестантовъ выбрали изъ своей среды двѣнадцать человѣкъ, которыхъ сочтутъ наиболѣе честными, и чтобы рѣшеніе было постановлено только этими избранными. Импровизированные такимъ образомъ судьи начали обходить выстроенныхъ въ рядъ подсудимыхъ, задавая имъ поочередно вопросы и выводя впередъ всякаго, признававшагося виновнымъ. Двое дѣтей, въ возрастѣ отъ 13 до 14 лѣтъ, захвачены были съ оружіемъ въ рукахъ; въ виду ихъ малолѣтства, они были прощены и возвращены въ толпу. Большинство осужденныхъ, въ числѣ около ста пятидесяти человѣкъ, составляли морскіе офицеры, члены гражданскаго или военнаго управленія и общественныя должностныя лица, относительно которыхъ оказалось, что они содѣйствовали сдачѣ крѣпости англичанамъ. Эти несчастные были выстроены передъ батареей орудій и растрѣляны картечью ¹⁾).

Массовый разстрѣлъ такого рода былъ, безъ сомнѣнія, дѣломъ ужаснымъ; и, очевидно, что вѣрять судъ надъ роялистами тѣмъ самымъ людямъ, которые подвергались преслѣдованію съ ихъ стороны, значило рисковать, вопреки всѣмъ ихъ клятвамъ, тѣмъ, что судъ замѣнится местию ²⁾). Но отсюда еще да-

¹⁾ См. рассказъ Фрерона въ *Bibliothèque historique de la Révolution*, № 995—6—7 (*British Museum*).

Правда, Фреронъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы представить дѣло въ наименѣе неблагопріятномъ свѣтѣ, во, съ своей стороны, Изнаръ и Дюранъ де Майльянъ, писавшіе лишь на основаніи слуховъ и являющіеся единственными источниками, изъ которыхъ черпали донынѣ историки, были какъ нельзя болѣе заинтересованы въ томъ, чтобы возможно белѣе сгустить краски, такъ какъ Фреронъ обвинялъ ихъ, какъ людей, бродившихъ по колѣно въ той крови, которою термидорская реакція затопила югъ Франціи.

Правда и то, что нравственность Фрерона служить слабою гарантіей его правдивости. Но нужно замѣтить, что дѣло идетъ здѣсь о матеріальныхъ фактахъ, извѣстныхъ всему Тулону, т. е. такихъ, относительно которыхъ Фреронъ не могъ бы валгать безнаказанно. Кромѣ того, стоитъ прочесть въ концѣ *Mémoires historiques sur la réaction royale et sur les massacres du Midi* рассказъ, вложенный Изнаромъ въ уста нѣкоего старика, котораго онъ не называетъ, и тогда можно будетъ съвязь дикую вычурность стиля и декламаторскую шумиху словъ увидѣть подтвержденіе того, что Фреронъ рассказываетъ о сформированіи жюри, которому было поручено выдѣлить наиболѣе виновныхъ.

²⁾ Изнаръ (см. *ubi supra*, историческія разъясненія № b), разумѣется, ничуть не сомнѣвается въ томъ, что случилось именно то, что могло случиться, и что осужденными оказались кредиторы, приговорные къ смерти ихъ должниками, мужья, обреченные на смерть любовниками ихъ женъ, и

леко до тѣхъ розказней, которыя охотно сплетались клеветой, превратившейся въ исторію. Нанримѣръ, неправда, будто разстрѣляно было 800 человекъ, будто ихъ разстрѣляли наудачу, безъ предварительнаго разслѣдованія, будто избіеніе ихъ состоялось помимо дальнѣйшихъ казней на гильотинѣ¹⁾ и будто послѣ перваго залпа Фреронъ, для того, чтобы можно было добить оставшихся невредимыми или притворившихся убитыми, крикнулъ: «Пусть удѣлѣвшіе встанутъ! Республика даруетъ имъ помилованіе!»²⁾ Число жертвъ не превышало ста пятидесяти³⁾. Людми, съ которыхъ взята была клятва въ томъ, что они поступятъ справедливо, произведено было предварительно разсмотрѣніе дѣлъ, допросы и отборъ виновныхъ⁴⁾. Гильотина соперничать съ пушками не могла, потому что была сожжена роялистами, въ наказаніе за то, что послужила орудіемъ казни короля⁵⁾. Наконецъ, Фреронъ приписываемаго ему акта кровожаднаго лицемѣрія не совершалъ, такъ какъ ранѣ казни, не желая быть ея свидѣтелями, онъ и Баррасъ галопомъ усаkali прочь⁶⁾.

Противъ памяти Фрерона и безъ того свидѣтельствуется достаточное число неоспоримыхъ обвинительныхъ фактовъ, чтобы взваливать на нее еще и выдуманныя преступленія. Достоверно то, что именно онъ игралъ главную роль въ этой мрачной драмѣ. Присутствовали ли при казни прочіе комиссары? Фреронъ написалъ, что присутствовали⁷⁾; но это утвержденіе представляется невѣрнымъ по отношенію къ Робеспьеръ-младшему. Дѣло въ томъ, что армія вступила въ Тулонъ 29 фримера (19-го декабря); казнь состоялась не непосредственно послѣ этого, а спустя два три дня, какъ говоритъ Дюранъ де Майльянъ⁸⁾; а мы видимъ,

т. д... И все это онъ высказываетъ на основаніи показаній «старика, котораго онъ встрѣтилъ однажды, много времени спустя, прогуливаясь по Марсову полю!».

1) Какъ говоритъ Дюранъ де Майльянъ [см. его разсказъ въ *Bibl. hist. de la Révol.*, 999—1,000 (*British Museum*)].

2) См. біографію Фрерона, написанную Больѣ.

3) Разсказъ Фрерона. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 995—6—7 (*British Museum*).

4) *Ibidem*.

5) *Ibidem*.

6) *Ibidem*.

7) *Ibidem*.

8) *Ibid.*, 999—1,000 (*British Museum*).

что 9 нивоза (29-го декабря) Робеспьеръ-младшій говорилъ въ засѣданіи клуба якобинцевъ въ Парижѣ. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что въ рѣчи своей въ парижскомъ клубѣ якобинцевъ, представлявшей собою отчетъ о видѣнномъ имъ въ Тулонѣ, Робеспьеръ-младшій ни слова не сказалъ о только что описанной нами сценѣ, чего, конечно, не преминулъ бы сдѣлать, если бы участвовалъ въ ней¹⁾.

Извѣстіе о взятіи Тулона вызвало величайшую радость. Бареръ сдѣлалъ объ этомъ радостномъ событіи докладъ, въ которомъ говорилъ: «Республика располагаетъ на Средиземномъ морѣ болѣе чѣмъ тридцатью кораблями, фрегатами, корветами и вѣстовыми судами, не считая судна «*Duquesne*», съ 74 орудіями, которое находится въ плаваніи.—Часть нашей эскадры сожжена, что является преступленіемъ нашихъ враговъ; она будетъ замѣнена новою за счетъ преступленія эмигрантовъ. На уплату за ея сооруженіе пойдетъ ихъ состояніе. Лѣса ихъ будутъ обращены въ суда, а ихъ дома въ заводы и арсеналы. Тамъ, гдѣ они умышляли заговоры, республика будетъ изготовлять паруса и отечество обогатится отъ ихъ бѣгства»²⁾.

Тѣмъ временемъ, кампанія 1793 г. заканчивалась на границахъ среди побѣдъ.

Въ Эльзасѣ и на берегахъ Рейна Франція, которой со стороны Ландау угрожали пруссаки подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго, а со стороны Страсбурга предводимые Вурмзеромъ австрійцы, выставила противъ нихъ двухъ крупныхъ полководцевъ—Гоша и Пишегрю. Первый, состоявшій главнокомандующимъ Мозельскою арміею, давалъ отпоръ герцогу Брауншвейскому, а второй, въ качествѣ главнокомандующаго арміею Рейнской, стоялъ противъ Вурмзера.

Крѣпости Ландау, которую пруссаки держали въ блокадѣ, пришлось извѣдать бомбардированіе; но ничто не могло поколебать геройскую стойкость защитниковъ города и ихъ начальника, генерала Лобадера.

Таково было положеніе дѣлъ.

Если бы союзныя войска, послѣ взятія Вейсенбургскихъ линій, условились между собою сдѣлать сильный натискъ на

¹⁾ О засѣданіи клуба якобинцевъ 9 нивоза см. въ *Moniteur*, 1793 г., an II, № 98.

²⁾ *Ibidem*. № 105.

Страсбургъ, то послѣдствія этого могли бы оказаться ужасными. Переступить черезъ тѣло французской арміи, въ ту пору не имѣвшей главы и дезорганизованной, казалось нетруднымъ. При томъ, измѣна призывала непріятеля въ Страсбургъ: именитыя лица этого города, соединившись съ нѣкоторыми изъ гражданскихъ и военныхъ властей, отправили къ австрійскому генералу двухъ депутатовъ съ настойчивою просьбой вступитъ поскорѣе во владѣніе городомъ отъ имени Людовика XVII¹⁾. Мотивы, воспрепятствовавшіе Вурмзеру воспользоваться этимъ гнуснымъ предложеніемъ, заслуживаютъ того, чтобы не быть забытыми. Вурмзеръ зналъ, что Австрія предпочитала занять Эльзасъ по праву завоеванія, такъ какъ намѣреніемъ ея было, по взятіи Эльзаса, удержать его за собою, а вовсе не отдать Людовику XVII²⁾, при чемъ она не дѣлала тайны изъ этого намѣренія, какъ доказываетъ выпущенное около этого времени изъ австрійскаго лагеря воззваніе, въ которомъ говорилось: «Эльзасцы, взгляните на другіе народы Германіи... Ни одинъ изъ васъ, рѣшительно ни одинъ, не откажется отъ счастья быть германцемъ». Но Пруссія отнюдь не думала истощать себя людьми и деньгами для подготовки богатой добычи честолюбію соперничавшей съ нею державы; и вотъ герцогъ Брауншвейгскій, не довольствуясь отставленіемъ шагъ за шагомъ выгодъ отъ своего содѣйствія Вурмзеру, все болѣе и болѣе являвшемуся неудовольствію и раздраженію, воспользовался неосторожнымъ заявленіемъ австрійскаго генерала, чтобы удвоить свои старанія передъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ пользу мира и, при томъ, сенаратнаго³⁾.

Раздоры эти разразились какъ разъ въ самую благоприятную для Франціи минуту. Войска, оборонявшія эту часть французскихъ границъ, послѣ взятія вейсенбургскихъ линій были дурно питаемы, неполнѣ вооружены, едва одѣты, состояли изъ толпы молодыхъ добровольцевъ, находились въ завѣдываніи хищниковъ и подъ командою новичковъ-офицеровъ. Къ счастью, на сцену выступили съ одной стороны Гошъ, съ другой—Пишегрю, и—что имѣло еще болѣе рѣшающее значеніе—прибылъ Сень-Жюсть. Онъ пріѣхалъ въ сопровожденіи своего друга Леба. Робеспьеръ, который любилъ ихъ обоихъ одинаково, но относился

1) *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'État*, t. II, p. 425.

2) *Ibid.*

3) Подробности см. въ *Mémoires du prince de Hardenberg*, t. II, p. 426—431.

съ недовѣріемъ къ чрезмѣрной непреклонности Сень-Жюста, приставилъ къ послѣднему Леба, въ качествѣ сдерживающаго элемента, и трудно было бы сдѣлать лучшій выборъ, такъ какъ Леба соединялъ въ себѣ спокойную энергію съ большою осторожностью и чувствительнымъ сердцемъ¹⁾.

Присутствіе Сень-Жюста измѣнило положеніе дѣлъ и оживило армію. 22-го октября онъ появился въ лагерѣ; Пишегрю былъ въ то время въ Гюнингенѣ; Сень-Жюстъ отправилъ къ нему курьера²⁾, а самъ, не дожидаясь его прибытія, наложилъ на все кругомъ себя свою желѣзную руку.

23-го октября, узнавъ, что полковникъ Лакуръ побилъ въ пьяномъ видѣ солдата, онъ разжаловалъ его передъ фронтомъ войскъ и приказалъ зачислить его рядовымъ въ одинъ изъ полковъ авангарда.

24-го, въ подписанной имъ и Леба прокламаціи, онъ объявилъ, что начальники, офицеры и какіе бы ни было агенты правительства обязываются удовлетворять справедливыя жалобы солдатъ въ трехдневный срокъ, при чемъ прибавлялъ: «Если есть измѣнники или даже люди, равнодушные къ дѣлу народа, то мы приносимъ мечъ, который долженъ сразить ихъ».

26-го числа онъ обратилъ военный судъ при рейнской арміи въ особую революціонную комиссію, возложивъ на нее обязанность быстро уничтожать на мѣстѣ подиольныхъ пособниковъ непріятели, совершителей хищеній и всѣхъ пиявокъ арміи³⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ конфисковать имущество всякаго, кто будетъ покупать у солдата вещи⁴⁾, запретивъ всѣмъ военнымъ чинамъ уходить изъ лагеря на прогулки въ Страсбургъ, и предписалъ офицерамъ столоваться и спать въ палаткахъ, никогда не отлучаясь отъ войскъ. По отношенію къ генералъ-адъютанту Пердье, котораго застали на спектаклѣ въ страсбург-

¹⁾ Письма его, опубликованныя, но не предназначавшіяся при написаніи для оглашенія, обрисовываютъ его всего. Долге мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ нихъ.

²⁾ Письмо Сень-Жюста въ Комитетъ общественнаго спасенія отъ 24-го октября 1793 г.

³⁾ Въ постановленіи объ этомъ сказано: «Убѣдившись, что дурное управленіе, безнаказанность воровства и сношенія съ непріятеlemъ были одною изъ причинъ пораженій Рейнской арміи...»

⁴⁾ *Collection des arrêtés de Saint-Juste et Lebas* въ *Hist. parlam.*, t. XXXI, p. 37.

Громадное впечатлѣніе произвело въ арміи слѣдующее обстоятельство: трубачу, присланному австрійцами съ предложеніемъ перемирія, Сень-Жюсть далъ такой отвѣтъ: «Французская республика не принимаетъ отъ своихъ враговъ и не посылаетъ имъ ничего, кромѣ свинца»¹⁾.

Впрочемъ, Сень-Жюсть обладалъ и благоразуміемъ въ такой же степени, какъ твердостью и непреклонностью; онъ противился всякимъ дѣйствіямъ наудачу и хотѣлъ, чтобы прежде, чѣмъ вводить неопытныхъ солдатъ въ бой, ихъ подготовляли постоянными упражненіями и непрерывными частичными стычками. Но сдержатъ одушевленіе, охватившее всѣхъ подъ вліяніемъ его дѣятельности и рѣчей, было уже нельзя: солдаты горѣли желаніемъ опрокинуть непріятеля въ Рейнъ, освободить своихъ запертыхъ въ Ландау братьевъ, и всѣ кричали въ одинъ голосъ, охваченные патріотическою горячкою: «*Ландау или смерть!*»²⁾

Сраженіе, которое дано было подъ Цаберномъ, при чемъ непріятель, несмотря на значительное численное превосходство, былъ оттѣсненъ, показало, чего надо было ожидать отъ порыва французскихъ войскъ³⁾.

Съ другой стороны, герцогъ Брауншвейгскій, забравшійся въ центръ департамента Вогезовъ, попытался, но тщетно, захватить врасплохъ замокъ Витшъ. Командовавшій тамъ оставилъ подъемные мосты опущенными, укрѣпленный замокъ былъ окруженъ шестью тысячами человекъ и осаждавшіе уже взломали ворота... Но геройство баталіона департамента Шэры спасло все. Руководясь единственно своимъ мужествомъ, застигнутые врасплохъ солдаты устремились навстрѣчу непріятелю и перебили его гранатами и полѣньями⁴⁾. Какъ ни блестящъ былъ этотъ успѣхъ, въ немъ не было ничего такого, что вынуждало бы герцога Брауншвейгскаго совершить отступательное движеніе. Но государь этотъ, который велъ войну, въ душѣ желая мира, воспользо-

¹⁾ *Moniteur*, an II, 1793, № 45.

²⁾ Въ этомъ одушевленіи было нѣчто до такой степени необычайное, что князь Гарденбергъ говоритъ по его поводу (t. II, p. 437): «Французовъ не останавливали никакія препятствія, даже тѣ, которыя создавались событіями».

³⁾ Письмо Сень-Жюста къ Конвенту.

⁴⁾ Письмо Сень-Жюста къ Комитету общественнаго спасенія отъ 1 фримера (21 ноября).

Европу штыками и хлѣбомъ»¹⁾ Такой полководецъ былъ, конечно, вполне подходящимъ для того, чтобы столкнуться съ Сень-Жюстомъ; поэтому послѣдній сразу же почувствовалъ влеченіе къ Гошу. Онъ поздравлялъ его съ воинственнымъ пыломъ въ слѣдующихъ словахъ: «Французъ можетъ остановиться, только упавъ мертвымъ»²⁾. Но подъ этимъ Сень-Жюстъ отнюдь не подразумѣвалъ, что генералы могутъ поступать въ сферѣ ихъ личной дѣятельности по собственному усмотрѣнію и вопреки видамъ Комитета общественнаго спасенія. А именно къ этому-то Лакостъ и Бодо, въ ненависти своей къ Сень-Жюсту, и толкали молодого генерала съ успѣхомъ, послѣдствія котораго оказались плачевными.

Гошъ, предпринявъ преслѣдованіе герцога Брауншвейгскаго, достигъ его лишь 8 фримѣра (28 ноября) въ Кайзерслаутернѣ, послѣ многихъ переходовъ и контръ-маршей. Но еще въ то время, когда онъ отыскивалъ себѣ дорогу, идя во главѣ центра, лѣвое его крыло, предводимое генераломъ Амберомъ, оказалось вовлеченнымъ въ стычку и, не получивъ поддержки, вынуждено было отступить. На слѣдующій день произошла новая атака и на этотъ разъ Амберъ заблудился въ горахъ, а Гошу пришлось нести всю тяжесть боя. Будучи отброшенъ, но оставаясь недоступнымъ упадку духа, онъ рѣшился сдѣлать третью попытку и на слѣдующій день съ обѣихъ сторонъ возобновилась бѣшеная канонада. Проявленная стойкость оказалась безплодною: прусскій генералъ Клейстъ былъ убитъ, генералъ Калькрейтъ тяжело раненъ въ плечо и 1,300 саксо-пруссаконъ пали; но въ концѣ концовъ Гошъ былъ вынужденъ отступить, потерявъ 3,000 человекъ³⁾.

Когда вѣсть объ этомъ получена была въ Рейнской арміи, Сень-Жюстъ зарычалъ; но Комитетъ общественнаго спасенія, который, что бы о немъ ни говорили, былъ неумолимъ лишь по отношенію къ измѣнникамъ или къ тѣмъ, кого онъ считалъ измѣнниками, послалъ побѣжденному генералу утѣшеніе и поощреніе. «Пораженіе — писалъ онъ ему — не составляетъ преступления... Мы продолжаемъ питать довѣріе къ тебѣ. Собери свои силы, двинься и размети роялистскія орды»⁴⁾. Гошъ, со-

1) *Essai sur la vie de Lazare Hoche*, p. 29.

2) *Ibid.*, p. 30.

3) Разсказъ князя Гарденберга, t. II, p. 435.

4) *Essai sur la vie de Lazare Hoche*, p. 32.

знавъ свою ошибку, уже не поколебался теперь сдѣлать то, на что долженъ бы былъ рѣшиться съ самаго начала. Онъ приказалъ генералу Тапонье прорвать съ двѣнадцатью тысячами человекъ рогезскую линію и броситься во флангъ генералу Вурмзеру, тогда какъ Пишегрю атакуетъ австрійскую армію съ фронта. Самъ онъ двинулся черезъ горы и, прибывъ 2 нивоза (22 декабря) въ Вердгъ, на восточномъ склопѣ, атаковалъ здѣсь пфальцскія и баварскія войска, которыя при первомъ же пушечномъ выстрѣлѣ обратились въ бѣгство. Вурмзеръ уже послалъ поспѣшно извѣстить герцога Брауншвейгскаго о случившемся, но не могъ пробудить въ немъ одушевленія; вслѣдствіе этого австрійская армія, атакованная и разрозненная на всемъ своемъ фронтѣ, обезкураженная раздоромъ между обоими генералами, которые очень горячо поспорили на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, и, наконецъ, деморализованная потрясающею картиною бѣгства двадцати тысячъ эльзасцевъ изъ ихъ жилищъ, отступила въ безпорядкѣ съ Гейсбергу, позади Вейсенбурга¹⁾.

Такъ какъ Мозельская и Рейнская арміи соединились и готовились нанести противнику рѣшительный ударъ, то оставалось выяснить, кому выпадетъ честь быть главнокомандующимъ — Пишегрю или Гошу. Сень-Жюстъ, уѣзжая въ Страсбургъ, гдѣ ему надо было побывать для принятія настоятельно необходимыхъ мѣръ, намѣтилъ Пишегрю, но Лакостъ и Бодо, воспользовавшись его отсутствіемъ, назначили Гоша. Нетрудно понять, какъ глубоко задѣта была гордость Сень-Жюста, когда ему, по возвращеніи его въ главную квартиру, показали постановленіе Лакоста и Бодо о состоявшемся назначеніи. Но — какъ и было сообщено имъ Комитету общественнаго спасенія — онъ понялъ, что передъ лицомъ непріятели «слѣдуетъ сдержать горькое чувство, отбросить уныніе и предотвратить послѣдствія разыгрывающихся въ подобныхъ случаяхъ страстей, помня только объ отечествѣ»²⁾. Онъ сдержалъ свое раздраженіе и отложилъ проявленіе гнѣва до другого времени.

6 нивоза (26 декабря) пруссаки и австрійцы, стянувшіеся теперь вслѣдствіе отступательнаго движенія, готовились перейти

¹⁾ См. *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'État*, т. II, р. 438 et 439.

²⁾ Письмо Сень-Жюста и Леба къ ихъ сотоварищамъ, отъ 5 нивоза (25 декабря).

въ наступленіе, когда Гошъ, двинувшись тремя колоннами, предупредилъ ихъ. Французскіе солдаты, ольянѣвъ отъ одушевленія, кричали безъ умолку: *Ландау или смерть!* Послѣ очень горячей перестрѣлки съ обѣихъ сторонъ, непріятель началъ уходить съ Гейсбергскихъ высотъ, будучи сильно тѣснимъ генераломъ Гатри, который, идя во главѣ пѣхоты, отбилъ одну за другою шесть кавалерійскихъ атакъ. На лѣвомъ флангѣ одинъ изъ французскихъ баталіоновъ, подойдя рильзельскою ложбиной, началъ взбираться на гору подъ непрерывнымъ непріятельскимъ огнемъ и на половинѣ откоса остановился, измученный, чтобы перевести духъ. Натискъ тосканскихъ драгунъ возвратилъ этимъ героямъ силу: они отбили драгунъ, продолжали взбираться на гору, взяли замокъ приступомъ въ штыки и расположились на горной площадкѣ въ боевомъ порядкѣ. Герцогъ Брауншвейгскій хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, отсрочить свое отступление, принявъ на себя командованіе четырьмя австрійскими баталіонами, но движеніе его не было поддержано. Что касается Вурмзера, который самъ сталъ во главѣ кавалеріи, то онъ дважды пытался водить ее въ атаку и оба раза былъ покидаемъ подъ ужаснымъ огнемъ. Тогда-то, въ бѣшенствѣ на пруссаковъ, которымъ онъ приписывалъ пораженія въ этой кампаніи, онъ рѣшилъ переправиться обратно черезъ Зейнъ, не давъ имъ даже времени очистить герцогство Цвейбрюкенъ. Переправа совершена была между Филипсбургомъ и Мангеймомъ 10 нивоза (30 декабря) а пруссаки, оставшись одни на лѣвомъ берегу, отошли къ Майнцу. Результатами этой кампаніи были: занятіе Вейсенбургскихъ линій, освобожденіе Ландау отъ блокады, возвращеніе Эльзаса Конвенту и водвореніе французовъ на зимнія квартиры въ Пфальцѣ¹⁾.

Гошъ былъ побѣдителемъ; но онъ имѣлъ слабость поддаться нѣкоторымъ движеніямъ гордости, которыя, при всей ихъ законности по существу, тѣмъ болѣе повредили ему во мнѣніи Сенъ-Жюста и Леба, что составляли контрастъ скромности Писегрю²⁾. Но въ глазахъ обоихъ проконсуловъ за молодымъ генераломъ числилась и другая, болѣе серьезная вина, именно то, что онъ не только повелъ военныя дѣйствія не такъ, какъ они

¹⁾ См. *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. II, p. 439—441, и *Tableau historique des guerres de la Révolution*, t. II.

²⁾ *Essai sur la vie de Lazare Hoche*, p. 33.

находили нужнымъ, но даже старался вывѣдать у нихъ тайну ихъ плана, какъ это видно изъ слѣдующаго признанія, сдѣланнаго въ его отчетѣ Комитету: «Я притворно проявлялъ неопостижимое оцѣпенѣніе и отдавалъ самыя странныя приказанія» ¹⁾. Съ другой стороны, онъ не скрывалъ своего намѣренія дѣйствовать по-своему, не обращая вниманія ни на Комитетъ общественнаго спасенія, ни на Карно, отъ котораго зависѣло направление войны ²⁾.

Понятно, что все это не могло нравиться Сень-Жюсту, который не любилъ также и того стиля, который Гошъ счелъ почему-то нужнымъ усвоить какъ въ сношеніяхъ своихъ съ солдатами, такъ и въ депешахъ къ Комитету; сказать по правдѣ, стиль этотъ являлся сколкомъ съ той манеры, въ какой говорили въ бюро военнаго министерства Ронсенъ и Венсанъ, и съ того языка, какимъ писалъ Геберъ въ своей жалкой газетѣ.

Когда нѣкій тамбуръ-мажоръ, по фамиліи Рикардъ, обратился къ Гошу съ поздравительнымъ письмомъ, онъ отвѣтилъ ему такъ: «Ты хорошо сдѣлалъ, с... с..., что сообщилъ мнѣ о себѣ, не потому, что я билъ враговъ, а потому, что ты добрый шельма. Эхъ, товарищъ, вотъ дьявольщина, ужасная жизнь! Самый захудалый тряпичникъ въ твоёмъ кварталѣ живетъ спокойнѣе меня» ³⁾ и т. д.

Существуетъ письмо генерала Левенёра къ Гошу и въ немъ мы находимъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Генералъ, я думаю, что вы не на надлежащей дорогѣ... Прочтите рѣчи, произносимыя нынѣ въ Конвентѣ гражданами, которыхъ больше всѣхъ слушаютъ, и вы не найдете въ нихъ ничего такого, что напоминало бы листокъ, несомнѣнно очень республиканскій, но не пользующійся ни содѣйствіемъ, ни одобреніемъ ни одного изъ нихъ. Не тѣмъ тономъ Мильтиадъ съ поля мараѳонской битвы и Сципіонъ съ равнинъ Зама давали своимъ согражданамъ въ Римѣ или Афинахъ отчеты о пораженіи враговъ» ⁴⁾.

Гошъ обладалъ слишкомъ возвышеннымъ умомъ и слишкомъ благороднымъ сердцемъ, чтобы не освободиться очень скоро отъ увлеченія, въ которое вовлекла его беззащитнымъ его крайняя

¹⁾ Надо замѣтить, что все это факты, отмѣченные въ біографіи Гоша однимъ изъ его самыхъ горячихъ почитателей.

²⁾ *Essai sur la vie de Lazare Hoche*, p. 41.

³⁾ *Ibid.*, p. 41.

молодость, увлеченія, противъ котораго такъ энергически боролись Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ, Кутонъ и всѣ люди, хотѣвшіе, по ихъ примѣру, сохранить революціи характеръ достоинства, соотвѣтствовавшій величію ея цѣли. Конечно, ничто не было такъ несвойственно природѣ Гоша и даже болѣе прямо противоположно героическому строю его стремленій, какъ гебертизмъ: дальнѣйшая его дѣятельность вполне доказала это. Но достоинство, что въ ту пору, о которой мы говоримъ, формы его языка могли ввести въ заблужденіе на его счетъ тѣхъ, кто не былъ способенъ разобратъ, что было въ немъ чистаго и благороднаго; и наиболѣе восторженный изъ его біографовъ признаетъ что «воспроизведеніе стиля Гебера плохо удавалось ему въ Комитетѣ общественнаго спасенія»¹⁾.

Надо прибавить, что онъ полагалъ, будто побѣда даетъ ему право относиться и къ Комитету общественнаго спасенія, и къ Сенъ-Жюсту съ высокомѣріемъ, какъ бываетъ свойственно человѣку высшаго положенія; но это создало ему грозныхъ враговъ.

Эти обстоятельства, въ связи съ существовавшимъ между нимъ и Пишегрю соперничествомъ, которое, въ свою очередь, осложнялось возникшими между Лакостомъ и Сенъ-Жюстомъ раздорами, чрезвычайно ухудшили положеніе дѣлъ. Въ своихъ донесеніяхъ Конвенту Лакостъ и Бодо заявляли открыто, что успѣхами кампаніи республика обязана одному только Гошу и, при томъ, не смотря на препятствія, которыя ставилъ ему втайнѣ Пишегрю. Такая оцѣнка была, несомнѣнно, несправедлива, но, пожалуй, менѣе несправедлива, чѣмъ рѣзкія выраженія, въ которыхъ Сенъ-Жюстъ и Леба призывали вниманіе Комитета на «добродѣтель и республиканизмъ генерала, такъ мало говорящаго о сдѣланномъ имъ, а между тѣмъ *сдѣлавшаго все*»²⁾.

Вотъ что подготовило опалу Гоша, которою враги революціи такъ ловко сумѣли воспользоваться какъ оружіемъ противъ нея. Гроза разразилась, впрочемъ, лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Гошъ только что получилъ командованіе итальянской арміей и находился въ Ниццѣ, когда къ нему зашелъ генералъ Дюмербонъ. Гошъ сидѣлъ въ это время за скромнымъ завтракомъ, состоявшимъ изъ хлѣба, воды и оливокъ. При видѣ сѣдо-

¹⁾ *Essai sur la vie de Lazare Hoche*, p. 43.

²⁾ *Ibid.*, p. 44.

власаго воина Дюмербьона, Гошъ всталъ, подалъ неожиданному посѣтителю стулъ и съ улыбкой предложилъ ему принять участие въ пиршествѣ, которое—прибавилъ онъ, «имѣетъ только то достоинство, что напоминаетъ пиры Пиеагора». Дюмербонъ, насупившись, предъявилъ ему, вмѣсто отвѣта, постановление Комитета общественнаго спасенія объ арестованіи его и немедленной отправкѣ его подъ надежную стражей въ Парижъ. Постановление это не было подписано ни Робеспьеромъ, ни Сень-Жюстомъ, ни Кутономъ: подъ нимъ были подписи только Карно и Колло-д'Эрбуа, а написано оно было рукою Карно, обидѣвшася независимыми замашками Гоша¹⁾. Онъ долженъ былъ повиноваться и отправился въ Парижъ, гдѣ его сперва заключили въ Кармелитскую тюрьму, а потомъ въ Консержери, гдѣ онъ и оставался, пока Карно производилъ разслѣдованіе дѣла.

На сѣверѣ побѣда подъ Ватиньи не имѣла никакого важнаго результата. Имѣя приказаніе вторгнуться въ приморскую Фландрію, генераль Давенъ выполнилъ его съ такимъ опозданіемъ и такъ безтолково, что войска его, послѣ нѣсколькихъ частичныхъ успѣховъ, вынуждены были отступить по всей линіи и вновь занять свои прежнія позиціи. По отзыву Журдана, неудача эта послѣдовала единственно отъ величайшей неспособности Давена; однако ее приписали измѣнѣ со стороны послѣдняго, и за свой неуспѣхъ Давенъ поплатился головою¹⁾.

Ненасытный по части побѣдъ Комитетъ общественнаго спасенія желалъ бы, чтобы на слѣдующій же день послѣ побѣды подъ Ватиньи Журданъ переправился черезъ Самбру; таково же было и желаніе Карно. Но главнокомандующій, считая это предпріятіе слишкомъ смѣлымъ, настоялъ, чтобы войска были размѣщены на зимнія квартиры; и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не было предпринято ничего рѣшительнаго и не сдѣлано было даже попытки къ тому. По мнѣнію отважныхъ людей, на которыхъ революція возложила заботу о своихъ судьбахъ, это было слишкомъ уже чрезмѣрною осмотрительностью. Они приняли за правило для поведенія военныхъ дѣятелей изреченіе Цезаря: *Пока остается что нибудь сдѣлать, ничего еще не сдѣлано*, а потому задумали замѣстить Журдана генераломъ Писегрю. Докладъ, внесенный по этому дѣлу Бареромъ, заслуживаегъ того, чтобы его привести здѣсь:

¹⁾ *Essai sur la vie de Lazare Hoche*, p. 44 et suiv.

«Переправа черезъ Самбру требовала отваги. Нужно было стать выше обычныхъ правилъ; нужно было дѣйствовать наперекоръ стихіямъ и превратностямъ временъ года... Опытъ Ландау и форта Вобана достаточно доказываетъ, что французскій солдатъ не знаетъ препятствій, и самое суровое время года не остановило ни Рейнской, ни Мозельской, ни Западной, ни Тулонской армій... Но Комитетъ общественнаго спасенія всегда сумѣетъ отличить ошибки или недостатокъ отваги—вину, которую патриотизмъ долженъ отпустить—отъ измѣнъ или преступной бездѣятельности нѣкоторыхъ генераловъ, понесшихъ кару за свое смертоносное для свободы отступничество». Далѣе Бареръ предлагалъ, чтобы впредь до того времени, когда отечеству вновь потребуются его услуги, «побѣдителю подъ Ватиньи и освободителю Мобѣжа дана была почетная отставка, достойная его честности и патриотизма». Докладчикъ Комитета прибавлялъ: «Журданъ бѣденъ: въ этомъ его похвала и его право на признательность націи»¹⁾.

Въ раіонѣ Восточныхъ Пиренеевъ кампанія 1793 г. закончилась не такъ счастливо, какъ на Рейнѣ и на сѣверѣ. Такъ какъ осада Тулона вынудила Комитетъ общественнаго спасенія сократить до 15,000 человекъ, считая и гарнизоны, численность арміи, которой приходилось оборонять эту часть французской границы²⁾, то послѣдствіемъ этого оказался недостатокъ солдатъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ даже избытокъ храбрости не могъ возмѣстить малочисленности. Въ самомъ дѣлѣ, восточно-пиренейской арміи приходилось занимать громадную полосу на побережьѣ: она была растянута на протяженіи отъ Перпиньяна до испанской Сердани включительно и обнимала всю границу

¹⁾ Кто повѣрилъ бы, что Журданъ, въ своихъ *Mémoires manuscrits*, которыя у насъ передъ глазами, приводитъ этотъ докладъ, какъ доказательство несправедливости Комитета по отношенію къ нему? Съ военной точки зрѣнія, Журданъ могъ быть правъ относительно Карно; вопросъ этотъ подлежитъ разрѣшенію людьми военными. Но съ какихъ же поръ правительство можетъ считаться *несправедливымъ* потому, что оно ставитъ во главѣ арміи тѣхъ генераловъ, которыхъ считаетъ наиболѣе способными служить его видамъ и интересамъ представляемаго имъ принципа? Несправедливость была бы въ томъ случаѣ, если бы услуги, уже оказанныя Журданомъ, не были признаны или не вызвали бы со стороны Комитета никакого публичнаго и блестящаго изъявленія признательности. А вѣдь докладъ Барера налицо!

²⁾ Извлечено изъ списковъ Комитета общественнаго спасенія отъ 14 фри-мара (4 декабря) 1793 г.

департамента Арьежа, со включеніемъ Аранской долины. Какъ было охранять пятнадцатю тысячами человѣкъ такую длинную полосу, особенно когда существовала неминуемая опасность оставить безъ гарнизоновъ цѣлую массу такихъ важныхъ пунктовъ, какъ Сеттъ, Нарбоннъ, Агдъ, Перпиньянъ, Колліуръ, Поръ-Вандръ, фортъ Сентъ-Эльмъ, Виллафранка, Монъ-Либръ, Пюисерда и Бельверъ? ¹⁾

Когда пришло приказаніе Комитета, французская армія, главная квартира которой находилась въ Перпиньянѣ, занимала по ту сторону Тека оборонительную линію, которую Доппе пришлось укрѣпить устройствомъ рововъ и небольшихъ редутовъ, чтобы такимъ образомъ восполнить уже ощущавшійся недостатокъ силъ ²⁾). Внезапное сокращеніе арміи не позволяло удерживать эту позицію, а потому Доппе, по соглашенію съ другими генералами и съ народными представителями, рѣшилъ покинуть линію вдоль Тека и вернуть войска въ лагерь Уніонъ, устроенный съ самаго начала войны для прикрытія Перпиньяна. Во время этого отступленія, для его замаскированія, одной колоннѣ приказано было переправиться черезъ Текъ и атаковать испанцевъ на посту Виллалонга. Попытка эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. 29-го фримэра (19-го декабря) дивизія, двинутая на ту сторону названной рѣки, овладѣла лагеремъ Виллалонга, забрала много плѣнныхъ, отбила двадцать артиллерійскихъ орудій и обезпечила остальнымъ войскамъ отступленіе ³⁾.

Къ несчастію, возникла эпидемія, произведшая величайшія опустошенія въ арміи и едва не унесшая самого Доппе. Испанцы были многочисленны, закалены въ бояхъ и состояли подъ начальствоиъ искуснаго генерала Рикардоса; они сумѣли воспользоваться стеченіемъ роковыхъ обстоятельствъ и Колліуръ, Поръ-Вандръ и Сентъ-Эльмъ одинъ за другимъ перешли въ ихъ руки. Была ли тутъ измѣна? Слухи о ней ходили. Достоверно то, что въ заключенной съ Испанією капитуляціи генераль Дюгомье, упомянувъ о постахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, прибавилъ слова: *сданы измѣною* ⁴⁾.

¹⁾ *Mémoires du général Doppet*, liv. IV, chap. II, p. 267.

²⁾ *Ibid.*, p. 255 et 256.

³⁾ *Ibid.*, p. 269.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 275.

Марсель, Лионъ и Нантъ, гдѣ представителями этой системы были Тальенъ, Баррасъ, Фреронъ, Фуше, Колло-д'Эрбуа и Каррье.

Мы уже говорили, что когда Сенъ-Жюсть и Леба были посланы въ Эльзасъ въ званіи чрезвычайныхъ комиссаровъ, въ тѣхъ краяхъ все казалось потеряннымъ. Французская армія, упавшая духомъ вслѣдствіе утраты Вейсенбургскихъ линій и сильно тѣсняемая австрійцами, представляла собою лишь тѣнь арміи. У нея не было ни провіанта, ни одежды, ни начальниковъ, никакой дисциплины. Въ Страсбургѣ контръ-революція торжествовала по поводу обезцѣненія ассигнацій и всеобщей крайней нужды и держала бѣдныхъ голодающихъ за горло. Бѣлыя кокарды передавались изъ рукъ въ руки. Тайственные эмиссары подбрасывали оттиснутыя на матеріи изображенія короны даже въ сторожевыя будки у городской стѣны. Вновь появились въ городѣ эмигранты и расхаживали съ гордо поднятой головой. Можно было подумать, что власти постигнуты параличомъ. Никакихъ реквизицій не производилось, а потому не было ни зернового хлѣба, ни повозокъ, ни дровъ. Члены управленія закупали свѣчи по семи франковъ за фунтъ. Мѣста разврата кишѣли офицерами, опошлившимися отъ бездѣлья. Въ сельскихъ мѣстностяхъ бродили тамъ и сямъ толпы дезертировъ. Раненые солдаты, оставаясь безъ помощи, гнили отъ ранъ на одинокихъ больничныхъ койкахъ. Словомъ, беспорядокъ былъ громадный и для прекращенія его требовалось сочетаніе благо-разумной распорядительности съ энергіей, до чего, однако, не могли до тѣхъ поръ возвыситься бывшіе въ командировкѣ народные представители Лакость, Бодо, Рюампъ, Мильго и Субрани ¹⁾).

Явился Сенъ-Жюсть — и Страсбургъ заволновался.

Мрачный видъ этого молодого человѣка, его грозно-красивое лицо, густые напудренные волосы надъ черными бровями, неподвижная посадка головы, прямо державшейся надъ высокимъ, туго подвязаннымъ галстукомъ, почти автоматическое отсутствіе гибкости въ его движеніяхъ—все это не могло не произвести впечатлѣнія на толпу; и впечатлѣніе это еще усилилось, когда

¹⁾ О положеніи Страсбурга въ моментъ прибытія Сенъ-Жюста и Леба см. письмо ихъ къ Народному обществу названнаго города, отъ 24 брѹмаря II года (*Moniteur*, 1793, an II, № 67).

люди услышали немногословныя и рѣзкія рѣчи, которыми онъ сопровождалъ свои жесткія повелительныя тѣлодвиженія.

Успокоительное впечатлѣніе производило только одно то, что рядомъ съ Сенъ-Жюстомъ выступало мягкое и симпатичное лицо Леба ¹⁾.

Цѣлымъ рядомъ постановленій, которыя объясняются серьезностью тогдашнихъ обстоятельствъ и крутой характеръ которыхъ оправдывается достигнутымъ общимъ результатомъ, оба проконсула предписали слѣдующее:

всякій военнoслужущій, котораго найдутъ въ городѣ скрывающимся, будетъ немедленно разстрѣлянъ ²⁾);

муниципалитетъ обязывается доставить защитникамъ отечества извѣстное число обуви, кто не исполнитъ этого, тотъ дурной гражданинъ ³⁾);

для снабженія крѣпости провіантомъ учреждается особая коммиссія ⁴⁾);

члены управленія, не подчинившіеся требованіямъ правительства, подлежатъ тюремному заключенію, впредь до возстановленія мира ⁵⁾);

въ виду опасной для жизни нечистоты больницъ, муниципалитетъ долженъ въ теченіе сутокъ приготовить въ домахъ богатыхъ людей двѣ тысячи кроватей для больныхъ и раненыхъ солдатъ; защитники свободы должны впредь пользоваться уходомъ и уваженіемъ, подобающими тому дѣлу, которому они служатъ, и добродѣтели ⁶⁾);

имущество каждаго, кто станетъ покупать у солдатъ вещи, подлежитъ конфискаціи въ пользу республики ⁷⁾);

въ видахъ обмундированія полуголой арміи, всѣ шинели должны быть подвергнуты реквизиціи и изо дня въ день представляемы въ склады республики ⁸⁾.

¹⁾ Онъ весь обрисовывается въ его письмахъ, не предназначавшихся для опубликованія. Мы приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ нихъ.

²⁾ *Moniteur*, an II, 1793, № 45.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ *Ibidem*.

⁶⁾ *Ibid.*, № 67.

⁷⁾ Собраніе постановленій Сенъ-Жюста и Леба, *Histoire parlementaire*, t. XXXI, p. 37.

⁸⁾ *Ibid.*, p. 38.

То были мѣры несомнѣнно крайнія. Но вѣдь налицо былъ непріятель и уже занесъ руку, а контръ-революція распахнула двери для иноземнаго вторженія: неужели было бы лучше, если бы Франція погибла? Ибо дѣло шло тогда уже не о возвращеніи ея Бурбонамъ, а объ ея расчлененіи ¹⁾.

Тѣ изъ богатыхъ людей, въ которыхъ жива была любовь къ отечеству, сами настолько хорошо понимали это, что въ тогъ моментъ, когда потеряны были Вейсенбергскія линіи, они возбудили вопросъ о займѣ у богачей, предложили подать примѣръ и требовали каръ для тѣхъ, кто отказался бы послѣдовать ихъ примѣру. Въ отвѣтъ на это предложеніе, Сенъ-Жюсть и Леба, восхваливъ его патріотическій характеръ, издали слѣдующее постановленіе: «Въ видахъ облегченія народа и арміи, сдѣланъ будетъ заемъ въ девять милліоновъ у гражданъ, списокъ которыхъ при семъ прилагается. Взносы должны быть сдѣланы въ теченіе двадцати четырехъ часовъ» ²⁾.

Нѣкоторые писатели рѣшились сказать, что «это значило прибавить къ гнету еще и оскорбленіе» ³⁾. Оскорбленіе? Оскорбленіемъ было бы то, если бы предложеніе оказать помощь изнемогавшей родинѣ было сочтено ложью! Въ вышеупомянутомъ постановленіи было прибавлено: «Изъ этихъ взносовъ два милліона будутъ употреблены на нужды неимущихъ патріотовъ Страсбурга. Милліонъ пойдетъ на укрѣпленіе крѣпости. Шестъ милліоновъ будутъ внесены въ кассу арміи» ⁴⁾.

Это не было вымогательствомъ во вкусѣ Вереса ⁵⁾. Золото, собранное въ Страсбургѣ обоими проконсулами, бывшими тамъ представителями политики Робеспьера, было назначено одной только Франціи, употреблено на облегченіе ея скорбей, на святое дѣло ея освобожденія. Что же касается самихъ проконсуловъ, то они, оказавъ воздѣйствіе на богатыхъ, остались бѣдняками. Тогда какъ въ другихъ мѣстахъ Фуше, Каррье, Ронсенъ и столь многіе другіе тираны, вышедшіе изъ анархистской школы Гебера, позорили своею пышностью и развратомъ систему мѣстныхъ диктатуръ; Сенъ-Жюсть и Леба, при всемъ

¹⁾ См. объ этомъ въ *Mémoires du prince de Hardenberg, passim*.

²⁾ Собраніе постановленій и т. д., *ubi supra*, p. 35.

³⁾ Edouard Fleury, *Saint-Just et la Terreur*, t. II, p. 19.

⁴⁾ Собраніе постановленій Сенъ-Жюста и Леба, *ubi supra*, p. 35.

⁵⁾ Верресъ, преторъ въ Сициліи (I в. до Р. Х.), прославившійся своими вымогательствами (*Прим. переводч.*).

своимъ всемогуществомъ, держались строгаго образа жизни. Честность ихъ сіяла такъ ярко, что внушала клеветникамъ уваженіе даже и послѣ паденія ихъ обоихъ ¹⁾).

И простота ихъ нравовъ была тѣмъ болѣе замѣтна для всѣхъ, что она рѣзко отличалась отъ привычекъ нѣкоторыхъ изъ ихъ сотоварищей. Въ собраніи документовъ, относящихся къ революціи въ Страсбургѣ, мы находимъ любопытныя разоблаченія на этотъ счетъ. Вотъ, на примѣръ, записка, писанная секретаремъ народныхъ представителей Бодо и Лакоста, Гарнье, къ завѣдывавшему продовольственной частью:

«Любезный Гр... , прошу тебя немедленно прислать къ представителю Лакосту *иностраннаго вина*. Его надо получить еще къ обѣду» ²⁾).

Вотъ другая записка того же Гарнье:

«Гражданинъ, пришли намъ поскорѣе *иностраннаго вина*. Всѣ уже за столомъ и громко ропщутъ на тебя за то, что ты не исполнилъ порученія, даннаго тебѣ сегодня по утру мѣромъ ³⁾).

Еще записка Гарнье къ мэру:

«Гражданинъ мэръ, посылаю тебѣ только что полученное мною приказаніе. Видишь ли намъ надобно нѣсколько *бутылокъ шампанскаго и бордо*, потому что у насъ осталось всего нѣсколько бутылокъ сладкихъ винъ, на которыя смотрятъ съ гримасою и которыя, по меньшей мѣрѣ, не веселятъ. Понятно, впрочемъ, что и ты тоже придешь нынѣшнимъ вечеромъ поужинать съ гражданиномъ Л... (Лакостомъ). Этимъ ты доставишь ему удовольствіе» ⁴⁾).

¹⁾ Систематическій хулитель революціи и Сенъ-Жюста, Эдуардъ Флѣри, признаетъ, что «не было ни одной жалобы, которая позволяла бы усомниться въ его безкорыстїи» (См. *Saint-Just et la Terreur*, t. II, p. 23).

²⁾ Recueil des piéces authentiques servant à l'histoire de la Révolution à Strasbourg. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 1317—18—19 (*British Museum*).

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibid.*—Въ книгѣ *Saint-Just et la Terreur*, t. II, p. 49, Эдуардъ Флѣри приводитъ эту послѣднюю записку въ доказательство того, что члены революціонной ассоціаціи *Propagande*, о которой мы сейчасъ будемъ говорить, «безпорядочно расходовали, портили и пачкали съѣстные припасы и вина, поступавшіе реквизиціоннымъ путемъ въ пользу больныхъ и арміи». Примѣръ этотъ подобранъ очень неудачно. Подписанная подъ запиской фамилія, которой Флѣри не приводитъ, показываетъ, что требованіе исходило не отъ *Propagанды*, а отъ секретаря Лакоста, а это большая разница. Правда, въ вышеупомянутомъ сборникѣ мы находимъ два требованія, посланныя страс-

Нѣтъ надобности прибавлять, что фамиліи Сень-Жюста и Леба не встрѣчается ни въ одномъ изъ требованій этого рода. Они проявляли алчность только на пользу отечества.

Впрочемъ, было естественно, что на произвольное составленіе списковъ о распредѣленіи взносовъ поднялись жалобы, особенно въ послѣдствіи, на слѣдующій день послѣ 9 термидора, когда каждый былъ поощряемъ къ тому, чтобы бросить камнемъ въ могилы, гдѣ покоились побѣжденные, и когда стало выгодно спекуляціей выдавать себя за жертву, которой надлежитъ дать вознагражденіе. Отсюда всѣ тѣ запоздалыя жалобы, которыя имѣютъ лишь ничтожную историческую цѣнность, потому что раздались въ такое время, когда временные господа положенія имѣли интересъ вызывать и раздувать подобныя жалобы, тогда какъ люди, на которыхъ онѣ сыпались, были обречены на вѣчное молчаніе. При томъ, въ числѣ подпавшихъ обложенію были ярые контръ-революціонеры, которыхъ выводилъ изъ себя не столько размѣръ обложенія, сколько его цѣль, и исторія имѣетъ право и обязана относиться подозрительно къ ихъ злобнымъ показаніямъ. Тѣмъ не менѣе, благоразуміе требуетъ допустить, что самая настоятельность принятыхъ мѣръ должна была повлечь за собою успѣшность, которая, въ свою очередь, могла быть причиною несправедливости въ частныхъ случаяхъ. Напримѣръ, очень возможенъ былъ случай съ тѣмъ содержателемъ гостиницы въ Страсбургѣ, который, подвергшись обложенію въ 40,000 ливровъ, говорятъ, храбро явился къ Сень-Жюсту и подалъ ему на тарелкѣ ключъ отъ своего дома, прося проконсула принять на себя долги¹⁾. Но какъ отвѣтилъ на это Сень-Жюстъ? Намъ не забыли бы сообщить о томъ, если бы въ его отвѣтѣ сказалась черствость его сердца!

Правда, онъ вовсе не дѣлалъ уступокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сопротивленіе представлялось ему преступнымъ; напротивъ! Хорошо понимая, что для революціи вопросъ идетъ о жизни или смерти, о томъ, чтобы ей повиновались и, при томъ, быстро онъ, прежде всего, сломилъ упорство строптивыхъ людей нѣсколькими примѣрами, хотя и не кровавыми, однако способными при-

бургскому мѣру *Пропагандой*, но они имѣютъ совершенно другой характеръ. Пусть судить читатель: «*Пропаганда* нужно бы было, чтобы кому-нибудь было поручено доставить ей реквизиціоннымъ путемъ *молока, масла и яицъ*, которыхъ она инымъ путемъ добыть не можетъ. *Казначей Ж. Б. Мюллеръ*».

вести умы къ покорности. Когда самый богатый изъ обложенныхъ взносомъ по девяти миллионному займу не уплатилъ своей доли въ назначенный срокъ, Сенъ-Жюсть приказалъ выставить его на три часа напоказъ народу на помостѣ гильотины. Въ приказѣ было сказано: «Лица, которыя не внесутъ своей доли обложенія въ теченіе завтрашняго дня, будутъ подвергнуты тюремному заключенію на мѣсяцъ за каждый просроченный день, въ виду настоятельности спасенія отечества»¹⁾.

Другимъ распоряженіемъ, отданнымъ въ Кабернѣ, уголовному суду было предписано разрушать до основанія дома всѣхъ лицъ, уличенныхъ въ ажіотажѣ и продажѣ товаровъ по цѣнѣ выше установленной *максимальной*²⁾.

Подрывать довѣріе къ ассигнаціямъ значило повергать Францію въ строжайшій хаосъ. Поэтому постановленіе Сенъ-Жюста, направленное противъ лицъ, агитировавшихъ въ этомъ направленіи, было ни менѣе необходимо, ни болѣе сурово, чѣмъ законъ, каравшій смертною казнью поджигателей. Угроза эта была осуществлена слѣдующимъ примѣромъ, котораго и одного оказалось достаточно. Когда нѣкій мѣховщикъ, по фамиліи Шауреръ, потребовалъ отъ одного изъ своихъ жильцовъ цѣну выше *максимальной*, его привлекли къ уголовному суду. Онъ былъ извѣстенъ своими происками по части особаго рода заговора, клонившагося съ обезцѣненію ассигнацій, и было доказано, что дочь его Сюзанна-Маргарита всюду толковала: «Ассигнація въ пять ливровъ все равно, что пятьдесятъ су». Постановленіе состоялось такое: срыть до основанія домъ гражданина Шаурера, а на его мѣстѣ поставить столбъ, который долженъ служить предостереженіемъ для спекулянтовъ и для всякаго, кто сдѣлаетъ попытку обезцѣнить соціальную монету³⁾.

Народные представители Бодо и Лемуанъ обратились къ своимъ корреспондентамъ со слѣдующимъ оригинальнымъ предложеніемъ: «Пишите кратко. Длинныя фразы присущи режиму монархій, а республикѣ свойственъ лаконизмъ». Такъ же думалъ и Сенъ-Жюсть. Его постановленія составлялись въ самой сжатой формулѣ, какъ доказываетъ слѣдующее распоряженіе:

¹⁾ Собраніе постановленій и т. д., *ubi supra*, p. 37.

²⁾ Recueil des pièces authentiques servant à l'histoire de la Révolution à Strasbourg. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 1817—18—19 (*British Museum*).

³⁾ *Biblioth. hist. de la Révol.*, 1817—18—19 (*British Museum*).

«Въ арміи десять тысячъ человѣкъ босы. Вамъ слѣдуетъ разуть въ теченіе дня всѣхъ страсбургскихъ аристократовъ и распорядиться, чтобы завтра, въ 10 часовъ утра, десять тысячъ паръ башмаковъ были отправлены въ главную квартиру»¹⁾.

Эта возвышенность, этотъ фанатизмъ долга, которымъ еще болѣе силы придавали въ такомъ молодомъ человѣкѣ чистота его нравовъ, благородная манера дѣйствій и спартанское безкорыстіе, дали рѣшительные результаты. Сень-Жюсть не пролилъ въ Страсбургѣ ни капля крови, а всѣ молча повиновались ему. Муниципалитетъ получилъ въ короткое время 6.879 сюртуковъ, жилетовъ и брюкъ, 4,767 паръ чулокъ, 16,921 пару башмаковъ, 863 пары сапогъ, 1,351 шинель, 2,673 простыни, 20,528 рубашекъ, 4,524 шляпы, 323 пары гетръ, 29 центнеровъ корпій, 900 одѣялъ и много другихъ вещей, не считая огромнаго количества старой мѣди на отливку пушекъ²⁾.

Правда, составители записки, изъ которой извлечены эти цифры—контръ-революціонеры, выступившіе послѣ 9-го термидора обвинителями побѣжденныхъ передъ побѣдителями, отрубленныхъ головъ передъ палачомъ—прибавляютъ: «Большая часть этихъ вещей осталась сваленною въ магазинахъ; часть ихъ сгнила тамъ или съѣдена крысами, а остатокъ былъ раздаваемъ первому встрѣчному. Порча вещей была достигнута, а это-то и было желательно»³⁾. Но это заявленіе, впрочемъ и само по себѣ такое неправдоподобное, неопровержимо опровергается тѣмъ неоспоримымъ и неоспариваемымъ фактомъ, что вслѣдствіе распоряженій Сень-Жюста и Леба армія, не имѣвшая ни одѣянія, ни башмаковъ, оказалась одѣтою и обутою⁴⁾.

Недаромъ Сень-Жюсть былъ не такой человѣкъ, чтобы терпѣть неисполненіе его приказаній. Единственнымъ изъ его постановленій, имъ же и оставленнымъ, было то, которымъ муниципалитету предписывалось снести каменные статуи, стоявшія кругомъ прекраснаго Страсбургскаго собора. Нѣсколько отдѣльныхъ, стоявшихъ снаружи, статуй исчезло; но что касается

¹⁾ *Biblioth. hist. de la Révol.*, 1317—19 (*British Museum*).

²⁾ *Appel de la Commune de Strasbourg à la Convention*, p. 21.—*Biblioth. hist. de la Révol.*, 1317—18—19 (*British Museum*).

³⁾ *Biblioth. hist. de la Révol.*, 1317—18—19 (*British Museum*).

⁴⁾ См. на этотъ счетъ главу, касающуюся военной миссіи Сень-Жюста и Леба, а также *Moniteur*, 1793, an II, № 67.

тѣхъ, которыя составляли часть самой постройки, то онѣ не могли бы быть убраны безъ обезображенія зданія, а это было бы преступленіемъ противъ искусствъ, которое, по декрету Конвента отъ 6-го іюня, каралось двухлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. Когда завѣдывавшій общественными работами сослался на этотъ декретъ, а муниципальная комиссія одобрила его доводы ¹⁾, Сень-Жюсть не настаивалъ на своемъ. Въ сущности, неудачу этой мѣры, являвшейся неумѣстной уступкой гебертизму и такъ сильно противорѣчившей тенденціямъ обоихъ друзей Робеспьера, очень нетрудно было и предвидѣть.

Тѣмъ временемъ разнеслась зловѣщая молва. Пошли толки о только-что открытомъ, будто бы, заговорѣ, цѣлью котораго было сдать городъ Вурмзеру. Тревога вызвана была перехваченнымъ на форпостахъ письмомъ, которое препроводили къ генералу Мишо, а имъ переслано было народнымъ представителямъ Мильго и Гюйардену ²⁾. Письмо это, за подписью: «маркизь де-Сентъ-Илеръ», было адресовано такъ: «Господину гражданину въ сД, 17. 18., Оружейная площадь въ Страсбургѣ». Въ немъ говорилось: «Другъ мой, все устроено. Они, по ихъ выраженію, заплещутъ карманьолу. Страсбургъ будетъ нашимъ самое позднее черезъ три дня... Со времени моего послѣдняго письма мы безъ сопротивленія прибыли въ Брумштъ. Тамъ эти малые синіе карапузы оказали сопротивленіе. Сообщите намъ, кто ими командовалъ. Мы рѣшили пожертвовать на его подкупъ 500,000 франковъ. Чортъ возьми, это не то, что редутъ между Штейнфельдомъ и Нидеръ-Отербакомъ: тотъ мы приобрѣли дешевле!.. Вы, вѣроятно, видѣлись вчера съ маркизомъ де ла Виллеттомъ и съ графомъ Сономъ»... Далѣе излагался планъ. Двумъ стамъ роялистамъ уже удалось пробраться по-одиночкѣ въ Страсбургъ, въ формѣ національныхъ гвардейцевъ. Въ назначенный день и часъ они должны были открыть городскія ворота двумъ тысячамъ своихъ товарищей, обмундированныхъ такъ же, какъ и они. Созывнымъ крикомъ должно было служить имя короля. Кромѣ бѣлой кокарды, никакихъ другихъ значковъ не

¹⁾ Извлечено изъ постановленій страсбургскаго муниципальнаго совѣта въ *Recueil des pièces authentiques servant à l'histoire de la Révolution dans cette commune. Biblioth. hist. de la Révolution, 1317—18—19 (British Museum)*.

²⁾ *Ibidem.*

должно быть. По условному сигналу всюду должны вспыхнуть пожары. Кроме того, было приписано: «Вы узнаете его по очкамъ. Онъ заика. Онъ скажетъ вамъ 19, 27, 1, 32, 7, 28, 22, 34, 68. Вы знаете, что это значить. «А въ припискѣ на концѣ было сказано: «Завертывайте ваши депеши, по обыкновенію, въ тряпки». Наиболее тревожною фразой въ этомъ письмѣ была слѣдующая, возбудившая подозрѣнія относительно сношеній съ самими властями: «Члены муниципалитета, списокъ фамилій которыхъ у насъ есть, будутъ переколоты кинжалами. Другіе, наши друзья, останутся нетронутыми. Пусть они тотчасъ же надѣнутъ свои бѣлые шарфы»¹⁾).

Изъ членовъ управленія только одинъ Эдельманъ носилъ очки и былъ заикой, тотъ самый Эдельманъ, котораго Шарль Нодье обрисовалъ слѣдующимъ образомъ: «Это былъ человѣкъ малаго роста, съ худощавымъ и унылымъ лицомъ. Надвинутая на глаза шляпа, безсмѣнно носимые очки, простой, но безукоризненно чистый сюртукъ, застегнутый до подбородка на мѣдныя пуговицы, холодно сдержанная и флегматически резонерская рѣчь—все это вмѣстѣ дѣлало его мало пріятнымъ, но не имѣло въ себѣ ничего отталкивающаго... Я помню, что слышалъ, какъ онъ, давая показаніе противъ Дитриха, сказалъ съ потрясающимъ спокойствіемъ: «Я буду оплакивать тебя, потому что ты былъ моимъ другомъ; но ты долженъ умереть, потому что ты измѣнникъ»²⁾. Искусный музыкантъ-композиторъ, но свирѣпый человѣконенавистникъ, Эдельманъ нажилъ себѣ смертельныхъ враговъ и въ числѣ его враговъ былъ одинъ протестантскій пасторъ, о которомъ въ печатныхъ документахъ страсбургскаго уголовного суда сказано: «Иоганнъ Швейкартъ Мецъ, бывшій протестантскій пасторъ въ Грисѣ, уличенъ въ томъ, что составилъ, съ цѣлью погубить патріотовъ, письмо, будго бы найденное имъ, по его словамъ, у какого-то ребенка въ Лихтенбергскомъ лѣсу; приговоренъ къ заключенію въ оковахъ на четыре года»³⁾).

Къ сожалѣнію, это стало извѣстно лишь впоследствии. Въ числѣ членовъ управленія были лица, къ которымъ Сень-Жюсть

¹⁾ *Biblioth. hist. de la Révol.*, 1817—18—19 (*British Museum*).

²⁾ *Souvenirs de la Révolution*, t. I, p. 18.

³⁾ Recueil des pièces authentiques servant à l'histoire de la Révolution Strasbourg. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 1817—18—19 (*British Museum*).

относился съ недоувѣріемъ. Онъ усмотрѣлъ «большую опасность» тамъ, гдѣ была только низкая продѣлка. Не откладывая дѣла, онъ смѣстилъ установленныхъ въ Страсбургѣ властей и властнымъ тономъ предложилъ коменданту крѣпости войти въ соглашеніе съ Наблюдательнымъ комитетомъ относительно высылки членовъ департаментскаго управления въ Мецъ, членовъ окружнаго управления въ Безансонъ, а членовъ муниципальнаго управления въ Шалонъ. Изъяты отъ высылки были только четверо гражданъ изъ состава департаментскаго управления и страсбургскій мэръ Монэ¹⁾.

Мѣра эта вызвала въ городѣ крайнее удивленіе. Управление, составъ котораго былъ незадолго передъ тѣмъ обновленъ, пользовалось популярностью: ударъ оказался неожиданнымъ и сильнымъ. Патриоты встревожились, страсбургское общество якобинцевъ возропало и Монэ поспѣшилъ почтительно попросить у Сень-Жюста разъясненія загадки. Однако, оба проконсула холодно отмалчивались. Мэръ продолжалъ настойчиво просить объясненія, и тогда Сень-Жюстъ, который въ это время лежалъ, повернулся къ нему и со свойственною ему краткостью сказалъ: «Вы, можетъ быть, правы относительно отдѣльныхъ лицъ; но существуетъ большая опасность, а мы не знаемъ, куда направить ударъ. Ну, а слѣпой, ищущій булавку въ кучѣ пыли, хватаетъ эту кучу пыли»²⁾. Странное оправданіе произвола, не могущаго, на этотъ разъ, быть оправданнымъ! Это софизмы несправедливости. А можетъ ли что-либо быть болѣе опаснымъ, чѣмъ непризнаніе справедливости? Сдача города меньшее зло, чѣмъ наказаніе одного невиновнаго.

Все, чего удалось добиться страсбургскому мэру, было лишь освобожденіе изъ-подъ ареста двѣнадцати членовъ управления. По отношенію къ прочимъ постановленіе было оставлено въ силѣ³⁾.

Мэру Монэ было едва 25 лѣтъ. «Онъ былъ высокъ ростомъ, красивъ, хорошо сложенъ, хотя нѣсколько сутуловатъ, былъ пріятенъ, вѣжливъ и обладалъ какою-то грустною граціей, ко-

¹⁾ Собраніе постановленій Сень-Жюста и Леба. *Histoire parlementaire*, т. XXXI, р. 35 et 36.

²⁾ Разсказъ, опирающійся на разъясненія, данныя самимъ Монэ, авторомъ *Histoire parlementaire* (см. т. XXXI, р. 36).

³⁾ *Ibidem*.

торая привлекаетъ»¹⁾. 21-го января 1793 г. — въ этотъ знаменитый и трагическій день—онъ занялъ должность страсбургскаго мэра, взаи́мънъ Тюркгема, такъ какъ на него было указано комиссарамъ Конвента Кутюрье, Данзеля и Рюля, какъ на единственнаго въ то время человѣка, соединявшаго въ себѣ патріотизмъ съ опытомъ. Въ одномъ документѣ, посланномъ Конвенту въ самый разгаръ теримидоріанской реакціи контръ-революціонерами, фамилія Монэ сопровождается множествомъ ругательствъ, въ подтвержденіе которыхъ не приводится, однако, ни одного факта или, скорѣе, ему вми́няется въ преступленіе то, что онъ въ двухъ различныхъ случаяхъ отказалъ дѣтямъ въ разрѣшеніи повидаться съ ихъ арестованнымъ и больнымъ отцомъ. Да и то не приводилось ни именъ, ни тѣхъ условій, при которыхъ это случилось²⁾. А съ другой стороны,—въ чемъ упрекали его контръ-революціонеры? Въ склонности водиться съ аристократами и освобождать подозрительныхъ лицъ³⁾. Человѣкъ, который, будучи облеченъ въ бурное время широкою властью, не далъ своимъ самымъ заклятымъ врагамъ никакого другого оружія противъ себя, кромѣ такого, какъ только что указанное, конечно, имѣетъ право на снисхожденіе со стороны исторіи! А между тѣмъ именно этого человѣка одинъ изъ современныхъ намъ писателей считаетъ способнымъ къ составленію мнимаго письма маркиза Сентъ-Илера съ цѣлью избавиться отъ стѣснительной для него оппозиціи въ муниципальномъ совѣтѣ! Вышеприведенный рассказъ, основанный на достовѣрныхъ до-

¹⁾ Charles Nodier, *Souvenirs de la Révolution*, t. I, p. 13.—Хотя Шарль Нодье далеко не былъ революціонеромъ, однако такъ какъ сила истины заставила его сдѣлать много показаній въ пользу Робеспьера и Сентъ-Жюста, то роялистскіе писатели, придравшись къ нѣкоторымъ сдѣланнымъ имъ ошибкамъ, отрицали его авторитетность по части исторіи. Фактъ тотъ, что Шарль Нодье, какъ самъ онъ говорилъ, вовсе не имѣлъ въ виду написать *исторію, какъ пишетъ ее исторіографъ*, и книга его, конечно, не имѣетъ достоинства всегда точной хронологіи; но окраска, которую онъ даетъ людямъ и событіямъ, очень часто оказывается тою самою, которая представляется правдивою при внимательномъ изученіи официальныхъ документовъ. И особенно въ этомъ-то *Souvenirs* Шарля Нодье и имѣютъ *историческое* значеніе.

²⁾ Appel de la Commune de Strasbourg à la République et à la Convention. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 1817—18—19 (*British Museum*).

³⁾ *Histoire de la Propagande*, par les sans-culottes Masse, Jung, Vogt et Wolff. *Ibid.*

кументахъ, достаточно показывается, что слѣдуетъ думать о подобномъ предположеніи¹⁾.

Какъ бы ни было, Сень-Жюсть, узнавъ про жалобы страсбургскаго Народнаго общества, обратился къ нему съ слѣдующимъ письмомъ, которое далъ подписать Леба и въ которомъ онъ обрисовывается весь цѣликомъ:

«Братья и друзья, мы убѣждены, что составился заговоръ съ цѣлью сдать непріятелю бывшій Эльзасъ... Вы снисходительны къ людямъ, ничего не сдѣлавшимъ для отечества... Мы только что получили доносъ о томъ, что въ рукахъ департаментскаго управленія находятся два милліона золотомъ. Этотъ фактъ, должно быть, удивить васъ. Жалость по отношенію къ преступленію прилична его сообщникамъ, а не вамъ... Мы разсматриваемъ все хладнокровно и имѣемъ право быть подозрительными. Мы обязаны быть съ вами въ дружбѣ, но не обязаны передъ вами быть слабыми. Пока не минетъ опасность, мы настаиваемъ на нашемъ постановленіи. Привѣтъ и братство»²⁾.

Въ этомъ письмѣ была, между прочимъ, слѣдующая достойная

¹⁾ Эдуардъ Флѣри, въ своемъ *Étude* о Сень-Жюстѣ, т. II, р. 31 et 36, не упускаетъ случая выдать мнимое коварство Монэ за доказанный фактъ. Любопытно доказательство, на которое онъ опирается. «По смерти Сень-Жюста, говоритъ онъ, въ его бумагахъ нашли цѣлую тетрадь замѣтокъ, писанныхъ нѣсколькими главными революціонерами и нѣкимъ Блене, *безъ сомнѣнія*, агентомъ тайной полиціи чрезвычайныхъ комиссаровъ. Вотъ что писалъ Сень-Жюсту Блене, чтобы внушить ему недоувѣріе къ Монэ: «Составилъ ли онъ протоколъ о письмѣ, полученномъ имъ отъ шеваля Сентъ-Илера? или онъ хотѣлъ пошутить страсбургскимъ заговоромъ? Пусть онъ не разсчитываетъ усыпить насъ своими словами. Хотя онъ и мѣръ, однако все-таки заслуживаетъ самаго тщательнаго надзора съ нашей стороны». Такимъ образомъ, *недоувѣренность* нѣкогого Блене—вотъ что *доказываетъ*, что высылка страсбургскихъ властей была «лицемѣрною комедіей», поступкомъ, «предлогъ для котораго былъ въ высшей степени отвратителенъ, какъ мошенничество и ложь». На бѣду, оказывается, что *подозрительность* Блене и избытокъ честнаго негодованія, для котораго она служитъ исходною точкой, никакъ не совпадаютъ съ *фактами*. Монэ не имѣлъ повода составлять протоколъ о полученномъ отъ Сентъ-Илера письмѣ, потому что, какъ мы видѣли, письмо это было препровождено не къ нему, а къ генералу Мишо, который, съ своей стороны, переслалъ его народнымъ представителямъ Мильго и Гюйардену. Что же касается человѣка, составившаго письмо, то вопросъ о немъ разрѣшенъ приведеннымъ нами судебнымъ документомъ.

²⁾ *Moniteur*, 1793, an II, № 67.

удивленія фраза: «О какихъ должностныхъ лицахъ можно сказать, что они неповинны въ несчастіи народа?»¹⁾).

Такая рѣшительность въ поступкахъ и такая возвышенность въ рѣчахъ, эта ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ не отступавшая твердость производили впечатлѣніе, которое ярко выражено въ слѣдующихъ строкахъ:

«Сень-Жюсту пора было прибыть къ этой несчастной арміи... Онъ все оживилъ, одушевилъ и возродилъ... Чтò за мастеръ этотъ малый! Собраніе его постановленій безспорно будетъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ историческихъ памятниковъ революціи. Черезъ нѣсколько дней ты услышишь, что къ Рейнской арміи вернулась вся ея энергія и что она раздавила глупыхъ бойцовъ тираніи... Рюампъ, Нюнь, Мильго и Бори вели себя какъ трусы, а можетъ быть еще и хуже»²⁾).

Въ этомъ письмѣ своемъ Гатто, поговоривъ о своихъ сильно пострадавшихъ интересахъ, говоритъ своему корреспонденту д'Обиньи съ тѣмъ благородствомъ чувствъ, которое еще ярче выступаетъ, благодаря небрежности выражений: «Согласись, что несчастіе меня и быть нельзя. Но я плюю на это (je m'en f...), лишь бы восторжествовала республика и упрочилась свобода»³⁾. И тѣмъ же перомъ, сливая самоотверженіе со свирѣпостью, какъ было свойственно той эпохѣ, онъ пишетъ: «Святая гильотина работаетъ блестяще и благотворный терроръ творить здѣсь чудодѣйственнымъ образомъ то, на чтò по разуму и философіи нельзя было надѣяться, по меньшей мѣрѣ, въ теченіе столѣтія»⁴⁾.

Въ это время гильотина дѣйствительно развѣзжала по Эльзасу, но не слѣдомъ за Сень-Жюстомъ и Леба, руки которыхъ не запятнались ни одною каплей крови, а слѣдомъ за негодеемъ, котораго они, напротивъ, привлекли къ отвѣту за его зловѣщее проявленіе власти и сломили.

Когда Сень-Жюсть и Леба прибыли въ Страсбургъ, они застали тамъ учрежденный подъ предсѣдательствомъ бывшаго монаха, по фамиліи Таффена, революціонный судъ, состоявшій

¹⁾ *Moniteur*, an II, 1793, № 67.

²⁾ *Pièces justificatives* № XXXIX въ концѣ доклада Куртуа о бумагахъ Робеспьера. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 856—7—8 (*British Museum*).

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibidem*.

изъ людей дурной репутаціи¹⁾, среди которыхъ выдѣлялась ужасная фигура Евлогія Шнейдера.

Это былъ человекъ тридцати семи лѣтъ, малаго роста, плотный, стригшійся подъ гребенку, съ бѣлесоватыми глазами и рыжими рѣсницами. Его круглое лицо мертвенно-сѣраго цвѣта было мѣстами испещрено красными пятнами и изрыто оспой²⁾. Родившись въ крестьянской семьѣ, въ деревнѣ Вюрцбургскаго епископства Випфельдѣ, онъ былъ воспитанъ иезуитами, поступилъ въ госпиталь Сень-Жюль, но исключенъ оттуда за дурное поведеніе. Затѣмъ онъ проявилъ нѣкоторое раскаяніе, поступилъ въ монахи и, пробывъ въ монастырѣ девять лѣтъ, былъ посланъ въ Аугсбургъ, въ качествѣ проповѣдника. Проповѣдью о вѣротерпимости онъ навлекъ тамъ на себя гнѣвъ своего начальства, бросилъ монастырь и былъ приглашенъ герцогомъ Карломъ Вюртембергскимъ въ Штутгартъ съ званіемъ профессора. Въ Штутгартѣ онъ вступилъ въ общество Вейсгаупта, получилъ отъ Кёльнскаго курфюрста кафедру греческой литературы и гуманитарныхъ наукъ въ Боннѣ, потомъ лишился ея и, явившись въ Страсбургъ, былъ навязанъ конституціонному епископу Брандѣлю въ качествѣ главнаго викарія³⁾.

Въ Страсбургѣ существовали двѣ партіи: одна, руководимая сперва Дитрихомъ, а потомъ Монэ, называлась *французскою партіей*; другая, являвшаяся представительницею нѣмецкаго духа, боролась противъ безусловнаго объединенія Эльзаса съ Франціей.

Въ то время, когда прибыли Сень-Жюсть и Леба, точкою опоры для первой изъ двухъ названныхъ партій служили человекъ шестьдесятъ горячихъ революціонеровъ, собравшихся въ Страсбургѣ изъ различныхъ мѣстъ Франціи и образовавшихъ полугражданское, полувоенное общество подъ названіемъ «Пропаганда». Люди эти, большею частью молодые и полные

¹⁾ *Hist. parlem.*, t. XXXI, p. 29.

²⁾ Charles Nodier, *Souvenirs de la Révolution*, t. I, p. 12.—Мишо-младшій, въ статьѣ о Нодье, помѣщенной въ *Biographie universelle*, находитъ, повидимому, неправдоподобнымъ, чтобы Нодье, которому было тогда всего 10 или 11 лѣтъ, могъ быть посылаемъ отцомъ къ Шнейдеру учиться греческому языку. Но что же тутъ неправдоподобнаго? Вѣдь за изученіе греческаго языка принимаются не въ 20 лѣтъ. О, если бы Шарль Нодье наговорилъ немножко болѣе дурного про Сень-Жюста, тогда другое дѣло!

³⁾ Schoel, *Biographie universelle*, статья Schneider.

одушевленія, ходили въ особомъ одѣяніи. Ихъ можно было отличить по красному колпаку, надѣвавшемуся поверхъ распущенныхъ по вѣтру волосъ, по обнаженной шеѣ, длинному кафтану, перехваченному трехцвѣтнымъ кушакомъ, за который засунуты были пистолеты и охотничьи ножи, и по кожанымъ сапогамъ цвѣта небѣленаго холста¹⁾. Имъ отведено было помѣщеніе въ коллежѣ и генераль Діэншъ далъ имъ, сверхъ стражи изъ двѣнадцати человѣкъ, конныхъ вѣстовыхъ для развозки ихъ депешъ²⁾. Миссія ихъ состояла, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы бороться съ федералистскими стремленіями и мѣстными предвзятыми мнѣніями, стараться распространить употребленіе французскаго языка и, наконецъ, искоренять все то, что еще оставалось нѣмецкаго въ Эльзасѣ. Народное общество встрѣтило ихъ вначалѣ холодно и недоувѣрчиво, но потомъ они достигли такого господствующаго надъ нимъ вліянія, что заставили его упразднить въ засѣданіяхъ пренія на нѣмецкомъ языкѣ³⁾. Въ ихъ числѣ было нѣсколько изувѣровъ, какъ, напримѣръ, нѣкій Ришаръ изъ Меца, бывшій священникъ Дюуба изъ Бона, Дюръежъ изъ Седана и нѣкій Моро, любившій, чтобы его называли не иначе, какъ Маратомъ⁴⁾. Но люди эти не оказывали никакого вліянія на *Пропаганду*, дѣйствительные вожаки которой считали Моро-Марата сумасшедшимъ, а Дюръежа интриганомъ, вліявшимъ на Моро. По правдѣ, *Пропаганда* оказала услуги, которыя по отъѣздѣ ея изъ Страсбурга были засвидѣтельствованы тѣмъ, что Народное общество отправило въ Конвентъ адресъ, гдѣ говорилось о «добрѣ, сдѣланномъ Страсбургу бывшею *Пропагандой*», и о «печали, причиненной санкюлотамъ ея отъѣздомъ»⁵⁾.

Но и въ самомъ лагерѣ революціонеровъ членамъ *Пропа-*

1) *Histoire de la Propagande* et des miracles qu'elle a faits dans cette commune, par les sans-culottes Masse, Jung, Vogt et Wolff.—Это рѣзкій памфлетъ противъ ассоціаціи *Пропаганда*.—*Bibl. hist. de la Révol.*, 1317—18—19 (*British Museum*).—См. также *Souvenirs de la Révolution*, par Charles Nodier.

2) *Ibidem*.

3) Въ этомъ съ особенною горечью виняты ихъ авторы *Histoire de la Propagande*.

4) *Ibid.*

5) *Recueil des piéces authentiques servant à l'histoire de la Révolution à Strasbourg*.—Извлеченіе изъ протокола засѣданія Наблюдательнаго комитета 17 жерминаля.

6) *Ibid.*.—Засѣданіе Наблюдательнаго комитета 4 нивоза II года.

анды приходилось бороться съ очень сильною партіей—партіей демократическо-нѣмецкою — во главѣ которой стояли Юнгъ, Фоггъ, Леорье, Вольфъ и Клапель¹⁾, все люди съ дурной репутаціей, за исключеніемъ сапожника Юнга. Вольфъ и Клапель, бывшіе оба судьями, принимали участіе во всѣхъ тѣхъ крайностяхъ, о которыхъ мы сейчасъ напомнимъ. Леорье былъ спекулянтъ, котораго Народное общество исключило изъ своего состава за безнравственность и пышный образъ жизни²⁾. Юнгъ самъ говорилъ о Фоггѣ, что «его душа—помойная яма всѣхъ пороковъ»³⁾. Вотъ къ какимъ людямъ примкнулъ Шнейдеръ и вотъ кого онъ вскорѣ началъ возить за собою⁴⁾.

Онъ получилъ должность прокурора и сдѣлался полнымъ хозяиномъ въ революціонномъ судѣ, благодаря пріобрѣтенному имъ вліянію на предсѣдателя этого суда, бывшаго священника Таффена. Вскорѣ онъ сталъ одинъ руководить постановленіемъ приговоровъ, а такъ какъ онъ до безумія любилъ вино и женщинъ⁵⁾, то, при его власти и порочности, Эльзасъ обратился въ его добычу. Тогда какъ въ Страсбургѣ одинъ изъ его сообщниковъ, Клапель, штрафовалъ женщинъ, не носившихъ кокарды и не обращавшихся одна къ другой «на ты»⁶⁾, Шнейдеръ, возившій за собою гильотину и палача, раздѣлалъ по всему Эльзасу, съ алчностью, похотливостью и злобою хищной птицы постановляя смертные приговоры, которымъ не велось никакихъ списковъ, налагая на перепуганныя деревни контрибуціи, характеръ и размѣры которыхъ оставались неизвѣстными, тратя до 8,000 ливровъ на поѣздку революціоннаго суда въ Оберенгеймъ и посылая цѣлую тучу австрійскихъ патеровъ, изступленныхъ вѣроотступниковъ, предварять о его пріѣздѣ города, которые изъ страха встрѣчали его прибытіе иллюми-

¹⁾ *Recueil des piéces antiques* etc. въ *Bibl. hist. de la Revolution* 1317—19 (*Br. Mus.*).—Рѣчь Монэ въ страсбургскомъ Народномъ обществѣ 21 флореаля.

²⁾ *Ibid.*, № CIV.

³⁾ *Ibid.*—Рѣчь Монэ.

⁴⁾ Въ книгѣ *Saint-Just et la Terreur*, t. II, chap. IX, Эдуардъ Флѣри, помимо другихъ ошибокъ, дѣлаетъ слѣдующую странную ошибку: онъ выдаетъ Шнейдера и Юнга за главарей *Пропананды*, тогда какъ они принадлежали къ противной партіи.

⁵⁾ Выводъ изъ допросовъ, снятыхъ съ сообщниковъ Шнейдера. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 1317—18—19 (*British Museum*).

⁶⁾ *Ibid.*

націей! ¹⁾). Сенъ-Жюсть проявлялъ диктатуру общественнаго спасенія, а Шнейдеръ — диктатуру всесильнаго эгоизма. Отъ повергнутыхъ въ ужасъ матерей онъ требовалъ пожертвованія честию ихъ дочерей ²⁾). Самъ Фукье-Тенвиль содрогнулся, когда узналъ объ этомъ. У развратнаго монаха бывали порою причудливые припадки щедрости, такъ однажды, прибывъ въ деревню въ такую минуту, когда совершалось бракосочетаніе какого-то конституціоннаго священника, онъ принялъ участіе въ брачущихся и приказалъ жителямъ дать имъ приданое. Сборъ пожертвованій былъ произведенъ... вокругъ гильотины! ³⁾). Когда австрійскій священникъ Тёнкъ пожелалъ жениться, Шнейдеръ потребовалъ, чтобы къ его сообщнику явились на выборъ всѣ молодыя дѣвушки Барра ⁴⁾). Иногда на него нападали порывы свойственнаго тиранамъ отчаянія; такъ, однажды, чувствуя свое безсиліе разыскать одного изъ своихъ враговъ, котораго онъ предназначалъ на эшафотъ, онъ съ рычаніемъ катался по землѣ и рвалъ на себѣ волосы ⁵⁾).

Когда въ Страсбургѣ стало извѣстно о результатахъ поѣздокъ Шнейдера, общественное негодованіе дало противникамъ этого человѣка смѣлость выступить противъ него съ нападками. Нѣсколько патріотовъ, принадлежавшихъ къ французской партіи, явились къ народнымъ представителямъ Бодо и Лакосту съ ходатайствомъ о смѣщеніи страшнаго монаха. Но выступить противъ него было дѣломъ не шуточнымъ. Вокругъ него бурлила пѣна революціи, пѣна кровавая. Его сторонники, проявляя деспотизмъ насилія, обладали также и отвагой, а страстность ихъ не уступала по энергіи свойственной этому деспотизму безпорядочности. При томъ, нѣмецкая партія не могла не имѣть глубокихъ корней въ краѣ, еще лишь такъ недавно присоединенномъ къ Франціи, въ краѣ, гдѣ Сенъ-Жюсту пришлось за-

¹⁾ *Bibl. hist. de la Révol.*, 1317—19 (*Br. Mus.*) — Рѣчь Мона 21 флореала. — Письмо членовъ управленія департамента Нижняго Рейна въ отвѣтъ на брошюру: *Euloge Schneider à Robespierre l'aîné.*

²⁾ Печатная записка Фукье-Тенвиля. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 947—8.

³⁾ Выводъ изъ допросовъ, снятыхъ съ сообщниковъ Шнейдера, *ubi supra.*

⁴⁾ Вышеупомянутое письмо членовъ управленія департамента Нижняго Рейна.

⁵⁾ «Этотъ фактъ—говорится въ составленной Шеллемъ біографіи Шнейдера—установленъ въ 1795 г. показаніемъ жандармскаго офицера, бывшаго свидѣтелемъ этого случая, и записанъ въ протоколахъ Директоріи».

водить бесплатныя училища для преподаванія французскаго языка и издать воззваніе слѣдующаго содержанія: «Гражданки Страсбурга приглашаются оставить нѣмецкія моды, такъ какъ сердца у нихъ французскія»¹⁾. Поэтому Лакостъ и Бодо колебались. Но Сенъ-Жюстъ колебаться не сталъ: едва узнавъ о происходившемъ, онъ въ негодованіи тотчасъ же принялъ рѣшеніе.

Въ тотъ самый день Шнейдеръ долженъ былъ вернуться въ Страсбургъ. Онъ только что женился на молодой дѣвушкѣ, нельзя сказать, чтобы прямо силой, какъ утверждали²⁾, но благодаря требованію, предъявленному ей отцу тономъ, не допускавшимъ возраженій, да еще въ 1 часъ пополуночи, чтобы понравившаяся Шнейдеру дѣвушка явилась раздѣлится съ нимъ ложе³⁾. Свой въѣздъ въ городъ онъ совершилъ вмѣстѣ съ молодою женой, своими судьями, своей гильотиной и своимъ палачомъ. Онъ торжественно возсѣдалъ на большой четырехколесной колесницѣ, запряженной шестеркою, а вокругъ него гарцовали верхомъ гусары его эскорта, съ изображеніемъ черепа на нагрудной перевязи и на ташкѣ. Въѣздъ состоялся 23 фримэра (13 декабря), а уже черезъ день, въ проливной дождь, въ центрѣ плацдарма, среди необозримой толпы народа, объятаго множествомъ смѣшанныхъ чувствъ, надъ которыми преобладало оцѣпенѣніе, на гильотинѣ стоялъ, весь блѣдный, человекъ, съ двумя подручными палачами по бокамъ. То былъ глава нѣмецкой партіи, угнетатель Эльзаса Шнейдеръ⁴⁾.

Давъ ему извѣдать весь позоръ этой моральной казни, Сенъ-Жюстъ приказалъ препроводить его въ Парижъ. Его заключили въ тюрьму Аббатства и, можетъ быть, забыли бы его тамъ, если бы Робеспьеръ не спросилъ однажды съ трибуны, «почему страсбургскій священникъ еще живъ?»⁵⁾. Тогда Шнейдеръ пред-

¹⁾ Собраніе постановленій Сенъ-Жюста и Леба, *Histoire parlementaire*, t. XXXI, p. 40.

²⁾ См. статью Schneider въ *Biographie universelle*.

³⁾ Письмо членовъ управленія д-та Нижняго Рейна въ отвѣтъ на брошюру: *Euloge Schneider à Robespierre l'aîné — Biblioth. hist. de la Révol., 1817—18—19 (British Museum)*.

⁴⁾ См. *Histoire parlementaire*, t. XXXI, p. 80, и біографическую статью Шелля о Шнейдерѣ. — Шарль Нодье, въ своихъ *Souvenirs de la Révolution*, t. I, p. 25, также рассказалъ объ этомъ событіи, подбавивъ, однако кое-какія романтическія подробности, на основаніи народныхъ слуховъ.

⁵⁾ Schœll.

сталъ предъ Фукье-Тенвилемъ, а тотъ передалъ его палачу¹⁾.

Партію, душою которой онъ былъ, охватило невыразимое бѣшенство. Наиболе ярые заговорили о необходимости убить Сенъ-Жюста. Юнгъ кричалъ въ бѣшенствѣ: «Пойдемъ стрѣлять въ упоръ по диктаторамъ!»²⁾. Но неукротимый Сенъ-Жюсть, отнюдь не думая отступать, задумалъ довершить свое дѣло обновленіемъ состава шнейдеровскаго суда.

Нѣсколько слѣдующихъ примѣровъ дадутъ представленіе о духѣ, проникавшемъ этотъ судъ, котораго бѣдняки опасались еще больше, чѣмъ люди богатые. Мы списываемъ съ печатныхъ судебныхъ документовъ:

«Доротей Францъ, изъ Рупрехтсау, уличенная въ томъ, что продала два кочня салата по двадцати су и тѣмъ понизила цѣнность ассигнацій, приговорена къ штрафу въ 3,000 ливровъ, тюремному заключенію на полгода и къ выставленію у позорнаго столба на два часа»³⁾.—«Анна Вольфъ, изъ Росгейма, уличенная въ томъ, что запросила сорокъ ливровъ за полбушеля орѣховъ и тѣмъ понизила стоимость національныхъ денегъ, приговорена къ выставленію у позорнаго столба въ теченіе двухъ часовъ, къ трехмѣсячному тюремному заключенію и штрафу въ 3,000 ливровъ»⁴⁾.—«Иосифъ Вольфъ, изъ Бишгейма, разносчикъ, обвиняемый въ томъ, что продалъ бумажный портфель за пятнадцать су и маленькій кусокъ мыла за десять су, приговоренъ къ тому, чтобы быть проведеннымъ передъ авангардомъ арміи съ портфелемъ въ одной рукѣ и съ мыломъ въ другой, причемъ на груди его должна быть повѣшена надпись: «Спекулянтъ». Затѣмъ онъ, *вмѣстѣ съ семьей*, будетъ высланъ на двадцать лѣтъ отъ границы»⁵⁾ и проч., и проч.

Надо досказать все: въ полномъ убѣжденіи, что революцію всего легче убить посредствомъ обезцѣненія ассигнацій, роялисты направили въ эту сторону свои пламениѣйшія усилія и успѣли распространить такой страхъ, что даже ссылка на га-

¹⁾ *Moniteur*, germinal, an II (1794).

²⁾ Рѣчь Монъ въ Народномъ обществѣ, произнесенная 21 флореала. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 1317—18—19 (*British Museum*).

³⁾ *Recueil des pièces authentiques servant à l'histoire de la Révolution à Strasbourg.*—*Bibl. hist. de la Rév.*, 1317—18—19 (*British Museum*).

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ *Ibidem*.

леры стала наказаніемъ, недостаточнымъ для того, чтобы поддержать принудительное обращеніе ассигнацій и заставить соблюдать законъ. Поэтому 24 брюзера издано было, за подписью председателя суда Таффена, гражданского комиссара Евлогія Шнейдера, судей Вольфа и Клавеля и секретаря Вейса, рѣшеніе, угрожавшее нарушителямъ закона смертною казнью¹⁾. На судѣ Шнейдеру надлежало дать отчетъ еще и не о такихъ дѣлахъ! Какъ не содрогнуться, когда подумаешь объ ужасающей неопредѣленности приговоровъ, составлявшихся въ такихъ словахъ: «Мартинъ Риттеръ, изъ Гейспольцгейма, обвиняемый въ томъ, что онъ своимъ аристократическимъ поведеніемъ развратилъ духъ своей общины, приговоренъ къ смертной казни и конфискаціи всего его имущества въ пользу республики!»²⁾

И въ какихъ же рукахъ находилась власть снести человѣку голову за формулированныя въ такомъ родѣ преступленія? По показаніямъ, даннымъ на допросѣ секретаремъ суда Вейсомъ, судьи, надъ которыми главенствовалъ Шнейдеръ, собирались иногда въ пьяномъ видѣ. Однажды Клавеля, сидѣвшаго на судейскомъ креслѣ, такъ разобрало вино, что его пришлось трясти, чтобы вывести изъ сонливости!³⁾ Достаточно указать на то, что, по меньшей мѣрѣ, тридцать смертныхъ приговоровъ были постановлены судомъ этого рода, чтобы понять, какую услугу оказалъ Эльзасу Сепъ-Жюсть обновленіемъ судейскаго персонала⁴⁾.

Сепъ-Жюсть былъ человѣкъ твердый! Да, но такимъ сдѣлало его не что иное, какъ геній революціи, выработавшій его, какъ и многихъ другихъ, себѣ на пользу. Родился же онъ человѣкомъ чувствительнымъ, даже склоннымъ къ нѣжности, какъ доказываетъ первоначальный образъ его мыслей. Поэтому и необходимыя дѣйствія, связанныя съ принятою имъ на себя ролью,

¹⁾ *Recueil des piéces antent. quer etc.*—1817—18—19 (*British Museum*).

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ Выводъ изъ допроса сообщниковъ Шнейдера. *Ibidem. Bibl. hist. de la Révol.*

⁴⁾ «Новый судъ, составленный на этотъ разъ изъ людей честныхъ, приговаривалъ едва ли не къ однимъ только штрафамъ, а чаще всего выносилъ оправдательные приговоры». Такъ выражаются авторы *Histoire parlementaire* (т. XXI, р. 30). Справедливость требуетъ, однако, сказать, что очень суровый приговоръ по дѣлу мѣховщика Шауера постановленъ былъ судомъ, председателемъ котораго состоялъ Менони.

не могли совершенно вытравить изъ него зачатковъ мягкости. Онъ охотно возился съ дѣтьми, любилъ и уважалъ женщинъ, чтить старость и раздѣлялъ вѣрованія предковъ¹⁾. Что касается его преклоненія передъ дружбой, то если бы его безусловная преданность Робеспьеру и нѣжная привязанность къ Кутону уже сами по себѣ не показывали, какъ онъ умѣлъ проявлять свои дружескія чувства, о возвышенномъ пониманіи имъ дружбы можно, во всякомъ случаѣ, составить себѣ понятіе по слѣдующему необыкновенному отрывку изъ его *Institutions*: «Всякій человѣкъ въ возрастѣ 21 года обязанъ заявить въ храмѣ, кто его друзья.—Въ бояхъ друзья становятся одинъ съ другимъ бокъ-о-бокъ. Людей, остававшихся всю жизнь друзьями, слѣдуетъ хоронить въ одной могилѣ.—Тотъ, кто говоритъ, что не вѣритъ въ дружбу, или не имѣетъ друзей, изгоняется»²⁾. Леба, женатый на младшей дочери столяра Дюплэ, писалъ 8 брюмера (28 ноября) своей женѣ: «Сенъ-Жюстъ почти такъ же горячо, какъ я, стремится снова увидѣть Парижъ. Я обѣщалъ ему угостить его обѣдомъ твоего приготовленія. Я чрезвычайно радъ, что ты на него не сердись: это отличный человѣкъ... Онъ еще болѣе милъ мнѣ тѣмъ, что часто говоритъ со мною о тебѣ и, сколько можетъ, утѣшаетъ меня. Мнѣ кажется, онъ высоко цѣнитъ нашу дружбу и отъ времени до времени говоритъ мнѣ вещи, показывающія, что у него очень доброе сердце»³⁾.

Мы уже рассказали о томъ, посредствомъ какого изумительнаго толчка, даннаго арміи, Сенъ-Жюстъ и Леба спасли французскую границу; но для того, чтобы увидѣть ихъ заслуги въ истинномъ освѣщеніи, надо сопоставить ихъ съ безнравственною дѣятельностью проконсула Тальена въ Бордо, съ яростными выходками Фрерона и Барраса какъ въ Тулонѣ, такъ и въ Марселѣ, съ массовыми разстрѣлами Колло-д'Эрбуа и Фуше, съ потопленіями Каррье въ Нантѣ. Сопоставленіе это дастъ возможность рѣшить, какіе люди были террористами: тѣ ли, которые совершили переворотъ 9 термидора, или тѣ, которые оказались его жертвами! Впрочемъ, въ этомъ отношеніи послѣдовательный

¹⁾ Такъ говоритъ Шарль Нодье въ статьѣ Saint-Just, напечатанной въ *Dictionnaire de la Conversation*; но еще болѣе свидѣтельствуютъ о томъ писанія самого Сенъ-Жюста.

²⁾ *Institutions*, sixième fragment, 2, *Des affections*.

³⁾ Частная переписка Леба, сообщенная его семьею. См. *Hist. parlem.*, t. XXXV, p. 353.

занными и обогрение кровью орудіе убійства долго еще падало потомъ на тѣла, уже ничего не чувствовавшія... Изъ устъ убійць неслись звуки гимна *Réveil du peuple* (Пробужденіе народа), сила и дикая выразительность которыхъ все возрастала; это было припѣвомъ къ *марсельезѣ*, постепенно замиравшей на устахъ умирающихъ. Недоставало только одного: ихъ не съѣдали»¹).

А исторія почти совсѣмъ умолчала объ опустошеніяхъ, произведенныхъ *бѣлымъ терроромъ*, тогда какъ, указывая всему міру на ужасы *террора краснаго*, она вѣщала голосомъ, какъ бы замствованнымъ у раскатовъ грома! Между тѣмъ, въ неразрывной связи съ воспоминаніемъ о *красномъ террорѣ* воображенію представляется образъ французскаго отечества, освобожденнаго отъ иноземнаго вторженія. Но въ устраненіи какихъ опасностей, въ какихъ неслыханныхъ и роковыхъ нуждахъ можно найти объясненіе злодѣяній *бѣлаго террора*?

Вернемся къ нашему разсказу.

Въ то время, какъ Сень-Жюсть и Леба спасали Эльзась, Бордо изнывалъ подъ проконсульствомъ Изабо и Тальена²).

Бывшій священникъ Изабо, человекъ образованный, отнюдь не кровожадный, но беззаботный, любившій хорошо покушать и лѣнивый³), имѣлъ сперва сотоварищами въ департаментѣ Жиронды Шодрона-Руссо и Бодо. Первое пребываніе комиссаровъ Конвента въ Бордо продлилось только двое сутокъ и они удалились въ маленькій городъ Реоль, расположенный на разстояніи двѣнадцати льё отъ Бордо. Бодо былъ вскорѣ посланъ въ Эльзась, но Тальенъ въ то время уже пріѣхалъ.

Сынъ метръ-д'отеля у маркиза Берси, которому онъ былъ обязанъ полученнымъ воспитаніемъ, Тальенъ началъ карьеру ученикомъ у нотариуса, а потомъ сталъ факторомъ типографіи газеты *Moniteur*⁴). Революціонный пылъ, которымъ онъ щего-

¹) Charles Nodier, *Souvenirs* p. 140—141.

²) Prudhomme, *Histoire générale et impartiale des erreurs, des fautes et des crimes commis pendant la Révolution française*, an V, t. II, p. 445.

³) См. *Histoire de Bordeaux pendant dix-huit mois*, par Sainte-Luce Oudaille, въ *Bibl. hist. de la Révol.*, 1328—9—30—1 (*British Museum*).—Эта, якобы, исторія есть не что иное, какъ декламаторскій памфлетъ, написанный въ самый разгаръ термидоріанской реакціи, съ явнымъ намѣреніемъ устранить отвѣтственность Тальена, сдѣлавшагося тогда любимцемъ контръ-революціонеровъ, за совершенныя въ Бордо насилія.

⁴) Michaud-jeune—*Biographie universelle*.

ляль, открылъ ему двери клуба якобинцевъ, затѣмъ Коммуны и, наконецъ, Конвента, гдѣ онъ занялъ мѣсто среди самыхъ буйныхъ головъ. Есть люди, у которыхъ буйное настроеніе является лишь случайнымъ возбужденіемъ испорченнаго сердца или расчетомъ скептическаго ума, и которые могутъ, смотря по интересамъ данной минуты, совершать подъ давленіемъ обстоятельствъ человѣколюбивыя поступки, не будучи гуманными, и дѣлать жестокости, не будучи жестокими. Таковъ и былъ Талленъ. По существу, онъ принадлежалъ къ разряду эгоистовъ и сладострастниковъ. Сенаръ обвиняетъ его—хотя Сенаръ отнюдь не авторитетъ въ томъ,—будто онъ, по приказанію Дантона, руководилъ избіеніемъ орлеанскихъ арестантовъ. Менѣе сомнительно то, что, будучи соучастникомъ жестокостей 2-го сентября, онъ, тѣмъ не менѣе, спасъ отъ нихъ нѣсколькихъ людей, въ томъ числѣ и камеръ-лакея Людовика XVI, Гюз¹⁾. Мы уже приводили его фразу, такъ скандализировавшую Конвентъ: «Ну что мнѣ за дѣло до нѣсколькихъ частныхъ грабежей?»²⁾

Его политика въ Бордо казалась вначалѣ умѣренной. Вмѣстѣ со своимъ сотоварищемъ Изабо, онъ подписалъ постановленіе, изданное съ цѣлью предотвратить злоупотребленіе чрезвычайными мѣрами, которыя были необходимы по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Революціонному комитету было предписано производить осмотры тюремъ для принятія жалобъ отъ заключенныхъ, а муниципалитету предложено было указать народнымъ представителямъ средство къ тому, чтобы оздоровить мѣста заключенія и сдѣлать ихъ болѣе удобными³⁾.

Въ сущности, въ Бордо ничто не вызывало необходимости въ принятіи суровыхъ мѣръ. Городъ этотъ не былъ, въ противоположность Страсбургу, подъ рукою непріятеля. Онъ не подвергался истребительной осадѣ, какъ Ліонъ, и не призывалъ къ себѣ англичанъ, подобно Тулону. Даже на взглядъ монтаньяровъ, преступленіе его могло быть только въ томъ, что онъ одно время клонился въ сторону жирондистовъ, да и то лишь очень короткое время, такъ какъ весьма скоро отступился

¹⁾ Micheand-jeune—*Biographie universelle*.

²⁾ Засѣданіе Конвента 26 августа 1793 г.

³⁾ *Collot mitrillé par Tallien.—Bibl. hist. de la Révol.—Comités de salut public et de sûreté générale, 2, 1795, № 4 des pièces justificatives (British Museum)*.

отъ нихъ ¹⁾); и когда Тальенъ и Изабо, Шодронъ-Руссо и Бодо, уступая просьбамъ бордосцевъ переѣхать къ нимъ изъ Реоля, рѣшились на это, жители Бордо, высыпавъ толпою имъ на встрѣчу съ лавровыми вѣтками въ рукахъ, устроили имъ торжественный приемъ, при чемъ не было слышно другихъ возгласовъ, кромѣ криковъ: *Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ Гора!* ²⁾)

Между тѣмъ, какъ же повели себя Тальенъ и Изабо, оказавшіеся единственными представителями власти, вслѣдствіе отъѣзда двухъ другихъ ихъ сотоварищей? Исторію ихъ миссіи рассказываетъ ихъ же переписка; дадимъ же ей мѣсто:

«Сегодня производится разоруженіе. Это доставитъ нашимъ дорогимъ санкюлотамъ превосходное оружіе. Есть ружья, отдѣланныя золотомъ. Золото пойдетъ на Монетный дворъ, ружья поступятъ добровольцамъ, а федералисты отправятся на гильотину ³⁾.—Мы просимъ переименовать департаментъ, присвоивъ ему названіе *Ves-d'Ambès* ⁴⁾).

«Наказаніе виновныхъ началось и не кончится до тѣхъ поръ, пока всѣ главари заговора не понесутъ кары, полагающейся за величайшее преступленіе. Въ великолѣпномъ залѣ клуба мюскаденовъ и богачей, который нами закрытъ, водворенъ будетъ сегодня вечеромъ національный клубъ, состоящій изъ патриотовъ, вознагражденныхъ за тѣ преслѣдованія, которымъ они подвергались за народное дѣло. Нѣкоторые мюскадены сочли за лучшее не представлять своего оружія въ складъ, а изломать его и бросить въ рѣчку. Мы позаботимся о наказаніи ихъ за эту ребячески злостную выходку ⁵⁾.—Мы стараемся сносить головы вожакамъ и сильно выжимать кошельки богатыхъ эгоистовъ ⁶⁾.—Мы запретили здѣсь собранія секцій ⁷⁾.—Мы не настолько свѣдущи въ философіи, какъ въ Парижѣ, однако надѣемся также устроить

¹⁾ Это съ горечью отмѣчаютъ въ своихъ *Mémoires* Мейльянъ и Луве.

²⁾ См. письмо четырехъ названныхъ комиссаровъ въ *Moniteur* (ап II, 1793), № 7-го числа второго мѣсяца.

³⁾ *Moniteur*, etc.

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ Письмо Изабо и Тальена къ Національному Конвенту. *Moniteur*, 1793, ап II, № 38.

⁶⁾ Письмо Изабо и Тальена въ клубъ якобинцевъ. *Moniteur*, ап II (1793), № 72.

⁷⁾ *Ibid.*

вскорѣ празднество Разума»¹⁾, и т. д. Впослѣдствіи Тальенъ, по возвращеніи своемъ въ Парижъ, прочелъ въ Конвентѣ слѣдующее письмо своего сотоварища, заявивъ, что безъ оговорокъ присоединяется къ намѣченной въ немъ политикѣ: «Я рѣшилъ не освобождать ни одного изъ бывшихъ дворянъ, даже при наличности доказательствъ патріотизма, упоминаемыхъ въ законѣ 17 сентября, потому что по этимъ доказательствамъ легко ошибиться. Третьяго дня гильотина сверпила актъ правосудія надъ однимъ принявшимъ присягу священникомъ; вчера той же участи подверглась монахиня. Вотъ отвѣтъ нашимъ умѣреннымъ, распустившимъ слухъ, будто смертная казнь отмѣнена»²⁾.

Въ дѣйствительности, за время пребыванія Изабо и Тальена въ городѣ, въ которомъ терроръ могъ бы быть развѣ роскошью, гильотинировано было сто восемь человѣкъ. Цифра эта показана была, послѣ 9 термидора, самимъ Тальеномъ. Онъ находилъ, что этого мало, и приводилъ этотъ счетъ ста восьми отрубленныхъ головъ въ доказательство своей крайней умѣренности³⁾.

Ужасно было постановленіе, которымъ забота о продовольствіи Бордо возлагалась на... пожары. Въ постановленіи этомъ было сказано, что народные представители, желая пресѣчь всѣми возможными средствами происки контрѣ-революціонеровъ и обезпечить продовольствіе Бордо, предписываютъ начальнику революціонной арміи направлять отряды всюду, куда окажется нужнымъ, и привлекать къ суду, какъ барышниковъ, всѣхъ, кто откажется отъ поставки зерна, овощей, фруктовъ, молока, масла, яицъ, птицы и скота. Горе общинамъ, которыя вздумали бы «оказать сопротивленіе»! Всѣ жилища ихъ приказано было «уничтожать огнемъ»⁴⁾. Начальнику революціонной арміи было только предписано изо дня въ день представлять отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ народнымъ представителямъ, при чемъ каждому отряду должны были сопутствовать по два муниципальных должностныхъ лица для составленія протоколовъ о дѣятельности отряда⁵⁾. Брюнъ, на котораго возложено было выпол-

¹⁾ Письмо Изабо и Тальена въ клубъ якобинцевъ. *Moniteur*, an II (1793), № 72

²⁾ *Moniteur*, an II (1793), № 174.

³⁾ *Collot mitraillé par Tallien*, ubi supra, p. 9.

⁴⁾ *Ibid.*, № 1 оправдательныхъ документовъ.

⁵⁾ *Ibidem*.

неніе этой варварской мѣры, энергически возсталъ противъ нея и воспрепятствовалъ ея осуществленію ¹⁾.

Если бы еще у Изабо и Тальена съ гордостью начальствующихъ лицъ хотя соединялся строгій образъ жизни, какъ у Сенъ-Жюста и Леба! Но этого не было: тогда какъ въ Бордо скудость провіанта доходила до крайности и каждому гражданину приходилось довольствоваться раціономъ въ четыре унціи сквернаго хлѣба, котораго часто и вовсе не бывало, такъ что онъ замѣнялся каштанами или рисомъ ²⁾, оба проконсула собирали реквизиціоннымъ путемъ лучшія вина и отборнѣйшіе колониальные товары для своего стола ³⁾. Занимая квартиру въ зданіи бывшей семинаріи, они проявляли тамъ наглую роскошь. У дверей ихъ стояла грозная стража и попасть къ нимъ можно было не иначе, какъ пройдя мимо длиннаго ряда пушекъ ⁴⁾.

Какая ненужная выставка величія! Мы видѣли, съ какою легкостью и съ какимъ непритязательнымъ видомъ Сенъ-Жюстъ устранилъ въ Страсбургѣ революціонныя власти, заставилъ смолкнуть недовольство эльзасскихъ якобинцевъ, наказалъ Шнейдера и сдержалъ изувѣровъ. Напротивъ, Изабо и Тальень, сколько ни давали кровавыхъ уроковъ наиболѣе рьянымъ бордоскимъ революціонерамъ, сколько ни окружали себя внѣшними признаками власти, однако никакъ не могли добиться уваженія даже со стороны своей собственной партіи. Главную роль въ Бордо игралъ бывшій секретарь Кутона, овернецъ Перранъ д'Эрваль, по словамъ Прюдома ⁵⁾ бывшій монахъ, а по словамъ Тальена, бывшій теаральный суфлеръ. На улицахъ молодые люди, ѣздившіе верхомъ на лошадяхъ въ видѣ кортежа народныхъ представителей, тотчасъ же покидали послѣднихъ, какъ только, бывало, завидятъ Перранъ д'Эрвала ⁶⁾. Что касается бордоскаго Наблюдательнаго комитета, то онъ пи-

¹⁾ *Collot mitraillé par Tallien*, ibi supra, p. 4. Въ своемъ отвѣтѣ Колло-д'Эрбуа Тальень въ высшей степени жалкимъ образомъ старается сложить съ себя отвѣтственность за это постановленіе. Онъ говоритъ, что *условленія распоряженія* были извращены редакторомъ, что постановленіе пролежало нѣсколько дней въ столѣ у него, Тальена, при чемъ онъ не зналъ о его существованіи, что рукопись, какъ онъ слышалъ, была послана въ печать нѣкимъ Перранъ-д'Эрвалемъ и т. п.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ Prudhomme, *Histoire générale et impartiale*, etc., t. I, p. 436.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 444.

⁵⁾ *Collot mitraillé par Tallien*, ibi supra.

⁶⁾ Prudhomme, *Histoire générale et impartiale*, etc., p. 144.

талъ такъ мало уваженія къ Тальену и его сотоварищу, что никогда не входилъ съ ними въ сношенія, не обращалъ никакого вниманія на прошенія, сопровождавшіяся ихъ рекомендаціей, а иногда не признавалъ и ихъ постановленій; онъ даже запретилъ своимъ членамъ посѣщать обоихъ проконсуловъ¹⁾. Послѣдніе нѣсколько времени молча глотали эти оскорбленія, но наконецъ, разразившись, смѣстили членовъ Комитета постановленіемъ, въ которомъ старались прикрыть соображеніями гуманности и справедливости свое личное неудовольствіе, изъ котораго, къ тому же, не дѣлали тайны²⁾.

Приписалъ ли Комитетъ общественнаго спасенія ихъ образъ дѣйствій плохо замаскированному чувству досады? Или онъ былъ того мнѣнія—какъ и написалъ имъ—что соображенія, проникнутыя неожиданно умѣреннымъ духомъ, опасны «въ такомъ городѣ, гдѣ меркантильная аристократія подготовляла федерализмъ»? Такъ или иначе, но ихъ постановленію онъ противопоставилъ другой, отмѣнявшій его дѣйствіе и подписанный всѣми членами Комитета общественнаго спасенія, за исключеніемъ—что заслуживаетъ вниманія—Робеспьера, Кутона и Сентъ-Жюста³⁾.

Достовѣрно, впрочемъ, что проконсульство Тальена дѣлится на два періода; изъ нихъ второй протекалъ подъ однимъ особымъ влияніемъ, которое незамѣтно убило въ немъ сперва «сентябриста», а потомъ революціонера. Въ Бордо пріѣхала дочь испанскаго банкира Кабаррюса, г-жа Фонтенэ; Тальенъ увидѣлъ ее, влюбился въ нее и вскорѣ сталъ надеждою роялистовъ⁴⁾.

Говоря вообще, было естественно, что контръ-революція должна была рано или поздно привлечь къ себѣ такихъ людей, кото-

1) Все это констатировано въ письмѣ, въ которомъ Тальенъ и Изабо старались оправдать въ глазахъ Комитета общественнаго спасенія смѣщеніе бордоскаго Наблюдательнаго Комитета. См. *Collot mitraillé par Tallien*, ubi supra.

2) См. оправдательные документы при брошюрѣ Тальена: *Collot mitraillé par Tallien*.

3) *Ibid.*

4) Прюдомъ, въ своей *Histoire générale et impartiale*, etc., p. 443, говоритъ, что «г-жа Фонтенэ приручила Тальена почти такъ же, какъ приручаютъ молодого тигра». Это значитъ изображать Тальена болѣе жестокимъ, чѣмъ какимъ онъ былъ, хотя и совершалъ жестокости. Онъ былъ прост испорченный человѣкъ, вотъ и все; да этого и вполне достаточно.

рымъ она представлялась лишь средствомъ къ повышенію или удобнымъ случаемъ для наживы. Когда впослѣдствіи оказалось, что Тальенъ, родившійся безъ состоянія и путемъ женитьбы на разведенной женѣ г-на Фонтенэ взявшій приданое всего въ 40,000 ливровъ, владѣеть громадными имѣніями и имѣеть въ Нормандіи пастбища, дающія ему до 15,000 ливровъ годового дохода ¹⁾, люди стали доискиваться источника такого богатства и, по словамъ Прюдома, источникъ этотъ «нѣкоторыя л да нашли въ производившемся Тальеномъ въ Бордо осмотрѣ серебряныхъ вещей, отобранныхъ у церквей и частныхъ лицъ» ²⁾. Достоверно то, что Тальенъ былъ въ дружбѣ съ городскимъ мэромъ, преемникомъ Сэжа, и по нѣкоторому поводу произнесъ однажды пышное похвальное слово этому человѣку, который былъ впослѣдствіи уличенъ въ присвоеніи части конфискованнаго именемъ республики серебра и приговоренъ за это къ двадцатилѣтнему тюремному заключенію! ³⁾

Изабо надо отдать справедливость въ томъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, не обогатился; но его власть служила покровомъ для алчности его секретаря, нѣкоего Валлета, который управлялъ имъ и обманывалъ его ⁴⁾.

Склоняясь къ контръ-революціи и наживая состояніе, Тальенъ не могъ не опасаться честности Робеспьера; поэтому онъ и былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ подготовителей переворота 9 термидора.

А кто же былъ его главнымъ сообщникомъ въ этомъ лицемерномъ и неправомъ дѣлѣ? Имъ былъ Фреронъ, который тоже принялъ въ немъ участіе только потому, что Робеспьеръ обвинилъ его въ совершеніи насилій во время командировки въ Марсель ⁵⁾.

Дѣйствительно, послѣ взятія Тулона и казней, обогрившихъ этотъ городъ кровью, Баррасъ и Фреронъ отправились въ Марсель, гдѣ ихъ слишкомъ хорошо знали по первому ихъ пребыванію, о результатахъ котораго Фреронъ заранѣе оповѣстилъ

¹⁾ *Histoire générale et impartiale*, p. 449.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Ibid.*, p. 447.

⁵⁾ Это категорически заявляетъ Бареръ въ своихъ *Mémoires*, t. IV, p. 14, а свидѣтельство Барера въ пользу Робеспьера ужъ, конечно, не вызываетъ подозрѣній.

Моиза Бэля въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мы примемъ необыкновенно ужасныя мѣры»¹⁾). Одною изъ этихъ мѣръ было учрежденіе революціоннаго суда. Но, на взглядъ Фрерона, судъ этотъ «дѣйствовалъ хотя и хорошо, однако недостаточно быстро»²⁾). Поэтому, едва только вернувшись въ Марсель, онъ замѣнилъ его «комиссіею изъ шести членовъ, разбирающею дѣла въ составѣ трехъ, безъ прокурора и присяжныхъ». Опросивъ подсудимыхъ объ ихъ имени, родѣ занятій и имущественномъ состояніи, ихъ сводили внизъ и сажали въ стоявшую у зданія суда повозку. Затѣмъ судьи выходили на балконъ, и оттуда прочитывали смертный приговоръ. Такова была придуманная Фрерономъ ускоренная система судопроизводства³⁾). Во главѣ этого ужаснаго суда находился двадцатилѣтній молодой человѣкъ; въ теченіе десяти дней судъ этотъ погубилъ сто шестьдесятъ человѣкъ⁴⁾), и подвиги его приводили Фрерона въ восторгъ, который онъ и выразилъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Моизу Бэлю: «Военный судъ дѣйствуетъ противъ заговорщиковъ съ ужасной быстротой. Четырнадцать человѣкъ уже по платились головой за свои гнусныя предательства; подъ мечомъ закона головы падаютъ градомъ. Завтра должны быть гильотинированы еще шестнадцать человѣкъ, почти все легіонные начальники, ногаріусы, члены секцій, члены народнаго суда или люди служившіе въ департаментской арміи. Въ недѣлю военная комиссія сдѣлаетъ больше, чѣмъ дѣлалъ судъ въ четыре мѣсяца. Завтра три купца тоже пропляшутъ карманьолу; до купцовъ-то мы и добираемся»⁵⁾).

Фреронъ писалъ еще: «Я считаю, что Марсель неизлечима, если только не будутъ высланы изъ города всѣ жители и въ городъ не будутъ переселены люди съ сѣвера»⁶⁾). А въ письмѣ

¹⁾ Письмо Фрерона отъ 23 бромѣра II года. См. историческія поясненія въ концѣ *Mémoire de Fréron sur la réaction royale et tes massacres du Midi*, p. 350. Collection des Mémoires sur la Révolution française.

²⁾ Письмо Фрерона къ Моизу Бэлю, отъ 22 фримѣра II года, въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: *Moyse Bayle au peuple souverain et à la Convention nationale*, p. 3. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 995—6—7 (*British Museum*).

³⁾ Замѣтка Моиза Бэля.

⁴⁾ См. статью о Баррасѣ въ *Biographie des Contemporains*.

⁵⁾ См. историческія поясненія, p. 350 et 351, въ концѣ *Mémoire de Fréron sur la réaction royale*, etc.

⁶⁾ Письмо къ Моизу Бэлю. См. *Moyse Bayle au peuple souverain et à la Convention nationale*, p. 4. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 995—6—7 (*British Museum*).

его къ Комитету общественнаго спасенія мы находимъ слѣдующую фразу: «Всякій возмутившійся городъ долженъ исчезнуть съ лица земли»¹⁾.

Вотъ въ такихъ выраженіяхъ Изнаръ набрасываетъ картину борьбы, которую Фреронъ, не довольствуясь угнетеніемъ людей, велъ съ историческими памятниками:

«Пріѣзжаю въ Марсель, иду осматривать зданіе des Accoules и вижу, что башни его снесены. Спрашиваю, не молніею ли онѣ разрушены; мнѣ говорятъ: нѣтъ, это дѣло Фрерона.

«Направляюсь въ Ферреольскій кварталъ; мнѣ хочется еще разъ взглянуть на украшавшій городъ храмъ и, найдя одни обломки, я спрашиваю: кто повалилъ колонны? Мнѣ говорятъ: Фреронъ.

«Пошелъ я въ концертный залъ и, не найдя его, сталъ разспрашивать: какой вандалъ уничтожилъ этотъ пріютъ искусствъ? Мнѣ сказали: Фреронъ.

«Придя на Биржевую площадь, я хотѣлъ полюбоваться образцовыми твореніями безсмертнаго Пюже. Одинъ художникъ сказалъ мнѣ: Фреронъ разрушилъ ихъ»²⁾.

Достойнымъ сотоварищемъ Фрерона былъ другой будущій термидоріанецъ Баррасть. Они оба лишили городъ фокійцевъ его древняго имени и назвали его «*Безыменнымъ городомъ*», забывъ, изъ какого города двинулись герои 10-го августа и именемъ какого города окрещенъ былъ величественный гимнъ революціи; варварства свои они дополнили вымогательствомъ и «когда послѣдовало ихъ отозваніе, они препроводили въ государственное казначейство, вмѣсто 800,000 франковъ, которыя имъ было предписано внести туда, протоколъ о томъ, какъ ихъ экипажъ опрокинулся въ канаву»³⁾.

Здѣсь само собою напрашивается слѣдующее сопоставленіе:

Тотчасъ послѣ взятія Тулона, гдѣ Робеспьеръ-младшій подавалъ примѣръ мужества, онъ разстался съ Фрерономъ. Для Марселя это было большимъ несчастіемъ. Читатель только-что прочелъ письма Фрерона; пусть же онъ сравнитъ ихъ со слѣдующимъ письмомъ Робеспьера-младшаго къ брату, писаннымъ

¹⁾ Письмо къ Моизу Велю.

²⁾ См. историческія поясненія въ концѣ *Mémoire de Fréron. Note b.*

³⁾ «Объ этомъ фактѣ — говоритъ Вареръ въ своихъ *Mémoires*, t. IV, p. 14—я слышалъ отъ представителя казначейства, Камбона».

втайнѣ къ ближнему человѣку, «со всею искренностью, вытекающею изъ одинаковости чувствъ»¹⁾: « . . . Нѣтъ ничего легче, какъ сохранить революціонную репутацію въ ущербъ невинности. Люди посредственные находятъ въ этомъ средствѣ завѣсу, которая прикрываетъ всѣ ихъ гнусности; честный же человѣкъ спасаетъ невинность въ ущербъ репутаціи. Я приобрѣлъ себѣ репутацію только для того, чтобы дѣлать добро, и хочу тратить ее, защищая невинность. Не бойся, что я ослабну подъ вліяніемъ частныхъ соображеній или чуждыхъ общественному благу чувствъ. Руководителемъ моимъ служить спасеніе моей родины, а средствомъ моимъ является нравственность. Эту-то нравственность я зарождалъ, воспитывалъ и подогрѣвалъ во всѣхъ сердцахъ. Въ мѣстностяхъ, которыя я объѣздилъ, искренно кричатъ: «*Да здравствуетъ Горѣ!*» Будь увѣренъ, что я вызвалъ горячую любовь къ Горѣ, и что еще есть мѣстности, гдѣ ея пока только боятся, гдѣ ея не знаютъ и гдѣ недостаетъ только достойнаго своей миссіи народнаго представителя, который воспитывалъ бы народъ, вмѣсто того, чтобы деморализовать его. Для того, чтобы привести народъ къ нивелировкѣ всего, существуетъ извѣстная система; если ее оставить безъ вниманія, все дезорганизуется. Робеспьеръ-младшій»²⁾.

Письмо отнюдь не предназначалось къ опубликованію; оно принадлежитъ къ совершенно конфиденціальной перепискѣ, «тайну которой довелось вскрыть однимъ только убійцамъ обонихъ братьевъ»³⁾. Если вспомнить объ этомъ и, кромѣ того, обратить вниманіе на то, что сама форма этого задушевнаго сообще-

¹⁾ Это выраженіе употребилъ Шарль Нодье, говоря объ этомъ письмѣ. См. *Souvenirs de la Révolution et de l'Empire*, t. I, p. 338, édition Charpentier.

²⁾ № LXXXIX документовъ, приложенныхъ къ докладу Куртуа о бумагахъ, найденныхъ послѣ смерти Робеспьера. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 806—7—8 (*British Museum*).—Извѣстно, что бумаги, найденныя у Робеспьера послѣ его смерти, были опубликованы Куртуа лишь послѣ *процѣживанія* ихъ, произведеннаго по побужденіямъ ненависти, при чемъ враги побѣжденнаго термидоріанскимъ переворотомъ искали въ этомъ процѣживаніи средства къ оправданію совершеннаго ими убійства. Надо радоваться счастливому недосмотру, благодаря которому вышеприведенный документъ ускользнулъ отъ участи столь многихъ другихъ бумагъ, которыя, по величайшей изъ всѣхъ несправедливостей, были утаены отъ исторіи.

³⁾ Это слова Шарля Нодье. См. *Souvenirs de la Révolution et de l'Empire*, t. I, p. 338.

нія указываетъ на безусловное согласіе въ чувствахъ и мысляхъ между писавшимъ письмо и тѣмъ, кому онъ пишетъ: «Не бойся, что я ослабну подѣ влияніемъ частныхъ соображеній» и пр., то еще одно доказательство—и, при томъ, очень убѣдительное—прибавится со всѣмъ тѣмъ, которыя убѣждаютъ насъ, что Робеспьеръ былъ наиболѣе оклеветаннымъ изъ всѣхъ людей, когда-либо появлявшихся на мировой сценѣ!

И, конечно, братъ не обманывалъ его, сообщая ему, что внушалъ горячую любовь къ Горѣ. «Это именно онъ—писало маноскское Народное общество—именно онъ, вмѣстѣ съ Рикоромъ, спасъ Маноскъ отъ господствовавшихъ на югѣ несправедливости и тираніи. Онъ обезсмертилъ себя здѣсь *благородствомъ и мягкостью*»¹⁾.

Что же происходило, тѣмъ временемъ, въ Ліонѣ?

8-го брѹмэра (29-го октября), въ Парижѣ, Колло-д'Эрбуа воскликнулъ: «Завтра я уѣзжаю и ручаюсь вамъ, что вернусь съ сообщеніемъ, что югъ *очищенъ!*»²⁾. А 13-го брѹмэра (3-го ноября) человѣкъ, котораго Ліонъ зналъ актеромъ, явился туда владыкою.

Утверждали, будто нѣкогда онъ былъ освистанъ и горѣлъ желаніемъ отмстить за эту обиду: это выдумка ненависти. Одинъ роялистскій писатель, не находящій достаточно проклятій противъ Колло-д'Эрбуа, говоритъ по этому поводу: «Хотя я жилъ въ Ліонѣ въ то время, когда Колло былъ будто бы освистанъ, и хотя о происшествіяхъ этого рода обыкновенно рассказывали во всѣхъ обществахъ... я никогда не слыхивалъ, чтобы Колло подвергся подобному оскорбленію въ нашемъ городѣ, гдѣ талантъ его очень нравился»³⁾. При томъ, въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, онъ ни по своимъ нравамъ, ни по манерѣ держать себя отнюдь не былъ человѣкомъ вульгарнымъ. Столько же литераторъ, сколько актеръ, онъ держалъ себя съ достоинствомъ⁴⁾, былъ принятъ въ обществѣ и даже присутствовалъ на празднествахъ, дававшихся знаменитымъ и несчастнымъ Флесселемъ, который былъ тогда королевскимъ интендантомъ въ Ліонѣ⁵⁾.

1) № 1 оправдательныхъ документовъ, приложенныхъ къ докладу Куртуа.

2) *Moniteur*, an II (1793), № 41.

3) *Mémoires de l'abbé Guillon de Montléon*, t. II, chap. XVI, p. 332 et 338.

4) *Ibid.*

5) *Ibid.*, t. II, p. 338.

Слѣдовательно, насилія, которыя онъ совершалъ, были послѣдствіемъ его порочнаго духовнаго склада и экзальтаціи ума, развращеннаго всемогуществомъ. Да и то еще сомнительно, пошелъ ли бы онъ твердымъ шагомъ по пути убійствъ, если бы былъ одинъ; къ несчастію, 7 брюмера, вечеромъ, явился Фуше.

Изъ этихъ двухъ тираническихъ натуръ болѣе спокойная на видъ была наиболѣе грозною. У Колло-д'Эрбуа бывали приступы ярости, но у него опьяненіе кровью требовало, по крайней мѣрѣ, поддержки въ опьяненіи виномъ; жестокость же его сотоварища была холодна, какъ сталь. Колло-д'Эрбуа подыскивалъ софизмы, чтобы подбадривать себя къ безпощадности; онъ говорилъ: «Это большая жертва — забывать о физической чувствительности, чтобы думать только о родинѣ»¹⁾. Фуше уничтожалъ людей походя, чисто изъ презрѣнія къ человѣческой душѣ; онъ, чловѣкъ, которому предстояло сдѣлаться грозою республиканцевъ, писалъ: «Надо сдѣлать такъ, чтобы все, чтò было противъ республики, предстало передъ глазами республиканцевъ не иначе, какъ въ видѣ пепла и развалинъ»²⁾.

Мы видѣли, какъ умѣренна была политика Кутона въ Ліонѣ. Вѣрный убѣжденію Робеспьера въ необходимости никогда не смѣшивать слабости съ преступностью, крупныхъ преступниковъ съ людьми, которыхъ они сбиваютъ съ пути³⁾, Кутонъ учредилъ двѣ строго подчиненныя соблюденію формъ комиссіи, на обязанность которыхъ возложилъ «устанавливать различіе между заговорщикомъ и несчастными, впавшими въ преступленіе вслѣдствіе ослѣпленія, невѣжества и особенно бѣдности»⁴⁾. Въ слѣдующемъ письмѣ на имя Робеспьера, найденномъ въ его бумагахъ послѣ его смерти, ярко выражено то впечатлѣніе, которое оставилъ въ умахъ ліонцевъ образъ дѣйствій Кутона, сравниваемый съ дѣйствіями его преемниковъ: «О, если бы добродѣтельный Кутонъ остался въ освобожденной общинѣ (commune

¹⁾ Засѣданіе клуба якобинцевъ 6 вантоза. См. *Moniteur*, an II (1794), № 161.

²⁾ Письмо Фуше, № XXV оправдательныхъ документовъ, приложенныхъ къ докладу Куртуа о бумагахъ, найденныхъ у Робеспьера послѣ его смерти. *Bibl. hist. de la Révol.*, 806—7—8 (*British Museum*).

³⁾ См. въ предшествующемъ томѣ рѣчь, провознесенную имъ въ видахъ спасенія семидесяти трехъ жирондистовъ.

⁴⁾ Это подлинныя выраженія петиціи, поданной ліонцами 20 декабря Конвенту, съ жалобами на Колло-д'Эрбуа.

affranchie), насколько меньше было бы здѣсь несправедливостей!.. Погибли бы одни только виновные. Но Колло!»¹⁾...

И вотъ новый проконсулъ началъ свою дѣятельность съ того, что въ замаскированныхъ выраженіяхъ очернилъ политику своего предшественника. Онъ сообщилъ Комитету общественнаго спасенія, что изъ-за недостаточности первыхъ принятыхъ мѣръ возникаютъ затрудненія²⁾; что до сихъ поръ разрушеніе зданій производилось медленно; что военная комиссія очень часто занималась разбирательствомъ дѣлъ о людяхъ, противъ которыхъ не имѣла уликъ и которыхъ поэтому оправдывала, тратя на такіа дѣла минуты, каждая изъ которыхъ должна бы была влечь за собою ужасный приговоръ надъ виновными; что дѣятельность революціоннаго суда хотя и была болѣе твердою, однако, все же еще слишкомъ медлительною, и что судъ этотъ дѣйствовалъ мало³⁾. Чтобы смягчить то, что было личнаго и могло раздражать въ этихъ нападкахъ на робеспьеровскую политику, онъ прибавлялъ: «Мы условились, что Лапортъ поѣдетъ на одну декаду въ деревню отдохнуть. Перенесенные имъ труды безпредѣльны. Мои труды исчезаютъ, когда я подумаю о томъ, что Кутонъ перенесъ гораздо большіе»⁴⁾.

Чтобы быть справедливымъ ко всѣмъ, слѣдуетъ сказать, что въ Ліонѣ недугъ требовалъ, повидимому, примѣненія энергическихъ средствъ. Крайняя умѣренность Кутона не только не привлекла къ нему контръ-революціонеровъ, но еще придавала имъ смѣлости. Въ общественныхъ мѣстахъ раздавались бравады. Нѣкоторые открыто говорили: «Мы лишились отечества, но еще раздѣлаемся за это»⁵⁾. Другіе заявляли во всеуслышаніе, что возлагаютъ надежду на появленіе новаго Преси⁶⁾. Съ цѣлью вызвать нерѣшимость въ

¹⁾ Письмо Кадильо къ Робеспьеру, № CVI оправдательныхъ документовъ при докладѣ Куртуа. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 806—7—8 (*British Museum*).

²⁾ Письмо Колло-д'Эрбуа въ Комитетъ общественнаго спасенія, отъ 19-го бромѣра (9 ноября), № LXXXVIII оправдательныхъ документовъ при докладѣ Куртуа. *Ibid.*

³⁾ Письмо Колло-д'Эрбуа въ Комитетъ общественнаго спасенія, отъ 17-го бромѣра (7 ноября). *Ibid.*

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ Донесеніе Колло-д'Эрбуа о положеніи дѣлъ въ Ліонѣ. Засѣданіе 1 нивоза (21 декабря). См. *Moniteur*, an II (1793), №№ 113, 114.—Надо замѣтить, что это донесеніе Колло-д'Эрбуа было подтверждено ліонскимъ Народнымъ обществомъ. См. засѣданіе 8 плювіоза въ *Moniteur*, an II (1793), № 130.

⁶⁾ *Ibidem*.

членах Народнаго суда, стали говорить о предстоящей вскорѣ амнистіи. Арестованные совершали побѣги. Богачи, у которыхъ бѣдняки были въ порабощеніи въ силу *феодализма нужды*¹⁾, втайнѣ агитировали въ пользу устройства мятежныхъ сборищъ. Прокуроръ, состоявшій на осужденіи Шальё, расхаживалъ съ поднятымъ челомъ. Наконецъ, контръ-революціонеры пользовались услугами женщинъ, поручая имъ подрывать въ солдатахъ, путемъ хитрыхъ ласкъ, а у нѣкоторыхъ и посредствомъ проституціи, преданность знамени²⁾.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при такомъ положеніи дѣлъ требовалось воздѣйствіе твердой власти. Но въ томъ ли заключалось средство, какъ утверждаетъ Колло-д'Эрбуа, чтобы дать кося смерти такой размахъ, отъ котораго скошены были бы все виновные?»³⁾ Колло-д'Эрбуа самъ осуждалъ—не вѣдая того—дикую глупость этой теоріи истребленія, когда, 17 брѹмэра, писалъ въ Комитетъ общественнаго спасенія: «Продолжительность осады и опасности, которымъ подвергался каждый, вселили здѣсь нѣкотораго рода равнодушіе къ жизни. Вчера какой-то зритель, возвращаясь съ казни, говорилъ: «Штука-то эта не слишкомъ страшна; что бы мнѣ сдѣлать, чтобы меня гильотинировали?»⁴⁾ Разстрѣляніе испугаетъ ли людей, которыхъ не трогаетъ гильотина? Впослѣдствіи Колло-д'Эрбуа былъ принужденъ самъ заявить, что ожиданіе военной казни производитъ на приговоренныхъ меньше впечатлѣнія, чѣмъ перспектива эшафота!

Черезъ три дня послѣ прибытія Фуше въ Ліонъ, 20 брѹмэра (10 ноября) проконсулы дали народу зрѣлище, устроивъ празднество въ честь Шальё. На паланкинѣ, покрытомъ трехцвѣтнымъ ковромъ, поставленъ былъ увѣнчанный цвѣтами бюстъ этого друга бѣдныхъ. Рядомъ съ урной, въ которой хранился прахъ покойнаго, публика не безъ умиленія разсматривала голубя, служившаго узнику утѣшеніемъ во время тюремнаго заключенія. Посреди площади Терро, гдѣ пролилась его кровь, воздвигнутъ былъ сложенный изъ дерна алтарь. Къ этому мѣсту, при звукахъ музыки, по временамъ прерывавшейся криками

1) Выраженіе Колло-д'Эрбуа въ донесеніи его Конвенту о положеніи дѣлъ въ Ліонѣ. *Moniteur in P* (1793) №№ 113, 114.

2) *Ibid.*

3) *Ibid.*

4) № LXXXVIII оправдательныхъ документовъ при докладѣ Куртуа, *ubi supra.*

мщенія, направился праздничный corteж¹⁾... Чествованіе это было бы и трогательно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ужасно, если бы на немъ не присутствовали двое жрецовъ гебертизма, Колло д'Эрбуа и Фуше, придававшіе ему скандально шутовской характеръ. То была пора, когда въ Парижѣ происходила шумная гебертистская оргія, и Робеспьеръ еще не воззвалъ къ разуму противъ богини Разума, которую возили по улицамъ подъ звонъ бубенчиковъ безумія. Поэтому «тѣни Шалье» нанесено было оскорбленіе включеніемъ въ программу церемоніи, долженствовавшей «удовлетворить²⁾ ее, прямо маскарадныхъ сценъ, что дало Бэню поводъ написать въ Парижѣ клубу якобинцевъ: «Красивѣйшимъ персонажемъ на празднествѣ былъ осель въ папской обрубѣ и съ митрой на головѣ»³⁾.

Въ тотъ же самый день учреждена была, подъ названіемъ «*Временной республиканской наблюдательной комиссіи*», комиссія изъ двадцати членовъ, раздѣленная на два отдѣла, одинъ изъ которыхъ долженъ былъ непрерывно дѣйствовать въ Ліонѣ, а другой дѣлать разъѣзды по департаменту. По словамъ постановленій объ ея учрежденіи и объ опредѣленіи ея функцій, комиссія должна была служить *революціоннымъ дополненіемъ* ко всѣмъ установленнымъ властямъ, въ видахъ приданія ихъ дѣятельности большей быстроты и энергіи⁴⁾.

Тотчасъ по своемъ учрежденіи, комиссія эта разослала всѣмъ городскимъ и сельскимъ муниципалитетамъ и всѣмъ революціоннымъ комитетамъ *инструкцію*, въ которой, рядомъ съ полными ненависти гиперболами и свирѣпо-восторженными выпадами, высказаны были истины, ярко и выпукло выступавшія на фонѣ языка, отражавшаго на себѣ всю экзальтацію той эпохи, но иногда чрезвычайно краснорѣчиваго и сильнаго.

Документъ этотъ, котораго мы, къ сожалѣнію, не можемъ воспроизвести цѣликомъ, въ виду его пространности, былъ подписанъ Дюгамелемъ, Перротэномъ, Гюйономъ, Саде, Буассьеромъ, Агаромъ, Марсилья, Тере, Фюзи, Вокуа, Ришаромъ, Лафе и Веромъ¹⁾.

¹⁾ Письмо Колло-д'Эрбуа, Фуше и Лапорта. Засѣданіе Конвента 25 брѹмера. *Moniteur*, an II (1793), № 57.

²⁾ Это выраженія, употребленныя троими народными представителями въ ихъ донесеніи. *Ibid.*

³⁾ *Hist. parlem.*, t. XXX, p. 268.

⁴⁾ Постановленія 15 и 20 брѹмера II года.

Они начинали съ постановки слѣдующаго смѣлаго принципа: «До тѣхъ поръ, пока на землѣ будетъ хоть одно несчастное существо, въ области свободы все еще нужно будетъ дѣлать дальнѣйшіе шаги».

Не заходя такъ далеко, чтобы утверждать, что между людьми возможно полное равенство счастья, они допускали возможность все ббльшаго и ббльшаго уменьшенія промежутковъ и провозглашали обязанность работать въ этомъ направленіи.

Высшею цѣлью революціи они ставили устраненіе того порядка вещей, при которомъ люди, производящіе богатства, терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ, и трудъ остается связаннымъ съ нищетою.

Они доказывали, что буржуазная аристократія, если допущено будетъ ея возникновеніе, вскорѣ породитъ аристократію финансовую, что послѣдняя поведетъ къ появленію дворянства, а дворянство будетъ нуждаться въ тронѣ, который служилъ бы ему центромъ и опорой; тронъ же,—говорили они,—постепенно приведетъ къ возстановленію режима колесованій, тюремъ, отчужденія выморочныхъ имуществъ, десятины, подушной подати и, такимъ образомъ, поставитъ ослабленное кровавыми усиліями общество въ необходимость снова пройти всѣ этапы стариннаго гнета.

Арестованіе «подозрительныхъ» они только потому мотивировали желаніемъ законнаго отмщенія, что желаніе это стало дѣломъ общественнаго спасенія.

Республиканцамъ они совѣтовали никогда не забывать девиза: «*Миръ жижанамъ, война съ замками*», если они не желаютъ, чтобы стрѣлы молніи въ ихъ рукахъ не стали попадать не туда, куда слѣдуетъ.

Исходя изъ той точки зрѣнія, что обложеніе людей богатыхъ налогомъ является мѣрою чрезвычайной, которая должна носить соотвѣтствующій обстоятельствамъ характеръ, они совѣтовали членамъ муниципалитетовъ и революціонныхъ комитетовъ искренно, отбросивъ чувства благожелательности, пристрастія и ненависти, входить въ разсмотрѣніе дѣйствительныхъ нуждъ каждой семьи, опредѣлять эти нужды съ принятіемъ въ расчетъ числа дѣтей и необходимыхъ служащихъ, взвѣшивать полученія и прибыли и смотрѣть на излишекъ, какъ на справедливую подать, должную ведущей войну революціи и находящемуся въ опасности отечеству.

Отечество! вотъ какой службы ему они требовали:

«Нужно, чтобы каждый гражданинъ испытывалъ и переживалъ въ самомъ себѣ революцію, равную той, которая измѣнила обличіе Франціи. Между рабомъ и жителемъ свободнаго государства нѣтъ рѣшительно ничего общаго: привычки свободнаго гражданина, его принципы, чувства, поступки — все должно быть новымъ. Вы были угнетаемы; вамъ надо раздавить вашихъ угнетателей. Вы были рабами суевѣрія; теперь вы должны поклоняться только свободѣ, не должны имѣть другой морали, кромѣ морали природы. Вы были чужды военныхъ должностей; отнынѣ всѣ французы—солдаты. Вы жили въ невѣжествѣ; вамъ надо учиться. Вы не знали отечества; теперь вы должны знать только его, вы должны повсюду видѣть, слышать и обожать его... *Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ народъ!* Вотъ сборный кличъ гражданина, выраженіе его радости, возмѣщеніе за его скорби. Всякій человѣкъ, которому чуждо это одушевленіе, у котораго есть другія удовольствія и другія заботы, чѣмъ счастье народа; всякій человѣкъ, допускающій въ свою душу холодныя соображенія интереса; всякій человѣкъ, высчитывающій, сколько дадутъ ему земельный участокъ, мѣсто, талантъ, и могущій хоть на минуту отдѣлить мысль объ этомъ отъ мысли объ общей пользѣ; всякій, кто не чувствуетъ, что при одномъ упоминаніи о тираніи, рабствѣ, богатствѣ у него закипаетъ кровь; всякій человѣкъ, который въ состояніи пролить слезу о врагахъ народа и не сохранилъ сочувствія къ мученикамъ свободы... всѣ люди такого склада, осмѣливающіеся называть себя республиканцами, лгутъ передъ природой и передъ самими собой. Пусть же они бѣгутъ съ земли свободы: они не замедлятъ быть распознанными и оросятъ эту землю своей нечистой кровью. Республика не желаетъ больше имѣть въ своемъ лонѣ никого, кромѣ людей свободныхъ; она рѣшила истребить всѣхъ другихъ и признавать своими дѣтьми только тѣхъ, кто сумѣетъ жить для нея, бороться и умереть за нее» ¹⁾).

Религіозный вопросъ былъ затронутъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Отношенія Бога къ человѣку суть отношенія чисто внутреннія, и для того, чтобы быть искренними, они не нуждаются въ

¹⁾ См. текстъ инструкціи, воспроизведенный цѣликомъ въ *Mémoires de l'abbé Guillon de Montléon*, t. II, ch. XVII.

пышной обстановкѣ богослуженія и въ видимыхъ памятникахъ суевѣрія. Граждане, вы пришлете въ казну республики всѣ золотыя и серебряныя украшенія, которыя могутъ льстить тщеславію священниковъ, но не имѣютъ никакого значенія для истинно религіознаго человѣка и для того Существа, Которое онъ чтитъ. Вы уничтожите внѣшніе символы религіи, поставленные на дорогахъ и общественныхъ площадяхъ, потому что дороги и площади составляютъ собственность всѣхъ французовъ и потому что, въ виду различія исповѣданій у всѣхъ французовъ, вы, безъ надобности льстя вѣрованію однихъ, затрогивали бы права и воззрѣнія другихъ... Когда Франція была только королевствомъ, вашимъ пламеннымъ и чувствительнымъ душамъ, быть можетъ, и нужна была необычайная пища, которую вы и находили въ суевѣрной обрядности нѣкоторыхъ, вами же выдуманныхъ добродѣтелей... Но для республиканца есть неотразимыя радости, приковывающія къ себѣ воображеніе и наполняющія душу, радости, которыя, вызывая въ ней благородныя чувства и вознося ее надъ самой собою, дѣйствительно приближаютъ ее къ тому Верховному Существо, отъ котораго она исходитъ. Для республиканца нѣтъ другого божества, кромѣ отечества, нѣтъ другого кумира, кромѣ свободы. Онъ религіозенъ по самому существу своему, потому что онъ справедливъ, мужественъ и добръ. Патріотъ чтитъ добродѣтель, уважаетъ старость, утѣшаетъ несчастныхъ, помогаетъ нуждающимся и караетъ измѣну: можетъ ли быть болѣе почетное служеніе Боже-ству? Патріотъ не имѣетъ глупости чтить его путемъ обрядовъ, ненужныхъ для человѣчества и гибельныхъ для него самого: онъ не обрекаетъ себя на кажущееся безбрачіе, чтобы тѣмъ свободнѣе предаваться разврату; послѣдователь природы, полезный членъ общества, онъ старается составить счастье своей добродѣтельной жены, воспитываетъ многочисленныхъ дѣтей въ принципахъ нравственности и республиканизма, а когда достигнетъ конца своего жизненнаго пути, то оставляетъ въ наслѣдіе своимъ дѣтямъ, такимъ же бѣднымъ, какъ и онъ, тѣ примѣры добродѣтельной жизни, которые подавалъ имъ, отечеству же оставляетъ надежду увидѣть его возродившимся въ достойныхъ его самого дѣтяхъ»¹⁾).

Это военный кличъ и кличъ любви!

¹⁾ *Mémoires de l'abbé Guillon de Montléon, t. II, ch. XVII.*

Манифестъ этотъ, взятый во всей его совокупности, являлся одушевленною и энергическою сводкой учений революціонной философіи и слогъ его окрашенъ искреннимъ душевнымъ волненіемъ; но въ немъ явно не была соблюдена мѣра. Называя богатство тиранією—что, къ тому же, было и несправедливо—онъ нехотѣя отталкивалъ богатыхъ; онъ относился недостаточно бережно къ вѣрованіямъ, которыя не могли не отвернуться отъ революціи, какъ только ихъ раздражать. Онъ зывалъ къ духу мценія и поощрялъ *тѣхъ, кто дѣйствовалъ въ духъ революціи*, дерзать на все. Словомъ, это было произведеніе слишкомъ буйное, мало обдуманное въ смыслѣ провозглашенія принциповъ и неполитичное въ качествѣ акта, исходившаго отъ власти. Между тѣмъ, Колло-д'Эрбуа и Фуше не задумались одобрить его, что, конечно, позволительно отнести къ числу ихъ ошибокъ, но что было бы очень дурно включать въ счетъ ихъ преступленій¹⁾.

Самою трудною изъ задачъ, которыя Колло-д'Эрбуа предстояло рѣшить по прибытіи въ Ліонъ, былъ вопросъ о продовольствіи, такъ какъ въ городѣ имѣлось провіанта не болѣе какъ на два дня²⁾. Печально и любопытно видѣть изъ писемъ Колло-д'Эрбуа, въ чемъ заключалась его озабоченность по этому поводу. «Продовольствіе!—писалъ онъ своимъ сотоварищамъ въ Комитетѣ общественнаго спасенія:—вы не можете понять, сколько времени намъ приходится терять изъ-за него; оно раз-

¹⁾ Читатель, можетъ быть, удивится, узнавъ, что аббатъ Гильонъ до-Монлеонъ, въ своихъ *Mémoires* (t. II, p. 354 et 355), говоритъ о только-что разобранномъ нами документѣ, что «это—образцовое произведеніе злодѣйства, превосходящее все то, что могъ бы придумать отвратительнаго и жестокаго искусственный въ извращеніи понятій умъ». Впрочемъ, вотъ примѣръ добросовѣстности этого автора: на стр. 379 онъ указываетъ на слѣдующую фразу *Инструкціи* какъ на отрицаніе безсмертія души: «Патріотъ оставляетъ въ наслѣдіе своимъ дѣтямъ тѣ примѣры добродѣтельной жизни, которые подавалъ имъ, а *отечеству* надежду увидѣть его возродившимся въ достойныхъ его самого дѣтяхъ». Правда, что въ своемъ комментарий аббатъ постарался обманнымъ образомъ исказить эту фразу, предварительно приведенную имъ самимъ въ текстѣ: «*Инструкція*—говоритъ онъ—отвергла всякую мысль о безсмертіи души, такъ какъ не оставляла *умирающему* иной надежды, кромѣ надежды на возрожденіе въ своихъ дѣтяхъ!»...

²⁾ Письмо Колло-д'Эрбуа въ Комитетъ общественнаго спасенія, № LXXXVII оправдательныхъ документовъ при докладѣ Куртуа. *Bibl. hist. de la Révol.* 806—7—8 (*British Museum*).

дражаетъ, оно растрчиваетъ силы, которыя нужно бы беречь для самыхъ энергичныхъ мѣръ»¹⁾. Но ему пришлось недолго страдать отъ этого кровожаднаго нетерпѣнія.

Драма, которую онъ и Фуше явились разыграть въ Ліонѣ, состояла изъ трехъ дѣйствій: войны съ богатствами, войны со стѣнмп и войны съ людьми. Соотвѣтственно этому, они учредили, одинъ за другимъ, Секвестраціонный комитетъ, Комитетъ по части разрушеній и Революціонную комиссію изъ семи членовъ. И началось дѣло мщенія, передъ которымъ отступалъ Кутонъ.

Кара, обнимающая все населеніе цѣликомъ, ужасна тѣмъ, что она опозоривается прячущимся за общественнымъ мщеніемъ личными счетами. Стоило Колло-д'Эрбуа и Фуше топнуть ногою, какъ изъ-подъ земли появилась цѣлая армія доносчиковъ. Къ людямъ, которые, будучи одушевлены искреннею и сильною любовью къ революціи, желали только справедливости, но справедливости безусловной, присоединились такія личности, сердца которыхъ грызла затаенная ненависть. Надо ли было погубить врага или удовлетворить свою низкую алчность — достаточно было назваться *другомъ Шалье*. Такихъ мнимыхъ друзей *Шалье*, на которыхъ онъ, если бы былъ живъ, смотрѣлъ бы не иначе, какъ съ отвращеніемъ, развелось видимо-невидимо²⁾. Разъ стало извѣстно, что проконсулы усердно разыскиваютъ виновныхъ, созданся подлый промыселъ доносовъ. Масса хозяйствъ попала подъ секвестръ, при чемъ хранители ихъ до-чиста разоряли ихъ³⁾. Даже тѣмъ изъ гражданъ, которыхъ возстаніе не столько увлекло, сколько захватило внѣпнимъ образомъ, приходилось скрываться или спасаться бѣгствомъ, что очень часто оказывалось тщетнымъ. Такихъ укромныхъ уголковъ, куда не проникало бы преслѣдованіе, было мало, но велико было число дворянъ, тщетно принижавшихъ свою гордость до ношенія черной одежды трубочистовъ или до разыгрыванія роли продавцовъ поросятъ. «Тѣлохранителя Бурниссака, — рассказывалъ съ торжествующимъ видомъ Колло-д'Эрбуа, — мы обнаружили подъ грубою крестьянской

¹⁾ *Bibl. hist. de la Révol.*, 806—7—8 (*British Museum*).

²⁾ Письмо Реверсона къ Кутону, № СІ оправдательныхъ документовъ при докладѣ Куртуа о бумагахъ, найденныхъ послѣ смерти Робеспьера, *Bibl. hist. de la Rév.*, 806—7—8 (*British Museum*).

³⁾ *Ibidem*.

курткую въ то время, когда онъ везъ на ослѣ свою жену въ одно изъ потайныхъ мѣстъ» ¹⁾).

Кутонъ, который, какъ мы видѣли ²⁾, не безъ скорби и ужаса относился къ разрушенію второго во Франціи города, принялъ на работу по разрушеніямъ дѣтей и женщинъ, что было ловкимъ средствомъ къ тому, чтобы затянуть дѣло и дать остыть первымъ вспышкамъ озлобленія, а Колло-д'Эрбуа и Фуше жаловались теперь на это. Они во всеуслышаніе порицали мѣры, которыя, по ихъ словамъ, были осуществляемы въ противномъ декретамъ Конвента смыслѣ ³⁾. Видно, *женскія и дѣтскія руки*,—говорили они,—*были нарочно выбраны* для сломки «гнусныхъ построекъ», которыя слѣдовало «валить удвоенными ударами и сильными руками!» ⁴⁾).

Должно быть, щемящее зрѣлище представляли эти приговоренныя къ смерти зданія, эти разобранныя крыши, эта загромождавшая лѣстницы мебель, эти стѣны, рушившіяся среди столбовъ пыли, подъ звуки вандальскихъ сочувственныхъ криковъ! Что разрушили, несмотря на его живописное положеніе, замокъ *Pierre-Scise*, эту ліонскую Бастилію, это бы еще ничего: искусству нечего скорбѣть о памятникахъ, напоминающихъ о поношеніи человѣчества; но какъ мало философскаго смысла было въ порывахъ мстительности, обрушившейся на фасады Белькура, на дома прекрасной *Сень-Кларской набережной*! И какъ пріятно долженъ былъ отдаваться каждый ударъ разрушающаго молота въ завистливомъ сердцѣ иностранца! Когда нынѣ съ едва ли понятною смѣсью республиканской непреклонности и пасторальной сентиментальности, Колло-д'Эрбуа и Фуше говорили: «На развалинахъ этого гордаго и мятежнаго города, настолько развращеннаго, чтобы просить себѣ повелителя, путникъ съ удовольствіемъ увидитъ нѣсколько простыхъ монументовъ, воздвигнутыхъ въ память мучениковъ свободы, и разрозненныя хижины, въ которыхъ поспѣшатъ поселиться друзья равенства и будутъ жить, наслаждаясь благами природы» ⁵⁾),—когда они

¹⁾ Засѣданіе Конвента 26 фримэра (16 декабря). См. *Moniteur*, an II (1793), № 87.

²⁾ См. главу VIII предшествующаго тома.

³⁾ Постановленіе Колло-д'Эрбуа и Фуше отъ 15 брүмэра (3 ноября).

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ См. ихъ письмо въ Конвентъ, прочитанное въ засѣданіи 25 брүмэра (15 ноября). *Moniteur*, an II (1793), № 57.

говорили это, отчего не подумали они объ *удовольствіи*... Вильяма Питга!

Къ счастью, результатъ далеко не соотвѣтствовалъ тѣмъ намѣреніямъ, которые намѣчались въ подобныхъ словахъ, и преувеличенія въ роялистскихъ разсказахъ представляются поразительными, когда перейдешь отъ ихъ неопредѣленныхъ описаній къ точно установленнымъ фактамъ. Въ защитительной брошюрѣ, изданной впоследствии Колло-д'Эрбуа (ибо и ему пришлось, въ свой чередъ, защищаться), онъ говоритъ: «Разрушенія направлялись на городскія стѣны и форты; домовъ не было разрушено и *сорока*, но большое число ихъ было разрушено и повреждено артиллерійскимъ огнемъ и бомбами»¹⁾. Съ другой стороны, ліонскій ультра-революціонеръ Ашаръ, въ письмѣ къ своему другу Гравье, сѣтовалъ на то, что «работы не наклеиваются», несмотря на то, что на разрушенія и другія вещи тратится по четыреста тысячъ ливровъ въ декаду. «Вялость разрушителей,—прибавлялъ онъ,—ясно показываетъ, что ихъ руки непригодны для построенія республики»²⁾. Наконецъ, вполне достоверно, что оба проконсула не осуществили ужасныхъ угрозъ, заключающихся въ слѣдующихъ строкахъ, скрѣпленныхъ ихъ подписями: «Разрушенія ведутся слишкомъ медленно. Республиканскому нетерпѣнію нужны болѣе быстрыя средства. Всемогущество народа можетъ быть выражено только взрывомъ минъ и пожирающимъ дѣйствіемъ пламени»³⁾.

Слѣдуетъ ли принимать этотъ изувѣрскій стиль буквально? не было ли въ этихъ стилистическихъ преувеличеніяхъ какого-нибудь расчета? Когда Колло-д'Эрбуа, послѣ того, какъ онъ ускорялъ наступленіе термидорской реакціи, вынужденъ былъ унизиться до стараній задобрить ее, онъ писалъ въ свое оправданіе: «Правда, мы придавали нашей общественной и частной перепискѣ характеръ большой строгости. Провозглашая, согласно декретамъ, что Ліонъ существовать не будетъ, мы тѣмъ самымъ, я увѣренъ, подавили возникавшія во многихъ общинахъ мятежи; а напечатаніе нашихъ писемъ въ Бюллетенѣ, со-

¹⁾ *Défense de I. M. Collot. Paris, II ventôse an II, въ Bibliothèque historique de la Révolution, 1070—1—2 (British Museum).*

²⁾ № XLVII оправдательныхъ документовъ при докладѣ Куртуа. *Bibl. hist. de la Révol.*, 806—7—8 (*British Museum*).

³⁾ Письмо, прочитанное въ засѣданіи Конвента 1 фримера (21 ноября). *Moniteur*, an II (1793), № 64.

стоявшееся по приказанію Конвента, избавило послѣдній отъ прискорбной необходимости примѣнить болѣе сильныя средства»¹⁾.

Это объясненіе, до извѣстной степени пріемлемое по отношенію къ снесеннымъ зданіямъ, недопустимо по отношенію къ отрубленнымъ головамъ. Въ этомъ отношеніи поступки проконсуловъ слишкомъ согласовались съ ихъ заявленіями!

5-го фримэра (25 ноября) въ Ліонъ вступилъ Ронсенъ, во главѣ республиканской арміи, а черезъ день Колло-д'Эрбуа и Фуше издали постановленіе, которымъ производство суда надъ гражданами, считавшимися виновными, передавалось комиссіи изъ семи членовъ, въ виду того, что каждая минута промедленія составляетъ оскорбленіе всемогущества народа, и что отправленіе правосудія не нуждается ни въ какой другой формѣ, кромѣ выраженія его воли»²⁾. Это составляло какъ разъ противоположность той доктринѣ, которую справедливый Кутонъ положилъ въ основаніе учрежденія *Комиссіи народнаго правосудія*³⁾. Довершеніемъ этого различія являлась слѣдующая свирѣпая фраза, которою заканчивалось постановленіе: «Пригоревенные будутъ отводимы среди бѣла дня къ тому самому мѣсту, гдѣ были убиты патріоты, и тамъ должны искупить подъ огнемъ молніи свою жизнь, слишкомъ долго бывшую преступною»⁴⁾. Если ліонцы могли недоумѣвать относительно значенія словъ: *подъ огнемъ молніи*, то недоумѣніе ихъ длилось недолго. Молнія означала пушки.

Нужно замѣтить, что наканунѣ того дня, когда рѣшено было привести Ліонъ въ ужасъ торжественною бойней, оба проконсула не могли побороть въ себѣ глухого безпокойства. Они задавали себѣ вопросъ, одобритъ ли Конвентъ этотъ новый способъ казни, относительно котораго онъ не былъ спрошенъ; они предчувствовали, что Кутонъ будетъ въ душѣ противъ нихъ, и имъ видѣлось раздраженное лицо Робеспьера. Это доказываютъ

¹⁾ *Défense de J. M. Collot* въ *Biblioth. hist. de la Révol.*, 1070—1—2 (*British Museum*).

²⁾ Постановленіе 7 фримэра (27 ноября).

³⁾ См. въ *Républicain français*, № CDXLI, текстъ петиціи, внесенной въ Конвентъ ліонскою депутаціей, и особенно то мѣсто этой петиціи, гдѣ система Кутона сопоставляется съ системою Фуше и Колло-д'Эрбуа. Мѣсто это цитировано въ *Hist. parlem.*, t. XXX, p. 393.—См. также *Mémoires de l'abbé Guillon de Montléon*, t. II, chap. XVIII, p. 395.

⁴⁾ Постановленіе 7 фримэра.

два письма Колло-д'Эрбуа—одно къ Робеспьеру, другое къ Кутону.

3-го фримэра (23 ноября) Колло-д'Эрбуа пишетъ своему *дорогому Робеспьеру*, которому будетъ льстить до той минуты, когда погубить его, слащавое, ловко составленное письмо, въ которомъ каждое выраженіе было, очевидно, взвѣшено и въ которомъ онъ заранѣе старается оправдаться при помощи набрасываемой имъ мрачной картины препятствій и опасностей. «Повѣрь мнѣ, мой другъ, измѣрь затрудненія»¹⁾... Онъ усиливается задобрить Робеспьера, напоминая ему, что рѣшился уѣхать только по его приглашенію. О Кутонѣ онъ говоритъ не иначе, какъ съ безконечными оговорками въ его пользу: Не слѣдуетъ, однако, думать, что почтенный Кутонъ не заслуживаетъ никакого упрека; повторяю, что благоговѣю передъ его мужествомъ. Но возможно ли, чтобы его не обманывали въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится?»²⁾ Въ этомъ, столь трагически дипломатичномъ письмѣ нужно отмѣтить двѣ вещи: во-первыхъ, неясную форму, которую авторъ его избралъ для сообщенія о задуманныхъ имъ убійственныхъ мѣрахъ: «Мы теперь куемъ молніи»³⁾, а во-вторыхъ, его желаніе вовлечь Робеспьера въ отвѣтственность за эти мѣры, не высказывая ему, однако, прямо другой мысли, кромѣ мысли о замѣнѣ раболѣпнаго населенія Ліона колонією республиканцевъ, и стараясь приписать ему честь ея осуществленія: «Декретъ относительно Ліона, въ сущности, гипотеза, хотя мы удвоили и утроили его кажущееся значеніе: сдѣлать его такимъ, какимъ онъ долженъ быть, надлежитъ тебѣ»⁴⁾.

Въ такомъ же духѣ и письмо къ Кутону. Колло-д'Эрбуа ста-

¹⁾ Это письмо находится подъ № LXXXVI оправдательныхъ документовъ при докладѣ Куртуа.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibidem.*

⁴⁾ Даятонистъ Куртуа утверждаетъ, будто въ этомъ письмѣ Колло говорить Робеспьеру: «Нужно сдѣлать такъ, чтобы Ліона больше не было и чтобы предложенная тобою надпись стала великою истиной». Газеты того времени и даже *Moniteur* вовсе не говорятъ, чтобы надпись эта была предложена кѣмъ-либо другимъ, кромѣ Барера.

Замѣтка эта сдѣлана не нами, какъ можно было бы подумать; она принадлежитъ ультра-роялистскому писателю, заклятому врагу Робеспьера, именно аббату Гильону де Монлеону. См. его *Mémoires*, t. II, chap. XVIII, p. 405 et 406.

рается заранее заручиться если не его одобреніемъ, то, по крайней мѣрѣ, нейтралитетомъ; онъ называетъ его *достопочтеннымъ другомъ*, льститъ ему; онъ говоритъ ему о строгихъ мѣрахъ, которыя будутъ приняты, однако, остерегается указать ихъ опредѣленно. Онъ даже даетъ ему понять, что мѣры эти относятся къ проекту постепеннаго и осторожно проводимаго расселенія лійонскихъ жителей по всей Франціи: «Тебѣ, Кутонъ, подобаешь развить эти мысли; я уже говорилъ объ этомъ Робеспьеру». О замѣнѣ же гильотины пушкой ни слова¹⁾.

Что касается Собранія, то обоимъ проконсуламъ было нужно приготовить его къ подготавливавшемуся для него сюрпризу; поэтому они написали въ Конвентъ: «Посылаемъ вамъ бюстъ Шалье и его изуродованную голову, въ томъ видѣ, въ какомъ она въ третій разъ вышла изъ-подъ топора его свирѣпыхъ убійць. Когда кто-нибудь будетъ стараться возбудить въ васъ чувствительность, откройте эту окровавленную голову»²⁾.

Если они были такъ неувѣрены въ томъ, какое впечатлѣніе произведетъ задуманное ими дѣло, если они такъ боялись вызвать ужасъ, то, спрашивается, какой же демонъ подталкивалъ ихъ? Возмущеніе было подавлено; зачѣмъ же было въ трепетавшемъ городѣ прибѣгать къ утонченнымъ жестокостямъ террористической политики? Но въ человѣческомъ сердцѣ есть тайны, не поддающіяся изслѣдованію. Тираны подвержены болѣзни, состоящей въ потребности чудовищнымъ образомъ доказывать самимъ собѣ, что власть ихъ безгранична. И передъ чѣмъ остановится тиранъ, полагающій, что онъ самъ свобода, что онъ самъ народъ? Есть какая-то потрясающая глубина въ слѣдующихъ словахъ Фуше и Колло-д'Эрбуа: «Короли карали медленно, потому что были слабы и жестоки; правосудіе же *народа* должно быть такъ же быстро, какъ и выраженіе его воли. Мы приняли вѣрно дѣйствующія мѣры, чтобы отмѣтить его *всмагущество*»³⁾.

Вотъ каковы были эти мѣры:

4-го фримаэра (4 декабря) на равнинѣ Бротто, на насыпи фута въ три шириною, окаймленный съ обѣихъ сторонъ рвами,

¹⁾ См. это письмо, полученное 11 фримаэра (1 декабря), въ числѣ оправдательныхъ документовъ при докладѣ Куртуа, № LXXXVIII.

²⁾ Докладъ Куртуа, № LXXXVII оправдательныхъ документовъ.

³⁾ *Ibidem*.

удобными для обращенія въ могилы, а снаружи обставленной двумя рядами солдатъ съ обнаженными саблями, выстроены были связанные попарно шестьдесятъ молодыхъ людей, взятыхъ изъ роанской тюрьмы. Позади ихъ поставлены были заряженные ядрами пушки, которыя были наведены въ направленіи занятой этими людьми насыпи¹⁾.

Истина требуетъ сказать все, рѣшительно все. Въ числѣ этихъ жертвъ и жертвъ слѣдовавшихъ затѣмъ дней находились люди, которые во время монбризонской экспедиціи вѣшали республиканцевъ у ихъ оконъ или бросали пѣлыя сѣмьи, безъ пищи, въ подземелья *Pierre-Scise*, или же сжигали хижины и собранный съ полей хлѣбъ. Тутъ же были люди, объявившіе Конвентъ лишеннымъ покровительства законовъ и устраивавшіе иллюминацію въ честь междоусобной войны; были и такіе, которые заставляли своихъ дѣтей поклясться въ вѣчной ненависти къ революціи, и еще такіе, которые во время осады, нарушая заключавшіяся перемирія, обстрѣливали картечью безоружныхъ республиканскихъ солдатъ²⁾. Но огульные приговоры не могутъ считаться приговорами, а правосудіе, становясь мстительнымъ и свирѣпымъ, перестаетъ быть правосудіемъ.

Готовясь умереть, шестьдесятъ приговоренныхъ запѣли жирондистскій гимнъ, но громъ пушекъ прервалъ ихъ... Одни пали мертвыми, другіе, будучи ранены, упали, на половину приподнялись; нѣсколько человекъ остались на ногахъ. То было зрѣлище, которому не подыскать названія: солдаты, перебравшись черезъ рвы, принялись добивать уцѣлѣвшихъ саблями. Эти солдаты были новичками въ дѣлѣ и, бойня затянулась³⁾...

Тѣмъ временемъ, многолюдная толпа женщинъ въ траурѣ со

¹⁾ *Mémoires de Delandine*, цитированныя *Hist. parl.*, t. XXX, p. 431.— Хотя Деландинъ былъ въ ту пору въ Лионѣ, однако онъ ошибается, говоря, что приговоренныхъ было въ этой первой бойнѣ 69 человекъ: ихъ было только 60. См. письмо о казняхъ, посланные въ парижскую Коммуну 22 фримера, а также въ *Mémoires de l'abbé Guillon de Montléon*, t. II, примѣчаніе на стр. 417.

²⁾ Рѣчь Колло въ засѣданіи 1 нивоза. См. *Moniteur*, an II (1794) № 113 et 114.

³⁾ Деландинъ увѣряетъ, что она длилась два часа, что маловероятно; но фактъ продолжительности бойни не подлежитъ сомнѣнію: онъ былъ признанъ въ Собраніи самимъ Колло-д'Эрбуа, подлинныя слова котораго были таковы: «Эта мѣра была осуществлена недостаточно быстро и смерть ихъ длилась слишкомъ долго». См. *Moniteur*, an II (1794), №№ 113 et 114.

стонами направилась къ квартирѣ проконсуловъ, охранявшейся артиллеристами съ зажженными фитилями въ рукахъ. Женщинъ отгѣснили съ угрозами, и онѣ удалились. Двухъ изъ нихъ заподозрили въ томъ, что сходбище устроено было по ихъ почину: «ихъ различили—говорить Колло-д'Эрбуа—по ихъ изысканной одеждѣ и смѣлости». Онѣ подверглись аресту и судъ приговорилъ ихъ къ выставленію на два часа на эшафотъ¹⁾.

Городъ содрогнулся отъ ужаса, но Фуше успѣшилъ надругаться надъ общественнымъ чувствомъ, издавъ воззваніе, въ которомъ онъ заклиналъ республиканцевъ не поддаваться пустой жалости, которая сломила бы ихъ твердость и отдала бы ихъ во власть тѣней, какъ бы выступавшихъ съ того свѣта съ цѣлью напугать ихъ. «Что за важность представляютъ»,—говорилъ онъ,—«нѣсколько развалинъ, нѣсколько частныхъ разрушеній, нѣсколько труповъ, уже выбывшихъ изъ природнаго строя и готовыхъ вновь слиться съ природой?» Все это ведетъ къ освобожденію земли! Что же касается ихъ, народныхъ представителей, то имъ вручены природою грома, и они выпустятъ ихъ изъ рукъ лишь тогда, когда будутъ сражены всѣ враги народа. Передъ ними открывается возрожденіе мира: къ этой цѣли они и будутъ идти черезъ развалины и могилы²⁾. Рядомъ съ Фуше, поставили свои надписи на этомъ воззваніи Колло-д'Эрбуа, Лапортъ и Альбитъ. Подобно Парижу въ сентябрьскіе дни, Лионъ ощутилъ холодъ смерти.

Но что подумаетъ Робеспьеръ и какимъ образомъ достигнуть того, чтобы онъ скомпрометировалъ себя какимъ нибудь поступкомъ, который заранѣе поставилъ бы его въ невозможность публично высказать проконсуламъ порицаніе? Колло-д'Эрбуа, не получившій отъ Робеспьера отвѣта и тревожившійся по этому поводу, прибѣгъ къ Дюплэ, которому написалъ: «Скажи Робеспьеру, чтобы онъ написалъ намъ. Наши братья-якобинцы поживаютъ какъ нельзя лучше; письмо отъ него доставитъ имъ большое удовольствіе и произведетъ хорошее дѣйствіе». Далѣе слѣдовали тысячи увѣреній въ нѣжной преданности. Тщетныя

¹⁾ Рѣчь Колло-д'Эрбуа въ засѣданіи 1 нивоза. См. *Moniteur*, an II (1794), №№ 118 et 114.

²⁾ *Récueil des arrêtés pris par les représentants du peuple envoyés à la Commune affranchie*, p. 47.

ухищренія! Робеспьеръ вовсе не желалъ сдѣлать тотъ шагъ, котораго такъ пламенно домогался отъ него Колло-д'Эрбуа¹⁾, и отвѣтомъ его на происки Колло было, какъ мы увидимъ, арестованіе Ронсена!

Въ роанскихъ тюрьмахъ оставалось 209 лонцевъ. 15-го Фримэра (5-го декабря) ихъ взяли оттуда и привели въ *Револуціонную комиссію*. Суду этому дано было приказаніе судить быстро: онъ струсиль и исполнилъ приказаніе²⁾. На этотъ разъ приговоренныхъ вывели на дугъ, тянувшійся вдоль дороги къ ригѣ *Pat-Dieu*. Руки ихъ были связаны за спиною, а веревки отъ нихъ привязаны къ длинному канату, прикрѣпленному, на извѣстныхъ промежуткахъ, къ каждому дереву ряда стоявшихъ по дорогѣ ивъ; въ четырехъ шагахъ отъ cadaго изъ приговоренныхъ поставлено было по пикету солдатъ. Данъ былъ сигналъ и послѣдовала ужасная бойня. У однихъ оказалась оторванною рука, у другихъ разможжена челюсть; наиболѣе счастливыми были убитые. Умиравшіе кричали жалобнымъ голосомъ, долго еще доносившимся на противоположный берегъ Роны: «Добейте меня, друзья, не щадите меня!» Бывшему члену Учредительнаго собранія Мерлю оторвало пулями кисть руки; благодаря этому, онъ освободился отъ веревки, которою былъ связанъ, и бросился бѣжать; но кавалерійскій отрядъ Ронсена пустился за нимъ въ погоню, настигъ его и убилъ. Въ виду большого числа людей, молившихъ о томъ, чтобы ихъ добили, эта ужасная казнь затянулась надолго. Убитыхъ раздѣли, побросали въ широкія ямы и засыпали известкой. При подсчетѣ тѣлъ, производившія его лица были удивлены, увидѣвъ, что ихъ оказалось 210, вмѣсто двухсотъ девяти или, вѣрнѣе, двухсотъ восьми, такъ какъ одному изъ арестантовъ удалось бѣжать. Тогда вспомнили, что во дворѣ роанской тюрьмы захвачены были двое несчастныхъ: они выдавали себя за посыльныхъ и говорили, что пришли для услугъ арестованнымъ, но имъ не повѣрили³⁾... Правда ли, что во время

¹⁾ Это замѣчаетъ самъ Гильонъ де Монлеонъ, т. II, chap. XVIII, p. 428.

²⁾ Деландинъ говоритъ: «Быть можетъ, за свою гуманность или болѣе тщательное разсмотрѣніе дѣлъ судьи были бы казнены смертью». См. мѣсто, цитированное въ *Hist. parlem.*, t. XXX, p. 432.

³⁾ Объ этой бойнѣ 15 Фримэра см. въ *Mémoires de Delandine*, цитированныхъ въ *Hist. parlem.*, t. XXX, p. 432, и въ *Mémoires de l'abbé Guillon de Montléon*, t. II, chap. XVIII, p. 426 et 427.

казни Фуше сидѣлъ у своего окна и смотрѣлъ въ ту сторону въ подозрную трубу?¹⁾

До отъѣзда Колло-д'Эрбуа, въ Лионѣ были еще два разстрѣла въ вышеописанномъ родѣ: одинъ состоялся 18-го, а другой 21-го фримэра, такъ что въ общемъ итогѣ число лицъ, казненныхъ этимъ новымъ способомъ въ теченіе недѣли, достигло трехсотъ двадцати девяти²⁾. И это не считая гильотины, отрубившей восемь головъ 18-го и тринадцать 19-го фримэра³⁾.

Однако въ разсказахъ объ этой страшной трагедіи всегда систематически умалчивалось о томъ, что *Революціонная комиссія* постановила очень много оправдательныхъ приговоровъ. Число мятежниковъ, на которыхъ указалъ въ продолженіе осады Дюбуа-Крансе или которые, вѣрнѣе, сами указали на себя, подписавъ программу борьбы на смерть, составляло не меньше двадцати тысячъ. Къ суду же было привлечено около 3,500 человекъ, изъ которыхъ болѣе 1,800 было оправдано⁴⁾.

Въ названной комиссіи должно было числиться семь судей; но такъ какъ двое изъ назначенныхъ отказались, то судъ остался состоящимъ изъ пяти членовъ, которыми были слѣдующія лица: одинъ изъ офицеровъ штаба Ронсена, Паррентъ, жестокій врагъ духовенства, постоянный посѣтитель фехтовальныхъ залъ, человекъ нерѣшительнаго характера; Коршанъ, человекъ нрава подозрительнаго и строгаго, любитель искусствъ и покровитель артистовъ; лионскій рабочій Ферне, насковозъ проникнутый революціоннымъ фанатизмомъ; Лафе, человекъ умный и мягкій, съ открытымъ лицомъ; наконецъ, Брюньеръ, который, несмотря на высокій ростъ, густые рыжіе усы и внушительный видъ, былъ еще снисходительнѣе, чѣмъ Лафе, и почти никогда не приговаривалъ никого къ смерти⁵⁾.

¹⁾ «Этотъ фактъ—говоритъ Гильонъ де Монлеонъ — былъ удостовѣренъ мнѣ заслуживающимъ довѣрія человекомъ, г-номъ Д., которому разсказывалъ о немъ очевидецъ, г. М., человекъ мало подозрительный, которому проконсулы позволяли ухаживать за ними». Читатель понимаетъ, почему мы выразились лишь въ формѣ сомнѣнія.

²⁾ Подробности казней см. въ письмѣ на имя парижской Коммуны, приведенное въ *Hist. parlem.*, t. XXX, p. 398 et 399.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Défense de J. M. Collot* въ *Bibl. hist. de la Révol.*, 1070—1—2 (*British Museum*).

⁵⁾ Нельзя сказать, польщены ли или смягчены эти портреты. Они набросаны Деландиномъ, однимъ изъ ассистентовъ *Революціонной комиссіи*. См. *Hist. parlem.*, t. 30, p. 426.

Судьи собирались, по утрамъ съ 9 до 12 часовъ и по вечерамъ съ 7 до 9, въ одной изъ залъ городской ратуши, очень хорошо декорированной, съ расписнымъ потолкомъ, на которомъ изображены были веселыя игры, граціи, амурь. За длиннымъ столомъ, раздѣлявшимъ залу на-двое и украшеннымъ восемью канделябрами, возсѣдали пятеро судей: посрединѣ предсѣдатель Паррентъ; справа отъ него Лафе и Брюньеръ, подававшіе голоса въ пользу снисходительности; слѣва Ферне и Коршантъ, стоявшіе за при-мѣненіе суровыхъ наказаній. Всѣ они являлись въ засѣданія въ мундирахъ, при эполетахъ, въ шляпахъ съ красными султанами; на широкой черной перевязи они носили саблю, а на груди, поверхъ крестообразно-надѣтой трехцвѣтной ленты, висѣлъ у нихъ блестящій топорикъ. Когда они дотрагивались до топорика, то это значило, что подсудимый приговаривается къ гильотинѣ; когда они прикасались рукою ко лбу, то это означало разстрѣляніе; руки, протянутыя по столу, были знакомъ освобожденія. Знаки эти были двусмысленны; будучи не такъ поняты, они могли повести, да иногда и вели, къ смерти. Въ ратушѣ было два подвала: хорошій и дурной; во второй изъ нихъ отводили, послѣ засѣданія, тѣхъ изъ подсудимыхъ, которымъ предстояла смерть. Ужасъ беретъ при мысли о томъ, на какой непрочной ниткѣ висѣла жизнь подсудимаго, когда между двумя гуманными судьями, сидѣвшими справа отъ предсѣдателя, и двумя неумолимыми, сидѣвшими слѣва отъ него, Перрентъ колебался высказать свое мнѣніе! Горе тому, кто искалъ спасенія въ лицемѣрїи или лжи! Когда одинъ изъ подсудимыхъ, на вопросъ о томъ, какъ онъ думаетъ объ Иисусѣ Христѣ, отвѣтилъ, что подозрѣваетъ, не обманывалъ ли Онъ людей, съ судейскаго суда ему крикнули: «Иисусъ обманывалъ людей? Иисусъ, Который проповѣдывалъ равенство, который былъ первымъ санкюлотомъ въ Іудеѣ! Ступай на казнь, злодѣй!» У какого-то священника спросили на судѣ, вѣритъ ли онъ въ Бога. «Мало», отвѣтилъ онъ.— «Умри же, негодяй—воскликнулъ Перрентъ—и познай Его!»¹⁾

Все доказываетъ, что *Комиссія пяти* пощадила бы много жертвъ, если бы не находилась подъ давленіемъ *Революціонной комиссіи*, которую, въ свою очередь, поддерживали Фуше и Коллод'Эрбуа. Но—весьма замѣчательная вещь—случилось такъ, что

¹⁾ См. выдержку изъ *Mémoires de Dalandine*, приведенную въ *Histoire parlem.*, т. XXX, р. 426—429.

свирѣпость обоихъ проконсуловъ убила революцію въ сердцѣ того самаго народа, отъ имени котораго они якобы дѣйствовали! Тщетно старались они привлечь его къ себѣ, запрещая печеніе хлѣба изъ крупичатой муки, а съ другой стороны, и изъ отрубей, и приказывая хлѣбопекамъ готовить лишь одинъ, хорошій сортъ хлѣба, такъ-называемый *хлѣбъ равенства*; тщетно предписывали они, чтобы слабосильные граждане, старики и сироты, получали жилье, пропитаніе и одѣяніе за счетъ богатыхъ; чтобы работоспособнымъ рабочимъ доставляемы были орудія труда и работа на средства революціоннаго налога: постановленія эти были приняты раньше 3-го фримэра (23-го ноября 1793 г.¹⁾, а 28-го нивоа (17-го января 1794 г.) Ашаръ въ отчаяніи писалъ къ Гравье: «Здѣсь въ народѣ нѣтъ никакого революціоннаго духа. Онъ словно умеръ для революціи»²⁾.

Колло-д'Эрбуа, отираившійся, въ виду угрожающихъ слуховъ, въ Парижъ, уѣхалъ изъ Ліона въ послѣдніе дни декабря; но Фуше остался... Зачѣмъ? Отвѣтъ на это мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ его письма отъ 21-го вантоза: «Есть еще нѣсколько сообщниковъ ліонскаго возмущенія; мы *швырнемъ ихъ подъ молнію*»³⁾.

Онъ не зналъ, несчастный, какого противника наживетъ себѣ своими насиліями. До своего отъѣзда изъ Парижа онъ добился представленія Шарлотѣ Робеспьеръ. Не будучи красивымъ, онъ умѣлъ—когда хотѣлъ—быть любезнымъ и, обладая вкрадчивымъ умомъ, онъ захотѣлъ и сумѣлъ понравиться Шарлотѣ. Вскорѣ онъ поднялъ вопросъ о женитьбѣ. Шарлота посовѣтовалась съ Робеспьеромъ, и тотъ, введенный въ заблужденіе лицемѣріемъ Фуше, ничуть не сталъ противиться этому браку⁴⁾. Такимъ образомъ, Фуше, покидая Ліонъ, считалъ себя уже зятемъ Робеспьера. Но что тутъ случилось? Предоставимъ слово Шарлотѣ:

«Я присутствовала при свиданіи, которое Фуше имѣлъ, по своемъ возвращеніи изъ Ліона, съ Робеспьеромъ. Мой братъ потребовалъ у него отчета въ пролитой имъ крови и корилъ

¹⁾ См. *Moniteur*, an II (1793), № 65.

²⁾ № XCVII оправдательныхъ документовъ при докладѣ Куртуа въ *Bibl. hist. de la Révol.*, p. 806—7—8 (*British Museum*).

³⁾ *Ibid.*, № XXV.

⁴⁾ *Mémoires de Charlotte Robespierre sur ses deux frères*, съ введеніемъ Лапонтра, chap. V.

его его поведеніемъ въ такихъ энергическихъ выраженіяхъ, что Фуше поблѣднѣлъ и дрожалъ. Онъ пробормоталъ что-то въ свое оправданіе: ссылаясь на серьезность обстоятельствъ, Робеспьеръ отвѣтилъ ему, что ничто не можетъ оправдать совершенныхъ имъ жестокостей. Съ этого дня Фуше сталъ самымъ непримиримымъ врагомъ моего брата и примкнулъ къ партіи, замышлявшей его гибель»¹⁾). Нечего и прибавлять, что предполагавшаяся свадьба разстроилась въ тотъ же день.

Перейти отъ Ліона къ Нанту, отъ Колло-д'Эрбуа къ Каррье, это все равно, что окупиться въ кровь.

Каррье, состоявшій до революціи прокуроромъ въ Орильяхкѣ, былъ посланъ въ Нантъ въ началѣ октября. Находящійся у насъ передъ глазами портретъ его, который относится къ тогдашнему времени, сразу даетъ о немъ ужасающее представленіе. Судя по его бюсту, онъ былъ высокъ ростомъ; лицо у него было лоснящееся, продолговатое и дышало отвагой; носъ былъ длиннѣе обыкновеннаго, ротъ обличалъ что-то буйное въ характерѣ; очень высокій и покатый лобъ былъ того типа, который приписывается фізіономистами людямъ экзальтированнымъ; глаза смотрятъ на портретъ растерянно.

Каррье прибылъ въ самый разгаръ волненія, вызваннаго переправой черезъ Луару²⁾), и засталъ Нантъ въ необычайномъ положеніи. Скупщики-спекулянты, фанатики-монархисты непрерывно другъ передъ другомъ содѣйствовали агоніи умиравшаго съ голода населенія. Толпѣ несчастныхъ, которые, получая всего по полуфунту сквернаго хлѣба въ день, въ трепетѣ тѣснились около хлѣбопекаренъ, злонамѣренные люди говорили: «Вамъ слѣдуетъ требовать хлѣба отъ членовъ управленія»³⁾). Замаскированные роялисты въ городѣ поддерживали непрерывную переписку съ вооруженными вандейцами внѣ города. Они сумѣли вывезти для послѣднихъ изъ Нанта большое количество боевыхъ припасовъ и звонкой монеты. Опасенія революціонеровъ были такъ велики, что муниципалитетъ былъ вынужденъ задѣлать каменною кладкой всѣ отверстія подваловъ, чтобы туда

¹⁾ *Mémoires de Charlotte Robespierre, etc.*, chap. V.

²⁾ Прибытіе Каррье въ Нантъ состоялось 8 октября, а переправа черезъ Луару послѣдовала 16-го.

³⁾ Babœuf, *La vie et les crimes de Carrier*, p. 127. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 1049—50—51 (*British Museum*).

нельзя было подбросить горящих фитилей¹⁾. И опасенія эти вовсе не были вздорными: они поддерживались тою наглостью, которую проявляли даже въ тюрьмахъ многіе роялисты, говорившіе, ничуть не скрываясь, что вскорѣ они будутъ обѣдать съ Шареттомъ²⁾. На посту Сень-Жакъ захвачены были транспорты ассигнацій и султановъ, послылавшіеся вандейскимъ бунтовщикамъ³⁾.

Образъ же этихъ бунтовщиковъ рисовался въ умѣ нантскихъ республиканцевъ въ ужасающихъ чертахъ. Всѣ знали, какими ужасами вооруженный роялизмъ ознаменовалъ свои выступленія; республиканцы помнили о малкульскихъ варварствахъ, впоследствии, пожалуй, еще и превзойденныхъ; имъ думалось, что они все еще видятъ, какъ эти опьяненные междоусобною войной вандейцы медленно, по каплямъ, замучиваютъ до смерти плѣнныхъ республиканцевъ, какъ они однихъ хоронятъ живыми, а другихъ набиваютъ сотнями въ колодцы или распинаютъ на дверяхъ ихъ домовъ или вѣшаютъ за ноги на деревьяхъ и, забивъ имъ въ ротъ патроны, поджигаютъ послѣдніе! Тѣла женщинъ и дѣтей, прибитыя къ дверямъ въ опустѣвшихъ деревняхъ, разбросанные вдоль живыхъ изгородей трупы безъ рукъ или безъ ступеней, полусожженные лохмотья повѣшенныхъ въ лѣсу на деревьяхъ республиканцевъ—все это вопіяло слишкомъ громко, чтобы республиканцы не знали мрачной исторіи вандейскихъ репрессалій³⁾.

Но именно поэтому, а также и потому, что люди были слишкомъ расположены послѣдовать внушеніямъ ярости, подчинять Нанть диктатурѣ бѣшенаго человѣка было крайне опасно. Дѣйствительно, именно Каррье воспламенилъ все кругомъ: «Онъ указалъ намъ—съ раздраженіемъ восклицалъ впоследствии Гулленъ—онъ указалъ намъ пропасть, въ которую мы слѣпо и бросились по его голосу⁴⁾».

¹⁾ Bachelier, *Mémoire pour les acquittés par le jugement du Tribunal révolutionnaire le 6 frimaire, an III de la République*, p. 7, *ibid.*

²⁾ *Ibid.*, p. 8.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Mémoire de Bachelier*, p. 15. — См. также защитительную записку Каррье въ *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 214 et 215. — Барантъ, разумѣется, оказался очень скромнымъ по отношенію къ этому. Но сколько бы ни усердствовали партін, имъ дано упразднить исторію лишь на время.

⁵⁾ См. *Extraits de la procédure du Comité révolutionnaire de Nantes, Hist. parlem.*, t. XXXV, p. 153.

Этотъ Гулленъ, въ которомъ Каррье предстояло вскорѣ найти страшнаго помощника, былъ натурой до крайности нервной и, въ нѣкоторомъ родѣ, страстной; онъ былъ, такъ сказать, наброскомъ злодѣя и героя. До 1789 года онъ былъ извѣстенъ своими красными каблуками, плюмажемъ и длинною рапирой и считался въ ту пору прожигателемъ жизни; революція зажгла въ немъ кровь, а соприкосновеніе съ Каррье обратило его въ изувѣра. Его убѣжденія были столько же глубоки, сколько и дики; они продиктовали ему, еще даже до прибытія Каррье, слѣдующее письмо, посланное имъ, въ качествѣ секретаря Національной комиссіи, нантскому наблюдательному комитету: «Разбирайте и особенно дѣйствуйте быстро и круто. Бейте, какъ подобаетъ истиннымъ республиканцамъ, иначе я выражу вамъ порицаніе. Въ вашихъ рукахъ находятся народныя молніи: сумѣйте пользоваться ими, а не то мы пропали. Вчера вы мнѣ сказали, что у васъ не хватаетъ рукъ для исполненія; говорите, требуйте и вы получите все: вооруженную силу, комиссаровъ, курьеровъ, приказчиковъ, лакеевъ, шпионовъ, золото. Для спасенія народа у васъ ни въ чемъ не будетъ недостатка»¹⁾.

Каррье былъ способенъ притворяться, а также дрожать, ставляя дрожать другихъ; Гулленъ же не вѣдалъ ни хитрости, ни страха. Когда ему пришлось давать отчетъ въ своихъ поступкахъ передъ Революціоннымъ судомъ, въ двухъ шагахъ отъ палача, онъ благородно принялъ на себя всю отвѣтственность за посягательства, ставившіяся въ вину его сотоварищамъ по суду, заявивъ, что трудами Революціоннаго комитета руководилъ онъ одинъ, и что цокарать слѣдуетъ одного его²⁾. На обвиненіе въ томъ, будто онъ говорилъ, что въ общество св. Креста слѣдуетъ принимать лишь такихъ мужественныхъ патріотовъ, которые могли бы, въ случаѣ надобности, выпить стаканъ человѣческой крови, онъ отвѣтилъ съ свирѣпою прямою: «Мои слова отравили, но, впрочемъ, я горжусь тѣмъ, что думаю такъ же, какъ Марать, который желалъ бы напиться крови всѣхъ враговъ отечества»³⁾. Онъ осыпалъ обвиненіями

¹⁾ Babœui, *La vie et les crimes de Carrier*, p. 124, въ *Bibl. hist. de la Révol.*, 1049—50—51 (*British Museum*).

²⁾ См. интересную *Notice sur Bachelier*, par M. Dugast-Matifeux, p. 118. Fontenay, 1849.

³⁾ Extraits de la procédure du Comité révolutionnaire de Nantes, *Histoire parlem.*, t. XXXV, p. 159.

Каррье, стараясь прикрыться ложью. Относительно же самого себя онъ не отрицалъ ничего и гордо сказалъ: «Если судить меня по моимъ поступкамъ, то я, конечно, виновенъ и съ покорностью жду моей участи; но если судить мои намѣренія, то я заявляю: я не боюсь приговора ни присяжныхъ, ни народа, ни потомства»¹⁾. Защитникъ его напомнилъ въ своей рѣчи о томъ какую возвышенность духа проявлялъ Гуленъ даже въ своемъ безуміи; при этихъ словахъ въ залѣ раздались рыданія. Одинъ изъ подсудимыхъ, Галлонъ, всталъ, весь растерянный, и, заливаясь слезами, воскликнулъ голосомъ, отъ котораго содрогнулись всѣ присутствовавшіе: «Это мой другъ, это честный человѣкъ! Это мой другъ, я знаю его уже девять лѣтъ; онъ воспиталъ моихъ дѣтей; убейте меня, но спасите его!..»²⁾ Судъ не рѣшился вынести ему обвинительный приговоръ³⁾.

Таковъ былъ креоль Гуленъ. Въ нантскомъ революціонномъ комитетѣ, въ которомъ онъ господствовалъ и который онъ увлекъ за собою, были люди подло свирѣпые, какъ нѣкій Гранмезонъ и нѣкій Пинаръ, но были и другіе, которые только поддались бурному теченію событій.

Предсѣдатель комитета, Башелье, былъ отецъ семейства, человѣкъ чистыхъ нравовъ, мягкаго отъ природы характера; частная жизнь его оставалась до конца безупречною, и онъ всегда былъ готовъ помочь бѣднымъ и угнетеннымъ людямъ своими юридическими познаніями и опытомъ⁴⁾.

Шо былъ безстрашнымъ патриотомъ, товарищемъ Филиппо по геройской поѣздкѣ послѣдняго изъ Тура въ Нантъ. Существуютъ неопровержимыя свидѣтельства того, что Шо былъ человѣкомъ благотворительнымъ. Одно изъ удостовѣреній, пред-

¹⁾ См. процессъ Каррье въ *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 192 et 193.

²⁾ *Ibid.*, p. 213.

³⁾ Изъ всѣхъ членовъ нантскаго революціоннаго комитета, привлеченныхъ къ суду за массовыя потопленія, осуждены были, вмѣстѣ съ Каррье, только двое: Гранмезонъ и Пинаръ. См. процессъ. *Ibid.*, p. 217—222.

⁴⁾ См. *Notice sur Bachelier*, par M. Dugast-Matifeux. Память Башелье отмѣчена здѣсь съ замѣчательною умѣренностью и съ силою нападокъ, источникомъ которыхъ послужила записка предсѣдателя нантскаго революціоннаго суда, Филиппа Тронжоли, составлявшая доносъ на революціонный комитетъ.—Фелиппъ Тронжоли, человѣкъ двусмысленныхъ стремленій, былъ признанъ измѣнникомъ членами комитета. Его записка составляла актъ мщениія. Этого не слѣдуетъ забывать.

ставленныхъ на судѣ въ его пользу, показываетъ, что онъ пріютилъ у себя и взялъ на свое попеченіе двухъ малолѣтнихъ сиротокъ, родители которыхъ погибли въ Вандеѣ ¹⁾).

Гвоздильный мастеръ Прустъ пользовался въ Нантѣ общимъ уваженіемъ. Его знали за такого гуманнаго человѣка, что нантцы называли его *добрыйми ангеломъ Комитета*. Когда, послѣ 9 термидора, прогивъ него возбуждено было преслѣдованіе, защитниками его выступило множество заключенныхъ, которые были обязаны ему своимъ спасеніемъ и выставили противъ обвинительнаго акта рядъ удостовѣреній; на одномъ изъ нихъ значится болѣе трехсотъ подписей. О немъ рассказывали очень много трогательныхъ исторій; передавали, на примѣръ, что онъ въ теченіе двухъ лѣтъ держалъ въ своемъ домѣ и кормилъ бѣдную, больную, почти столѣтнюю вдову. Жена его, истинная сестра милосердія, ради помощи и утѣшенія заключенныхъ въ тюрьмахъ, прибѣгала ко всевозможнымъ видамъ невиннаго обмана, ходя къ нимъ, на примѣръ, со связками льна подъ мышкой, чтобы въ тюрьмѣ думали, будто она носитъ заключеннымъ работу по части пряжи. Она безпрестанно ходатайствовала за пострадавшихъ. Однажды Каррье крикнулъ ей въ порывѣ гнѣва: «Ты одна только и шляешься сюда съ просьбами за этихъ паршивыхъ купцовъ. Если ты еще разъ явишься, я велю засадить тебя самое». И онъ такъ грубо толкнулъ ее, что она сильно расшибла себѣ голову о дверь ²⁾).

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій, ознаменовавшихъ политику Каррье въ Нантѣ, было учрежденіе *Роты Марата*, на которую возложены были производство домовыхъ обысковъ и арестованіе подозрительныхъ людей ³⁾. Ротѣ этой приписывались разгромы и кражи, что при послѣдовавшемъ разбирательствѣ оказалось ложью; но нетрудно представить себѣ тѣ крайнія проявленія произвола, до какихъ должна была увлекаться группа фанатиковъ, которые «получили самыя широкія полномочія ⁴⁾» и щеголяли именемъ Марата, и которымъ Каррье говорилъ:

¹⁾ Записка Шо, въ *Bibl. hist. de la Révol.*, 1049—50—51 (*British Museum*).

²⁾ *Court exposé de la conduite d'Yves Proust*, par Villenave, въ *Bibl. hist. de la Révol.*, 1049—50—51 (*British Museum*).

³⁾ Постановленіе это Каррье издалъ по соглашенію съ Франкастелемъ.

⁴⁾ Записка Башелье, *Bibl. hist. de la Révol.*, 1049—50—51 (*British Museum*).

«Дѣйствуйте твердо и помните, что за неисполненіе моихъ приказаній вы отвѣчаете предо мной головами¹⁾».

Вскорѣ тюрьмы оказались набитыми биткомъ, впрочемъ, не въ силу рѣшеній Комитета, принявшаго за правило, что если изъ числа пятидесяти составлявшихъ его членовъ заявленъ подкрѣпленный тремя голосами протестъ, то подозрительное лицо въ списокъ не вносится²⁾.

Поэтому собственно изъ числа осѣдлыхъ жителей города и, при томъ, при населеніи почти въ сто тысячъ душъ, среди котораго было много сочувствовавшихъ вандейцамъ и сообщниковъ роялистовъ, арестованныхъ бывало, даже въ минуты крайней опасности, не больше 600 человекъ³⁾. Но достоверно то, что войска поминутно приводили въ городъ взятыхъ въ плѣнъ мятежниковъ: вотъ почему тюрьмы и были переполнены⁴⁾.

Когда Каррье приказалъ заключать въ тюрьмы всѣхъ скупщиковъ и перепродавцовъ продуктовъ первой необходимости, уличенныхъ въ нарушеніи закона о максимальныхъ цѣнахъ, что могло быть примѣнено къ десяти тысячамъ гражданъ, Комитетъ приговорилъ къ аресту лишь наиболѣе виновныхъ: шестьдесятъ человекъ изъ десяти тысячъ⁵⁾.

Но не то было бы, если бы онъ никогда не дѣлалъ послабленій! Но Каррье добился-таки наконецъ своего. Не была ли его свирѣпость помѣшательствомъ? Невольно является искушеніе думать, что тутъ было именно помѣшательство. Онъ говорилъ такія вещи и проявлялъ такія вспышки злобы, что заставлялъ вспомнить о Калигулѣ и Коммодѣ; онъ заводилъ рѣчь о томъ, что половину населенія города Лоріана надо побросать въ море⁶⁾. На его взглядъ, всѣ богатые люди были контръ-революціонеры, всѣ купцы барышники-скупщики, и онъ ручался, что *снесетъ имъ головы національною бритвой*⁷⁾. Однажды, ораторствуя въ Народномъ обществѣ, онъ вдругъ прервалъ свою рѣчь и началъ рубить саблею свѣчи⁸⁾. Когда военная комиссія воспротивилась

¹⁾ *Mémoire de Bachelier*, p. 11.

²⁾ *Ibid.*, p. 12.

³⁾ *Ibid.*, p. 13.

⁴⁾ Но утаить именно это и было въ интересахъ роялистскихъ писателей, что они и не преминули сдѣлать.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 14.

⁶⁾ Процессъ Каррье, *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 173.

⁷⁾ *Ibid.*, p. 205.

⁸⁾ Показаніе Моннерона въ дѣлѣ Каррье, *ibid.*, p. 181.

предписанному имъ приводу въ судъ нѣсколькихъ заключенныхъ, онъ вызвалъ къ себѣ предсѣдателя и въ бѣшенствѣ закричалъ ему: «Ты хочешь судить, старая сволочь; хорошо же: суди. Но если тюрьма не опростается черезъ два часа, я велю всѣхъ васъ гильотинировать!» Предсѣдатель былъ такъ потрясенъ, что умеръ ¹⁾).

Въ докладѣ Ромма говорится, но на судѣ отнюдь не было установлено то, что Каррье пользовался иногда убійствами какъ вспомогательнымъ средствомъ при своихъ распутствахъ, что онъ безъ суда разстрѣливалъ мужей, стѣснившихъ его любовныя похождения, что онъ разрѣшалъ или предписывалъ совершеніе *республиканскихъ браковъ*—казни, состоявшейся, будто бы, въ томъ, что молодого человѣка связывали голымъ съ молодою дѣвушкой и въ такомъ видѣ бросали обоихъ въ воду. Какъ только Каррье попалъ подъ судъ, вся ненависть, всѣ страсти, всѣ ужасы заговорили противъ него разомъ; на него стали даже клеветать, какъ будто въ этомъ была какая-нибудь надобность! ²⁾). Для обвиненія его достаточно, даже слишкомъ достаточно, уже и того, что достовѣрно!

У Тацита мы читаемъ: «...Тогда Аницетъ сообщилъ Нерону, что можно изготовить корабль съ такимъ приспособленіемъ, что часть его, откинувшись подъ водою внизъ, неожиданно потопила бы его мать... Выдумка эта понравилась Нерону» ³⁾). Она понравилась также и Каррье.

Эта ужасная мысль о массовыхъ потопленіяхъ была высказана въ Страсбургѣ въ присутствіи Сенъ-Жюста, который съ отвращеніемъ отвергъ ее. Но Каррье не былъ Сенъ-Жюстомъ ⁴⁾ и колебаться не сталъ. Онъ только рѣшилъ не компрометиро-

¹⁾ *Mémoire de Bachelier*, p. 21.

²⁾ Роммъ говоритъ въ своемъ докладѣ (см. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 149), что «въ массѣ писемъ упоминается о такъ называвшемся въ Нантѣ *республиканскомъ бракѣ*». Но онъ не сообщаетъ, кѣмъ писаны эти письма, не шли ли они изъ роялистскаго источника и т. д., и т. д. Фактъ тотъ, что въ процессѣ мы не видимъ этихъ писемъ ни воспроизведенными, ни подтвержденными чьимъ либо показаніемъ.

³⁾ «... Ergo Anicetus navem posse componi decet cujus pars, ipso in mari per artem soluta, effunderet igneam... Placuit solertia...» Меа-сынъ очень кстати взялъ эти слова эпиграфомъ къ памфлету, изданному имъ подъ заглавіемъ *Noyades* и подписанному анаграммою его фамиліи: *Féhhésémè*.

⁴⁾ Именно это говорить, по тому же поводу, но повернувъ фразу задомъ напередъ, авторъ книги *Saint-Just et la Terreur*, t. II, p. 47.

вать себя никакимъ письменнымъ приказаніемъ. Въ этомъ онъ былъ вѣренъ принципамъ Геро де Сешелля, съ которымъ состоялъ въ перепискѣ и который далъ ему слѣдующее своеобразное наставленіе: «Когда народный представитель находится въ командировкѣ и караетъ, онъ долженъ давать карамъ широкій размахъ, а всю отвѣтственность оставлять на исполнителяхъ, Онъ никогда не долженъ компрометировать себя письменными приказаніями»¹⁾. Указаніе это имѣло тѣмъ болѣе шансовъ на то, чтобы быть хорошо принятымъ со стороны Каррье, что послѣдній носилъ въ самомъ себѣ тотъ терроръ, который распространялъ вокругъ себя. Этотъ человѣкъ, внушавшій страхъ, самъ испытывалъ страхъ.

Массовыя потопленія (noyades) начались въ концѣ брюмера. Предстояла высадка священниковъ. Ихъ повезли на суднѣ съ откиднымъ трапомъ до Пэнбѣфа. Тамъ ихъ раздѣли и связали имъ руки за спиною; затѣмъ трапъ открылся и они погрузились на дно. На языкѣ Каррье это получило названіе *вертикальной ссылки!*²⁾.

Конвенту проконсулъ написалъ объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя могли внушить ему мысль, что дѣло идетъ о естественномъ событіи³⁾. «*Зачѣмъ нужно было случиться—писалъ онъ—чтобы это событіе (успѣхъ республиканцевъ) сопровождалось другимъ, которое уже не составляетъ событія въ новомъ родѣ? Пятьдесятъ восемь человѣкъ, называемыхъ священниками-отщепенцами, прибыли изъ Анжера въ Нантъ. Ихъ тотчасъ же заперли на судно на Луарѣ. Прошлою ночь рѣка всѣхъ ихъ поглотила. Что за революціонный потокъ эта Луара!*»⁴⁾.

7 фримера (27-го ноября) нантскій комитетъ отправилъ въ парижскій Революціонный судъ сто тридцать двухъ жителей Нанта. Изъ нихъ только девяносто четыре человѣка предстали

¹⁾ Отрывокъ изъ письма Геро де Сешелля, прочитаннаго предсѣдателемъ въ засѣданіи суда по дѣлу Каррье и являющагося однимъ изъ любопытѣйшихъ разоблаченій въ этомъ процессѣ.

²⁾ *Noyades, par Féhémémi, Bibl. hist. de la Révol., 1049—50—51 (British Museum).*

³⁾ Вотъ какъ самъ онъ объяснилъ во время процесса тотъ смыслъ, какой онъ имѣлъ въ виду придать своему письму: «*Вопросъ. Знали ли вы о потопленіяхъ?—Омѣ. Зналъ только о потопленіи священниковъ, о которомъ и далъ отчетъ, какъ событіи естественномъ.*». См. *Hist. parlem., t. XXXIV p. 161.*

⁴⁾ *Mémoire de Bachelier, p. 21.*

передъ названнымъ судомъ, который ихъ оправдалъ. Сотоварищи ихъ умерли въ дорогѣ отъ горя, болѣзней и утомленія¹⁾.

Между тѣмъ 13 фримэра (3-го декабря), вслѣдствіе нападенія, сдѣланнаго на Анжеръ вандейцами или, какъ тогда говорили, разбойниками, въ Нантѣ возникла сильная тревога. Мятежники могли точно такъ же двинутся и на Нантѣ, какъ на Анжерѣ, и 14-го числа въ первомъ изъ этихъ городовъ не знали, чтó происходило во второмъ. Кромѣ того, сдѣлана была бунтарская попытка среди арестантовъ, нѣсколько человѣкъ изъ которыхъ были передъ тѣмъ приговорены къ тѣлесному наказанію²⁾. Въ такой крайности, Каррье пришло въ голову одно только средство: въ ночь съ 14 на 15 фримэра (4—5-го декабря) онъ созвалъ нантскія административныя учрежденія, Народное общество, комитетъ, и предложилъ имъ обсудить вопросъ о томъ, не приступить ли къ массовой казни арестованныхъ. По его мнѣнію, этимъ были бы разомъ навсегда пресѣчены и внутренняя смута, и чума. При такомъ неожиданномъ предложеніи многіе содрогнулись. Башелье заявилъ протестъ³⁾.

Предсѣдатель нантскаго революціоннаго суда Фелиппъ Тронжоли началъ возражать противъ ужаснаго предложенія и, при томъ, съ такою силой, что Гуленъ обозвалъ его контръ-революціонеромъ⁴⁾. Результатомъ преній было рѣшеніе составить списокъ подлежащихъ казни, а на слѣдующій день, 15 фримэра (5-го декабря), указъ о разстрѣляніи 132 арестантовъ былъ подписанъ тремя членами Комитета: Гуленомъ, Гранмезономъ и Менге⁵⁾. Въ тотъ же самый день въ Лионѣ состоялся, по приказанію Фуше и Колло-д'Эрбуа, второй массовый разстрѣлъ! Къ счастью, въ этомъ случаѣ жертвы, обреченныя въ Нантѣ, отдѣлались одною угрозой, такъ какъ указъ былъ отмѣненъ.

Но Каррье не замедлилъ снова наложить руку на ускользавшую отъ него добычу.

Въ числѣ его прихвостней находился нѣкій дрянной чело-

¹⁾ *Noyades*, p. 4, *Bibl. hist. de la Révol.*, 1049—50—51 (*British Museum*).

²⁾ *Noyades, fusillades, ou Réponse au Rapport de Carrier*, par Philippe dit Tronjolly, p. 11. *Bibl. hist. de la Révol.*, 1049—50—51 (*British Museum*).

³⁾ См. *Notice sur Bachelier*, p. 21.

⁴⁾ Показаніе Фелиппа Тронжоли на процессѣ Каррье. *Histoire parlém.*, t. XXXIV, p. 174.

⁵⁾ Обвинительный актъ противъ четырнадцати членовъ нантскаго революціоннаго комитета.

вѣкъ, по фамиліи Ламберти, наполовину шпионъ, наполовину наемный убійца. 17 фримэра (7-го декабря) Каррье вручилъ Ламберти и другому изъ своихъ сообщниковъ приказъ на имя командующаго войскомъ, составленный въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Требую именемъ закона, чтобы вы предоставили въ распоряженіе Фуке и Ламберти достаточную вооруженную силу для ввѣренной мною имъ экспедиціи, съ тѣмъ, чтобы она находилась при нихъ днемъ и ночью»¹⁾). Какая экспедиція?... Каррье отправляется въ революціонный комитетъ, куда, по его извѣщенію, являются портовой лейтенантъ Колась и судовой плотникъ Аффиле. Онъ проходитъ съ ними въ отдѣльную комнату комитетскаго бюро, совѣщается тамъ нѣсколько времени, вызываетъ Гулена и даетъ ему тайныя инструкціи; затѣмъ онъ возвращается въ бюро и, не давая никакихъ объясненій, поручаетъ Гулену составить обвинительные акты, которые тотчасъ же подписываются и выдаются по принадлежности²⁾).

Большое число заключенныхъ содержалось въ арестномъ домѣ, носившемъ названіе Буффе: въ ночь съ 24 на 25 фримэра (14—15-го декабря) туда явились солдаты *Роты Марата* со связками веревокъ и потребовали выдачи имъ ста пятидесяти заключенныхъ. Въ виду отказа со стороны смотрителя, двое изъ этихъ людей ушли и вскорѣ вернулись съ приказомъ за подписью... Каррье? Нѣтъ, Каррье не желалъ давать противъ себя письменной улики³⁾): роковая бумага являлась уликою только противъ Гулена и одного изъ его сотоварищей, Левека. Арестанты были выведены и связаны по-двое, со скрученными за спиной руками. Прибыли Гулень и Гранмезонъ—оба сильно возбужденные. Списокъ ста пятидесяти пяти человѣкъ не могъ быть пополненъ наличностью, такъ какъ нѣкоторые изъ включенныхъ въ списокъ оказались либо уже выпущенными ранѣе на волю, либо умершими. «Сегодня вечеромъ я прислалъ къ тебѣ пятнадцать человѣкъ—сказалъ Гулень сто-

¹⁾ Показаніе Вожуа, прокурора нантской военной комиссії, *Hist. parl.*, t. XXXIV, p. 154.

²⁾ *Mémoire de Bachelier*, p. 19.—Дѣйствовали ли члены Комитета, зная, въ чемъ дѣло? Башелье, на стр. 20 своей *Mémoire*, говоритъ, что они этого не знали, но изъ категорическаго показанія, даннаго во время процесса однимъ изъ подсудимыхъ, Болонье, оказывается противное. См. его показаніе въ *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 162.

³⁾ Показанія Гулена и Гранмезона. *Ibid.*, t. XXXIV, p. 161 et 163.

рожу—куда ты ихъ дѣвалъ?» — «Они въ верхнихъ камерахъ». — Ну, такъ сведи ихъ внизъ.» Списокъ былъ болѣе, чѣмъ пополненъ: онъ оказался доведеннымъ до ста пятидесяти девяти человекъ. У Гулена, казалось, отъ мрачныхъ мыслей закружилась голова: «Ну, надо торопиться—сказалъ онъ—уже начинается отливъ...» ¹⁾

Каррье распустилъ слухъ, что дѣло идетъ о переводѣ арестантовъ въ Белль-Иль. Арестованныхъ повели къ транспортной баркѣ, гдѣ находился Аффиле. Имъ велѣли взойти на барку; слѣдомъ за ними вошли и солдаты *Роты Марата*. Гуленъ остался на набережной. Входъ на барку, а также и боковыя отверстія заложили досками и забили гвоздями; затѣмъ барка отчалила. Кто-то сказалъ вполголоса: *къ Острову кораблекрушенія!* Но вдругъ раздались крики: «Спасите! спасите!» Спасти было бы еще можно... и нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ, порвавъ свои путы, просовывали руки между досками. А Гранмезонъ—перо едва рѣшается описывать эти ужасы—Гранмезонъ былъ тутъ же и, совершенно пьяный, рубилъ саблею, негодяй, по дрожавшимъ, тянувшимся къ нему рукамъ! Выла минута, когда солдаты, которыхъ ни о чемъ не предупредили и которые оставались на баркѣ, думали, что погибнуть: плотники, стоя въ лодкахъ, съ размаха рубили барку топорами и она погружалась въ воду ²⁾...

Выяснить по документамъ точное время каждаго потопленія и число такихъ потопленій нѣтъ возможности ³⁾. Несомнѣнно только то, что массовыхъ потопленій было нѣсколько и что въ качествѣ палача при нихъ фигурировалъ, рядомъ съ Ламберти, нѣкій Робенъ, человекъ въ возрастѣ едва двадцати одного года. Это тотъ Робенъ, который, представъ впоследствии предъ Революціоннымъ судомъ, говорилъ: «Въ потопленіяхъ, которыя приписывалъ мнѣ Каррье, я сознаюсь *съ такимъ же чистосердечіемъ, съ какимъ я ихъ совершалъ*» ⁴⁾. Слѣдующее воспоминаніе при-

¹⁾ Показаніе смотрителя арестнаго дома Буффе, Бернара Лакайя, см. *Extraits de la procédure révolutionnaire de Nantes, Hist. parlem., t. XXXV, p. 152 et 153.*

²⁾ См. въ *Extraits de la procédure du Comité révolutionnaire de Nantes*, показаніе паруснаго мастера Табуре, показаніе судебного плотника Аффиле и заявленіе Гранмезона о томъ, что онъ былъ пьянъ.

³⁾ Это справедливо замѣчаетъ Бабёфъ въ своемъ очеркѣ: *Vie et crime de Carrier*, p. 132.

⁴⁾ Процессъ Каррье, *Hist. parlem., t. XXXIV, p. 208.*

водитъ насъ въ оцѣпенѣніе: въ этихъ отвратительныхъ экспедиціяхъ участвовалъ также житель Нанта О'Селливанъ ¹⁾, человекъ ирландскаго происхожденія, сотоварищъ Мѣри, одинъ изъ героев Нора, одинъ изъ спасителей Нанта, безстрашный и красивый собою молодой человекъ, о которомъ одинъ изъ современныхъ намъ писателей могъ сказать, что «онъ былъ любимъ мужчинами, обожаемъ женщинами, очень мягокъ нравомъ и чрезвычайно экзальтированъ» ²⁾. Онъ воспрепятствовалъ разстрѣлу тѣхъ ста тридцати двухъ нантцевъ, о которыхъ говорено было выше. По какой же роковой случайности мы встрѣчаемъ его въ числѣ сотрапезниковъ на обѣдѣ, который описанъ очевидно въ слѣдующихъ словахъ: «Лалуа пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ и привелъ меня на голландскій галіотъ. Я спустился въ трюмъ. Вижу: накрытъ столъ на 15—20 кувертовъ; спрашиваю, что это за обѣдъ и что за галіотъ, на которомъ я нахожусь? Лалуа отвѣчаетъ мнѣ, что *это большая миска для священниковъ* и что такъ какъ на ней Ламберти совершилъ экспедицію, то Каррье подарилъ ему въ награду этотъ галіотъ. Сѣли за столъ; Ламберти помѣстился по правую руку отъ Каррье, а Лалуа по лѣвую. Въ числѣ участниковъ находились Фуко, Робень и О'Селливанъ. Обѣдъ былъ очень веселый. Ламберти рассказывалъ о своихъ прекрасныхъ экспедиціяхъ; онъ рассказывалъ, какъ приказывалъ выводить свои жертвы попарно, обыскивалъ ихъ, связывалъ, а потомъ, отведя ихъ на барку, спускалъ въ воду». И присутствовавшіе рукоплескали рассказчику ³⁾.

Между тѣмъ, городъ находился въ крайне затруднительномъ положеніи. Въ немъ распространилась эпидемія тифа, гнѣздомъ которой были тюрьмы. По Луарѣ постоянно плыли трупы утопленниковъ, спускавшіеся отъ Сомюра, Анжера и Шато-Гонтъе ⁴⁾. Тысяча двѣсти отцовъ семействъ умерли, заразившись въ тюрь-

¹⁾ Показаніе Аффиле. *Extraits de la procédure du Comité révolutionnaire de Nantes, Hist. parlam., t. XXXV, p. 164.*

²⁾ Г. Мишле. См. его *Histoire de la Révolution*, livre XI, chap. VI, t. VI p. 115.

³⁾ Показаніе Жана Сандро, начальника военныхъ транспортовъ и обоа. Каррье пытался отрицать, но О'Селливанъ, бывшій на обѣдѣ, удостовѣрилъ факты, которые изложилъ Сандро. См. *Histoire parlementaire*, t. XXXIV, p. 168, процессъ Каррье.

⁴⁾ *Mémoire de Bachelier*, p. 21.

махъ. Военная комиссія¹⁾, помѣщавшаяся въ главномъ складѣ, едва не погибла въ полномъ составѣ. Съ другой стороны, побѣдоносныя войска республики загоняли въ Нантъ побѣжденных вандейцевъ. Въ городѣ ежедневно прибывали банды мятежниковъ въ ободранной одеждѣ, съ исхудалыми лицами, похожіе на трупы, и заявляли: «Мы пришли сдаться». Но народъ, зная, что на нихъ ведется травля, не вѣрилъ ихъ раскаянію и видѣлъ въ ихъ поступкѣ лишь лицемѣріе отчаянія; присутствіе же ихъ только возстановляло въ его памяти мрачные образы республиканцевъ, пригвозжденныхъ къ дверямъ, терзаемыхъ сдираніемъ кожи съ живыхъ, сожигаемыхъ на медленномъ огнѣ... Кромѣ того, въ горячечномъ настроеніи и дрожа за самого себя, народъ винилъ ихъ въ занесеніи заразы. Почему—думалъ онъ—ихъ не разстрѣливаютъ?²⁾ Гуленъ полагалъ, напротивъ, что съ ними слѣдуетъ обращаться гуманно и этимъ путемъ побудить мятежниковъ къ сдачѣ³⁾. Но Каррье думалъ не такъ. Одному генералу, сказавшему: «Мы умѣемъ бить непріятеля, а не злодѣйски убивать его», онъ отвѣтилъ: «Вы хотите, чтобы я попалъ на гильотину? Миловать этихъ людей не въ моей власти». И вотъ появились, за его подписью, два списка: одинъ былъ составленъ 27 фримэра (17 декабря) и сопровождался приказомъ разстрѣлывать безъ суда 24 разбойниковъ, а другой на слѣдующій день, при чемъ приказано было разстрѣлывать 30 человекъ⁴⁾. Филиппъ Тронжоли не имѣлъ мужества не исполнить приказанія, и казнь была совершена. Въ числѣ этихъ жертвъ были двое дѣтей и семь женщинъ, которыхъ гильотинировали. Шестъ изъ этихъ несчастныхъ, именно г-жа и дѣвицы Метери, имѣли роковое родство: онѣ приходились двоюродными сестрами Шаретту⁵⁾.

¹⁾ *Mémoire de Bachelier*, p. 21.

²⁾ См. въ процессѣ Каррье (*Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 120) показаніе Кронье, инструктора военныхъ подставъ въ Нантѣ.

³⁾ Это признано было самимъ Каррье. *Ibid.*, p. 165.

⁴⁾ Оба эти документа, за которыми Конвентъ послалъ въ Нантъ чрезвычайнаго курьера, были предъявлены на судѣ Каррье, и тотъ, признавъ свою подпись, заявилъ въ свое оправданіе, что подпись взяли у него врасплохъ. *Hist. parlem.*, t. XXXI, p. 194.

⁵⁾ См. *Noyades et Fusillades*, par Philippe Tronjolly, p. 22, а также его показаніе (*Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 194) и показаніе женщины Лейлье (*ibid.*, t. XXXV, p. 160).—О томъ, что г-жа и дѣвицы Метери были двоюродными сестрами Шарета, не упоминается ни въ одномъ изъ названныхъ показаній; фактъ этотъ сообщаетъ г. Мишле.

отъ которыхъ онъ получалъ выгоду. Въ Лионѣ, послѣ массоваго избіенія арестованныхъ республиканцевъ, состоявшагося вечеромъ 16 флореала (15 мая) 1795 г., человекъ пятнадцать молодыхъ людей, мрачныхъ героевъ этой бойни, были, ради формы, привлечены къ отвѣту предъ роанскимъ судомъ. Разумѣется, они были оправданы, и въ тотъ день, когда они вернулись въ Лионъ, сбѣжавшіяся навстрѣчу имъ женщины усыпали ихъ путь цвѣтами, а вечеромъ, на спектаклѣ, на нихъ возложили вѣнки! ¹⁾

ГЛАВА V.

Нападки на терроръ.

Развитіе террора.—Террористская партія.—Робеспьеристы.—Дантонисты.—Объ послѣднія партіи вначалѣ объединяются противъ первой.—Система *справедливости*.—Система *милосердія*.—Дантонъ въ клубъ якобинцевъ.—Робеспьеръ защищаетъ его.—Камилль Демуленъ выпускаетъ первый номеръ «Стараго Кордельера».—Во второмъ номерѣ онъ нападаетъ на гебертистовъ.—Эти два номера были показаны Робеспьеру до выхода ихъ въ свѣтъ.—Исключеніе Клооца изъ клуба якобинцевъ; его допросъ; несправедливая защита его Робеспьеромъ.—Камилль Демуленъ передъ клубомъ якобинцевъ.—Робеспьеръ покровительствуетъ ему.—Третій номеръ «Стараго Кордельера».—Родовое значеніе гиперболя Камилла Демулена.—Оппозиція Комитету общественнаго спасенія въ Собраніи.—Возобновленіе полномочій этого Комитета.—Отклоненіе важныхъ предложеній Робеспьера.—Декретъ Конвента объ арестованіи Ронсена и Венсана; истинное значеніе этого декрета.—По почину Робеспьера декретируется учрежденіе *Комитета справедливости* для обслѣдованія несправедливо арестованныхъ лицъ.—Филиппо и Камилль Демуленъ подрываютъ умѣренную политику.—Несправедливые нападки и ошибочныя утвержденія Филиппо.—Краснорѣчивыя, но необдуманныя заявленія Камилла Демулена; онъ требуетъ учрежденія *Комитета милосердія*; четвертый номеръ «Стараго Кордельера» какъ бы клонился къ разоруженію революціи.—Громадная выгода, которую гебертисты извлекаютъ изъ этой неосторожности Камилла Демулена.—Другой его промахъ: обращеніе къ Робеспьеру.—Бравада клуба кордельеровъ.—Возвращеніе Колло-д'Эрбуа въ Парижъ; «великанъ появился»; радость гебертистовъ; празднество въ память Шалье.—Колло-д'Эрбуа внушаетъ свою ярость клубу якобинцевъ.—Онъ нападаетъ на Камилла Демулена.—Варварское обвиненіе со стороны Никола.—Колло-д'Эрбуа сообщаетъ въ клубъ якобинцевъ о самоубійствѣ Гайльера; страшная клятва.—Рвзкая выходка Левассёра противъ Филиппо.—Дантонъ отступаетъ отъ Филиппо.—Робеспьеръ защищаетъ послѣдняго.—Торжество партіи гебертистовъ.—Камилль Демуленъ ставитъ Робеспьера въ затруднительное положеніе.—Робеспьеръ намѣчается революціи путь между системой, клонящейся къ ея разоруженію, и системой, направленной къ тому, чтобы сдѣлать ее ненавистною.—Большинство Комитетовъ противъ него.—По почину Бильо-Варенна *Комитетъ справедливости* упраздняется.

Мы уже описали механизмъ революціоннаго управленія ²⁾. Декретъ, которымъ онъ былъ окончательно установленъ, изданъ

¹⁾ См. *Hist. parlem.*, t. XXXVI, p. 415.

²⁾ См. предшествующій томъ.

быть 4 декабря (14 фримаэра), на основаніи доклада, внесеннаго Бильо-Варенномъ 18 ноября (28 брюмэра); докладъ этотъ былъ написанъ въ ѣдкомъ и сухомъ стилѣ, но свидѣтельствовалъ о рѣдкой силѣ ума и организаторскомъ дарованіи его составителя. Продиктованный требованіями минуты, этотъ обпирный трудъ клонился къ установленію, рядомъ съ временными учрежденіями, учрежденій долговѣчныхъ. Ему Франція обязана прекраснымъ дѣломъ: основаніемъ *Бюллетня законовъ*¹⁾.

Царство террора между тѣмъ развивалось: все указывало на это. 5 фримаэра (25 ноября) Конвентъ декретировалъ изгнать изъ Пантеона, какъ недостойное, тѣло Мирабо и мѣсто того ввести туда тѣло Марата. Мы видѣли, съ какою зловѣщей быстротой смѣняли другъ друга на эшафотѣ Балли, Барнавъ, Дюпоръ-дю-Тертръ, Рабо-Сентъ-Этьенъ, Жире-Дюпре. Парижскія тюрьмы ежедневно раскрывали свои двери новымъ заговорщикамъ или новымъ жертвамъ. Законъ Мерлена изъ Дуэ о «подозрительныхъ» былъ такимъ мечомъ, остріе котораго каждый чувствовалъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ своего сердца. Хорошо бы еще, еслибы въ авангардѣ партіи террористовъ стояли люди такого закала, какъ Геберы! Но Ронсенъ, помимо свирѣпости, обладалъ еще большими безстрашіемъ и дерзостью; Венсанъ былъ опасенъ, какъ разъяренный безумецъ; Колло-д'Эрбуа и Фуше вносили въ свою кровавую миссію — одинъ всю силу фанатизма, другой всю силу холоднаго и глубокаго ума; терроризмъ Бильо-Варенна опирался на несокрушимое убѣжденіе, а въ довершеніе всего власть этихъ людей имѣла корни повсюду: въ главномъ штабѣ революціонной арміи, въ разныхъ бюро военнаго министерства, въ Коммунѣ, въ Комитетѣ общественнаго спасенія и въ первомъ ряду проконсульствъ.

Чтобы составить противовѣсъ такой партіи, силу которой еще болѣе увеличивало общественное опьяненіе, конечно, не было вполне достаточно одного Робеспьера, опиравшагося на Сентъ-Жюста и Кутона.

Правда, и они не желали, чтобы революція довела ненависть къ крайностямъ до дряблости, которая оставила бы ее безоружною передъ липомъ столькихъ враговъ, страстно домогавшихся ея гибели. Они хотѣли революціи сиокойной, справедливой, даже

¹⁾ Декретъ объ этомъ цѣликомъ воспроизведенъ въ *Histoire parlementaire*, t. XXX, p. 254—266.

снисходительной по отношенію къ людямъ, которые только были *сбиты съ толку*; но до тѣхъ поръ, пока длилась бы борьба, и по отношенію къ вождямъ враждебныхъ партій, они желали видѣть революцію бдительною и твердою.

Это составляло разграничительную линію между ними и дантонистами.

Послѣдніе, въ припадкѣ благороднаго возмущенія, къ которому примѣшивалось чувство усталости, внезапно перешли отъ одной крайности къ другой: Дантона увлекли въ этомъ направленіи его податливая натура, недостаточная стойкость его принциповъ и склонность къ великодушію; Филиппо склонился въ эту сторону подъ влияніемъ порывовъ честной и искренней души, охваченный слѣпою ненавистью, а Камилль Демуленъ— вслѣдствіе доброты сердца, соединявшейся съ легкомысліемъ ребенка.

Сущность гебергизма выражалась тогда въ одномъ словѣ: *терроръ*. Робеспьеристы противопоставили ему слово *справедливость*, а дантонисты слово *милосердіе*. Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ—вся та борьба, которую мы готовимся описать.

Милосердіе! къ какому еще божеству, болѣе достойному поклоненія, можно было взывать! О, безъ всякаго сомнѣнія, политика великодушія была бы широкою и истинною политикою.; еслибы Франція уже одержала тогда окончательную побѣду, еслибы налицо не было все еще Европы, старавшейся задуть Францію въ послѣднемъ объятіи; еслибы революція могла ожидать хоть какой-нибудь пощады отъ людей, въ эту самую минуту воевавшихъ въ Тулонѣ, въ рядахъ англичанъ, съ собственнымъ отечествомъ¹⁾ или продолжавшихъ заливать кровью Вандею подъ предводительствомъ Шаретта. Но можно ли было проявлять мягкость, когда непріятель удвоивалъ свои удары, и закрывать глаза на внутренніе заговоры, когда подъ всю французскую землю подведены были мины? Послѣ 9 термидора поспѣшно заговорили, что начинается эра милосердія; но началась не она а эра блага террора!

Робеспьеръ понималъ это.

Благородное покровительство, оказанное имъ семидесяти тремъ подписавшимъ жирондистскій протестъ; его старанія вырвать

¹⁾ Мы уже видѣли, что республиканская армія вступила въ Тулонъ лишь 9 фрима (19 декабря).

Нантъ изъ рукъ бѣшеннаго Каррье; его борьба съ Тальеномъ и Фрерономъ изъ-за угнетенія ими юга Франціи; освобожденіе Сень-Жюстомъ Страсбурга отъ кровавой тираніи Шнейдера; умѣренная политика Кутона въ Ліонѣ, столь непохожая на политику Колло-д'Эрбуа и Фуше; наконецъ, гуманный и мягкій характеръ, который носила миссія Робеспьера-младшаго въ Безансонѣ и Везулѣ—все это достаточно свидѣтельствовало, что партія Робеспьера стремилась положить конецъ террористскому режиму. Въ минуты непринужденныхъ задушевныхъ изліяній Робеспьеръ не разъ восклицалъ: *Какъ! все кровь да кровь!*¹⁾ И восклицаніе это согласуется съ мыслью, выраженною въ его частной перепискѣ съ братомъ²⁾ и совпадающею съ слѣдующими замѣчательными словами Сень-Жюста въ его докладѣ отъ 8 іюля 1794 г.: «Свобода никогда не будетъ грозна для тѣхъ, кого она обезоружила. Отправьте въ ссылку людей, которые, бѣжавъ отъ васъ, взяли за оружіе; ихъ бѣгство доказываетъ лишь недостаточно строгій надзоръ за ними во время ихъ заключенія; другихъ же судите и наибольшему числу ихъ даруйте прощеніе. Заблужденіе не слѣдуетъ смѣшивать съ преступленіемъ. Пора подать, наконецъ, народу надежду на наступленіе счастливыхъ дней, пора свободѣ перестать быть партійною яростью... Да пошлетъ намъ Небо, чтобы эти бури свободы оказались послѣдними! Свободные люди рождены для справедливости. Отъ водворенія смуть на землѣ выгоды мало»³⁾.

Однако, обезоруживая терроръ, нужно было поступать осторожно, чтобы не обезоружить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и революцію.

Это было тѣмъ подводнымъ камнемъ, о который разбились дантониисты, не по предвзятому рѣшенію и не съ самаго же начала, но вслѣдствіе столкновенія страстей и спѣшенія роковыхъ случайностей, повѣсть о которыхъ полна слезъ.

Какое щемящее воспоминаніе! Тѣ самые люди, которыхъ въ апрѣлѣ 1794 г. навсегда разъединитъ эшафотъ, дѣйствовали въ ноябрѣ и декабрѣ 1793 г. въ полномъ единеніи между собою. Хотя и вслѣдъ за Робеспьеромъ, однако съ неменьшею горячностью, чѣмъ онъ, Дантонъ заклеилъ устраивавшіеся по со-

1) Это было разсказано и подтверждено намъ Субербьедемъ, который самъ слышалъ эти слова. Мы уже говорили объ этомъ.

2) См. письмо Робеспьера-младшаго, приведенное въ главѣ подъ заглавіемъ: *Проконсулы*.

3) Эти слова уже были приведены нами въ предшествующемъ томѣ.

вѣту *Père Duchêne* маскарады ¹⁾; подобно Робеспьеру онъ восклицалъ: «Если мы не чтимъ жреца заблужденія и фанатизма, то тѣмъ болѣе не хотимъ чтить жреца невѣрія» ²⁾. И затѣмъ, напомнивъ о томъ, какъ Генрихъ IV, подавивъ Лигу, говорилъ одному изъ ея побѣжденныхъ вождей, вгоняя его въ потъ: «Ничѣмъ другимъ я мстить вамъ не хочу», онъ заявилъ, что «еще не время народу проявлять милосердіе» ³⁾.

Значить, Робеспьеръ и Дантонъ или однимъ и тѣмъ же путемъ, когда 13 фримэра (3 декабря) пришла очередь Дантона подвергнуться усвоенному клубомъ якобинцевъ порядку очистки его состава, и онъ очутился въ положеніи обвиняемаго. Дантонъ въ положеніи обвиняемаго! Какая страшная новость!

Правда ли, будто онъ выразилъ мнѣніе, что нужно отказаться отъ вызывавшихся обстоятельствами суровыхъ мѣръ? Въ этомъ обвинялъ его Купе (отъ д-та Уазы). Онъ сталъ защищаться. Въ эту минуту, когда онъ всталъ, чтобы отвѣчать обвинителю, раздались крики; въ виду этого, онъ горячо крикнулъ. «Развѣ я утратилъ тѣ черты, которыя характеризуютъ лицо свободнаго человѣка? Или я уже не тотъ человѣкъ, который стаивалъ въ критическія минуты рядомъ съ вами? Не тотъ-ли я, кого вы часто обнимали какъ брата и какъ человѣка, который долженъ умереть съ вами вмѣстѣ? Не тотъ ли я человѣкъ, на котораго воздвигалось столько гоненій? Я былъ однимъ изъ самыхъ безстрашныхъ защитниковъ Марата,—я соплюсь въ свое оправданіе на тѣнь «Друга народа». Когда я ознакомлю васъ съ моими частными поступками, вы будете поражены, узнавъ, что колоссальное состояніе, якобы созданное мнѣ моими и вашими вра-

¹⁾ Засѣданіе клуба якобинцевъ 6 фримэра (26 ноября). *Républicain français*, цитированный въ *Hist. parlem.*, t. XXX, p. 285.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ Такова версія *Moniteur'a*. Версія *Républicain français*, цитируемаго въ *Hist. parlem.*, t. XXX, p. 286, разнится отъ нея едва ли въ чемъ-нибудь другимъ, кромѣ большей точности выраженія. Слова, приписываемыя Дантону въ *Républicain français* таковы: «Этотъ столь прославленный Генрихъ IV, бывшій королемъ и жалкимъ человѣкомъ, какъ и всѣ носившіе это имя, говорилъ одному изъ главарей Лиги, предварительно заставивъ его долго потѣть: «Это единственное мщеніе, которому я хочу васъ подвергнуть». Генрихъ IV упрочилъ тогда свое могущество; могущество же народа не упрочено вполнѣ. Но когда народъ будетъ безпрепятственно пользоваться всею полнотою своей верховной власти, онъ и безъ суровыхъ мѣръ сумѣетъ привлечь къ себѣ заблудшихъ и косныхъ гражданъ».

гами, сводится къ той маленькой части имущества, которое всегда у меня было. Я знаю, что мои недоброжелатели не могутъ уличить меня ни въ какомъ преступленіи. Никакимъ ихъ усиліямъ не поколебать меня. Я хочу оставаться стоя передъ народомъ во весь ростъ. Вы будете судить меня въ его присутствіи; я не разорву страницы моей исторіи, какъ и вы не разорвете страницы вашей; онѣ должны обезсмертить лѣтопись свободы»¹⁾.

Послѣдовалъ взрывъ рукоплесканій. Гордо и негодуя, потребовалъ онъ, чтобы особой комиссіи было поручено рассмотреть предъявленныя ему обвиненія, и чтобы такимъ образомъ ему дана была возможность отвѣтить на нихъ въ присутствіи народа.

Тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ на трибуну взошелъ Робеспьеръ и пригласилъ обвинителей Дантона въ точности изложить свои жалобы. Такъ какъ никто не отозвался, то онъ сказалъ: «Въ такомъ случаѣ, это сдѣлаю я». Затѣмъ, напомнивъ о клеветахъ, которыми преслѣдовали Дантона и обратившись къ нему, онъ продолжалъ съ все возроставшимъ одушевленіемъ: «Дантонъ, развѣ ты не знаешь, что чѣмъ больше у человѣка мужества и патріотизма, тѣмъ больше враги общественнаго дѣла домогаются его гибели? Развѣ ты не знаешь—да и вы всѣ, граждане, развѣ не знаете—что такая метода безошибочна? Кто клеветники? Люди, которые кажутся совершенно свободными отъ порока, а никогда не проявили никакой добродѣтели. О, если бы на защитника свободы не клеветами, это было бы доказательствомъ, что намъ уже не будетъ надобности бороться ни съ священниками, ни съ дворянами. Враги отечества осыпаютъ похвалами исключительно меня, но я отрекаюсь отъ нихъ. Неужели они думаютъ, что рядомъ съ этими появляющимися въ извѣстныхъ листкахъ похвалами я не вижу ножа, которымъ хотятъ зарѣзать отечество? Съ самаго возникновенія революціи я научился относиться ко всѣмъ маскамъ съ недовѣріемъ. Дѣло патріотовъ, такъ же, какъ и тираніи, одно: они должны быть солидарны. Можетъ быть, я ошибаюсь относительно Дантона; но если его видѣть въ его семьѣ, то онъ заслуживаетъ только похвалъ. Я наблюдалъ его въ политическихъ отношеніяхъ; въ виду нѣкоторой разницы между его и моими возрѣніями, я тщательно слѣдилъ за нимъ, иногда даже съ гнѣвомъ; и если онъ не всегда раздѣлялъ мое мнѣніе, то неужели я заключаю изъ этого, что

¹⁾ *Moniteur*, an II (1798), № 76.

онъ предавалъ родину? Нѣтъ, я всегда видѣлъ, что онъ усердно служилъ ей. Дантонъ хочетъ, чтобы его судили, и онъ правъ; пусть судятъ также и меня. Пусть выйдутъ впередъ тѣ люди, которые въ большей степени патріоты, чѣмъ мы!»¹⁾..

Чтобы составить себѣ представленіе о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ благороднымъ краснорѣчіемъ, этими возгласами, которые могли исходить только изъ взволнованной души, надо видѣть, что говоритъ о томъ Камилль Демуленъ въ № 1 своего «Старого Кордельера», составленномъ имъ на слѣдующій же день, подъ вліяніемъ собственного волненія:

«Побѣда осталась за нами потому, что среди развалинъ колоссальныхъ репутацій цивизма твердо стоитъ репутація Робеспьера, потому, что онъ подалъ руку своему послѣдователю въ патріотизмъ, нашему безсмѣнному предсѣдателю старыхъ кордельеровъ, нашему Горацию Коклесу, который одинъ выдерживалъ весь натискъ Лафайета и его четырехъ тысячъ парижанъ, нападавшихъ на Марата, и теперь былъ, казалось, повергнутъ наземь иностранною партіей. Сильная уже успѣхомъ, достигнутымъ ею во время отсутствія и болѣзни Дантона, нагло преобладавшая въ обществѣ якобинцевъ, она шикала и кричала на трибунахъ въ самыхъ трогательныхъ, въ самыхъ убѣдительныхъ мѣстахъ его оправдательной рѣчи, а въ Собраніи покачивала головой и улыбалась съ жалостью, какъ бы слушая рѣчь всѣми осужденнаго человѣка. Однако побѣдили мы потому, что послѣ молніеносной рѣчи Робеспьера, талантъ котораго, повидимому, вырастаетъ вмѣстѣ съ опасностями республики, и послѣ глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ на сердца, не было возможности осмѣлиться поднять голосъ противъ Дантона, не написавшись, такъ сказать, публично въ полученіи гиней отъ Питта. Робеспьеръ, во всѣхъ другихъ опасностяхъ, отъ которыхъ ты избавилъ республику, у тебя были сотоварищи по славі; вчера же ты спасъ ее одинъ»²⁾.

Въ этомъ первомъ номерѣ «Старого Кордельера», вышедшемъ 15 фримэра (5 декабря) и начинавшемся столь извѣстнымъ ироническимъ привѣтомъ: «О Питтъ, отдаю почетъ твоему генію!» Камилль Демуленъ ограничивался прославленіемъ сво-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1793), № 76.

²⁾ *Vieux Cordelier*, № 1, p. 30 et 31. Collection des mémoires relatifs à la Révolution française,

боды печати и объявлялъ о своемъ вступленіи вновь на тревожное поприще журнализма; во второмъ номерѣ, который былъ выпущенъ имъ 20 фримэра (10 декабря), онъ нападалъ на гебертистовъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Если якобинець Гракхъ предлагалъ снова заселить и раздѣлить двѣ или три деревни, то бывший фѣльянтинецъ Друзъ предлагалъ раздѣлить двѣнадцать деревень. Если Гракхъ назначалъ цѣну на хлѣбъ въ шестнадцать су, то Друзъ назначалъ *максимальною* цѣною восемь су. Это такъ удавалось ему, что вскорѣ *форумъ*, находя, что Гракхъ не стоитъ уже на высотѣ событій и что въ ногу съ форумомъ идетъ Друзъ, охладѣлъ къ своему истинному защитнику, который, разъ утративъ популярность, былъ побить стуломъ отъ руки аристократа Сципіона Назики въ первомъ же народномъ возстаніи»¹⁾. Далѣе Камилль Демуленъ воспользовался памятью самого Марата, чтобы раздавить тѣхъ, кто доводилъ подражаніе Марату до преувеличенія. «Сверхъ того, что предлагаетъ Маратъ—писалъ онъ—могутъ быть только безуміе и крайности; за предѣлами его предложеній надо написать, какъ писали географы древности на краяхъ своихъ картъ: тамъ нѣтъ уже ни городовъ, ни жилищъ; тамъ только пустыни и дикари, льды или вулканы»²⁾. Переходя затѣмъ къ сатурналіямъ, въ которыя гебертисты обратили культъ разума, оскорбляемаго подобными сценами, Камилль Демуленъ отдѣлывалъ ихъ искрящимся стилемъ. Онъ съ насмѣшкою указывалъ пальцемъ на священниковъ. Суевѣріе онъ осмѣивалъ въ его наиболѣе прославленныхъ и шутовскихъ историческихъ формахъ, смѣясь тѣмъ ужаснымъ смѣхомъ, секретъ котораго былъ вѣдомъ только Вольтеру да ему. Но матеріаломъ для неизвинительно жестокихъ нападокъ на Шометта и особенно на Клооца послужило горячему памфлетисту то, что они, утверждая, будто за смертью слѣдуетъ нирвана, тѣмъ самымъ отнимали у людей надежду; что они забывали, какую силу можетъ придать свободѣ мысль о Богѣ, награждающемъ за добрыя дѣла, а также забывали то, что при Өермопилахъ Леонидъ подбадривалъ своихъ триста спартанцевъ, обѣщая имъ черную похлебку, салатъ и сыръ у Плутона, *apud inferos coenaturi*³⁾.

¹⁾ *Vieux Cordelier*, № 2, p. 35 et 36. *Ibid.*

²⁾ *Ibid.*, p. 37.

³⁾ *Ibid.*, № 1, p. 43.

Робеспьеръ, которому оба первые номера «Старого Кордельера» были показаны ранѣ ихъ выхода въ свѣтъ ¹⁾, могъ увидѣть въ нихъ самого себя цѣликомъ.

Великій искусъ «очистки» состоялся черезъ семь дней послѣ выхода этихъ негуманныхъ по отношенію къ Клооцу страниць. Въ своемъ *Appel au genre humain* (Воззваніи къ роду человѣческому) онъ далъ слѣдующій отчетъ о своемъ допросѣ:

«*Вопросъ.* Какъ тебя зовутъ?»

«*Отвѣтъ.* Анахарсисъ Клооцъ.

«*В.* Гдѣ родился?»

«*О.* Въ Клеве, въ будущемъ департаментѣ Рейна и Мааса. Тамъ я родился физически; что же касается моей моральной колыбели, то ею былъ Парижскій университетъ, куда я поступилъ одиннадцати лѣтъ. Теперь мнѣ тридцать восемь; значить, парижаниномъ я состою двадцать пять лѣтъ.

«*В.* Что ты дѣлалъ до революціи?»

«*О.* Былъ свободнымъ человѣкомъ и питалъ отвращеніе къ владыкамъ земли и неба.

«*В.* А со времени революціи?»

«*О.* Былъ законодателемъ.

«*В.* Съ какихъ поръ ты якобинець?»

«*О.* Съ 1789 года.

«*В.* Какъ ты вотировалъ въ Конвентѣ?»

«*О.* Въ духѣ Горы» ²⁾).

Грозный и мрачный, поднялся Робеспьеръ.

«Въ чемъ можно упрекать—сказалъ онъ—Клооца, этого любезнаго, великодушнаго и мягкаго философа, этого пріемнаго сына Франціи, который почитаетъ, обожаетъ ее, который желаетъ жить для нея и за нее умереть? Онъ находился въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ банкирами Вандениверъ, внесенными въ списокъ «подозрительныхъ»; но развѣ это преступленіе? Узнавъ, что они арестованы, и считая ихъ ни въ чемъ неповинными, онъ проявлялъ интересъ къ нимъ; можно ли, не совершая вопіющей несправедливости, вмѣнить ему въ измѣну этотъ сердечный порывъ, если онъ былъ слѣпъ относительно виновности банкировъ?»

¹⁾ См. далѣе отчетъ о засѣданіи клуба якобинцевъ 18 нивоза (7 января).—*Moniteur*, an II (1794), № 111.

²⁾ *Bibliothèque historique de la Révolution*, 775—6—7 (*British Museum*).

Тѣмъ не менѣе, Робеспьеръ совершилъ эту несправедливость, что и останется неизгладимымъ пятномъ на его памяти.

Что сказать о другихъ выставленныхъ имъ противъ Клооца обвинительныхъ пунктахъ? Что сказать объ отрицаніи его патриотизма изъ-за того, что онъ нѣмецкій баронъ, или объ издѣвательствахъ надъ его *санкюлотизмомъ*, въ виду того, что онъ имѣетъ болѣе ста тысячъ ливровъ годового дохода? Если въ революціи былъ человѣкъ, которому космополитизмъ, даже доведенный до восторженности, долженъ былъ казаться достойнымъ уваженія, то ужъ, конечно, такимъ человѣкомъ являлся Робеспьеръ, самъ написавшій слѣдующія прекрасныя слова: «Люди всѣхъ странъ братья и различные народы должны объединяться, по мѣрѣ возможности, какъ граждане одного и того же государства»¹⁾. Въ силу какой жалкой непоследовательности сталъ онъ упрекать Клооца тѣмъ, что тотъ щеголялъ званіемъ гражданина міра²⁾. Въ исторіи Робеспьера нѣтъ болѣе печальной страницы, чѣмъ эта.

«Страшныя мысли—разсказываетъ Клооцъ—пришли мнѣ въ голову, пока Робеспьеръ говорилъ, какъ Магометъ. Про меня ли онъ говоритъ? Я испытывалъ такое же сомнѣніе, какъ пресловутый обрѣзанецъ Балтазаръ Оробіо, брошенный въ тюрьму инквизиціи въ Вальядолидѣ. Онъ спрашивалъ самого себя: *Ты ли это, Оробіо? Нѣтъ, это не я*»³⁾.

Рѣшено было исключить Клооца изъ клуба. Противъ него были злосчастный, убійственный памфлетъ Камилла Демулена и еще болѣе убійственная рѣчь Робеспьера. Въ высшей степени трогательно то, какъ онъ вспоминаетъ объ этой ужасной несправедливости. «Я вышелъ со спокойнымъ видомъ угнетенной невинности. Въ залѣ царило мертвое молчаніе. Мое несчастіе не было отягчено ни однимъ презрительнымъ окрикомъ. Я отдалъ бывшую у меня въ бутоньеркѣ членскую карточку, но запечатлѣннаго въ моемъ сердцѣ яacobинскаго оттиска не вырвутъ у меня иначе, какъ вмѣстѣ съ жизнью»⁴⁾.

¹⁾ Провозглашеніе правъ человѣка, внесенное Робеспьеромъ въ клубъ яacobинцевъ 21 апрѣля 1793 г.

²⁾ *Moniteur*, an II (1793), № 86, отчетъ о засѣданіи клуба яacobинцевъ 22 фримера (12 декабря).

³⁾ *Appel au genre humain*, въ *Bibl. hist. de la Révolution*, 775—6—7 (*British Museum*).

⁴⁾ *Ibid.*

Пришла очередь Камилла Демулена быть оставленнымъ въ клубѣ или выброшеннымъ изъ него по «очисткѣ». Было это 24 фримэра (14 декабря). Ему предложили дать объясненія относительно его связей съ Диллономъ и относительно нѣсколькихъ приписанныхъ ему замѣчаній по поводу осужденія двадцати двухъ жирондистовъ. Противъ перваго обвиненія онъ защищался дурно; по отношенію же ко второму проявилъ слабость, соединявшуюся съ истинно-трагическимъ волненіемъ. Онъ призналъ, что ошибался во многихъ людяхъ, какъ, напримеръ, въ Мирабо и братьяхъ Ламетъ. Но не онъ ли первый разоблачилъ своихъ собственныхъ друзей, когда увидѣлъ, что они поступаютъ дурно? Въ слѣдующемъ потрясающе печальномъ и втайнѣ боязливомъ воплѣ наполовину вылились рыданія его сердца: «По весьма замѣчательной роковой случайности, изъ шестидесяти лицъ, подписавшихъ мой брачный контрактъ, у меня остались всего два друга: Робеспьеръ и Дантонъ. Всѣ другіе либо эмигрировали, либо гильотинированы. Въ томъ числѣ находились семеро изъ двадцати двухъ жирондистовъ! Значить, проявленіе чувствительности въ этомъ случаѣ было извинительно. Между тѣмъ, я увѣряю, что не говорилъ: *Они умираютъ, какъ республиканцы, какъ Брутъ*, а сказалъ: *Они умираютъ, какъ республиканцы, но какъ республиканцы-федералисты*, потому что я не думаю, чтобы въ ихъ числѣ было много роялистовъ»¹⁾.

Робеспьеръ, защищавшій Дантона, оказалъ покровительство и Камиллу Демулену. Онъ изобразилъ его такимъ, какимъ онъ былъ: слабымъ, довѣрчивымъ, часто мужественнымъ, всегда республиканцемъ, человѣкомъ, любящимъ свободу и инстинктомъ и мыслью, и никогда не любившимъ ничего, кромѣ нея, несмотря на всѣ соблазны. Тѣмъ не менѣе, онъ серьезно посоветовалъ ему остерегаться неустойчивости своего ума и чрезмерной поспѣшности въ сужденіяхъ о людяхъ. Этимъ дѣло и кончилось. Принятіе Камилла Демулена въ члены клуба было вотирано при рукоплесканіяхъ²⁾.

Итакъ, Робеспьеръ Дантонъ и Камиллъ Демуленъ дѣйствовали въ эту пору въ согласіи и даже въ такомъ согласіи, что

¹⁾ *Moniteur*, an II (1793), № 88.

²⁾ *Ibid.*

по отношенію къ двумъ первымъ нумерамъ «Стараго Кордельера» Камиллъ пользовался совѣтами Робеспьера.

На бѣду, послѣдній отказался заранѣе прочитывать дальнѣйшіе нумера, опасаясь, чтобы его не обвинили въ томъ, будто онъ диктуетъ ихъ¹⁾; Демуленъ же, будучи предоставленъ своимъ собственнымъ внушеніямъ, вскорѣ вышелъ за предѣлы цѣли.

До сихъ поръ онъ нападалъ только на партію Гебера, въ третьемъ же номерѣ «Стараго Кордельера» выразился такъ, что далъ тему хулителямъ революціи. Отвѣчая людямъ, выразившимъ неудовольствіе по поводу сопровождавшихъ торжество республики излишествъ, изображеніемъ тираніи римскихъ императоровъ, онъ прибѣгнулъ къ жгучей кисти Тацита и на страницахъ, полныхъ безсмертной красоты, набросалъ такую картину ужасовъ другого вѣка, которая, благодаря нѣсколькимъ сдѣланнымъ тамъ и сямъ слишкомъ прозрачнымъ намекамъ и неосторожному сочетанію древнихъ именъ съ современными выраженіями, дала роялистамъ поводъ примѣнить эти намеки къ текущимъ событіямъ. Онъ писалъ:

«...Вскорѣ городу Нурсіи было вмѣнено въ преступленіе оскорбленія величества или контръ-революціи то, что онъ воздвигъ памятникъ своимъ жителямъ, павшимъ при осадѣ Модены..; Либона Друза стали винить въ преступленіи контръ-революціи за то, что онъ спрашивалъ у гадателей, будетъ ли онъ когда нибудь обладать богатствомъ. Въ преступленіи контръ-революціи обвинили журналиста Кремуція Корда за то, что онъ назвалъ Брута и Кассія послѣдними римлянами. Преступленіемъ контръ-революціи сочтено было, по отношенію къ одному изъ потомковъ Кассія, то, что у него хранился портретъ его прадѣда. Петрей навлекъ на себя обвиненіе въ преступленіи контръ-революціи тѣмъ, что ему приснился Клавдій; въ томъ же преступленіи обвиненъ былъ и Аппій Силанъ за то, что приснился женѣ Клавдія... Въ контръ-революціонныхъ стремленіяхъ обвиняли и мать консула Фузія Гемина, провинившуюся тѣмъ, что она оплакивала роковую смерть своего сына.

«По поводу смерти друга или родственника надо было про-

¹⁾ На этотъ счетъ см. категорическое, неопровергнутое Камилломъ Демуленомъ, заявленіе Робеспьера въ *Moniteur*, an II (1794), № 111, отчетъ о заведеніи клуба якобинцевъ 18 нивоза (7 января).

являть радость, чтобы не погибнуть самому... Люди страшились, чтобы самый страх не был поставленъ имъ въ вину.

«Въ тиранѣ все вызывало подозрительность. Если гражданинъ пользовался популярностью, то считался соперникомъ государя, могущимъ вызвать междоусобную войну. *Studia civium in se verteret et si multi idem audeant, bellum esse.* Такой человекъ признавался подозрительнымъ...

«Если, напротивъ, человекъ избѣгалъ популярности и сидѣлъ смиренно за печкой, такая уединенная жизнь, привлекая къ нему вниманіе, придавала ему извѣстный вѣсъ. *Quanto metu occultior, tanto famae adeptus.* Въ подозрительные его!..

«Если вы были богаты, являлась неизбѣжная опасность, что вы щедростью своей подкупите народъ. *Auri vim atque opes Plauti principi infensas.* Вы человекъ подозрительный...

«Были ли вы бѣдны — помилуйте, да вы непобѣдимый властитель, за вами надо установить строгій надзоръ! Никто не бываетъ такъ предприимчивъ, какъ человекъ, у котораго ничего нѣтъ. *Syllam inopem, unde praecipuam audaciam.* Подозрительный. .

«Приобрѣлъ ли человекъ репутацію на войнѣ, онъ становился тѣмъ опаснѣе по своимъ дарованіямъ. Съ неспособнымъ полководцемъ справиться можно. Если онъ измѣнникъ, онъ не можетъ такъ умѣло сдать непріятелю армію, чтобы изъ нея кто нибудь не вернулся. Но если бы измѣну совершилъ офицеръ, имѣющій такія достоинства, какъ Корбулонъ или Агрикола, то отъ него не сбѣжали бы уже ни одинъ человекъ. Самое лучшее — отдѣлаться отъ него: повелитель, вы не можете, по меньшей мѣрѣ, не удалить его поскорѣе изъ арміи. *Multa militari fama metum fecerat.* Подозрительный!..

«Одинъ былъ караемъ за свое имя или за имя своихъ предковъ, другой за то, что имѣлъ прекрасный домъ въ Альбѣ; Валерій пострадалъ за свои сады, которые понравились императрицѣ, Статилій за то, что его лицо ей не понравилось; погибло множество людей, вину которыхъ нельзя было даже отгадать...

«Доносчики рядились въ самыя лучшія имена, называя себя Коттой, Сципіономъ, Регуломъ, Кассіемъ, Северомъ. Доносъ былъ единственнымъ средствомъ къ преуспѣванію, и Регулъ былъ троекратно назначаема за свои доносы консуломъ... Маркизь Серунусъ обвинилъ своего стараго отца, уже сосланнаго, въ

контръ-революціонныхъ стремленіяхъ, а затѣмъ началъ гордо именоваться Брутомъ.

«Подъ-стать обвинителямъ были и суды. Защитники жизни и собственности, суды стали бойнями, въ которыхъ все, что называлось казнями и конфискаціей, было запросто кражею и убійствомъ...

«Если бы у какого нибудь льва-императора имѣлись дворъ и преторіанская стража изъ тигровъ и пантеръ, то они изорвали бы въ клочья не больше людей, чѣмъ доносчики, вольноотпущенники, отравители и головорѣзы цезарей, потому что жестокость, вызванная голодомъ, съ голодомъ же и прекращается, тогда какъ жестокость, порожденная страхомъ, алчностью и подозрительностью тирановъ, не имѣетъ границъ...»¹⁾

По словамъ Камилла Демулена, «эти облики тираніи» являются живымъ изображеніемъ того, что должны были бы выносить его сограждане въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, если бы теперь, когда республика обнажила мечъ противъ монархій, королевская власть была допущена вновь вернуться во Францію²⁾. «Деспотизмъ—писалъ онъ—снова вступивъ съ бѣшенствомъ въ свои разоренныя владѣнія, могъ бы упрочиться въ нихъ не иначе, какъ царствуя подобно Октавіямъ и Неронамъ»³⁾. Далѣе онъ прибавлялъ: «Въ этомъ поединкѣ между свободой и рабствомъ, при ужасающей возможности пораженія, въ тысячу разъ болѣе кровопролитнаго, чѣмъ наша побѣда, доводитъ революцію до крайностей все же менѣе опасно и лучше, чѣмъ оставаться по сю сторону, какъ сказалъ Дантонъ; и, прежде всего, республикѣ нужно было обезпечить за собою поле битвы»⁴⁾. Онъ говорилъ еще слѣдующее: «Люди, такъ строго судящіе основателей республики, недостаточно ставятъ себя на ихъ мѣсто»⁵⁾. Что касается Революціоннаго суда, то онъ отзывался о немъ съ похвалою⁶⁾. Наконецъ, онъ указывалъ, какъ на двѣ пропасти, которыя одинаково надо обходить, на «преувеличеніе

¹⁾ *Vieux Cordelier*, № 3, p. 48—54. Collection des mémoires relatifs à la Révolution française.

²⁾ *Ibid.*, p. 55.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Ibid.*, p. 56.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 58.

⁶⁾ *Ibid.*, p. 57 et 58.

задора» и на «умѣренность въ траурѣ»¹⁾, сходясь въ этомъ съ тономъ Робеспьера, заявленія котораго онъ называлъ *въ высшей степени возвышеннымъ*²⁾).

Но что могло все это значить? Для того, чтобы третій номеръ «Старога Кордельера» обратился въ отравленное оружіе въ рукахъ враговъ революціи, достаточно было того, что они могли сказать съ извѣстною долей правдоподобія, что Демуленъ имѣлъ въ виду описать, прикрываясь великою тѣнью древняго писателя, современное положеніе. Зналъ ли онъ объ опасности такого истолкованія? Да, зналъ, потому что заранѣе протестовалъ противъ тѣхъ сопоставленій, которыя злоба могла бы отыскать между его временемъ и заимствованною имъ у Тацита картиною тогдашней эпохи³⁾).

Итакъ, что же вышло? Вышло то, что появленіе этого третьяго номера 25-го фримера (15-го декабря) послужило сигналомъ къ громадному скандалу. Всѣ контръ-революціонеры захлопали въ ладоши; всѣ стали усиленно распространять, что Камиллъ Демуленъ изобразилъ подъ другими именами исторію своего времени; не было конца горячимъ проявленіямъ радости во всѣхъ обществахъ, извѣстныхъ своими аристократическими тенденціями⁴⁾. Не желая того и не вѣдая, благородный, но слишкомъ отважный писатель, возродивъ надежду невинныхъ, сослужилъ службу расчетамъ ненависти.

И въ какую минуту? Когда въ Конвентѣ возникла партія, которая подъ тайнымъ руководствомъ Фабра д'Эглантина и подъ открытымъ руководствомъ Бурдона (отъ д-га Уазы) только того и добивалась, чтобы подорвать энергію власти и подкупаться подъ Комитетъ общественнаго спасенія. Напастъ прямо на эту группу безстрашныхъ людей и неутомимыхъ тружениковъ партія не осмѣливалась; но она старалась создавать этимъ людямъ тысячи помѣхъ, чернила ихъ въ лицѣ ихъ ничтожнѣйшихъ агентовъ, безпрестанно взбалтывала вокругъ нихъ злобною рукой грязную слякоть зависти, все болѣе и болѣе раздражала гордость наименѣе здоровой части Конвента противъ того всемогу-

1) *Vieux Cordelier*, № 3, p. 59. Collection des mémoires etc.

2) *Ibid.*, p. 57.

3) *Ibid.*, p. 62.

4) См. *Moniteur* отъ 8 нивоза (28 декабря).—Объясненія по поводу доклада Варера, въ которомъ на Камилла Демулена сдѣланы были нападки, безъ упоминанія его имени.

щого сосредоточенія силъ всей страны, которую она называла ихъ диктатурой. Въ Собраніи, въ публикѣ, она выставяла ихъ людьми, готовыми отступиться отъ юга Франціи за рѣку Дюрансъ, а въ Собраніи глухо винила ихъ въ непринятія никакихъ мѣръ къ усмиренію Тулона¹⁾. Подрывать всѣ опоры правительства и тѣмъ самымъ вносить въ него дезорганизацію въ самый разгаръ гигантской борьбы значило губить революцію, которая не могла бы не погибнуть при отсутствіи единства въ дѣйствіяхъ; и вотъ Бурдонъ предложилъ, безъ дальнихъ разговоровъ, упразднить министровъ²⁾, надѣясь раздавить Комитетъ общественнаго спасенія посредствомъ чрезмѣрнаго увеличенія лежавшаго на немъ бремени. Вскорѣ возбужденъ былъ вопросъ и о дальнѣйшемъ существованіи самого Комитета общественнаго спасенія въ его тогдашнемъ составѣ. Срокъ его полномочій истекалъ 20-го фримэра (10-го декабря). Только 12-го Конвентъ, по предложенію Барера, приступилъ къ обсужденію вопроса о томъ, возобновлять ли эти полномочія. Бурдонъ и его единомышленники желали, однако, чтобы обновленъ былъ правящій персоналъ Комитета. Въ этомъ смыслѣ сдѣлано было форменное предложеніе и состоялся декретъ³⁾. Составлены были списки и въ нихъ внесены были новыя фамиліи, между прочими фамилія Дюбуа-Крансе⁴⁾. Но 13-го декабря, когда потребована была именная подача голосовъ по вопросу объ обновленіи Комитета, Жэ-Сентъ-Фуа, бросившись на трибуну, воскликнулъ:

«Неужели центръ тяжести республики нужно перемѣщать въ такое время, когда державы напрягаютъ уже послѣднія свои силы, когда начаты крупныя переговоры, Тулонъ вскорѣ вернется въ лоно республики и югъ искупить свои заблужденія; когда арміи наши стоятъ лицомъ къ лицу передъ непріятелемъ и защитники свободы находятся наканунѣ окончательнаго разбитія сателлитовъ Питта и герцога Кобургскаго? Съ учрежденіемъ новаго Комитета исчезнетъ всякая отвѣтственность: если вы станете жаловаться на него, онъ скажетъ: Планы были дурны, мы явились слишкомъ поздно, чтобы исправить ихъ. Если же

1) См. проектъ доклада Робеспьера о партіи Фабра д'Эглантина въ № 411 документовъ, приложенныхъ къ докладу Куртуа.

2) Засѣданіе 20 фримэра (10 декабря).

3) См. рѣчь Жэ-Сентъ-Фуа въ засѣданіи 23 фримэра (13 декабря).

4) Проектъ доклада Робеспьера о партіи Фабра д'Эглантина, *ubi supra*.

вы будете винить прежній Комитетъ, онъ отвѣтитъ: Мѣры были хороши, но дурно выполнены»¹⁾).

Соображенія эти были настолько вѣски и настолько очевидна была опасность мѣнять полководцевъ на полѣ битвы, въ разгаръ боя—даже помимо заслугъ людей, которыхъ собирались смѣнить—что Конвентъ не могъ рѣшиться на это. Онъ отмѣнилъ принятый наканунѣ декретъ и продлилъ полномочія того знаменитаго Комитета²⁾, которому съ трепетомъ дивилась вся Европа.

Постановленіе это свидѣтельствовало только о силѣ обстоятельствъ. Робеспьеръ отнюдь не ошибся на этотъ счетъ: онъ понималъ, что въ Собраніи собирается гроза. Но враги Комитета умышленно наносили ему лишь косвенные удары и прятали свою злобу; и вотъ Робеспьеръ, чтобы заставить ихъ вести борьбу у всѣхъ на виду, склонилъ клубъ якобинцевъ 24-го фримэра (14-го декабря) къ принятію предложенія, которое Роммъ на слѣдующій же день успѣшилъ внести въ Конвентъ и которое имѣло цѣлью обязать cadaго депутата, вступающаго дополнительно въ Комитетъ, немедленно по выступленіи на политическую сцену изложить свою программу³⁾. Предложеніе прошло; но Тибодо, воспользовавшись отсутствіемъ Робеспьера, потребовалъ и добился отмѣны этого декрета въ томъ же засѣданіи⁴⁾.

Эта побѣда ободрила партію Фабра-д'Эглантина, Бурдона, Лорана Лекуантра, Клозеля и др., и они рѣшили энергически попытать свои силы. 27-го фримэра (17-го декабря) Лоранъ Лекуантръ началъ подкопъ съ доноса на одного изъ агентовъ Исполнительнаго совѣта, виновнаго въ арестованіи курьера изъ Живе, который везъ депеши Конвенту. Бурсо, съ своей стороны, заявилъ жалобу на то, что тотъ же агентъ задержалъ его въ Сентъ-Жерменѣ и пропустилъ, по его словамъ, только по освидѣтельствованіи его паспорта. Въ Собраніи произошло движеніе негодованія. Въ свою очередь, Бургуэнъ рассказалъ, что подобныя же затрудненія сдѣланы были ему въ Лонжюмо. Негодованіе усилилось. Тщетно членъ Комитета всеобщей безопасности Вуланъ объяснялъ строгость принятыхъ мѣръ ненормаль-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1793), № 85.

²⁾ Засѣданіе 23 фримэра (13 декабря).

³⁾ *Moniteur*, an II (1793), №№ 88 et 86.

⁴⁾ *Ibid.*, № 86.

нымъ характеромъ положенія, необходимостью бдительнаго надзора, отъ котораго зависитъ общественное спасеніе, и примѣромъ предательствъ, проводниками которыхъ бывали обыкновенные и чрезвычайные курьеры; Шарлье всетаки крикнулъ, что пора положить конецъ борьбѣ Исполнительнаго совѣта и его агентовъ противъ Конвента и потребовалъ немедленнаго вызова министровъ въ Собраніе. Бурдонъ, снова заговоривъ на свою любимую тему, заявилъ, что до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Исполнительный совѣтъ, революціонному правительству нельзя будетъ дѣйствовать.

Фабръ-д'Эглантинъ, обыкновенно очень сдержанный, очень осторожный и осторожный въ доносахъ, полагая, что на этотъ разъ брешь уже пробита, стремительно бросился на нее; но, не осмѣливаясь еще напасть на Комитетъ общественнаго спасенія иначе, какъ указаніемъ на беспорядки, которые Комитетъ обязанъ пресѣкать, но не пресѣкаетъ, онъ заговорилъ о томъ, что Ронсенъ ведетъ себя въ Парижѣ какъ повелитель, всюду заставляя повиноваться себѣ, распоряжаясь усатыми головорѣзами и водя ихъ за собою по улицамъ, на которыхъ раздается уже только звяканье ихъ длинныхъ сабель. Онъ говорилъ объ ужасномъ плакатѣ Ронсена, вина Венсана въ расклейкѣ его по всѣмъ стѣнамъ Парижа и, въ заключеніе, потребовалъ арестованія Венсана. Послѣдній занималъ должность главнаго секретаря военнаго министерства; значитъ, ударъ былъ направленъ и на военнаго министра Бушотта, и на Комитетъ общественнаго спасенія, оставлявшаго ихъ обоихъ въ должностяхъ. Конвентъ декретировалъ арестовать Венсана. По требованію нѣсколькихъ членовъ, такой же декретъ былъ изданъ противъ Ронсена и Майльера. Участъ ихъ едва не раздѣлили и агентъ Комитета всеобщей безопасности Геронъ изъ-за спора, во время котораго онъ чень рѣзко высказался противъ народнаго представителя Пани¹⁾.

На слѣдующій день, 29 фримера (18-го декабря), министры были вызваны въ Собраніе, которое такимъ образомъ поставило ихъ въ необходимость оправдываться и принижаться передъ нимъ²⁾.

Итакъ, противники Комитета общественнаго спасенія, не упоминая его имени, неустанно преслѣдовали его либо въ лицѣ

¹⁾ *Moniteur*, an II (1793), № 89.

²⁾ См. отчетъ о засѣданіи 28 фримера въ *Moniteur*, an II (1793), № 90.

его агентовъ, либо по поводу поступковъ, отвѣтственность за которые, какъ давалось понять, падала на него. И нападающіе были не изъ того слоя, который въ ту пору называли «грязью Болота;» съ ними приходилось считаться, потому что они за-сѣдали на вершинахъ Горы и затронули чувствительную струну Конвента, обратившись къ его гордости.

Робеспьеръ очутился въ большемъ затрудненіи. Образовавшаяся въ средѣ Собранія оппозиція била по гебертистамъ, которыхъ онъ не любилъ, но мѣтила въ Комитетъ общественнаго спасенія, паденіе котораго въ эту пору было бы общественнымъ бѣдствіемъ. На что рѣшиться? Положеніе было тѣмъ болѣе осложнено, что, высказываясь противъ Ронсена, Венсана, Майльера и имъ подобныхъ, противники Комитета общественнаго спасенія въ Собраніи стремились смѣшаться съ партіей, главою которой былъ Дантонъ, а выразителемъ мнѣній Камилль Демуленъ. А Робеспьеръ хотѣлъ идти объ-руку съ ними, а не съ тѣми. Онъ весьма хотѣлъ атаковать гебертизмъ, но лишь съ цѣлью выйти изъ террора, а не съ цѣлью дезорганизовать революціонное правительство, когда единство и сила дѣйствій были болѣе чѣмъ когда-либо необходимы въ виду окружавшихъ Францію опасностей¹⁾.

Таково было положеніе дѣлъ и состояніе умовъ, когда, 30 фримэра (20-го декабря) къ рѣшеткѣ Конвента явилось большее число женщинъ съ требованіемъ освобожденія ихъ родственниковъ. Подобный же шагъ былъ сдѣланъ и за десять дней передъ тѣмъ. Робеспьеръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать опытъ той политики *справедливости*, которою онъ предполагалъ замѣнить политику *террора*. Онъ началъ съ того, что мягко упрекнулъ тѣснившихся у рѣшетки женщинъ въ ихъ шумной выходкѣ и въ томъ, что онѣ не обратились, скорѣе, частнымъ образомъ и со свойственною имъ полу скромностью къ лицамъ, вѣдающимъ великіе интересы отечества. Затѣмъ, изложивъ основы своей политики, которая состоитъ въ томъ, чтобы предохранять неповинныхъ людей отъ излишествъ лже-патріотовъ, не обезоруживая, однако, революціи передъ ея врагами, онъ предложилъ — и предложеніе это было принято — учредить избранную Комитетами общественнаго спа-

¹⁾ См. на этотъ счетъ его проектъ доклада о партіи Фабра д'Эглантина, *ubi supra*.

сенія и всеобщей безопасности комиссію для собиранія свѣдѣній о несправедливо арестованныхъ лицахъ и для представленія результата ея обслѣдованій обоимъ Комитетамъ. Въ этомъ случаѣ предотвращена была бы опасность ходатайствъ, которыя открыли бы просторъ для соблазна богатствомъ или красотою и представили бы благорасположенію рѣшеніе вопросовъ, подлежащихъ лишь рѣшенію справедливости. Въ этихъ видахъ, Робеспьеръ дополнилъ декретъ оговоркою, что члены означенной комиссіи будутъ оставаться неизвѣстными публикѣ¹⁾.

Это было большимъ шагомъ къ выходу изъ террора. Представители его въ томъ или другомъ Комитетѣ, въ числѣ другихъ и Вильо-Варенъ, хорошо поняли это и содрогнулись²⁾. Но Робеспьеръ, призывая противъ террора единственно справедливость и воздерживаясь отъ всякаго призыва къ дряблѣ и опасной снисходительности, не подавалъ террористамъ никакого основанія для нападковъ на себя. Какъ дерзнули бы они публично выступить противъ него съ упреками въ установленіи различія между ни въ чемъ неповиннымъ человѣкомъ и преступникомъ? Развѣ ограждать перваго значило сулить безнаказанность второму? Съ достойною удивленія пронизательностью Робеспьеръ понялъ, что единственнымъ средствомъ къ обезпеченію торжества умѣренной политики является то, чтобы остерегаться *модерантизма*, что единственное средство къ побѣдѣ надъ гебертистами, виновными въ излишествѣ, состоитъ въ томъ, чтобы не впасть въ противоположную крайность.

Эти мудрые расчеты были нарушены двумя людьми: Филиппо и Камилломъ Демуленомъ: одинъ—тѣмъ, что ошибочными утвержденіями и несправедливыми нападками далъ противъ себя оружіе гебертистамъ, а другой—тѣмъ, что легкомысліемъ своихъ благородныхъ порывовъ придалъ умѣренной политикѣ, которой думалъ послужить, видъ контръ-революціи.

Мы видѣли, съ какимъ легкомысліемъ и рѣзкостью Филиппо преслѣдовалъ въ Вандеѣ сомюрскую партію, не щадя ни Россиньоля, ни Ронсена, бросая свои обвиненія наобумъ и наполняя все вокругъ шумомъ своихъ озлобленныхъ выходокъ. По возвращеніи своемъ въ Парижъ, онъ съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ возобновилъ охлажденную, казалось, ссору. Не до-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1793), № 91.

²⁾ Доказательство этого читатель увидитъ нѣсколько ниже.

вольствуясь постояннымъ растравливаніемъ раны, которую нанесли сонерничествовавшей партіи его первыя разоблаченія, онъ принялся за Комитетъ общественнаго спасенія; онъ обвѣнилъ его въ томъ, будто Комитетъ оставался глухъ къ его предостереженіямъ и со времени его первыхъ сообщеній далъ принести въ жертву двадцать тысячъ солдатъ¹⁾. Ничего лучшаго онъ не могъ бы сдѣлать, если бы намѣреніемъ его было толкнуть въ ряды гебертизма всякаго, кто считалъ Комитетъ общественнаго спасенія палладіумомъ революціи. Если бы его обвинительныя рѣчи имѣли еще подъ собою хоть твердое основаніе! Но нѣтъ, его памфлеты о Вандеѣ были переполнены ошибками и, торопясь затоптать гебертистовъ, онъ готовилъ имъ побѣду.

Съ своей стороны, Камилль Демуленъ, который, будучи не менѣе восторженнымъ и легкомысленнымъ человѣкомъ, чѣмъ Филиппо, сталъ вѣрить ему на-слово, любовался на него, восхвалялъ его и всюду твердилъ: «Видали вы Филиппо?»²⁾. Какъ разъ въ тотъ день, когда, по мысли Робеспьера, утвержденъ былъ Конвентомъ *Комитетъ справедливости*, Камилль Демуленъ выпустилъ четвертый нумеръ «Стараго Кордельера», въ которомъ предлагалъ утвержденіе *Комитета милосердія*. И вопросъ тутъ былъ вовсе не въ однихъ словахъ, что, впрочемъ, доказывали доводы, представленные авторомъ въ развитіе его предложенія.

Очень часто—и, при томъ, съ сочувственнымъ удивленіемъ, котораго не можетъ не раздѣлить всякій честный человѣкъ—былъ цитируемъ слѣдующій удивительный отрывокъ изъ статьи Демулена: «... Свобода, которой я поклоняюсь, вовсе не невѣдомый богъ. Мы боремся для защиты тѣхъ благъ, которыя она немедленно предоставляетъ во владѣніе тѣхъ, кто взываетъ къ ней; блага эти—провозглашеніе правъ человѣка, мягкость республиканскихъ правилъ, братство, святое равенство, неприкосновенность принциповъ. Вотъ слѣдъ шаговъ богини; вотъ по какимъ чертамъ я отличаю народы, среди которыхъ она живетъ. Да и по какому другому знаку могъ бы я узнать эту божественную свободу? Развѣ эта свобода лишь звукъ пустой? Развѣ это не

¹⁾ Babœuf, *La Vie et les Crimes de Carrier*, *Bibl. hist. de la Révol.*, 1049—50—51 (*British Museum*).

²⁾ Онъ самъ рассказываетъ объ этомъ въ третьемъ нумерѣ *Vieux Cordelier*, p. 60, *Collection des mémoires etc.*

болѣе какъ актриса, какъ г-жи Кандейль или Майльяръ, которыхъ возять въ красныхъ колпакахъ, или же та статуя въ сорокъ шесть футовъ вышиною, которую предлагаетъ поставить Давидъ?.. О, дорогіе мои сограждане, неужели мы опошились до того, чтобы повергаться въ прахъ передъ подобными божествами? Нѣтъ, свобода, эта сошедшая съ неба свобода, вовсе не нимфа изъ опернаго театра, она вовсе не красный колпакъ, не грязная рубашка и отрепье; свобода—это счастье, это разумъ, равенство, справедливость, это провозглашеніе правъ, это ваша высокая конституція» ¹⁾).

Чье сердце не забьется при чтеніи этихъ краснорѣчивыхъ, проникнутыхъ такою святой страстью строкъ, столь достойныхъ богини, которую онѣ призываютъ и которою внушены? Но не принялъ ли Камилль Демуленъ день битвы за день, слѣдующій послѣ побѣды, когда отрицалъ то, что свободѣ, подобно дѣтству, нужно пройти чрезъ крики и слезы, чтобы достигнуть зрѣлаго возраста. Вотъ въ чемъ усомниться нельзя: что на всякой страницѣ, почти въ каждой строкѣ четвертаго нумера «Стараго Кордельера» Камилль Демуленъ требуетъ, чтобы революція, какъ таковая, сошла со сцены и, при томъ, *немедленно*. Что можетъ быть яснѣе слѣдующихъ словъ: «Вы хотите, чтобы я призналъ свободу и упалъ къ ея ногамъ? Такъ откройте тюремныя двери тѣмъ двумъ стамъ гражданамъ, которыхъ вы называете подозрительными, потому что въ «Декларациі правъ» нѣтъ никакихъ домовъ для подозрительныхъ, а есть только арестные дома» ²⁾). Правда, авторъ, самъ пораженный опасностью подобной мѣры и какъ бы испугавшись собственнаго увлеченія, пишетъ въ примѣчаніи: «Заявляю, что я не имѣю въ виду того, чтобы открыты были настежь двери домовъ, гдѣ содержатся подозрительные, но хочу сказать, чтобы открыли только калитку, и чтобы четверо или шестеро тайныхъ изслѣдователей, декретированныхъ Конвентомъ въ декадѣ 30 фримэра, опросили подозрительныхъ и возвратили имъ свободу, если освобожденіе ихъ не грозитъ опасностью» ³⁾). Но если такова мысль Камилла и если его политика такъ же соразмѣрна, какъ и политика Робеспьера, то почему же онъ на слѣдующей страницѣ воскли-

¹⁾ *Vieux Cordelier*, № 4, p. 65, 66. Collection des mémoires etc.

²⁾ *Ibid.*, p. 66.

³⁾ *Ibid.*

цаеть, рискуя выставить революцію въ глазахъ Европы въ еще болѣе чѣмъ прежде мрачномъ свѣтѣ и въ противность истинѣ, что теперь приходится имѣть дѣло внутри только съ трусами и *больными?*¹⁾). Почему онъ даетъ понять, будто мнимую опасность для республики составляютъ только *женщины, старики и худосочные?*²⁾). Гебертисты видятъ заговорщиковъ повсюду, а онъ не видитъ ихъ нигдѣ. На его взглядъ, «толпа фѣльянтинцевъ, рантье и лавочниковъ», заключенныхъ въ тюрьмы во время поединка между монархіей и республикой, походитъ лишь на римскій народъ, индифферентизмъ котораго во время борьбы между Веспасіаномъ и Вителліемъ описанъ Тацитомъ³⁾). «Это люди, которыхъ зрѣлище революціи забавляетъ и которые съ одинаковымъ вниманіемъ относятся и къ обезглавленному королю, и къ казни полишинеля⁴⁾, и больше ничего. Но Веспасіанъ, оставшись побѣдителемъ, отнюдь не приказывалъ рассадить эту толпу по тюрьмамъ»⁵⁾). Такимъ образомъ, не имѣвшую себѣ равной и непримѣрную борьбу, въ которой столкнулись между собою два міра, гигантскую борьбу, приведшую въ движеніе всѣ идеи, взволновавшую всѣ интересы, разнуздавшую всѣ страсти, глубоко потрясшую какъ человѣческія общества, такъ и человѣческое сердце, Камилль Демуленъ сравниваетъ съ борьбою, при которой жители Рима присутствовали въ качествѣ равнодушныхъ зрителей, равнодушныхъ потому, что она дѣйствительно не должна была доставить имъ ничего, кромѣ выбора между двумя владыками! Отстаивая свое мнѣніе, онъ восхваляетъ «чрезвычайную снисходительность Фразибула» по «завладѣніи Аѳинами»⁶⁾), какъ будто предпринятая революціею великая осада была уже завершена! Чего же онъ хочетъ? Амнистіи? Нѣтъ; онъ сознаетъ, что «слѣпая и общая снисходительность была бы контръ-революціонна»⁷⁾); онъ не чуждъ заботъ и о той опасности, которая возникла бы въ томъ случаѣ, если бы правительственной машинѣ данъ былъ ходъ, обратный первоначальному, при чемъ получился бы толчокъ, могущій пере-

1) *Vieux Cordelier*, № 4, p. 67. Collection des mémoires etc.

2) *Ibid.*

3) *Ibid.*

4) *Ibid.*, p. 68.

5) *Ibidem.*

6) *Ibid.*, p. 69.

7) *Ibid.*, p. 72.

ломать ея пружины ¹⁾). Заключение его сводится къ учрежденію *Комитета милосердія* ²⁾). Затѣмъ слѣдуетъ призывъ къ Робеспьеру, самый патетическій, какой только когда либо бывалъ сдѣланъ: «О, дорогой Робеспьеръ, къ тебѣ обращаю я рѣчь мою, потому что я видѣлъ ту минуту, когда оставалось побѣдить только тебя, когда, безъ тебя, судно аргонатовъ погигло бы и республика вступила бы въ хаосъ!.. О, мой старый школьный товарищъ, ты, чьи краснорѣчивыя рѣчи будутъ перечитывать потомство, вспомни слѣдующіе уроки исторіи и философіи: что любовь сильнѣе и долговѣчнѣе страха; что почитаніе и религія родились изъ благотвореній; что дѣянія милосердія, какъ говорилъ намъ Тертуліанъ, представляютъ собою лѣстницу лжи, по которой члены Комитета общественнаго спасенія поднялись до неба, но что по ступенямъ, обограннымъ кровью, туда не восходятъ никогда. Ты уже значительно приблизился къ этой мысли, придумавъ ту мѣру, которая декретирована сегодня по твоему почину... Правда, что предложенъ былъ тобою скорѣе *Комитетъ справедливости*. Но почему же оказалось бы преступленіемъ въ республикѣ милосердіе?..» ³⁾

Въ этой статьѣ Камилла Демулена, противъ которой разсудокъ можетъ сдѣлать такъ много возраженій, но которая такъ сильно захватываетъ сердце, ошибкою было то, что режиму воинствующей свободы авторъ ставилъ требованія, умѣстныхъ лишь по отношенію къ свободѣ, уже побѣдившей. Впадая въ непостижимое и опасное заблужденіе, онъ предполагалъ, что для революціи нѣтъ уже больше никакихъ препятствій, что всѣ ея враги уже либо побѣждены, либо обращены въ новую вѣру. Слишкомъ очевидно было, однако, совершенно противное, а потому и результатъ, достигнутый статьею, оказался, противоположнымъ тому, котораго надѣялся достигнуть Камиллъ Демулень.

Гебертисты, которыхъ благоразумная умѣренность Робеспьера угнетала именно тѣмъ, что не давала имъ никакого основательнаго съ виду повода для нападокъ, возликовали по прочтеніи четвертаго нумера «Стараго Кордельера» и разразились горячими

¹⁾ *Vieux Cordelier*, № 4, p. 73.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibid.*, p. 73 et 74.

рѣчами на ту тему, что разстаться съ терроромъ значитъ вступить на путь контръ-революціи.

Посмотрите, куда насъ ведутъ! говорили они. Вчера считался нужнымъ *Комитетъ справедливости*, который охранялъ бы якобы невинныхъ; сегодня этого уже оказывается недостаточно: желаютъ *Комитетъ милосердія*, который, конечно, будетъ успокаивать и поощрять виновныхъ? И что же осмѣливаются утверждать, опираясь на этотъ, столь странный при тогдашнихъ обстоятельствахъ вопросъ? Что милосердіе, т. е. обѣщаніе безнаказанности устроителямъ контръ-революціи, было бы наилучшею изъ революціонныхъ мѣръ! Дѣйствительно, какъ могли мы донинѣ доходить въ нашемъ заблужденіи до того, чтобы думать, будто французской революціи приходится вести борьбу со всѣмъ міромъ, что она шествуетъ по вулкану, разсѣкая головою грозу, и что ея безчисленные враги питаютъ къ ней неистребимую злобу? Камиллу Демулену угодно было оповѣстить насъ, что противниками нашими является слабыя женщины и безобидный сбродъ любопытныхъ и равнодушныхъ, стариковъ, больныхъ и худосочныхъ! И, по словамъ нашего автора, революція единственно съ цѣлью извести этихъ бѣдныхъ людей проявляетъ тиранію, въ сравненіе съ которою нельзя подыскать ничего, если не перенестись мыслью къ мерзкимъ царствованіямъ Тиберія или Нерона. Онъ не говоритъ ни слова о вооружившейся противъ насъ Европѣ, о Вандеѣ, волнующейся на дымящихся кровью патріотовъ развалинахъ, о кротости ліонскихъ бунтовщиковъ, засвидѣтельствованной казнью Шалье, о сдачѣ Тулона англичанамъ... Все это лишь воображаемая опасности! Мы имѣемъ дѣло всего только съ женщинами, стариками, худосочными и больными.

Къ впечатлѣнію, произведенному этими ужасными комментаріями, для которыхъ, надо сознаться, послѣднія статьи Камилла Демулена давали достаточно основаній, присоединилось еще впечатлѣніе отъ невольныхъ проявленій радости со стороны роялистовъ, и, благодаря этому, силы гебертистовъ неожиданно увеличились. Имъ доставленъ былъ случай расширить свое дѣло, сливъ его съ дѣломъ самой революціи.

Но сдѣлана была еще и другая роковая неосторожность. Необходимымъ послѣдствіемъ воззванія Камилла Демулена къ Робеспьеру было не только то, что оно ставило послѣдняго какъ бы высшимъ судьбою положенія, что подводило его подъ

всевозможные удары завистниковъ, но еще и вынуждало его сдѣлать выборъ между двумя рѣшеніями: либо показаться отступникомъ отъ революціи въ случаѣ безусловнаго присоединенія къ партіи людей снисходительныхъ, либо отнестись къ ней сурово и, такимъ образомъ, спасти умѣренную политику отъ упрека въ умѣренности. Съ этой минуты онъ оказался вынужденнымъ лавировать между подводными камнями!

Послѣдствія этого не замедлили обнаружиться.

30-го фримэра (20-го декабря) клубъ кордельеровъ, находившійся подъ влияніемъ гебертизма, прислалъ въ Конвентъ депутацію, ораторъ которой, надменнымъ тономъ и не снимая шляпы, потребовалъ возбужденія преслѣдованія—по его словамъ, слишкомъ замедлившагося—противъ семидесяти трехъ арестованныхъ жирондистовъ. Это было стрѣлою, пущенною прямо въ сердце защищавшему ихъ Робеспьеру. Но еще больше, чѣмъ это требованіе, самая манера, съ которою оно было предъявлено, указывало на возрожденіе смѣлости гебертистовъ. Кутонъ заявилъ протестъ противъ того, что съ Собраніемъ народныхъ представителей говорятъ, не снявъ шляпы, а Робеспьеръ поддержалъ его, сказавъ: «Всѣ граждане, конечно, равны между собою, но неправда, будто одинъ человѣкъ равенъ какой бы то ни было части гражданъ. Человѣкъ, говорящій передъ Собраніемъ, долженъ уважать въ его лицѣ общество, членомъ котораго онъ состоитъ». Уставъ Конвента, согласный съ этимъ принципомъ, былъ соблюденъ¹⁾.

На слѣдующій день по Парижу торжественно возили на убранномъ кипарисовыми гирляндами алтарѣ²⁾ слѣпокъ головы Шалье и это дало гебертистамъ естественный поводъ испытать свои силы. Изъ Ліона прискакалъ къ этому дню Колло-д'Эрбуа котораго они ждали съ трепетнымъ нетерпѣніемъ. Еще ранѣе его прибытія за нимъ установилась репутація человѣка неукротимой силы. По пріѣздѣ, онъ явился въ клубъ якобинцевъ, гдѣ гебертисты привѣтствовали его восторженными рукоплесканіями. Послѣ горячаго оправданія своихъ дѣйствій по отношенію къ ліонцамъ, онъ съ горечью воскликнулъ: «Прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ вами; вы жаждали тогда отмщенія гнуснымъ заговорщикамъ въ Ліонѣ. Сегодня я уже

¹⁾ *Moniteur*, an II (1798), № 92.

²⁾ *Histoire parlementaire*, t. XXX, p. 392.

на лицѣ и сказалъ: «Граждане, я буду говорить съ вами о смерти патріотовъ... Гайльяръ, добродѣтельный Гайльяръ, котораго вы недавно видѣли здѣсь, лучшій другъ Шалле, въ отчаяніи покончилъ съ собою самоубійствомъ, думая, что покинуть всѣми». При этой мрачной вѣсти, среди слушателей проявилось сильное волненіе. Ораторъ продолжалъ: «Обманывалъ ли я васъ, когда говорилъ, что патріоты въ отчаяніи?.. Гайльяръ былъ не слабый человѣкъ. Это онъ первымъ пошелъ 10-го августа на штурмъ противъ тирана, при чемъ былъ сильно израненъ. Тѣнь его стоитъ передъ нами и говоритъ намъ: «Я не поблѣднѣлъ подъ кинжалами враговъ народа, но я не могъ устоять противъ ужасной мысли, что якобинцы отступились отъ меня». Волненіе усилилось, а Колло-д'Эрбуа продолжалъ: «Поклянемся, что мы не переживемъ того изъ нашихъ братьевъ который могъ бы подвергнуться нападкамъ». И всѣ, стоя, протянувъ руки, дали эту ужасную клятву, при неоднократно возобновлявшихся рукоплесканіяхъ на трибунахъ¹⁾.

Представлялся удобный случай приняться за Камилла Демулена, не называя его: Колло-д'Эрбуа указалъ на него въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Вы считаете патріотами людей, которые переводятъ вамъ древнихъ историковъ, возвращаются за пятьсотъ лѣтъ назадъ, чтобы представить вамъ картину того времени, въ которое вы живете? Нѣтъ, это не патріоты... Они хотятъ умѣрить революціонное движеніе. Да развѣ бурю можно управлять?!. Отбросимъ же подальше отъ насъ всякую мысль объ умѣренности. Останемся якобинцами, останемся монтаньярами, и спасемъ, свободу!»²⁾

При громѣ рукоплесканій, которыми привѣтствованы были эти слова, всталъ Левассёръ и рѣзко сказалъ: «Я хочу сорвать маску, которою прикрывается Филиппо». Затѣмъ онъ началъ обвинять его въ томъ, что весь патріотизмъ его сводится только къ болтовнѣ и декламации, что онъ относился къ Ронсену и Россиньолю, какъ къ злодѣямъ, что его самого, Левассёра, Филиппо просилъ подать голосъ за обращеніе къ народу, а самъ потомъ подалъ голосъ противъ этого, а о клубѣ якобинцевъ говорилъ, что клубъ этотъ состоитъ изъ мошенниковъ³⁾. «Я

¹⁾ *Moniteur*, an II (1793), № 96. Отчетъ о засѣданіи клуба якобинцевъ 5 нивоза (23 декабря).

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Ibidem*.

не ожидалъ, отвѣтили Филиппо, чтобы меня сталъ обвинять мой землякъ и собратъ Левассёръ и готовъ принять на себя позоръ, если въ моемъ докладѣ найдется хоть одинъ невѣрный фактъ». Далѣе онъ возобновилъ свои разоблаченія относительно Ронсена и Россиньоля, заявляя, что они утопали въ удовольствіяхъ и предавались обжорству. Онъ утверждалъ, что въ дѣлѣ подѣ Корономъ, въ Вандеѣ, Ронсенъ допустилъ истребленіе сорока трехъ тысячъ республиканцевъ тремя тысячами разбойниковъ (въ другомъ мѣстѣ онъ, вмѣсто 43,000, говорилъ 80,000)¹⁾. Наконецъ, онъ отрицалъ приписанный ему наглый отзывъ о клубѣ якобинцевъ, но Левассёръ настаивалъ на томъ, что отзывъ этотъ былъ имъ сдѣланъ, а Геберъ подтвердилъ это²⁾.

Засѣданіе становилось шумнымъ. Дантонъ посовѣтовалъ Собранію соблюдать спокойствіе. «Я—прибавилъ онъ—не составилъ себѣ никакого мнѣнія ни о Филиппо, ни о прочихъ; я говорилъ ему самому: Ты долженъ либо доказать свою правоту, либо сложить голову на эшафотѣ»³⁾. Эти неосторожныя слова, казалось, заранѣе осуждали Филиппо, въ томъ случаѣ, если онъ слишкомъ зарвался, что, къ сожалѣнію, было внѣ сомнѣнія!

Робеспьеръ, защищавшій ранѣе Дантона и оказавшій покровительство Демулену, не покинулъ и Филиппо. Онъ сказалъ, что если послѣдній поддастся внушеніямъ личныхъ страстей, то его долгъ пожертвовать своимъ мнѣніемъ; что самъ онъ не думаетъ, чтобы Филиппо имѣлъ контръ-революціонныя намѣренія; что надо выслушать его; что дѣло должно быть обсуждено спокойно; что тактика враговъ революціи имѣеть цѣлью заставить ея слугъ растерзать другъ друга собственными руками; что недавніе аресты (Ронсена и Венсана) возбудили несправедливыя подозрѣнія, такъ какъ были дѣломъ не одного человѣка, а результатомъ внимательнаго разсмотрѣнія обоихъ Комитетовъ; что если сдѣланы были ошибки, то исправленіе ихъ можно съ увѣренностью возложить на справедливость Конвента, что вѣдь Маратъ спокойно пошелъ въ Революціонный судъ и вышелъ оттуда торжествующимъ⁴⁾.

¹⁾ См. въ IX томѣ настоящаго сочиненія главу: *Побѣда надъ Вандеей*.

²⁾ *Moniteur*, an II (1793), № 96.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibidem*.

Рѣчь эта была проникнута благородуміемъ и твердостью. Стараніямъ гебертистовъ выставить Ронсена и Венсана жертвами гнета, источникомъ котораго были одни только разоблаченія Филиппо, Робеспьеръ противопоставлялъ мнѣніе Комитетовъ, а также довѣріе, которое долженъ былъ внушать Конвентъ, и то подчиненіе правосудію, примѣръ котораго былъ поданъ самимъ Маратомъ. Съ другой стороны, далеко не приглашая Филиппо, какъ сдѣлалъ Дантонъ, доказать всѣ свои заявленія подь страхомъ смертной казни, Робеспьеръ открывалъ ему выходъ; онъ давалъ ему средство съ честью отказаться отъ своихъ обвиненій; фактическія ошибки, въ которыя Филиппо могъ впасть по увлеченію, онъ прикрывалъ, какъ бы завѣсою, добрыми намѣреніями. Благожелательность была обставлена тутъ какъ нельзя болѣе искусно.

Но Филиппо былъ ослѣвленъ своимъ озлобленіемъ и не могъ простить Комитету общественнаго спасенія недовѣрчиваго отношенія къ его обвиненіямъ относительно Вандеи. Онъ заявилъ, что «въ душѣ у него тѣ же принципы, которые были сейчасъ высказаны Робеспьеромъ»¹⁾, но выразилъ сожалѣніе по поводу «непріязненныхъ формъ, которыя онъ замѣтилъ въ Комитетѣ, когда являлся туда съ докладомъ о своихъ дѣйствіяхъ»²⁾. Затѣмъ, онъ увѣрялъ, что брошюру свою отпечаталъ въ такомъ количествѣ экземпляровъ, чтобы ихъ было достаточно для раздачи сотоварищамъ въ Собраніи; а когда при этихъ словахъ Левассёръ крикнулъ: «Ты солгалъ; ты посылаешь въ Сомюръ и Анжеръ», онъ, вмѣсто доказательства противнаго, возразилъ: «Я объясню вамъ ожесточеніе Левассёра противъ меня. По моему почину былъ отмѣненъ декретъ объ упраздненіи арендныхъ контрактовъ, а вслѣдствіе этой отмѣны Левассёръ лишился пятисотъ ливровъ»³⁾. При этихъ словахъ со всѣхъ сторонъ раздались крики: *Безъ личностей!* и крики эти слились съ сильнымъ ропотомъ. Дантонъ крикнулъ съ раздраженіемъ, что «этими пререканіями не убить ни одного пруссака», и предложилъ поручить особой комиссіи изъ пяти членовъ опросить обвиняемыхъ и обвинителей⁴⁾. Кутонъ, желая предотвратить борьбу, роковой

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 96.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibidem.*

⁴⁾ *Ibidem.*

исходъ которой онъ, повидимому, предчувствовалъ, попытался остановить Филиппо, пока еще не поздно. Онъ спросилъ его, думаетъ ли онъ, по совѣсти, что въ вандейской войнѣ была измѣна. «Да», не задумавшись отвѣчалъ мужественный, но неосторожный Филиппо. «Въ такомъ случаѣ—продолжалъ Кутонъ— пусть будетъ назначена комиссія». И это тотчасъ же было рѣшено при самыхъ горячихъ рукоплесканіяхъ¹⁾.

По вопросу о томъ, привлечь ли немедленно же къ допросу и суду Фабра д'Эглантина, Бурдона и Камилла Демулена, клубъ якобинцевъ постановилъ перейти къ очереднымъ дѣламъ²⁾.

Тѣмъ временемъ, пришло извѣстіе о взятіи Тулона, и пришло какъ нельзя болѣе кстати для членовъ Комитета общественнаго спасенія, такъ какъ оппозиція противъ нихъ въ Собраніи чрезвычайно окрѣпла и увеличилась. Дѣло дошло до того, что когда они оповѣстили Конвентъ объ этомъ крупномъ событіи, о томъ, что Тулонъ возвращенъ наконецъ республикѣ, то друзья ихъ на Горѣ поздравили ихъ съ этимъ какъ съ успѣхомъ чисто личнымъ и сказали имъ: «Если бы Тулонъ не былъ взятъ такъ скоро, то вы погибли бы; они декретировали бы возбудить противъ васъ преслѣдованіе»³⁾.

Оставалась опасность, которою грозила революціи разнузданность гебертизма, и опасность эта таилась въ средѣ самого Комитета общественнаго спасенія. Странна переменчивость вещей въ бурныя эпохи! Для того, чтобы опьянить террористскую партію отвагой, оказалось достаточно рискованныхъ нападокъ Филиппо и гиперболическихъ протестовъ Камилла Демулена! И какимъ властнымъ тономъ заговорили теперь гебертисты! Съ какою любезностью называли они Колло-д'Эрбуа «великаномъ»! Съ какимъ свирѣпымъ одушевленіемъ повторяли они повсюду презрительныя слова, брошенныя истребителемъ ліонскихъ бунтовщиковъ по адресу политики Робеспьера: «*Мы далеки отъ всякой мысли объ умеренности!*» Это было то время, когда Фуше писалъ Колло по поводу взятія Тулона: «У насъ только одинъ обычай праздновать побѣду: мы посылаемъ сегодня вечеромъ сто тринадцать бунтовщиковъ подъ огонь молніи⁴⁾. Уси-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1793), № 96.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ Проектъ доклада Робеспьера о партіи Фабра д'Эглантина.

⁴⁾ *Moniteur*, an II (1793), № 95.

ленію крайняго возбужденія поспособствовало еще и самоубійство Гайльера, отчаявшагося въ революціи и не захотѣвшаго слѣдовать за ней. Робеспьеръ твердо боролся въ клубѣ кордельеровъ противъ повелительныхъ, почти наглыхъ настояній членовъ клуба въ пользу Ронсена и Венсана и старался извинить Филиппо съ большимъ мужествомъ, чѣмъ Дантонъ. Но, будучи скомпрометированъ Камилломъ Демуленомъ, который сдѣлалъ его политику уязвимой и непопулярной тѣмъ, что довелъ ее до преувеличенія, онъ чувствовалъ, что почва ускользаетъ подъ его ногами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ клуба якобинцевъ главная роль выпала на долю противниковъ Робеспьера. Рѣзкость, проявленная Левасеромъ по отношенію къ Филиппо, доказывала, что даже тѣ изъ пламенныхъ республиканцевъ, которые не состояли въ рядахъ гербертистовъ, были склонны принять ихъ сторону; но еще болѣе должно было тревожить Робеспьера то, что люди въ родѣ Никола, доводившіе—какъ было всеѣмъ извѣстно—свою преданность ему почти до поклоненія, угрожали гильотиною... кому же? автору «Старога Кордельера», тому самому Камиллу Демулену, за республиканскій образъ мыслей котораго онъ, Робеспьеръ, ручался за нѣсколько дней передъ тѣмъ¹⁾.

Въ такомъ критическомъ положеніи Робеспьеръ не сталъ колебаться. Этихъ ультра-революціонеровъ, противъ которыхъ онъ такъ часто возставалъ, онъ рѣшилъ осудить теперь властно, торжественно, какъ членъ власти, но такъ, чтобы еще разъ отнять у нихъ всякій поводъ къ выступленію въ качествѣ исключительныхъ защитниковъ революціи и къ привлеченію въ свои ряды всеѣхъ тѣхъ, кому слабость или мягкость представлялись измѣной. Этимъ объясняется докладъ о принципахъ революціоннаго правительства, внесенный имъ 5 нивоза (25 декабря).

«Теорія революціоннаго управленія — говорилъ онъ въ началѣ доклада—такъ же нова, какъ и породившая ее революція... Ея не слѣдуетъ искать ни въ книгахъ политическихъ писателей, отнюдь не предвидѣвшихъ этой революціи, ни въ законахъ

¹⁾ Похвальное слово Демулену произнесено было Робеспьеромъ въ засѣданіи 14 декабря, а уже въ засѣданіи 21 декабря Никола выступилъ съ обвиненіями противъ Демулена. ЖМЗ 3 и 4 «Старога Кордельера» вышли въ промежутокъ между этими засѣданіями.

тирановъ, которые, довольствуясь злоупотребленіемъ своею властью, мало заботятся о законности. Поэтому для аристократіи слово это является лишь предметомъ ужаса и клеветы, для тирановъ лишь скандаломъ, для очень многихъ людей—лишь загадкой. Его надо разъяснить всѣмъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, добрые граждане примкнули къ принципамъ общественнаго интереса»¹⁾.

Далѣе онъ тщательно устанавливалъ различіе между отдѣльными понятіями, смѣшеніе которыхъ было ошибкою Камилла Демулена; то было различіе государственнаго человѣка, а не пустыя антитезы ритора. Онъ говорилъ:

«Функція правительства въ томъ, чтобы направлять моральныя и физическія силы націи къ той цѣли, для которой она сложилась.

«Цѣль конституціоннаго правительства — сохраненіе республики; цѣль правительства революціоннаго — основать республику.

«Революція есть война свободы съ ея врагами; конституція есть режимъ побѣдоносной и мирной свободы.

«Революціонному правительству нужна чрезвычайная дѣятельность, именно потому, что оно находится въ войнѣ. Оно подчинено менѣе однороднымъ и менѣе строгимъ правиламъ, потому что условія, въ которыхъ оно находится, бурны и измѣнчивы, и особенно потому, что оно вынуждено непрерывно прибѣгать къ новымъ и быстро дѣйствующимъ средствамъ въ виду все новыхъ и настоятельныхъ опасностей.

«Конституціонное правительство озабочивается преимущественно гражданскою свободою, а правительство революціонное — свободою общественной. При конституціонномъ строѣ почти достаточно охранять отдѣльныхъ лицъ отъ злоупотребленій общественной власти; при строѣ революціонномъ сама общественная власть вынуждена защищаться отъ всѣхъ нападающихъ на нее страстей.

«Революціонное правительство обязано доставлять всѣмъ гражданамъ полную національную охрану; враговъ народа оно обязано только предавать смерти»²⁾.

Эта послѣдняя фраза относилась только къ переходному,

¹⁾ *Moniteur*, an II (1793), № 97.

²⁾ *Ibid.*

революціонному времени, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она была направлена также и по адресу какъ монархистскихъ заговорщиковъ, такъ и гебертистовъ. Первымъ Робеспьеръ говорилъ: «Остерегайтесь истолковывать наше отвращеніе къ излишествамъ въ смыслѣ обѣщанія безнаказанности и признака слабости»; вторымъ же онъ заявлялъ: «Когда мы обязываемся не дѣлать послабленій виновнымъ, по какому праву стали бы вы называть контръ-революціонною охрану, даваемую людямъ неповиннымъ или только впавшимъ въ заблужденіе?»

И чтобы успѣшнѣе вырвать изъ рукъ гебертистовъ оружіе, легкомысленно данное имъ Камилломъ Демуленомъ, а также съ цѣлью твердо установить, что намѣреніе пресѣчь крайности террора отнюдь не сопряжено съ намѣреніемъ оставлять безнаказанными заговорщиковъ или измѣнниковъ, Робеспьеръ предлагалъ, въ заключеніе, издать декретъ, который, съ одной стороны, ускорилъ бы привлеченіе къ суду генераловъ, обвинявшихся въ сообщничествѣ съ Дюмурье, а съ другой—увеличилъ бы на одну треть размѣръ пособій и наградъ, на которыя имѣютъ право защитники отечества, получившіе увѣчья въ борьбѣ за нее ¹⁾.

Что касается господствовавшей мысли этого доклада, то она выражена была въ слѣдующемъ его мѣстѣ: «...Революціонное правительство не имѣетъ ничего общаго ни съ анархіей, ни съ беспорядкомъ; напротивъ, цѣль его состоитъ въ ихъ подавленіи, для того, чтобы установить и упрочить царство законовъ. Руководить имъ должны не личныя страсти, а общественный интересъ. Оно должно приближаться къ обыкновеннымъ принципамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они могутъ быть строго примѣнены безъ ущерба для общественной свободы. Мѣрою его силы должны быть смѣлость или коварство заговорщиковъ; чѣмъ болѣе страшно оно злоумышленникамъ, тѣмъ болѣе доброжелательнымъ должно оно быть по отношенію къ добрымъ гражданамъ и тѣмъ болѣе должно оно воздерживаться отъ мѣръ, безъ надобности стѣсняющихъ свободу и нарушающихъ частныя интересы безъ всякой общественной пользы ²⁾.

Въ убѣжденіи, что обѣ эти крайности ведутъ къ одному и тому же, и что цѣль, по его собственному выраженію, одинаково не будетъ достигнута, если до нея не дойти или зайти

¹⁾ *Moniteur*, an II (1793), № 97.

²⁾ *Ibid.*

дальше ея, Робеспьеръ старался намѣтить для революціи путь между тѣми двумя подводными камнями, на которые онъ уже неразъ указывалъ съ тревогой, именно между чрезмѣрною снисходительностью и чрезмѣрною строгостью.

Но для достиженія успѣха ему надо было бы обладать такою властью, какой у него не было. Его нравственный авторитетъ былъ громаденъ, авторитетъ же officialный, подвергавшійся сильнымъ нападкамъ и сильно оспаривавшійся, часто оказывался не имѣющимъ рѣшительно никакого значенія. Это важное различіе было тщательно затушевываемо послѣ 9 термидора всѣми тѣми, въ чьихъ интересахъ было свалить на Робеспьера отвѣтственность за ужасное прошлое; а такъ какъ его уже не было на свѣтѣ и отвѣчать онъ не могъ, то это какъ нельзя болѣе способствовало фальсификаціи исторіи революціи. Истина та, что противъ Робеспьера были не только весь Комитетъ общественной безопасности, за исключеніемъ Давида и Леба, но еще и Комитетъ общественнаго спасенія, за исключеніемъ Сень-Жюста и Кутона.

Это рѣшающимъ образомъ доказывалось тѣми обстоятельствами, о которыхъ идетъ рѣчь. 6 нивоза (26 ноября) Бареръ, въ заключеніе доклада по вопросу о «подозрительныхъ» — доклада, бывшаго ѣдкимъ отвѣтомъ на *новые переводы изъ Тацита*, — предложилъ избрать изъ среды обоихъ Комитетовъ комиссію для обсужденія поводовъ, по которымъ арестованы были находящіеся въ заключеніи лица. Это значило поставить дѣятельность предложеннаго Робеспьеромъ *Комитета справедливости* въ зависимость отъ большинства, враждебнаго его политикѣ твердой и бдительной умѣренности. Тщетно требовалъ онъ оставленія въ силѣ принятаго по его предложенію перваго декрета, тщетно указывалъ на множество неудобствъ предложеннаго замѣнъ его новаго декрета: Бареръ напрямки заявилъ, что онъ является выразителемъ *желанія обоихъ соединенныхъ Комитетовъ*¹⁾.

Изолированность Робеспьера въ officialныхъ сферахъ не могла быть отгѣнена ни болѣе потрясающимъ образомъ, ни по болѣе важному вопросу. Но этого оказалось недостаточно Бильо-Варенну, который, вслѣдствіе своей систематической непреклонности и своихъ свирѣпыхъ воззрѣній, тревожился при малѣйшемъ покушеніи на террористскій режимъ. Съ рѣзкостью, ко-

¹⁾ Засѣданіе Комитета 6 нивоза (26 декабря).

торой онъ ничуть не старался замаскировать, онъ утверждалъ, что сопряженные со вторымъ декретомъ неудобства ложатся обвиненіемъ на принятый Конвентомъ первый декретъ (вогированный по предложенію Робеспьера); и, косвенно, но вполне прозрачно осудивъ умѣренную политику своего сотоварища, онъ прибавилъ, что по вопросу о требованіяхъ, предъявленныхъ 30 фримэра контръ-революціонерами, Конвентъ перешелъ бы къ очереднымъ дѣламъ, «еслибы сохранилъ свою энергію и твердость»¹⁾. Значитъ, по толкованію Бильо-Варена, выходило, что Робеспьеръ, взявъ означенныя требованія за исходную точку своего предложенія относительно *Комитета справедливости*, проявилъ отсутствіе энергіи и твердости! Въ ту пору стрѣла эта была одною изъ тѣхъ, которыя наносили глубокія раны. Конвентъ не ограничился переходомъ къ очереднымъ дѣламъ по вопросу о внесенномъ Бареромъ декретѣ: онъ отмѣнилъ первый декретъ, который былъ принятъ имъ по предложенію Робеспьера²⁾.

Итакъ, учрежденіе *Комитета справедливости* было отвергнуто; и эта побѣда Бильо-Варенна прибавила силъ гебертистамъ, которымъ и безъ того уже сослужили хорошую службу преувеличенія Камилла Демулена въ обратномъ смыслѣ, необдуманная нападкa Филиппо и возвращеніе въ Парижъ Коллод'Эрбуа.

ГЛАВА VI.

Зима 1794 года.

Мясной голодь.—Приказчики мясниковъ.—Уменьшеніе средствъ и увеличеніе нуждъ.—Ужасающая переспектива.—Покупщики провіанта для революціонной арміи.—Вышній видъ мясного рынка.—Удивительное гражданское самоотреченіе.—Гражданскій постъ; Лежандръ предлагаетъ декретировать его.—Всеобщее добровольное недоѣданіе.—Отвратительныя махинаціи контръ-революціонеровъ съ цѣлью повышенія цѣны на хлѣбъ.—Возникшее на одно мгновеніе потребленіе птицы въ Парижѣ.—Парижъ вынужденъ питаться овощами.—«Хвосты» около хлѣбопекаренъ.—Гибельное вліяніе сборищъ голодающихъ на общественную нравственность и на стыдливость женщинъ.—Разныя предлагавшіяся средства.—Всеобщій вопль противъ скопленія припасовъ въ однихъ рукахъ.—Брошюра Дюбуа-Крансе «Хлѣбъ по два су».—Брошюра Моморо о продовольствіи.—*Таблица максимальныхъ цѣнъ*.—Новость и важность этого большого труда.—Къ голоду присоединяются морозы.—Всѣ бѣдствія какъ бы стоворились между собой.—Геройство парижскаго народа.

Зима 1794 года была ужасна. Прежде всего оказался недостатокъ въ мясѣ.

¹⁾ Засѣданіе Конвента 6 нивоза (26 декабря).

²⁾ *Ibid.*

До войны Вандея поставляла въ Парижъ, отъ Пасхи до Иванова дня¹⁾, по шестисотъ быковъ въ недѣлю. Съ возникновеніемъ вандейскаго возстанія источникъ этотъ изсякъ. Пастбища Нормандіи были исчерпаны²⁾. О доставкѣ быковъ изъ-за предѣловъ Франціи нечего было и думать, такъ какъ Франція находилась въ центрѣ громаднаго пожара, и заграничныя страны могли поставлять въ нее только смерть.

Мало того, оказалось, что увеличеніе потребностей шло рядомъ съ уменьшеніемъ средствъ. Люди уже не соблюдали постовъ, какъ нѣкогда, въ теченіе почти полугода и, тогда какъ прежде деревенскіе жители питались плодами, молочными продуктами и овощами, теперь было подъ ружьемъ 1.200,000 человекъ, ежедневно ѣвшихъ мясо³⁾.

Зло, какъ и слѣдовало ожидать, увеличивалось во сто разъ соединенными усиліями алчныхъ и злонамѣренныхъ людей. Съ одной стороны, приказчики мясниковъ, люди безшабашные, изъ которыхъ многіе были прогнаны хозяевами за воровство, собирались на рынкахъ и въ складчину закупали быковъ, коровъ, телятъ, вообще все, что могли найти⁴⁾, съ тою цѣлью, чтобы путемъ скопленія товара и произвольнаго повышенія цѣнъ наживать барыши, отдававшіе челоуѣкоубійствомъ; съ другой стороны, шайки бездушныхъ спекулянтовъ вели спекуляцію на широкой спросъ со стороны покупателей провіанта для армій, которые вынуждены во что бы ни стало покупать припасы, необходимые для пожирающаго потребленія⁵⁾. Нужно ли прибавлять, что враги революціи не преминули воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ удовлетворить свое бѣшенство⁶⁾ убоемъ тельныхъ коровъ и овецъ, которыхъ они бросали потомъ въ рѣку?⁷⁾

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 155. — Рѣчь Лежандра въ засѣданіи Конвента 3 вантоза (15 февраля).—Ивановъ день, la Saint-Jean, приходится на 24 іюня нов. стиля (*Перев.*).

²⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 155.—Рѣчь Лежандра.

³⁾ *Ibid.*, докладъ Барера.

⁴⁾ *Ibid.*, рѣчь Лежандра.

⁵⁾ Докладъ Вернье о продажѣ скота, предназначеннаго для потребленія. *Biblioth. hist. de la Révol.*—Subsistances, 473—4—5 (*British Museum*).

⁶⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 168.—Заявленіе, сдѣланное Собранію депутатіею отъ Главнаго совѣта парижской Коммуны.

⁷⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 155.—Заявленіе одного изъ комисаровъ секціоннаго комитета французскихъ гвардейцевъ.

Такимъ образомъ, все способствовало наступленію мясного голода, не замедлившаго принять ужасающій характеръ. Съ восемнадцати су за фунтъ цѣна мяса быстро поднялась до 25 су¹⁾; вскорѣ мяса осталось только для богатыхъ и можно было предвидѣть моментъ, когда его уже не будетъ даже и для нихъ. Мясникъ Лежандръ кричалъ со свойственнымъ ему нѣсколько вульгарнымъ, но иногда потрясающимъ краснорѣчіемъ: «Стали изводить всю скотскую породу, сѣдая отцовъ, матерей и дѣтенышей... Скоро придетъ время, когда у васъ не будетъ ни мяса, ни сальной свѣчки. Быки, которыхъ теперь убиваютъ, не даютъ даже столько сала, чтобы можно было хоть освѣтить ихъ послѣ смерти²⁾».

Приходилось считаться также съ тою частью революціонной арміи, которую одушевлялъ своимъ настроеніемъ Ронсенъ и которая чинимыми ею разгромами такъ часто позорила защищаемое ею, будто бы, дѣло. По употребленному однимъ изъ писателей того времени сравненію, покупщики провіанта для революціонной арміи, двигавшіеся впереди нея, рыскали, подобно голоднымъ волкамъ, по деревнямъ, жадными глазами вглядываясь въ мызы и фермы. Они бросались туда съ вилами въ рукахъ или съ ружьями на перевѣсъ, хватали барановъ, уносили птицу, поджигали амбары и выводили быковъ изъ хлѣбовъ, на виду у онѣмѣвшихъ владѣльцевъ, а потомъ поспѣшно распродавали награбленное негодьямъ, достойнымъ покупателямъ такого товара³⁾.

Вслѣдствіе этихъ разбойничествъ, масло и яйца исчезли съ рынка. Что же дѣлали у рынка эти длинные ряды женщинъ, съ полуночи толпившихся тутъ, несмотря на непогоду? Онѣ знали, что въ 9 часовъ утра на рынокѣ все уже будетъ разобрано, и дожидались того часа, когда можно будетъ, почти съ опасностью жизни, отвоевать какихъ-нибудь три яйца и четвертку масла⁴⁾.

Трагическое зрѣлище представлялъ въ эти скорбные дни мясной рынокъ! Кучею сбивалась здѣсь трепещущая толпа; шумъ увеличивался съ появленіемъ конницы, состоявшей въ распоряженіи революціонныхъ комитетовъ. Въ толпѣ дави-

¹⁾ Mercier, *Nouveau Paris*, t. III, chap. XC.

²⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 155. Рѣчь Лежандра.

³⁾ Mercier, *Nouveau Paris*, t. III, chap. XC.

⁴⁾ *Ibid.*

водки, но они отказались, отложивъ удовлетвореніе своихъ нуждъ впредь до взятія города»¹⁾). Затѣмъ всталъ Лежандръ и сказалъ: «Если Конвентъ ограничится однимъ *приглашеніемъ* установить гражданскій постъ, всѣ добрые граждане будутъ обходиться безъ мяса; народъ послѣдуетъ вашему приглашенію изъ любви къ свободѣ; но богачъ и сибаритъ будутъ продолжать нагуливать жиръ пищею, которую надо сохранить для защитниковъ отечества... *Декретируйте* гражданскій постъ». Камбонъ началъ доказывать, что неудобно было бы заимствовать у суевѣрія присущія ему формы, а Лежандръ настаивалъ на томъ, чтобы Конвентъ, по крайней мѣрѣ, одобрилъ установленіе поста въ принципѣ; но Бареръ воскликнулъ: «Тутъ нечего декретировать принципы; надо только принять мѣры предосторожности»²⁾).

Коммуна распорядилась расклейкою по всѣмъ улицамъ постановленія, которымъ потребление мяса было ограничено однимъ фунтомъ въ декаду на человѣка, а члены революціонныхъ комитетовъ дали зарокъ воздержанія³⁾, и повсемѣстное распространеніе мысли, что бережливость по отношенію средствъ пропитанія послужитъ на пользу бѣднякамъ, больнымъ и солдатамъ, сдѣлало то, чего не могъ бы сдѣлать даже самый повелительный декретъ. Самопроизвольнымъ порывомъ республика подчинилась всеобщему посту. И это совершилось въ такое время, когда въ тюрьмахъ царило среди богатыхъ людей полное изобиліе⁴⁾. Къ несчастію, бороться приходилось не только съ мяснымъ голодомъ. Нельзя вспомнить безъ ужаса о тѣхъ средствахъ, къ которымъ прибѣгали враги революціи, чтобы путемъ голода отвлечь отъ нея народъ. Они не выпускали зерно и оставляли рынки пустыми, прятали зерновой хлѣбъ даже въ конюшняхъ, подъ соломой, гноили или доставляли на съѣденіе крысамъ цѣлыя скирды хлѣба, отказывались молотить свой хлѣбъ подъ тѣмъ предлогомъ, что молотильщики запрашиваютъ не менѣе одного экю. Да и мало ли чего еще они не дѣлали!⁵⁾

Съ другой стороны, такъ какъ вслѣдствіе огромнаго коли-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 155.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ Mercier, *Nouveau Paris*, t. III, chap. XC.

⁴⁾ Засѣданіе Главнаго совѣта Коммуны 29 пловіоза, цитированное въ *Hist. parlem.*, t. XXXII, p. 2.

⁵⁾ Мнѣніе члена управленія парижскаго департамента Моморо, въ *Biblioth. hist. de la Révol.*—Substances, 473—4—5 (*British Museum*).

чества зерна, отбирившагося реквизиціоннымъ путемъ, разведеніе куръ и цыплятъ въ деревняхъ сдѣлалось невозможнымъ, то былъ моментъ, когда улицы Парижа переполнились крестьянами, прибывшими съ корзинами птицы, которую нарижане раскупили нарасхватъ. Длилось это недолго, а затѣмъ пришлось обратиться съ потребленію зелени. Достать сушеныхъ овощей, риса, чечевицы, бобовъ не было никакой возможности: все это было скоплено въ военныхъ складахъ; дошло до того, что считалось за счастье, если удавалось найти полмѣрки этихъ продуктовъ¹⁾.

Изъ-за крайней трудности получить хлѣба начали образовываться скопленія людей, прозванныя впоследствии въ народѣ *хвостами*: то были длинные ряды женщинъ, становившихся попарно передъ дверьми хлѣбопеконъ еще до разсвѣта. Мерсье ярко описалъ то вредное вліяніе, которое эти сборища оказали на общественную нравственность. Сколько заранѣе условленнымъ свиданіямъ способствовала ночная тьма! сколько дверей оказывалось очень кстати полуоткрытыми! Молодые дѣвушки становились въ цѣпь далеко не послѣдними; а такъ какъ надо же было чѣмъ-нибудь скрасить скуку ожиданія, то собравшіяся сыпали задорными словечками и все время пересмѣивались, тогда какъ смѣлые молодцы изъ лавокъ, безстыдные лакеи или профессиональные развратники останавливались у рядовъ, разглядывали женскія лица, а иногда, пользуясь темнотою, даже бросались, какъ быки, на женщинъ, которыхъ и принимались цѣловать одну за другою²⁾. Въ такихъ опасныхъ сближеніяхъ не могла не утрачиваться стыдливость. Необходимость пробиваться въ первый рядъ пріучила женщинъ изъ народа вступать въ борьбу съ мужчинами; многія стали отъ этого раздражительными, пріобрѣли привычку ругаться; и въ шумѣ этой сутолоки, среди временнымъ перерывовъ котораго слышались крики голодныхъ дѣтей, хриплые голоса ломовыхъ извозчиковъ трудно было отличить отъ голосовъ женскихъ, бывшихъ прежде мягкими и нѣжными³⁾.

Какъ противодѣйствовать всѣмъ этимъ бѣдамъ? Каждый предлагалъ свое средство прогнать ихъ, и появилось множество бро-

¹⁾ Mercier, *Nouveau Paris*, t. III, chap. XC.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibid.*

шюрт, въ которыхъ обсуждался вопросъ о продовольствіи. Общую мысль, которая во всѣхъ этихъ брошюрахъ выступаетъ изъ ряда разнообразныхъ выводовъ, мы находимъ выраженною слѣдующимъ образомъ въ докладѣ Вернье о продажѣ скота, предназначеннаго для употребленія: «У всѣхъ цивилизованныхъ народовъ скупка въ однѣ руки и монополія считались преступленіями, подлежащими законному наказанію. У грековъ и римлянъ скупка и монополія были запрещены подѣ страхомъ очень строгихъ каръ. Только сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ увидѣли въ нихъ необходимое условіе свободы торговли»¹⁾. Обстоятельства, повидимому, дѣйствительно подтверждали доктрину Галліани и Неккера противъ доктрины Тюрго²⁾; и даже тѣ изъ членовъ Конвента, которые стояли тогда за безусловную свободу хлѣбной торговли, не могли отрицать, что она даетъ злонамѣреннымъ людямъ ужасное оружіе въ руки³⁾.

Дюбуа-Крансе издалъ брошюру подѣ заглавіемъ: *Le pain à deux sous dans toute la République* (Хлѣбъ по два су во всей республикѣ); въ ней онъ предлагалъ, въ видахъ преодолѣнія кризиса, слѣдующія четыре средства: Открыть для народа на всемъ пространствѣ республики склады для продажи и покупки во всякое время продуктовъ по *постоянной цѣнѣ*, съ единственною разницею между продажною и покупною цѣнами въ три денье съ фунта пшеницы и въ два денье съ фунта ржи или другого мелкаго зерна на расходы по храненію и надзору.—Наполнить эти склады путемъ ежегоднаго взиманія земельного налога натурой по однообразной оцѣнкѣ и безъ всякихъ исключеній на всемъ протяженіи республики.—Предоставить зерну свободу передвиженія внутри Франціи и воспретить вывозъ, присвоивъ право вывоза зернового хлѣба только правительству.—Объявить подлежащимъ конфискаціи, со взысканіемъ штрафа, всякій хлѣбъ предшествовавшихъ урожаяевъ, который оказался бы у частнаго лица еще находящимся въ натурѣ и *не перемолотымъ въ муку* спустя мѣсяць послѣ жатвы текущаго года. «Развѣ право собственности—говорилъ авторъ—заключо-

¹⁾ *Bibl. hist. de la Révol.*—Subsistances, 473—4—5 (*British Museum*).

²⁾ См. въ первомъ томѣ настоящаго сочиненія главу, посвященную экономистамъ XVIII вѣка.

³⁾ *Primo, du pain et voici comment*, par Louis Viger, député suppléant à la Convention nationale. *Bibl. hist. de la Révol.* — Subsistances, 473—4—5 (*British Museum*).

чается въ томъ, чтобы отказываться отъ продажи излишка хлѣба тѣмъ, у кого его мало? Нѣтъ. По какому праву земледѣлецъ сталъ бы желать, чтобы, ради обезпеченія его собственности, сосѣдъ его шелъ драться на границахъ, когда онъ представляетъ ему умирать съ голода?»¹⁾

Въ другой брошюрѣ, написанной подѣ влияніемъ тѣхъ же заботъ, другой авторъ, Моморо, старался доказать, что установленіе *максимальной цѣны* зернового хлѣба возможно, что оно справедливо, доставило бы большія выгоды, никоимъ образомъ не нарушало бы права собственности, какъ оно опредѣляется съ точки зрѣнія общественнаго интереса, и отнюдь не повело бы къ уничтоженію хлѣбной торговли. По словамъ автора, нѣтъ никакого сомнѣнія, что хлѣбопашецъ былъ бы достаточно вознагражденъ за свой трудъ и поощренъ къ дѣятельной обработкѣ своей земли, если бы за *максимальную цѣну* принято было отъ 25 до 30 ливровъ за мѣру, вѣсомъ въ 240 фунтовъ; въ доказательство онъ ссылаясь на то, что такое предложеніе сдѣлано было Конвенту по желанію опрошенныхъ на этотъ счетъ земледѣльцевъ. Цѣна хлѣба была бы въ этомъ случаѣ равна двумъ су и шести денье. Сдѣлавъ обзоръ различныхъ вѣроятныхъ возраженій, Моморо спрашивалъ себя, не понесутъ ли при предлагаемой имъ системѣ большихъ убытковъ люди, сдѣлавшіе значительные запасы хлѣба, и смыслъ его отвѣта на это былъ таковъ: да, понесутъ; но что намъ за дѣло до разоренія барышниковъ? Они рассчитывали на голодъ, и если ихъ расчеты будутъ разстроены, то тѣмъ лучше²⁾.

Здѣсь уместно вспомнить объ одномъ новомъ и замѣчательномъ предпріятіи.

Декретомъ 11 брюмэра (1 ноября) *комиссіи по продовольствію республики* было повелѣно составить чрезъ специальныхъ комиссаровъ общую таблицу, въ которой были бы показаны:

- 1) Цѣна каждаго рода товаровъ на мѣстѣ его производства или выдѣлки, державшаяся въ 1790 году, съ увеличеніемъ ея на одну треть;
- 2) помилная цѣна перевозки, соотвѣтственно разстоянію отъ фабрики;

¹⁾ *Biblioth. hist. de la Révol. — Subsistances, 473—4—5 (British Museum).*

²⁾ Мнѣніе члена управленія парижскаго департамента Моморо. *Ibid.*

3) прибыль оптоваго торговца, по расчету изъ пяти процентовъ;

4) прибыль розничнаго торговца, по расчету изъ десяти процентовъ.

Такимъ образомъ, оказывалось, что декретомъ въ нѣсколько строкъ рѣшено было установленіе цѣны всѣхъ товаровъ и съѣстныхъ продуктовъ на всемъ протяженіи республики: трудъ гигантскій, имѣвшій цѣлью обуздать алчность спекулянтовъ, намѣтить предѣлъ неумѣренныхъ барышей капиталистовъ, пресѣчь разнузданный ажіотажъ и облегчить гражданамъ пріобрѣтеніе предметовъ первой необходимости¹⁾.

Назначенные комиссары приступили къ возложенной на нихъ безпримѣрной задачѣ. Они обратились къ каждому округу, послали запросы каждому муниципалитету, воспользовались каждымъ народнымъ обществомъ, какъ орудіемъ обслѣдованія. Многія изъ мѣстныхъ управленій откликнулись на призывъ, другія воздержались. Но уже одинъ Парижъ, потреблявшій на своихъ фабрикахъ, въ мастерскихъ, въ промышленности и ремеслахъ всякаго рода матеріалы, могъ самъ по себѣ доставить нормы всѣхъ цѣнностей въ обращеніи всякихъ торговыхъ сдѣлокъ. Такъ возникъ самый новый и самый важный статистическій трудъ, какой только когда либо появлялся. Таблица, составленная въ силу декрета о максимальныхъ цѣнахъ, знакомила съ цѣною всего того, чѣмъ человѣкъ обязанъ щедрости природы, со стоимостью, прибавляемою къ этому человѣческимъ трудомъ, съ мѣстами различныхъ производствъ, съ мѣстами расположенія различныхъ, питаемыхъ торговлею, складовъ, съ многообразными отношеніями, связывающими усилія промышленности съ потребностями двадцати семи миллионовъ душъ. Это представляло собою анализъ труда, оглашеніе на весь міръ тайны торговли, фактическое описаніе промышленности, освѣщеніе обработки всякаго рода сырья; это было равносильно внесенію лампы въ тѣ лабораторіи, куда алчность слишкомъ часто беретъ къ себѣ на службу геній, и освѣщенію темныхъ тропинокъ, на которыя иногда заходитъ, заблудившись, человѣческая дѣятельность. Поэтому Бареръ былъ правъ, когда, давая отчетъ объ этомъ результатѣ, неполномъ только потому, что онъ былъ чудовищно великъ, воскликнулъ: «Ни у одной націи нѣтъ ни-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 154. Докладъ Барера.

чего подобнаго! Благодаря продолжительному труду, натуралисты и врачи составили таблицы смертности рода человѣческаго; вы же въ два мѣсяца составили таблицы жизни народа»¹⁾). Конвентъ немедленно постановилъ отпечатать *таблицы максимальныхъ цѣнъ* и разослать ихъ во все округу²⁾).

Какъ удивительна была эта борьба нашихъ предковъ со всеми, какъ бы стоворившимися между собою, бѣдствіями! Дѣло въ томъ, что къ голоду присоединились еще и чрезмѣрные холода. Уже два года парижане, за недостаткомъ запасовъ топлива въ городѣ, отапливались углемъ, который покупали со дня на день. Уголь сталъ большою рѣдкостью; въ каждую гавань приходило всего по одной баркѣ за одинъ разъ и очереди по нумерамъ можно было добиться лишь цѣною тягостнаго ожиданія въ продолженіе трехъ ночей³⁾! Не успѣвали разгрузчики выгрузить желанное топливо, какъ оно уже оказывалось распроданнымъ. Но когда рѣка стала, приходилось отправляться за дровами въ Булонскій лѣсъ, въ лѣса Венсенскій, Веррьерскій, Сень-Клу и Мёдонскій. Старики возвращались изъ лѣса, согнувшись подъ тяжелыми вязанками, напоминая басню о *Смерти и бѣднякѣ*. Бывало ли такое время, есть ли такая страна, гдѣ общественныя бѣдствія не породили бы какой-нибудь гнусной спекуляціи? Негодяи, «пьявки, выползшія изъ грязи воровскихъ трущобъ»⁴⁾, продавали сажень дровъ по четыреста франковъ, и случалось, что бѣдные отцы семействъ распиливали на дрова свои кровати, чтобы сварить пищу для дѣтей. Басейны въ городѣ замерзли, и водовозамъ приходилось ѣздить за водой въ отдаленные концы рѣки, при чемъ они брали отъ 15 до 20 су за каждую поѣздку. Дѣло дошло до того, что многіе сами стали носить воду, чтобы не платить за нее; а когда фонтаны были оттаяны, около нихъ тоже начали образовываться *хвосты*⁵⁾).

И все это великій парижскій народъ переносилъ съ героическимъ спокойствіемъ!.. Можно ли безъ умиленія и гордости вспоминать о томъ, что склады, въ которыхъ Комитетъ обществен-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 154.

²⁾ Засѣданіе 4 вантоза (22 февраля) № 155.

³⁾ *Mercier, Nouveau Paris*, t. III, chap. XC.

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ *Ibid.*

наго спасенія хранилъ всѣ предметы безусловной необходимости, вплоть до сукна, были нетронуты¹⁾, находясь подъ охраною народа, умиравшаго отъ голода, жажды и холода.

ГЛАВА VII.

Судъ въ клубѣ якобинцевъ.

№ 5 «Старога Кордельера», покаянный и сатирической.—Камилль Демуленъ и Геберъ передъ судомъ клуба якобинцевъ; Робеспьеръ и Дантонъ возстаютъ противъ чисто личныхъ ссоръ.—Филиппо выступаетъ съ обличеніями противъ Ронсена, Россиньоля и *другихъ агентовъ министерства*.—Рѣзкое опроверженіе со стороны Шудѣ.—Замаскированная оппозиція Бурдона (отъ д-та Уазы) Комитету общественной безопасности; осторожныя нападки Дантона.—Камилла Демулена вызываютъ къ отвѣту передъ клубомъ якобинцевъ.—Робеспьеръ беретъ на себя его защиту.—*Сожженіе не отвѣтъ*.—Раздраженіе Робеспьера; его возраженіе на вопль Демулена.—Примирительное вмѣшательство Дантона.—Въ клубѣ якобинцевъ прочитываются нумера «Старога Кордельера».—Робеспьеръ дѣлаетъ въ клубѣ якобинцевъ запросъ Фабру-д'Эглантину.—Портретъ Фабра. — Что ему ставится въ вину.—Его отвѣтъ на обвиненія.—Робеспьеръ оказываетъ покровительство Камиллу Демулену.—Затруднительное положеніе, въ которое ставитъ его это покровительство.—Приски гебертистовъ съ цѣлью взвалить на Робеспьера отвѣтственность за мнѣнія, высказанныя Камилломъ Демуленомъ.—Демулена вычеркиваютъ изъ списковъ клуба якобинцевъ.—Робеспьеръ требуетъ, чтобы это постановленіе было признано недѣйствительнымъ; клубъ соглашается на это.—Демуленъ остается въ якобинскомъ клубѣ.

Вечеромъ въ тотъ самый день, когда Робеспьеръ внесъ свой докладъ о революціонномъ правительствѣ, Камилль Демуленъ писалъ № 5 «Старога Кордельера»²⁾, оказавшійся актомъ покаянія по отношенію къ однимъ и ѣдкою сатирой по отношенію къ другимъ.

Въ этомъ номерѣ онъ яркими красками изображалъ свои заслуги, напоминалъ о томъ, какъ мужественно онъ принесть въ жертву республикѣ свои личныя привязанности, отказался отъ дружбы Барнава и прекратилъ дружбу съ Мирабо, «котораго любилъ, какъ любовницу»³⁾. Въ чемъ же его упрекаютъ? спрашивалъ онъ. Не говорилъ ли онъ, что «корабль республики плыветъ между двумя подводными камнями: умѣренностью и крайностью»⁴⁾. Не

1) Mercier, *Nouveau Paris*, t. IV, chap. CLV.

2) Последнія строки этого нумера писаны были, очевидно, послѣ представленія доклада Робеспьера, потому что въ нихъ упоминается о немъ.

3) *Vieux Cordelier*, № 5, p. 81. Collection des Mémoires relatifs à la Révolution française.

4) *Ibid.*, p. 76.

прибавлялъ ли онъ къ этому, что «доводить революцію до крайности менѣе опасно и гораздо лучше, чѣмъ оставаться по сю сторону ея?» Почему его судятъ на основаніи отдѣльныхъ фразъ? Онъ, будто бы, покровитель аристократовъ, патронъ умѣренныхъ! О, пусть только корабль республики, идущій между двухъ подводныхъ камней, слишкомъ близко подойдетъ къ тому утесу, который представляетъ собою умѣренность, и тогда всѣ увидятъ, какимъ образомъ онъ станетъ помогать управленіемъ рулемъ, увидятъ, умѣренный ли онъ ¹⁾! Умѣренный! Это онъ - то, говорившій, какъ и Робеспьеръ, и въ не менѣе сильныхъ выраженіяхъ: «Если бы нужно было выбирать между излишкомъ патриотизма и маразмомъ умѣренность, то нечего было бы и колебаться!» ²⁾ Онъ, заходившій въ революціи такъ же далеко, какъ Маратъ! ³⁾ Онъ, написавшій, что «Комитету общественной безопасности было одно время нужно пользоваться юриспруденціею деспотовъ и набросить на Декларацию правъ газовое покрывало, правда, прозрачное!» ⁴⁾ Его винятъ въ томъ, что онъ защищалъ Диллона; но съ какихъ же это поръ защита кого-нибудь составляетъ преступленіе? Если онъ преступенъ въ защитѣ Диллона, то Робеспьеръ преступенъ въ томъ, что взялъ на себя защиту Демулена, взявшаго на себя защиту Диллона! ⁵⁾ Противъ клеветы онъ выставялъ рѣшающее свидѣтельство, свидѣтельство Робеспьера, который заявлялъ, что Демуленъ отличный республиканецъ, что республиканецъ онъ скорѣе по инстинкту, по чувству, чѣмъ по холодному выбору, и что ему даже невозможно быть чѣмъ-нибудь другимъ. Кому была когда-либо воздаваема большая хвала? ⁶⁾ Впрочемъ, такъ какъ послѣдній нумеръ его газеты вызвалъ неодобреніе Комитета общественнаго спасенія, то онъ готовъ сжечь его и уподобиться Фенелону, который взошелъ на церковную каѳедру, чтобы огласить папское бреве, осуждавшее «Принципы святыхъ», послѣ чего онъ самъ разорвалъ ихъ ⁷⁾. Что касается его мнѣнія объ анархіи,

1) *Vieux Cardelier*, № 5, p. 102. Collection des mémoires etc.

2) *Ibid.*, p. 107—108.

3) *Ibid.*, p. 108.

4) *Ibid.*

5) *Ibid.*, p. 85.

6) *Ibid.*, p. 80.

7) *Ibid.*, p. 90.

то неужели ужъ такъ преступно было думать, послѣ Катона и Брута, что «анархія, дѣлая всѣхъ людей хозяевами, вскорѣ приводитъ ихъ подѣ власть единаго хозяина¹⁾. Этого - то единаго хозяина я и опасался; я опасался именно этого уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, расчлененія республики. Комитетъ обществѣннаго спасенія—этотъ спасительный Комитетъ—предотвратилъ это; но я вовсе не имѣю той заслуги, будто первымъ обратилъ его взоры на воззрѣнія нашихъ опаснѣйшихъ враговъ, достаточно ловкихъ для того, чтобы двинуться по единственно возможному пути контръ-революціи. Братья и друзья, неужели вы вмѣните писателю, депутату, въ преступленіе то, что онъ испугался того безпорядка, той безтолковщины, того разложенія политическаго организма, къ которымъ мы устремились бы съ быстротою уносившаго насъ потока, вмѣстѣ съ вырванными съ корнемъ принципами, еслибы Робеспьеръ въ своей послѣдней рѣчи о революціонномъ правительствѣ, заставивъ меня умѣрить шагъ, не бросилъ самъ якоря для основныхъ принциповъ нашей революціи, единственныхъ, на которыхъ только и можетъ быть упрочена свобода, чтобы уже не опасаться усилій тирановъ и времени?»²⁾

Трудно было бы принести повинную въ болѣе полномъ видѣ. Но зато какими жгучими нападками на своихъ враговъ всякихъ степеней вознаградилъ себя за это Демуленъ! Съ какою блестящею страстностью, съ какою граціей игралъ онъ кинжаломъ. «Въ январѣ — писалъ онъ — я видѣлъ, какъ Никола обѣдалъ всего только печенымъ яблокомъ: говорю это вовсе не въ упрекъ ему... Но повѣряю ли, что въ нивозѣ этотъ санкюлотъ, жившій такъ воздержно въ январѣ, имѣетъ въ долгу за Революціоннымъ судомъ болѣе ста пятидесяти тысячъ франковъ за типографскія работы, тогда какъ я, котораго онъ обвиняетъ, ни на одинъ день не увеличилъ моихъ маленькихъ достатковъ? Вотъ какой я *аристократъ*, находящійся на волосъ отъ гильотины, и вотъ какой Никола *санкюлотъ*, находящійся на волосъ отъ крупнаго состоянія³⁾! — На Горѣ люди уже не узнаютъ другъ друга. Если бы меня такъ рѣзко пожурилъ какой-нибудь старшій кордельеръ, въ родѣ меня, какой-нибудь *прямолинейный* па-

1) *Vieux Cardelier*, № 5, p. 111. Collection des mémoires etc.

2) *Ibid.*

3) *Ibid.*, p. 79 et 80.

тріотъ, напрімѣръ Бильо-Вареннъ, я сказалъ бы: «Это пощечина кипучаго св. Павла согрѣшившему св. Петру». Но ты-то, милый Геберъ ¹⁾!.. (Подожди, Геберъ, я сейчасъ буду къ твоимъ услугамъ ²⁾)... Я живо поставилъ бы и обвиняемаго, и доносителей на надлежащія мѣста, несмотря на весь великій гнѣвъ «Règè Duchesne», утверждающаго, какъ говоритъ Дантонъ, что «его трубка походитъ на іерихонскую трубу и что если онъ трижды покурить изъ нея вокругъ чьей-нибудь репутаціи, то она должна пасть» ³⁾... Тебѣ ли смѣтъ говорить о моемъ состояніи, когда два года тому назадъ весь Парижъ видѣлъ тебя пріемщикомъ контрамарокъ при театрѣ Варьете, откуда тебя *вычеркнули* по причинамъ, о которыхъ ты нагѣрное не запамятовалъ ⁴⁾?.. Досто-вѣрно то, что въ 1789 году тебя не было съ нами въ деревянномъ конѣ... достоверно, что ты, подобно обознымъ солдатамъ, сталъ замѣтенъ только послѣ побѣды, при чемъ проявилъ себя, какъ Терситъ, очерненіемъ побѣдителей, унося наибольшую часть добычи и отапливая и свою клеветническую кухню, и клеветническія дымовыя трубы ста двадцатью тысячами франковъ, такъ же, какъ и *жаровню* Бушотта ⁵⁾... Сто двадцать тысячъ франковъ Геберу за расхваливаніе Бушотта! Не слишкомъ ли щедро, господинъ Бушоттъ?» ⁶⁾

Такъ билъ съ-плеча Камилль Демулентъ. Потомъ, вдругъ впадая въ возвышенную грусть, онъ восклицалъ: «О, сова-рищи! да стоитъ ли народному представителю продолжать такую жизнь въ ущербъ чести? Изъ насъ нѣтъ ни одного та-кого, который не достигъ бы уже вершины житейской горы; намъ остается только спускаться съ нея черезъ тысячи пропа-стей, неизбѣжныхъ даже для самаго незамѣтнаго человѣка. При этомъ спускѣ передъ нами не развернется никакихъ пейзажей, никакихъ красивыхъ мѣстоположеній, которые не представля-лись бы въ тысячу разъ болѣе плѣнительными Соломону, гово-рившему, сидя среди своихъ семисотъ женъ и пренебре-жительно относясь ко всему этому переходящему счастью:

¹⁾ *Vieux Cordelier*, № 5, p. 92. Collection des mémoires etc.

²⁾ *Ibid.*, p. 95.

³⁾ *Ibid.*, p. 77.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 95.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 99.

⁶⁾ *Ibid.*, p. 100.

«Я нашель, что мертвые счастливѣе живыхъ, и что счастливѣе всѣхъ тотъ, кто никогда не родится» ¹⁾).

Геберъ вскипѣлъ бѣшенствомъ. 11 нивоза (31 декабря), поспѣшивъ въ клубъ якобинцевъ, онъ снова выступилъ тамъ съ разоблаченіями противъ Бурдона (отъ д-та Уазы), Фабра д'Эглантина и особенно Камилла Демулена, при чемъ настаивалъ, чтобы каждый членъ сказалъ все, что знаетъ о нихъ ²⁾).

16 нивоза (5 января) въ клубѣ якобинцевъ произошла новая схватка. Колло-д'Эрбуа возсталъ противъ Филиппо, требуя его исключенія изъ клуба; относительно же Демулена онъ сказалъ: «Не забудемъ того, что сдѣлалъ этотъ старый патриотъ для общественнаго блага» ³⁾. Этому *старому патриоту* было 30 лѣтъ—такъ быстро жили въ ту иору! Предсѣдатель прочелъ письмо Камилла Демулена съ извѣстіемъ о выходѣ № 5 «Стараго Кордельера». Одинъ изъ друзей Гебера, Моморо, возобновилъ нападки Гебера на Филиппо, относительно котораго другой членъ крикнулъ: «Онъ ничего не видалъ: онъ всегда развѣзжалъ въ каретѣ!» Въ свою очередь, всталъ и Геберъ со словами: «Справедливости! справедливости! Въ одномъ пасквилѣ меня обвиняютъ въ растратѣ общественнаго достоянія».—«Вотъ тому доказательство», отвѣтилъ пронзительный голосъ: то былъ голосъ Камилла Демулена. «У меня въ рукѣ—прибавилъ онъ—извлеченіе изъ вѣдомостей національнаго казначейства, изъ котораго видно, что 2 іюня Бушоттомъ уплачено Геберу сто двадцать три тысячи ливровъ за его газету; что 4 октября ему же выдано шестьдесятъ тысячъ ливровъ за 600,000 экземпляровъ *Père Duchesne*, тогда какъ эти 600,000 экземпляровъ должны были стоить всего лишь 17,000 ливровъ» ⁴⁾.—«Я радъ, сказалъ Геберъ, что меня обвиняютъ въ лицо; я отвѣчу».

Въ эту минуту попросилъ слова вернувшійся изъ Тулона Робеспьеръ-младшій и выразилъ удивленіе по поводу открывающагося передъ нимъ зрѣлища. «За пять мѣсяцевъ моего отсутствія—сказалъ онъ съ горечью и серьезностью—общество якобинцевъ, мнѣ кажется, страннымъ образомъ измѣнилось. При моемъ отъѣздѣ здѣсь занимались крупными интересами республики, а теперъ клубъ волнуютъ жалкіе личные споры. Да ка-

¹⁾ *Vieux Cordelier*, № 5, p. 103 et 104. Collection des mémoires etc.

²⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 106.

³⁾ *Ibid.*, № 109.

⁴⁾ *Ibid.*

кое же намъ дѣло до того, что Геберъ воровалъ, продавая контрамарки при театрѣ Варьете?..» Поднялся насмѣшливый шумъ.

Геберъ, стоя на трибунѣ, возводилъ глаза къ небу, топалъ ногой. «Меня, кажется, хотять сегодня убить?..» ¹⁾ крикнулъ онъ въ отчаяніи. И крикъ этотъ вызвалъ только ропотъ. Робеспьеръ-младшій, дунувъ на огонь, только усилилъ его, вмѣсто того, чтобы погасить.

Робеспьеръ-старшій старался восстановить спокойствіе, сказавъ, что его братъ долго отсутствовалъ, какъ это и видно изъ его словъ; что онъ оказалъ въ Тулонѣ большія услуги, но, по видимому, недостаточно понимаетъ, какъ опасно давать пищу мелкимъ страстямъ, столь сильно сталкивающимся между собою; что эти споры отнимаютъ время, нужное для общественнаго дѣла; что долгъ республиканцевъ препятствовать всякому угнетенію; что самъ онъ никого не обвиняетъ и ждетъ свѣта, чтобы рѣшиться на то или другое: «Я готовъ держать пари, что показанные Камилломъ уличающіе документы ничего не доказываютъ» ²⁾... Въ заключеніе, онъ предложилъ приступить къ прочтенію брошюры Филиппо.

Въ такомъ же смыслѣ высказался Дантонъ. Онъ выразилъ огорченіе по поводу этихъ личныхъ пререканій, заставляющихъ забывать объ общественныхъ дѣлахъ, и настаивалъ на томъ, чтобы обо всемъ освѣдомили народъ и дали поработать «гильотинѣ общественнаго мнѣнія». Затѣмъ, по всегдашней привычкѣ облекать даже свои призывы къ умѣренности въ буйныя выраженія, онъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Подчинимъ наши личныя чувства ненависти всеобщему интересу и дадимъ аристократамъ первенство лишь по отношенію къ кинжалу» ³⁾. Рѣшено было выслушать Филиппо въ слѣдующемъ засѣданіи.

Итакъ, Робеспьеръ и Дантонъ въ одинъ голосъ протестовали противъ споровъ, не особенно возвышенный характеръ и личная пѣль которыхъ клонились не только къ возбужденію личностей, но и къ опошленію республики. Усилія ихъ были, однако, тщетны. Борьба шла между слишкомъ многими страстями второстепеннаго характера, чтобы могъ быть услышанъ

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 109.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibid.*

голосъ одного только разума. Филиппо, весь отдавшійсь вывезеннымъ имъ изъ Вандей заботамъ, горѣлъ желаніемъ довести дѣло до конца: Камилль Демуленъ поощрялъ его къ этому выраженіемъ необдуманно почтительнаго удивленія; Бурдонъ не былъ намѣренъ такъ скоро отказаться отъ своей цѣли подорвать основы, на которыхъ покоилась власть Комитета общественнаго спасенія; а за спиною Бурдона стоялъ, подстрекая и направляя его съ горячностью, Фабръ д'Эглантинъ ¹⁾.

18 нивоза (7 января), въ день, назначенный клубомъ якобинцевъ для выслушанія объясненій Филиппо, послѣдній, стремясь очертя голову къ столкновенію, котораго Робеспьеръ и Дантонъ хотѣли избѣжать, бросилъ съ трибуны Конвента по адресу Ронсена, Россиньоля и «другихъ агентовъ министерства» одно изъ самыхъ рискованныхъ и самыхъ рѣзкихъ обвиненій, какія когда-либо раздавались въ Собраніи ²⁾. Его обвинительный актъ былъ половъ ошибокъ, высказанныхъ несомнѣнно искренно, но тѣмъ болѣе прискорбныхъ, что такъ какъ въ это время большая вандейская армія, переправившаяся черезъ Луару, оказалась совершенно уничтоженною и мнимыя предательства, про которыя толковалъ Филиппо, завершились въ концѣ концовъ побѣдою, то не было никакой необходимости въ нападкахъ для того, чтобы прикрыть легкомысленность или оправдать упорство его разоблаченій. Шудьё, видѣвшій собственными глазами многое изъ того, о чемъ Филиппо могъ говорить только по слухамъ ³⁾, не вытерпѣлъ. Будучи связанъ съ сомюрскою партіей, которую Филиппо такъ топталъ въ грязь, онъ долго молчалъ изъ опасенія ли поселить раздоръ между патріотами, или изъ презрѣнія; но наконецъ, утомившись этими усиленными нападками, слабую сторону которыхъ онъ зналъ лучше кого бы то ни было, разразился восклицаніемъ: «Если Филиппо не помѣшанный, то онъ величайшій изъ обманщиковъ... Онъ безсовѣстно жлетъ, обвиняя Россиньоля въ трусости. Къ этой выходкѣ побудилъ его страхъ самому подвергнуться обвиненію за то, что онъ звалъ гибельную мѣру 2 сентября» ⁴⁾. И, не откладывая дѣла,

¹⁾ См. проектъ доклада Робеспьера о партіи Фабра-д'Эглантина въ опубликованныхъ Куртуа документахъ.

²⁾ Относительно несправедливости этихъ обвиненій Филиппо см. въ IX томѣ настоящаго сочиненія главу X.

³⁾ Напримѣръ, дѣло подъ Корономъ.

⁴⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 110.

Шудѣ приступилъ къ уничтожающему отвѣту, которому суждено было стать для Филиппо роковымъ.

Съ своей стороны и въ томъ же засѣданіи Бурдонъ открылъ атаку на правительство и пришелъ къ заключенію, что съ монархическимъ министерствомъ надо покончить, что власть надо преобразовать, а временно постановить, что министры не могутъ получать никакихъ суммъ изъ общественнаго казначейства безъ предварительнаго декрета ¹⁾.

Это значило парализовать все въ такую минуту, когда республика погибла бы, если бы не могла дѣйствовать быстро.

Странно то, что Дантонъ поддержалъ Бурдона, предложивъ «декретировать принципъ», съ препровожденіемъ, однако, подробностей на разсмотрѣніе Комитета общественнаго спасенія, «для того — сказалъ онъ — чтобы не замедлять хода вашихъ успѣховъ» ²⁾. Конвентъ вотировалъ въ этомъ смыслѣ.

Но предложенная Дантономъ поправка только замаскировала значеніе атаки. Въ дѣйствительности подобный вотумъ, при тогдашнихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, сводилъ дѣло не меньше какъ къ дезорганизаціи управленія. И результаты сказались уже на слѣдующій день: административная машина сразу остановилась; раздались жалобы; опасности возросли и служба армій безусловно пресѣклась бы, если бы Комитетъ общественнаго спасенія не рѣшилъ нарушить декретъ ради сохраненія республики ³⁾.

Засѣданіе Конвента 18 плювіоза (7 января) было печальною прелюдией къ тому засѣданію, которое должно было состояться вечеромъ въ клубѣ якобинцевъ. Страсти снова разнуздались. Едва засѣданіе собралось, были вызваны Бурдонъ, Фабръ д'Эглантинъ, Камилль Демуленъ и Филиппо. Приглашеніе сдѣлано было трижды и трижды осталось безъ послѣдствій. Обвиняемыхъ не было налицо. «Такъ какъ лица, вызвавшія эту борьбу, избѣгаютъ боя—сказалъ Робеспьеръ—то пусть клубъ отдастъ ихъ на судъ общественнаго мнѣнія, которое и будетъ судить ихъ». Затѣмъ, какъ бы съ цѣлью отклонить клубъ отъ этихъ схватокъ, которыя могли бы повредить его достоинству, а мо-

¹⁾ Засѣданіе Конвента 18 нивоза (7 февраля). *Moniteur*, an II, (1794), № 110.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ Проектъ доклада Робеспьера о партіи Фабра-д'Эглантина.—Робеспьеръ утверждаетъ въ немъ, что рѣчь Бурдона была написана Фабромъ.

жетъ быть и его важному значенію, онъ предложилъ поставить на очередь вопросъ иностранной политики: «Преступленія англійскаго правительства и недостатки британской Конституціи»¹⁾.

Но мысли собравшихся были заняты не тѣмъ. Клокотавшія въ сердцахъ страсти были на столько мало склонны отвлечься въ сторону, что одно, всего одно слово вызвало бурю. Одинъ изъ членовъ, говоря о Конвентѣ, проронилъ эпитетъ *преступный*, въ примѣненіи къ рѣшенію относительно посылки въ Вандею Гупильо (отъ Фонтенэ)—и вотъ возникъ величайшій беспорядокъ. Нѣсколько человекъ закричали, что Конвентъ унижаютъ, шумъ поднялся неимовѣрный; предсѣдатель былъ вынужденъ надѣть шляпу²⁾. «Конвенту нанесено оскорбленіе!» крикнулъ Бантаболь, воспользовавшись минутою тишины. «Нѣтъ, нѣтъ!» отвѣчали ему со всѣхъ сторонъ. Огорченный и раздраженный, Робеспьеръ высказалъ прискорбіе по поводу того, что нѣкоторые члены съ такою готовностію пользуются малѣйшимъ обстоятельствомъ, чтобы помѣшать клубу пользоваться спокойствіемъ, которое ему такъ необходимо. «Конвентъ—прибавилъ онъ приподнятымъ тономъ—не такъ легко унижить, какъ здѣсь, кажется, опасаются... Кто ежеминутно высказываетъ такое опасеніе, тотъ не имѣетъ никакого уваженія ни къ себѣ, ни къ Конвенту, ни къ народу. Честь, которою онъ пользуется, Конвентъ получилъ только отъ самого себя; выше его только французскій народъ; а что касается людей, которые, быть можетъ, желали бы, чтобы Конвентъ былъ униженъ, то пусть они увидятъ въ этомъ предсказаніе своей гибели, пусть они услышатъ оракула ихъ вѣрной смерти; они будутъ уничтожены».

При этихъ словахъ все собраніе встало какъ одинъ человекъ и въ сильнѣйшемъ волненіи громкими криками провозгласило гибель измѣнникамъ и торжество французскому народу³⁾.

Между тѣмъ, на трибунѣ появился блѣдный молодой человекъ. Боже, какъ онъ былъ взволнованъ и какимъ дрожащимъ голосомъ онъ заговорилъ! Неужели то былъ Ювеналь изъ «Стараго Кордельера?» «Послушайте—воскликнулъ онъ—признаюсь вамъ, я просто не знаю, что со мною: со всѣхъ сторонъ меня

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 111,

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibid.*

обвиняють, на меня клеветуют. Относительно Филиппо сознаюсь вамъ откровенно, что я отъ чистаго сердца повѣрилъ тому, что у него сохранилось въ памяти... Признаюсь, что я самъ не знаю, что со мною. Чему вѣрить? На чемъ остановиться? Я теряю голову...»¹⁾).

Робеспьеръ пришелъ на помощь своему бывшему школьному товарищу. Тяжело, но безъ ѣдкости подтрунивъ надъ его чрезмернымъ преклоненіемъ передъ Филиппо, онъ извинялъ его тѣмъ, что въ немъ есть что-то въ родѣ лафонтеновской наивности. Писанія его достойны осужденія, но не слѣдуетъ смѣшивать его личность съ его писаніями. Камиллъ избалованный ребенокъ, у котораго бываютъ удачныя настроенія, но который сбить съ толку дурною компаніей. «Надо — прибавилъ Робеспьеръ — поступить строго съ его газетой, которой самъ Бриссо не осмѣлился бы одобрить, а его самого сохранить въ нашей средѣ. Для примѣра, предлагаю сжечь въ клубѣ нумера газеты Камилла»²⁾).

Въ этомъ дружественномъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ворчливомъ покровительственномъ тонѣ было что-то презрительное, но и очень ловкое. Для того, чтобы смягчить вину Демулена, всего умѣстнѣе было уменьшить ея значеніе. А что касается предложенія сжечь нумера, считавшіеся опасными, то оно исходило отъ Камилла Демулена, который самъ написалъ, приведя знаменитый примѣръ смиренія Фенелона: «Я готовъ сжечь мой № 3-й»³⁾).

Можно себѣ представить, какъ разсердился Робеспьеръ, когда въ ту минуту, какъ онъ протягивалъ руку Демулену, послѣдній пустил такую стрѣлу, мѣтя ему въ сердце: «Отлично сказано, Робеспьеръ; но я отвѣчу тебѣ, какъ Руссо: сжечь не значитъ дать отвѣтъ»⁴⁾). Это восклицаніе, казалось, преобразило Робеспьера въ инквизитора. Глубоко задѣтый, онъ возразилъ: «Какъ можно еще осмѣливаться оправдывать сочиненія, которыми съ отрадой зачитывается аристократія? Знай, Камиллъ, что не будь ты Камиллъ, къ тебѣ нельзя было бы отнестись съ такою снисходительностью. Тотъ способъ, которымъ ты хочешь оправ-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794) № 111.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Vieux Cordelier*, № 5, p. 90.

⁴⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 111.

дать себя, доказываетъ, что у тебя дурныя намѣренія. Сжечь не значитъ дать отвѣтъ! Но можетъ ли быть эта цитата приводима въ данномъ случаѣ?»

— Но, Робеспьеръ, я тебя не понимаю, заговорилъ Камилль. Какъ можешь ты говорить, что мою газету читаютъ одни аристократы? «Стараго Кордельера» читали Конвентъ, Гора. Значитъ, Конвентъ и Гора состоятъ изъ однихъ аристократовъ? Ты меня здѣсь осуждаешь; но развѣ я не былъ у тебя? Не прочитывалъ ли я тебѣ мои нумера, умоляя тебя, во имя дружбы, помочь мнѣ совѣтами и намѣтить мнѣ путь, по которому идти? ¹⁾

Камилль Демуленъ забывалъ, однако, что Робеспьеръ просмотрѣлъ только два первыхъ нумера, именно тѣ, въ которыхъ не было ни двусмысленныхъ намековъ противъ революціи, ни сопоставленій, которыми могли воспользоваться ея враги. «Ты показывалъ мнѣ не всѣ нумера, сказалъ Робеспьеръ; я видѣлъ всего одинъ или два. Такъ какъ я не охотникъ до ссоръ, то не захогѣлъ читать другихъ нумеровъ: стали бы говорить, что составлялъ ихъ я» ²⁾.

Камилль Демуленъ промолчалъ ³⁾.

Тогда поднялся съ своего мѣста Дантонъ и сказалъ: «Камиллу не слѣдуетъ пугаться нѣсколькихъ строгихъ уроковъ, которые только-что даны ему, по дружбѣ, Робеспьеромъ. Граждане, пусть вашими рѣшеніями всегда руководятъ справедливость и хладнокровіе. Судя Камилла, поступайте осторожно, чтобы не нанести гибельнаго удара свободѣ печати» ⁴⁾.

Затѣмъ прочитанъ былъ № 4 «Стараго Кордельера»; чтеніе

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794) № 111.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ Въ очеркѣ жизни Камилла Демулена, написанномъ Маттономъ, говорится: «Камилль хочетъ отвѣтить, но тысяча голосовъ противятся этому». Авторъ не указываетъ своихъ источниковъ, а въ *Moniteur* нѣтъ объ этомъ ни слова.

⁴⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 111.—Если бы у г. Марка Дюффреса, когда онъ писалъ свой интересный и замѣчательный очеркъ о Камиллѣ Демуленѣ, былъ передъ глазами *Moniteur*, онъ не написалъ бы слѣдующихъ прискорбныхъ строкъ: «Робеспьеръ предлагаетъ сжечь нумера «Стараго Кордельера», а самъ же исправлялъ ихъ собственною рукой!» Точно также Робеспьеръ не говорилъ: «Сжечь не значитъ дать отвѣтъ! Вотъ еще остроумная выходка, за которую этотъ несчастный дорого поплатится!» Г. Дюффресь не обратилъ вниманія на то, что даже и послѣ этой сцены, какъ мы увидимъ ниже, Робеспьеръ еще разъ пришелъ Камиллу на помощь.

было внимательно прослушано на трибунахъ среди тишины и, по словамъ Камилла Демулена, «съ весьма малозамѣтнымъ недоброжелательствомъ»¹⁾.

Чтеніе № 3-го состоялось лишь на слѣдующій день; читаль его Моморо. Въ залѣ было такъ же тихо, какъ и наканунѣ. Предложено было прочесть и № 5-й, но Робеспьеръ замѣтилъ, что въ этомъ нѣтъ надобности, что надо установить общественное мнѣніе относительно автора. Въ инкриминированныхъ статьяхъ Робеспьеръ видитъ причудливую смѣсь истины съ ложью, политики съ нелѣпостями, здравыхъ воззрѣній съ химерическими и личными проектами. Онъ порицаетъ Камилла, порицаетъ и Гебера, но предлагаетъ вмѣсто обсужденія личности Камилла заняться обсужденіемъ общественнаго дѣла. Горячо желая отвлечь вниманіе клуба якобинцевъ отъ чисто личныхъ ссоръ, онъ старается направить это вниманіе на вопросы болѣе отдаленные и болѣе высокіе. Онъ указываетъ на присутствіе иноземной руки въ существованіи обѣихъ партій, которыя, исходя изъ противоположныхъ отправныхъ точекъ, встрѣчаются въ общемъ для нихъ обѣихъ стараній погубить республику. Вдругъ, увидѣвъ, что всталъ и сходитъ со своего мѣста Фабръ-д'Эглантинъ, онъ попросилъ собраніе удержать его, а когда тотъ всходилъ на трибуну, Робеспьеръ сказалъ съ высокомернымъ видомъ: «Если у Фабра тема уже совсѣмъ готова, то моя тема еще не исчерпана. Прошу его подождать»²⁾. Затѣмъ онъ продолжалъ свою рѣчь. Выраженія его были неопредѣленны; въ нихъ глухо слышалось подозрѣніе и съ устъ его сорвалась грозная фраза: «Остается раздавить всего нѣсколько змѣй». Кто эти змѣи? Угроза встрѣчена была во всѣхъ концахъ зала рукоплесканіями³⁾. Но ничьего имени произнесено пока не было. Наконецъ, Робес-

¹⁾ *Vieux Cordelier*, № 6, p. 126 et 127, *ubi supra*.—Тьеръ, давалъ отчетъ о засѣданіи 18 плювіоза (7 января), влагааетъ въ уста Робеспьеру слѣдующія слова, которыя мы встрѣчаемъ также у Маттона-старшаго, въ его очеркѣ жизни Камилла Демулена: «Ну, пусть не сжигаютъ нумеровъ, но пусть отвѣтять; пусть немедленно же прочтутъ нумера газеты Камилла. Такъ какъ онъ хочетъ того, пусть имя его будетъ покрыто позоромъ... Человѣкъ, такъ сильно отстаивающій коварныя статьи, быть можетъ, хуже чѣмъ находится въ заблужденіи» и т. д., и т. д. Откуда это взято? О томъ не говорятъ намъ ни Маттонъ, ни Пьеръ. Въ *Moniteur* ничего подобнаго нѣтъ.

²⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 113. Засѣданіе клуба якобинцевъ 19 нивоза (8 января).

³⁾ *Ibid.*

пьеръ назвалъ то имя, которое онъ несомнѣнно держалъ въ мысляхъ. Отвращая гнѣвъ собранія отъ головы Камилла Демулена, онъ сказалъ: «Приглашаю Общество якобинцевъ заняться только заговоромъ, не обсуждая больше нумеровъ «Стараго Корделъбера», и затѣмъ прибавилъ, пристально смотря на Фабра д'Эглантина: «Я требую, чтобы этотъ человѣкъ, который, никогда не появляется безъ лорнета въ рукѣ и такъ хорошо умѣетъ излагать театральныя интриги, соблаговолилъ объясниться; посмотримъ, какъ онъ выпутается теперь...»¹⁾

Фабръ-д'Эглантинъ заявилъ, что онъ подождетъ съ отвѣтомъ, пока обвиненія противъ него не будутъ точно формулированы, и сказалъ, что не только никогда не оказывалъ вліянія на Демулена, но и никогда не посѣщалъ публично ни Бурдона, ни Филиппо.

Тутъ онъ былъ прерванъ варварскимъ возгласомъ: *На имьотину!* при чемъ Робеспьеръ потребовалъ немедленнаго изгнанія изъ Общества того, кто это крикнулъ; требованіе это было исполнено²⁾.

Фабръ снова началъ говорить, но рѣчь его была найдена мало удовлетворительною, и такъ какъ члены стали выходить одинъ за другихъ, то засѣданіе закрыли³⁾.

Фабръ былъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ человѣкомъ, который еще въ ранней молодости получилъ на тулузскихъ «jeux floraux» премію въ видѣ золотого шиповника и присоединилъ къ своей фамиліи названіе этого цвѣтка (*églantine*⁴⁾). Мы уже говорили о составленіи республиканскаго словаря и о томъ, что честь этой работы раздѣлилъ съ Роммомъ Фабръ-д'Эглантинъ; какъ было бы хорошо, если бы онъ оставилъ по себѣ только эту память! Но можно ли когда-нибудь забыть его показаніе противъ жирондистовъ, которыхъ онъ не постыдился выставить участниками въ кражѣ изъ склада дворцоваго движимаго имущества? Впрочемъ, онъ былъ близокъ къ тому, чтобы искупить эту клевету, такъ какъ и самъ былъ повергнутъ на-земь подобною же клеветой. Онъ имѣлъ обыкновеніе говорить: «Я чую подозрительнаго человѣка за четверть лье»; по какой же роко-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794); № 113.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ Michaud jeune, *Biographie universelle*.

вой случайности онъ самъ попалъ въ разрядъ подозрительныхъ? Достоверно то, что въ глазахъ Робеспьера онъ имѣлъ гибельно важное значеніе главы партіи, да еще главы лукаваго, скрытнаго, находчиваго, всегда прятаннаго за спиною руководимыхъ имъ людей, наносившаго удары только чужою рукой, бороваго лишь въ темнотѣ и обращаваго политику въ театральную интригу¹⁾. Нужно отмѣтить слѣдующее: въ своемъ проектѣ доклада о партіи «нисходительныхъ» Робеспьеръ старается, повидимому, выгородить Дантона, секретаремъ котораго состоялъ Фабръ; что же касается Демулена, другомъ котораго былъ Фабръ, то его онъ изображаетъ лишь второстепеннымъ и обманутымъ агентомъ. Воздемъ, истиннымъ вождемъ заговора, который онъ считаетъ раскрытымъ, состоялъ, по его мнѣнію, бывшій провинціальный актеръ, сдѣлавшійся драматическимъ писателемъ и ставшій мастеромъ въ искусствѣ распознавать «пружину, которую слѣдуетъ нажать, чтобы придать то или другое движеніе политическимъ машинамъ, находящимся въ распоряженіи интриги»²⁾; врагомъ, котораго надо побѣдить, являлся, на взглядъ Робеспьера, именно авторъ *Philinte et Molière*, забившійся въ тѣнь кулисъ и оттуда руководящій сценическими эффектами, а также и насмѣшникъ, человекъ съ лорнетомъ. И этого мнѣнія о Фабрѣ-д'Эглантинѣ держался не одинъ Робеспьеръ. Мы скорѣ услышимъ, какъ скажетъ о немъ Сень-Жюсть: «Онъ игралъ на умахъ и сердцахъ, на предразсудкахъ и страстяхъ, какъ композиторъ играетъ на музыкальныхъ инструментахъ»³⁾. Дантонъ, говоря о Фабрѣ, отзывался, что «голова его — цѣлый репертуаръ комическихъ вещей»⁴⁾. Но въ то же время Дантонъ приписывалъ ему добродушіе и, въ доказательство этого, ссылаясь на то, что, находясь у Камилла Демулена въ ту минуту, когда тотъ читалъ свое ходатайство въ пользу учрежденія *Комитета милосердія*, Фабръ плакалъ. Но Сень-Жюсть, напомнивъ объ этомъ фактѣ, жестко прибавилъ: «И крокодилъ плачетъ»⁵⁾.

¹⁾ См. проектъ доклада о партіи Фабра-д'Эглантина, найденный въ бумагахъ Робеспьера и опубликованный Куртуа.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ Докладъ Сень-Жюста противъ дантонистовъ. *Histoire parlementaire*, t. XXXII, p. 83.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 95.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 96.

Конечно, то былъ крикъ ненависти, а ненависть не всегда справедлива. Но то, что именно въ эту пору Фабръ-д'Эглантинъ проливалъ слезы умиленія, когда слышалъ слово *miloserdie*, и напечаталъ похвальное слово Марату ¹⁾, несомнѣнно должно было показаться страннымъ такимъ подозрительнымъ людямъ, какъ Робеспьеръ, и такимъ суровымъ, какъ Сень-Жюсть.

Въ числѣ документовъ, найденныхъ у Робеспьера послѣ его смерти, есть одинъ, который жестоко подвергаетъ сомнѣнію честность Фабра-д'Эглантина. Въ немъ сказано: «Когда д'Эглантинъ былъ секретаремъ судебного вѣдомства, онъ заказалъ 10.000 паръ башмаковъ, по пяти ливровъ за пару... Затѣмъ онъ продалъ ихъ по 8 ливровъ 10 су и по 9 ливровъ. Это тѣ знаменитые башмаки, которые прослужили нашимъ добровольцамъ въ долинахъ Шампаньи всего двѣнадцать часовъ... Д'Эглантину справедливо ставятъ въ упрекъ то, что онъ щеголяетъ роскошью, постыдною для нашихъ республиканскихъ нравовъ. Не покажется ли невѣроятнымъ то, что этотъ человекъ, едва имѣвшій 10 августа башмаки и закладывавшій одни предметы одѣянія, чтобы выкупить другіе и тѣмъ доставить себѣ удовольствіе перемѣнить костюмъ, вдругъ оказался обладателемъ блестящаго экипажа и могъ нанимать лакеевъ для своей любовницы, г-жи Реми?» ²⁾..

Вотъ что отвѣчалъ Фабръ на эти обвиненія:

«Говорятъ, будто я богатъ: я отдаю все, чѣмъ владѣю во всемъ мірѣ, за исключеніемъ моихъ сочиненій, меньше чѣмъ за 40.000 ливровъ; а это плодъ шестнадцати театральныхъ пьесъ, успѣхъ которыхъ, благодаря благосклонности публики, былъ такъ великъ, что иная изъ моихъ комедій выдержала сто шестьдесятъ представленій сряду. Пусть прочтутъ записи всѣхъ театровъ во Франціи, и тогда окажется, что они выдали мнѣ болѣе 150,000 ливровъ. Вотъ что можетъ у меня остаться.—Говорятъ, будто я живу въ роскоши. Я всею душой люблю все искусство. Я пишу красками, рисую, занимаюсь музыкой, лѣпкой, гравированіемъ, пишу стихи, написалъ въ пять лѣтъ семнадцать ко-

¹⁾ Похвальное слово Марату, написанное Фабромъ-д'Эглантиномъ, вышло изъ печати наканунѣ того дня, когда Робеспьеръ такъ сурово обошелся съ Фабромъ въ клубѣ якобинцевъ.

²⁾ См. *Hist. parlem.*, t. XXXII, p. 232 et 233.

медій. Мое жилие отдѣлано собственными моими руками. Вотъ моя роскошь» ¹⁾).

Какъ бы то ни было, Робеспьеръ настолько же преувеличивалъ себѣ провинности и недостатки Фабра-д'Эглантина, насколько чувствовалъ склонность снисходительно набрасывать покрывало на проступки Камилла Демулена. И эта склонность поставила его въ затруднительное положеніе. Гебертисты, искушившіеся въ подрываніи его популярности, опираясь на двукратно проявленное имъ покровительство Камиллу Демулену, стали возлагать на него, въ двусмысленныхъ выраженіяхъ, отвѣтственность за рѣзкіе намеки послѣдняго на революціонный строй. Какъ возможно, говорили они, чтобы человѣкъ, сравнивавшій этотъ строй съ царствованіями Тиберія и Нерона, нашелъ такого снисходительнаго судью въ лицѣ одного изъ членовъ Комитета общественнаго спасенія? Какая тайпа кроется подъ этой терпимостью человѣка, славящагося непреклонностью, по отношенію къ писателю, произведенія котораго съ радостнымъ трепетомъ читаютъ нарахватъ контръ-революціонеры? Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія и скоро мы увидимъ тому доказательства, что презрительная форма, въ которую Робеспьеръ облекъ свое заступничество, до глубины души оскорбила Камилла Демулена; но люди, желавшіе погубить ихъ обоихъ, одного посредствомъ другого, дѣлали видъ, будто видятъ въ этомъ презрѣніи лишь ухищреніе дружбы, лишь ловкій пріемъ съ цѣлью избавить виновнаго отъ отвѣтственности за его поступки. А, личность Камилла слѣдуетъ отличать отъ его статей? Но за что же такая привилегія? За то, что Камиллъ *ребенокъ*? По-истинѣ удивительно! Но какой *зрѣлый* *человѣкъ* наносилъ когда-либо революціи болѣе смертоносные удары, чѣмъ этотъ ребенокъ, авторъ № 3-го «Стараго Кордельера»? Такъ говорили гебертисты; они думали, что нашли наконецъ слабое мѣсто въ бронѣ своего врага и не переставали повторять: «Камиллъ Демуленъ оклеветалъ революцію, а Робеспьеръ защищаетъ Камилла Демулена ²⁾», чего же еще яснѣе?»

¹⁾ *Fabre d'Églantine à ses concitoyens, à la Convention et aux Comités de salut public et de sûreté générale*, въ *Biblioth. hist. de la Révol.*, 35, 36 (*British Museum*).

²⁾ На этотъ-то упрекъ Робеспьеръ и былъ вынужденъ отвѣчать въ томъ засѣданіи, отчетъ о которомъ только что данъ нами; отвѣтилъ онъ такъ: «Есть люди, полагающіе или *желающіе*, чтобы *всѣ поверили*, будто я защищаю Демулена. Между тѣмъ, никто не высказался о немъ такъ откровенно какъ я».—Засѣданіе клуба якобинцевъ 21 нивоза (10 января).

А потому въ группахъ начали подозрѣвать самого Робеспьера въ умѣренности ¹⁾).

При такомъ положеніи дѣлъ, для гебертистовъ представлялся очень простой способъ дѣйствій: удвоить нападки на Камилла Демулена, чтобы принудить Робеспьера либо признать себя побѣжденнымъ, отступившись отъ него, либо все болѣе и болѣе компрометировать себя упорною защитой его.

Благодаря ихъ стараніямъ, клубъ якобинцевъ постановилъ 21 нивоза (10 января) исключить Демулена. Къ счастью, когда одинъ изъ членовъ предложилъ примѣнить ту же мѣру и къ Бурдону (отъ д-та Уазы), а Дюфурни воспротивился этому, Робеспьеръ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, какъ средствомъ къ тому, чтобы склонить клубъ къ отмѣнѣ принятаго рѣшенія, при чемъ, однако, не попалъ въ разставленную ему гебертистами ловушку. Заговоривъ горячо, онъ выразилъ удивленіе, что Дюфурни, отнесшись такъ строго къ Камиллу, оказывается столь снисходительнымъ къ Бурдону и къ Филиппо. Гдѣ и когда Филиппо оказалъ большія заслуги передъ отечествомъ? сказалъ онъ. Да и кто онъ, какъ не плохой воинъ жирондизма, солдатъ, посланный аристократіей на опасный постъ? Но Камилль Демулень — какая разница! Онъ, по крайней мѣрѣ, никогда не тянулъ въ сторону аристократовъ. Если ему случалось писать контръ-революціонныя статьи, то нельзя отрицать, что онъ писалъ также и въ пользу революціи и служилъ дѣлу свободы. Филиппо менѣе опасенъ, чѣмъ Камилль, со стороны таланта, потому что таланта у него нѣтъ, тогда какъ у Демулена его много, и слѣдуетъ, конечно, пожалѣть, что послѣдній не *всегда* служилъ на общее благо; Филиппо же никогда не вѣдалъ патріотизма. Впрочемъ, онъ, Робеспьеръ, усталъ отъ всей этой борьбы, чуждой соображеніямъ общественнаго блага. Есть другіе предметы, болѣе достойные вниманія республиканцевъ и свободныхъ людей, напр., разстморѣніе недостатковъ англійской конституціи или происковъ, направленныхъ къ уничтоженію Конвента. Въ сравненіи съ этими двумя крупными предметами, что значать *частные интересы* людей, желающихъ изгнать изъ клуба Камилла Демулена и Бурдона ²⁾?

¹⁾ Камилль Демулень прямо высказалъ это въ *Vieux Cordelier*, № 5, р. 92. *Collection des Mémoires relatifs à la Révolution française.*

²⁾ См. *Moniteur*, an II (1794), № 115.

Это было какъ нельзя болѣе ловкимъ приѣмомъ для того, чтобы поставить клубъ на покатую плоскость, которая вела къ отмѣнѣ принятаго рѣшенія. Робеспьеръ даже сдѣлалъ видъ, будто думаетъ, что рѣшеніе, уже принятое, еще только подлежитъ принятію. Это и замѣтилъ Дюфурни, сказавъ: «Камиллъ уже исключенъ; рѣчь не о немъ»¹⁾.—«Э, что мнѣ за дѣло—возразилъ Робеспьеръ—до того, что Камиллъ исключенъ, если, по моему мнѣнію, онъ не можетъ быть исключенъ одинъ, если я стою на томъ, что человѣкъ, исключенію котораго Дюфурни воспротивился, гораздо болѣе виновенъ, чѣмъ Дюмуленъ? Всѣ добросовѣстные люди должны замѣтить, что я не защищаю Демулена, а противлюсь только исключенію его одного, потому что я знаю, что общественный интересъ не въ томъ, чтобы одинъ человѣкъ отмстилъ другому: нужно разоблачить всѣхъ интригановъ безъ исключенія и поставить ихъ на свое мѣсто». Въ заключеніе онъ предложилъ собранію *признать свое постановленіе недѣйствительнымъ* и поставилъ на очередь вопросъ о преступленіяхъ британскаго правительства²⁾.

Изъ всѣхъ средствъ къ тому, чтобы выручить Демулена, самымъ лучшимъ и самымъ рѣшительнымъ было, очевидно, пригрозить его обвинителямъ, въ ихъ собственномъ лицѣ или въ лицѣ ихъ друзей, такую же участь, какую они готовили Камиллу, и заклеить ихъ гоненіе на него указаніемъ на то, что оно вызвано жалкою личной злобой и соображеніями кoterии. Въ залѣ произошло минутное волненіе; но предложеніе Робеспьера одержало наконецъ верхъ и клубъ отмѣнилъ свое постановленіе объ исключеніи Дюмулена³⁾.

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 115.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibid.*

ГЛАВА VIII.

Финансовый заговоръ.

Арестованіе Фабра-д'Эглантина по обвиненію въ подлогѣ.—Донесеніе Шабо о поддѣлкѣ декрета Собранія.—Варонъ Батсъ и его сообщники.—Дѣятели ажіотажна.—Делона требуетъ упраздненія Индійской компаніи; его тайные виды.—Фабръ-д'Эглантинъ возстаетъ противъ нихъ.—Шабо, какъ агентъ по части подкупа; его посылаютъ подкупить Фабра; онъ вышнытываетъ его и отчаявается въ возможности подкупить его.—Исторія поддѣлки декрета относительно Индійской компаніи.—Доказательство невинности Фабра-д'Эглантина.—Объясненіе смѣлости лица, совершившаго подлогъ.—Побѣгъ Батса, Венау (отъ Анжера) и Жюльена (отъ Тулузы), скомпрометированныхъ донесеніемъ Шабо.—Временное арестованіе Шабо и Вазира.—Заключеніе Делона въ тюрьму; онъ заявляетъ о документѣ, который, по его словамъ, обнаружитъ истиннаго преступника.—Документъ этотъ ни въ чемъ не уличалъ Фабра.—Ничто не указываетъ, чтобы Робеспьеръ и Сенъ-Жюсть считали Фабра дѣйствительнымъ участникомъ въ дѣлѣ о подлогѣ декрета.—Докладъ Амара объ этой интригѣ; что было нечисто въ этомъ докладѣ.—Докладъ этотъ осуждается Бильо-Вареномъ и Робеспьеромъ; въ какомъ смыслѣ и съ какою цѣлью они осуждаютъ его.

Между тѣмъ разнесся слухъ, что Фабръ д'Эглантинъ арестованъ, да еще по обвиненію въ подлогѣ! Фактъ былъ вѣренъ; онъ находился въ связи съ интригою, въ которой слѣдуетъ разобраться.

Однажды, раннимъ утромъ, Шабо явился къ одному изъ членовъ Комитета общественнаго спасенія и сказалъ ему:

— Я тебя разбудилъ, но сдѣлалъ это ради спасенія отечества: у меня въ рукахъ нити ужаснаго заговора.

— Ну, такъ нужно непременно раскрыть его.

— Для этого я долженъ продолжать видѣться съ заговорщиками, такъ какъ они приняли меня въ свою среду и предложили мнѣ часть выгодъ отъ ихъ разбойничьяго замысла. Назначено собраніе; я могу устроить такъ, что ихъ захватятъ на мѣстѣ преступленія.

— Тебѣ нельзя колебаться; а доказательства?

— Вотъ они.

И онъ показалъ пачку ассигнацій, которую держалъ въ рукѣхъ.

— Это мнѣ дали, продолжалъ онъ, для подкупа одного изъ членовъ Горы, со стороны котораго заговорщики опасаются противодѣйствія. Я это порученіе принялъ, но съ тою цѣлью, чтобы проникнуть глубже въ тайну заговора, и съ намѣреніемъ донести на измѣнниковъ.

— Такъ отправляйся поскорѣе въ Комитетъ всеобщей безопасности.

— Да, но я не хочу, чтобы изъ моего присутствія въ средѣ заговорщиковъ не вывели заключеніе, будто я и самъ заговорщикъ. Я желаю гарантіи. Я готовъ умереть за отечество, но не въ роли преступника. У меня мать и сестра; я не хочу, чтобы онѣ умерли съ горя. Моя сестра сказала мнѣ недавно: «Если ты измѣнишь народному дѣлу, я первая заколю тебя кинжаломъ».

— Комитетъ общественной безопасности приметъ необходимыя мѣры для раскрытія заговора. Гарантіею тебѣ будутъ служить твои намѣренія и данныя тобою указанія.

Шабо ушелъ, заявивъ, что отправится со своимъ донесеніемъ въ Комитетъ всеобщей безопасности, что и сдѣлалъ. Его примѣру послѣдовалъ Базиръ ¹⁾.

Разоблаченія Шабо и Базира касались поддѣлки декрета Конвента относительно Индійской компаніи; преступленіе это находилось въ связи съ обширною системою подкуповъ, въ которой подозрѣвалось дѣйствіе иноземной руки.

— Мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ о баронѣ Батсѣ ²⁾. Этотъ искусившійся въ интригѣ человекъ, искатель темныхъ приключеній, смѣлый, хитрый, изобрѣтательный, руководилъ нѣкою ассоціаціей, въ составъ которой входили, въ перемежку, бывшіе графы и маркизы, англійскіе банкиры, австрійскіе евреи, любовница главы заговорщиковъ г-жа Гранмезонъ и даже ея служанка Николь ³⁾. Въ его распоряженіи находились громадныя суммы, собранныя изъ неизвѣстныхъ источниковъ. Онъ содержалъ агентовъ повсюду: въ парижскихъ секціяхъ, въ Департаментскомъ Совѣтѣ, въ Совѣтѣ Коммуны, въ приморскихъ портахъ, въ пограничныхъ крѣпостяхъ, въ тюрьмахъ. При дѣятельномъ пособничествѣ маркиза де ла Гишъ, скрывавшагося подъ фамиліей Севиньона, общественнаго должностнаго лица секціи Боннъ-Мувель Дево, лжепатріота Корте, занимавшагося овощною торговлею въ секціи Лесельтье, и нѣкоего Ноэля, пользовавшаго благосклонностью Дантона, онъ опуталъ Парижъ

¹⁾ Рассказъ Робеспьера въ проектѣ доклада о дѣлѣ Шабо. Проектъ этотъ писанъ былъ имъ собственноручно и опубликованъ Куртуа.

²⁾ См. предшествующій томъ.

³⁾ Докладъ, внесенный Эли Лакостомъ отъ имени обоихъ соединенныхъ Комитетовъ. *Moniteur*, an II (1794), № 267.

цѣлой сѣтью заговорщиковъ. Онъ и его агенты безпрепятственно разъѣзжали всюду, благодаря паспортамъ, удостовѣреніямъ о правѣ жительства и гражданскимъ открытымъ листамъ, которыми снабжалъ ихъ членъ Революціоннаго комитета Потье (отъ Лилля). Мѣстомъ совѣщаній служила имъ дача подъ названіемъ «Эрмитажъ», находившаяся въ Шароннѣ. Оттуда заговорщики разсылали своимъ единомышленникамъ нужныя инструкціи, которыя писались невидимыми буквами между строкъ, пользовавшихся благосклонностью властей газетъ: стоило получателю только поднести таинственные листки къ огню—и тотчасъ становились видимыми тѣ строки, чтеніе которыхъ предназначалось лишь для нихъ ¹⁾.

Что Дантонъ находился въ числѣ лицъ, захваченныхъ Батсомъ въ свои сѣти, и обѣдалъ съ нимъ по четыре раза въ недѣлю, вмѣстѣ съ другими монтаньярами—это Эли Лакость утверждалъ ²⁾, когда Дантона уже не было въ живыхъ... Вѣдь нападать на мертвыхъ такъ легко! Но въ отношеніяхъ Шабо съ барономъ Батсомъ, засвидѣтельствованныхъ самимъ Шабо, сомнѣваться нельзя. Изъ показанія же этого бывшего капуцинскаго монаха оказывается, что однажды Жульенъ (отъ Тулузы) пригласилъ его и Базира къ обѣду на дачу; что домъ, гдѣ собрались приглашенные, принадлежалъ Багу; что тамъ они встрѣтили банкира Бенуа (изъ Анжера), поэта Лагарпа, любовницу Жюльена графиню Бофоръ и народнаго представителя Делонэ (отъ Анжера); наконецъ, что тамъ обсуждались вопросы, связанные съ задуманнымъ барономъ Батсомъ новымъ заговоромъ.

На этотъ разъ заговоръ былъ финансовый и, при томъ, весьма опасный, такъ какъ, представляя унизительное искушеніе для алчности народныхъ представителей, онъ клонился къ униженію Конвента. Ловушкою, въ которую попалось нѣсколько членовъ Собранія, былъ ажіотажъ. Бенуа говорилъ Шабо: «Не знаю, какъ это во Франціи люди могутъ отказываться отъ случая составить себѣ состояніе: въ Англии членовъ парламента подкупаютъ публично» ³⁾.

Само собою разумѣется, что для спекуляціи этого рода

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 267.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ Докладъ Амара въ засѣданіи 26 вантова (16 марта). *Moniteur*, an II (1794), № 178.

требовалась предварительная затрата денегъ; но, по словамъ Делонэ, на этотъ счетъ безпокоиться было нечего, такъ какъ аббатъ д'Эспаньякъ обязался доставить съ этою цѣлью четыре милліона ¹⁾. Съ своей стороны, Жульенъ (отъ Тулузы) наѣдалъ на Базира, который, по показанію Шабо, оставался непоколебимымъ. Онъ говорилъ ему: «Тогда какъ Делонэ предложитъ мѣры, способныя понизить цѣны государственныхъ бумагъ, я буду запугивать членовъ управленія и банкировъ, чтобы способствовать видамъ нашей ассоціаціи. Васъ же мы просимъ только молчать» ²⁾.

При такихъ обстоятельствахъ, Конвенту было заявлено о злоупотребленіяхъ, связанныхъ съ существованіемъ финансовыхъ компаній. Королевскія ассигнаціи породили-де ужаснѣйшій ажіотажъ, въ которомъ контръ-роялисты находили двоякую выгоду: они и наживались, и дискредитировали ассигнаціи республиканскія ³⁾. Конвентъ не сталъ колебаться: онъ издалъ декретъ объ упраздненіи королевскихъ бумагъ, который нанесъ людямъ, накопившимъ у себя ассигнаціи съ изображеніемъ короля, убытокъ въ сто двадцать девять милліоновъ ⁴⁾.

Это еще не все: Индійскую компанію обвиняютъ во многихъ растратахъ и однимъ изъ самыхъ злобныхъ обвинителей ея былъ Фабръ д'Эглантинъ. Однажды Делонэ сказалъ Фабру въ Конвентѣ, «ласково смотря на него» ⁵⁾ въ ту минуту, когда самъ направлялся къ трибунѣ: «Ты будешь очень доволенъ; я растопчу Индійскую компанію» ⁶⁾. И, дѣйствительно, онъ произнесъ противъ нея громоносную рѣчь, въ которой предлагалъ упразднить эту компанію и обязать ее возратить государству должныя ему суммы, а также уплатить пошлину, установленную на всякое измѣненіе въ *бумагахъ на предъявителя*, отъ уплаты которой компанія сумѣла уклониться, отобравъ акціи изъ рукъ ихъ владѣльцевъ и выдавъ за *трансфертныя* продажи тѣ сдѣлки.

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794) № 178.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ Показаніе Камбона въ процессѣ дантонистовъ.

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ Это выраженіе употреблено Фабромъ въ рассказѣ, который онъ напечаталъ въ свое оправданіе, подъ заглавіемъ: *Fabre d'Églantine à ses concitoyens à la Convention nationale et aux Comités de salut public et de sûreté generale.*—*Bibl. hist. de la Révol.*, 35—36 (*British Museum*)

⁶⁾ *Ibid.*

которыя, подъ названіемъ продажи *акцій*, подлежали оплатѣ пошлиною¹⁾. До сихъ поръ все шло гладко; но Делонэ, бывшій въ соглашеніи съ компаніей и горячившійся лишь притворно, не упустилъ вставить въ свои заключенія оговорку въ томъ смыслѣ, что ликвидація дѣлъ компаніи будетъ предоставлена ей же самой, а это значило дать ей поводъ продлить свое существованіе навсегда. Фабръ сразу понялъ значеніе этой оговорки и предложилъ поправку въ двѣ строки, «которою администраторы выгонялись вонъ, а компанія обращалась въ ничто»²⁾. Сраженный Делонэ попытался бороться; но такъ какъ Фабръ д'Эглантинъ, при поддержкѣ Робеспьера, одержалъ надъ нимъ верхъ, то Конвентъ постановилъ поручить ликвидацію компаніи правительственнымъ комиссарамъ³⁾. А на тотъ случай, еслибы оказалось, что пассивъ компаніи превышаетъ активъ, Камбонъ предложилъ, чтобы государство не считало себя въ этомъ случаѣ связаннымъ какими-либо обязательствами⁴⁾. Внесены были еще кое-какія побочныя предложенія и все вмѣстѣ было передано въ комиссію изъ пяти членовъ, съ порученіемъ ей выработать окончательную редакцію, при чемъ въ составъ комиссіи вошли Делонэ, Камбонъ, Шабо, Рамель и Фабръ.

Трудно понять, какъ могъ Делонэ хоть одну минуту питать надежду, что ему удастся незамѣтно для всѣхъ измѣнить смыслъ востума Собранія; трудно понять и то, какъ онъ осмѣлился, измѣнивъ по своему усмотрѣнію *проектъ декрета*, окончательная редакція котораго ожидалась, отправить его въ бюро протоколовъ въ качествѣ *декрета*, принятаго Конвентомъ и уже не подлежащаго новому обсужденію. Разсчитывалъ ли онъ на то, что фактъ этотъ пройдетъ незамѣченнымъ въ виду того громаднаго и быстраго водоворота событій, въ который всѣ были тогда втянуты? или не собирался ли онъ бѣжать, какъ только компанія уплатила бы ему, сколько слѣдуетъ, за его содѣйствіе?

Какъ бы ни было, для достиженія его цѣли ему недостаточно было соглашенія съ Шабо. Такъ какъ крупнымъ его противникомъ въ этомъ вопросѣ являлся Фабръ-д'Эглантинъ, обмануть бдительность котораго онъ разсчитывать не могъ, то ему было

¹⁾ См. рѣчь Камбона въ засѣданіи 24 нивоза (15 января). *Moniteur*, an II (1794), № 116.

²⁾ *Fabre d'Églantine à ses concitoyens, etc., ubi supra.*

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ Рѣчь Камбона въ засѣданіи 24 нивоза (15 января).

особенно необходимо подкупить именно Фабра. Поэтому и былъ посланъ къ послѣднему Шабо со ста тысячами ливровъ. Но такъ какъ на слова, которыми бывшій капуцинскій монахъ попытался сперва позондировать его, Фабръ отвѣтилъ такъ, что дальнѣйшія изліянія пришлось отложить¹⁾, то Шабо удовольствовался предъявленіемъ ему составленнаго Делонэ *проекта декрета*, съ просьбою сдѣлать въ немъ, въ качествѣ члена комиссіи, тѣ исправленія, какія онъ сочтетъ нужными. Это происходило въ Конвентѣ, въ залѣ Свободы. Фабръ прочелъ проектъ, замѣтилъ, что онъ составленъ такъ, что избавляетъ администраторовъ компаніи отъ вмѣшательства правительства, исправилъ его карандашомъ соотвѣтственно уже внесенной имъ поправки, и подписалъ²⁾.

На слѣдующій день, рано утромъ, его разбудили и доложили, что кто-то пришелъ къ нему. Вошелъ Шабо и говорить: «Вотъ начисто переписанная, слово въ слово, копія проекта декрета, въ томъ видѣ, какъ ты его исправилъ; подиши». Фабръ взялъ перо, подмахнулъ свою фамилію, и Шабо унесъ копію, заявивъ, что снесетъ ее для подписи другимъ членамъ³⁾. Въ этой-то копіи и были добавлены пункты, которыми вотумъ Собранія измѣнялся къ выгодѣ компаніи. Въ пунктѣ, касавшемся трансфертовъ, было прибавлено: *за исключеніемъ тѣхъ, которые совершены обманнымъ образомъ*, тогда какъ Собраніемъ всѣ трансферты были признаны обманными. Въ другомъ добавленіи было сказано, что ликвидація будетъ произведена *согласно уставу и правиламъ компаніи*, чѣмъ послѣдней давалось право самой ликвидировать свои дѣла. Измѣненный такимъ образомъ документъ Делонэ незамѣтно вложилъ въ папку декретовъ, подлежащихъ исполненію.

Предоставимъ здѣсь слово Фабру.

«Когда Комитетъ всеобщей безопасности показалъ мнѣ поддѣланный Делонэ *декретъ*, я узналъ въ немъ тотъ *проектъ*

¹⁾ Тьеръ говоритъ: «Шабо былъ посланъ къ Фабру со ста тысячами франковъ и успѣлъ подкупить его». Это категорически опровергается не только рассказомъ Фабра, но и донесеніемъ Шабо, а также характеромъ сдѣланныхъ его рукою корректурныхъ поправокъ, на которыя дѣлались ссылки во время процесса, однако, безъ предъявленія самихъ поправокъ, и которыя рѣшительно доказываютъ его невинность.

²⁾ *Fabre d'Églantine à ses concitoyens, etc., ubi supra.*

³⁾ *Ibid.*

декрета, который Шабо приносилъ ко мнѣ для подписи. Но копія эта, вмѣсто того, чтобы быть вполне чистою, какою я подписалъ ее, оказывается съ подчистками; между прочимъ, одна статья совершенно вычеркнута и замѣнена новою, написанною на поляхъ; а все вообще писано разными чернилами и разными перьями. Въ заголовкѣ: *проектъ декрета* слово *проектъ* зачеркнуто. Надъ моею подписью, которую я вполне узналъ на этой копіи, находится слово: *подписали*, но такъ какъ моя подпись поставлена очень близко къ тексту, то слово *подписали*, вставленное уже потомъ между текстомъ и моею подписью, задѣваетъ за тотъ и другую явно вынужденнымъ образомъ... Я не могу отвѣчать за эти очевидныя поддѣлки, а отъ виновныхъ зависѣло поставить надъ моею подписью все, что они хотѣли»¹⁾).

Чтобы объяснить себѣ странную рѣшимость Делонэ въ заключительномъ дѣйствіи этой театральной интриги, столь прискорбной и столь позорной, надо знать, что Шабо въ послѣднюю минуту увѣрилъ его, будто его попытка у Фабра д'Эглантина увѣячалась полнымъ успѣхомъ. Такимъ образомъ, Делонэ считалъ, что содѣйствіе Фабра обезпечено и что онъ мирно воспользовался платою за свою проданную совѣсть, тогда какъ, напротивъ, сто тысячъ франковъ находились еще въ рукахъ Шабо, который удержалъ ихъ у себя—въ надеждѣ ли, что ихъ можно будетъ присвоить, или же потому, что, собираясь сдѣлать доносъ въ томъ случаѣ, если бы заговору угрожала опасность быть раскрытымъ, онъ хотѣлъ сохранить матеріальное доказательство искренности своего доноса. «Если бы Шабо—разсказываетъ Фабр-д'Эглантинъ—не увѣрилъ Делонэ, что я принялъ сто тысячъ

¹⁾ *Fabre d'Eglantine à des concitoyens etc., ubi supra.*—Въ ту пору, когда Фабръ описывалъ такимъ образомъ подложный декретъ, документъ этотъ находился въ рукахъ Комитета всеобщей безопасности, опроверженіе со стороны котораго погубило бы его, если бы онъ говорилъ неправду. Слѣдовательно, утверженіе его въ этомъ случаѣ очень авторитетно.

Г. Мишле, въ своей *Histoire de la Révolution*, t. VII, p. 62, говоритъ, что документъ, о которомъ идетъ рѣчь, находится въ архивѣ, но, по изслѣдованію г. Лежана, изъ Морле, приводимое имъ описаніе, мало согласно съ описаніемъ Фабра д'Эглантина. Какъ это случилось? Не было ли нѣсколькихъ разныхъ копій подложнаго декрета? И документъ, о которомъ упоминаетъ г. Мишле, не другой ли, чѣмъ самъ подложный декретъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ очерченъ выше? Какъ бы ни было, г. Мишле приходитъ къ заключенію—по нашему мнѣнію, справедливо—что Фабр-д'Эглантинъ въ подлогѣ неповиненъ.

ливровъ, послѣдній никогда не посмѣлъ бы не только поддѣлать декретъ, но еще и настаивать на проведеніи въ мое отсутствіе декрета въ своемъ смыслѣ, такъ какъ былъ бы вполне увѣренъ, что я замѣтилъ бы это»¹⁾).

Такъ или иначе, но подлогъ декрета былъ совершенъ, а нѣскольکو времени спустя произошла сцена, которая, по мнѣнію Фабра-д'Эглантина, ускорила развязку.

«Всходя на Гору, я встрѣтился глазами съ Делонэ, который отыскивалъ меня взглядомъ... Я кивнулъ ему головою и мимоходомъ сказалъ ему слѣдующія слова, которыя слѣдуетъ замѣтить: «Ну, когда же ты вносишь проектъ декрета?» Я шелъ къ Горѣ и не слышалъ, что онъ отвѣтилъ, но помню, что онъ съ удивленнымъ видомъ хотѣлъ что-то сказать мнѣ, но спохватился, какъ бы рѣшивъ сказать что-то другое. Въ словахъ его я не уловилъ никакого опредѣленнаго смысла. Теперь я понимаю, почему Делонэ былъ удивленъ, услышавъ, что я говорю о *проектѣ декрета*, такъ какъ этотъ проектъ былъ уже обманнымъ образомъ превращенъ въ декретъ, т. е. совершенно было посягательство, на которое Делонэ воображалъ себя заручившимся моимъ позволеніемъ, благодаря ста тысячамъ ливровъ, которые, какъ онъ полагалъ, приняты мною. Не возможно ли, что послѣ объясненія, котораго онъ долженъ былъ потребовать по этому поводу отъ Шабо, между ними произошла ссора, болѣе или менѣе настоятельныя послѣдствія которой заставили послѣдняго искать спасенія въ доносѣ?»²⁾

Такова исторія этого знаменитаго подлога, изложенная со всевозможною ясностью въ разсказѣ Фабра-д'Эглантина, разсказѣ, котораго мы, по зрѣломъ размысленіи, рѣшили держаться, во-первыхъ потому, что онъ имѣетъ характеръ правды, а во-вторыхъ потому, что онъ согласуется съ заявленіями самого Шабо, и не встрѣтилъ возраженій; наконецъ, еще и потому, что онъ является единственнымъ извѣстнымъ намъ документомъ, проливающимъ нѣкоторый свѣтъ на это темное дѣло. Къ свидѣтельству автора нельзя, конечно, относиться слегка, потому что это свидѣтельство чловѣка, глубоко заинтересованнаго въ вопросѣ; но что отвѣтить на доводы такой силы, какъ слѣдующіе: «Не смыслъ ли моихъ поправокъ ставятъ мнѣ въ вину? пусть вьмотраются въ нихъ.

¹⁾ *Fabre d'Églantine à ses concitoyens, etc., ubi supra.*

²⁾ *Ibid.*

Всѣ увидятъ, что по проекту Делонэ администраторы компаниі могли устранить правительство отъ ликвидаціи, а вслѣдствіе моихъ поправокъ этого уже не могло быть... Выставятъ ли противъ меня тѣ сто тысячъ ливровъ, которые Шабо представилъ въ Комитетъ всеобщей безопасности? Это громче всего говоритъ въ мою пользу. Развѣ я принялъ бы участіе въ позорномъ дѣяніи безвозмездно, когда мнѣ предлагали дорого заплатить за него? а если бы мнѣ заплатили за участіе, то развѣ сто тысячъ ливровъ, съ формальнымъ свидѣтельствомъ Шабо въ мою пользу, были бы въ Комитетѣ всеобщей безопасности?»¹⁾

Камилль Демуленъ, въ своихъ *замѣткахъ по поводу доклада Сенъ-Жюста*, утверждаетъ, что Шабо просилъ Комитетъ арестовать его и Базира въ 8 часовъ вечера, обѣщая выдать барона Батса и Бенуа (отъ Анжера), которыя въ этотъ часъ должны были у него собраться, но что Комитетъ, вмѣсто того, чтобы арестовать доносителя и указанныхъ имъ лицъ въ 8 часовъ вечера, велѣлъ арестовать доносителя въ 8 час. утра, чтò дало Батсу, Бенуа и Жюльену (отъ Тулузы) возможность скрыться²⁾. Жюльенъ, вернувшійся въ Парижъ послѣ декрета объ арестованіи, скрывался у Лакруа, который давалъ ему пріютъ въ продолженіе девятнадцати дней; по истеченіи этого срока онъ бѣжалъ, съ однимъ изъ начальниковъ обоза, передѣвшись въ блузу, надѣвъ гетры и взявъ въ руки кнутъ³⁾. Шабо и Базиръ были подвергнуты сначала временному аресту⁴⁾. Что касается Фабра-д'Эглантина, котораго Шабо не только не обвинялъ, но даже называлъ невиновнымъ, то его погубило заявленіе Делонэ. На допросѣ Делонэ показалъ, что въ его опечатанныхъ бумагахъ можно найти существенный документъ, который обнаружитъ истиннаго виновника⁵⁾. Документъ этотъ, дѣйствительно найденный въ бумагахъ Делонэ, былъ тою бумагой, на которой сдѣланы были карандашомъ поправки, объясненныя Фабромъ въ его разсказѣ. Но, помимо того, что поправки эти

¹⁾ *Fabre d'Eglantine à ses concitoyens etc., ubi supra.*

²⁾ См. *Correspondance inédite de Camille Desmoulins*, publiée par M. Matton aîné; 1836.

³⁾ Докладъ, внесенный Эли Лакостомъ отъ имени обоихъ соединенныхъ Комитетовъ. *Moniteur*, an II (1794), № 267.

⁴⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 60.

⁵⁾ Докладъ Амара въ засѣданіи 24 нивоза (15 января), *Moniteur*, an II (1794), № 116.

не могли быть инкриминированы, такъ какъ были сдѣланы лишь съ цѣлью возстановить редакцію, согласную съ вотумомъ Собранія, онѣ были набросаны на простомъ *проектъ декрета*, озаглавленномъ: *проектъ декрета*, въ которомъ Фабръ, какъ членъ Комиссіи пяти, имѣлъ неоспоримое право выразить свое мнѣніе. Впрочемъ, уже одно то, что и поправки, и подпись написаны были карандашомъ, доказываетъ, что Фабръ отнюдь не имѣлъ намѣренія измѣнять *декретъ*, уже принятый Конвентомъ и подлежащій обращенію къ исполненію. Однако Комитетъ всеобщей безопасности—искренно или притворно—истолковалъ дѣло именно такъ; а 24 нивоза (15 января) Конвентъ, на основаніи очень неопредѣленнаго, невѣрнаго и сбивчиваго доклада Амара, декретировалъ арестовать Фабра-д'Эглантина¹⁾.

Ударъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Камилла Демулена, какъ можно судить по слѣдующимъ меланхолическимъ строкамъ «Старога Кордельера»: «Сегодня, 24 нивоза, въ виду того, что Фабръ-д'Эглантинъ, изобрѣтатель новаго календаря, отправленъ въ Люксамбургскій замокъ, не увидавъ четвертаго мѣсяца своего республиканскаго ежегодника, а также въ виду неустойчивости общественнаго мнѣнія, я, желая воспользоваться минутой, когда у меня еще есть чернила, перья, бумага и досугъ, чтобы поправить мою репутацію и зажать ротъ всѣмъ прежнимъ, настоящимъ и будущимъ клеветникамъ, оглашу мое *политическое исповѣданіе въры* и положенія религіи, въ которой я жилъ и умру либо отъ ядра, либо отъ стилета, либо въ моеи постели, либо *смертью философвъ*, какъ говоритъ дядя Матъё»²⁾).

Доклады Амара относительно Фабра настолько сбивчивы и неясны, что едва ли позволительно сомнѣваться въ томъ, что арестованіе автора *Philinte de Molière* было со стороны Комитета всеобщей безопасности либо послѣдствіемъ слишкомъ поспѣшнаго заключенія, либо плодомъ гнусной махинаціи. Но если существовало предвзятое рѣшеніе погубить его, то Робеспьеръ, къ которому, при томъ, огромное большинство Комитета всеобщей безопасности питало глубокую ненависть, навѣрное остался чуждъ этой низкой интригѣ, не согласовавшейся ни съ прямо-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 116.

²⁾ *Vieux Cordelier*, № 4, p. 113 et 114.—Collection des mémoires relatifs à la Révolution.

тою его характера, ни даже съ его щепетильною гордостью. Будучи врагомъ Фабра-д'Эглантина, онъ ставилъ ему въ упрекъ то, что онъ состоитъ главою опасной партіи, а не то, будто онъ способенъ къ подлогамъ. Онъ даже не называетъ его въ своемъ проектѣ доклада по дѣлу Шабо, отклоненномъ Комитетомъ общественнаго спасенія¹⁾; а въ своемъ проектѣ доклада о партіи Фабра-д'Эглантина онъ, можно сказать, почти опасается сдѣлать намекъ на дѣло о подлогѣ, хотя останавливается на описаніи характера Фабра и съ зловѣщею настойчивостью напоминаетъ о его поступкахъ. Въ грозной рѣчи противъ Дантона и его друзей, которую мы услышимъ изъ устъ Сенъ-Жюста и въ которой нагромождено столько обвиненій и горькихъ нареканій, Фабръ-д'Эглантинъ вездѣ выставляется интриганомъ и заговорщикомъ, но нигдѣ не названъ совершителемъ подлога.

Сверхъ того, Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ даже въ своихъ недовольствѣхъ и подозрѣніяхъ проявляли слишкомъ большое высокомеріе, чтобы потѣшаться надъ низкими врагами. Опасаясь, чтобы зрѣлище борьбы партій, кровавымъ театромъ которой была Франція, не подорвало значенія революціи въ глазахъ Европы, они желали бы имѣть возможность скрыть позорныя раны... Это дѣло о подложномъ декретѣ, дававшее Питту право сказать: «Среди монтаньяровъ оказались воры», являлось для нихъ предметомъ горькаго униженія, что какъ нельзя лучше доказывается тѣмъ рѣзкимъ порицаніемъ, съ которымъ Робеспьеръ отнесся къ составленному Амаромъ обвинительному акту. Въ этомъ обвинительномъ актѣ Фабръ выставлялся главнымъ виновникомъ; слѣдовательно, если бы Робеспьеръ руководился лишь вульгарными чувствами неприязни, онъ могъ бы быть доволенъ. Случилось же совершенно противное. Онъ не могъ простить Амару, что тотъ не постарался спасти честь республики, хотя бы указаніемъ, по крайней мѣрѣ, на истинный источникъ тѣхъ прискорбныхъ явленій, которыя выставлялъ напоказъ. Вслѣдъ за Бильо-Варенномъ, по его примѣру и съ еще гораздо большею силой, онъ выразилъ порицаніе докладчику Комитета всеобщей безопасности за чрезмѣрное приниженіе вопроса и за то, что онъ направилъ свои обвиненія противъ нѣкоторыхъ членовъ Конвента не показавъ, насколько преступленія ихъ были дѣломъ иностранцевъ и находились въ связи съ умысломъ

¹⁾ См. этотъ проектъ доклада въ *Hist. parlam.*, t. XXXII, p. 18—30.

ославить весь Конвентъ и унижить республику. Промахъ этотъ онъ загладилъ такъ, какъ подобало истинному патріоту и государственному человѣку: «Призываю—гордо воскликнулъ онъ съ французской трибуны—призываю земныхъ тирановъ помѣряться съ представителями французскаго народа; призываю къ этому человѣка, имя котораго слишкомъ часто пятнало собою этотъ залъ; призываю къ этому англійскій парламентъ... Знаете ли вы, какая разница между ними и представителями французскаго народа?.. Разница та, что члены британскаго парламента похваляются предъ лицомъ своей націи торговлею своимъ мнѣніемъ и отдаютъ это мнѣніе тому, кто больше дастъ; мы же, когда открываемъ въ нашей средѣ продажнаго человѣка, отправляемъ его на эшафотъ!.. Продажность нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ выдвигаетъ, въ видѣ славнаго контраста, государственную добродѣтель этого высокаго Собранія. Въ какой странѣ бывало видано, чтобы могущественный сенатъ отыскивалъ въ своей средѣ предателей общаго дѣла и отправлялъ ихъ подъ мечъ закона?..» И при громѣ рукоплесканій, неоднократно прерывавшихъ его рѣчь, Робеспьеръ предложилъ не отдавать доклада Амара въ печать ранѣе его пересмотра, что и было декретировано¹⁾.

¹⁾ Г. Мишле излагаетъ и истолковываетъ все это поистинѣ страннымъ образомъ. Въ своей *Histoire de la Révolution*, t. VII, p. 163 et 164, онъ говоритъ: «Амаръ сдѣлалъ въ пользу Фабра только то, что выставилъ его мошенникомъ, а не государственнымъ преступникомъ, такъ что, въ виду подсудности дѣла лишь обыкновеннымъ судамъ, Фабръ могъ отдѣлаться каторгой и избѣгнуть гильотины. Робеспьеръ не допустилъ этого: онъ придалъ дѣлу характеръ государственнаго преступленія». И, приведя слова Робеспьера: «Въ какой странѣ бывало видано...» и т. д., г. Мишле прибавляетъ: «Тонкое ободреніе, съ цѣлью склонить Собраніе къ тому, чтобы оно признало за благо подвергнуться кровопусканію, одобрило отсѣченіе себѣ рукъ и ногъ! Неужели онъ говорилъ серьезно? Какъ бы ни было, такіа рѣчи были именно тѣмъ, чѣмъ онъ больше всего навлекъ на себя смертельную ненависть».

Во-первыхъ, г. Мишле забылъ привести изъ рѣчи Робеспьера какъ разъ то, что наименѣе двусмысленнымъ образомъ опредѣляетъ ея смыслъ, а именно ту часть, гдѣ говорится о различіи между Конвентомъ и англійскимъ парламентомъ.

Во-вторыхъ, единственный упрекъ, который Робеспьеръ дѣлаетъ Амару, нисколько не говори о Фабрѣ, заключается въ томъ, что онъ недостаточно отгнѣнилъ участіе иностраннаго вліянія въ бѣдствіяхъ и нестроеніи во Франціи.

Въ-третьихъ, какъ можно себѣ представить, чтобы — особенно въ ту

ГЛАВА IX.

Конецъ гебертизма.

Конвентъ лицомъ къ лицу съ гильотиной. — Дантонъ не поддерживаетъ Камилла Демулена. — Товарищескій духъ среди гебертистовъ. — Ярость Венсана. — Почему Робеспьеръ не противорѣчилъ освобожденію Ронсена и Велсана. — Дантонисты рѣзко нападаютъ на Ронсена и Венсана; ихъ горячо защищаетъ Дантонъ, по настоянію котораго и принимается декретъ объ ихъ освобожденіи. — Рѣчь Робеспьера объ общественной морали. — Гебертисты выступаютъ съ высоко поднятымъ челомъ; ихъ горячія выходки; ихъ проекты. — Прибытіе Каррье. — Болѣзнь Робеспьера. — Появленіе Сенъ-Жюста на трибунѣ. — Съ зловѣщимъ краснорѣчіемъ онъ грозитъ «снисходительнымъ» и наноситъ удары террористамъ. — Колло-д'Эрбуа старается вовлечь якобинцевъ въ союзъ съ кордельерами. — Клубъ кордельеровъ спѣшитъ провозгласить возстаніе; трагическое засѣданіе. — Спокойствіе Парижа. — Растерянные гебертисты, пытающіеся привлечь къ себѣ Коммуну, терпятъ неудачу — Колло-д'Эрбуа отступаетъ отъ нихъ. — Докладъ Сенъ-Жюста противъ нихъ. — Ихъ арестуютъ. — Бильо-Вареннъ объясняетъ въ клубѣ якобинцевъ причины ареста гебертистовъ. — Настроеніе клуба кордельеровъ. — Робеспьеръ защищаетъ Вуланже. — Арестъ Геро де Сешеля и Симона; мотивы этого ареста. — Отъ гебертистовъ всюду отрекаются. — Арестъ Шометта и Клооца. — Ужасная несправедливость, совершенная по отношенію къ Клооцу. — Происки дантонистовъ съ цѣлью воспользоваться побѣдою Комитета общественнаго спасенія. — Образъ дѣяствій Дантона, противный дѣятельности дантонистовъ; трогательная сцена между Дантономъ и Рюлемъ. — Бурдопъ (отъ д-та Уазы) домогается ареста Герона; значеніе этого нападенія; почему въ дѣло вмѣшиваются Кутонъ и Робеспьеръ. — Процессъ гебертистовъ. — Ихъ смерть. — Трусость Гебера. — Твердость Ронсена. — Удивительное мужество и философское хладнокровіе Клооца. — Непосредственныя послѣдствія казни гебертистовъ.

Въ борьбѣ съ гебертизмомъ робеспьеристы чрезвычайно старались поступать такъ, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ мягкости. Успѣшно борются съ революціонными крайностями они могли лишь при томъ условіи, чтобы доказать, что сами они служатъ республикѣ, какъ и прежде, съ неукротимую и пламенною энергіей. Когда наступила годовщина 21-го января,

пору—поддѣлки декрета или подлогъ съ цѣлью воровства не были признаны преступленіемъ государственнымъ? Это настолько вытекло изъ самаго доклада Амара, что въ революціонномъ судѣ именно этотъ докладъ и былъ принятъ за основаніе для сужденія о Фабрѣ.

Наконецъ, Конвентъ усмотрѣлъ въ словахъ Робеспьера совсѣмъ не то, что видитъ въ нихъ г. Мишле, предполагая, будто и Конвентъ видѣлъ то же самое; иначе рѣчь Робеспьера не была бы постоянно прерываема горячими рукоплесканіями (см. *Moniteur*, an II (1794), № 178). И это вполне естественно, такъ какъ явную, заявленную во всеуслышаніе цѣлью оратора было доказать, что Конвентъ, несмотря на сдѣланныя въ его средѣ прискорбныя открытія, не уступалъ въ величій и добродѣтели ни одному Собранію въ мірѣ.

никто не имѣлъ интереса въ подготовкѣ подобнаго театральнаго эффекта, который дѣйствительно только доставилъ Бурдону (отъ д-та Уазы) поводъ къ буйной выходкѣ. Онъ потребовалъ и добился распоряженія, чтобы были разысканы и наказаны виновники «умышленнаго приѣма, задуманнаго съ цѣлью выставить національное представительство сборищемъ людоѣдовъ»¹⁾. То, что Собраніе присоединилось къ вышеупомянутому предложенію, уже по самой внезапности этого присоединенія исключало предположеніе объ «умышленномъ приѣмѣ», о которомъ говорилъ Бурдонъ; но осталось впечатлѣніе, подѣ влияніемъ котораго и послѣдовало осужденіе почина, имѣвшаго столь прискорбный результатъ.

Бурдонъ не сошелъ съ бреши, будучи всегда готовъ наносить Комитету общественнаго спасенія удары, хотя и стороною; онъ нападалъ на него въ лицѣ министровъ, особенно Бушотта, которому вмѣнялъ въ преступленіе рѣшительно все: то поставленныя другими лицами препятствія прибытію помощи майнцскому гарнизону, то доносъ, сдѣланный на него въ клубѣ кордельеровъ однимъ изъ его служащихъ, или то, что самъ онъ, Бурдонъ, поссорился съ этимъ служащимъ въ какой-то тавернѣ, или же еще то, что онъ—по злобно гиперболическому выраженію Робеспьера—«плохо пообѣдалъ»²⁾.

Но въ числѣ этихъ нападковъ были и справедливыя, какъ, напримѣръ, та, которая вызвана была арестомъ тестя Камилла Демулена. Собственно говоря, злоупотребленіе это не могло быть поставлено въ вину непосредственно Комитету общественнаго спасенія, такъ какъ виноваты были только комиссары секціи; но власть отвѣтственна за всякое проявленіе тираниі, которому она не воспрепятствуетъ или о которомъ не будетъ освѣдомлена, за недостаткомъ надзора.

Въ № 4 «Стараго Кордельера» Камиллъ Демуленъ очень забавно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ужасномъ видѣ передаетъ объ этой сценѣ ареста его тестя: «...Ты знаешь моего тестя, гражданина Дюплесси, добраго обывателя, сына крестьянина, деревенскаго кузнеца. Такъ вотъ позавчера къ нему явились два комис-

¹⁾ Засѣданіе Конвента 3 плювіоза (22 января). *Moniteur*, an II (1794), № 124.

²⁾ Засѣданіе клуба якобинцевъ 1 плювіоза (20 января). *Moniteur*, an II (1794), № 124.

сара секціи Муція Сцевола (достаточно тебѣ сказать, что это секціи Венсана)... Несмотря на декретъ, которымъ постановлено не трогать ни Домъ, ни Шарля Демулена, хотя они и толкуютъ о феодальныхъ матеріяхъ, комиссары захватываютъ половину библіотеки и взваливаютъ родительскія книги на двухъ носильщиковъ. Находятъ они и стѣнные часы, оконечность стрѣлки которыхъ, какъ у большинства часовыхъ стрѣлокъ, имѣетъ видъ трефы; имъ кажется, что въ этой оконечности есть нѣкоторое сходство съ лиліей; и вотъ, несмотря на декретъ, предписывающій уважать памятники искусствъ, они конфискуютъ часы. Замѣтъ, что рядомъ стоялъ сундукъ, на которомъ былъ наклеенъ украшенный лиліями адресъ торговца. Тутъ ужъ никакъ нельзя было отрицать, что это дѣйствительно заправская лилія; но такъ какъ сундукъ не многого стоилъ, то комиссары удовольствовались тѣмъ, что стерли на немъ лиліи, а несчастные часы, стоящіе, пожалуй, 12,000 ливровъ, забрали съ собою, несмотря на то, что на часовыхъ стрѣлкахъ были только трефы; и, при томъ, они унесли ихъ сами, не довѣривъ такой драгоценной ноши крючникамъ. И все это совершено въ силу права, которое Бареръ такъ удачно назвалъ правомъ *отобранія*... Старый портфель, завалывшійся на шкапу въ кучѣ пыли, до котораго хозяинъ не дотрогивался, можетъ быть, уже лѣтъ десять и на которомъ удалось разсмотрѣть, подъ нарощею на палецъ грязью, отпечатокъ нѣсколькихъ лилій, дополнилъ собою доказательства того, что гражданинъ Дюплесси есть лицо подозрительное; и вотъ его заперли до возстановленія спокойствія... Забавно въ этой исторіи то, что этотъ подозрительный человѣкъ сдѣлался самымъ *крайнимъ* изъ всѣхъ шестидесятилѣтнихъ стариковъ, каковаго я когда либо видывалъ. Онъ былъ въ домѣ *Отцомъ Дюшесномъ*... Въ инструкціяхъ о революціонномъ управленіи нигдѣ не сказано, что г. Бригандо, прежде носившій четырехгранную шапочку въ судѣ Шатле, а теперь носящій въ секціи красный колпакъ, можетъ взять подмышку стѣнные часы на томъ основаніи, что кончики стрѣлокъ имѣютъ видъ трефы... Да и революцію мы совершили не только для того, чтобы г. Бригандо перемѣнилъ свой головной уборъ»¹⁾.

Таковъ былъ отвратительный фактъ, который Камиллъ Демуленъ успѣшилъ разоблачить передъ Конвентомъ; и Бур-

¹⁾ *Vieux Cordelier*, № 4, p. 117—119.

донъ, конечно, былъ совершенно правъ, когда началъ настаивать, чтобы Комитетъ всеобщей безопасности представилъ Собранію въ трехдневный срокъ докладъ по этому дѣлу. Но когда Вадые сталъ жаловаться на то, что Комитетъ всеобщей безопасности какъ бы подвергается подозрѣніямъ по поводу поступка, которому онъ чуждъ, то—какъ это ни странно—противъ представленія этому докладу первенства по времени возсталъ не кто иной какъ Дантонъ, находившій, что этимъ дано было бы тестю Камилла Демулена, въ нѣкоторомъ родѣ, преимущество; и, въ заключеніе, онъ предложилъ, чтобы Конвентъ, изыскивая средства къ восстановленію правъ всѣхъ жертвъ произвольныхъ арестовъ, *безъ ущерба для дѣятельности революціоннаго правительства*, направилъ поступившее донесеніе на разсмотрѣніе Комитета всеобщей безопасности, что и было декретировано¹⁾.

Такъ сказалось то состояніе неувѣренности, въ которое начиналъ впадать Дантонъ. Боллся ли онъ скомпрометировать себя защитой своихъ друзей? Отъ Филиппо онъ уже отступился въ одномъ важномъ случаѣ; теперь онъ въ справедливомъ дѣлѣ наполовину отступился и отъ Демулена.

Гебертисты поддерживали другъ друга лучше: въ этомъ была ихъ сила. Освобожденіе Ронсена и Венсана поглощало всѣ мысли клуба кордельеровъ. Утѣшать обоихъ узниковъ ежедневно ходили все новыя депутаціи, то отъ народныхъ обществъ, то отъ комитетовъ секцій. Геберъ часто навѣщалъ Венсана, въ сердцѣ котораго эти посѣщенія не только не угашали, но еще болѣе раздували горѣвшее пламя. Осталось нѣсколько странныхъ разсказовъ о томъ, какія у него бывали иногда припадки бѣшенства. Однажды, когда его жена, сидя на его постели, вполголоса сообщала ему о своихъ дѣлахъ, онъ вдругъ, въ порывѣ ярости, вскочилъ съ постели, схватилъ ножъ, подбѣжалъ къ висѣвшему въ окнѣ сырому, кровавому говяжьему окороку, отрѣзалъ отъ него кусокъ и началъ глотать его, говоря: «О, отчего я не могу поѣсть такимъ же образомъ мяса моихъ враговъ»²⁾.

Въ глазахъ экзальтированной партіи, въ пользу Ронсена и Венсана говорило одно обстоятельство: по чьему почину брошены они въ тюрьму? По почину Фабра-д'Эглантина, который самъ

¹⁾ Засѣданіе 5 плювіоза (24 января).

²⁾ *Mémoires sur les prisons*, t. II, p. 141. Collection des mémoires relatifs à la Révolution française.

Конвенту, и петиція, препровожденная въ Комитетъ всеобщей безопасности, привела наконецъ къ благопріятному докладу. 14 плювіоза (2-го февраля) Вулланъ предложилъ освободить обоихъ заключенныхъ, въ виду того, что въ Комитетѣ всеобщей безопасности не получено никакого обвинительнаго документа въ подтвержденіе разоблаченій Фабра. Противъ этого горячо возстали Бурдонъ, Лежандръ, Лекуантръ и Филиппо—все дантонины. И кто же рѣшилъ вопросъ въ пользу Ронсена и Венсана? Дантонъ. Можно представить себѣ, какъ изумлены были его друзья, услышавъ, что онъ восхваляетъ патріотизмъ этихъ крупныхъ вожаковъ партіи Гебера и напоминаетъ о «постоянно оказывавшихся ими заслугахъ передъ свободой!» Робеспьеръ ограничился заявленіемъ, что, по мнѣнію Комитета всеобщей безопасности, ихъ слѣдуетъ считать невиновными въ приписанныхъ имъ Фабромъ-д'Эглантиномъ дѣяніяхъ; но Дантонъ пошелъ гораздо дальше. Онъ сказалъ, что къ революціоннымъ ветеранамъ не слѣдуетъ относиться какъ къ людямъ подозрительнымъ; онъ возставалъ противъ предъявленныхъ Ронсену и Венсану «индивидуальныхъ предварительныхъ обвиненій»; онъ упрекалъ Филиппо въ поспѣшности сужденій; онъ почти порицалъ Конвентъ за то, что тотъ со слишкомъ большою готовностью, хотя и съ прямодушными намѣреніями, внялъ нападкамъ Фабра; онъ просилъ Конвентъ проявить благожелательность по отношенію къ людямъ, служившимъ свободѣ, разъ онъ поступаетъ такъ твердо относительно лицъ, съ нею борющихся; наконецъ, принявъ во вниманіе отсутствіе уликъ противъ Ронсена и Венсана, онъ пришелъ къ категорическому заключенію, что они должны быть освобождены¹⁾.

Единомысленники Дантона далеко не раздѣляли его терпимости. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, Лежандръ, говоря о Геберѣ, сказалъ: «Если бы мой личный врагъ отрубилъ мнѣ одну руку, но былъ бы другомъ отечества, я обнялъ бы его другою

¹⁾ Засѣданіе 14 плювіоза (2 февраля). *Moniteur*, an II (1794), № 136.— Нужно предположить, что эта рѣчь ускользнула отъ вниманія г. Мишле, который даже не упоминаетъ о ней въ той главѣ, гдѣ, придавая чрезмѣрно важное значеніе нѣсколькимъ несравненно менѣ убѣдительнымъ словамъ Робеспьера, онъ усматриваетъ въ этихъ словахъ выданное гебергистамъ свидѣтельство въ невинности, залогъ сближенія, доказательство того, будто Робеспьеръ нуждался въ нихъ, заключеніе союза и я ужъ не знаю, что еще. См. *Histoire de la Révolution*, par M. Michelet, liv. XV, chap. IV, t. VII, p. 55.

рукой. Но когда мой врагъ — врагъ народа, онъ долженъ ожидать, что я буду преслѣдовать его до самой смерти». И когда Моморо пригласилъ его по-братски поцѣловать Гебера, онъ отказался ¹⁾).

Что касается Робеспьера, то, заявляя о бездоказанности фактовъ, выставленныхъ Фабромъ противъ Ронсена и Венсана, онъ настолько мало думалъ сближаться съ гебертистами, что 17 плювіоза (5 февраля) прочиталъ въ Конвентѣ докладъ, въ которомъ съ большою чѣмъ когда-либо силой клеймилъ ихъ стремленія и проклиналъ ихъ политику. «Внутренніе враги французскаго народа, говорилъ онъ, дѣлятся на двѣ партіи, изъ которыхъ одна клонитъ къ слабости, а другая къ излишествамъ; одна хочетъ обратитъ свободу въ вакханку, а другая въ проститутку». Затѣмъ, высказавъ мнѣніе, что «лжереволюціонеръ, можетъ быть, чаще всего бываетъ по сю, чѣмъ по ту сторону революціи», онъ изобразилъ его въ видѣ «человѣка, противящагося энергическимъ мѣрамъ и доводящаго ихъ до преувеличенія, когда не могъ имъ воспрепятствовать; въ видѣ человѣка, раскрывающаго уже раскрытые заговоры, срывающаго маски съ людей, съ которыхъ онѣ уже сорваны, всегда готоваго принимать смѣлыя мѣры, лишь бы онѣ имѣли гибельную сторону, цѣдящаго добро по каплямъ и разливающаго зло потоками, полного пыломъ для крушныхъ, но ничего не значущихъ рѣшеній и болѣе чѣмъ равнодушнаго для такихъ рѣшеній, которыя могли бы спасти отечество и покрыть народное дѣло почетомъ, придающаго большое значеніе формамъ патріотизма и очень привязаннаго, подобно ханжамъ, врагомъ которыхъ онъ себя представляетъ, къ формамъ внѣшнимъ, но предпочитающаго лучше износить сто красныхъ колпаковъ, чѣмъ сдѣлать одно доброе дѣло» ²⁾).

Въ этой рѣчи, имѣвшей цѣлью доказать, что душу демократіи составляетъ добродѣтель, Робеспьеръ допускалъ терроръ, какъ одну изъ пружинъ, лишь въ революціонное время, но даже и тогда подчинялъ его законамъ морали, въ виду того, что если добродѣтель рискуетъ остаться безсильною безъ террора, то и терроръ, въ свою очередь, гибеленъ безъ добродѣтели. Онъ отнюдь не отдѣлялъ террора отъ справедливости, потому что опре-

¹⁾ Засѣданіе клуба якобинцевъ 8 плювіоза (27 января).

²⁾ См. въ *Moniteur*, an II (1794), № 139, докладъ Робеспьера о принципахъ общественной морали, прочитанный въ засѣданіи 17 плювіоза (5 февраля).

дѣлялъ его такими словами: «Онъ не что иное, какъ быстрая, строгая, непреклонная *справедливость*». И, развивая свою мысль, онъ восклицалъ: «До какихъ поръ ярость деспотовъ будетъ называться правосудіемъ, а правосудіе народа варварствомъ или бунтомъ? Какъ люди нѣжны къ угнетателямъ и какъ неумолимы къ угнетеннымъ! Это какъ нельзя болѣе естественно; кто не питаетъ ненависти къ преступленію, тотъ не можетъ любить добродѣтель. Однако нужно, чтобы либо преступленіе, либо добродѣтель оказались погибшими. Снисходительность къ роялистамъ, кричатъ нѣкоторые люди, милость къ злодѣямъ!.. Нѣтъ! милость къ невинности, милость къ слабымъ, милость къ несчастнымъ, милость къ человѣчеству!» И далѣе: «Горе тому, кто осмѣлился бы направить противъ народа терроръ, который долженъ надвигаться только на его враговъ. Если бы во всей республикѣ существовалъ всего одинъ добродѣтельный человѣкъ, гонимый врагами свободы, то обязанностью правительства было бы разыскать его и блестяще отмстить за него» ¹⁾).

Въ этомъ отрывкѣ есть одно лишнее слово: слово *роялисты*, такъ какъ мнѣніе не составляетъ преступленія. Но не надо забывать, что въ ту пору *роялистъ* означалъ заговорщика, непримираго врага принципа, на которомъ держалось новое общество, виновника междоусобной войны. При томъ, Робеспьеръ вовсе не смѣшивалъ переходнаго состоянія борьбы съ условіями нормальнаго порядка вещей. «Какова цѣль, къ которой мы стремимся? говорилъ онъ. Мирное пользованіе свободою и равенствомъ, царство той вѣчной справедливости, законы которой запечатлѣны не на мраморѣ и камнѣ, но въ сердцахъ всѣхъ людей, даже въ сердцахъ забывающаго ихъ раба и отрицающаго ихъ тирана. Мы хотимъ такого порядка вещей, при которомъ всѣ низкія и жестокія страсти были бы связаны, а всѣ благотворныя и благородныя страсти пробуждались бы законами; такого порядка, при которомъ честолюбіемъ было бы желаніе заслужить славу и послужить родинѣ; при которомъ отличія возникаютъ лишь изъ самого равенства, гражданинъ подчиненъ должностному лицу, должностное лицо народу, а народъ справедливости» ²⁾).

Черезъ день послѣ этого Робеспьеръ, слѣдуя господствующей мысли своего доклада, добился исключенія изъ клуба яко-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 139.

²⁾ *Ibidem*.

бинцевъ одного изъ друзей Венсана за то, что онъ предложилъ въ Конвентѣ, чтобы прогнаны были затесавшіеся на Гору «жабы» изъ Болота: предложеніе это клонилось къ расколу въ Собраніи ¹⁾. Съ другой стороны, Кутонъ горячо возсталъ противъ одного изъ пособниковъ Фуше, народнаго представителя Жавога, котораго обвинялъ въ проявленіи «нероновской жестокости» ²⁾.

Но это не мѣшало гебертистамъ ходить теперь съ поднятымъ челомъ. Цинизму Гебера открывалась возможность опереться на разнуданныя страсти Венсана и на безпредѣльную отвагу Ронсена. Оба эти лица, выведенныя друзьями изъ тюрьмы, были торжественно препровождены по домамъ подъ звуки музыки ³⁾ и вновь выступили на сцену во всемъ блескѣ гоненія, признаннаго несправедливымъ. Выходки революціонной арміи, снова нашедшей своего начальника, опять стали наводить ужасъ на прохожихъ, и Парижъ пуще прежняго почувствовалъ надъ собою деспотизмъ усачей съ длинными саблями.

Въ тюрьмѣ при Люксамбургскомъ дворцѣ осталось нѣсколько гебертистовъ; въ числѣ ихъ былъ Граммонъ, у котораго еще не обсохла на рукахъ кровь орлеанскихъ арестантовъ и который похвалялся тѣмъ, что пилъ вино изъ черепа одного изъ нихъ ⁴⁾. Но эти люди, не довольствуясь громогласными заявленіями о томъ, что ихъ скоро освободятъ, раздражались угрозами противъ своихъ сотоварищей по заключенію, принадлежавшихъ къ противней имъ партіи; они составляли какіе-то таинственные, странные списки и говорили властнымъ тономъ ⁵⁾. Такъ какъ Ронсенъ и Венсанъ посѣтили въ тюрьмѣ Лазарь своихъ содержавшихся тамъ друзей Перейру и Дефьё, то по этому поводу дважды даны были роскошныя обѣды и по окончаніи ихъ записаны были фамиліи тридцати лицъ, которымъ участники обѣдовъ поклялись оказать поддержку и покровительство ⁶⁾. Ронсенъ побывалъ также въ Поръ-Либрѣ, съ цѣлью ознакомиться съ состояніемъ этого мѣста заключенія, съ числомъ и каче-

¹⁾ Засѣданіе клуба якобинцевъ 19 пловіоза (7 февраля). *Moniteur*, an II (1794), № 144.

²⁾ *Hist. parlem.*, t. XXXI, p. 291.

³⁾ *Mémoires sur les prisons*, t. II, p. 141. Collection des mémoires relatifs à la Révolution.

⁴⁾ *Mémoires sur les prisons*, t. II, p. 141.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 142.

⁶⁾ *Ibid.*, t. II, p. 230.

ствомъ заключенныхъ. Мѣсто это онъ посѣтилъ въ часть пополуночи, при факельномъ освѣщеніи, надѣвъ свой мундиръ и шляпу съ краснымъ султанчикомъ¹⁾. Вскорѣ распространились зловѣщія слухи. Увѣряли, что готовится повтореніе событій 2 сентября, что имѣется въ виду произвести *очистку* тюремъ. Въ тюрьмѣ Лазаръ возникла такая сильная тревога, что заключенные завели въ каждомъ коридорѣ ночную стражу изъ своей среды²⁾.

Гебертисты могли одержать верхъ не иначе, какъ низвергнувъ правительство, въ средѣ котораго у нихъ были могущественные противники. Поэтому они рѣшили свалить его, и началась война ихъ съ установленными властями. Ронсенъ говорилъ, не таясь, что въ Собраніи есть главари партіи, и что если ихъ не прогонять, то за это отвѣтятъ³⁾. Венсанъ такъ мало стѣснялся высмѣивать Конвентъ, что однажды сказалъ самому Лежандру: «Я насажаю въ Тюильри манекеновъ, наряжу ихъ депутатами и крикну народу: *Вотъ ваши представители!*»⁴⁾

Что гебертисты замыслили возстаніе или, по крайней мѣрѣ, держались наготовѣ къ нему, это достовѣрно; но въ чемъ была ихъ конечная цѣль? Изъ документовъ и преній въ ихъ процессѣ оказывается, что въ Парижѣ рѣшено было незамѣтно стянуть революціонную армію; что въ тюрьмахъ составлены были списки избранныхъ и списки обреченныхъ; что предполагалось ввести туда въ назначенный моментъ подставные патрули, перебить заранѣе намѣченные жертвы и выпустить заговорщиковъ на Парижъ; что рѣшено было назначить особаго начальника подъ названіемъ *Великаго Судьи*, и начальнику этому, облеченному неограниченною диктатурой, предоставить произвести *Страшный судъ*⁵⁾. Кромвеллемъ этого движенія былъ бы, хотя бы всего на одинъ день, Ронсенъ. Великимъ Судьею, котораго называли вполголоса, былъ Пашъ, хотя ничто не доказываетъ его принадлежности къ заговору⁵⁾.

¹⁾ *Mémoires sur les prisons*, t. II, p. 76.

²⁾ *Ibid.*, t. I, p. 229.

³⁾ Показаніе Лежандра въ дѣлѣ гебертистовъ. *Bulletin du Tribunal révolutionnaire*.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ Документъ № XV, въ приложеніи къ *Rapport de Saladin, au nom de la Commission des vingt et un pour l'examen de la conduite de Billaud, Collot, Barère et Vadier*.—*Bibl. hist. de la Révol.*, 1097—8—9 (*British Museum*).

⁶⁾ См. ниже.

Два слѣдующихъ обстоятельства сослужили гебертистамъ службу и побудили ихъ дерзнуть на все: Робеспьеръ и Кутонъ заболѣли и въ Парижъ прибылъ Каррье.

О свирѣпыхъ поступкахъ послѣдняго Робеспьеру сообщилъ Жюльенъ¹⁾ въ письмахъ, проникнутыхъ негодованіемъ²⁾; на основаніи этихъ писемъ нантскій проконсулъ былъ отозванъ и теперь готовъ былъ поддерживать гебертистовъ своею свирѣпою энергіей, которую разжигало озлобленіе.

По поводу затрудненій, которое встрѣчало принятіе Венсана въ клубъ якобинцевъ, Моморо разразился 24 плювіоза (12 февраля) въ клубѣ кордельеровъ противъ «износившихся въ республикѣ людей», противъ «переломанныхъ въ революціи ногъ». Венсанъ объявилъ, что онъ сорветъ маски съ интригановъ, «чѣмъ всѣ будутъ удивлены». Геберъ, заговоривъ о «всякаго рода измѣнникахъ», воскликнулъ: «Народъ всегда низвергалъ ихъ, и мы еще разъ низвергнемъ ихъ». Затѣмъ, намекая на Робеспьера, онъ началъ нападать на «тѣхъ людей, которые, будучи жадны до власти, но ненасытны, придумали и торжественно повторяютъ въ пространнхъ рѣчахъ слово *ультра-революціонеры*, чтобы истреблять людей, слѣдящихъ за ихъ заговоромъ». Потомъ онъ прибавилъ: «Венсанъ не якобинецъ, но можно и безъ этого быть хорошимъ патриотомъ». — «Венсанъ, подхватилъ одинъ изъ членовъ, хорошій кордельеръ, а это имѣетъ такую же, если еще не большую цѣну»³⁾.

Начиналась открытая война. Но если Робеспьеръ и Кутонъ были больны, то не былъ боленъ Сентъ-Жюсть; и гебертисты вздрогнули, когда узнали о его неожиданномъ присутствіи въ Парижѣ.

8 вантоза (26 февраля) онъ вновь появился на трибунѣ Конвента, болѣе чѣмъ когда-либо опечаленный, болѣе прежняго высокомерный и болѣе ѣдкій на языкъ.

Прежде всего онъ далъ опредѣленіе той политики, торжества которой желалъ такъ же, какъ Робеспьеръ и Кутонъ: «Я знаю только *справедливость*»⁴⁾. Но въ томъ ли состоитъ справедли-

¹⁾ Котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Жюльеномъ (отъ Тулузы).

²⁾ См. документы, приложенные въ докладу Куртуа о бумагахъ, найденныхъ у Робеспьера.

³⁾ Засѣданіе клуба кордельеровъ 24 плювіоза (12 февраля). *Moniteur*, an II (1794), № 148.

⁴⁾ Засѣданіе Конвента 8 вантоза (26 февраля). *Moniteur*, an II (1794), № 159.

вость, чтобы поощрять преступленіе безнаказанностью, отнимать у республики ея стягъ, когда враги ея занесли надъ нею мечъ, и взывать къ милосердію въ разгаръ боя? По словамъ Сень-Жюста, для данной минуты должно быть закономъ: поступать справедливо, но строго; справедливость же, «понимаемая, какъ слабость и ужасное милосердіе», можетъ только привести государство къ гибели.

Въ концѣ концовъ—развивалъ онъ свою мысль—что значатъ эти крутыя мѣры революціоннаго правительства, изъ-за которыхъ поднимаютъ столько шума, въ сравненіи съ варварскими дѣйствіями, совершаемыми всѣми другими правительствами и обходимыми молчаніемъ? «...Дворъ вѣшалъ людей въ тюрьмахъ; тѣ утопленники, которыхъ подбирали въ Сенѣ, были его жертвами; заключенныхъ было четыреста тысячъ; въ годъ вѣшали пятнадцать тысячъ контрабандистовъ; арестантовъ было въ Парижѣ больше, чѣмъ теперь. Во время голодовокъ полки ходили противъ народа. Обѣздите Европу: въ Европѣ четыре милліона арестантовъ, воплей которыхъ вы не слышите, тогда какъ вапа отцеубійственная умѣренность позволяетъ всѣмъ врагамъ вашего правительства торжествовать. Какъ мы безмысленны! Мы съ метафизическою роскошью выставаемъ на показъ наши принципы; государи же, въ тысячу разъ болѣе насъ жестокіе, спятъ среди преступленій. Граждане, какимъ обманомъ можно было бы убѣдить васъ, что вы безчеловѣчны? Вашъ Революціонный судъ погубилъ за годъ триста злодѣевъ; а развѣ испанская инквизиція погубила не больше народа? Да еще изъ-за чего, о Боже! А англійскіе суды—развѣ они никого не убили въ этомъ году? А Бендеръ, который поджаривалъ дѣтей бельгійцевъ? А тюрьмы въ Германіи, гдѣ погребаютъ народъ? Объ этомъ вамъ не говорятъ! Говорятъ ли о *милосердіи* у европейскихъ государей? Нѣтъ. Не давайте же разжалобить себя»¹⁾.

Отвѣтивъ такимъ образомъ, въ порывѣ дикаго негодованія, на № 3 «Стараго Кордельера», Сень-Жюстъ въ нѣсколькихъ суровыхъ и краткихъ фразахъ указалъ на то, что люди, которыхъ вожаки кордельеровъ называютъ «переломанными ногами», не дадутъ революціи податься назадъ.—«Имущества патріотовъ священны—сказалъ онъ еще—но имущества заговорщиковъ су-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 159.

ществуяють для обездоленныхъ. — Человѣкъ, оказавшійся врагомъ своей страны, не можетъ быть въ ней собственникомъ. — Въ нашемъ отечествѣ правами пользуется только тотъ, кто содѣйствовалъ ея освобожденію. Люди, дѣлающіе революціи лишь наполовину, только роютъ себѣ могилу»¹⁾).

Рѣчи мрачныя! Но, при воспоминаніи о принесенныхъ въ жертву друзьямъ свободы, при воспоминаніи о Маргаро, котораго шотландскій высшій судъ приговорилъ къ ссылкѣ, у Сенъ-Жюста вырвалось слѣдующее восклицаніе, давшее выходъ строгой нѣжности, таившейся въ тайникахъ сердца этого страннаго человѣка: «Пусть Маргаро вернется изъ Ботани-Бея! Пусть не погибнетъ онъ тамъ! Пусть судьба его окажется крѣпче угнетающаго его правительства! Революціи начинаются славными несчастными, за которыхъ мститъ судьба. Да хранитъ Провидѣніе Маргаро въ Ботани-Бей! Пусть декретъ освобожденнаго народа возвратитъ его изъ далекихъ пустынь или отмститъ его память!»²⁾

Собраніе молча слушало эту рѣчь, мрачное краснорѣчіе которой было, повидимому, направлено исключительно противъ партіи снисходительныхъ; но вдругъ Сенъ-Жюстъ, перейдя къ другимъ противникамъ и внезапно вернувшись къ вступленію въ свою рѣчь, воскликнулъ: «Сколько измѣнниковъ ускользнуло отъ террора, который только говоритъ, и не ускользнуло бы отъ справедливости, которая взвѣшиваетъ преступленія въ своей рукѣ! Справедливость приговариваетъ находящихся среди насъ враговъ народа и приверженцевъ тираніи къ вѣчному рабству, терроръ же даетъ возможность надѣяться на его конецъ; ибо всѣ бури кончаются, чтò вы и видѣли. Справедливость присуждаетъ должностныхъ лицъ къ честности, дѣлаетъ народъ счастливымъ и упрочиваетъ новый порядокъ вещей; терроръ же—оружіе обоюдострое, которымъ одни пользовались для отмщенія за народъ, а другіе—для служенія тираніи; терроръ наполнилъ арестные дома, но виновныхъ не наказываютъ; терроръ прошелъ какъ гроза. Долговѣчной строгости въ общественномъ характерѣ ждите только отъ силы учреждений. За нашими бурями всегда слѣдуетъ ужасное спокойствіе, и мы всегда бываемъ болѣе снисходительны послѣ террора, чѣмъ до него»³⁾).

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 159.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibid.*

Отъ имени обоихъ комитетовъ Сень-Жюсть предложилъ слѣдующій декретъ, который былъ принятъ безъ преній и единогласно: «Комитету всеобщей безопасности предоставляется власть освободить задержанныхъ патріотовъ.—Имущества патріотовъ священны и неприкосновенны.—Имя лица, признанныхъ врагами революціи, будутъ конфискованы въ пользу республики; лица эти будутъ содержаться въ заключеніи впредь до возстановленія мира, а затѣмъ изгнаны навсегда»¹⁾.

Гебертисты не обманулись относительно истиннаго смысла этихъ мѣръ, а также и относительно того оборота, какой Сень-Жюсть далъ своимъ нападкамъ. Они поняли, что на всемъ протяжении своей рѣчи онъ проявлялъ энергію только для того, чтобы имѣть возможность осудить терроръ, не навлекая на себя обвиненія—въ ту пору смертоснаго—въ изворотахъ и слабости. Гебертисты съ изумленіемъ задавали себѣ вопросъ, не на нихъ ли онъ хотѣлъ указать, сказавъ: «Терроръ оружіе обоюдострое, за которое одни взялись для отмщенія за народъ, а другіе для того, чтобы *служить тираніи*», и еще: «Терроръ наполнилъ арестные дома, *но виновныхъ не наказываютъ*». Темнота подобныхъ фразъ была, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, подобна ночной тьмѣ, прорѣзываемой вспышками молніи. Къ тому же Сень-Жюсть, какъ всѣ знали, былъ не такой человѣкъ, чтобы растрачивать свой гнѣвъ въ словахъ. Тщетно Коллод'Эрбуа въ клубѣ якобинцевъ, гдѣ, за отсутствіемъ Робеспьера, значеніе его увеличивалось, попытался направить умы въ другую сторону, указавъ на докладъ самого Робеспьера, какъ на доказательство того, что люди «готовы снова ринуться въ революцію»²⁾; тщетно старался онъ вовлечь якобинцевъ въ союзъ съ кордельерами, маня ихъ изображеніемъ силы, являющейся результатомъ единенія³⁾; оба клуба были представителями двухъ мыслей, столкновеніе которыхъ стало неизбѣжнымъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, гебертистъ Каррье во всеуслышаніе хвалилъ дантониста Вестермана⁴⁾, а теперь клубъ кордельеровъ протягивалъ руку клубу якобинцевъ: то была чисто партійная такти-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 159.

²⁾ Засѣданіе клуба якобинцевъ 8 вантоза (26 февраля). *Moniteur*, an II (1794), № 162.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ Засѣданіе клуба якобинцевъ 3 вантоза (21 февраля). *Moniteur*, an II (1794), № 159.

ка, ни въ чемъ не измѣнявая положенія. При томъ, рѣшеніе было уже принято гебертистами, и они понимали, что имъ нельзя терять ни минуты. Неужели имъ давать Робеспьеру время оправиться отъ болѣзни и бросить на вѣсы силу своей громадной популярности? Наплывъ гражданъ, въ волненіи сбѣгавшихся за справками о положеніи больного, и число депутацій, приносившихъ ему пожеланія патріотовъ¹⁾, достаточно ясно показывали, что надо было торопиться.

Мы уже говорили, какъ жестока была зима 1794 года и сколько приходилось народу страдать, и вотъ: вдругъ на базарахъ и рынкахъ распространились памфлеты, въ которыхъ вина во всѣхъ бѣдствіяхъ приписывалась Конвенту. Какіе-то эмиссары перебѣгали отъ одной группы къ другой, сѣя тревогу, возбуждая умы толками о недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ, толкуя о бунтарски настроенныхъ народныхъ представителяхъ, которыхъ надо бы выслать вонъ, объ образующейся новой бриссотистской партіи и, наконецъ, произнося рѣчи, способныя запугать людей, доставлявшихъ въ Парижъ съѣстные припасы²⁾.

9 вантоза (27 февраля) клубъ кордельеровъ объявилъ Фабра, Бурдона, Филиппо и Камилла Демулена недостойными засѣдать на Горѣ, на этой «Тарпейской скалѣ, съ которой они должны быть когда-нибудь сброшены»; 14-го числа клубъ собрался въ состояніи необычайнаго возбужденія. По прочтеніи программы новой газеты «Другъ народа», посвященной имени Марата и предназначенной для преслѣдованія вѣроломныхъ уполномоченныхъ народа, принесено было черное покрывало; имъ завѣсили Декларацию правъ человѣка и рѣшили не снимать этой завѣсы до тѣхъ поръ, пока народъ не вернетъ своихъ правъ путемъ уничтоженія невѣрной партіи. Венсанъ настаивалъ, чтобы пуцень былъ въ ходъ весь тотъ ужасъ, который внушаетъ гильотина. Затѣмъ всталъ Каррье и сказалъ такимъ же голосомъ, какимъ приказывалъ въ Нантѣ производить массовыя потопленія: «Я былъ испуганъ новыми фізіономіями, которыя увидѣлъ на Горѣ, и словами, которыя говорились на ухо... чудовищами!

¹⁾ Доказательство этого см. въ документахъ, сообщенныхъ при докладѣ Куртуа о найденныхъ у Робеспьера бумагахъ; документы эти исходили отъ секціи Единства, секціи Пикъ, тампльскаго народнаго общества и отъ секціи Братства.

²⁾ См., что говорить на этотъ счетъ Бареръ въ своемъ докладѣ отъ 16 вантоза (6 марта).

Они хотѣли бы изломать эшафоты! Люди, достойные гильотины, не хотятъ ея. Возстаніе, святое возстаніе—вотъ что надо противопоставить злодѣямъ!» Зловѣщее слово было произнесено, и слова Каррье собравшіеся покрыли рукоплесканіями. Въ свою очередь, Геберъ началъ громить Амара, который—сказалъ онъ—хочетъ укрыть отъ меча-мстителя шестьдесятъ одного роялиста, виновныхъ не менѣе, чѣмъ Бриссо. А почему? Потому, что Амаръ дворянинъ, потому, что онъ былъ казначеемъ короля Франціи и Наварры: «О, что касается его, то онъ дѣйствительно дворянинъ, такъ какъ купилъ себѣ дворянство за двѣсти тысячъ экю». Затѣмъ Геберъ возсталъ противъ воровъ; но тотчасъ же прибавилъ: «Больше всего слѣдуетъ опасаться не воровъ, а честолюбцевъ, честолюбцевъ! этихъ людей, которые выставляютъ впередъ другихъ, а сами держатся за занавѣсомъ, людей, которые хотятъ царствовать. Но кордельеры не потерпятъ этого».—«Нѣтъ! нѣтъ!» раздалось въ залѣ.—Ободренный Геберъ продолжалъ съ возрастающимъ одушевленіемъ: «Я назову вамъ этихъ людей, зажавшихъ ротъ патриотамъ въ народныхъ обществахъ». Однако онъ не назвалъ никого: онъ колебался между яростью и страхомъ. Какъ бы опасаясь послѣдствій, онъ сказалъ: «Вотъ уже два мѣсяца, какъ я сдерживаюсь, но больше сердце мое выдержать не можетъ. Я знаю, что они замыслили; но я найду защитниковъ».—«Да, да!» крикнули всѣ голоса, а Буланже крикнулъ ему особо: «Не бойся ничего, отецъ Дюшенъ, говори на чистоту! Мы, мы сами станемъ отцами Дюшенами и нанесемъ ударъ». А Моморо прибавилъ: «Говори, мы тебя поддержимъ». Сцена вышла поистинѣ трагическая! Какое же это было имя, котораго всѣ ждали и никто не осмѣливался произнести? Какая тайная сила заставляла дрожать на этихъ судорожно поддерживавшихся устахъ обвиненіе, приготовленное противъ отсутствовавшего, противъ больного? Ни смѣлыя подбадриванія, ни увѣреніе Буланже, ни обѣщанная со стороны Моморо поддержка, ни рукоплесканія клуба не могли побудить Гебера произнести слово «Робеспьеръ». Онъ не нашелъ въ себѣ сказать ничего другого, какъ: «человѣкъ, *впрямую впавшій въ заблужденіе...*» и остановился въ видимомъ смущеніи. Ну, какое же преступленіе совершилъ этотъ впавшій въ заблужденіе человѣкъ?—Геберъ напомнилъ, что этотъ человѣкъ защищалъ Камила Демулена! По отношенію къ другимъ именамъ онъ былъ менѣе нерѣшителенъ. Онъ указалъ на министровъ Паре и Дефорга, назвалъ

Бестермана «чудовищемъ, покрытымъ позоромъ», и закончилъ возгласомъ, которому предстояло сдѣлаться его смертнымъ приговоромъ: «Возстаніе! Да, возстаніе!» Слова эти были встрѣчены горячими рукоплесканіями. Было ли то натугою испуганнаго путника, который, проходя въ почную пору лѣсомъ, поетъ, чтобы придать себѣ бодрости? Досто вѣрно то, что во время рѣчи Гебера и послѣ нея въ залѣ видны были «вытянутыя лица». Венсанъ не могъ удержаться отъ замѣчанія на этотъ счетъ и, «чтобы сорвать маски съ интригановъ», какъ онъ выразился, сдѣлалъ, въ сопровожденіи комиссаровъ по *очисткѣ* состава клуба, обходъ зала, предварительно предложивъ, чтобы каждый вдѣлъ въ бутоньерку свой членскій билетъ¹⁾.

Надежда гебертистовъ оказалась жестоко обманутой. Парижъ не шевельнулся. Въ отчаяніи они понытались увлечь Коммуну и, въ видѣ депутаціи отъ секціи Марата, явились въ ратушу съ заявленіемъ, что они будутъ держаться наготовѣ и будутъ держать Декларацію правъ завѣщенной впредь до окончательнаго истребленія враговъ народа. Въ отвѣтъ на это Шометтъ произнесъ нѣсколько уклончивыхъ словъ; Пашъ отсутствовалъ²⁾.

Тѣмъ временемъ, Комитетъ общественнаго спасенія, готовясь нанести противникамъ ударъ, поручилъ Бареру потребовать въ Конвентѣ розысканія заговорщиковъ; предложеніе его объ этомъ, поддержанное Тальеномъ, было принято³⁾.

Изъ членовъ Комитета общественнаго спасенія сторону гебертистовъ держалъ только одинъ, именно Колло-д'Эрбуа. Но его утратило то, что они ниоткуда не встрѣчаютъ поддержки; онъ понялъ, что погубить себя, если открыто выступить заодно съ ними. Онъ дерзнулъ только на то, что заявилъ въ клубѣ якобинцевъ о существованіи, будто бы, народнаго движенія, тогда какъ было хорошо извѣстно, что движенія этого не было вовсе. Цѣлью Колло-д'Эрбуа въ этой крайности было достигнуть между обоими клубами примиренія, которое предотвратило бы опасность. Каррье облегчилъ разрѣшеніе дѣла, увѣривъ, что газеты невѣрно сообщили о засѣданіи клуба кордельеровъ и что въ этомъ засѣданіи рѣчь шла лишь объ *услов-*

¹⁾ Объ этомъ важномъ засѣданіи см. *Moniteur*, an II (1794), № 167.

²⁾ Засѣданіе Главнаго Совѣта Коммуны 16 вантоза (6 марта).

³⁾ Засѣданіе 16 вантоза (6 марта). *Moniteur*, an II (1794), № 167.

номъ возстаніи. Послѣ этого клубъ якобинцевъ избралъ депутацію, во главѣ которой взялся стать Колло-д'Эрбуа ¹⁾).

Депутація была встрѣчена въ клубѣ кордельеровъ шумными рукоплесканіями. Колло-д'Эрбуа взошелъ на трибуну; рукоплесканія продолжались. Онъ заговорилъ о единеніи между обоими обществами и началъ поносить злодѣевъ, желающихъ разъединить ихъ. «Толкуютъ о возстаніи—говорилъ онъ—и въ какое же время! Когда Питтъ, прильнувъ устами къ трубѣ Даніила, пророчить возстаніе во Франціи! Декларацію правъ человѣка занавѣсили изъ-за того, что въ революціи пострадали два человѣка; но гдѣ же тѣ патріоты, которые бы ни въ чемъ не пострадали?» Затѣмъ онъ продолжалъ со свойственнымъ ему мелодраматическимъ краснорѣчіемъ: «Священныя права человѣка! вась задержали завѣсой... О, будь я брошенъ въ тюрьму, я былъ бы въ душѣ утѣшенъ тѣмъ, что вижу Декларацію этихъ безсмертныхъ правъ; но неужели я захотѣлъ бы созерцать ихъ закрытыми погребальной завѣсой?» Тутъ послышались шумные привѣтственные клики. Геберъ объяснилъ, что, говоря о возстаніи, онъ хотѣлъ сказать о болѣе тѣсномъ единеніи съ монтаньярами, якобинцами и всѣми добрыми патріотами, чтобы добиться справедливости противъ измѣнниковъ и гонителей, остающихся безнаказанными. При крикахъ: *Да здравствуетъ республика!* депутація выражено было братское привѣтствіе; закрывавшая Декларацію правъ человѣка завѣса была разорвана и, въ знакъ братства, вручена Колло-д'Эрбуа, который и унесъ ее, въ видѣ трофея, чтобы показать клубу якобинцевъ ²⁾).

Пораженіе гебергистовъ было полное, непоправимое и тѣмъ болѣе жалкое, что оно сопровождалось позоромъ какъ бы публичнаго отреченія отъ своихъ словъ. Колло-д'Эрбуа, которому было извѣстно о рѣшеніи Комитета общественнаго спасенія принять самыя строгія мѣры противъ ихъ главарей, отступился отъ нихъ. Въ отчетѣ, данномъ имъ въ клубѣ якобинцевъ о своемъ посѣщеніи клуба кордельеровъ, онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ осудилъ своихъ вчерашнихъ союзниковъ: «За-

¹⁾ Засѣданіе клуба якобинцевъ 16 вантоза (6 марта). *Moniteur*, an II, (1794), № 169.

²⁾ Засѣданіе того же клуба 17 вантоза (7 марта). *Moniteur*, an II (1794), № 171.

чѣмъ было прибѣгать къ этому черному цвѣту? Это цвѣтъ лицемерія и лжи. Всѣ въ душѣ осуждали его»¹⁾.

23-го вантоза (13 марта) произнесъ рѣчь Сень-Жюсть, а ночью вожди гебертистской парти Ронсенъ, Венсанъ, Геберъ, Моморо, Дюкроке и Ломюръ были арестованы²⁾.

Эта рѣчь Сень-Жюста была проникнута мрачнымъ величіемъ. Никакая изъ другихъ его рѣчей не заключала въ себѣ болѣе необычайнаго смѣшенія неумолимой честности, сдержаннаго возбужденія, фанатизма и грусти. «... Какіе друзья—говорилъ онъ—есть у васъ на землѣ, кромѣ народа, пока онъ будетъ свободенъ, и яда, когда народъ перестанетъ быть свободнымъ?—Честность есть власть, не боящаяся никакихъ посягательствъ. Мы дадимъ вамъ почетный отчетъ въ тѣхъ опасностяхъ, которыми окружаетъ насъ исполненіе нашихъ обязанностей. Заговорщики бравируютъ добродѣтель; мы же бравируемъ ихъ самихъ.—Расширимъ наши души, чтобы охватить, во всемъ его размахѣ, то счастье, которое мы обязаны доставить французскому народу: всякій, въ комъ бьется чувствующее сердце, отнесется къ нашему мужеству съ уваженіемъ. Когда хочешь добра, то имѣешь право быть смѣлымъ, непоколебимымъ, непреклоннымъ.—Трудныя времена пройдутъ, свободна будетъ, въ свой чередъ, и Европа: она пойметъ смѣхотворность своихъ государей и почтитъ нашихъ мучениковъ.—Чего вы хотите, вы, люди, не желающіе добродѣтели, чтобы быть счастливыми? А также вы, не желающіе террора противъ злонамѣренныхъ людей? И вы, которые не имѣя добродѣтели, обращаете терроръ противъ свободы? А между тѣмъ вы сплочены между собою, ибо всѣ преступленія держатся и образуютъ въ настоящую минуту знойный поясъ вокругъ республики. Чего хотите вы, посѣщающіе публичныя мѣста, чтобы показать себя и чтобы о васъ говорили: *Видишь вонъ того, который говоритъ? Вотъ идея какой-то!* Вы хотите бросить ремесло вашего отца, который, быть можетъ, былъ честнымъ ремесленникомъ и благодаря скромному положенію котораго вы сдѣлались патріотомъ—бросить для того, чтобы стать вліятельнымъ и наглымъ человѣкомъ въ государ-

¹⁾ Засѣданіе влуга якобинцевъ 18 вантоза (8 марта). *Moniteur*, an II (1794) № 172.

²⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 176.

ствѣ. Вы погибнете, люди, гоняющіеся за богатствомъ и ищущіе счастья особо отъ счастья народа!»¹⁾

Заключенія Сень-Жюста касались однихъ только гебертистовъ; но во всей его рѣчи, отъ начала до конца, въ каждомъ ея словѣ, чувствовалась угроза по адресу *снисходительныхъ и подкупленныхъ* людей. Ужасно, особенно въ такихъ устахъ, прозвучала фраза: «Для захвата виновныхъ уже приняты мѣры; они оцѣплены»²⁾.

Онъ предложилъ — а Конвентъ единогласно принялъ — рядъ мѣръ, крайняя суровость нѣкоторыхъ могла быть объяснена обстоятельствами, кромѣ слѣдующей, которую исторія должна заклеить: «Всякій, кто укроетъ у себя или въ другомъ мѣстѣ людей, лишенныхъ покровительства закона, будетъ караемъ, какъ ихъ сообщникъ»³⁾. Горе тому, кто не оказался бы достаточно честнымъ и мужественнымъ человѣкомъ, чтобы быть способнымъ на такое преступленіе, какъ оказаніе гостепріимства гонимому! Есть нѣчто, стоящее выше даже общественнаго спасенія: это совѣсть человѣческая.

Отсутствовавшій въ теченіе нѣсколькихъ дней Бильо-Вареннъ теперь вернулся. Подобно гебертистамъ, онъ желалъ террора, но какъ средства управленія, а не какъ орудія анархіи. Попытки гебертистовъ произвести возстаніе раздражали его, и онъ взялъ на себя объяснить въ клубѣ якобинцевъ мотивы, по которымъ Комитетъ общественнаго спасенія поступилъ такъ круто. Онъ заявилъ, что заговорщики поставили себѣ цѣлью перебить часть заключенныхъ; что люди, собиравшіеся пролить народную кровь, составили особый списокъ обреченныхъ; что въ святотатственной надеждѣ довести парижанъ до безвыходной нужды, много съѣстныхъ припасовъ зарыто; что революціонной арміи уже приказано не выходить изъ казармъ; что подставному патрулю велѣно перебить караулъ у тюрьмы Аббатства; что въ планѣ заговорщиковъ входитъ овладѣть монетнымъ дворомъ и государственнымъ казначействомъ и раздать деньги республики мятежникамъ; что заговоръ еще недавно былъ предсказанъ за границей и что онъ имѣетъ развѣгвленія въ арміи⁴⁾.

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 174.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ Засѣданіе клуба якобинцевъ 24 вантоза (14 марта). *Moniteur*, an II (1794), № 178.

Клубъ кордельеровъ былъ въ сборѣ, когда ему сообщили эту вѣсть, и нѣкоторые изъ нихъ — Пено, Анкаръ — проявили немалое мужество, заговоривъ о своихъ «угнетенныхъ» друзьяхъ. Сообщение о подробностяхъ, которыя рассказывалъ Бильо-Вареннъ въ другомъ мѣстѣ, вызвало въ клубѣ изумленіе и многими встрѣчено было съ недовѣрчивостью. Но какъ доставить невинности торжество, прежде чѣмъ выскажется прокуроръ? Вопросъ сводился къ тому, чтобы немедленно попросить его высказаться. Постановленіе въ этомъ смыслѣ уже было принято клубомъ кордельеровъ: его они и рѣшили держаться¹⁾.

Въ тотъ же день въ клубѣ якобинцевъ снова появился Робеспьеръ. По своей большой опытности насчетъ дѣйствій и игры партій, онъ предусматривалъ, что контръ-революція, выступая подъ лицемѣрною виѣшностью, постарается втянуть въ разгромъ гебертистовъ множество слишкомъ пылкихъ, но искреннихъ патриотовъ. Поэтому онъ, не колеблясь, выступилъ въ пользу Буланже, того самаго, который поощрялъ Гебера безбоязненно высказаться относительно сильныхъ въ то время людей. «Когда человѣкъ,—сказалъ онъ,—всегда поступалъ мужественно и безкорыстно, я требую убѣдительныхъ доказательствъ, чтобы повѣрить, что онъ измѣнникъ... Было бы величайшею опасностью приплетать патриотовъ къ дѣлу заговорщиковъ»²⁾. Это было и ловко сказано, и благородно. Сказать что-нибудь больше онъ не могъ, такъ какъ силы измѣнили его волѣ³⁾.

При такихъ обстоятельствахъ разнеслась странная вѣсть. 25 вантоза (15 марта) революціонный комитетъ секціи Лепельтье разыскалъ нѣкоего Катюса, бывшаго комиссара военного вѣдомства, уволеннаго отъ должности, обвинявшагося въ эмиграціи и съ нѣкоторыхъ поръ разыскивавшагося. Гдѣ же онъ укрывался? Въ квартирѣ Геро де Сешелля. Его немедленно арестовали и доставили въ сосѣднюю кордегардію; туда же не замедлил явиться, въ сопровожденіи депутата Симона, и квартирный хозяинъ Катюса, самъ Геро де Сешелль. Оба они потребовали свиданія съ арестованнымъ и, чтобы быть допущенными къ нему, сослались на свое

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 179.

²⁾ Засѣданіе клуба якобинцевъ 24 вантоза (14 марта). *Moniteur*, an II (1794), № 178.

³⁾ *Ibid.*

званіе народныхъ представителей¹⁾. Горячимъ и подозрительнымъ революціонерамъ секціи все это показалось необъяснимымъ. Они спѣшно увѣдомили о произошедшемъ Комитетъ общественнаго спасенія, изъ состава котораго Геро де Сешелль недавно выбылъ; а Комитетъ, опираясь на предоставленное ему декретомъ отъ 22 брѹмэра 1793 г. (12 ноября) право, тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе объ арестованіи обоихъ народныхъ представителей²⁾.

Кѣмъ не овладѣлъ бы трепеть при видѣ такихъ паденій? Вѣдь Геро де Сешелль, котораго теперь присоединили къ содержащимся въ тюрьмѣ при Люксамбургскомъ дворцѣ роялистамъ, былъ составителемъ конституціи 1793 г.; вѣдь онъ предсѣдательствовалъ въ Конвентѣ въ послѣднюю годовщину 10 августа. Онъ, на свой пай, тоже пользовался ранѣе всемогуществомъ и воспользовался имъ для обезоруженія «подозрительныхъ» и признанія ихъ паспортовъ недѣйствительными³⁾. Едва четыре мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ, состоя проконсуломъ департамента Верхняго Рейна, хвалился тѣмъ, что поднялъ тамъ санкюлотизмъ, подготовилъ праздникъ въ честь Разума, организовалъ терроръ⁴⁾. Во время своего отсутствія, онъ подвергся доносу со стороны Бурдона, винившаго его въ дружбѣ съ Перрейрой, Дюбуиссономъ и Проли, считавшимися за агентовъ иностранныхъ государствъ, но встрѣтилъ горячаго защитника въ лицѣ Кутона⁵⁾; да и самъ онъ, по возвращеніи, съ паѹсомъ оправдался⁶⁾. Но съ той минуты его какъ бы облегла тѣнь. Въ Комитетѣ общественнаго спасенія онъ со слезами просилъ освобожденія Проли⁷⁾, который былъ арестованъ въ кабацкѣ, переряженнымъ въ повара⁸⁾. Нѣкоторыя тайны Комитета общественной безопасности оказались разглашенными; дипломатиче-

1) Протоколъ революціоннаго комитета секціи Лепельтье. № LXVI документовъ, приложенныхъ къ докладу Саладена, внесенному отъ имени *commissiоn двадцати одного*. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 1097—8—9 (*British Museum*).

2) № LXIX документовъ, приложенныхъ къ тому же докладу. *Ibid.*

3) *Moniteur*, an II (1793), № 17.

4) См. его письмо къ Конвенту, отъ 7 фримэра. *Moniteur*, an II (1793), № 75.

5) Засѣданіе 26 фримэра (16 декабря). *Moniteur*, an II (1793), № 88.

6) Засѣданіе 9 нивоза (29 декабря), *Moniteur*, an II (1793), № 100.

7) Докладъ Севъ-Жюста. *Moniteur*, an II (1794), № 179.

8) Засѣданіе клуба якобинцевъ 1 вантоза (19 февраля). *Moniteur*, an II (1794), № 156.

скія бумаги правительства получили огласку, которая составляла несчастье и была плодомъ предательства: гдѣ было найти виновнаго? Подозрѣнія сотоварищей Геро де Сешелля пали на него; Бильо-Вареннъ прямо обвинилъ его въ этомъ нарушеніи довѣрія¹⁾ и — справедливо или нѣтъ — недовѣріе Комитета къ нему стало настолько велико, что онъ не желалъ уже вести преній въ его присутствіи²⁾; вслѣдствіе этого, выходъ его изъ Комитета оказался необходимымъ и дѣйствительно состоялся. Разъ такъ близко отъ него разверзлась пропасть, чего не доставало ему, чтобы свалиться въ нее? Только оступиться. Онъ и отступился. А Сенъ-Жюсть тотчасъ же довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Конвента, горя желаніемъ показать, что ничья голова, какъ бы высоко она ни была поднята, все же не выше закона и что поступки Комитета общественнаго спасенія слѣдуютъ за его словами такъ же быстро, какъ громъ за молніей³⁾.

Заключенные въ Люксамбургской тюрьмѣ хорошо приняли Геро де Сешелля, но не конституціоннаго священника Симона, которому они ставили въ упрекъ сказанныя имъ въ Собраніи слова о томъ, что заключенными слѣдовало бы утучнить иль Луары;

¹⁾ Авторы *Hist. parlem.*, т XXXI, р. 24, приводятъ замѣтку, исходившую, по ихъ словамъ, отъ иностранной дипломатіи, въ ней говорится, что предательства совершалъ Бильо-Вареннъ и что онъ обвинялъ Геро де Сешелля именно съ цѣлью отвлечь подозрѣнія отъ себя. Что значитъ какаля-то анонимная замѣтка, когда дѣло идетъ о такомъ человѣкѣ, какъ Бильо-Вареннъ?

²⁾ Докладъ Сенъ-Жюста. *Moniteur*, ап II (1794), № 179.

³⁾ Мы уже говорили, съ какимъ ожесточеніемъ роллистскіе писатели приписываютъ Робеспьеру всѣ наносившіеся во время революціи удары. Написанная Вёньо (Veignot) біографія Геро де Сешелля (*Biographie universelle*) является любопытнымъ и печальнымъ примѣромъ этой системы. Авторъ, желающій во что бы ни стало возложить на Робеспьера часть вины въ бѣдствіи Геро де Сешелля, говоритъ намъ, что въ то время, когда послѣдній защищался въ Конвентѣ, «Робеспьеръ бросалъ на него свирѣпыя взгляды». Жаль, что авторъ, при этомъ не присутствовавшій, не сообщаетъ намъ заодно, отъ кого онъ почерпнулъ эту подробность.—Но все-таки, если ужъ Робеспьеръ рѣшилъ погубить Геро де Сешелля, какъ объяснить то, что защитникомъ послѣдняго былъ Кутонъ?—Это возраженіе, которое авторъ біографіи предвидитъ, повидимому, нѣсколько затрудняетъ его, и вотъ какъ онъ выпутывается изъ затрудненія: «Робеспьеръ—говоритъ онъ—позволилъ Кутону защищать Геро де Сешелля. Не пришла еще минута погубить его». Нѣтъ надобности упоминать о томъ, что въ подтвержденіе этого нѣтъ ни малѣйшихъ доказательствъ!

слова эти были свирѣпы и за нихъ они прозвали его *Симономъ-Иломъ*¹⁾.

Тѣмъ временемъ, въ Конвентѣ начали являться, одна за другою, различныя секціи Парижа, желавшія поздравить его съ избавленіемъ отъ опасности преступнаго возстанія. Одному изъ ораторовъ вздумалось даже излить свою радость въ патріотическихкихъ куплетахъ; но Дантонъ съ негодованіемъ крикнулъ, что залъ Конвента нельзя обращать въ театральныя подмостки. И тотчасъ же изданъ былъ декретъ съ цѣлью предотвратить повтореніе подобныхъ непристойныхъ выходовъ²⁾.

Гебертисты были побѣждены: отъ нихъ отреклися всѣ. Часть республиканской арміи, остававшаяся въ Парижѣ, громко выражала радость по поводу несчастія, постигнаго ея начальника Ронсена³⁾. Депутаціи отъ клуба кордельеровъ была принята въ клубъ якобинцевъ съ презрительнымъ высокомѣріемъ и изъ своей новой попытки сблизиться съ якобинцами вынесла только униженіе въ видѣ необходимости выслушать замѣчаніе Дюфурни: «Кордельеры обмѣнялись съ якобинцами двумя поцѣлуями; на третьемъ поцѣлуѣ насъ закололи бы кинжалами»⁴⁾. Всякій, кто шелъ путями Гебера, хотя бы даже ранѣе его открытаго возмущенія, хотя бы даже издавна, сталъ теперь считаться преступникомъ. Шометгъ, хотя и отказавшійся идти до конца слѣдомъ

¹⁾ Въ свое оправданіе онъ написалъ въ Конвентѣ письмо, изъ котораго оказывается, что Катюсъ состоялъ комиссаромъ военнаго вѣдомства при Альпійской арміи, а потомъ былъ посланъ народными представителями или начальникомъ стоявшей подъ Лиономъ арміи къ Комитету общественнаго спасенія, который утвердилъ его въ миссіи, возложенной на него министертвомъ иностранныхъ дѣлъ къ Мюльгаузенской республикѣ. Симонъ прибавляетъ въ означенномъ письмѣ, что онъ вошелъ къ арестованному Катюсу лишь послѣ увѣренія со стороны чиновъ кордегаріи, что посѣщеніе не возбранено никакими приказаніями (см. № 68 документовъ при докладѣ Саладена). Вотъ что даетъ Вильоме поводъ сказать въ своей *Histoire de la Révolution*, t. IV, p. 25, что человекъ, о которомъ была рѣчь, не былъ обвиняемъ въ эмиграціи и что вотумъ Конвента состоялся на основаніи простого заявленія Сень-Жюста, «которое было ложью». Вильоме ошибается. Катюсъ былъ *уволненъ* и разыскивался въ качествѣ *обвиняемаго съ эмиграціи*. Эти два пункта совершенно опредѣленно указаны въ протоколѣ революціоннаго комитета секціи Лепельтье.

²⁾ Засѣданіе Конвента 26 вантова (16 марта).

³⁾ Засѣданіе клуба якобинцевъ 29 вантова (19 марта). *Moniteur*, an II (1794), № 184.

⁴⁾ Засѣданіе клуба якобинцевъ 28 вантова (18 марта).

за своимъ замѣстителемъ, былъ арестованъ. Начальникъ революціонной кавалеріи Мазюель, на первый разъ выпущенный изъ заточенія¹⁾, снова попалъ въ тюрьму. Клооць — что за отвратительная несправедливость! бѣдный Клооць то же оказался заговорщикамъ только потому, что сдѣлалъ нѣсколько попытокъ узнать, внесена ли или не внесена въ списокъ эмигрантовъ одна дама, которая уѣхала въ Англію въ надеждѣ на выгодный бракъ²⁾! Чѣмъ же тутъ *энергія* Комитета общественнаго спасенія отличалась отъ тираніи?

Но такъ какъ она была проявляема противъ ультра-революціонеровъ, то противная ему партія не только не жаловалась, но еще и подталкивала колесо изо всѣхъ силъ. Дантонъ, правда, старался не обнаруживать своего участія въ этомъ движеніи и, можетъ быть, его сдержанность, вызванная непомѣрною усталостью отъ революціи, была болѣе искренна, чѣмъ полагали; но блескъ его роли долго былъ такъ силенъ, что его рѣшеніе отойти въ тѣнь приписывали глубокимъ политическимъ расчетамъ. Казалось очень страннымъ, что у Дантона не хватаетъ смѣлости! Впрочемъ, что могло значить его пребываніе на заднемъ планѣ, когда люди его лагеря трубили атаку? Люди же эти, подъ предлогомъ стремленія съ корнемъ вырвать гебертизмъ, мѣтили не меньше какъ на то, чтобы устранить со своего пути всякаго, кто былъ для нихъ помѣхой, и обратить только-что одержанную Комитетомъ общественнаго спасенія побѣду на пользу либо своей личной политики, либо своего собственнаго преобладанія. Въ военномъ министерствѣ стѣснялъ ихъ Бушоттъ; и вотъ Басаль, Лакруа и Тальенъ выступили противъ него съ усиленными нападками³⁾. Ихъ безнокоила и Коммуна; и вотъ Бурдонъ вмѣнилъ ей въ преступленіе недостаточно успѣшное принесеніе поздравленій Собранію и добился изданія декрета, которымъ Комитету общественнаго спасенія и Комитету всеобщей безопасности предписывалось приступить безъ промедленія къ очисткѣ состава парижскихъ установленныхъ властей⁴⁾.

Изъ числа дантонистовъ только одинъ, казалось, держался противнаго прочимъ образа дѣйствій: то былъ Дантонъ. Отно-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1795), № 114.

²⁾ См. процессъ гебертистовъ въ *Hist. parlam.*, t. XXXI, p. 378—380.

³⁾ Засѣданіе Конвента 30 вантоза (20 марта).

⁴⁾ Засѣданіе 29 вантоза (19 марта).

сился ли онъ съ неодобреніемъ къ стремительности, столь способной подорвать все? Думалъ ли онъ избѣгнуть гибельныхъ послѣдствій, которыя предугазывала ему его прозорливость? Или же онъ дошелъ до того, что сталъ руководиться лишь впечатлѣніями минуты и безъ опредѣленнаго плана слѣдовать измѣнчивымъ—то буйнымъ, то благороднымъ—внушеніямъ своего сердца? Достоверно только то, что онъ выступилъ защитникомъ Коммуны, которую ненавидѣла и преслѣдовала его партія, чѣмъ показалъ, что въ немъ больше готовности охранять своихъ враговъ, чѣмъ сколько было имъ проявлено готовности защитить собственныхъ друзей, Филиппо и Камилла Демулена. То была трогательная сцена. Когда Коммуна, съ Пашемъ во главѣ, явилась въ Собраніе для принесенія поздравленій, и предсѣдательствовавшій въ то время Рюль выразилъ нѣкоторое удивленіе по поводу запозданія этихъ поздравленій, Дантонъ указалъ на строгій тонъ этого отвѣта, сказавъ, что послѣдній можетъ быть неправильно истолкованъ, и что слѣдовало бы не причинять боли Коммунѣ, давая ей поводъ думать, будто ей дѣлаютъ злобный выговоръ. «Я сейчасъ объяснюсь съ трибуны, воскликнулъ Рюль: Дантонъ, милый мой товарищъ: займи вмѣсто меня кресло». — «Нѣтъ, почтенный старецъ—отвѣчалъ Дантонъ—ты самъ слишкомъ хорошо занимаешь его. Я говорилъ не противъ тебя, а о возможномъ впечатлѣніи отъ твоей дурно понятой рѣчи. Прости меня; я самъ простилъ бы тебѣ подобную ошибку. Считаю тебя братомъ, который свободно высказалъ свое мнѣніе». Рюль въ сильномъ волненіи подбѣжалъ и бросился въ объятія Дантона, при чемъ они поцѣловались среди общаго умиленія ¹⁾).

То былъ серьезный урокъ терпимости или, по крайней мѣрѣ, благоразумія. Къ сожалѣнію, люди, которымъ онъ, повидимому, былъ данъ, не были въ состояніи понять его. Дантонисты возобновили свое наступательное движеніе, и на слѣдующій день въ отсутствіе членовъ Комитета общественнаго спасенія, неутомимый Бурдонъ вырвалъ врасплохъ у Собранія декретъ объ арестованіи наиболѣе дѣятельнаго агента Комитета всеобщей безопасности, Герона ²⁾).

Геронъ не былъ знакомъ ни Кутону, который никогда не видалъ его, ни Робеспьеру; однако, узнавъ о томъ, что происхо-

¹⁾ *Ibid.*

²⁾ Засѣданіе Конвента 30 вантова (20 марта).

дить въ Комитетѣ всеобщей безопасности, который опасался, что если онъ дастъ отрѣзать себѣ руку, то вскорѣ доберутся и до его головы, Робеспьеръ и Кутонъ поспѣшно отправились въ Собраніе и тамъ, не принимая лично на себя ручательства за Герона, добились отмѣны изданнаго противъ него декрета ¹⁾.

Геронъ принадлежалъ къ числу тѣхъ подручныхъ тирановъ, которыми министерство пользовалось въ низахъ революціонной полиціи, вдали отъ взоровъ Комитета общественнаго спасенія. Властью, которой онъ непосредственно служилъ, былъ Комитетъ всеобщей безопасности, питавшій глухую вражду къ Робеспьеру ²⁾, относительно чего тотъ не могъ заблуждаться. Значить, его вмѣшательство нисколько не относилось въ данномъ случаѣ къ самому Герону, что онъ, впрочемъ, и доказалъ характеромъ высказанныхъ имъ чисто общихъ соображеній. Онъ опасался того, что люди, въ родѣ Бурдона, Лакруа, Тальена, воспользуются случаемъ, чтобы вовлечь въ гибель гебертизма всѣхъ энергичныхъ патріотовъ и, такимъ образомъ, сдѣлать истребленіе этой партіи исходною точкой для реакціи, которую онъ представлялъ себѣ царствомъ террора въ обратномъ смыслѣ. Говоря о только что обезоруженныхъ заговорщикахъ, онъ сказалъ: «Такъ какъ они скрывались подъ маской патріотизма, то считалось нетруднымъ зачислить въ разрядъ лжепатріотовъ друзей свободы и этимъ путемъ погубить ихъ. Не далѣе какъ вчера одинъ членъ ворвался въ Комитетъ общественнаго спасенія и съ яростью, которой и описать невозможно, началъ требовать трехъ головъ» ³⁾. Кто это требовалъ трехъ головъ? Робеспьеръ не назвалъ никого, но указалъ на члена, отъ упоминанія фамиліи котораго воздерживался, какъ на человѣка, принадлежащаго къ группѣ, горячей желаніемъ основать на обломкахъ поверженной партіи свое господство и, при томъ, въ ущербъ республикѣ ⁴⁾. «Мы стиснуты между двумя преступленіями!» воскликнулъ онъ, и изъ Конвента отправился въ клубъ якобинцевъ, гдѣ въ еще болѣе мрачной формѣ излилъ угнетавшую его тревогу ⁵⁾.

Въ этотъ день начался процессъ гебертистовъ. Къ Ронсену,

¹⁾ Засѣданіе Конвента 30 вантоза (20 марта).

²⁾ См. выше, главу подъ заглавіемъ «Терроръ».

³⁾ Засѣданіе Конвента 30 вантоза (20 марта).

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ Засѣданіе клуба якобинцевъ 1 жерминаля (21 марта).

Венсану, Геберу, Моморо, Буржуа, Дюкроке, Мазюэлю, Анкару и Ломюру присоединили слѣдующихъ лицъ: обычнаго амфитріона Гебера—банкира Кока¹⁾; члена въ то время уже исчезнувшей партіи *бъшеныхъ* Леклера; Дефъё, который обвинялся въ полученіи отъ бывшаго министра Лебрёна денегъ за перехватываніе депешъ якобинцевъ²⁾; жену генерала Кетино, Проли, Перейру, Дюбюисона и, наконецъ — о, скорбное явленіе! самаго преданнаго пріемнаго сына Франціи, бѣднаго Анахарсиса Клотца. Нѣкоторые, впрочемъ, очень легковѣсныя признаки³⁾ показались Фуке-Тенвиллю достаточными, чтобы вовлечь въ это дѣло Паша; но Комитетъ общественнаго спасенія разсудилъ иначе⁴⁾. Отчего Каррье, заговорившій первымъ о возстаніи, не былъ привлеченъ къ Революціонному суду вмѣстѣ съ Геберомъ? Въ Комитетъ общественнаго спасенія противъ Каррье былъ Робеспьеръ, а за него стоялъ Колло-д'Эрбуа, такъ какъ ліонскіе разстрѣлы были связаны отвратительною солидарностью съ нантскими массовыми потопленіями. Вѣроятно, луарскаго тирана спасла тогда ощущавшаяся въ средѣ власти необходимость взаимныхъ уступокъ, такъ какъ въ случаѣ разъединенія власть эта погибла бы.

Процессъ гебертистовъ длился три дня и, подобно почти всѣмъ политическимъ процессамъ, представлялъ собою лишь пародію на правосудіе. Выставленныя противъ подсудимыхъ обвиненія, серьезныя по отношенію къ однимъ, были до скандала безосновательны по отношенію къ другимъ. Напримѣръ, Клотцу было вмѣнено въ преступленіе то, что онъ хотѣлъ узнать, значится ли въ спискѣ эмигрантовъ женщина, которою онъ интересовался⁵⁾. Чтобы установить существованіе такъ называвшагося «иноземнаго заговора», судъ превратилъ въ улики пустыя слова, неосторожныя поступки, прежнія отношенія къ людямъ, вполнѣдствіи признаннымъ измѣнниками, и тѣ объѣды у банкира Кока, про которые Камилль Демуленъ писалъ, что на нихъ

¹⁾ См. процессъ гебертистовъ, воспроизведенный изъ *Bulletin révolutionnaire* въ *Hist. parlem.*, t. XXXI, p. 396.

²⁾ *Ibid.*, p. 391.

³⁾ См. № XVI документовъ, приложенныхъ къ докладу Саладена. *Bibl. hist. de la Révol.* 1097—8—9 (*British Museum*).

⁴⁾ См. объ этомъ печатную записку Фуке, цитируемую въ докладѣ Саладена.

⁵⁾ Процессъ гебертистовъ, *ubi supra*, p. 380.

«Геберъ пьетъ со своею Жаклиной вино Питта»¹⁾. Даже противъ тѣхъ подсудимыхъ, которыхъ уличала истина, Фукье-Тенвиль вооружился клеветою, приписавъ имъ умыселъ замѣнить республику *монархическою властью*. Но особенно ужасно было въ этомъ процессѣ то, что люди благонамѣренные были смѣшаны съ ворами, при чемъ Клоотцъ сидѣлъ рядомъ съ какимъ-нибудь Дюкроке, котораго одинъ изъ членовъ клуба якобинцевъ обвинилъ въ ограбленіи воза со съѣстными припасами²⁾; не говоря уже о Геберѣ, который былъ покрытъ позоромъ, когда какая-то женщина рассказала о томъ, какъ онъ, найдя, въ минуты одолѣвавшей его нужды, пріютъ у одной щедрой особы, вдругъ исчезъ отъ нея, захвативъ съ собою воротнички, рубашки и даже тюфяки³⁾. Бѣдняга! вѣдь это по его мысли было поставлено, что послѣ трехдневнаго разбирательства судьи могутъ заявить, что дѣло достаточно выяснилось для нихъ: въ ту пору онъ не предвидѣлъ, что этотъ суровый законъ будетъ примѣненъ къ нему самому! Жена Кетино, Марія-Анна Латрейль, заявила суду о своей беременности и дѣло о ней было отложено⁴⁾. Одинъ изъ подсудимыхъ, Лабуро, шпіонъ Комитета общественной безопасности при Люксамбургской тюрьмѣ, обязанъ былъ своимъ оправданіемъ своей низости⁵⁾. Всѣ другіе были приговорены къ смертной казни.

Клоотцъ пошелъ навстрѣчу своей участи съ улыбкой на устахъ, истиннымъ философомъ, настолько же полнымъ вѣры, какъ и въ то время, когда онъ восклицалъ на трибунѣ клуба якобинцевъ: «Вселенная будетъ храмомъ, сводомъ котораго будетъ твердь небесная!»⁶⁾ и настолько же мягко-насмѣшливымъ, какъ тогда, когда онъ отвѣчалъ людямъ, которые по его восторженному культу человѣчества заключали, будто онъ мало привязанъ къ Франціи: «Многія узкія головы похожи на жильца,

¹⁾ № 5 «Стараго Кордельера», стр. 97. Collection des mémoires relatifs à la Révolution.

²⁾ См. обвинительный актъ Фукье-Тенвиля. *Histoire parlem.*, t. XXXI, p. 368.

³⁾ Показаніе Броше.

⁴⁾ Показаніе жены типографщика Дюбуа, Викторін Генгре.

⁵⁾ Дюфе (отъ д-та Ионны). *Dictionnaire de la conversation*, статья Clootz.

⁶⁾ Въ бумагахъ Робеспьера найдены были его донесенія о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ во время своего заключенія.

⁷⁾ *Moniteur*, an II (1793), № 57.

который говорилъ бы своему домохозяину: ты не любишь моей квартиры, потому что любишь только свой домъ»¹⁾. Услышавъ, какъ его сотоварищи по несчастію упрекали другъ друга въ постигшей ихъ участи, онъ весело прокричалъ имъ столь извѣстные стихи:

Je revais cette nuit que, de mal consumé,
Côte à côte d'un gueux on m'aurait inhumé;
Et que, blessé pour moi d'un pareil voisinage,
En mort de qualité, je lui tins ce langage²⁾...

Клоотцъ обладалъ мужествомъ философа; Ронсенъ проявилъ мужество солдата. Обратившись къ Моморо, онъ сказалъ: «Что ты тамъ пишешь? Это бесполезно. Это процессъ политическій. Вы все говорили, когда надо было дѣйствовать.. Но время отомстить за насъ; народъ обратитъ своихъ судей въ жертвы. У меня есть пріемный ребенокъ... когда онъ вырастетъ, онъ переколетъ кинжаломъ тѣхъ, кто послалъ насъ на смерть; для этого нуженъ всего только ножъ цѣною въ два су». Геберу, выражавшему скорбь о томъ, что свобода погибла, онъ замѣтилъ: «Ты самъ не знаешь, что говоришь; свобода погибнуть не можетъ»³⁾.

Казнь гебертистовъ состоялась 4 жерминаля (24 марта) на Площади Революціи. Улицы, по которымъ долженъ былъ прослѣдовать кортежъ, были переполнены громаднѣйшею толпою гражданъ. Когда онъ показался, раздались рукоплесканія, смѣшанныя съ кликами «*Да здравствуетъ республика!*»⁴⁾. Мертвенно блѣдный и едва держась на ногахъ, подошелъ къ гильотинѣ Геберъ, среди свистковъ и криковъ толпы. Ему кричали, намекая на виньетку его газеты: «Ну-ка, отецъ Дюпенъ, гдѣ твои трубки?»⁵⁾. Ронсенъ обѣщаль *не дрогнуть* и сдержалъ

¹⁾ *Appel au genre humain*, par Anacharsis Clootz. *Bibl. hist. de la Révol.* 775—6—7 (*British Museum*).

²⁾ *Mémoires de Riouff*, p. 69. Collection des mémoires relatifs à la Révolution.— («Нынѣшнею ночью мнѣ свилось, что, умеревъ отъ болѣзни, я былъ похороненъ бокъ-о-бокъ съ нищимъ и что, чувствуя себя, въ качествѣ знатнаго покойника, оскорбленнымъ подобнымъ сосѣдствомъ, я сталъ держать ему такую рѣчь...»).

³⁾ Эти подробности относительно Ронсена заимствованы изъ доклада Лабуро, цитированнаго въ *Mémoires sur les prisons*, t. II, p. 72—75.

⁴⁾ *Moniteur*, an II (1794), 5 germinal.

⁵⁾ *Mercier, Nouveau Paris*, t. V, chap. CCXI.

слово. Клоотцъ проявилъ удивительное хладнокровіе. Онъ пожелалъ быть казненнымъ послѣ всѣхъ, чтобы, говорилъ онъ, имѣть время установить нѣкоторые принципы, пока будутъ валиться головы другихъ осужденныхъ¹⁾.

За эту казнь послѣдовали быстрыя перемѣны. Революціонная армія была распущена²⁾. Въ Коммунѣ, составъ которой былъ почти весь измѣненъ, Паша замѣнилъ Флѣрю Леско, тогда какъ обязанности, исполнявшіяся Шометтомъ, были переданы Пейану, съ присвоеніемъ ему названія *національнаго агента*³⁾. Что касается клуба кордельеровъ, то онъ постарался удержаться при помощи провѣрки качествъ своихъ членовъ «очистительною» баллотировкой. Но политическая роль клуба кончилась: онъ сошелъ со сцены.

ГЛАВА X.

Процессъ и смерть дантонистовъ.

Дантовистская оппозиція.—Роялисты поощряютъ ее.—Друзья Камилла Демулена дѣлають ему благоразумныя предостереженія; письмо Фрерона; Брюнъ за завтракомъ у Демулена.—№ 7 «Старога Кордельера»; заключавшіяся въ немъ буйныя нападки.—Противоположныя доктрины Сень-Жюста и Камилла Демулена относительно революціоннаго идеала.—Эпикурейскія наклонности Демулена; аскетизмъ Сень-Жюста; болѣе мягкій ригоризмъ Робеспьера.—Дурная книга, данная для прочтенія сестрѣ невѣсты Робеспьера Демуленомъ.—Чрезмѣрный пуританизмъ Робеспьера: циническая распущенность Дантона.—Причины охлажденія между ними; ихъ стараются сблизить; различные толки относительно ихъ свиданія.—Бильо-Варенъ предлагаетъ казнить Дантона; бѣшенство Робеспьера по поводу этой мысли.—Дантонисты радостно привѣтствуютъ казнь Гебера; ихъ ослѣпленіе на этотъ счетъ; жестокой отзывъ Камилла Демулена.—Въ силу самой фатальности положенія, дантовизмъ оказывается авангардомъ роялизма.—Успѣхи и опасность дантовистской оппозиціи: она вызываетъ волненіе въ Комитетѣ общественнаго спасенія.—Сень-Жюстъ старается побудить Робеспьера отступить отъ Дантона.—Жалобы на Дантона по поводу его прежнихъ сношеній съ Домурье; двусмысленность этихъ сношеній; подоарвія были приняты за улики; въ этомъ и была несправедливость.—Робеспьеръ соглашается отступить отъ Дантона.—Доставленныя Сень-Жюсту замѣтки.—Тревожные признаки.—Дантона предупреждаютъ.—Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, онъ раздражается бравадами.—Арестованіе Дантона, Камилла Демулена и Филиппо.—Письмо послѣдняго къ женѣ.—Дантонисты въ тюрьмѣ.—Изумленіе въ Парижѣ.—Протестъ Лежандра; отвѣтъ Робеспьера; Лежандръ отстываетъ.—Докладъ Сень-Жюста противъ дантонистовъ; постановленіе Собранія.—Заявленіе, сдѣланное Дантономъ Лакруа: «Надо постараться взволновать народъ».—Трогательное письмо Камилла Де-

¹⁾ Dufey (de l'Yonne). Biographie de Cloutz.

²⁾ Декретъ отъ 7 жерминаля (27 марта).

³⁾ 9 жерминаля (29 марта).

мулена къ женѣ.—Отчаяніе Люсилы; какія мысли внушаетъ ей это отчаяніе; благородное поведеніе молодой жены Дантона. — Недописанное и непосланное письмо Люсилы къ Робеспьеру. — Удивительное прощаніе.—Рѣчи Дантона въ тюрьмѣ; Фабръ д'Эглантинъ озабоченъ единственно комедіей, которую, какъ онъ опасается, можетъ украсть у него Бильо-Варенъ.—Шабо отравляется; его возвращаютъ къ жизни; его трогательное заявленіе относительно Базира.—Подсудимые передъ Революціоннымъ судомъ.—Канцелярія суда состоитъ изъ дантонистовъ.—Распоряженіи Фукье-Тенвиля.—Физиономія присяжныхъ.—Быль ли произведенъ отборъ присяжныхъ?—Несправедливое отклоненіе просьбы Фабра; его защита.—Страстная рѣчь Дантона и произведенное ею впечатлѣніе.—Допросъ Камиллы Демулена, Лакруа, Филиппо и Вестермана.—Прекрасный отвѣтъ Филиппо.—Отказъ выслушать шестнадцать членовъ Конвента въ качествѣ свидѣтелей; несправедливость этого отказа.—Бурное засѣданіе суда 15 жерминаля.—Признаніе Дантономъ чести Германа.—Письмо Германа и Фукье въ Комитетъ общественнаго спасенія.—Донесъ Лафлота.—Сень-Жюсть вводитъ Конвентъ въ заблужденіе относительно поведенія подсудимыхъ на судѣ.—Декретъ объ устраниніи отъ судебныхъ рѣшій тѣхъ изъ подсудимыхъ, которые будутъ оказывать сопротивленіе суду или оскорблять его.—Жена Филиппо ходатайствуетъ о допущеніи ея къ рѣшеткѣ Конвента.—Почему Бильо-Варенъ хочетъ, чтобы она явилась; почему Робеспьеръ противится этому.—Присяжные заявляютъ, что дѣло для нихъ достаточно выяснилось.—Негодование подсудимыхъ; ихъ выводить.—Что повлияло на рѣшеніе присяжныхъ.—Яростное заявленіе Треншара.—Осужденіе и смерть дантонистовъ.—Критическая замѣтка.

Во время борьбы, начатой противъ новаго клуба кордельеровъ, дантонисты вели наступленіе съ такою горячностью, что она взволновала Комитетъ общественнаго спасенія. Въ тотъ день, когда состоялся декретъ о привлеченіи Фабра д'Эглантина къ суду, Дантонъ потребовалъ, чтобы обвиняемый и его со товарищи по несчастію были выслушаны у рѣшетки; а Бильо-Варенъ отвѣтилъ на это требованіе грознымъ восклицаніемъ: «Горе тому, кто засѣдалъ рядомъ съ Фабромъ и донинѣ остается обманутымъ имъ! Онъ обманулъ лучшихъ патріотовъ»¹⁾. Мы уже знаемъ, какое постановленіе было сдѣлано тогда Собраніемъ. Постановленіе это засѣло въ сердцѣ Дантона наподобіе отравленной стрѣлы, и Камиллѣ Демуленъ обмолвился по этому поводу горькимъ замѣчаніемъ: «Комитетъ общественнаго спасенія производитъ правильную порубку въ Конвентѣ»²⁾.

Стремленіе придать революціи болѣе спокойный характеръ было, конечно, дѣломъ мужественнымъ и благороднымъ; но оно требовало большой осторожности, пока исходъ продолжавшагося боя оставался неизвѣстнымъ. Не могло быть ничего лучшаго, какъ предостеречь революціонное правительство отъ его собственныхъ крайностей; но дѣло шло тогда о спасеніи революціи

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 116.

²⁾ *Mémoires de Levasseur*, t. III, chap. V.

и Франціи, и потому нужно было воздерживаться отъ всего такого, что могло ослабить единство революціонной дѣятельности и обезоружить или подорвать власть, находившуюся въ борьбѣ съ цѣлою Европой.

Это оказалось подводнымъ камнемъ для дантонистской оппозиціи. Бурдонъ (отъ д-та Уазы) настойчиво добивался упраздненія военнаго министерства, рискуя дезорганизовать службу армій; Филиппо, разоблаченія котораго Шудѣ развѣялъ прaxомъ¹⁾, принялся за нихъ опять съ прискорбнымъ упорствомъ; а тѣмъ временемъ Камилль Демуленъ снова началъ писать не въ томъ полупокаянномъ духѣ, въ какомъ составленъ былъ № 5 «Стараго Кордельера», а въ томъ, увы, столько же смѣломъ, сколько и краснорѣчивомъ тонѣ, въ какомъ былъ писанъ роковой № 3 его газеты.

Что касается Дантона, то онъ, повидимому, хотѣлъ держаться въ сторонѣ, рѣдко выступалъ на трибунѣ и казался то измученнымъ, то колеблющимся въ выборѣ пути. Однако, поддерживая нападки Бурдона, добиваясь разсмотрѣнія образа дѣйствій общественныхъ должностныхъ лицъ, требуя отъ революціонныхъ комитетовъ отчета въ ихъ дѣятельности, онъ возбуждалъ тревогу, особенно сильную въ виду его извѣстности, важнаго значенія въ революціи и воспоминаній объ его отвагѣ. При томъ, вокругъ него группировались всѣ тѣ люди, которые, засѣдая на Горѣ, внушали безпокойство Комитету общественнаго спасенія — всѣ эти Тюрю, Лакруа, Мерленъ (отъ Тіонвиля). Будь онъ менѣе осмотрителенъ, вліяніе его признавалось бы менѣе опаснымъ. Сколько онъ ни искалъ тихаго уединенія отъ политической жизни въ любви къ своей молодой женѣ, сколько ни говорилъ о мирной жизни, о покоѣ, о часахъ забвенія среди деревьевъ и цвѣтовъ, боевые и еще не утомившіеся противники его не вѣрили въ реальность и глубину усталости этой пылкой натуры. Да и друзья его относились къ его искренности подозрительно, порываясь въ борьбу, которая безъ его поддержки была бы бессмысленна и казалась невозможною. Сказать по правдѣ, они рассчитывали на него: «Дантонъ спитъ — говорилъ Камилль Демуленъ — это сонъ льва, но онъ проснется, чтобы защитить насъ»²⁾.

¹⁾ Докладъ Шудѣ о Вандеѣ, внесенный 18 плувіоза (6 февраля) 1794 г.

²⁾ *Correspondance inédite de Camille Desmoulin*, publiée par M. Matton aîné, p. 17 (1836).

И затѣмъ, въ видѣ естественнаго послѣдствія положенія дѣлъ, съ дантонистами произошло то же, что уже случилось съ жирондистами. Въ восторгѣ, что можно выставить противъ революціоннаго правительства такихъ людей, роялисты толпились за ихъ спиною, подбадривали ихъ, толкали впередъ и безвозвратно компрометировали. Они безумно проявляли свою радость по поводу близившагося конца эры желѣза и по поводу того, что революція стала въ тягость ея первымъ, самымъ пылкимъ апостоламъ, напримѣръ энергичному Дантону и горячему Камиллу, который — они хорошо помнили это — принялъ названіе *Главнаго прокурора (фонаря)*. Какимъ торжествомъ было для нихъ, когда они услышали, какъ Демуленъ сравниваетъ новый строй, установленію котораго, по ихъ мнѣнію, самъ же онъ столько содѣйствовалъ, съ достойнымъ отвращенія и отвратительнымъ царствованіемъ Тиверія! Недаромъ къ Камиллу притекали во множествѣ разныя ходатайства, пересыпанныя изъясненіями благодарности. Отчего — спрашивали его — не продолжаетъ онъ начатаго имъ славнаго дѣла? Какъ! до сихъ поръ еще приходится ждать продолженія обѣщаннаго въ концѣ декабря «*Политическаго credo*!» Почему такое долгое молчаніе, огорчающее честныхъ людей? Смѣлѣе, смѣлѣе! А Камиллъ, видя, что его книгопродавецъ Дезенъ не успѣваетъ удовлетворять спроса на нумера его газеты, вообразилъ, что его поддерживаетъ вся Франція¹⁾; объятый смущеніемъ, въ восторгѣ и очарованіи, онъ въ своемъ энтузіазмѣ ясно видѣлъ только почетъ!

Нельзя сказать, чтобы ему не дѣлалось строгихъ предостереженій.

Изъ всѣхъ друзей Камилла ни одинъ не былъ такъ нѣжно привязанъ къ нему, какъ Фреронъ, который переписывался съ нимъ и съ его глубоко любимой Люсиліей въ очаровательно задушевномъ тонѣ. У нихъ былъ свой особый способъ выражаться, употреблялись имена, придуманныя дружбой. Фреронъ, который на дачѣ у тещи Камилла, г-жи Дюплесси, очень любилъ играть съ зайцами, назывался у нихъ Зайцемъ; Люсилію звали Rouleau, г-жу Дюплесси Мельпоменою; Дантона они называли Мариємъ, а Камилла — Були-Була²⁾. И вотъ что писалъ Зайцъ къ Rouleau изъ Тулона: «Я замѣчаю, что васъ огорчаютъ и что

¹⁾ *Correspondance inédite de Camille Desmoulins*, p. 16.

²⁾ *Ibid.*, *passim*.

на Камилла сдѣланъ доносъ тѣми самыми людьми, которые преслѣдовали меня въ клубѣ якобищевъ. Надѣюсь, что онъ восторжествуетъ надъ этими нападками. Я узналъ его оригинальную манеру въ нѣсколькихъ мѣстахъ его газеты; я вѣдь и самъ одинъ изъ старыхъ кордельеровъ. Прощайте, Люсилія, злая чертовка. Собрана ли уже вапа богородицына трава? Несмотря на всѣ ваши оскорбленія, я не замедлю попросить позволенія поѣсть этой травки изъ вашихъ рукъ. — *Постскриптумъ*: Тысячу привѣтствій вашему волку... Скажи ему, чтобы онъ немножко подтянулъ поводья своему воображенію на счетъ комитетовъ милосердія; *они были бы торжествомъ для контръ-революціонеровъ*»¹⁾.

Къ числу людей, умолявшихъ Камилла Демулена быть поумѣреннѣе въ изображеніи несчастій того времени, принадлежалъ его бывшій школьный товарищъ Брюнъ. Такъ какъ Камиллъ отдѣлывался только шутками, то будущій маршалъ Имперіи сказалъ ему: «Я не могу не любоваться тобой, однако будь увѣренъ, что, дѣйствуя съ большей умѣренностью, ты сдѣлаешь настоящее добро, тогда какъ, продолжая писать по-прежнему, ты только самъ предаешь себя, и ничего не спасаешь»... Демуленъ пригласилъ Брюна къ завтраку. Сѣли за столъ; Камиллъ былъ очень оживленъ и говорилъ, что рассчитываетъ на общественное мнѣніе, на своихъ друзей. «Развѣ вы не слышали — сказалъ онъ — краснорѣчиваго голоса Филиппо? Дантонъ спитъ, но проснется». И Люсилія принялась цѣловать его, ободрять всякими нѣжными словами, исходившими изъ безстрашной души: «Оставьте, оставьте его, Брюнъ; пусть онъ дѣлаетъ, какъ знаетъ; онъ долженъ спасти свою родину; дайте ему выполнить его миссію». Камиллъ, держа на колѣняхъ своего маленькаго сына Ораса, весело сказалъ: *Edamus et bibamus; cras enim moriemur*»²⁾.

Жребій былъ брошенъ: Камиллъ передалъ своему книгоправцу рукопись № 7-го «Стараго Кордельера». Каковъ же былъ ужасъ Дезена! Первая часть этой рукописи, составлявшая продолженіе «Политическаго исповѣданія» автора, заключала въ себѣ

¹⁾ *Correspondance inédite de Camille Desmoulins*, p. 209, 210.

²⁾ «Будемъ ѣсть и пить; завтра же умремъ». — Болѣе подробное изложеніе этой интересной сцены см. въ *Correspondance inédite de Camille Desmoulins publiée par M. Matton aîné*, p. 16 et 17.

до крайности рѣзкіе нападки уже не только на Гебера — который еще былъ живъ — но и на Колло-д'Эрбуа, на Барера, на «чрезмѣрную власть» Комитета общественнаго спасенія, на революціонные комитеты. «Свобода — писалъ Камилль — это справедливость, и самъ Неронъ никогда не издѣвался надъ стыдливостью до того, чтобы допускать распространеніе и выкрикиваніе на улицахъ извѣстія о смерти Британника¹⁾. Свобода — это гуманность, и я думаю, что она не осуждаетъ матери Барнава за то, что она, совершивъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, поѣздку въ сто лье, нѣсколько дней тщетно стучалась въ ворота Консьержери, желая поговорить со своимъ сыномъ²⁾. — Я думаю, что свобода не смѣшиваетъ жену или мать виновнаго съ самимъ виновнымъ, такъ какъ и Неронъ не заточалъ Сенеку и не разлучалъ его съ дорогою ему Паулиней³⁾. — Я думаю, что ни Коммоду, ни Геліогабалу, ни Калигулѣ никогда не приходило въ голову — какъ дѣлаютъ революціонные комитеты — требовать отъ гражданъ квартирную плату за ихъ тюремныя камеры и взыскивать съ нихъ, какъ съ моего тестя, по двѣнадцати франковъ въ день за пространство въ шесть футовъ, которое отводится имъ подъ постель⁴⁾. — Я думаю, что Тиверій и Карлъ IX хотя и ходили смотрѣть тѣло умершаго врага, однако, по крайней мѣрѣ, не обращали его трупа въ трофей и не говорили на слѣдующей день, подобно Геберу: «Наконецъ-то я видѣлъ, какъ національная бритва отхватила безволосую голову Кюстина отъ его круглой спины»⁵⁾.

Все это было благородно, прочувствовано и написано огненными буквами; и какое честное сердце могло бы не раздѣлить во всемъ этомъ мнѣнія Камилла? Но, чтобы быть справедливымъ и не давать въ руки врагамъ революціи отравленнаго оружія, ему слѣдовало бы сопоставить съ картиною порожденныхъ революціею преступленій картину тѣхъ неистребимыхъ благъ и геройскихъ поступковъ, которыхъ она была источникомъ. Чтобы быть справедливымъ, онъ долженъ бы былъ напомнить о томъ, какой священный восторгъ вызвало тогда и въ Конвентѣ, и

¹⁾ *Suite de mon credo politique* въ *Oeuvres complètes de Camille Desmoulins*, publiées par Matton, t. II, p. 162.

²⁾ *Oeuvres complètes de Camille Desmoulins*, p. 162.

³⁾ *Ibid.*, p. 163.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 164.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 165.

даже въ Революціонномъ судѣ горжество признанной невинности и съ какимъ умиленнымъ порывомъ, съ какою сердечностью Собраніе уничтожило рабство¹⁾. И еще ему слѣдовало бы прибавить, что причинами свирѣпыхъ прихотей Коммода, Геліогабала, Калигулы были лишь всепожирающій эгоизмъ, разнузданная спесь, разгулъ неограниченной власти, тогда какъ революціонныя крайности были порождены сопротивленіемъ, которое, будучи въ принципѣ законнымъ, приняло яростный характеръ только вслѣдствіе громадности нападенія съ противной стороны и необъятныхъ размѣровъ опасности.

При томъ, Камилль Демуленъ не могъ не знать, въ какое оцѣпенѣніе повергло патріотовъ его благородное, но слишкомъ неумѣренное краснорѣчіе. Онъ самъ разказалъ, что, когда появилось ложное извѣстіе объ его исключеніи изъ клуба якобинцевъ, три четверти его подписчиковъ явились къ Дезену съ цѣлью вычеркнуть свои фамиліи изъ опасенія, чтобы ихъ не заподозрили въ чтеніи его статей²⁾. И онъ же сообщаетъ намъ и о томъ, что № 5 «Стараго Кордельера», гдѣ было напечатано его оправданіе, не былъ прочитанъ тѣми, къ кому онъ обращался, т. е. патріотами изъ бѣдняковъ, потому что Дезенъ, стремясь извлечь побольше выгоды изъ необычайно широкаго спроса на газету, требовалъ за каждый нумеръ по двадцати су³⁾. А при такихъ условіяхъ, у автора оставались одни только роялистскіе читатели!

Въ № 7, озаглавленномъ: «За и противъ, или разговоръ двухъ старыхъ кордельеровъ», Камилль Демуленъ отдавалъ неувидаемую честь свободѣ печати. Но какъ усилена была здѣсь горечь его нападокъ! Какая тутъ была смѣсь возвышенныхъ вдохновеній и провокацій! Какіе смертоносные вызовы бросалъ онъ, одинъ за другимъ, и Комитету всеобщей безопасности, «замуровывающему мягкость», и «страннымъ братьямъ» Комитета, Вадье, Вулану, Амару, Жаго, и «корсару мостовыхъ»

¹⁾ Левассёръ, который предложилъ упразднить рабство, былъ племянникомъ богатаго колониста, лишившаго его наслѣдства за то, что онъ въ его присутствіи клеймилъ торговлю неграми (См. *Mémoires de Levasseur*, t. III, chap. V, p. 82).

²⁾ *Vieux Cordelier*, № 7.

³⁾ «Непомѣрная цѣна № 5-го причиною тому, что его не могъ прочесть ни одинъ санкюлотъ». (*Vieux Cordelier*, № 6, p. 126. Collection des Mémoires relatifs à la Révolution.

Герону, этому «негласному служителю святой Германдады», который «не пшыряетъ, подобно г-жѣ Дюбарри, двухъ апельсиновъ, приговаривая: *Прыйай, Шуазель! прыйай Пралэнъ!* а беретъ вмѣсто апельсиновъ двѣ горсти ассигнацій и говоритъ: *Прыйай, д'Элантинъ! прыйай, Камилль!*»; и Давиду, у котораго «отъ излишней гордости скривило щеку», этому «великому живописцу съ душою Людовика XI, набившему столько народа въ тюрьмы только для того, чтобы получить возможность усадить свою ж... на кресло, обитое зеленымъ сафьяномъ!»¹⁾.

Быль ли пощаженъ, по крайней мѣрѣ, Робеспьеръ? Правда, Камилль Демуленъ не обзываетъ его ни «корсаромъ мостовыхъ», ни Людовикомъ XI, но онъ относитъ его къ категоріи тѣхъ людей, по поводу которыхъ Цицеронъ говорилъ: «Если ты не видишь, чего требуетъ время, если ты говоришь необдуманно, если ты выставляешь себя на показъ, если ты не обращаешь никакого вниманія на окружающихъ тебя, то я отказываю тебѣ въ названіи человѣка мудраго, *ineptus esse dicitur*»²⁾. Онъ сравниваетъ его съ Катонемъ, который, требуя отъ республиканца болѣе строгой нравственности, чѣмъ какая допускалась тогдашнимъ временемъ, тѣмъ самымъ только содѣйствовалъ въ немалой степени ниспроверженію свободы. Онъ упрекаетъ себя въ томъ, что не давалъ ему отпора: «Робеспьеръ — пишетъ Камилль — нѣсколько лѣтъ тому назадъ доказалъ на трибунѣ клуба якобинцевъ, что обладаетъ сильнымъ характеромъ; это было въ тотъ день, когда, въ минуту сильной немилости къ нему, онъ вцѣпился въ трибуну и крикнулъ, что его надо или убить, или выслушать; но ты былъ рабомъ въ тотъ день, когда допустилъ такъ круто оборвать себя, послѣ перваго же твоего слова, фразою: *Сожженіе не отвѣтъ*»³⁾. Робеспьеръ поставилъ на очередь въ клубѣ якобинцевъ обсужденіе недостатковъ англійскаго управленія; и вотъ Камилль Демуленъ насмѣхается надъ подобными ненужными преніями: «Къ чему все это словоизверженіе?» спрашиваетъ онъ и, касаясь рѣчи, произнесенной по этому случаю Робеспьеромъ, пишетъ: «Какъ! Робеспьеръ, который столько

¹⁾ *Oeuvres complètes de Camille Desmoulins*, publiées par M. Matton aîné, № 7. См. p. 206—211.

²⁾ Эпиграфъ къ № 7 «Стараго Кордельера».

³⁾ См. № 7 *Vieux Cordelier*, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ напечатанъ въ *Oeuvres complètes de Camille Desmoulins*, publiées par M. Matton aîné, p. 188.

издѣвался надъ Клоотцемъ, желавшимъ муниципализировать Европу, беретъ на себя его проповѣдь и хочетъ демократизировать англійскій народъ? Да вѣдь въ этомъ случаѣ всякій народъ, особенно же такая гордая нація, какъ Англія, каковы бы ни были недостатки ея конституціи, говоритъ, какъ жена Станареля Роберу: «А если я хочу, чтобы онъ меня билъ?» И какъ это Робеспьеръ забываетъ глубоко политическую, увлекательную рѣчь, которую онъ же произнесъ въ декабрѣ 1791 г., когда высказывался противъ войны? Какъ это Робеспьеръ забываетъ имъ же произнесенную тогда энергическую фразу: «Когда горитъ нашъ домъ, неужели намъ слѣдуетъ идти тушить пожаръ у другихъ?»... Должно быть, Питтъ немало посмѣялся, увидѣвъ, что человекъ, называвшій его въ засѣданіи клуба якобинцевъ 10 плювіоза *мунцомъ* и *животнымъ*, оказывается тѣмъ самымъ Робеспьеромъ, который такъ искусно беретъ за дѣло, чтобы упрочить его въ министерствѣ и натянуть длинный носъ Фоксу, Шеридану и Стенгопу!»¹⁾

Тутъ логика измѣнила Камиллу Демулену: никакого противорѣчія не было въ томъ, чтобы въ 1791 г. желать во что бы нистало предотвратить войну, а въ 1794 г. стоять за войну, разъ она яростно начата была Питтомъ, и требовать всевозможныхъ мѣръ для отраженія непріятели. Но Робеспьеръ унижилъ своего школьнаго товарища Камилла слишкомъ высокоумными формами своего покровительства, и Камиллъ не забылъ этого. «Осмѣлишься ли ты—пишетъ онъ—дѣлать подобныя сопоставленія и ставить Робеспьера въ смѣшное положеніе, въ видѣ отвѣта на тѣ насмѣшки, которыми онъ съ нѣкоторыхъ поръ осыпаетъ тебя обѣими руками?»²⁾ Въ этомъ № 7 «Старога Кордельера», въ которомъ такъ часто слышится біеніе благороднаго сердца, читателя удивляетъ и печалитъ одно: похвала издателю ужасной газеты *Rougeiff*, Гюффруа. Развѣ Гюффруа, довѣрившись которому Камиллъ Демуленъ клеймитъ каленымъ желѣзомъ Герона и котораго онъ называетъ «нашъ милый Ружифчикъ, этотъ превосходный сѣдовласый патріотъ»³⁾—развѣ этотъ Гюффруа не писалъ, говоря о Шарлотѣ Кордэ: «Сообщники этой потаскушки не всѣ обриты, какъ она; но ихъ обре-

¹⁾ *Oeuvres complètes de Camilles Desmoulins*, publiée par M. Matton aîné, p. 203 et suiv.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Ibid.*, p. 213.

ютъ, не такъ ли, палачъ?»¹⁾ Раавѣ не изъ-подъ его обмокнутаго въ кровь пера вылились фразы, въ родѣ слѣдующей: «Ну-ка, г-жа гильотина, брейте почище всѣхъ этихъ враговъ отечества. Живѣе, живѣе, нечего много разговаривать! Голову въ мѣшокъ!»²⁾ Что больше этаго сказалъ *Père Duchesne*?

Ничто не доказываетъ, чтобы относительно статьи, бѣглый обзоръ которой мы сдѣлали, спрошено было мнѣніе Дантона, хотя въ замѣткахъ, доставленныхъ Робеспьеромъ Сень-Жюсту, и говорится: «Дантонъ читалъ корректуру «Стараго Кордельера» и самъ сознается, что сдѣлалъ въ ней измѣненія»³⁾. Досто-вѣрно то, что Дезенъ не рѣшился опубликовать манифестъ, такъ сильно походившій на объявленіе войны. Онъ не осмѣлился напечатать продолженіе «Политическаго исповѣданія», а въ № 7 выбросилъ или измѣнилъ все то, что относилось къ комитетамъ или къ Робеспьеру⁴⁾. Мало того: номеръ этотъ, судя по выставленному на немъ числу, долженъ былъ выйти 15 плювіоза (3 февраля), а вышелъ лишь послѣ смерти автора. Неизвѣстно, осталось ли его содержаніе въ тайнѣ или огласилось; да и не все ли это равно? Вѣдь Камиллъ только выразилъ мысль партіи, стремленія и планы которой уже не могли быть тайной.

Большинство историковъ упоминало о знаменитой фразѣ Демулена о Сень-Жюстѣ: «По его осанкѣ и манерѣ держать себя видно, что онъ считаетъ свою голову краеугольнымъ камнемъ республики, и что онъ носитъ ее на плечахъ съ почтеніемъ, какъ св. Дары». Прюдомъ, приводя эту эпиграмму, не говорятъ о приписываемомъ Сень-Жюсту заявленіи: «А я устрою такъ, что онъ будетъ носить свою голову, какъ св. Діонисій»⁵⁾. Нѣтъ рѣчи объ этомъ и въ замѣткахъ, писанныхъ самимъ Камилломъ Демуленомъ въ тюрьмѣ, хотя онъ и напоминаетъ о соб-

¹⁾ *Rougiff*, № VII.

²⁾ *Ibid.*, № XIV.

³⁾ Рукопись, опубликованная Луи Дюбуа, р. 25.

⁴⁾ Объ этомъ сообщаетъ намъ издатель *Oeuvres complètes de Camille Desmoulins*, Маттонъ, въ трудѣ котораго находится полная версія № 7-го *Vieux Cordelier*, съ указаніемъ тѣхъ измѣненій, которыя Дезенъ счелъ необходимымъ сдѣлать.

⁵⁾ Prudhomme, *Histoire impartiale des erreurs, des fautes et des crimes commis pendant la Révolution française*, t. I, p. 146.—Извѣстно, что св. Діонисія изображаютъ держащимъ свою отрубленную голову въ рукахъ. *Перев.*

ственной своей фразѣ, при чемъ говорить: «Я помѣстилъ Сень-Жюста въ насмѣшливый нумеръ, а онъ помѣщаетъ меня въ гильотинный докладъ»¹⁾.

Было бы ребячествомъ отрицать участіе въ событіяхъ революціи разнузданныхъ человѣческихъ страстей; но не выставить со всею выпуклостью той связи, которая такъ часто ставила въ этихъ событіяхъ столкновение страстей въ зависимость отъ гораздо болѣе глубокой борьбы идей, было бы недостойно серьезнаго и философски настроеннаго историка. Между Камилломъ и Сень-Жюстомъ существовало такое же разстояніе, какое отдѣляло ученіе Эпикура отъ строгой философіи Зенона, Хризиппа, Аѳенодора Таресскаго и Эпиктета у древнихъ грековъ и Катона, Сенеки, Фразея и Марка Аврелія у римлянъ.

«Я думаю, писалъ Камилль—и въ этомъ очаровательная прелесть его стиля являлась лишь украшеніемъ разума—я думаю, что свобода заключается не въ жалкомъ существованіи, не въ томъ, чтобы носить заношенную и прорванную на локтяхъ одежду, какую, я помню, нашивали напоказъ Роланъ и Гаде, или ходить въ деревянныхъ башмакахъ»²⁾. Онъ желалъ, чтобы республика выполнила, по отношенію къ Франціи, то обѣщаніе относительно *журицы въ супъ для всѣхъ*, которое тщетно дано было ей двѣсти лѣтъ тому назадъ монархіей³⁾. Онъ желалъ, чтобы Конвентъ могъ выдать себѣ слѣдующее свидѣтельство: «Я засталъ націю безъ штановъ (*sans culotte*), а оставляю ее въ штанахъ (*culottée*)»⁴⁾. Онъ еще въ своемъ *Lanterne aux Parisiens* восклицалъ: «Какъ! Пале-Рояля больше нѣтъ? Опернаго театра нѣтъ? Мео нѣтъ? Вѣдь это предсказанная пророкомъ Данииломъ мерзость запустѣнія; это прямо контръ-революція!»⁵⁾ И какъ любилъ онъ возвращаться къ этимъ радостнымъ картинамъ! «Въ Аѳинахъ оракулъ провозгласилъ Солона первымъ изъ семи мудрецовъ, хотя тотъ, ничуть не стѣсняясь, сознавался въ своей склонности къ вину, женщинамъ и музыкѣ... А божественный Сократъ? Однажды, встрѣтивъ Алкивиада мрачнымъ и задумчивымъ, повидимому, изъ-за того, что тотъ былъ

¹⁾ См. книгу Маттона, р. 233 et 234.

²⁾ *Vieux Cordelier*, № 6, р. 120 et 121. Collection des Mémoires relatifs à la Révolution française.

³⁾ *Ibid.*, р. 121.

⁴⁾ *Ibid.*, р. 123.

⁵⁾ *Ibid.*, р. 125.

задѣтъ письмомъ Аспазіи, серьезнѣйшій изъ менторовъ спросилъ его: «Что съ тобой? Ужъ не побѣжденъ ли ты на бѣгахъ или въ оружейномъ залѣ? Или за столомъ полководца кто-нибудь спѣлъ или сыгралъ на лирѣ лучше тебя?» Эта черта обрисовываетъ нравы. Какіе любезные республиканцы!»¹⁾

Эта мягкая философія, сама по себѣ вовсе не антиреспубликанская, могла только привлекать на сторону республики многихъ изъ ея противниковъ, всѣхъ тѣхъ, кто ставилъ цѣлью *счастье*; но въ глазахъ мрачнаго Сень-Жюста она была неправомерно нехороша тѣмъ, что не принимала въ расчетъ того, что составляло, на его взглядъ, истинную основу республиканскаго управленія — *добродѣтель*. Тѣмъ болѣе, что Камилль Демуленъ былъ не такой человекъ, чтобы остановиться на плоской плоскости своихъ мыслей, какъ показываетъ слѣдующая рѣзкая выходка его, направленная противъ Шометта: «Я думаю, что закрытіе домовъ разврата одновременно съ монастырями является дѣломъ ловкой политики иноземной партіи, которая сдѣлала это, прикрывшись горячимъ рвеніемъ къ перерожденію нравовъ и повязкой Анаксагора; сдѣлала же она это не по соображеніямъ философіи, которая, какъ Платонъ, одинаково допускаетъ и проповѣдника, и куртизанку, элевзинскія таинства и культъ доброй богини, и съ одинаковою жалостью относится къ Магдалинѣ въ ея обоихъ состояніяхъ: у ея алькова и въ исповѣдальнѣ. Нѣтъ, она сдѣлала это съ цѣлью увеличить число враговъ республики, расшевелить грязь Парижа и возстановить противъ республики развратниковъ и набожныхъ людей. Вотъ какимъ образомъ ложная политика лишила правительство двухъ важнѣйшихъ его пружинъ — религіи и раснущенности нравовъ»¹⁾.

Отъ доктрины, признававшей *раснущенность нравовъ* за одну изъ наисильнѣйшихъ пружинъ правительства, было очень далеко до тѣхъ принциповъ, которые исповѣдывалъ Сень-Жюстъ, когда говорилъ:

«Республика не сенатъ, она — *добродѣтель*²⁾. — Закаляйте свободу³⁾. — Мы говорили вамъ о счастіи, а эгоизмъ злоупотребилъ

¹⁾ См. предложеніе «Политическаго исповѣданія» Камилла Демулена въ его *Oeuvres complètes*, publiées par M. Matton, p. 167 et 168.

²⁾ Докладъ 8 вантоза II года (26 февраля 1794 г.), *Hist. parlementaire*, t. XXXI, p. 304.

³⁾ *Ibid.*, p. 310.

этою мыслью, чтобы вызвать отчаянные вопли и ярость аристократіи; внезапно пробуждены были желанія счастья, заключающіяся въ забвеніи другихъ людей и въ пользованіи избыткомъ. Кричали: счастье! счастье! Но мы предлагали вамъ не счастье Персеполиса, которое есть счастье развратителей человѣчества мы предлагали вамъ счастье Спарты и Аѳинъ въ лучшіе ихъ дни, счастье добродѣтели, довольства и посредственнаго существованія. Для пріобрѣтенія счастья мы предлагали вамъ ненависть къ тираніи, нѣгу въ хижинѣ, на воздѣлываемомъ вашими руками плодородномъ полѣ... То счастье, которое мы вамъ предлагали, не есть счастье испорченныхъ народовъ. Ошиблись люди, рассчитывавшіе получить отъ революціи привилегію на то, чтобы быть такими же дурными, какъ дворянство и богачи при монархіи. Плугъ, огражденная отъ фиска хижина, огражденная отъ посползовеній разбойника семья—вотъ въ чемъ счастье» ¹⁾.

Съ своей стороны, и Робеспьеръ говорилъ: «Существенною пружиной демократическаго управленія является добродѣтель» ²⁾. И все-таки суровый идеаль Сенъ-Жюста былъ не совсѣмъ таковъ, какъ идеаль Робеспьера, потому что послѣдній прибавлялъ: «Мы не имѣемъ притязанія отливать французскую республику въ форму Спарты; мы не хотимъ придавать ей ни суровой строгости, ни развращенности монастырей» ³⁾.

Мы видимъ, въ чемъ расходились между собою эти три человѣка. Терпимая и гибкая мораль Камилла Демулена едва ли примирилась бы съ суровымъ аскетизмомъ Сенъ-Жюста; но, будучи сдерживаема въ границахъ пристойности и подчиняема ея контролю, она могла бы встрѣтить благосклонное отношеніе со стороны Робеспьера.

Къ сожалѣнію, нужно сказать, что крайнее легкомысліе Камилла Демулена было слишкомъ способно обнажить опасную сторону того эпикурейства, который на страницахъ его «Стараго Кордельера» проявлялся лишь облаченнымъ въ пурпуръ и золото. Однажды, когда Робеспьера въ домѣ Дюплэ не было, туда зашелъ Камиллъ. Подъ-мышкой у него была книга. Передъ самымъ уходомъ онъ передалъ ее младшей изъ дочерей

¹⁾ *Rapport de Saint-Just sur les factions de l'étranger. Histoire parlementaire*, t. XXXI, p. 346 et 347.

²⁾ *Rapport de Robespierre sur les principes de morale politique. Ibid.*, p. 271.

³⁾ *Ibid.*, p. 273.

столяра, попросивъ спрятать и сохранить ее. Когда онъ ушелъ, Елизавета съ любопытствомъ раскрыла книгу: то были сочиненія Аретино съ гравюрами самаго сальнаго содержанія. Робеспьеръ, вернувшись, замѣтилъ, что дѣвочка смущена. Онъ началъ спрашивать ее и, узнавъ о происшедшемъ, поблѣднѣлъ. «Забудь объ этомъ, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ дочери своего квартирнаго хозяина, сестрѣ своей невѣсты. Цѣломудріе грязнится не тѣмъ, что случается неволью увидѣть, а имѣющимися въ сердцѣ дурными мыслями. Я скажу Камиллу» ¹⁾).

Былъ, однако, еще человекъ, который еще больше Камилла подрывалъ дѣло терпимости: то былъ Дантонъ. Человекъ, способный не только къ самымъ благороднымъ, но и къ самымъ нѣжнымъ чувствамъ, Дантонъ уже по одному тому не могъ не преслать порочнымъ, что былъ, подобно Мирабо, «фанфарономъ порока». Чрезвычайная вольность его выражений естественно чернила его въ глазахъ всякаго, кто не замѣчалъ, что это щегольство испорченностью, сказывавшеюся только на словахъ, не заключало въ себѣ ничего безусловно несомѣстимаго съ благородствомъ сердца и возвышенностью ума; и меньше всѣхъ въ состояніи былъ понять это Робеспьеръ, умъ не гибкій, хотя и пронизательный, умъ узкій вслѣдствіе прямолинейности. Впрочемъ, слѣдующій отрывокъ изъ одной изъ его рукописей объясняетъ, какимъ далекимъ отъ Дантона онъ долженъ былъ себя чувствовать: «Когда я—пишетъ онъ—указывалъ Дантону, какую систему клеветъ развиваютъ во всѣхъ государственныхъ документахъ Роланъ и бриссотинцы, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Что за бѣда? общественное мнѣніе—это распутница, а потомство—глупость». Слово добродѣтель вызывало у Дантона смѣхъ. Какъ могъ быть защитникомъ свободы человекъ, которому чужда была всякая мысль о морали» ²⁾). Что можетъ быть характернѣе этого заключенія, сдѣланнаго на основаніи нѣсколькихъ насмѣшливыхъ выходокъ, которымъ Дантонъ, вѣроятно, вовсе не при

¹⁾ Фактъ этотъ сообщенъ въ *Histoire des Montagnards*. Мы обратились къ нашему достопочтенному другу Альфонсу Эскиросу съ запросомъ, откуда онъ почерпнулъ этотъ характерный анекдотъ. Онъ отвѣтилъ намъ: «Отъ г-жи Леба», т. е. отъ того самаго лица, съ которымъ это случилось.

²⁾ Рукопись Робеспьера, опубликованная въ 1841 г. Луи Дюбуа, стр. 10.—Сень-Жюсть воспользовался отрывками изъ этой рукописи для своего доклада противъ Дантона.

давалъ буквального смысла? Слѣдующее утверженіе Дантона также очень шокировало Робеспьера, который по своему крайнему пуританизму презрительно относился къ его практической цѣнности: «Дѣлу нашему придаетъ слабость то, что строгость нашихъ принциповъ очень многихъ озлобляетъ»¹⁾. Правда, нареканія Робеспьера не ограничиваются этимъ; въ числѣ ихъ есть и дѣйствительно важныя, по крайней мѣрѣ на видъ, какъ въ томъ случаѣ, когда Робеспьеръ, который, конечно, не сталъ бы выдумывать такого рода факта, говорить: «Въ Дантонѣ есть черта, доказывающая, что душа у него неблагодарная и нечистая. Во время моего послѣдняго посѣщенія онъ говорилъ о Демуленѣ съ презрѣніемъ: его уклоненія отъ прямого пути онъ приписывалъ одному пороку, частному и постыдному, но безусловно чуждому революціи»²⁾. Фактъ этотъ дѣйствительно свидѣтельствоvalъ бы о неблагодарной и нечистой душѣ, если бы Дантонъ говорилъ серьезно; но кто же не пойметъ, что въ данномъ случаѣ Робеспьеръ могъ и долженъ былъ принять за формальное обвиненіе то, что было со стороны его собесѣдника, по всей вѣроятности, лишь циническою шуткой?

Какъ бы ни было, эти два человѣка были замѣчательны въ слишкомъ различныхъ отношеніяхъ, чтобы проникнуть другъ друга и сговориться между собою. Къ концу вантоза охлажденіе между ними стало настолько замѣтнымъ, что встревожило ихъ друзей. По почину состоявшаго при военномъ министерствѣ Добины, возникла мысль сблизить ихъ, и начальникъ одного изъ бюро иностранныхъ сношеній Эмберъ пригласилъ ихъ обоихъ на обѣдъ, за которымъ, помимо Добины, Паниса и Лежандра, собрались министръ Дефоржъ и управляющій военно-продовольственной частью Бурсье³⁾.

О томъ, что при этомъ произошло, существуетъ два разныхъ разсказа: одинъ—Прюдома, который, повидимому, не былъ въ числѣ обѣдавшихъ, а другой—разсказъ Добины; послѣдній въ одномъ критическомъ обстоятельствѣ встрѣтилъ защитника въ лицѣ Робеспьера, а послѣ 9 термидора, будучи арестованъ въ качествѣ робеспьериста, разразился нападками на своего защит-

¹⁾ Рукопись Робеспьера, стр. 10.

²⁾ *Ibidem*, p. 7.

³⁾ Письмо В. Добины къ Бильо-Варену, въ *Biblioth. hist. de la Révol.*, 947—8 (*British Museum*).

ника, какъ только увидѣлъ его повергнутымъ, и въ сильный разгаръ дантонистской реакціи выступилъ въ роли экзальтированного дантониста¹⁾.

По словамъ Добиньи, объясненіе между обоими великими трибунами вызвалъ именно онъ, выразивъ имъ, какъ удивляетъ и огорчаетъ друзей отечества ихъ разногласіе. На это Дантонъ заявилъ, что ненависть всегда была ему чужда, и что онъ не можетъ понять того равнодушія, съ которымъ относится къ нему съ нѣкоторыхъ поръ Робеспьеръ. Онъ полагаетъ, что виною тому, вѣроятно, ненависть, питаемая къ нему Сентъ-Жюстомъ и Бильо-Вареномъ—первымъ за то, что онъ упрекалъ его въ исповѣданіи, въ его годы, кровожадныхъ принциповъ, а вторымъ— за оказанную ему нѣкогда имъ, Дантономъ, услугу. Онъ протестовалъ противъ распространившихся ложныхъ толковъ объ увеличеніи его состоянія. Затѣмъ онъ жаловался на довѣрчивость Робеспьера, находя, что послѣдній окруженъ глупцами и сплетницами, которые омрачаютъ его воображеніе своими постоянными толками о заговорахъ, ядѣ и кинжалахъ. «Я знаю—продолжалъ онъ—каковы замыслы обоихъ шарлатановъ, о которыхъ я говорилъ; но я знаю также и ихъ трусость. Они не посмѣли бы!... Вѣрь мнѣ, страхни интригу, соединишь съ патриотами, сплотимся»...—«Но вѣдь при твоей морали и твоихъ принципахъ никогда не оказывалось бы виновныхъ», отвѣчалъ Робеспьеръ. Если вѣрить Добиньи, Дантонъ, будто бы, живо возразилъ: «А развѣ это было бы тебѣ непріятно?» Добиньи прибавляетъ: «Тѣмъ не менѣе, примиреніе, казалось, было полное. Оба поцѣловались, Дантонъ даже съ горячностью. Мы всѣ были тронуты. Одинъ Робеспьеръ остался холоденъ, какъ мраморъ»¹⁾.

Въ рассказѣ этомъ замѣтны слѣды невѣрности. Во-первыхъ, приписанный Робеспьеру отвѣтъ: *Но вѣдь никогда не оказывалось бы виновныхъ, подлежащихъ наказанію!* весьма мало относится къ тому, что Добиньи влагаетъ въ уста Дантону. Затѣмъ, если правда, что Робеспьеръ остался холоденъ, какъ мраморъ, то нельзя объяснить себѣ, какимъ образомъ примиреніе могло показаться полнымъ.

¹⁾ Въ процессѣ Фукье-Тенвиля, бывшемъ отмсткой за процессъ Дантона, никто не проявлялъ такой ярости противъ робеспьеристовъ, какъ бывший робеспьеристъ Виленъ Добиньи.

²⁾ Письмо В. Добиньи къ Бильо-Варену. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 947—8 (*British Museum*).

Версія Прюдодма такова:

Друзья Дантона захотѣли помирить его съ Робеспьеромъ и поручили устроить обѣдъ въ кварталѣ Марэ. Сближеніе подготовилъ Добиньи. Дантонъ сказалъ: «Надо прижать роялистовъ, но не смѣшивать невиннаго съ виновнымъ». Робеспьеръ, нахмурившись, отвѣтилъ: «А кто вамъ сказалъ, что на смерть былъ посланъ хоть одинъ невинный?» Робеспьеръ ушелъ первымъ. Тогда Дантонъ сказалъ: «Чортъ возьми! намъ надо показать себя; нельзя терять ни минуты»¹⁾.

Изъ такихъ противорѣчивыхъ разсказовъ трудно уловить истину; но вѣдъ всякихъ сомнѣній то, что мысль о нанесеніи удара Дантону исходила не отъ Робеспьера, а отъ Бильо-Варена, который в послѣдствіи хвалился этимъ такъ: «Если казнь Дантона—преступленіе, то я обвиняю себя въ немъ. Я первый разоблачилъ его»²⁾.—Это я указалъ на Дантона въ Комитетѣ общественнаго спасенія. Вотъ что я принимаю на мой собственный счетъ»³⁾. Но могла ли революція поднять руку на Дантона и Камилла Демулена иначе, какъ вскрывъ себѣ грудь и вырвавъ свое сердце? Кого не объялъ бы трепетъ при мысли о такомъ самоубійствѣ? Когда Бильо-Варенъ впервые сдѣлалъ это предложеніе, Робеспьеръ вскочилъ, какъ бѣшенный, и закричалъ: «Значитъ вы хотите погубить лучшихъ патріотовъ?»⁴⁾

Странное, однако легко объяснимое дѣло! Гибелью для дантонистовъ оказалось то, что, какъ казалось, обезпечивало за ними побѣду, т. е. казнь Гебера. Они имѣли до такой степени ошибочное представленіе о послѣдствіяхъ этой казни, что въ день ея совершенія Камиллъ Демуленъ, встрѣтившись на Новомъ мосту съ Прюдодомъ, сказалъ ему: «Я вышелъ изъ мэрїи, желая разузнуть, приняты ли необходимыя мѣры къ тому, чтобы гебертисты были непременно казнены. Вся сволочь на сторонѣ этихъ негодаевъ; но я готовлю имъ плохую штуку, которая возста-

¹⁾ Prudhomme, *Histoire générale et impartiale des erreurs, des fautes et des crimes de la Révolution française*, t. I, p. 146 et 147.

²⁾ Засѣданіе 12 фрюктидора. Рѣчь Бильо-Варена, приведенная въ *Laurent Lecointre au peuple français*, etc., *Bibl. hist. de la Révol.*, 1100—1101 (*British Museum*).

³⁾ *J. N. Billaud à ses concitoyens*, p. 4. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 1100—1101 (*British Museum*).

⁴⁾ Это было разсказано самимъ Бильо-Вареномъ въ засѣданіи 9 термидора.

новить народъ противъ нихъ: я подаль мысль носить по улицамъ на пикѣ изображеніе курительныхъ трубокъ *Отца Дюшана*»¹⁾. Это было жестоко и свидѣтельствовало о странной непредусмотрительности, ибо, въ сущности, рукоплесканія Камилла по поводу казни Клоотца имѣли такое значеніе, будто революція смѣется при мысли о собственномъ погребеніи. Роялисты такъ и поняли это, и своимъ торжествующимъ скопленіемъ на мѣстѣ казни, своими привѣтственными криками, насмѣшливымъ и радостнымъ любопытствомъ придали казни гебертистовъ характеръ обстановочнаго зрѣлища, характеръ праздника, на которомъ народъ служилъ для забавы людей высшего общества! И какъ было не встревожиться, съ своей стороны, пылкимъ патриотамъ? Дантонъ говорилъ имъ уже только о снисходительности по отношенію къ врагамъ, которыхъ они знали, какъ людей безпощадныхъ; Камиллъ Демуленъ толковалъ имъ о революціи лишь въ формѣ проклятій; Ронсена, который все же со страстной храбростью дрался противъ вандейцевъ, убили; убили и Клоотца, казнь котораго вызвала большое веселье среди фанатическихъ священниковъ; чего же предполагалось достигнуть? При вѣсти о томъ, что Ронсень будетъ отданъ въ руки палача, лонскіе роялисты заняли такое положеніе, что друзья Шалье сочли революцію погибшею, и нѣкоторые изъ нихъ проявили готовность покончить съ собою, какъ Гайльяръ, ударомъ ножа въ сердце¹⁾. И вышло такъ, что, по прискорбной фатальности, дантонизмъ сдѣлался, повидимому, авангардомъ роялизма.

Къ этому нужно прибавить, что у Дантона было много сторонниковъ въ Собраніи, и что одинъ изъ нихъ, наиболѣе опасный для противниковъ, Тальенъ, только что былъ избранъ въ предсѣдатели Конвента, а одинъ изъ наиболѣе популярныхъ, Лежандръ, попалъ въ предсѣдатели клуба якобинцевъ¹⁾.

Такое положеніе дѣлъ сильно волновало Комитетъ общественнаго спасенія. Бильо-Варенъ не сомнѣвался, что если не принять надлежащихъ мѣръ, то Дантонъ станетъ «объединительнымъ центромъ всѣхъ контръ-революціонеровъ»²⁾. Бареръ

1) Prudhomme.—Виньетка на заглавномъ листкѣ *Père Duchêne* изображала рядъ курительныхъ трубокъ.

1) См. рѣчь Робеспьера въ засѣданіи клуба якобинцевъ 1 жерминаля.

1) *Mémoires de Levasseur*, t. III, chap. V, p. 139.

2) Рѣчь Бильо-Варена въ засѣданіи 12 фрюктидора, приведенная въ *Laurent Lecointre au peuple français, etc. Biblioth. hist. de la Révol.*, 1100—1101 (*British Museum*).

былъ проникнуть озлобленіемъ, проистекавшимъ изъ страха: озлобленіе Колло-д'Эрбуа обусловливалось страстью. Неумолимый и спокойный Сень-Жюсть былъ не изъ такихъ, чтобы колебаться: для его гордости было неотразимымъ искушеніемъ свалить противника, считавшагося колоссомъ. Оставалось увлечь Робеспьера, а черезъ него и Кутона.

О, какъ велика, должно быть, была тревога Робеспьера въ эти зловѣщія минуты! Все доказываетъ, что онъ отступилъ передъ ужасомъ предложенной жертвы; доказываютъ это и необычайное волненіе, въ которое привело его предложеніе Бильо, и вызванный этимъ предложеніемъ вопль его, и горячность, съ которою онъ защищалъ Дантона въ клубѣ якобинцевъ, и его стараніе не допустить исключенія Камилла изъ клуба, и докладъ, въ которомъ онъ такъ очевидно старался устранить отъ нихъ, насколько лишь возможно, отвѣтственность за нападки на Комитетъ общественнаго спасенія, и, наконецъ, очевидный личный интересъ его въ томъ, чтобы крупныя революціонныя репутаціи не были предаваемы въ руки палача... Разъ свалится голова Дантона, чья голова оказалась бы недосыгаемою для топора? При томъ, какой упрекъ могъ сдѣлать Робеспьеръ дантонистамъ въ политическомъ отношеніи? Упрекъ въ опасномъ преувеличеніи его собственныхъ стремленій! Но развѣ это было преступленіемъ, заслуживающимъ смертной казни, и развѣ не было другого средства сдержать ихъ, кромѣ ихъ убіенія? Неужели пролитіе ихъ крови было единственнымъ доказательствомъ, которымъ Комитетъ общественнаго спасенія могъ подтвердить свою рѣшимость не дѣлать никакихъ послабленій? Неужели революція могла отнять у своихъ враговъ надежду на ея отступление не иначе, какъ повергая своихъ и переходя чрезъ ихъ трупы? Но на лицо былъ Сень-Жюсть, говорившій: «Въ святой любви къ отечеству есть что-то ужасное: она такъ исключительна, что безжалостно предаетъ все закланію безъ страха, безъ уваженія къ человѣку, въ видѣ жертвоприношенія общественному интересу. Она низвергаетъ Манлиа, убиваетъ личные привязанности, увлекаетъ Регула въ Кароагенъ» ¹⁾. Какъ мы уже говорили, дружба Сень-Жюста была опаснымъ подаркомъ: принявъ ее, Робеспьеръ облачился въ тунику Деяниры. Онъ

¹⁾ Это подлинныя выраженія Сень-Жюста, въ которыхъ онъ излагалъ свои мысли въ своемъ докладѣ.

уступилъ передъ человѣкомъ, никогда не дѣлавшимъ уступокъ¹⁾: онъ *согласился отступить отъ Дантона*²⁾. Достойная осужденія слабость, которая среди сыновъ революціи навѣкъ останется скорбью для справедливыхъ душъ!

Надо, впрочемъ, сознаться, что политическое поприще Дантона было не лишено темныхъ сторонъ.

Мы видѣли, при помощи какихъ тайныхъ переговоровъ и съ какою измѣнническою цѣлью Дюмуре повелъ въ 1792 г. кампанію такъ, что все кончилось простою эвакуаціей французской территоріи пруссаками, вмѣсто того, чтобы, воспользовавшись ихъ бѣдственнымъ положеніемъ и тогдашними обстоятельствами, похоронить ихъ на равнинахъ Шампани³⁾. Кто же были агенты въ переговорахъ, результатомъ которыхъ оказалось то, что герцогъ Брауншвейгскій получилъ возможность безпрепятственно совершить отступление? Во главѣ ихъ стоятъ, прежде всего, Вестерманъ, креатура Дантона, который былъ тогда военнымъ министромъ, и самъ послалъ его къ Дюмуре; затѣмъ Фабръ д'Эглантинъ близкое довѣренное лицо Дантона, тоже отправленный имъ къ названному генералу «*подъ предлогомъ примиренія его съ Келлерманомъ*», а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы установить направленіе переговоровъ съ пруссаками «на основѣ быстрого очищенія ими территоріи»⁴⁾. Между тѣмъ, Дюмуре никогда не посмѣлъ бы взять на себя обязательство *не тревожить пруссаковъ во время отступленія*, не имѣя на то тай-

1) Это самое говорить о Сень-Жюстѣ Левассеръ, именно описывая его отношенія къ Робеспьеру (см. t. III, chap. IV, p. 73).

2) Слова эти принадлежатъ Вильо-Варену. Они характеризуютъ роль Робеспьера въ этихъ прискорбныхъ обстоятельствахъ. См. *Laurent Lecointre au peuple français, etc. Biblioth. hist. de la Révol., 1100--1101 (British Museum)*.

3) Рекомендуемъ читателю вновь прочесть со вниманіемъ въ VII томѣ настоящаго сочиненія главу V, дающую обо всемъ этомъ чрезвычайно важныя подробности, которымъ не слѣдуетъ упускать изъ вида.

4) Такъ въ подлинныя выраженія князя Гарденберга въ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. I, p. 485. Такимъ образомъ оказалось подтвердившимся позднѣйшими разоблаченіями слѣдующее мѣсто незаданной рукописи Робеспьера, напечатанной потомъ въ 1841 г.: «Въ сентябрѣ Дантонъ отправилъ Фабра посломъ къ Дюмуре; онъ утверждалъ, что миссія эта имѣетъ цѣлью помирить Дюмуре съ Келлерманомъ. Но Дюмуре и Келлерманъ, когда писали въ Конвентъ, постоянно говорили о тѣсной дружбѣ между собою. Результатомъ этой дружбы было спасеніе прусскаго короля и его арміи» (p. 8 et 9).

привести нѣкоторыхъ изъ противниковъ Дантона къ кровавому разрыву съ нимъ.

Но неужели въ вопросѣ жизни или смерти было достаточно однихъ догадокъ, опасеній, наведеній и сомнѣній? Нѣтъ; и въ этомъ-то была несправедливость. А когда человѣкъ отдается несправедливости, тщетно было бы съ его стороны думать, будто онъ можетъ отдаться ей лишь наполовину: несправедливость требуетъ всего человѣка цѣликомъ. Если въ убійственное сцѣпленіе зубчатыхъ колесъ захвачена рука, то за нею послѣдуетъ и все тѣло. Въ тотъ день, когда Робеспьеръ «согласился отступить отъ Дантона», онъ оказался вступившимъ въ договоръ съ демономъ гражданскихъ раздоровъ—все равно, отдавалъ ли онъ себѣ отчетъ въ этомъ или нѣтъ—взявъ на себя ужасное обязательство доказать другимъ и самому себѣ, что Дантонъ заслуживаетъ смерти. Ибо какъ же было преслѣдовать—мало того: какъ же было простить себѣ уклоненіе отъ настойчивой защиты его, если не выставить его виновнымъ? Давать просторъ проявленію ярости Сень-Жюста значило осуждать себя на унижительное служеніе ему. Этимъ объясняются тѣ обвинительныя замѣтки, которыя Робеспьеру пришлось составлять для его неумолимаго друга, замѣтки, въ которыхъ давніе факты, считавшіеся совершенно невинными въ то время, когда они были совершены, вдругъ получаютъ чрезмѣрно важное, гибельное значеніе, при чемъ въ числѣ другихъ доказательствъ заговора приводятся собранія за стаканомъ чая у Робера, гдѣ нѣкогда бывалъ Дантонъ въ компаніи съ Фабромъ и Вимпфеномъ, собранія безспорно преступныя, потому что на нихъ варилъ жженку самъ герцогъ Орлеанскій ¹⁾...

Тѣмъ временемъ появлялось все больше и больше тревожныхъ признаковъ; начали вполголоса называть намѣченныя жертвы. Лицемѣръ Вилать съ ласковымъ видомъ навѣщалъ Камилла, что не помѣшало ему сказать Руслену: «Намъ нужно

¹⁾ См. рукопись, изданную въ 1841 г. Луи Дюбуа подъ заглавіемъ: «Projet redigé par Robespierre du rapport fait à la Convention par Saint-Just contre Fabre d'Églantine, Danton, Philippeaux, Lacroix et Camille Desmoulines».—Документъ этотъ не вполне соотвѣтствуетъ данному ему заглавію. Собственно говоря, онъ представляетъ собою лишь собраніе личныхъ воспоминаній, которыя Сень-Жюсть, взявъ на себя составленіе доклада, просилъ Робеспьера доставить ему.

получить черезъ недѣлю головы Дантона, Камилла и Филиппо»¹⁾. Послѣдняго Гарнье (отъ Сента) припуталъ къ дѣлу о мнимомъ заговорѣ, который, по увѣренію этого проконсула, будто бы составилъ въ Мансѣ, и нити котораго, какъ онъ похвалялся, у него въ рукахъ²⁾. Вадье бросилъ относительно Дантона слѣдующую гнусную и свирѣпую фразу: «*Мы вскорѣ выпотрошимъ эту фаршированную палтусину*». Дантону со всѣхъ сторонъ дѣлались предостереженія, но онъ проявлялъ съ нѣкоторыхъ поръ слабость характера, неувѣренность, колебаніе, которыя трудно было подозрѣвать въ немъ. Въ виду угрожавшей опасности, онъ, повидимому, впалъ въ не постижимую апатію, и если выходилъ изъ дома, то только для того, чтобы разражаться презрительными рѣчами или бравадами. Когда Тибодо сообщилъ ему, что Робеспьеръ замышляетъ его гибель, онъ отвѣтилъ ему съ извѣстнымъ подергиваніемъ губъ, обыкновенно бывавшимъ у него въ минуты озлобленія и презрѣнія: *Если бы я повѣрилъ, что у него явилась хотя бы только мысль объ этомъ, я вырызгъ бы у него все внутренности*»³⁾. И еще онъ говорилъ, употребляя выраженіе, которое мы вынуждены нѣсколько измѣнить, ради стыдливости исторіи: «*Робеспьеръ? Да я наткну его себя на кончикъ большого пальца и заставлю его вертѣться волчкомъ!*»⁴⁾. Онъ не могъ повѣрить, чтобы Сень-Жюсть осмѣлился; очевидно, онъ плохо зналъ его!

Въ ночь съ 9 на 10 жерминаля (съ 30 на 31 марта) Камиллъ Демуленъ, ложась въ постель, услышалъ стукъ ружейнаго приклада о мостовую. «Идутъ арестовать меня», тотчасъ же воскликнулъ онъ. Онъ бросился въ объятія своей дорогой Люсили, потомъ къ люлькѣ, въ которой спалъ его ребенокъ, нѣжно поцѣловалъ его и пошелъ самъ отворить дверь посланнымъ отъ Комитета общественной безопасности⁵⁾. Его отвели въ Люксем-

¹⁾ Замѣтки Камилла Демулена по поводу доклада Сень-Жюста, въ книгѣ Маттона, р. 237.

²⁾ Письмо Гарнье (отъ Сента) въ Конвентъ, 9 жерминаля (29 марта).

³⁾ *Mémoires de Thibaudcau*, t. II, chap. V, p. 60.

⁴⁾ Эта фраза сообщена намъ однимъ изъ нашихъ друзей, человѣкомъ серьезнымъ и значительнымъ; самъ же онъ слышалъ о ней отъ Мерлена (отъ Тюввиля).

⁵⁾ *Correspondance inédite de Camille Desmoulins*, publiée par M. Matton aîné; *Essai sur la Vie de Camille Desmoulins*, p. 18.—См. замѣтку въ концѣ настоящей главы.

бургскую тюрьму. Онъ только-что получилъ извѣстіе о смерти своей матери¹⁾.

Такъ же мало затрудненій представилось при арестованіи Дантона. За нѣсколько времени передъ этимъ, когда одинъ изъ его друзей настоятельно совѣтовалъ ему бѣжать, онъ отвѣтилъ ему: «Мнѣ больше нравится быть гильотинированнымъ, чѣмъ гильотинировать другихъ», и прибавилъ: «Развѣ отечество можно унести съ собою на подошвахъ бапмаковъ?»²⁾.

Въ свой чередъ и Филиппо былъ заключенъ въ Люксамбургскую тюрьму, откуда онъ написалъ слѣдующее трогательное письмо къ своей женѣ:

«Заклинаю тебя, моя нѣжная и добродѣтельная подруга, вынести постигшій насъ ударъ съ такимъ же спокойствіемъ и съ такою же ясностью духа, какіе испытываю я въ моемъ новомъ жилищѣ. Я думаю, что мнѣ здѣсь такъ же хорошо, какъ можетъ быть хорошо арестанту. Дѣло, изъ-за котораго надо мной совершенъ этотъ актъ мщенія, должно подѣйствовать на умы возвышающимъ и углубляющимъ образомъ. Будь достойна этого дѣла и меня и гони отъ себя всякое поползновеніе къ скорби и упадку духа. Хорошо пострадать за республику и за счастье народа. Клянюсь тебѣ и прижимаю тебя къ сердцу.

Филиппо.

«Я только-что узналъ, что арестованы также Дантонъ, Камилль и Лакруа; причины ихъ арестованія я не знаю»³⁾.

Второе свое письмо онъ оканчивалъ такъ: «Мнѣ гуманно оказываютъ всякое вниманіе, и если ты зайдешь ко мнѣ, то останешься довольна моимъ маленькимъ помѣщеніемъ»⁴⁾.

Приказъ объ арестованіи Дантона, Лакруа, Демулена и Филиппо былъ результатомъ совѣщанія въ соединенномъ засѣданіи обоихъ Комитетовъ⁵⁾. Приказъ этотъ, небрежно написанный не

¹⁾ *Correspondance inédite de Camille Desmoulins*, опубликованныя Маттономъ, р. 212.

²⁾ *Mémoires de Levasseur*.

³⁾ Это письмо напечатано въ приложеніи къ *Réponse de Philippeaux à tous les défenseurs officiels des bourreaux de nos frères dans la Vendée*.—*Biblioth. hist. de la Révol.*, 1082 (*British Museum*).

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ *Réponse des trois membres de l'ancien Comité de salut public aux pièces communiquées par la Commission des vingt et un*, р. 99. *Biblioth. hist. de la Révol.*

на такой бумагѣ, на какой обыкновенно писались документы этого рода, а на бумагѣ, употреблявшейся для конвертовъ¹⁾, былъ скрѣпленъ восемнадцатью подписями, изъ которыхъ ни одна не была дана отъ чистаго сердца²⁾. Первымъ подписался Бильо-Варенъ; вторую стояла подпись Вадье, третью Карно; подпись Сентъ-Жюста занимала восьмое мѣсто, а Робеспьеръ подписался предпоследнимъ³⁾. Роберъ Ленде отказался подписать приказъ⁴⁾.

Камилль взялъ съ собою въ Люксембургскую тюрьму книги мрачнаго содержанія, напримѣръ, *Méditations d'Hervey* и *Nuits d'Young*. «Ужъ не хочешь ли ты умереть заранѣе?» спросилъ его Реаль. «Вотъ посмотри, какая книга у меня: *Pucelle d'Orléans*»⁵⁾. Когда явился Лакруа, Геро де-Сешель, игравшій въ игру *la galoché*, вскочилъ и бросился цѣловать его⁶⁾. Заключенные роялисты очень развеселились при видѣ новопривывшихъ. Одинъ изъ нихъ, увидѣвъ проходившаго Лакруа, сказалъ съ задорнымъ видомъ: «Изъ этого вышелъ бы хорошій извозчикъ!»⁷⁾. У нѣкоторыхъ дворянъ наглость, очевидно, сохранилась и послѣ того, какъ исчезло то, что дѣлало ихъ наглыми. Камилль и Филиппо молчали, а Дантонъ сказалъ съ улыбкой: «Когда люди дѣлаютъ глупости, надо умѣть смѣяться. Мнѣ всѣхъ васъ жаль, если къ людямъ не вернется разумъ: вы видѣли пока только розы». Встрѣтивъ Томаса Пэна, попавшаго въ зіяющую пропасть раньше его, онъ сказалъ ему: «То, что ты сдѣлалъ для счастья и свободы твоей родины, я тщетно пытался сдѣлать для моей. Я былъ менѣе счастливъ, но не болѣе виновенъ. Меня посылаютъ на эшафотъ; ну, что же, друзья, я пойду туда весело»⁸⁾.

¹⁾ Докладъ, составленный Саладеномъ отъ имени Комиссiи двадцати одного. Документъ LXX. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 1097—8—9 (*British Museum*).

²⁾ *Réponse des trois membres, etc., ubi supra.*

³⁾ Докладъ Саладена; документъ LXX.

⁴⁾ *Villaumé*, въ своей *Histoire de la Révolution*, t. IV, p. 35, заявляетъ, что фактъ этотъ сообщенъ ему сестрою Марата. На приказъ объ арестованiи дѣйствительно нѣтъ подписи Робера Ленде.

⁵⁾ *Mémoires sur les prisons*, t. II, p. 152. *Collection des Mémoires relatifs à la Révolution.*

⁶⁾ *Ibidem.*

⁷⁾ *Ibid.*, p. 153.

⁸⁾ *Ibidem.*

Велико было изумленіе Парижа, когда разнеслась вѣсть объ арестованіи такихъ людей.

11 жерминаля (31 марта) засѣданіе Конвента едва только открылось, какъ на трибуну взошелъ Лежандръ и произнесъ взволнованнымъ голосомъ: «Граждане, ночью арестованы четверо членовъ этого собранія. Одинъ изъ нихъ Дантонъ. Именъ другихъ я не знаю; да и что намъ до именъ, если они виновны? Но я предлагаю, чтобы они были вызваны сюда къ рѣшеткѣ и обвинены или оправданы вами». Далѣе онъ заявилъ, что считаетъ Дангона такимъ же чистымъ, какъ самого себя, и напомнилъ о заслугахъ, оказанныхъ этимъ человѣкомъ, который въ 1792 г. поднялъ всю Францію¹⁾.

Рѣчь эта, прерывавшаяся нѣкоторымъ ропотомъ, вызвала необычное движеніе. Противъ предложенія Лежандра возсталъ Файо. Всталъ Робеспьеръ и спокойно, торжественно сказалъ:

«По царящему въ этомъ собраніи давно уже небывалому смущенію легко замѣтить, что дѣло идетъ здѣсь о крупномъ интересѣ, о выясненіи того, одержать ли нынѣ нѣсколько человѣкъ верхъ надъ отечествомъ... Лежандръ, повидимому, не знаетъ фамилій арестованныхъ лицъ, но весь Конвентъ знаетъ ихъ. Въ числѣ арестованныхъ находится другъ Лежандра, Лакруа; почему же онъ притворяется, будто не знаетъ этого? Онъ дѣлаетъ это потому, что знаетъ, что Лакруа нельзя защищать, не совершая безстыдства. Онъ упомянулъ о Дантонѣ потому, что, вѣроятно, думаетъ, будто съ этимъ именемъ связана какая-то привилегія; нѣтъ, мы не хотимъ никакихъ привилегій, мы не хотимъ никакихъ кумировъ. Сегодня мы увидимъ, сумѣетъ ли Конвентъ разбить мнимый, давно сгнившій кумиръ, или же послѣдній, падая, раздавить Конвентъ и французскій народомъ... Опасаются, что здержанныхъ стануть притѣснять; значитъ, національному правосудію—людямъ, облеченнымъ довѣріемъ Национальнаго Конвента, не довѣряютъ не довѣряютъ, облекшему ихъ этимъ довѣріемъ Конвенту и общественному мнѣнію, которое этотъ актъ санкціонировало? Я говорю, что всякій, кто въ эту минуту трепещетъ, преступень, потому что люди невиновные никогда не боятся общественнаго надзора»²⁾.

Раздались рукоплесканія³⁾. Онъ продолжалъ:

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 192.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Ibidem*.

«... Мнѣ тоже хотѣли внушить ужасъ; меня хотѣли увѣрить, что опасность, приблизившись къ Дантону, можетъ дойти и до меня... Друзья Дантона присылали мнѣ письма, надоѣдали мнѣ своими рѣчами... Я заявляю, что если правда, что опасности Дантона должны стать и моими опасностями, то этого я не считалъ бы общественнымъ бѣдствіемъ. Что мнѣ за дѣло до опасностей? Моя жизнь принадлежитъ отечеству; сердце мое свободно отъ страха; и если бы мнѣ пришлось умереть, что я умеръ бы безъ упрека и безъ позора».

Рукоплексканія возобновились¹⁾, а затѣмъ онъ продолжалъ: «Именно тутъ намъ нужны нѣкоторое мужество и нѣкоторое величіе духа. Люди низменные и преступные всегда боятся паденія имъ подобныхъ, потому что, не имѣя передъ собою ряда виновныхъ, въ видѣ барьера, они остаются болѣе доступными для опасности; но если есть низменные души, то есть и души героическія въ этомъ Собраніи, такъ какъ оно руководить судьбами земли»²⁾.

Такимъ образомъ, Робеспьеръ, своеобразно перемѣшивая ловкость съ возвышенными чувствами, повидимому, соединялъ свою часть съ частью Дантона и принималъ на себя свою долю опасности. Но нужно было коснуться еще одного и, при томъ, очень щекотливаго пункта: нужно было разсѣять весьма естественное опасеніе Собранія, что занесенный надъ такими жертвами топоръ, разъ обогрившись ихъ кровью, повиснетъ потомъ надъ головою cadaго. Робеспьеръ выставилъ противъ этого опасенія то соображеніе, что Національный Конвентъ и патриоты умѣютъ дѣлать различіе между заблужденіемъ и преступленіемъ, между слабостью и заговорами. Очень кстати и очень мѣтка была его фраза: «Число преступныхъ не особенно велико!»³⁾.

Рѣчь эта произвела значительное впечатлѣніе. Ни одинъ изъ присутствовавшихъ дантонистовъ не осмѣлился вступить въ состязаніе. Объятый ужасомъ Лежандръ пробормоталъ нѣсколько трусливыхъ извиненій⁴⁾. Вошелъ Сентъ-Жюсть—и съ нимъ вошла Смерть.

¹⁾ «Раздаются неоднократныя рукоплексканія», сказано въ *Moniteur*.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ «Если я сдѣлалъ то предложеніе, противъ котораго высказался предшествующій ораторъ, то только потому, что мнѣ еще не доказали виновности арестованныхъ лицъ... Я не имѣю въ виду защищать здѣсь никого... См. *Moniteur*, an II (1794), № 192.

Среди гробовой тишины, тѣмъ голосомъ, который приводилъ въ изумленіе, леденилъ, надрывалъ души, онъ началъ съ заявленія, что, покончивъ съ партією лжепатріотовъ, нужно теперь свалить партію умѣренныхъ; «партіи эти—сказалъ онъ—народились вмѣстѣ съ революціей и шли по ея теченію, подобно пресмыкающимся, двигающимся вдоль потоковъ»¹⁾. Уста его не дрогнули, когда онъ произнесъ слѣдующія чудовищныя слова: «Я разоблачаю послѣднихъ сторонниковъ роялизма». Онъ заговорилъ о герцогѣ Орлеанскомъ, о Мирабо, Ламетакъ, Дюмурье, Бриссо, Геберѣ, Шабо, Фабрѣ д'Эглантинѣ, всюду усматривая мрачные заговоры, адскіе умыслы, подпольное вмѣшательство иноземцевъ. Онъ рассказалъ исторію величайшаго движенія, какое только бывало когда-либо въ человѣческихъ обществахъ, придавъ всему такой видъ, какъ будто движеніе это было сплошною вереницей измѣнъ. Мнѣнія, имѣвшія несчастіе не сходиться съ его взглядами, онъ выставилъ посягательствами, высказавъ изумленіе по поводу дерзостныхъ нападокъ на безсмертіе души, которое было утѣшеніемъ для умирающаго Сократа, и выразивъ ужасъ при мысли, что люди лишь для того хотѣли изгнать съ земли Бога, чтобы оставить на ней нирвану, тиранію и преступленіе. Съ тонкимъ и гордымъ талантомъ, съ потрясающимъ краснорѣчіемъ, съ звѣрскимъ, хищнымъ убѣжденіемъ, полнымъ презрѣніемъ къ доказательствамъ и готовымъ довольствоваться тѣмъ ложнымъ правдоподобіемъ, которое создается умѣлою группировкой фактовъ, онъ построилъ обвинительную рѣчь, въ которой неопредѣленность нападокъ поддерживалась лишь энергическою сжатостью выраженій и безпредѣльною смѣлостью утверженій. О Фабрѣ д'Эглантинѣ онъ сказалъ, что это новый кардиналъ Ретцъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые ведутъ революцію наподобіе театральнoй интриги, а о Камиллѣ и Филиппо, которыхъ онъ задѣлъ лишь мимоходомъ, отозвался какъ объ орудіяхъ Фабра, жалкихъ обманутыхъ людяхъ, оказавшихся вынужденными сдѣлаться его сообщниками. Затѣмъ, перейдя къ Дантону, онъ изобразилъ его... но какой пересказъ могъ бы замѣнить здѣсь самый текстъ рѣчи? Приходится привести это мѣсто въ подлинникѣ:

«Дантонъ, ты служилъ тираніи... Друзья Мирабо во всеуслы-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 192.

шаніе похвалялись, что онъ зажалъ тебѣ ротъ. И въ самомъ дѣлѣ, ты оставался нѣмъ, пока живъ былъ этотъ отвратительный человѣкъ... При первыхъ зарницахъ революціи ты бросалъ Двору угрожающіе взоры; ты говорилъ противъ него буйнымъ тономъ. Мирабо, замышлявшій перемѣну династіи, понялъ цѣнность твоей отваги. Онъ взялъ тебя; тогда ты отстранился отъ строгихъ принциповъ, и никакихъ рѣчей отъ тебя не слышали до бойни на Марсовомъ полѣ. Тогда ты поддержалъ въ клубѣ якобинцевъ предложеніе Лакло, которое было пагубнымъ, оплаченнымъ со стороны Двора предлогомъ къ тому, чтобы развернуть красный флагъ и сдѣлать тираніи испытаніе. Непосвященные въ этотъ заговоръ патріоты тщетно оспаривали твое кровавое предложеніе. Ты, вмѣстѣ съ Бриссо, содѣйствовалъ составленію петиціи Марсова поля, и оба вы ускользнули отъ ярости Лафайета, по почину котораго были перебиты двѣ тысячи патріотовъ. Бриссо мирно бродилъ потомъ по Парижу, а ты поѣхалъ наслаждаться счастливою жизнью въ Арси-сюръ-Объ, если вообще можетъ чувствовать себя счастливымъ человѣкъ, злоумышлявшій противъ своего отечества... Когда ты увидѣлъ, что надвигается гроза 10-го августа, ты снова удалился въ Арси-сюръ-Объ; патріоты уже не надѣялись вновь увидѣть тебя, сбѣжавшаго отъ окружавшихъ свободу опасностей; однако, подъ вліяніемъ стыда и упрековъ и узнавъ, что паденіе тираніи хорошо подготовлено и стало неизбѣжнымъ, ты вернулся 9-го августа въ Парижъ. Въ эту зловѣщую ночь ты хотѣлъ лечь спать, но нѣсколько пылкихъ друзей свободы увлекли тебя въ секцію, гдѣ были въ сборѣ марсельцы; тамъ ты говорилъ, но все было уже кончено, и возстаніе уже было въ ходу. Чтѣ дѣлалъ въ эту минуту твой сообщникъ и другъ Фабръ? Ты самъ сказалъ: онъ велъ съ Дворомъ переговоры, съ цѣлью обмануть его. Но могъ ли Дворъ довѣриться Фабру, не имѣя надежной поруки въ его преданности?.. Всякій, кто состоитъ въ дружбѣ съ человѣкомъ, ведшимъ переговоры съ Дворомъ, виновенъ въ подлости. Умъ доступенъ ошибкамъ; ошибки же совѣсти являются преступленіями... Послѣ 10-го августа ты имѣлъ совѣщаніе съ Дюмурье, при чемъ вы поклялись другъ другу въ незыблемой дружбѣ и слили свою судьбу воедино. Съ тѣхъ поръ ты оправдалъ этотъ отвратительный договоръ, да и въ настоящую минуту, когда я говорю, ты остаешься его другомъ... Ты старался извратить общественную нравственность, въ нѣ-

сколькихъ случаяхъ выступая апологетомъ извращенныхъ людей, твоихъ сообщниковъ... Ты согласился на то, чтобы Конвенту не сообщали объ измѣнѣ Дюмурье. Ты присутствовалъ на совѣщаніяхъ съ Вимпфеномъ и герцогомъ Орлеанскимъ. Въ то же самое время ты заявлялъ себя сторонникомъ умеренныхъ принциповъ и твои сильныя фразы, видимо, замаскировывали слабость твоихъ предложеній... Какъ банальный примиритель, ты все свои рѣчи на трибунѣ начиналъ громовымъ трескомъ, а заключалъ сдѣлками между правдой и ложью... Ты ко всему приспособлялся. Бриссо и его сообщники всегда уходили отъ тебя довольными. На трибунѣ, когда тебя винули въ молчаніи, ты давалъ имъ спасительные совѣты, чтобы они дѣйствовали съ еще большимъ притворствомъ... Ненависть, говорилъ ты, для меня невыносима, и ты сказалъ намъ: «Я больше не люблю Марата». Но не преступенъ ли ты въ томъ, что не питалъ никакой ненависти къ врагамъ отечества? Чѣмъ опредѣляетъ общественный дѣятель свое равнодушіе или свою ненависть: личными ли своими склонностями или любовью къ отечеству, которой никогда не чувствовало твое сердце? Ты разыгрывалъ примирителя подобно тому, какъ Сикстъ V разыгрывалъ простака, чтобы достигнуть намѣченной цѣли. Излей же теперь свои чувства передъ народнымъ правосудіемъ, какъ ты не изливалъ ихъ никогда, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда дѣлались нападки на отечество!.. Какъ дурной гражданинъ, ты злоумышлялъ; какъ фальшивый другъ, ты говорилъ два дня тому назадъ о болѣзни Демулена, этого погубленнаго тобою орудія, и приписывалъ ему постыдные пороки; какъ скверный челоуѣкъ, ты сравнивалъ общественное мнѣніе съ женщиной дурного поведенія; ты говорилъ, что честь смѣшна, что слава и потомство глупость. Эти возрѣнія должны были примирить тебя съ аристократіей, это—возрѣнія Катилины. Если Фабръ неповиненъ, если неповинны были герцогъ Орлеанскій и Дюмурье, то, безъ сомнѣнія, невиновенъ и ты. Я наговорилъ слишкомъ много: ты отвѣтишь передъ судомъ».

Черты эти характерны; ихъ достаточно. Конецъ рѣчи былъ полонъ зловѣщаго величія: «Дни преступленія миновали; горе тѣмъ, кто сталъ бы поддерживать его! Политика преступниковъ разоблачена; да погибнуть же все люди, бывшіе преступными! Республику созидаютъ не путемъ слабости, но свирѣпо строгими, непреклонно строгими мѣрами противъ всехъ, по-

винныхъ въ измѣнѣ. Пусть сообщники обличаютъ себя, примыкая къ преступной сторонѣ; то, что мы сказали, не пропадетъ на землѣ. У людей, подобно намъ державшихъ на все ради истины, можно отнять жизнь, но нельзя ни вырвать у нихъ сердца, ни лишить ихъ гостепріимной могилы, къ которую они скрываются отъ рабства и отъ позора быть свидѣтелями торжества злонамѣренныхъ лицъ»¹⁾).

Собраніе выдало потребованныя у него головы²⁾.

Когда арестованнымъ вручили обвинительный актъ, Камилль въ бѣшенствѣ поднялся въ свою камеру и началъ быстро ходить по ней; Филиппо въ волненіи сложилъ руки и поднялъ глаза къ небу; Дантонъ вернулся, смѣясь, и сталъ подшучивать надъ Камилломъ Демуленомъ. Войдя въ камеру, онъ спросилъ: «Ну, что скажешь, Лакруа?» — «Скажу, что остригу себѣ волосы, чтобы ихъ не трогалъ Самсонъ». — «Еще почище будетъ церемонія, когда Самсонъ перебьетъ намъ шейные позвонки». — «Я думаю, что ничего не надо отвѣчать иначе, какъ въ присутствіи обоихъ Комитетовъ». — «Правда твоя, надо стараться вызвать волненіе въ народѣ»³⁾.

Камилль написалъ свой женѣ:

«Моя Люсиль, моя Веста, мой ангелъ, волею судьбы взоръ мой и въ тюрьмѣ вновь обращается въ тому саду, въ которомъ я восемь лѣтъ прогуливался съ тобою. Видный мнѣ уголокъ Люксембургскаго сада вызываетъ въ мнѣ множество воспоминаній о дняхъ нашей любви. Я въ заточеніи, но мыслью, воображеніемъ, почти прикосновеніемъ я никогда не былъ ближе, чѣмъ теперь, къ тебѣ, къ твоей матери, къ моему маленькому Орасу... Все время въ тюрьмѣ я буду проводить за писаніемъ писемъ къ тебѣ, потому что мнѣ нѣтъ надобности братья за перо для чего-нибудь другого и для моей защиты. Мое оправданіе заключается пѣбликомъ въ моихъ восьми республиканскихъ томахъ. Это хорошая подушка, на которой совѣтъ моя засыпаетъ, въ ожиданіи суда и потомства... Не слишкомъ огорчайся, дорогая моя подруга, моими мыслями; я еще не отчаиваюсь въ людяхъ и въ моемъ освобожденіи; да, моя горячо любимая, мы

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 192.

²⁾ «Декретъ, говорить *Moniteur*, былъ принятъ единогласно, при самыхъ горячихъ рукоплесканьяхъ».

³⁾ *Mémoires sur les prisons*, t. II, p. 154. (Collection des Mémoires relatifs à la Révolution française.

еще можемъ свидѣться вновь въ Люксембургскомъ саду... Прощай, Люсиль! прощай, Даронна¹⁾, прощай, Орасъ! Я не могу васъ перецѣловать, но по проливаемымъ мною слезамъ я чувствую, какъ будто еще прижимаю васъ къ моей груди»²⁾.

Это письмо, орошенное слезами, онъ послалъ Люсиль, а та, прочитавъ его, воскликнула, рыдая: «Я плачу, какъ женщина, потому что онъ страдаетъ, онъ не видится съ нами... Но у меня найдется мужество мужчины, я спасу его... Что нужно сдѣлать? Кого изъ судей мнѣ просить? Противъ кого изъ нихъ мнѣ открыто выступить съ нападками?» Она хотѣла было сходить къ Филиппо, но онъ былъ арестованъ. Дантонъ тоже арестованъ! Не сходить ли ей въ клубъ якобинцевъ? Въ тревогѣ бросилась она къ г-жѣ Дантонъ, поплакала съ нею, хотѣла увлечь ее къ Робеспьеру. Но г-жа Дантонъ отказалась, сказавъ, что не хочетъ ничѣмъ быть обязанною врагу ея мужа³⁾. Люсиль начала писать Робеспьеру письмо⁴⁾, полное трогательныхъ упрековъ и мольбы, но оно осталось недописаннымъ и послано не было⁵⁾.

12 жерминаля (1 апрѣля), въ 1 часъ пополудни, Камилль написалъ третье и послѣднее письмо къ Люсиль. Такихъ потрясающихъ воплей никогда еще не вырывалось изъ глубины души, которую смерть силится отвоевать у любви.

«Благотворный сонъ избавилъ меня на-время отъ моихъ страданій. Когда спишь, бываешь свободенъ...

«Небо сжалилось надо мною. Всего минутой тому назадъ я видѣлъ тебя во снѣ; я поочередно цѣловалъ тебя, Ораса и Даронну, которая была у насъ; но нашъ малютка лишился одного глаза, вслѣдствіе образовавшагося на немъ нагноенія, и отъ горя по этому поводу я проснулся. Я снова увидѣлъ себя въ моей тюремной камерѣ. Было уже немного свѣтло... Я всталъ, чтобы письменно побесѣдовать съ тобою. Но когда я открылъ

¹⁾ Семейное имя, данное Камилломъ его тещѣ, г-жѣ Дюплесси.

²⁾ *Correspondance inédite de Camille Desmoulins*, publiée par M. Matton ainé, p. 214 (1836).

³⁾ У Vilaulme, въ *Histoire de la Révolution*, t. IV, p. 55, мы читаемъ; «Эта подробность сообщена мнѣ самою г-жей Дантонъ, которая была тогда беременна. Она разрѣшилась отъ бремени черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Дантона, но ребенокъ ея не остался въ живыхъ».

⁴⁾ Письмо это см. въ книгѣ Маттона.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 217.

окна, одиночество, ужасныя рѣшетки и запоры. отдѣляющіе меня отъ тебя, сломили всю мою твердость... Я зарыдалъ, крича въ моей могилѣ: Люсиль! Люсиль! дорогая моя Люсиль! гдѣ ты?... (*Въ этомъ мѣстѣ виденъ слѣдъ отъ слезы*). Я замѣтилъ въ стѣнѣ щель; приложивъ къ ней ухо, я услышалъ страдальческій голосъ больного. Онъ спросилъ меня, какъ меня зовутъ; я сказалъ. «О, Боже!» воскликнулъ онъ, услышавъ мою фамилію и снова бросившись на постель, съ которой передъ тѣмъ всталъ, и я отчетливо различилъ голосъ Фабра д'Эглантина. «Да, я Фабръ, сказалъ онъ. Но какимъ образомъ ты здѣсь? Значитъ, контръ-революція совершилась?...» О, милая Люсиль, я родился для того, чтобы писать стихи, защищать несчастныхъ, доставить тебѣ счастье... Я мечталъ о республикѣ, которую всѣ обожали бы. Я не могъ вѣрить, что люди такъ свирѣпы и несправедливы. Можно ли было думать, что нѣсколько шутокъ въ моихъ сочиненіяхъ противъ товарищей, которые сами же меня вызвали, заслоняютъ воспоминаніе о моихъ услугахъ? Я ничуть не обманываю себя относительно того, что умираю жертвой этихъ шутокъ и моей дружбы съ Дантономъ... Люсиль моя, славная моя Лулу, моя кашанская курочка ¹⁾, умоляю тебя — не оставайся на вѣткѣ и не зови меня своимъ крикомъ; онъ истерзалъ бы меня здѣсь, въ тюрьмѣ. Ступай рыться въ землѣ для прокомленія твоего малютки, живи для Ораса, рассказывай ему обо мнѣ. Скажи ему то, чего онъ не можетъ слышать отъ меня: что я очень любилъ бы его! Несмотря на предстоящую мнѣ казнь, я вѣрю, что есть Богъ. Моя кровь смоетъ мои проступки, чело-вѣческія слабости; а за то, что во мнѣ есть хорошаго, за мои добродѣтели, за мою любовь къ свободѣ, Богъ вознаградитъ меня. Когда нибудь я вновь увижусь съ тобою, о Люсиль, о Аннета! При моей чувствительности, такимъ ли ужъ большимъ несчастіемъ является смерть, которая освободитъ меня отъ созерцанія такого множества преступленій?... Прощай, Люсиль, моя милая, дорогая Люсиль! Прощай, Орасъ, прощайте Аннета, Адель! Прощай, отецъ! Я чувствую, какъ удаляется отъ меня берегъ жизни. Я еще вижу Люсиль! Я вижу ее, мою горячо

¹⁾ «Навѣщая г-жу Дюплесси въ деревнѣ Кашанъ (Cachant), гдѣ у нея была дача, Камиллѣ и Люсиль часто видывали курицу, которая, горя объ утратѣ своего иѣтуха, дни и ночи просиживала на вѣткѣ и жалобно кудахтала». (*Замѣтка г. Маттона*).

любимую! Мои связанные руки обнимаютъ тебя и отрубленная голова моя еще смотритъ на тебя умирающими глазами»¹⁾).

Говорятъ, несчастной, обезумѣвшей отъ горя молодой женщиной пришла въ голову мысль поднять народъ²⁾; она, будто бы, даже написала Лежандру записку, умоляя его заколоть Робеспьера кинжаломъ³⁾.

Въ ночь съ 12 на 13 жерминаля (1—2 апрѣля) Дантона, Макруа, Камилла Демулена и Фабра д'Эглантина перевели изъ Люксембургской тюрьмы въ Консьержери.

«Дантонъ—разсказываетъ Риуфъ⁴⁾—котораго помѣстили въ камеру рядомъ съ Вестерманомъ, говорилъ безъ умолку, чтобы его слышали, не столько Вестерманъ, сколько мы... Глядя сквозь свою рѣшетку, онъ говорилъ много такого, чего, можетъ быть, не думалъ; всѣ свои фразы онъ пересыпалъ ругательствами и самыми непристойными выраженіями. Вотъ нѣкоторыя изъ оставшихся у меня въ памяти фразъ: «Въ такой же день учрежденъ былъ по моему почину революціонный судъ; но я прошу прощенія за это у Бога и людей. Судъ учрежденъ былъ не для того, чтобы служить бичемъ для человѣчества, а съ цѣлью предотвратить повтореніе сентябрьскихъ массовыхъ убійствъ.—Я оставляю все въ ужасно запутанномъ состояніи; нѣтъ ни одного человѣка, который понималъ бы что-нибудь въ управленіи. Среди такой массы проявленій ярости, я не досаую на то, что поставилъ свою подпись подъ нѣсколькими декретами, которые покажутъ, что этихъ проявленій я не раздѣлялъ.—Если бы я могъ оставить мои ноги Кутону, Комитетъ общественнаго спасенія могъ бы еще устоять нѣсколько времени.—Все это братья Каина. Бриссо гильотинировалъ бы меня такъ же, какъ и Робесперь.—У меня былъ шпионъ, который не отходилъ отъ меня.—Я зналъ, что меня арестуютъ.—Доказательствомъ того, что Робесперь Неронъ, служить то, что онъ такъ дружилъ разговаривалъ съ Камилломъ Демуленомъ наканунѣ его ареста.—Во время революцій власть остается за тѣми, въ комъ больше

¹⁾ *Correspondance inédite de Camille Desmoulins*, publiée par M. Matton aîné, p. 220—227.

²⁾ Lacroix, цитируемый въ *Aperçus historiques et littéraires sur Camille Desmoulins*.

³⁾ Danican, *Brigands démasqués*.

⁴⁾ *Mémoires de Riouffe*, p. 66. Collection des Mémoires relatifs à la Révolution française.

злодѣйства. —Лучше быть бѣднымъ рыбакомъ, чѣмъ управлять людьми.—С.... дѣти, они будутъ кричать: *Да здравствуетъ республика*, когда увидятъ, что меня везутъ». Онъ безпрестанно говорилъ о деревьяхъ, о деревнѣ и о природѣ»¹⁾).

Лакруа былъ, повидимому, въ большомъ затрудненіи относительно того, какъ держать себя²⁾).

Фабръ д'Эглантинъ, больной, былъ озабоченъ только своею пятиактною комедіей. Онъ оставилъ ее въ рукахъ Комитета общественнаго спасенія и, казалось, терзался опасеніями, какъ бы не украсть ее у него Бильо-Варенъ³⁾).

Шабо уже нѣсколько дней лежалъ въ лазаретѣ при Консьержери. Въ Люксембургской тюрьмѣ онъ принялъ яду и былъ однажды найденъ въ камерѣ катавшимися по полу и страшно кричавшимъ отъ боли. Его удалось спасти отъ смерти, т. е. сохранить для эшафота. Человѣкъ этотъ, не столько злой, сколько трусливый, изнемогалъ отъ угрызеній совѣсти. Среди своихъ мукъ онъ только и говорилъ, что о своемъ другѣ Базирѣ: «Бѣдный Базиръ, что ты надѣлалъ?»⁴⁾

Мы видѣли, что Шабо, Базиръ, Фабръ, Делоне и Жюльенъ (отъ Тулузы) были привлечены къ суду по обвиненію въ государственномъ подлогѣ. Поэтому были нѣчто чудовищное въ томъ, что заодно съ ними, на тѣ же скамьи подсудимыхъ, сажали людей, которые, какъ Дантонъ, Лакруа, Камилль Демуленъ, Филиппо, Геро де Сешель и Вестерманъ, обвинялись лишь въ преступленіяхъ исключительно политическаго характера. Враги ихъ не постыдились, однако, унизиться до этого, какъ будто позоръ такого несправедливаго смѣшенія могъ пасть на чьи бы ни было головы, кромѣ головъ тѣхъ людей, которые придумали такую мѣру!

Судбище началось 13 жерминаля (2 апрѣля). Фабръ д'Эглантинъ, бѣдность котораго достаточно свидѣтельствовала о его физическихъ страданіяхъ, сидѣлъ отдѣльно, на креслѣ⁵⁾. Геро де Сешель держалъ себя съ полною ясностью духа; изъ тюрьмы онъ вышелъ съ видомъ человѣка, отправляющагося на пріятную прогулку, утѣшалъ своихъ друзей и ободрялъ

¹⁾ *Mémoires de Riouffe*, p. 66—68.

²⁾ *Ibid.*, p. 68.

³⁾ *Ibid.*, p. 69.

⁴⁾ См. *Mémoires sur les prisons*, t. II, p. 155.

⁵⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 195.

своего заливавшася слезами лакея ¹⁾. На вопросъ о его имени и общественномъ положеніи до революціи онъ отвѣчалъ: «Меня зовутъ Марія-Жанъ; это имена мало выдающіяся, даже среди святыхъ. Я засѣдалъ въ этомъ залѣ, гдѣ былъ ненавидимъ парламентаріями» ²⁾. Камилль, когда его спросили, сколько ему лѣтъ, сказалъ: «Я въ томъ возрастѣ, въ какомъ умеръ санкюлотъ Исусъ: мнѣ тридцать три года» ³⁾. Отвѣтъ Дантона относительно его имени и мѣста жительства былъ таковъ: «Мѣстомъ моего жительства будетъ вскорѣ нирвана; а что касается моего имени, то его вы найдете въ Пантеонѣ исторіи» ⁴⁾. Когда читался обвинительный актъ, Лакруа, Камилль Демуленъ и нѣкоторые другіе политическіе подсудимые запротестовали противъ сопоставленія ихъ съ мошенниками ⁵⁾. Съ любопытствомъ смотрѣли всѣ на Шабо, вернувшася изъ загробнаго міра, чтобы снова вступить въ него. Противъ яда, отъ котораго онъ ждалъ себѣ освобожденія, приняты были хорошія мѣры: замѣчено было, что даже голосъ Шабо нисколько не измѣнился ⁶⁾.

Каковъ будетъ исходъ процесса? На одной сторонѣ стояли: убѣжденный, грозный организаторъ революціоннаго управленія Вильо-Варенъ; Сенъ-Жюсть, опьяненный фанатизмомъ и съ яростью увлекавшій за собою величайшій авторитетъ того времени, Робеспьера; затѣмъ Кутонъ, честное лицо котораго съ почтеніемъ привѣтствовалъ самъ Камилль, хотя и нападавшій на него ⁷⁾; потомъ оба Комитета, вступившіе въ борьбу на смерть, и вступившіе въ нее отнынѣ уже безвозвратно; наконецъ, Конвентъ, поработенный своимъ испугомъ и своимъ же вотумомъ. На другой сторонѣ находились: еще не повергнутый титанъ,— Дантонъ; Камилль Демуленъ, въ тридцать три года старшина клуба старыхъ кордельеровъ, помолодѣвшій Вольтеръ революціи; герой 10 августа Вестерманъ, ангель-истребитель роялистской Вандей—не считая Филиппо, Базира и знаменитаго докладчика конституціи 1793 года Геро де Сешеля, докладчика, въ которомъ республика олицетворилась въ высочайшій изъ ея торжественныхъ

¹⁾ *Mémoires sur les prisons*, t. II, p. 155.

²⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 195.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ *Ibidem*.

⁶⁾ *Ibidem*.

⁷⁾ См. *Vieux Cordelier*, № 7.

моментовъ. Дворецъ Правосудія былъ переполненъ взволнованною разнообразными чувствами, изумленною, любопытною, громадною толпой, которая еще и снаружи судебного зданія тянулась на далекое разстояніе, запрудивъ сосѣднія улицы, набережную des Lunettes, Мѣновой мостъ (Pont de change), площадь Шатле и набережную de la Ferraille.

Впрочемъ, составъ суда далеко не сплошь принадлежалъ, какъ утверждали, къ противникамъ подсудимыхъ. Напримѣръ, канцелярія—какъ впоследствии показалъ процессъ Фукье-Тенвилля—состояла изъ однихъ дантонистовъ. Двое помощниковъ начальника канцеляріи, Вольфъ и Тавернье, были вполне преданы Дантону. Начальникъ канцеляріи Пари, по прозванію Фабрицій, былъ его страстнымъ поклонникомъ и близкимъ другомъ ¹⁾, а по выраженію Дюгема, его *вѣрною собакой* ²⁾. По окончаніи процесса онъ былъ посаженъ въ тюрьму за отказъ скрѣпить своею подписью приговоръ ³⁾; и его то показаніе—очень подозрительное и во многихъ пунктахъ явно противорѣчащее истинѣ, послужило основаніемъ для многихъ рассказовъ, ичѣвшихъ, повидимому, цѣлью не столько описать смерть Дантона, сколько отмстить за нее ⁴⁾. Тайный врагъ Робеспьера ⁵⁾, Фукье-Тенвиль, заявилъ впоследствии, что имъ было сдѣлано все, чтобы спасти подсудимыхъ ⁶⁾. Къ показаніямъ его относились съ такимъ недоувѣріемъ, что приставили къ нему Флеріо Леско. Возникъ даже вопросъ объ арестованіи его, такъ же какъ и председателя Революціоннаго суда Германа, о чемъ и отдано было (формальное приказаніе Анріо, впоследствии отмѣненное ⁷⁾).

¹⁾ См. показаніе, данное на этотъ счетъ Фукье-Тенвилемъ во время его процесса. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 459. См. также показаніе Добиньи. *Ibid.*, p. 403.

²⁾ Засѣданіе 13 фрюктидора, приводимое Лораномъ Лекуантромъ въ его *Appel au peuple français*, p. 117—120. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 1007—8—9 (*British Museum*).

³⁾ См. процессъ Фукье-Тенвилля. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 464.

⁴⁾ См. замѣтку въ концѣ настоящей главы.

⁵⁾ См. выше главу подъ заглавіемъ «Терроръ».

⁶⁾ На это-то заявленіе и намекаетъ Добиньи чъ процессѣ Фукье. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 406.

⁷⁾ Это видно изъ замѣтки Колло-д'Эрбуа найденной въ бывшемъ секретариатѣ; Вильомъ имѣлъ ее передъ глазами (См. его книгу, t. IV, p. 57). Относительно соображеній, по которымъ приказаніе было отмѣнено, см. замѣтку въ концѣ настоящей главы

Что касается присяжныхъ, то правда ли, что предсѣдатель Германъ и Фукье-Тенвиль, вмѣсто того, чтобы выбрать ихъ жеребьевымъ порядкомъ, какъ предписывалось закономъ, сами назначали ихъ, отобравъ для этого людей, которые считались *твердыми*? Въ эпоху дантонистской реакціи это было заявлено Фабриціемъ Пари въ анонимной бумагѣ, которую Конвентъ отклонилъ и которую самъ Фабрицій подписалъ лишь впоследствии¹⁾. Кромѣ того, этотъ фактъ, слишкомъ легко принятый на вѣру большинствомъ историковъ революціи, будучи оглашенъ, встрѣтилъ категорическія опроверженія, которыхъ было бы справедливо не обходить молчаніемъ и которыя позволяютъ, по меньшей мѣрѣ, отнестись къ нему съ сомнѣніемъ²⁾.

Существуютъ два списка присяжныхъ, засѣдавшихъ въ процессѣ Дантона; оба они доставлены Фабриціемъ Пари и не сходятся между собою. Вотъ первый изъ нихъ: «Треншаръ, Ренодэнъ, Броше, Леруа, по прозванію «Десятое Августа», Пріеръ, Обри, Шатле, Дидье, Вилать, Лапортъ, Готье, Дюплэ, Люмьеръ, Дебуассо и Бенаръ»³⁾. Второй списокъ таковъ: «Ренодэнъ, Треншаръ, «Десятое Августа», Ганне, Топино-Лебрэнъ⁴⁾ и т. д.». Хотя первый перечень, какъ мы видимъ, приведенъ, повидимому, въ качествѣ полного, въ немъ нѣтъ фамилій Ганне и Топино-Лебрэна, встрѣчающихся во второмъ списокѣ. Кромѣ того, Пари забылъ упомянуть Субербьея, который, однако, былъ однимъ изъ присяжныхъ⁵⁾; вмѣстѣ съ нимъ, число присяжныхъ, засѣдавшихъ въ судѣ въ тѣ грозные часы, доходило, во всякомъ случаѣ, до восемнадцати. А тому, что между ними были люди, душою и тѣломъ отдавшіеся несправедливости, противорѣчатъ показанія, не вызывающія особенныхъ подозрѣній относительно пристрастія. Когда впоследствии разспрашивали Монтане о Ганне, Броше и Леруа, онъ отвѣчалъ, что зналъ ихъ за честныхъ людей⁶⁾ и не знаетъ, перемѣнились ли они. Совер-

1) *Réponse des membres de l'ancien Comité de salut public dénoncés aux pièces communiquées par la Commission des vingt et un. Bibl. hist. de la Révol.*, 1100—1 (*British Museum*).

2) См. замѣтку въ концѣ настоящей главы.

3) Показаніе Фабриція Пари въ дѣлѣ Фукье-Тенвиля. См. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 467.

4) Другое показаніе его же. *Ibid.*, p. 131.

5) Мы знали его лично и отъ него самого знаемъ объ этомъ фактѣ.

6) Показаніе Монтане въ дѣлѣ Фукье-Тенвиля.

иенно вѣрно, что Леруа былъ тугъ на ухо, но не настолько, чтобы быть не въ состояннн слѣдить за преніями; чтобы лучше слышать, онъ помѣстился въ первомъ ряду присяжныхъ ¹⁾. Субербель былъ одушевленъ фанатизмомъ, — слѣпымъ, если угодно, но такую неукротимую и искреннюю пылкостью, которую не могла охладить даже старость. Шатле былъ человѣкъ добрый, истинный патріотъ, всегда готовый пожертвовать собою ради своихъ близкихъ, и другъ несчастныхъ ²⁾. Дюплэ обладалъ добродѣтелями, о которыхъ вынуждены были отзываться съ почтеніемъ даже самые ярые враги Робеспьера: чрезвычайною прямою, мягкимъ и снисходительнымъ характеромъ и честностью, неспособною поддаваться соображеніямъ честолюбія ³⁾. Отсюда далеко до тѣхъ присяжныхъ, которыхъ одинъ изъ современныхъ намъ знаменитыхъ писателей изображаетъ иначе, говоря, что ихъ составляли пять честолюбивыхъ и раболѣпныхъ человѣкъ, съ прибавкою одного идіота, выносившаго смертные приговоры наобумъ, и одного глухого, выносившаго такіе же приговоры, не дослышавъ, въ чемъ дѣло ⁴⁾. Впрочемъ, дальнѣйшая часть настоящаго разсказа покажетъ, какими мотивами руководились въ своихъ дѣйствіяхъ присяжные.

Разсмотрѣнію подвергнуты были сперва незаконные происки въ дѣлѣ объ индійской компаніи. Относительно поставщика Эспаньяка дано было подавляющее показаніе Камбономъ ⁵⁾.

Фабръ д'Эглантинъ, прежде чѣмъ защищаться противъ обвиненія въ подлогѣ, потребовалъ сообщенія подлинныхъ документовъ; требованія этого нельзя было отклонить безъ вопіющей несправедливости, но предсѣдатель не постыдился уклониться отъ его исполненія, замѣтивъ ⁶⁾ подсудимому, что ему достаточно признать или не признать предъявленные ему измѣненія въ декретѣ. Хотя такимъ образомъ Фабръ лишился могучаго средства защиты, однако онъ защищался очень хорошо ⁷⁾. Къ

¹⁾ Показаніе Леруа. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 479.

²⁾ Показаніе горячаго дантоняста Добиньи. *Ibid.*, p. 412—414.

³⁾ *Id.*, *ibid.*

⁴⁾ См. *Hist. de la Révol.*, par M. Michelet, liv. XVII, ch. V, p. 199.

⁵⁾ См. процессъ Дантона въ *Hist. parlem.*, t. XXXII, p. 119 et 120.

⁶⁾ «Вполнѣ основательно», прибавляетъ отчетъ! *Ibid.*, p. 120.

⁷⁾ *Hist. parlem.*, t. XXXII, p. 120—127. — Объясненіе своего поведенія, данное имъ на судѣ, одинаково съ тѣмъ, которое онъ приводитъ въ своей запискѣ, уже сообщенной нами читателю.

несчастію, Камбонъ, котораго онъ, казалось, обвинялъ въ недостаточной враждебности къ индійской компаніи, обернулся къ нему и опредѣленно заявилъ, что «невозможно, чтобы Фабръ полагалъ, будто подписываетъ лишь *проектъ декрета*, такъ какъ проекты подписываются только въ очень рѣдкихъ случаяхъ¹⁾».

Правда ли, что въ ту минуту Камбонъ, въ отвѣтъ на вопросы Дантона и Камилла, считаетъ ли онъ ихъ заговорщиками и контръ-революціонерами, сказалъ, «что считаетъ ихъ, напротивъ, прекрасными патріотами, постоянно оказывавшими революціи величайшія услуги?» Фактъ этотъ, обойденный молчаніемъ въ судебномъ отчетѣ, является однимъ изъ тѣхъ, о которыхъ показывалъ Добиньи во время процесса Фукье-Тенвиля²⁾. Но вѣрность этого утвержденія представляется, по меньшей мѣрѣ, сомнительною въ виду того, что оно было въ послѣдствіи косвенно опровергнуто самимъ Камбономъ, заявившимъ въ Собраніи, что Дантонъ былъ заговорщикомъ и, вмѣстѣ съ Пашемъ и Робеспьеромъ, входилъ въ составъ шарантонскаго Тайнаго комитета³⁾.

Шабо на выставленныя противъ него улики отвѣчалъ указаніемъ на то, что онъ былъ разоблачителемъ всего дѣла. Делоне отрицалъ все. Честный душою Базиръ воскликнулъ: «Хотя видимость и обвиняетъ меня, однако истина должна меня оправдать»⁴⁾

Дошла очередь до Дантона. Такъ какъ окна суда были открыты, то его громовый голосъ могъ быть слышенъ далеко на улицѣ. Онъ зналъ силу своего слова и воспользовался ею, какъ человекъ, бравирующій своихъ судей, презирающій своихъ враговъ и намѣревающійся обращаться только къ народу, въ твердой рѣшимости взволновать и увлечь его. «Моему голосу,—сказалъ онъ,—столько разъ раздававшемуся въ защиту народнаго дѣла, будетъ нетрудно отвергнуть клевету. Посмѣли ли бы клеветущіе на меня гусы напасть на меня лицомъ къ лицу? Пусть они покажутся, и я покрою ихъ позоромъ!.. Вотъ моя голова:

¹⁾ *Hist. parlam.*, t. XXXII, p. 123 et 124.

²⁾ См. *Hist. parlam.*, t. XXXIV, p. 403.

³⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 14.—Это ускользнуло отъ вниманія г. Мипле, который разсказъ свой о смерти Дантона основалъ исключительно на показаніяхъ дантонистовъ, напр. Фабриція Пари и Добиньи, не оспаривая ихъ цѣнности и не принявъ въ соображеніе тѣхъ обстоятельствъ, подъ давленіемъ которыхъ даны были эти показанія.

⁴⁾ *Hist. parlam.*, t. XXXII, p. 128.

она за все отвѣчаетъ!.. Жизнь стала мнѣ бременемъ; я жду не дождусь, когда освобожусь отъ нея!..» Предсѣдатель прервалъ его: «Дантонъ, смѣлость есть принадлежность преступленія; невинности присуще спокойствіе...». На это онъ отвѣтилъ: «Индивидуальная смѣлость, конечно, должна быть подавляема, и въ ней никогда не могли упрекнуть меня; смѣлость же національная, съ которою я столько разъ служилъ обществу дѣлу, необходима въ революціи; она мнѣ позволительна, и ее-то я и ставлю себѣ въ честь... Отъ такого ли революціонера, какъ я, ожидать холодной защиты? Люди моего закала неопѣнимы: у нихъ на лбу неизгладимыми знаками отмѣчены печать свободы, республиканскій геній... Сенъ-Жюсть, ты отвѣтишь передъ потомствомъ за оклеветаніе лучшаго друга народа!.. Просматривая этотъ списокъ ужасовъ, я чувствую, какъ содрогается все мое существо...». Онъ хотѣлъ продолжать, но Германъ сказалъ съ достоинствомъ: «Подобно вамъ, былъ обвиняемъ Маратъ. Онъ почувствовалъ необходимость оправдаться, выполнилъ этотъ долгъ, какъ добрый гражданинъ, доказалъ въ почтительныхъ выраженіяхъ свою невинность, и народъ только больше прежняго полюбилъ его за это... Лучшаго образца я не могу вамъ предложить...» Дантонъ заговорилъ снова, не имѣя силы подавить свое негодованіе: «Ну, такъ я снизойду до оправданія себя!.. Чтобы я продался Мирабо, герцогу Орлеанскому, Дюмурье!.. Чтобы я былъ сторонникомъ роялистовъ!..» Едва приступивъ къ обвиненію, онъ снова перешелъ въ роль нападающаго—единственную роль, какая подобала его генію—и разразился угрозами: «Пусть покажутся мои обвинители, и я ввергну ихъ въ ничтожество... Выходите, подлые обманщики!» Предсѣдатель въ третій разъ остановилъ его, замѣтивъ ему, что не такими выходками можетъ онъ убѣдить присяжныхъ въ своей невинности. «Такой подсудимый, какъ я,—гордо возразилъ Дантонъ,—умѣетъ разбираться въ словахъ и вещахъ; присяжнымъ онъ отвѣчаетъ, но не говоритъ съ ними». Онъ продолжалъ въ этомъ тѣ заносчивомъ, тѣ презрительномъ, тѣ ироническомъ тонѣ, при чемъ тѣ заявлялъ, что можетъ разоблачить любопытныя вещи о «трехъ пошлыхъ негодяяхъ», погубившихъ впоследствии Робеспьера, тѣ раздражался насмѣшками надъ тѣмъ, что Конвентъ такъ поздно узналъ его, Дантона; и, по мѣрѣ того, какъ предсѣдатель спокойнымъ и серьезнымъ голосомъ призывалъ его къ умѣренности, онъ становился все болѣе и

болѣ рѣзкимъ. Онъ утверждалъ, что въ поступкахъ своихъ никогда не руководился честолюбіемъ и алчностью, въ жертву которымъ никогда не приносилъ общественнаго дѣла¹⁾. Онъ напомнилъ о своемъ сопротивленіи Пасторе, Лафайэту, Балли, Мирабо, о томъ, какъ онъ возставалъ противъ королевской власти, и о томъ, какъ, во время поѣздки короля въ Сень-Клу, онъ не только не потворствовалъ бѣгству Людовика XVI, но еще и велѣлъ расположить на протяженіи его проѣзда щетину пикъ или штыковъ и взять лошадей подъ-узды. По поводу обвиненія въ томъ, что 17 іюля 1789 г. онъ ѣздилъ въ Англію—обвиненія смѣшного, которому Германъ придалъ отвратительный характеръ, употребивъ слово «эмигрировалъ»—Дантонъ объяснилъ, что такъ какъ его зятя ѣздили въ Англію по торговому дѣлу, то онъ воспользовался этимъ случаемъ и тоже поѣхалъ туда; а когда Германъ весьма некстати выставилъ противъ него примѣръ Марата, онъ возразилъ: «А я утверждаю, что Маратъ два раза ѣздилъ въ Англію». Онъ защищался противъ обвиненія въ томъ, будто старался спасти Дюпора. Онъ призналъ, что когда былъ министромъ, ему были ввѣрены извѣстныя суммы²⁾; но предложилъ представить вѣрный отчетъ, прибавивъ, что означенныя суммы были ассигнованы на ускореніе хода революціи. Чтобы *онъ* былъ заодно съ жирондистскою партіей! [Противное достаточно свидѣтельствуется тою враждебностью, которую питали къ нему Гаде, Бриссо, Барбару. Далѣе онъ рѣзко отвергалъ доводы противниковъ по поводу *избранія герцога Орлеанскаго* вслѣдствіе того, что онъ будто его поддерживалъ. Относительно своихъ сношеній съ Дюмурье онъ далъ если не рѣшающее, то естественное объясненіе. На нелѣпное заявленіе Сень-Жюста, будто знаменитая петиція на Марсовомъ полѣ была лишь *оплаченнымъ на средства Двора* предлогомъ для того, чтобы развернуть красный флагъ и сдѣлать испытаніе тираніи, Дантонъ отвѣтилъ указаніемъ на очевидную чистоту побужденій, отпечатокъ которой носить означенная петиція; относительно же его пребыванія въ Арси-сюръ-Объ во время послѣдовавшей бойни оправдаться ему было не-

¹⁾ См. замѣтку въ концѣ настоящей главы.

²⁾ Въ отчетѣ сказано, что 50 милліоновъ, но это, должно быть, цифровая ошибка. Пятьдесятъ милліоновъ не такая сумма, чтобы ее могли довѣрять одному отдѣльному министру.

возможно ¹⁾ и на это обвинение онъ могъ отвѣтить лишь уклончиво. Точно такъ же не могъ онъ обѣлить себя отъ сдѣланнаго ему Сенъ-Жюстомъ упрека въ томъ, что онъ удалился въ Арсиюръ-Объ въ ту минуту, когда собиралась гроза 10 августа, и, несмотря на настойчивыя упреки, вернулся въ Парижъ лишь наканунѣ этого ужаснаго дня. Онъ увѣрялъ, что въ ту пору имъ было сказано: «Или французскій народъ побѣдитъ, или я умру; мнѣ нужны либо лавры, либо смерть». Но вѣдь сущность вопроса была собственно не въ томъ. Относительно своей доли участія въ движеніи онъ сказалъ, что, узнавъ отъ Петіона, что нападеніе на роялистовъ назначено на ночь, но что приняты всѣ мѣры для его отсрочки до слѣдующаго дня, онъ отправился въ секцію, пробылъ тамъ двѣнадцать часовъ сряду и ушелъ оттуда лишь, поручивъ своимъ друзьямъ дать ему знать, если случится что нибудь новое, а въ 9 часовъ слѣдующаго утра снова вернулся въ секцію.

Перебирая такимъ образомъ рядъ обвиненій, относившихся лично къ нему, Дантонъ съ трудомъ сдерживалъ порывы своего бѣшенства. Своимъ громовымъ, хотя и измѣнившимся голосомъ, онъ покрывалъ колокольчикъ предсѣдателя. «Развѣ вы не слышите меня?» крикнулъ ему Германъ, а Дантонъ отвѣтилъ: «Голосъ человѣка, защищающаго свою жизнь и честь, долженъ заглушать звонъ колокольчика» ²⁾. Во время преній въ публикѣ слышался ропотъ; по этому поводу Дантонъ крикнулъ ей: «Народъ, ты будешь судить меня, когда я выскажу все. Мой голосъ долженъ быть услышанъ не только вами, но всею Франціей» ³⁾. И онъ, дѣйствительно, говорилъ такъ, будто хотѣлъ, чтобы его слышала вся Франція, доходя иногда до такого рева, что голосъ его доносился за Сену, до набережной de la Ferraille, гдѣ каждое изъ его наиболѣе выдающихся словъ, передаваясь изъ устъ въ уста, сѣяло возбужденіе. Видя, что онъ усталъ, судьи предло-

¹⁾ См. въ одномъ изъ предшествующихъ томовъ настоящаго сочиненія главу, касающуюся бойни на Марсовомъ полѣ.

²⁾ Относительно защиты Дантона см. *Compte rendu du Tribunal révolutionnaire* въ *Hist. parlem.*, t. XXXII, p. 132—141, а относительно этого отчета см. замѣтку въ концѣ настоящей главы.

³⁾ Объ этомъ рассказывалъ въ тюрьмахъ одинъ гражданинъ, бывший свидѣтелемъ судебныхъ преній. См. *Mémoires sur les prisons*, t. II, p. 83,

⁴⁾ *Ibidem*,

жили ему прервать свою защитительную рѣчь, чтобы возобновить ее потомъ съ большимъ спокойствіемъ¹⁾. Онъ умолкъ.

Начался допросъ Геро де Сешеля, обвинявшагося въ томъ, что онъ состоялъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Проли и Дюбюиссономъ; въ томъ, что старался облегчить одной женщинѣ, подозрѣвавшейся въ эмиграціи, добыть доказательства ея пребыванія во Франціи; въ томъ, что письменно совѣтовалъ одному священнику запастись терпѣніемъ и писалъ ему, что порядокъ не замедлитъ возстановиться. Нужно было смотрѣть глазами ненависти, чтобы во всемъ этомъ видѣть преступленія. Подавляющимъ былъ бы только одинъ фактъ, если бы онъ былъ доказанъ. Предъявлено было письмо, въ которомъ Геро де Сешель выставился тайнымъ агентомъ непріятеля; но уже самое содержаніе этого письма и искусно коварный слогъ его составителя указывали на одну изъ тѣхъ безстыдныхъ поддѣлокъ, къ которымъ въ ту пору такъ часто прибѣгали иностранцы, съ цѣлью губить однихъ патріотовъ чрезъ другихъ. Именно это и высказалъ подсудимый твердымъ и достойнымъ тономъ²⁾.

Камилль заявилъ отводъ противъ одного изъ присяжныхъ,

¹⁾ Относительно вызванныхъ этимъ предложеніемъ комментаріевъ см. критическую замѣтку въ концѣ настоящей главы.

²⁾ Надо сказать все: въ *Mémoires du prince de Hardenberg* есть одно мѣсто, дѣлающее понятнымъ то, въ чемъ Геро де Сешель могъ быть заподозрѣнъ. Разсказавъ (t. II, p. 399), что при вѣсти о переводѣ Маріи-Антуанеты въ Консьержери графъ Мерси, бывший тогда въ Брюсселѣ, отправилъ къ Дантону эмиссара съ просьбою пощадить королеву и что за эту услугу ему предложена была значительная сумма, которую Дантонъ отвергъ, заявивъ, что согласенъ защищать королеву безъ всякихъ соображеній личнаго интереса, князь Гарденбергъ прибавляетъ: «Вполнѣ довѣряя защитѣ Дантона, графъ Мерси считалъ ее достаточною для безопасности королевы, тѣмъ болѣе, что уже больше мѣсяца высокая узница была, казалось, забытою въ Консьержери. Но скорѣ стало видно, что эти тайные переговоры были бесполезны и недѣйствительны. Представляется достовернымъ, что Дантонъ и его друзья старались извлечь изъ нихъ выгоду въ видахъ личнаго господства. Дантонъ условился съ Геро де Сешелемъ, и послѣдній тайно отправился въ Савойю и тамъ воспользовался для сношеній съ внѣшнимъ міромъ своею близостью съ дѣвцами Вельгардъ. У него даже бывали совѣщанія съ посланникомъ въ Швейцаріи, Бартедеми, при чемъ Комитетъ общественнаго спасенія, которому было сообщено объ этихъ совѣщаніяхъ, призналъ ихъ подозрительными. Распустили слухъ, будто Дантонъ мечтаетъ о заключеніи мира и стремится сдѣлаться регентомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ и его друзья взойшли на эшафотъ» (*Mémoires tirés des papiers d'un homme d'État*, t. II, p. 400 et 401).

Ренодэна, но судъ отклонилъ этотъ отводъ, какъ противный закону, въ виду того, что онъ не былъ заявленъ письменно за сутки до открытія преній¹⁾. Что касается предъявленныхъ ему обвиненій, то подсудимый заявилъ о своей преданности революціи, напомнилъ о томъ, какъ онъ разоблачилъ Дюмурье и измѣнниковъ, и просилъ не судить о «Старомъ Кордельерѣ» по отдѣльнымъ вырваннымъ изъ него фразамъ. Онъ высказалъ, что, предлагая учредить Комитетъ милосердія, только слѣдовалъ примѣру лучшихъ патріотовъ. Относительно Диллона, защитѣ котораго поставили ему въ вину, онъ заявилъ, что просилъ для него только скорого суда, который покаралъ бы его въ случаѣ виновности или выяснилъ бы его невиновность. Германъ поставилъ ему вопросъ: «Правда ли, что вы всѣми силами противились захвату имуществъ англичанъ, неприлично обращались съ комиссарами проконсуловъ и оспаривали ихъ донесенія?» На это онъ отвѣтилъ: «Этотъ фактъ я отрицаю и требую отъ моихъ обвинителей доказательствъ»²⁾.

Въ числѣ подсудимыхъ былъ одинъ, на которомъ давно уже тягогѣли ужасныя, оскорбительныя подозрѣнія, отчасти отразившіяся и на Дантонѣ. Наканунѣ смерти отъ руки палача, генераль Мячинскій далъ относительно дѣйствій Лакруа въ Бельгіи показаніе, записанное въ протоколъ такъ: «Лакруа сказалъ генералу Мячинскому: *Послушайте, вы иностранецъ; работайте, а потомъ мы подѣлимся*». И вотъ, хотя наказаніе это не было закрѣплено никакимъ постановленіемъ Собранія, и хотя одинъ изъ двоихъ комиссаровъ, которымъ поручено было выслушать его, именно Друэ, приписывалъ это показаніе низкой надеждѣ Мячинскаго спасти свою жизнь (а такое предположеніе было, къ тому же, опровергнуто безстрашною смертию этого генерала³⁾), однако честность Лакруа осталась сомнительною. Всѣ хорошо помнили, что на очной ставкѣ съ Мячинскимъ Лакруа, по словамъ Друэ⁴⁾, держался увѣренно, какъ человѣкъ со спо-

¹⁾ О показаніи Пари относительно этого факта см. критическую замѣтку въ концѣ настоящей главы.

²⁾ См. процессъ Дантона въ *Hist. parlem.*, t. XXXII, p. 147—148.

³⁾ Отчетъ уголовного суда свидѣтельствуешь, что Мячинскій умеръ съ величайшимъ мужествомъ (*Ibid.*, p. 119). Впрочемъ, изъ доклада самого Друэ явствуетъ, что письмо, въ которомъ Мячинскій предлагалъ сдѣлать разоблаченія, если ему дадутъ отсрочку, писано было не имъ (*Ibid.*, p. 165).

⁴⁾ *Hist. parlem.*, t. XXVII, p. 166.

покойною совѣстью; помнили, однако, и то, что его обвинитель не взялъ назадъ своихъ словъ¹⁾, и самъ онъ сознался, что сказалъ генералу, въ присутствіи Дантона: «Вы потеряли свои вещи? Такъ вѣдь вы же въ непріятельской странѣ: дѣйствуйте молодецки и возмѣстите себѣ свою потерю»²⁾. Слѣдующая выдержка изъ рукописи Робеспьера, напечатанной въ 1841 г., можетъ дать понятіе о ходившей на счетъ Лакруа молвы: «На родинѣ Лакруа только и рѣчи, что о салфеткахъ эрцгерцогини, привезенныхъ изъ Бельгіи, послѣ чего съ нихъ спороты мѣтки уже на мѣстѣ»³⁾.

Какъ бы то ни было, Германъ лишь очень слегка коснулся такихъ фактовъ, которые, ради огражденія чести революціи за границей, было необходимо, во всякомъ случаѣ, прикрыть завѣсой. Онъ напомнилъ о показаніи Мячинскаго, но въ смягченной и, очевидно, умышленно смягченной формѣ, сказавъ: «Мячинскій обвиняетъ васъ въ томъ, что вы сказали ему: «Вы находитесь въ чужой странѣ,—Конвентъ не обязанъ дѣлать вамъ никакихъ поставокъ; вы должны кормиться за счетъ чужой страны». Можете ли вы сообщить суду какія-нибудь подробности о вашей миссіи въ Бельгіи? Зналъ ли Лакруа о нѣкой повозкѣ, въ которой находилось на четыреста тысячъ ливровъ драгоценныхъ вещей?»⁴⁾ Подсудимый заявилъ въ свою защиту, что показаніе Мячинскаго ложно; что онъ, Лакруа, квартируя въ Бельгіи у одного генерала, имѣвшаго довольно дурную обстановку, кушилъ для народныхъ представителей бѣлья и сложилъ его на повозку, которую задержали въ Бетюнѣ; что другая повозка, нагружен-

¹⁾ Докладъ Друэ въ *Hist. parlem.*, t. XXVII, p. 166: «Лакруа спросилъ Мячинскаго: «Дѣйствительно ли я совѣтовалъ вамъ грабить, прибавивъ, что мы съ вами подѣлимъ плоды грабежа?» «Мячинскій отвѣтилъ: *Я сказалъ это и повторяю*».—Въ докладѣ другого комиссара, Бузе (*ibid.*, p. 165), сказано: «Мы спросили Мячинскаго о фразѣ: «Грабьте, мы подѣлимся». Онъ повторилъ ее».

²⁾ Докладъ Бузе. *Ibid.*

³⁾ Сенъ-Жюсть не считалъ нужнымъ воспользоваться для своего доклада этимъ мѣстомъ, которое зачеркнуто имъ въ рукописи Робеспьера—потому ли, что такіе слухи показались ему безосновательными, или потому, что онъ не захотѣлъ упоминать о такой грязной подробности, въ виду впечатлѣнія, которое это могло бы произвести за границей. По порицанію, высказанному Бильо-Вареномъ и Робеспьеромъ докладу Амара, мы видѣли, какъ боялся этого впечатлѣнія Комитетъ общественнаго спасенія.

⁴⁾ См. процессъ. *Hist. parlem.*, t. XXXII, p. 149 et 150.

ная серебромъ, была ограблена въ одной изъ деревень, о чемъ имъ былъ составленъ протоколъ¹⁾. Вотъ и все. Предсѣдатель поспѣшилъ перейти къ политической части обвиненія. Но тутъ Лакруа пришлось просить о вызовѣ въ свидѣтели нѣсколькихъ изъ своихъ сотоварищей, что онъ и сдѣлалъ.

Мы видѣли, что планъ защиты Дантона и Лакруа заключался въ томъ, чтобы *взволновать парадъ*²⁾, придать процессу размѣры большого политическаго боя. Поэтому подсудимые заявили, что хотятъ разоблачить диктатуру Комитета общественнаго спасенія, и потребовали отъ суда разрѣшенія написать въ Собраніе, въ тѣхъ видахъ, чтобы ихъ разоблаченіе дошло до него³⁾. Исполнить подобное требованіе значило бы посадить подсудимыхъ на мѣста судей, а судей—на скамью подсудимыхъ; судъ не могъ согласиться на это, не измѣняя присвоенныхъ ему функций, и отказалъ; и трудно понять, почему это было виѣнено ему въ преступленіе даже такими историками, которые являлись лишь отголоскомъ Фабриція Пари⁴⁾.

Въ чемъ дѣйствительно была явная несправедливость, такъ это въ отказѣ суда вызвать въ свидѣтели шестнадцать членовъ Конвента, списокъ которыхъ былъ представленъ подсудимыми.

Комитетъ предвидѣлъ, что они вступятъ на этотъ путь, и наканунѣ дня суда предписалъ Фулье - Тенвилю противиться вызову означенныхъ свидѣтелей⁵⁾. Несомнѣнно, что удовлетвореніемъ требованія подсудимыхъ была бы открыта арена для междоусобной войны; но кто тому виною? Допущеніе указанныхъ свидѣтелей было бы строго законно, а кто ставитъ *исударственный соображенія* выше правосудія, тотъ находится на наклонной плоскости, ведущей ко всѣмъ преступленіямъ. Фулье-Тенвиль безстыдно спустился по этой наклонной плоскости, когда подавшись раболѣпной мысли, признанной имъ впоследствии принадлежавшею не ему⁶⁾, онъ выдвинулъ противъ

¹⁾ *Hist. parl.*, t. XXXII, p. 150.

²⁾ *Mémoires sur les prisons*, t. II, p. 154.

³⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждали Пари на процессѣ Фулье-Тенвиля. См. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 470.

⁴⁾ См. *ubi supra* его показаніе. Онъ увѣряетъ, будто *судъ не имѣлъ никакого основанія* противиться требованію подсудимыхъ. И это говоритъ начальникъ канцеляріи, который долженъ бы знать, что такое судъ!

⁵⁾ *Réponse d'Antoine - Quentin Fouquier aux différents chefs d'accusation*, etc.

⁶⁾ *Ibid.*

страстныхъ, но законныхъ требованій подсудимыхъ слѣдующій жалкій поводъ къ отказу: «Такъ какъ обвиненіе иротивъ васъ исходитъ отъ Конвента во всемъ его составѣ, то ни одинъ изъ его членовъ не можетъ быть свидѣтелемъ въ вашу пользу»¹⁾.

Впрочемъ, такъ какъ Лакруа настаивалъ и протестовалъ, то прокуроръ сказалъ: «Ну, хорошо, я сейчасъ напишу въ Конвентъ, и желаніе ваше будетъ въ точности исполнено»²⁾.

Затѣмъ послѣдовалъ допросъ Филиппо и Вестермана. Въ этихъ вопросахъ не было ничего, достойнаго замѣчанія, кромѣ слѣдующаго прекраснаго отвѣта Филиппо Фукье-Тенвилю, крикнувшему ему: «Къ тому, что вы говорите, недостаетъ только соответствующихъ ноступковъ. Вамъ позволяется погубить меня, но оскорблять меня я вамъ запрещаю»³⁾!

Это происходило 14 жерминаля. Вечеромъ Фукье поспѣшилъ въ Комитетъ. Онъ, съ своей стороны, хотѣлъ бы, чтобы требованіе подсудимыхъ, котораго нельзя было отвергнуть безъ явнаго нарушенія всѣхъ принциповъ, было удовлетворено. Но Бильо-Варенъ и Сентъ-Жюсть отвѣтили грозно и хмуро, и онъ удалился⁴⁾.

На слѣдующій день Германъ и Фукье, зайдя передъ засѣданіемъ въ комнату присяжныхъ, сообщили имъ отвѣтъ Комитета⁵⁾. Засѣданіе открылось. Дантонъ, поддержанный своими сотоварищами по судимости, энергически повторилъ свое предъявленное наканунѣ требованіе. Онъ былъ очень возбужденъ, и его крупная фигура, внушительное безобразіе, самая безпорядочность его буйнаго краснорѣчія еще болѣе усиливали впечатлѣніе отъ его протестовъ. Онъ разразился нападками на Робеспьера и Кутона, на Сентъ-Жюста и Бильо, на Амара и Вулана, и особенно на Вадье⁶⁾. На отказъ суда выслушать свидѣтелей онъ грозилъ апеллировать ко всему народу, въ которомъ его

¹⁾ См. процессъ. *Hist. parlem.*, t. XXXII, p. 152.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibid.*, p. 155.

⁴⁾ Показаніе Добиньи на процессѣ Фукье-Тенвиля. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 403.—Въ своемъ *Précis justificatif et historique* Добиньи приводитъ ту же подробность, заявляя, что она сообщена ему самимъ Фукье, когда они содержались вмѣстѣ въ Сентъ-Пелажи. *Biblioth. hist. de la Révol.*, 947—8 (*British Museum*).

⁵⁾ Показаніе Германа и Фукье въ процессѣ послѣдняго. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 477.

⁶⁾ *Précis justificatif et historique*, par Vilain Daubigny. *Bibl. hist. de la Révol.*, 947—8 (*British Museum*).

зычный голос вызывал трепетъ. Въ толпѣ была такая давка, что многіе ничего не могли видѣть, а потому Тиріонъ взобрался на стулъ; Дантонъ увидѣлъ его и зычно крикнулъ ему: «Ступайте въ Собраніе; идите требовать, чтобы нашихъ свидѣтелей выслушали!»¹⁾ Неправда, будто въ этотъ день подсудимые оскорбляли судъ и бросали въ судей хлѣбными шариками²⁾; Дантонъ даже сказалъ Герману: «Предсѣдатель, я тебя уважаю; у тебя душа честная»³⁾. Что правда, такъ это то, что волненіе подсудимыхъ передалось народу: онъ волновался, какъ листья въ лѣсу подъ бурнымъ вѣтромъ; судьи были смущены и въ залѣ, по выраженію Германа, господствовало сильное возбужденіе⁴⁾.

Такъ какъ ропотъ народа встревожилъ судъ, то Фукье-Тенвиль немедленно написалъ въ оба Комитета слѣдующее письмо, которое прочиталъ подсудимымъ и бывшей въ залѣ публикѣ:⁵⁾

«Граждане-представители, съ тѣхъ поръ какъ началось засѣданіе, неистовствуетъ ужасная гроза; разъяренные подсудимые требуютъ допроса свидѣтелей защиты, гражданъ-депутатовъ Симона, Куртуа, Ленъело, Фрерона, Пани, Ленде, Калона, Мерлена (отъ Дуэ), Госсюена, Лежандра, Робера Ленде, Робена, Гупильо (отъ Монтегю), Лекуантра (отъ Версаля), Бриваля и Мерлена (отъ Тіонвиля). Они апеллируютъ ко всему народу на отказъ; несмотря на твердость предсѣдателя и суда, ихъ постоянно повторяющіяся требованія нарушаютъ спокойствіе засѣданія, и они во всеуслышаніе заявляютъ, что не умолкнутъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ выслушаны ихъ свидѣтели. Просимъ васъ окончательно указать намъ, какъ поступить, такъ какъ судебный порядокъ не даетъ намъ никакого способа къ обоснованію этого отказа»⁶⁾.

¹⁾ Заявленіе Тиріона въ засѣданіи 13 фрѳектидора, приводимое Лекуантромъ въ его брошюрѣ *Appel au peuple français. Biblioth. hist. de la Révol., 1097—8—9 (British Museum)*.

²⁾ См. показаніе Германа на процессѣ Фукье-Тенвиля. *Hist. parlem. t. XXXIV, p. 462*.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Hist. parlem., t. XXXIV, p. 462*. См. *Précis justificatif et historique, par Daubigny*, и показаніе Пари въ процессѣ Фукье.

⁵⁾ Это послѣднее обстоятельство, весьма заслуживающее того, чтобы быть отмѣченнымъ, утверждаетъ Добиньи въ своемъ *Précis justificatif et historique*. См. *Biblioth. hist. de la Révol., 947—8 (British Museum)*.

⁶⁾ См. процессъ Фукье, *Hist. parlem., t. XXXIV, p. 461*.

Въ этомъ письмѣ, которое подписали Германъ и Фукье ¹⁾, указанъ былъ одинъ дѣйствительный фактъ, именно наличность бурныхъ требованій со стороны подсудимыхъ; въ немъ не говорилось ни объ оскорбленіяхъ по адресу судей, ни о возмущеніи. Письмо это не только не клонилось къ лишенію подсудимыхъ средствъ защиты, но даже имѣло, повидимому, противоположную цѣль, такъ какъ увѣдомляло Конвентъ объ опасности отказа, который, по его словамъ, трудно было обосновать юридически ²⁾. Поэтому оно не вызвало никакого ропота со стороны тѣхъ, кого касалось, когда было прочтено имъ ³⁾. Оставалось только выждать, какое употребленіе сдѣлаетъ изъ этого письма Комитетъ общественнаго спасенія.

Тѣмъ временемъ въ тюрьмахъ господствовало необычайное возбужденіе. Въ тюрьмѣ Сень-Лазарь, гдѣ были заключены въ перемежку люди всякихъ партій, Милленъ-Гранмезонъ, Жилиберъ, Лапалу, отецъ и сынъ Граммоны, д'Эстенъ, распространился 14 жерминаля слухъ, будто въ Конвентѣ возникли разногласія, будто Революціонный судъ вынужденъ былъ пріостановить разбирательство дѣла, будто готовится народное возстаніе и должно вспыхнуть въ эту же ночь, и будто заключеннымъ можно ожидать освобожденія. Слухъ этотъ настолько упрочился, что въ тюремномъ коридорѣ № 3 болѣе тридцати заключенныхъ оставались всю ночь на ногахъ, держась на-готовѣ, чтобы воспользоваться случаемъ ⁴⁾. Одинъ изъ нихъ, Лебуа, говорилъ, что въ Парижѣ женщины навѣрное не допустятъ гильотинированія подсудимыхъ ⁵⁾.

Въ Люксембургской тюрьмѣ, гдѣ высказываемы были горячія пожеланія Камиллу Демулену ⁶⁾, о происходившемъ узнали черезъ друга Камилла, Диллона, получавшаго два раза въ день

¹⁾ Фукье написалъ было другое письмо, но Германъ нашелъ его стиль слишкомъ сильнымъ, почему оно и было замѣнено приведеннымъ выше. См. показаніе Германа на процессѣ Фукье. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 462.

²⁾ Фукье-Тенвилъ побѣдоносно указываетъ на это въ своемъ *Réponse aux différens chefs d'accusation*. См. *Bibl. hist. de la Révol.*, 947—8 (*British Museum*).

³⁾ Объ этомъ совсѣмъ не упоминается въ разсказѣ Добиньи. *Précis justificatif et historique*, ubi supra.

⁴⁾ Свѣдѣніе, данное Леонаромъ Бурдономъ.—Докладъ Саладена, № XXII оправдательныхъ документовъ.

⁵⁾ *Ibid.*

⁶⁾ *Mémoires sur les prisons*, t. II, p. 155.

свѣдѣнія изъ суда¹⁾. До сихъ поръ все шло какъ нельзя лучше; но, къ сожалѣнію, осторожность не была у Диллона преобладающимъ качествомъ и онъ сдѣлалъ гибельную оплошность. Въ тюрьмѣ находился нѣкій Лафлотъ, бывшій посланникъ республики во Флоренціи, человѣкъ недостаточно надежнаго характера, какъ впоследствии вполне подтвердилось. 14 числа, вечеромъ, Диллонъ пришелъ къ нему и, рассказавъ ему о впечатлѣніи, произведенномъ на народъ поведеніемъ подсудимыхъ на судѣ, сообщилъ ему, что заключеннымъ грозитъ опасность быть перебитыми, что надо дать отпоръ угнетенію и объединиться, что онъ, Диллонъ, составилъ планъ, относительно осуществленія котораго вошелъ въ соглашеніе съ Симономъ, человѣкомъ холоднаго разсудка и горячаго сердца, котораго и приведетъ къ нему, такъ же какъ и другого заключеннаго, Туре, при чемъ они сообщаютъ ему свои намѣренія. Затѣмъ, въ присутствіи Лафлота, притворно выразившаго сочувствіе, Диллонъ далъ одному изъ тюремныхъ ключниковъ, по фамиліи Ламберъ, письмо, отрѣзавъ отъ послѣдняго подпись, не скрывая, что нисьмо это адресовано на имя г-жи Демуленъ, и при этомъ отдалъ въ распоряженіе Ламбера тысячу экю на то, чтобы «къ Революціонному суду послать побольше народа». Въ половинѣ девятаго Диллонъ снова явился, въ сопровожденіи Симона, къ Лафлоту, и тотъ выслушалъ отъ нихъ секретныя сообщенія, которыя, со свойственною ему низостью, имѣлъ въ виду выдать. Дѣйствительно, на слѣдующій день, 15 жерминаля, управляющей полиціей Виктерикъ, получивъ чрезъ сторожа Люксембургской тюрьмы письмо, явился для выслушанія отъ Лафлота заявленія объ изложенныхъ выше фактахъ²⁾.

Сенъ-Жюсть и Бильо тотчасъ же поспѣшили въ Конвентъ. Послѣдній только что прогналъ съ позоромъ двухъ петиціонеровъ, осмѣлившихся предложить ему *поставить на очередь дня смертную казнь*. Сенъ-Жюсть, явившись, выразился такъ: «Прокуроръ Революціоннаго суда сообщилъ, что изъ-за *возмущенія подсудимыхъ* пришлось пріостановить судебныя пренія»... Это было недостойною ложью! Въ письмѣ Германа и Фукье не было и рѣчи о возмущеніи. Отчего было бы не прочесть это письмо?

¹⁾ *Mémoires sur les prisons*, t. II, p. 155.

²⁾ См. донесеніе Виктерика. *Hist. parlem.*, t. XXXII, p. 187—190.—(См. критическую замѣтку въ концѣ настоящей главы.)

Слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, сообщить Конвенту, чего требуютъ подсудимые! Но нѣтъ: о сущности ихъ требованія и о спискѣ депутатовъ, вызова которыхъ въ свидѣтели они добивались, не было сказано ни слова. Никогда умолчаніе не являлось столь преступнымъ и никогда оно не походило въ большей степени на убійство. Это навѣки будетъ пятномъ на имени Сень-Жюста. «Вы—продолжалъ онъ—избѣгли величайшей опасности, какая когда либо грозила свободѣ. Возмущеніе преступниковъ у подножія самого правосудія объясняетъ тайну ихъ совѣсти... Какой невинный человѣкъ возмущался когда-либо противъ закона?»¹⁾...

И затѣмъ онъ предложилъ, отъ имени обоихъ Комитетовъ, слѣдующій декретъ:

«Конвентъ декретируетъ, что Революціонный судъ будетъ продолжать разслѣдованіе относительно заговора Лакруа, Дантона, Шабо и другихъ лицъ; что предсѣдатель суда употребитъ всѣ предоставленныя ему закономъ средства къ подавленію всякой попытки со стороны подсудимыхъ нарушить общественное спокойствіе и помѣшать отправленію правосудія.

«Конвентъ декретируетъ, что всякій обвиняемый въ заговорѣ, оказавшій сопротивленіе или нанесшій оскорбленіе національному правосудію, будетъ немедленно устраненъ отъ участія въ судоговореніи»²⁾.

Говорили и повторяли, будто по мысли Сень-Жюста Конвентомъ былъ изданъ декретъ объ устраненіи Дантона и его друзей отъ участія въ судебныхъ преніяхъ, но это явное заблужденіе. Напротивъ, декретомъ отъ 15 жерминаля предписывается *продолжать разслѣдованіе*, т. е. допросъ свидѣтелей и все то, что относится къ судебному разбирательству. *Устраненіе отъ участія въ судоговореніи* декретировано было лишь на тотъ случай, если бы необходимость этой крайней мѣры была вызвана возмущеніемъ подсудимыхъ³⁾. Но огвратительную сторону поступка Сень-Жюста составляли то ложное заявленіе, которое вызвало декретъ 15 жерминаля, и коварное умолчаніе

¹⁾ *Hist. parlem.*, t. XXXII, p. 185—187.

²⁾ *Ibid.*, p. 187.

³⁾ Это справедливо замѣтили Вильо-Варент, Колло-д'Арбуа и Бареръ въ своемъ *Réponse aux pièces communiquées par la Commission des vingt et un*, *Bibl. hist. de la Révol.*, 1100—1 (*British Museum*).

о требованіи подсудимыхъ, которое Конвентъ, можетъ быть, и удовлетворилъ бы, если бы оно было честно изложено ему.

Чтобы легче было увлечь Собраніе, Бильо-Варентъ не упустилъ случая прочесть ему донесеніе Виктерика, доказывавшее, по его словамъ, «какая близость существуетъ между заговорщиками, доставленными въ судъ, и тѣми, которые находятся въ тюрьмахъ»¹⁾. Такимъ-то образомъ и было достигнуто постановленіе Конвента.

Въ ту минуту жена Филиппо обратилась къ Конвенту съ ходатайствомъ о дозволеніи ей явиться къ рѣшеткѣ, Бильо высказался за немедленное допущеніе ея и за то, чтобы ей, вмѣсто отвѣта, прочитано было письмо Гарнье (отъ Сента), изъ котораго она узнала бы, что ходатайствуетъ за заговорщика. «Къ счастью—пишетъ Добиньи (какъ ни враждебенъ онъ былъ Робеспьеру, когда писалъ эти строки)—къ счастью, этому воспротивился Робеспьеръ, оказавшійся на этотъ разъ гуманнѣе Бильо-Варена; и вамъ не пришлось краснѣть при видѣ усугубленія скорби женщины, пришедшей къ вамъ съ мольбою»²⁾.

Амаръ былъ въ Комитетѣ протоколовъ, когда туда доставили декретъ; онъ взялся снести его въ судъ³⁾. Вуланъ, съ своей стороны, понесъ туда же заявленіе Лафлота. Фабрицій Пари, который былъ заклятымъ врагомъ Фукье-Тенвиля⁴⁾, почему и къ показанію его, по справедливости, слѣдуетъ относиться осторожно, рассказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ оба эти вѣстника прибыли въ Комитетъ блѣдные, объятые мрачнымъ опасеніемъ, чтобы жертвы не ускользнули отъ палача. По его словамъ, Вуланъ, вручая Фукье роковую бумагу, сказалъ: «Наконецъ-то эти злодѣи въ нашихъ рукахъ; они составили въ Люксембургской тюрьмѣ заговоръ... Вотъ чѣмъ вы можете быть довольны»; а Фукье отвѣтилъ съ улыбкой: «Оно намъ и въ самомъ дѣлѣ было нужно»...⁵⁾.

¹⁾ *Hist. parlem.*, t. XXXII. p. 187.

²⁾ *Précis justificatif et historique*, par Vilain Daubigny. *Bibl. hist. de la Révol.*, 947—8 (*British Museum*). — См. критическую замѣтку въ концѣ настоящей главы.

³⁾ Показаніе Амара въ засѣданіи 13 фрюктидора. Вначалѣ онъ отрицалъ этотъ фактъ, но вынужденъ былъ отказаться отъ своихъ словъ, въ виду показаній Тальена.

⁴⁾ «Фукье и Пари были между собою во враждебныхъ отношеніяхъ». Показанія буфетчицы суда.

⁵⁾ Показаніе Пари въ дѣлѣ Фукье-Тенвиля. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 471 et 472.

Между тѣмъ, прочитаны были декретъ Конвента и доносъ Лафлота. Услышавъ имя своей жены, Камиллъ крикнулъ раздражающимъ голосомъ: «Вотъ злодѣи! Имъ мало того, что они убиваютъ меня; они хотятъ убить и мою жену!»¹⁾

Въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ всталъ Дантонъ и потребовалъ, чтобы судьи, присяжные и народъ заявили, правда ли, что фактъ возмущенія на-лицо²⁾. Замѣтивъ позади Фулье нѣкоторыхъ членовъ Комитета всеобщей безопасности, пришедшихъ на это печальное зрѣлище, онъ крикнулъ: «Взгляните на этихъ подлыхъ убійцъ, они будутъ выслѣживать насъ до самой смерти!»³⁾. Народъ заволновался, зашумѣлъ, и Германъ, испугавшись, закрылъ засѣданіе⁴⁾.

16-ое жерминаля было четвертымъ днемъ процесса, а законъ предписывалъ президенту, въ случаѣ, если дѣло затянется дольше чѣмъ на три дня, поставить присяжнымъ слѣдующій вопросъ: «Достаточно ли выяснилось для васъ дѣло?» Какъ могло оно быть для нихъ яснымъ въ данномъ случаѣ? Дантонъ, правда, говорилъ долго и слово предоставлялось ему нѣсколько разъ⁵⁾, но допросъ Геро де Сешеля, Камилла, Филиппо, Вестермана и Шабо освѣтилъ ли дѣло настолько, чтобы болѣе полное разсмотрѣніе его оказывалось уже излишнимъ? А документы, которые не были предъявлены? А свидѣтели, которыхъ не вызвали? А адвокаты, которые не были заслушаны? Понятно, что подсудимые даже вскрикнули отъ изумленія, скорби и ярости. Въ ту минуту Вадье сидѣлъ за небольшимъ столомъ въ типографіи Никола, окно которой приходилось какъ разъ противъ перваго окна залы судебныхъ засѣданій⁶⁾, и дѣйствительно могъ видѣть то, что въ тотъ же день отправился рассказать Конвенту, а именно, что подсудимые бросали въ судей хлѣбными шариками⁷⁾. Правда та, что только тогда послѣдовали со сто-

¹⁾ *Hist. parl.*, t. XXXIV, p. 471 et 472.

²⁾ Показаніе Добиньи, *ubi supra*, p. 405.

³⁾ Показаніе Шари, *ubi supra*, p. 405.

⁴⁾ Показаніе Добиньи.

⁵⁾ Германъ: «Я могу утверждать, что слово давалось Дантону нѣсколько разъ». См. процессъ Фулье. *Hist. parlem.*, t. XXXV, p. 129.

⁶⁾ *Précis justificatif et historique* par Vilain Daubigny въ *Bibl. hist. de la Révol.*, 947—8 (*British Museum*).

⁷⁾ Этотъ фактъ, сообщенный Вадье съ трибуны Конвента въ засѣданіи 16 жерминаля, подтвержденъ въ *Essai sur la vie de Camille Desmoulins*, служащемъ введеніемъ къ его перенесеннѣ, опубликованной Маттономъ-старшимъ. См. *Correspondance*, etc., стр. 25.

роны взбѣшенныхъ подсудимыхъ тѣ оскорбительныя демонстраціи, которыя были ложно отнесены къ предшествовавшему засѣданію, съ цѣлью дать поводъ думать, что изъ-за нихъ-то и былъ изданъ декретъ 15 числа. Камилль Демуленъ до такой степени вышелъ изъ себя, что разорвалъ проектъ своей защитительной рѣчи и ключья его бросилъ Фукье-Тенвилю въ голову¹⁾. Онъ называлъ судей палачами; Дантонъ и Лакруа, съ своей стороны, изливали свое негодованіе въ жгучихъ словахъ: «Судятъ, не выслушавъ!.. Никакого обсужденія!.. Мы пожили достаточно, чтобы уснуть на лонѣ славы!..»²⁾. Подсудимыхъ вывели, и присяжные удалились въ совѣщательную комнату.

Довѣрившись Фабрицію Пари и не подвергнувъ его свидѣтельства обсужденію, нѣкоторые писатели утверждали, что Германъ и Фукье-Тенвиль прошли въ комнату присяжныхъ и, чтобы успѣшнѣе повліять на нихъ, показали имъ письмо, полученное, по ихъ словамъ, изъ-за границы на имя Дантона³⁾. Было бы справедливо не обходить молчаніемъ того, что этотъ фактъ, подобно нѣсколькимъ другимъ фактамъ изъ того же источника, былъ категорически опровергнутъ Германомъ какъ словесно, такъ и въ письменномъ протестѣ³⁾; что, кромѣ того, Пари—свидѣтель подозрительный—говорилъ въ данномъ случаѣ на основаніи слуховъ, заявляя, что слышалъ о томъ отъ одного изъ присяжныхъ, Топино-Лебрёна, а провѣрить это заявленіе было нельзя, такъ какъ Топино-Лебрёнъ тогда бѣжалъ⁴⁾. Болѣе точно установлено и, при томъ, вытекаетъ изъ самаго положенія вещей то, что присяжные, за исключеніемъ нѣсколькихъ фанатиковъ, руководствовались чисто политическими соображеніями и принесли справедливость въ жертву ужасной богинѣ, именуемой *государственной необходимостью*! Они видѣли, что завяза-

¹⁾ Отчетъ о процессѣ. *Hist. parlem.*, t. XXXII, p. 162.

²⁾ См. показаніе Пари въ дѣлѣ Фукье. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 473.

³⁾ На процессѣ Фукье онъ показалъ, что совсѣмъ не зналъ объ этомъ письмѣ и въ комнату присяжныхъ зашелъ только 15-го, въ 9 час. утра, до засѣданія, чтобы сообщить имъ, что Комитетъ общественнаго спасенія противится вызову требуемыхъ подсудимыми свидѣтелей. См. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 477.— Сверхъ того показаніе Пари, въ той его части, которая касается Германа, форменно опровергнута въ письмѣ его къ комиссіи двадцати одного, о которомъ упоминается въ *Réponse des membres de l'ancien Comité de Salut public dénoncés aux pièces communiquées par la Commission des vingt et un. Bibl. hist. de la Révol.*, 1100—1 (*British Museum*).

⁴⁾ См. процессъ Фукье. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 473 et 477.

лась борьба на смерть и никакой надежды на примиреніе уже нѣтъ. Передъ ними встало видѣніе: мертвый Робеспьеръ распростертъ у ногъ устоявшаго Дантона. Они сочли себя вынужденными сдѣлать между ними выборъ!..¹⁾

Когда они снова появились въ залѣ суда, на лицахъ ихъ, должно быть, можно было прочесть ихъ душевное волненіе. Фабрицій Пари нашель, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли «видъ одержимыхъ»²⁾. Во главѣ ихъ шель Треншаръ, который, проходя мимо Пари, сказалъ ему съ бѣшенымъ жестомъ: «Злодѣи погибнуть!»³⁾. Роковой приговоръ былъ постановленъ. Только одинъ изъ подсудимыхъ былъ признанъ заслуживающимъ оставленія въ живыхъ; то былъ Люилье; но въ тюрьмѣ, куда его затѣмъ перевели, онъ вскрылъ себѣ въ четырехъ мѣстахъ жилы⁴⁾.

Законъ требовалъ, чтобы приговоръ былъ прочитанъ въ присутствіи подсудимыхъ; но такъ какъ существовало опасеніе, что снова появится движеніе, уже происходившее въ залѣ суда, то законъ былъ въ этомъ отношеніи нарушенъ⁵⁾. Подсудимыхъ препроводили обратно въ Консержери, и уже туда послали письмоводителя канцеляріи суда для прочтенія имъ приговора. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ приведена была примѣненная къ нимъ статья закона, они прервали чтеніе, не желая слушать дальше, и воскликнули, что для нихъ не важно знать, какимъ оружіемъ ихъ убиваютъ⁶⁾.

Камилль Демуленъ не могъ сдержать слезъ. «Моя жена! мой ребенокъ!» безпрестанно повторялъ онъ⁷⁾.

Приговоренные были казнены 16 жерминаля (5 апрѣля). Они встрѣтили смерть: Геро де Сешель съ философскимъ хладнокро-

¹⁾ Это объяснилъ намъ одинъ изъ присяжныхъ, Субербьель, въ то время нисколько не заинтересованный въ томъ, чтобы придать своему поступку эту окраску. Германъ говоритъ: «Это дѣло было процессомъ чрезвычайнымъ и политическимъ» (*Hist. parlem.*, t. XXXV, p. 130). Далѣе читатель найдетъ подтвержденіе этого.

²⁾ Показаніе Пари, *ubi supra*, *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 473.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Mémoires sur les prisons*, t. II, p. 93.

⁵⁾ Германъ согласился съ этимъ на процессѣ Фукуе-Тенвиля. *Histoire parlem.*, t. XXXV, p. 131.

⁶⁾ Показаніе служившаго въ канцеляріи Революціоннаго суда, Вольфа, на процессѣ Фукуе-Тенвиля. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 452.

⁷⁾ *Essai sur la vie de Camille Desmoulins*, служащій введеніемъ къ его *Correspondance inédite*, изданной Маттономъ, p. 26.

віемъ, Вестерманъ съ неустрашимостью солдата, Филиппо и Базиръ со спокойствіемъ неопороченной совѣсти.

Сенаръ сообщаетъ, а нѣкоторые историки повторяють съ его словъ, будто за нѣсколько мгновеній до отправки на эшафотъ Дантонъ воскликнулъ: «Что за важность, если я умру? Я немало наслаждался въ революціи, много тратилъ, хорошо погулялъ, немало ласкалъ дѣвушекъ; теперь пойдемъ спать»¹⁾. Но, не говоря уже о томъ, что сенатъ вообще не заслуживаетъ никакой вѣры и не приводитъ здѣсь никакого свидѣтельства, могущаго подтвердить его показанія, приводимыя имъ гнусныя слова находятся въ полнѣйшемъ несоотвѣтствіи съ тою внушительною, хотя немного театральною возвышенностью, которую Дантонъ, по всѣмъ отзывамъ, проявилъ въ послѣднія минуты жизни. Точно такъ же можно считать лишь за клеветническую, внушенную ненавистью бутаду слѣдующія слова Мерсье: «Дикій Дантонъ, отъ всѣхъ декретовъ котораго несло виномъ, умеръ пьянымъ»²⁾. Спора нѣтъ, Дантонъ былъ циникомъ, но у него былъ инстинктъ величія, а у людей его закала инстинктъ этотъ никогда не развивается лучше, чѣмъ передъ лицомъ смерти. Что касается Камилла Демулена, то отъ избытка негодованія онъ утратилъ самообладаніе. Во время слѣдованія отъ тюрьмы до гильотины онъ до такой степени изорвалъ свою одежду въ клочки, что прибылъ къ палачу почти голымъ³⁾. Тѣмъ отбросамъ толпы, которые встрѣчаютъ восторженными кликами всякое торжество и свистками всякое паденіе, онъ кричалъ: «Народъ, тебя обманываютъ! Тебя обманываютъ! Убиваютъ твоихъ лучшихъ защитниковъ!» Дантонъ же уговаривалъ его, говоря: «Успокойся и оставь эту подлую сволочь»⁴⁾.

Мрачному кортежу надо было проѣхать улицу Сентъ-Оноре, мимо дома Дюплэ. Такъ какъ Робеспьеръ велѣлъ закрыть ворота, окна и ставни, то домъ этомъ походилъ на гробницу. Оттуда вырвался стонъ, когда мимо проѣзжалъ Камиллъ!⁵⁾.

Кто не знаетъ всего остального? Кто не знаетъ, что въ ми-

1) *Révélations tirées des cartons des Comités de salut public et de sûreté générale*, par Sénard, p. 99.

2) *Nouv. Tabl.* 102.

3) *Essai sur la vie de Camille Desmoulins*, служащій введеніемъ въ его изданной Маттономъ *Correspondance inédite*, p. 26.

4) *Ibidem.*

5) *Ibidem.*

нугу казни, когда Геро де Сешель подошелъ къ Дантону, чтобы поцѣловаться съ нимъ, а одинъ изъ палачей хотѣлъ, повидимому, помѣшать этому, Дантонъ сказалъ ему: «Развѣ тебѣ приказано быть болѣе жестокимъ, чѣмъ смерть? Тебѣ все равно не помѣшать нашимъ головамъ поцѣловаться въ корзины!»¹⁾). Вспомнивъ про свою молодую, въ то время беременную жену, онъ расчувствовался и сказалъ: «О, моя дорогая! Значитъ я уже не увижусь больше съ тобой!» Однако, тотчасъ же оправившись, онъ обернулся къ палачу со словами: «Покажи мою голову народу: она стоить того»²⁾). Камилль умеръ, держа въ рукѣ прядь волосъ Люсили³⁾).

Вечеромъ, когда Флёріо-Леско, вмѣстѣ съ однимъ изъ присяжныхъ, Люмьеромъ, проходилъ мимо порта Санъ-Никола, нѣсколько извѣстныхъ патріотовъ секціи Музея подбѣжали къ нему, громко выражая изумленіе и скорбь по поводу случившагося. Флёріо-Леско сказалъ имъ: «Ваши разсужденія были бы справедливы въ примѣненіи ко всякому другому суду, чѣмъ судъ Революціонный, который не столько судъ *правосудія*, сколько *политическій*...». Онъ хотѣлъ продолжать, но собесѣдники остановили его: «Не говорите больше... Мы понимаемъ... Прощайте!»⁴⁾). Но между правосудіемъ и политикой, когда она отличается отъ правосудія, есть та разница, что первое служитъ флагомъ, которымъ пользуются всѣ, а послѣдняя мечомъ, относительно котораго никто не можетъ быть увѣренъ, что будетъ всегда въ состояніи направлять его остріе по своему усмотрѣнію. О, какъ захватывающе прекрасно—и вѣрно!—слѣдующее выраженіе, которое употребилъ Мишле, говоря о кладбищѣ Монсо: «Дантонъ открылъ его могилы и сталъ дожидать только Робеспьера!»⁵⁾).

Мы думаемъ, что въ вышеприведенномъ разсказѣ мы не сказали ничего такого, что не было бы на пользу истинѣ, и не опустили ничего изъ того, умолчать о чемъ запрещала справедливость. Мы воспроизвели и взвѣшивали различныя или противорѣчивыя показанія съ тѣмъ болѣею тщательностью, что, какъ намъ казалось, мы замѣтили у нашихъ предшественниковъ стре-

¹⁾ *Précis justificatif et historique*, par Villain Daubigny, въ *Bibl. hist. de la Révol.*, 947—8 (*British Museum*).

²⁾ Beaulieu, *Biographie de Danton*.

³⁾ *Essai sur la vie de Camille Desmoulins*, par M. Matton, p. 27.

⁴⁾ *Précis justificatif et historique*, par Villain Daubigny, p. 54.

⁵⁾ *Hist. de la Révol. française*, t. IX, livre XVII, chap. III, p. 184.

мленіе отодвигать въ тѣнь нѣкоторые документы, могущіе либо оспорить, либо ослабить авторитетъ тѣхъ людей, которые были наиболѣе пригодны для подкрѣпленія предвзятыхъ взглядовъ того или другого изъ этихъ писателей.

Прежде всего, какъ представлены вещи въ *Histoire parlementaire*? Авторы, закоренѣлые робеспьеристы, не сомнѣваются (t. XXXII, p. 103 и слѣд.), что докладъ Сень-Жюста былъ «строго правдивъ по существу», хотя и «основанъ скорѣе на нравственныхъ убѣжденіяхъ, чѣмъ на матеріальныхъ доказательствахъ». И изъ «нѣсколькихъ, сдѣланныхъ вполнѣтѣмъ, разоблаченій» они дѣлаютъ выводъ, что Комитетъ общественнаго спасенія, «ограничившійся по отношенію ко многимъ пунктамъ подозрѣніями, соображеніями, вѣроятностями, и видимостью», тѣмъ не менѣе былъ правъ, предавъ дантонистовъ смерти. Странная, надо сознаться, система правосудія! И чего же касаются тѣ повдѣннѣйшія разоблаченія, о которыхъ идетъ рѣчь? Продажности Дантона? Но если Дантонъ имѣлъ слабость принимать деньги отъ Двора, то вѣдь это было еще при возникновеніи революціонныхъ событій и надо было бы, по крайней мѣрѣ, доказать, что, въ видѣ послѣдствія этихъ денежныхъ подучекъ, онъ противодействовалъ революціи, а не служилъ ей. Авторы *Histoire parlementaire* выдаютъ за несомнѣнное доказательство измѣны сношенія Дантона съ Дюмурье; но если сношенія эти дѣйствительно способны были возбудить подозрѣнія, то отнюдь не доказано, что они были преступны; и нужно замѣтить, что до той минуты, когда измѣна Дюмурье стала извѣстна, всѣ были настолько мало склонны считать героя Аргонны, побѣдителя подъ Вальми и Жеммапомъ за измѣнника, что самъ Бильо-Варенъ находился въ заблужденіи на этотъ счетъ. Что касается связей Дантона съ жирондистами, въ томъ видѣ, въ какомъ эти связи выставлены въ *Mémoires de Garat* и приводятся авторами *Histoire parlementaire*, то представляется страннымъ, что авторы эти вооружаются противъ Дантона книгою, наиболѣе способною возбудить любовь къ нему! Относительно процесса они ограничиваются тѣмъ, что списываютъ *Bulletin du Tribunal révolutionnaire*, сопровождая эту перепечатку нѣсколькими весьма пристрастными замѣчаніями, въ которыхъ высказываютъ произвольное предположеніе, будто Дантонъ «разсчитывалъ на замышленный въ Люксембургской тюрьмѣ заговоръ», и сопоставляютъ, такъ называемыя, ими грубости Дантона съ достоинствомъ, которое проявлено было предсѣдателемъ суда, а также со справедливостью и умѣтностью его вопросовъ. Но въ комментаріяхъ авторовъ *Histoire parlementaire* ничего не говорится ни о чудовищномъ смѣшеніи двухъ разнородныхъ дѣлъ, ни о несправедливомъ отказѣ Германа сообщить Фабру д'Эглантину нужные для его защиты подлинныя документы, ни о не менѣе несправедливомъ отказѣ подсудимымъ въ вызовѣ въ свидѣтели нѣкоторыхъ изъ ихъ сотоварищей, ни о лжи путемъ умолчанія и путемъ утверждтнія, посредствомъ которой Сень-Жюстъ добился отъ Конвента принятія декрета 15 жерминали; ни о нарушеніи закона, заключавшемся въ томъ, что приговоръ былъ объявленъ въ отсутствіе подсудимыхъ—нарушеніи, въ которомъ сознался Германъ... Въ довершеніе всего, авторы названнаго сочиненія сообщаютъ, будто народъ проявлялъ безусловную враждебность къ подсудимымъ, при чемъ не принимаютъ въ расчетъ противоположныхъ свидѣтельствъ и даже не упоминаютъ о нихъ.

Не менѣе поразительны ошибки въ обратномъ смыслѣ.

Несомнѣнно, нуженъ былъ спирійный фанатизмъ Сень-Жюста и Бильо-

Варена, чтобы на основаніи простыхъ догадокъ зачислить такихъ людей, какъ Дантовъ и Камилль Демуленъ, въ ряды роялистовъ и измѣнниковъ. Но утверждать, что Дантонъ и Камилль понесли кару лишь за то, что выступали апостолами человечности, это по-истинѣ значитъ слишкомъ поспѣшно отлучать революцію отъ человечности и открывать чрезмѣрный просторъ контръ-революціонерамъ. Правда та, что дантонистское движеніе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно является въ послѣднихъ статьяхъ Камилла Демулена, просмотрѣнныхъ и исправленныхъ Дантономъ (см. изданную Луи Дюбуа рукопись Робеспьера, стр. 25), давало роялистамъ въ руки грозное оружіе, что и было какъ нельзя лучше засвидѣтельствовано ихъ манифестаціями по поводу появленія этихъ статей. Нѣтъ ничего лучшаго, какъ проповѣдывать *милосердіе*, когда побѣда уже одержана; но до тѣхъ поръ, пока бой продолжается, какал система можетъ быть предпочтена системѣ *справедливости*? Неужели же революціи, подвергавшейся такимъ разнообразнымъ и бѣшенымъ нападеніямъ, какихъ никогда не было видано примѣра, лучше всего было бы разоружиться передъ лицомъ своихъ безчисленныхъ враговъ? Да и въ надеждѣ на что? На то, что ее помидуютъ при первой перемѣнѣ въ движеніи колеса? О, уже на слѣдующій за 9-мъ термидора день была введена система милосердія къ выгодѣ контръ-революціонеровъ, а результатомъ оказался — *блѣдный терроръ!* Умѣренность и бдительность, справедливость и твердость — вотъ чего требовали обстоятельства, ни меньше, ни больше. А если судить «Старога Кордельера» не на основаніи той или другой его фразы, а по общему впечатлѣнію въ совокупности его статей, принимая въ соображеніе тогдашнія обстоятельства, то какъ отрицать пагубное значеніе страницъ, на которыхъ революціонный режимъ сравнивался съ самыми отвратительными царствованіями тирановъ? Справедливость требуетъ не забывать того, что, начиная съ № 3, «Старый Кордельеръ» сдѣлался болѣе, чѣмъ призывомъ къ мягкости: онъ обратился въ кровавую сатиру на революцію, да еще въ самую кровавую изъ сатиръ. Значитъ, было исполнѣе законно и даже необходимо бороться съ дантонистскимъ движеніемъ; ужасъ заключался въ томъ, что бороться приходилось путемъ насилія, неподтвержденныхъ доказательствъ и очевидно ложныхъ обвиненій и при содѣйствіи палача!

Какова же была въ этой прискорбной драмѣ роль Робеспьера? Мы думаемъ, что описали ее со строгой правдивостью.

Робеспьеръ начинаетъ сближаться съ Дантономъ и Камилломъ, чтобы не дать революціи умереть отъ собственныхъ излишествъ, и два первые номера «Старога Кордельера» представляются ему на просмотръ. Но вскорѣ онъ замѣчаетъ, что мысль, которую онъ предполагалъ проводить сообща съ Дантономъ и Камилломъ — не одинакова съ ихъ мыслью. Онъ хотѣлъ только избѣгнуть одной крайности, а они оба, очевидно, стремятся къ крайности противоположной. Онъ видитъ, что умѣренность замѣнится слабостью. Когда вышелъ № 3 «Старога Кордельера», онъ съ тревогой измѣряетъ разстояніе, отдѣляющее этотъ номеръ отъ двухъ первыхъ номеровъ: онъ слышитъ торжествующіе крики роялистовъ, и въ его недовѣрчивую душу закрадывается подозрѣніе. Опасенія его относятся, однако, не къ Камиллу. Онъ знаетъ его за человѣка впечатлительнаго, легкомысленнаго, легко поддающагося вліянію болѣе сильной натуры. Поэтому онъ защищаетъ его въ клубѣ якобинцевъ, какъ уже защищалъ Дантона, и дѣлаетъ это въ наиболѣе пригодной для его

спасенія формѣ, т. е. изображая его такимъ, каковъ онъ есть, съ его достоинствами и недостатками: достоинствами искренняго республиканизма, человѣка душевнаго, даровитаго, и недостатками человѣка слабовольнаго. И, съ цѣлью устранить всякій поводъ къ обвиненію, предлагаетъ сжечь раздражавшіе и смутившіе патріотовъ нумера газеты, тѣмъ самымъ предлагая, впрочемъ, лишь то, что было предложено самимъ Камилломъ (см. № 5 «Старога Кордельера», стр. 90: «Я готовъ предать мой № 5 сожженію»). Но Камиллъ, въ отвѣтъ на поддержку, формы которой его оскорбили, пускаетъ въ своего защитника одну изъ самыхъ острыхъ стрѣлъ своего колчана. Ничего! Проходитъ всего нѣсколько дней, и Робеспьеръ снова приходитъ на помощь Камиллу и добивается отмены постановленія, которымъ послѣдній былъ исключенъ изъ клуба якобинцевъ. Что дѣлаетъ въ теченіе этого времени Дантонъ? Поведеніе его имѣетъ всѣ внѣшніе признаки таинственности. Лично онъ какъ бы стремится держаться въ сторонѣ отъ общественной сцены, но друзья его переполняютъ ее и дѣйствуютъ на ней отъ его имени. Когда именно прольется свѣтъ на его замыслы, остается совершенно неизвѣстнымъ. То онъ скромно выступаетъ въ роли втораго Робеспьера, то оказываетъ систематической оппозиціи Бурдона (отъ д-та Уавы) содѣйствіе, сдержанныя формы котораго способствуютъ большей дѣйствительности его результата. Тогда какъ Камиллъ Демуленъ ведетъ въ «Старомъ Кордельерѣ» войну на смерть съ гебертистами, Дантонъ, всѣмъ извѣстный врагъ ихъ, протягиваетъ имъ въ одинъ прекрасный день съ трибуны руку; и если Ронсенъ и Венсанъ выпущены на волю, то этимъ они — какъ оно ни странно — обязаны Дантону! Наблюдая все это, Робеспьеръ начинаетъ этимъ тревожиться. Тогда—упомянутая выше рукопись даетъ намъ возможность прослѣдить путь его мыслей—онъ вспоминаетъ о продолжительномъ сочувствіи Дантона къ Мирабо, о его отношеніяхъ къ герцогу Орлеанскому, о его двусмысленныхъ связяхъ съ Дюмурье и едва прикрывавшейся склонности къ жирондистамъ; онъ замѣчаетъ, что Дантонъ окруженъ странно разношерстною компаніею, куда входятъ люди въ родѣ Фабра д'Эглантина, которыхъ онъ считаетъ очень опасными, и люди въ родѣ Лакруа, которыхъ онъ презираетъ, признавая ихъ запятанными хищеніемъ. Онъ перебираетъ въ своей памяти черты, которыми Дантонъ, въ его присутствіи, обнаружилъ свою, въ нѣкоторомъ родѣ циническую, манеру оцѣнивать и выражать вещи; она Робеспьеру непонятна, и онъ ея не одобряетъ. Наконецъ, озираясь кругомъ, онъ видитъ, что Дантонъ сталъ кумиромъ всѣхъ враговъ Комитета общественнаго спасенія и истиннымъ средоточіемъ оппозиціи, клонящей дѣло къ тому, чтобы разровнять и лишить энергіи революціонную дѣятельность въ такую минуту, когда революціи нужны для самозащиты вся ея энергія и все единеніе ея силъ.

Между тѣмъ, при всей своей природной подозрительности, Робеспьеръ такъ мало приготовленъ къ мысли о нанесеніи Дантону удара, что содрогается и даже приходитъ въ ярость, когда Бильо-Варенъ впервые высказываетъ эту мысль (см. заявленіе Бильо-Варена въ засѣданіи 9 термидора). Дѣло въ томъ, что гибель Дантона является, въ сущности, гибелью и Камилла. Но вотъ Сень-Жюсть, неутомимый Сень-Жюсть, говорить, что «въ любви къ отечеству есть что-то ужасное; она безжалостно убиваетъ все» и т. д... На что рѣшится Робеспьеръ, тѣснимый, подстрекаемый, зачарованный этимъ стальнымъ человѣкомъ, который, по выраженію Левассера, «никогда

не дѣлалъ уступокъ»? Отнынѣ Робеспьеру остается только одинъ изъ двухъ выходовъ: либо утратить страстнаго поклонника, фанатическаго союзника, надежнаго друга въ лицѣ Сень-Жюста, революціонное самоотверженіе котораго ему хорошо извѣстно, либо отступить отъ Дантона, котораго онъ не уважаетъ и революціонна вѣра котораго стала для него, по меньшей мѣрѣ, подозрительною. Затѣмъ—о, верхъ фатальности!—нѣкоторые изъ друзей Дантона, узнавъ о грозящей ему участи, стараются устранить опасность такими средствами, которыя могутъ только увеличить ее: они заклиniają Робеспьера принять во вниманіе, что опасности, грозящія Дантону, угрожаютъ и ему самому, что Дантонъ является для него заслономъ, и что если этотъ заслонъ рухнетъ, то въ революціи никто не будетъ уже защищенъ отъ вражескихъ стрѣлъ. И сами они, держа такія рѣчи, не думаютъ о томъ, что даютъ Робеспьеру софизмъ, нужный ему для того, чтобы обмануть себя, софизмъ, который въ его глазахъ наведетъ ложный дакъ патриотизма и мужества на то, что могло быть только несправедливымъ. Надо было очень мало знать, сколько гордости было примѣшано къ добродѣтели Робеспьера, и очень мало знать челоуѣческую натуру, чтобы не понимать, что его колебанія сразу исчезнутъ, когда онъ будетъ поставленъ въ возможность сказать другимъ и особенно самому себѣ: «Меня предупреждаютъ, что, спасая жизнь Дантона, я защищаю мою собственную жизнь. Ну, такъ я же покажу, что подобное соображеніе не изъ тѣхъ, которыя находятъ откликъ въ моей душѣ. Я покажу, что въ въ сердцѣ моемъ нѣтъ мѣста страху. Моя жизнь! она принадлежитъ моей родинѣ» (См. его рѣчь въ засѣданіи 11 жерминаля). И, по многозначительному выраженію Бильо-Варена, онъ согласился отступить отъ Дантона. Послѣ этого нѣтъ надобности спрашивать, почему онъ передалъ Сень-Жюсту свои замѣтки, которыми тотъ воспользовался въ своемъ докладѣ, придавъ имъ отъ себя яростный характеръ: отступить отъ Дантона значило обречь самого себя, если бы онъ былъ признанъ невиновнымъ. У несправедливости своя логика, и горе тому, кто выступить противъ нея!

Такова доля участія, которую факты отводятъ Робеспьеру въ смерти Дантона, и мы должны признать, что эти факты позволяютъ принять лишь со всевозможными оговорками слѣдующее любопытное мѣсто въ *Mémoires* Шарлоты Робеспьеръ:

«Одно изъ самыхъ сильныхъ обвиненій, выдвигаемыхъ противъ моего брата, заключалось въ томъ, что онъ пожертвовалъ Дантономъ. Не знаю, имѣетъ ли это обвиненіе основаніе; я знаю только, что мой братъ очень любилъ Камилла Домулена, вмѣстѣ съ которымъ учился, и что когда онъ узналъ объ его арестѣ и заключеніи въ Люксембургскую тюрьму, то отправился туда съ намѣреніемъ просить его, чтобы онъ вернулся къ истиннымъ революціоннымъ принципамъ, отъ которыхъ Камиллъ отступилъ, чтобы вступить въ союзъ съ аристократами. Камиллъ не пожелалъ повидаться съ нимъ, и мой братъ, который, вѣроятно, взялъ бы на себя его защиту, а, можетъ быть, и спасъ бы его, если бы могъ склонить его къ отреченію отъ политической ереси, предоставилъ его ужасному судьбину Революціоннаго суда. Но Дантонъ и Камиллъ были слишкомъ тѣсно связаны между собою и, спасши одного изъ нихъ, онъ спасъ бы и другого; значить, если бы Камиллъ не оттолкнулъ моего брата, когда тотъ протягивалъ ему руку, Камиллъ и другія лица не погибли бы» (*Mémoires de Charlotte Robespierre sur ses deux frères*).

Теперь посмотрим, какъ описана роль Робеспьера историками изъ занятыхъ дантонистовъ.

Мы уже имѣли случай указать на систему, заключающуюся въ томъ, чтобы путемъ простаго предположенія, не подтверждаемаго даже тѣнью доказательства, возлагать на Робеспьера отвѣтственность за чужія дѣянія. Въ данномъ случаѣ пользование этою системой мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу. Идетъ ли, напримѣръ, рѣчь о доносѣ, сдѣланномъ Никола на Камилла Демулена въ засѣданіи 1 нивоза (21 декабря), г. Мишле (livre XV, chap. II, въ оглавленіи) пишетъ: «По распоряженію Робеспьера дѣлаются нападки на Демулена и Филиппо». Но, во-первыхъ, выходка Никола ничуть не касалась Филиппо, на котораго въ упомянутомъ засѣданіи доносъ сдѣланъ былъ не Никола, а врагомъ Робеспьера Геберомъ (см. отчетъ о засѣданіи клуба якобинцевъ 1 нивоза въ *Hist. parlem.*, t. XXX, p. 488 et 489). Съ другой стороны, гдѣ доказательства того, что Никола сдѣлалъ нападеніе на Камилла по распоряженію Робеспьера? Единственное основаніе, на которомъ г. Мишле утверждаетъ это, состоитъ въ томъ, что Никола былъ до тѣхъ поръ большимъ поклонникомъ патріотизма Робеспьера и, какъ говорили, часто сопровождалъ послѣдняго изъ боязни покушеній на его жизнь! Къ тому же, *предположеніе* г. Мишле было заранѣе рѣшительнымъ образомъ опровергнуто... самимъ же Камилломъ Демуленомъ, который въ № 5 «Стараго Кордельера» въ слѣдующихъ словахъ *противопоставляетъ* Никола Робеспьеру: «Какъ могли вы, Никола, имѣющій въ клубѣ якобинцевъ вліяніе въ качествѣ товарища и друга Робеспьера... какъ могли вы повѣрить скорѣе заявленіямъ, дѣлаемымъ въ нѣкоторыхъ бюро, чѣмъ рѣчамъ Робеспьера, который знаетъ меня съ дѣтства и еще за нѣсколько дней передъ этимъ выдалъ мнѣ слѣдующее свидѣтельство: *противополагаемое мною клеветѣ: что онъ не знаетъ лучшаго республиканца, чѣмъ я; что я республиканецъ скорѣе по инстинкту и по чувству, чѣмъ по выбору, и что мнѣ даже невозможно быть чѣмъ-нибудь другимъ.* Укажите мнѣ кого-нибудь, кому была бы высказана болѣе лестная похвала!» Похвалу эту Робеспьеръ высказалъ 23 фримэра (13 декабря), всего за недѣлю до нападки Никола, а 18 нивоза (7 января), т. е. двѣ недѣли спустя, онъ снова взялъ на себя защиту Камилла въ клубѣ якобинцевъ и по поводу № 3 «Стараго Кордельера», приведшаго патріотовъ въ такое негодованіе, просилъ «дѣлать различіе между личностью Камилла и его писаніямъ». Во чтѣ же обращается, въ виду этихъ *фактовъ*, высказанное г. Мишле наобумъ *предположеніе*?

Другой примѣръ: приписать, какъ онъ выражается, *страху смѣха* нерасположеніе Робеспьера къ большому комическому писателю Фабру д'Эглантину, г. Мишле самымъ опредѣленнымъ образомъ говоритъ, что обвиненіе Фабра въ подлогъ было выставлено лишь въ видѣ предлога къ его арестованію, и намекаетъ, что истинною причиною ареста былъ страхъ Робеспьера передъ пятиактною комедіей, героемъ которой, — какъ, повидимому, полагаетъ г. Мишле, — являлся Робеспьеръ. Но на чемъ же все это основано? Привожу подлинныя слова г. Мишле (livre XV chap. III, p. 54): «Намъ сообщаютъ, что Фабръ, находясь въ тюрьмѣ, будучи боленъ и близокъ къ смерти, заботился и говорилъ только о *большой комедіи въ пяти дѣйствіяхъ, которую у него отобрали при арестѣ*» (*Mémoires sur les prisons*, I, 69). Жаль, что г. Мишле не счелъ нужнымъ воспроизвести дословно то мѣсто, на которое ссылается. Вотъ это мѣсто: «Больной и ослабѣвшій Фабръ д'Эглантинъ былъ озабоченъ только

своею комедіей въ пяти дѣйствіяхъ, которую онъ, по его словамъ, оставилъ въ рукахъ Комитета общественнаго спасенія, и говорилъ, что *боится, чтобы ее не украли у него Бильо-Варенъ*. Значитъ, по словамъ самого Фабра д'Эглантина, лицомъ, заинтересованнымъ въ этой исторіи съ комедіей, былъ... вовсе не Робеспьеръ, а Бильо-Варенъ. И весь этотъ отрывокъ, на который ссылается г. Мишле, не приводитъ его вполне, доказываетъ только то, что Фабръ, какъ истинный авторъ, опасался кражи его комедіи Бильо-Вареномъ, который тоже писалъ для театра. Здѣсь снова приходится спросить: чѣмъ становится *предположеніе*, въ виду *факта*?

Съ цѣлью, вѣроятно, доказать черствость Робеспьера, г. Мишле рассказываетъ (liv. XVII, chap. VII, p. 217), что «когда жена Филиппо, вся въ слезахъ, стояла у рѣшетки Конвента, Робеспьеръ сказалъ: «Никакихъ привилегій!» и достигъ отелоненія ея ходатайства во имя равенства. Но онъ забываетъ упомянуть о томъ, что предложеніе Робеспьера въ этомъ случаѣ имѣло цѣлью провалить другое, внесенное Бильо-Вареномъ, жестокое предложеніе слѣдующаго содержанія: «Чтобы довершить разоблаченіе зачинщиковъ этой новой интриги, я предлагаю допустить жену Филиппо къ рѣшеткѣ: вы получите новое доказательство того, насколько виновенъ этотъ человѣкъ». На это Робеспьеръ успѣшилъ сказать: «Я противъ этого предложенія: *нѣтъ надобности смѣшивать жену Филиппо съ низъ самимъ*,—онъ подъ судомъ, выждемъ надъ нимъ приговора. Я нахожу, что Конвентъ не долженъ отступать отъ правилъ равенства...» и т. д. (см. засѣданіе 15 жермипала). По словамъ Добиньи, Бильо-Варенъ требовалъ въ данномъ случаѣ даже того, «чтобы г-жѣ Филиппо было прочитано въ самомъ засѣданіи разоблаченіе Гарнье (отъ Сента), чтобы показать ей, что она ходатайствуетъ за заговорщика». И именно этотъ-то негуманный поступокъ Робеспьеръ хотѣлъ предотвратить. По этому поводу самъ Добиньи, хотя и бывший въ то время врагомъ Робеспьера, не могъ удержаться, чтобы не добавить: «Къ счастью, Робеспьеръ, окаявшійся на этотъ разъ болѣе гуманнымъ, чѣмъ Бильо-Варенъ, воспротивился предложенію послѣдняго, и намъ не пришлось краснѣть при видѣ оскорбленія скорби женщины, обратившейся къ вамъ съ мольбою» (*Précis historique, par Vilain Dubigny*). Вотъ какимъ образомъ, вслѣдствіе простаго пропуска, гуманный поступокъ можетъ оказаться превратившимся въ проявленіе черствости.

Точно такъ же, говоря (liv. XVII, p. 216) о письмѣ Люсида къ Робеспьеру г. Мишле пишетъ: «Никакого отвѣта не послѣдовало». Но онъ забываетъ, что письмо это *не было послано* (Matton, *Essai sur la vie de Camille Desmoulins*, p. XXIV). Робеспьеру можно, пожалуй, и извинить то, что онъ не отвѣтилъ на письмо, о которомъ ничего не зналъ!

Напоминая о предложеніи казнить Дантона, которое сдѣлано было Бильо-Вареномъ Комитету общественнаго спасенія и вызвало вопль Робеспьера, г. Мишле (liv. XVII, chap. III, p. 178) пишетъ: «Я нисколько не сомнѣваюсь, что онъ былъ взволнованъ, потрясенъ, *приведенъ въ восхищеніе*». Но такая ли окраска придана этому важному факту самимъ Бильо-Вареномъ? Подлинныя слова Бильо таковы: «Когда я впервые разоблачилъ Дантона въ Комитетѣ, Робеспьеръ вскопчилъ, *какъ бѣшеный*, и сказалъ, что видитъ мое намѣреніе, и что я хочу погубить лучшихъ патріотовъ».

Подставляя такимъ образомъ *предположеніе* или *толкованіе* на мѣсто *факта*, нѣкоторые историки успѣли выставить Робеспьера козломъ отпущенія

въ революціи. Послушайте г. Маттона (page XXI), повѣствующаго объ арестованіи Камилла Демулена: «Камилль пошелъ самъ отворить дверь *самеллитамъ Робеспьера*». Почему же *Робеспьера*, а не *Бильо-Варена* или *Сенъ-Жюста*, или не всего Комитета общественнаго спасенія? Отчего такая преднамѣренная склонность относить все къ одному человѣку, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда роль его была несомнѣнно, въ большой мѣрѣ, второстепенною и пассивною? Тому, кто изучалъ исторію революціи, право, нельзя не улыбнуться, когда онъ слышитъ, какъ нѣкоторые люди толкуютъ о *королевской власти* Робеспьера. Его трономъ былъ эшафотъ. Въ народѣ нравственный авторитетъ его былъ несомнѣнно великъ; но къ чему сводилось его активное вліяніе въ Комитетѣ? Тамъ значительное большинство не только было противъ него, но членамъ этого большинства, какъ сами они похвалялись, достаточно было перемигнуться между собой, чтобы разстроить его планы (см. *Laurent Lecointre au peuple français*, p. 127, 172, 203). Правда, что когда Бильо-Варену, Коллод'Эрбуа и Бареру, по оказаніи ими содѣйствія низверженію Робеспьера, пришлось давать отчетъ передъ тою реакціей, которой они сослужили такую хорошую службу 9 термидора, ихъ единственнымъ средствомъ самозащиты было сваливаніе отвѣтственности за всѣ совершенныя насилія на лежавшаго въ могилѣ Робеспьера. Къ этому надо прибавить еще то, что роялисты и священники имѣли огромный интересъ порочить революцію въ лицѣ человѣка, проявившаго на служеніи ей наиболѣе честности и таланта.

Относительно процесса дантонистовъ существуютъ два главныхъ источника для черпанія свѣдѣній; они весьма различны, противорѣчивы и оба видимо подозрительны въ отношеніи пристрастія. Первымъ источникомъ является отчетъ суда, *Bulletin du Tribunal révolutionnaire*, а вторымъ—процессъ Фулье-Тенвиля, который былъ не чѣмъ инымъ, какъ отместкою за процессъ Дантона и какъ бы полемъ битвы, куда устремились для отмщенія за его смерть всѣ дантонисты. Какъ нельзя болѣе правдивы слѣдующія заявленія Фулье-Тенвиля, которыя онъ непрерывно повторялъ въ различныхъ формахъ въ продолженіе своего процесса: «Свидѣтель Пари и другіе составили коалицію, съ цѣлью погубить меня; для этого они пустили въ ходъ все, что только могли подсказать имъ ненависть и страсть. Причину къ тому они находятъ въ своемъ озлобленіи по поводу смерти ихъ близкаго друга, Дантона, котораго и привлекъ къ суду лишь въ силу декрета Конвента» (см. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 459).

Что слѣдуетъ изъ этого? Прежде всего то, что раскрыть истину въ процессѣ Дантона очень трудно; затѣмъ—что первымъ условіемъ для ея раскрытія является сличеніе, оцѣнка и обсужденіе противорѣчивыхъ показаній. Мы, съ своей стороны, именно это и старались сдѣлать, но должны сказать, къ нашему сожалѣнію, что того же не было, повидимому, сдѣлано съ достаточнымъ вниманіемъ ранѣ насъ.

Одни, какъ, напримѣръ, авторы *Histoire parlementaire*, дѣлая свои оцѣнки, нисколько не принимали въ расчетъ того освѣщенія фактовъ, которое могли дать выслушанные по дѣлу Фулье-Тенвиля свидѣтели.

Другіе, какъ гг. Вильоме и Мишле, если называть только новѣйшихъ историковъ, основали свой рассказъ исключительно на такихъ показаніяхъ, какъ показанія Фабриція Пари, близкаго и страстнаго друга Дантона, открытаго и завѣдомаго врага своихъ преслѣдователей, который, будучи

«Камилль заявилъ противъ Ренодэна отводъ и мотивовалъ его; но, по *обсужденіи* этого вопроса, было постановлено оставить Ренодэна въ числѣ присяжныхъ». Фактъ тотъ, что требованіе Камилла объ отводѣ было отклонено, какъ не соответствующее закону, потому что оно не было заявлено письменно за сутки до начатія судоговоренія.

Въ показаніи Пари говорится еще: «Судьи Нолэнъ, Сублейя и Коффингалъ дѣлали замѣтки во время преній и каждый вечеръ сообщались для составленія сводки этихъ замѣтокъ, предназначавшейся для печати. Трудъ этотъ былъ, *кажется*, до такой степени искаженъ, что всѣ улики, какія могли существовать въ процессѣ Гебера противъ Паша и Анріо, оказались вычеркнутыми, и все то, что относилось къ Пашу, было отнесено на счетъ Дантона». Но печатный отчетъ о дѣлѣ Гебера существуетъ; его можно прочесть въ полномъ видѣ въ *Histoire parlementaire*, t. XXXI, p. 360—399; онъ у насъ передъ глазами, и мы не находимъ, чтобы въ немъ фамилія Дантона была хоть одинъ разъ поставлена вмѣсто фамиліи Паша. Ясно, что если бы г. Мишле отнесся къ заявленіямъ Пари съ нѣскольکو меньшимъ довѣріемъ и провѣрилъ бы ихъ, то не написалъ бы (liv. XVII, chap. II, p. 169): «Въ дѣлѣ Гебера, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ упоминалось имя диктатора и великаго судьи, вмѣсто фамиліи Паша смѣло поставили фамилію Дантона». Надо еще замѣтить, что то, о чемъ въ показаніи Пари говорится, въ концѣ концовъ, лишь въ формѣ сомнѣнія: *кажется*, становится у г. Мишле, въ оглавленіи II главы книги XVII, уже не допускающимъ возраженій утвержденіемъ: «Поддѣльный матеріалъ, имѣющій цѣлью погубить Дантона». Это еще не все. Осталось ли заявленіе Пари безъ возраженій въ ту минуту, когда оно было сдѣлано? Нѣтъ. Нолэнъ заявилъ, что онъ дѣлалъ замѣтки по дѣлу Гебера лишь *за свой собственный страхъ*, ничего не измѣняя (см. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 479). А Нолэнъ былъ человѣкъ честный, неспособный на низкій поступокъ: такимъ признавали его даже сами тѣ люди, которые выступали въ процессѣ Фукье въ качествѣ свидѣтелей со стороны обвиненія (см. наказаніе служившаго въ канцеляріи суда Тавернье. *Ibid.*, t. XXXV, p. 5). Что касается одного изъ побѣжденныхъ 9 термидора, Коффингала, то его враги могли нападать на него, сколько угодно: онъ умеръ.

Какъ бы ни было, очевидно, что именно изъ только что разсмотрѣннаго нами показанія г. Мишле взялъ то, что онъ говоритъ (liv. XVII, ch. VI, p. 210) объ искаженіяхъ, будто бы сдѣланныхъ «поддѣльвателемъ» Коффингалемъ въ отчетѣ о процессѣ Дантона; а вѣдь мы видимъ, достаточно ли такого доказательства! Правда, г. Мишле прибавляетъ (см. у него примѣчаніе на стр. 210): «Никто и никогда не церемонился меньше этого овернца. Въ знаменитомъ недоразумѣніи, благодаря которому Луазероль-отецъ умеръ вмѣсто своего сына, Коффингалъ, увидѣвъ, что вмѣсто молодого человѣка явился старикъ, не потрудился выяснитъ дѣло. Онъ преспокойно поддѣлалъ бумагу, перемѣнилъ въ ней имена, надбавилъ лѣтъ» и т. д. Дѣло, дѣйствительно, было представлено въ такомъ видѣ товарищемъ прокурора Арденомъ въ процессѣ Фукье-Тенвиля. Но, оставляя въ настоящую минуту безъ разсмотрѣнія по существу историческую подробность, къ которой намъ еще придется вернуться, мы ограничимся пока приведеніемъ слѣдующаго мѣста изъ *Réponse d'Antoine-Quentin Fouquier-Tionville*, etc.: «Доносъ былъ сдѣланъ на Луазероля-отца; его заключили 7 термидора въ Консержери, судили и приговорили къ смерти. Само-

личность его была признана и установлена въ судебномъ засѣданіи. Но такъ какъ приставъ, явившійся въ тюрьму для записи имени, возраста и профессіи отца, не спросилъ, нѣтъ ли тамъ нѣсколькихъ Луазеролей, то записалъ имена, возрастъ и профессію сына. Въ протоколѣ о приговорѣ сказано, что осужденъ былъ отецъ. На Луазероля-сына доноса вовсе не поступало» (р. 20, въ *Bibl. hist. de la Révol.*, 947—8. *British Museum*). А изъ этого слѣдуетъ, что Луазероль-отецъ былъ казненъ не вмѣсто своего сына, какъ столько разъ было говорено и повторяемо, и что приписываемый г. Мишле Коффингалю *подлогъ* былъ просто *необходимою поправкой*.

Едва ли можно говорить, какое важное значеніе имѣетъ этотъ эпитетъ «поддѣлывателя», брошенный Коффингалю на основаніи словъ Пари, который въ части своего показанія, относящейся къ Коффингалю, попадаетъ на самомъ мѣстѣ совершенія ошибки. Ибо если правда, что Коффингаль составлялъ официальный отчетъ о процессѣ, и если, съ другой стороны, относительно добросовѣстности составителя высказывается сомнѣніе, то отчетъ сразу вычеркивается изъ числа документовъ, съ которыми слѣдуетъ считаться, а тогда для исторической оцѣнки процесса Дантона остаются только показанія заклятыхъ враговъ тѣхъ лицъ, которыя его судили. Поэтому г. Мишле основываетъ свой рассказъ исключительно на этихъ показаніяхъ, не подвергая ихъ контролю, не обуждая и пріемля ихъ какъ слова евангелія, при чемъ все то, что въ *Bulletin du Tribunal révolutionnaire* оказывается либо благопріятнымъ Дантону, либо неблагопріятнымъ для его враговъ, онъ *предполагаетъ* лживымъ. Напримѣръ, въ отчетѣ, вслѣдъ за рѣчью Дантона, сказано, что «такъ какъ его измѣнившійся голосъ достаточно показывалъ, что ему надо отдохнуть, то тяжелое положеніе его было понято всеми судьями, которые и предложили ему отложить свое оправданіе, чтобы потомъ возобновить его съ большимъ спокойствіемъ». Конечно, это какъ нельзя болѣе понятно, если вспомнить, что Дантонъ говорилъ очень долго, съ чрезвычайною силой и гремѣлъ такъ, что голосъ его доносился до набережной de la Ferraille. Самъ г. Мишле говоритъ (т. XVII, chap. VI, p. 210), что «Дантонъ говорилъ третьяго числа почти цѣлый день». Если онъ говорилъ цѣлый день, да еще съ величайшимъ одушевленіемъ, то что же непостижимаго въ томъ, что судъ предложилъ ему отдохнуть и уступить слово другому? Но нѣтъ: въ такомъ естественномъ фактѣ г. Мишле усматриваетъ (р. 211) лишь «лицемѣріе» составителя посланныхъ въ газеты замѣтокъ». А дѣло вотъ въ чемъ: Пари (см. его показаніе въ процессѣ Фукье, *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 470) излагаетъ этотъ эпизодъ такъ: «Предсѣдатель лишилъ его слова *подъ тѣмъ предлогомъ*, что онъ утомленъ, и что надо каждому подсудимому высказаться въ свой чередъ». Но вѣдь это лишь толкованіе, даваемое совсѣмъ простому обстоятельству врагомъ, старающимся погубить своего врага, и вопросъ сводится къ тому, нужно ли прибѣгать къ гипотезѣ на счетъ лицемѣрія, чтобы объяснить то, что человѣкъ, приговорившій цѣлый день, утомился?

Вотъ другая жалоба на редакцію *Bulletin du Tribunal révolutionnaire*: Въ отчетѣ отвѣдено рѣчи Дантона всего шесть маленькихъ страницъ (см. Michelet, t. VII, p. 210). Болѣе пространное воспроизведеніе рѣчи было бы, конечно, очоь желательно, хотя судъ и не имѣлъ обыкновенія печатать рѣчи подсудимыхъ цѣликомъ; но, въ концѣ концовъ, шесть страницъ все же лучше, чѣмъ двѣ строки. А въ *дантонистскомъ* отчетѣ о процессѣ Фукье-

Тенвиля, этомъ арсеналѣ, открытомъ для всѣхъ обвинителей судей Дантона, въ этомъ отчетѣ по дѣлу, въ которомъ были выслушаны четыреста девятнадцать свидѣтелей противъ подсудимыхъ, и который воспроизведенъ въ *Histoire parlementaire* не меньше какъ на трехстахъ восьмидесяти страницахъ, мы читаемъ, послѣ одиннадцати страницъ, посвященныхъ показанію всего одного свидѣтеля со стороны обвиненія, Тьерре Гранпре, личнаго врага Германа и Ланна: «Германъ и Ланнъ объясняли или отрицали поставленные имъ въ обвиненіе факты» (см. процесъ Фуке Тенвиля въ *Hist. parlem.*, t. XXXV, p. 57). Что же касается общей защитительной рѣчи Германа, то въ томъ же отчетѣ она заключается вотъ въ чемъ: «*Видъ выслушанъ Германъ*»... (см. *ibid.*, p. 144).

При томъ невѣрно, какъ это говоритъ г. Мишле (t. VII, p. 211), будто составитель *Bulletin du Tribunal révolutionnaire* по дѣлу Дантона обращаетъ послѣдняго «въ шута и скомороха», при чемъ г. Мишле прибавляетъ, будто это было сдѣлано «согласно паролю, отданному 2-го числа Робеспьеромъ: кумирь, прогнанный кумирь»; такимъ образомъ, г. Мишле самымъ произвольнымъ образомъ предполагаетъ, будто слово изъ устъ Робеспьера являлось для суда *паролемъ*. Въ рѣчи Дантона, въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена въ *Bulletin du Tribunal révolutionnaire*, нѣтъ — по крайней мѣрѣ, на нашъ взглядъ — ничего шутовского и скоморошескаго; въ ней сказываются весь пылъ его негодованія, вся беспорядочность страстной импровизаціи; она имѣетъ характеръ не столько защитительной рѣчи адвоката, сколько воззванія, имѣющаго цѣлью «взволновать народъ», и полна гордыхъ бравадъ. Но все это — самъ Дантонъ.

Рассказъ г. Мишле, — а то же самое я скажу и о рассказѣ Вильоме — сплошь окрашенъ чувствомъ симпатіи къ славнымъ людямъ, погибшимъ въ этотъ навсегда злопамятный день 16 жерминаля. И я постыдился бы не раздѣлить этого чувства, идущаго изъ такого высокаго источника. Но какъ легко людямъ благородной души зайти слишкомъ далеко, когда они принимаютъ сторону жертвъ! Требуется, однако, сдѣлать болѣзненное усиліе, чтобы быть справедливымъ по отношенію даже къ тѣмъ, кто эти жертвы губить!

Намъ остается разяснить еще одинъ пунктъ. Получалъ ли Дантонъ въ 1791 г. деньги отъ Двора?

На протяжении настоящаго труда мы высказались на этотъ счетъ въ утвердительномъ смыслѣ, и это мнѣніе наше вызвало со стороны г. Денуа, превосходнаго критика и очень освѣдомленнаго въ дѣлахъ революціи чело-вѣка, написавшаго прекрасную статью, напечатанную 1 июля 1857 г. въ *Revue de Paris*. Перечислимъ сперва показанія, которыя потомъ подвергнемъ разбору.

Бертранъ де Мольвилъ: «Послѣ отставки Монморена, Лессаръ, продолжавшій пользоваться нѣкимъ Дюраномъ для такихъ же услугъ, какія были возложены на него его предѣстникомъ, внезапно прервалъ засѣданіе Комитета министровъ, чтобы отправиться поговорить объ очень важномъ, по его словамъ, дѣлѣ съ однимъ лицомъ, которому онъ назначилъ свиданіе. Я отвезъ его къ нему домой, потому что въ его экипажѣ что-то испортилось. Онъ сказалъ мнѣ по секрету, что столь настоятельное дѣло, изъ-за котораго ему необходимо быть дома, заключается въ выдачѣ одному лицу 24,000 ливровъ для врученія ихъ Дантону за то, что на слѣдующій день онъ проведетъ одно

предложеніе въ клубѣ якобинцевъ». *Mémoires de Bertrand de Moleville*, t. I, p. 354 et 355).

Онъ же: «Когда началось разбирательство дѣла короля, Дантонъ, гнусный Дантонъ, услуги котораго были такъ дорого куплены на средства гражданского листа, оказался однимъ изъ тѣхъ, которые проявили наиболѣе ярости. Я нисколько не постѣнился прибѣгнуть ко лжи, чтобы успокоить ярость этого чудовища, и написалъ ему такъ: (слѣдуетъ копія письма, въ которомъ Дантону угрожаютъ, если онъ не будетъ служить королю, опубликованіемъ «доказательства относительно полученныхъ имъ суммъ изъ секретныхъ расходовъ по министерству иностранныхъ дѣлъ»); послѣ чего Бертранъ де Мольвиль продолжаетъ: «Правда та, что г. Монморенъ дѣйствительно сообщилъ мнѣ все это дѣло и документы, но никогда не вручалъ ихъ мнѣ. Между тѣмъ, Дантонъ, знавшій о моей близости къ графу Монморену, не могъ сомнѣваться, въ виду моего письма, въ томъ, что дѣло находится у меня. Онъ мнѣ не отвѣтилъ, но я увидѣлъ, что черезъ два дня послѣ того, когда онъ долженъ былъ получить мое письмо, онъ исплоталъ себѣ командировку въ Сѣверный департаментъ. Въ Парижѣ онъ вернулся лишь наканунѣ того дня, когда состоялся приговоръ о королѣ. Онъ подаль голосъ за смертную казнь, но, противъ своего обыкновенія, не подкрѣпилъ своего мнѣнія никакою рѣчью» (*Hist. parlem.*, t. XXXII, p. 105).

Лафайетъ: «Дантонъ продался подъ условіемъ, чтобы у него купили за 100,000 ливровъ его должность адвоката при совѣтѣ министровъ, за которую ему выплачено было всего 10,000 ливровъ; слѣдовательно подарокъ короля составлялъ 90,000 ливровъ. Лафайетъ встрѣтилъ Дантона у Монморена въ тотъ самый вечеръ, когда заключалась эта сдѣлка... Позднѣе онъ получилъ много денегъ; въ пятницу, передъ 10 августа, ему выдано было 50,000 эку. Дворъ, будучи вполне увѣренъ въ немъ, съ довольнымъ чувствомъ ожидалъ предвидѣннаго момента этого дня, и принцесса Елизавета говорила: «Мы спокойны; мы можемъ положиться на Дантона». Лафайетъ зналъ о первой уплатѣ, а о другихъ не зналъ. Дантонъ самъ говорилъ ему о нихъ въ городской ратушѣ и, стараясь оправдаться, сказалъ ему: «Генераль, я больше монархистъ, чѣмъ вы» (*Замѣтка, найденная въ бумагахъ генерала Лафайета*).

Бриссо: «Дантонъ получалъ пригоршнями. Я видѣлъ росписку въ 100,000 эку, отсчитанныхъ ему Монмореномъ» (*Mémoires de Brissot*, t. IV, p. 193 et 194).

Редереръ: Въ 3 томѣ сочиненій П. А. Редерера, изданныхъ его сыномъ помѣщенъ портретъ Дантона, съ надписью: «сначала, не имѣя другой цѣли, кромѣ той, чтобы продаться Двору, а потомъ съ цѣлью править республикой».

Робеспьеръ: «Дантонъ былъ обязанъ Мирабо очень замѣчательною вещью; благодаря послѣднему, у него была выкуплена должность адвоката при совѣтѣ министровъ; увѣряютъ даже, что стоимость ея была выплачена ему дважды. Фактъ выкупа легко можетъ быть доказанъ» (Рукопись, изданная въ 1841 г., стр. 5).

Гарі: «Когда подкупленъ былъ Мирабо, широкіе способы подкупа были применены къ Дантону: возможно, что онъ что-нибудь получилъ. Достоверно, что если сдѣлка дѣйствительно была совершена, то съ его стороны не было предательства, и что онъ остался вѣренъ своимъ сообщникамъ, республиканцамъ» (*Mémoires de Garat* въ *Hist. parlem.*, t. XVIII, p. 447).

Мирабо: «Бомеса, Шапелье и пр... Дантонъ ознакомилъ со своими секретами; что касается его, то онъ получилъ тридцать тысячъ ливровъ, и у меня есть доказательства, что послѣдній номеръ газеты Камилла Демулена составленъ Дантономъ... Вообще, это темный лѣсъ!» (Письмо Мирабо къ графу ла Марку, см. ихъ *Correspondance*, t. III, p. 82).

Въ числѣ этихъ показаній есть одно, именно показаніе Вертрана де-Мольвиля, которое г. Демуа отвергаетъ, въ чемъ онъ и былъ бы вполне правъ, если бы это показаніе было единичнымъ. Мы сами имѣли уже случай замѣтить, какъ мало довѣрія заслуживаютъ утвержденія Вертрана де-Мольвиля, и становимся на сторону мнѣнія ученаго критика, когда онъ говоритъ: «...Понятно, какой интересъ имѣлъ Вертранъ чернить всѣхъ республиканцевъ. Помимо его личной ненависти къ разнымъ лицамъ, онъ отличается рѣдкимъ легковѣріемъ въ вопросахъ о продажности; такъ, по его словамъ, за борьбу противъ невольничества получили: Бриссо 300,000, Кондорсе 150,000, аббатъ Грегуаръ 80,000 ливровъ, Петіонъ 60,000 ливровъ. Кѣмъ же даны были эти суммы? Собственно не неграми, а мулатами. Вертранъ готовъ допустить, что они предлагали столько же и Робеспьеру, но что тотъ отказался принять что бы ни было, хотя и служилъ имъ усердно». Относительно сдѣланныхъ, будто бы, Вертраномъ де-Мольвилемъ угрозъ г. Демуа справедливо замѣчать, что буйныя слова, которыми Дантонъ мотивировалъ свой востумъ противъ Людовика XVI, непохожи на слова человѣка запуганнаго. И, затѣмъ, какъ вѣрить этому Вертрану де-Мольвилю, который, по собственному его признанію, не стѣснялся въ извѣстныхъ случаяхъ «пользоваться ложью»? Но, повторяю, здѣсь дѣло идетъ не о единичномъ показаніи, а это нѣсколько измѣняетъ вопросъ.

Гораздо болѣе вѣскимъ представляется утвержденіе Лафайета. Г. Демуа признаетъ мало вѣроятнымъ, чтобы Дантонъ говорилъ Лафайету если не объ уплатѣ ему выкупа за его должность, то, по крайней мѣрѣ, о позорно полученной имъ цѣнѣ за нее, если предположить, что цѣна эта была выше дѣйствительной стоимости должности. Но г. Демуа забылъ привести въ своей критикѣ слова, влагасмыя Лафайетомъ въ уста Дантону: «*Я болѣе монархистъ, чѣмъ вы*»,— слова, показывающія, какимъ образомъ Дантонъ могъ добыть до упоминаемыхъ Лафайетомъ секретныхъ сообщеній.

Затѣмъ, середины нѣтъ: надо либо признать вѣрность факта, либо осудить Лафайета, какъ самаго гнуснаго и безстыднаго лжеца, потому что его заявленіе вполне опредѣленно и сдѣлано въ формѣ, не допускающей возраженія; въ немъ есть все: и указаніе мѣста, гдѣ ему сдѣлано было Дантономъ сообщеніе, и характерныя, яркія слова, въ которыхъ онъ его выразилъ, и указаніе точной цифры. Но Лафайетъ былъ человѣкомъ честнымъ, безусловно неспособнымъ нравственно убить человѣка путемъ обмана. Съ другой стороны, г. Демуа сообщаетъ, что, какъ видно изъ рукописной замѣтки, переданной ему однимъ изъ земляковъ Дантона, его школьнымъ товарищемъ, въ 1791 г. Дантонъ купилъ нѣсколько имѣній въ Арси-сюръ-Объ на тѣ 80,000 ливровъ, которыя получилъ тогда въ видѣ выкупа его должности адвоката при совѣтѣ министровъ. Это обстоятельство не только не противорѣчитъ разсказу Лафайета, но еще и подтверждаетъ его, такъ какъ оно доказываетъ, что Дантонъ получилъ за свою должность гораздо больше ея стоимости, какъ опредѣляетъ послѣднюю Лафайетъ, т. е. больше 10,000 ливровъ. Но такова ли была дѣйствительная стоимость должности? Это равносильно вопросу о томъ,

Бриссо было бы идиотством, если бы оно могло ввести его въ обманъ относительно такого простого факта, какъ тотъ, о которомъ онъ говоритъ,—факта чисто матеріальнаго. А у Бриссо было не только много ума, но еще и ума очень гибкаго. Что же касается эпитета «достаточно лживый», придаваемого ему г-номъ Дюпа, то мы, признаться, находимъ этотъ отзывъ довольно легкомысленнымъ. Каковы ни были бы политическія ошибки Бриссо—а вѣдь мы ихъ не скрывали—въ немъ былъ большой запасъ честности, которую признавали всѣ знавшіе его. Предполагать, что онъ былъ способенъ хладнокровно оклеветать до такой степени человѣка невиновнаго, путемъ утвержденія, будто онъ видѣлъ то, чего на самомъ дѣлѣ никогда не видалъ, значитъ произвольно взваливать на его память преступленіе.

Мы не будемъ останавливаться на показаніяхъ Редерера и Робеспьера, о которыхъ мы напомнили лишь, какъ о ихъ *мнѣніи*, и которыхъ вовсе не хотимъ выставить въ видѣ *доказательствъ*; но отзывъ Гара весьма заслуживаетъ того, чтобы его взвѣсить, какъ ни старательно придерживается этотъ человѣкъ формы сомнѣнія; ибо не слѣдуетъ упускать изъ вида, что Гаръ былъ существенно обяванъ Дантону, что онъ былъ лично привязанъ къ нему, и что вышеприведенныя строки извлечены изъ того мѣста его «Записокъ», гдѣ онъ говоритъ о Дантонѣ съ любовью и, можно сказать, съ умиленіемъ.

Но что, увя, устраняетъ всякія сомнѣнія—мы опять употребляемъ это слово—такъ это письмо, писанное 10 марта 1791 г. Мирабо къ графу ла Марку. Какъ могъ г. Дюпа до такой степени впасть въ благородное ослѣпленіе, что предположилъ, будто сообщая съ *совершенно конфиденціальною* письмѣ *человѣку придворному*, графу ла Марку, съ одной стороны о полученіи Дантономъ денегъ, а съ другой—о невыполненіи имъ своихъ обязательствъ, Мирабо просто имѣлъ въ виду бросить Дантону самое кровное оскорбленіе, какое только могло подвернуться ему подъ перо, т. е. названіе *продавца*, да еще сдѣлать это въ отместку за статью Камилла Демулена противъ него, Мирабо, статью, вдохновителемъ которой онъ считалъ Дантона?

Какъ! Желая отмстить Дантону, Мирабо не нашелъ бы ничего лучшаго, какъ оскорбить его восклицаніемъ: «Онъ проданъ», когда самъ былъ продавшимся человѣкомъ? И передъ кѣмъ же хотѣлъ онъ оскорбить такимъ образомъ Дантона? Не передъ публикой, а передъ агентомъ по такого рода продажѣ, графомъ ла Маркомъ? И ему ни на минуту не пришло бы въ голову, что издѣваться такимъ образомъ надъ Дантономъ онъ можетъ не иначе, какъ издѣваясь надъ самимъ собою, да еще оскорбляя, сверхъ того, человѣка, къ которому обращается? По правдѣ, все это совершенно недопустимо, и я удивляюсь, что г. Дюпа могъ прибѣгнуть къ такому необычному объясненію, когда истинное объясненіе такъ очевидно и такъ напрашивается само собою. Въ чемъ дѣло? Дантонъ поручилъ Камиллу—по крайней мѣрѣ, такъ думаетъ Мирабо—написать статью, въ которой сдѣланы горячія нападки на Шпелье и Бомеса, съ которыми Дантонъ считается состоящимъ въ соглашеніи, и на самого Мирабо. Затѣмъ Мирабо, знающій объ обязательствахъ Дантона передъ Дворомъ, приходитъ въ негодованіе, вида, что эти обязательства такимъ образомъ нарушаются; онъ озлобляется какъ противъ Дантона за его двуличность, такъ и противъ Двора, такъ дурно употребляющаго свои деньги, причѣмъ пишетъ *ab irato* графу ла Марку: «Дантонъ получилъ вчера 30,000 ливровъ, и у меня есть доказательства, что именно онъ составилъ послѣдній ну-

меръ газеты Камилла Демулена... Это темный лъсъ». Другими словами: «Развѣ вы за то платите людямъ, чтобы они нападали на васъ и на меня? Люди, берущіе ваши деньги, обманываютъ, обкрадываютъ васъ». Именно такой смыслъ письма Мирабо тѣмъ болѣе очевиденъ, что нѣсколько ниже авторъ его прибавляетъ, по поводу шести тысячъ ливровъ, которыя онъ долженъ затратить въ интересахъ Двора: «Возможно, что я затрачу ихъ понапрасну. Но, по крайней мѣрѣ, онѣ будутъ посѣяны болѣе безобиднымъ образомъ, чѣмъ данныя Дантону тридцать тысячъ ливровъ».

Достаточно ли это ясно? Упрекъ, дѣлаемый Мирабо Дантону, относится вовсе не къ тому, что тотъ взялъ на себя обязательства передъ Дворомъ и, получивши за это 30,000 ливровъ, настолько мало служить за эти деньги, что даже внушаетъ Камиллу статьи наступательнаго характера. Послѣ этого совершенно понятно то, что Мирабо «не сообщаетъ намъ» въ своемъ письмѣ ничего такого, что г. Дюпуа желалъ бы знать о подробностяхъ сдѣлки, о которой идетъ рѣчь. Письмо Мирабо писано не къ «намъ»—документъ этотъ не предназначался къ оглашенію—не къ публикѣ, а къ графу да Марку, которому Мирабо не имѣлъ надобности сообщить что-либо относительно подробностей. Поэтому онъ пишетъ ему о полученныхъ Дантономъ тридцати тысячахъ ливровъ, какъ о вещи, хорошо извѣстной имъ обоимъ, которую нечего доказывать ни писавшему письмо, ни тому, кому оно было писано, наконецъ, какъ о вещи несомнѣнной, настолько несомнѣнной, что она возбуждаетъ гнѣвъ по поводу обмана, чинимаго Двору, который платитъ и, тѣмъ не менѣе, подвергается нападкамъ.

Здѣсь уместно напомнить фразу Гаря: «Достовѣрно, что если Дантонъ и вступилъ въ сдѣлку, то съ его стороны не было предательства, и что онъ остался вѣренъ своимъ сообщникамъ, республиканцамъ». Оставляя въ сторонѣ смягченную форму этой фразы и оттѣнокъ сомнѣнія, обусловленные дружбою Гаря къ Дантону, мы полагаемъ, что тутъ сказано правда.

Это-то именно и объясняетъ, почему вносилъдѣйстви графъ да Маркъ, въ письмѣ къ Мерси-Аржанто, относить Дантона къ числу *республиканцевъ*, вступленіе которыхъ въ законодательное собраніе тогда ожидалось.

Кромѣ того—благо намъ подвернулось подъ перо имя Мерси-Аржанто—напомнимъ объ одномъ фактѣ, вдвойнѣ любопытномъ,—въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ: во-первыхъ, что этотъ самый Мерси-Аржанто, корреспондентъ графа да Марка, вѣрилъ въ 1793 году нѣ возможность договориться съ Дантономъ, а во вторыхъ, что Дантонъ, каковы бы ни были его слабости въ извѣстныхъ случаяхъ, былъ способенъ, при другихъ обстоятельствахъ, къ самому полному безкорыстію. Въ запискахъ князя Гарденберга говорится: «При извѣстии о переводѣ королевы въ Консьержери, австрійскій посланникъ графъ Мерси, бывшій въ то время въ Брюсселѣ, отправилъ эмиссара къ Дантону съ предложеніемъ пощадить высокую жертву, такъ какъ воображалъ, что этотъ главарь партіи все еще пользуется большимъ вліяніемъ. Онъ заблуждался... Увѣряютъ, впрочемъ, что Дантонъ обѣщалъ свою поддержку и даже отклонилъ предложенную ему за такую услугу значительную сумму, заявивъ, что смерть королевы никогда не входила въ его расчеты, и что онъ согласенъ охранять ее безъ всякихъ соображеній личнаго интереса» (*Mémoires tirés des papiers d'un homme d'État*).

Болѣе обстоятельное изслѣдованіе завело бы насъ слишкомъ далеко: мы

должны остановиться. Г. Денуа — мы отъ всего сердца благодаримъ его за это — ставить насъ внѣ класса тѣхъ людей, которыхъ преисполняетъ радостью всякое новое обнаруженіе поворныхъ свойствъ въ человѣческой природѣ. Похвалу эту мы принимаемъ безъ оговорокъ, въ увѣренности, что заслужили ее, и были бы рады, еслибы могли раздѣлить съ прекраснымъ критикомъ, которому только что отвѣтили, то, что онъ скромно называетъ своими *сомнѣніями*. Но если есть на свѣтѣ деспотизмъ, противъ котораго намъ воспрещено возставать, то это деспотизмъ истинны, какою она представляется нашей совѣсти.

Впрочемъ, кто не ощутить волненія, когда г. Дюуа съ такой краснорѣчивой грустью описываетъ, какъ Дантонъ окружаетъ свою мать самою нѣжной заботливостью, какъ онъ заботится о благополучіи своей кормилицы, какъ онъ до того любитъ свою первую жену, что велитъ вырыть изъ могилы ея трупъ, чтобы въ послѣдній разъ поцѣловать ее, а потомъ женится — такъ необходима ему семейная жизнь! — на молодой дѣвушкѣ *безъ состоянія*, образъ которой смутилъ его на минуту на эшафотѣ... Дѣло въ томъ, что натура Дантона слагалась изъ контрастовъ, и что въ жизни его было много тѣни и много свѣта. Его смерть... о, отчего воспоминаніе о его смерти невозможно отдѣлить отъ смерти его друзей, особенно отъ смерти бѣднаго очаровательнаго Камилла? Какъ не сказать о дантонистахъ того же, что было сказано нами о жирондистахъ: «Убившая ихъ революція будетъ вѣчно носить по нимъ трауръ!»

ГЛАВА XI.

Праздникъ въ честь Верховнаго Существа.

Туржество Комитета общественнаго спасенія. — Смерть Кондорсе. — Процессъ Шометта. — Робеспьеръ старается спасти принцессу Елизавету. — Мѣры безопасности. — Докладъ Сень-Жюста объ общей политикѣ; докладъ Бильо-Варена о политикѣ Комитета. — Смерть Дювала д'Эпремениля, де Шапелье, Туре, Мальзерба, Лавуазье, принцессы Елизаветы. — Виды Робеспьера; его рѣчь 18 флореала; декретъ, которымъ Конвентъ признаетъ бытіе Верховнаго Существа и бессмертіе души. — Покушеніе на Колло-д'Эрбуа и Робеспьера. — Рѣчь Робеспьера 7 преріаля. — Праздникъ въ честь Верховнаго Существа.

Благодаря пораженію обѣихъ противныхъ партій, являвшихся для него помѣхой, Комитетъ общественнаго спасенія приобрѣлъ, казалось, неотразимую силу: на мгновеніе все преклонилось передъ нимъ. Дюжурни, котораго Вадье обвинялъ въ томъ, что онъ сомнѣвался въ существованіи приписаннаго дантонистамъ заговора, былъ, послѣ рѣзкой рѣчи Робеспьера, изгнанъ изъ клуба якобинцевъ¹⁾. Лежандръ, перетрусивъ, заявилъ, что былъ игрушкою въ рукахъ Дантона, съ которымъ наканунѣ состоялъ

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 200.

Между тѣмъ, стукъ ударовъ топора становился со дня на день болѣе ужаснымъ. Не успѣлъ Кондорсе освободиться отъ лихорадочной работы надъ своимъ сочиненіемъ, какъ передъ нимъ вновь предсталъ образъ палача, какъ бы явившагося за его благодѣтельницаю. Ему уже пришлось довѣрить жившему въ томъ же домѣ депутату-монтаньяру Марко тайну, хранить которую можно было лишь съ опасностью жизни; и хотя Марко оказался достойнымъ такого большого довѣрія, однако не было никакого сомнѣнія, что какая нибудь случайность можетъ погубить Кондорсе. Онъ рѣшилъ бѣжать.

17 жерминаля (6-го апрѣля), въ 10 часовъ утра, онъ вышелъ изъ своей кельи и въ обычномъ переряженномъ видѣ, т. е. въ жилетѣ и съ грубымъ шерстянымъ колпакомъ на головѣ, сошелъ внизъ какъ бы съ цѣлью поболтать съ однимъ жильцомъ, занимавшимъ маленькую комнату въ нижнемъ этажѣ. Но налицо была г-жа Верне: какъ обмануть ея бдительный надзоръ? Онъ притворился, будто позабылъ свою табакерку и очень раздосадованъ этимъ, и, пока г-жа Верне бѣжала искать ее, выскокилъ на улицу. Привратница криками извѣстила г-жу Верне объ этомъ побѣгѣ, совершенномъ изъ великодушія, но уже было поздно. Благородная женщина упала въ обморокъ ¹⁾.

Въ Фонтенэ-о-Розъ былъ домъ, въ которомъ, осторожно выжидая окончанія бурныхъ дней, уединенно жилъ другъ Кондорсе, академикъ Сюаръ; въ этотъ-то домъ и постучались 18 жерминаля, въ 3 часа пополудни, два челоуѣка. Одинъ изъ нихъ, Кондорсе, едва передвигалъ ноги; другимъ былъ двоюродный братъ г-жи Верне, который, встрѣтивъ нашего бѣглеца, безстрашно присоединился къ нему ²⁾. На порогѣ жилища Сюара они разстались и Кондорсе вошелъ въ домъ.

Что произошло въ эту минуту? Было ли здѣсь отказано въ ожидавшемся гостепрѣимствѣ? Разказы объ этомъ расходятся между собою. По словамъ Вольѣ, г. и г-жа Сюаръ, желая предотвратить шпионство со стороны лакея, которому они не довѣряли, попросили Консорде зайти послѣ, назначивъ часъ ³⁾. Было условлено, что небольшая садовая калитка, выходящая въ поле и отворявшаяся наружу, останется незапертою, и что къ ней

¹⁾ *Oeuvres de Condorcet*, p. 152.

²⁾ *Ibid.*, p. 142.

³⁾ *Beaulieu, Essais historiques sur la Révolution de France*, t. V, p. 481.

Тяжело становится на сердцѣ, когда сопоставить этотъ цѣмѣнцѣй сердце разсказъ со слѣдующимъ письмомъ, написаннымъ въ 1770 г. Вольтеромъ знаменитому философу, агонія котораго только что описана нами!.. «Одинъ крупный царедворецъ (читай: Аржансонъ) прислалъ мнѣ своеобразное опроверженіе «Системы Природы», въ которомъ говоритъ, что новая философія поведетъ къ ужасному перевороту... Всѣ эти вопли умолкнутъ, а философія останется... Не сѣтуйте, воспрепятствовать мышленію невозможно; а чѣмъ больше люди будутъ мыслить, тѣмъ меньше будутъ несчастны. Вы увидите прекрасные дни; вы создадите ихъ: эта мысль радуетъ меня на склонѣ моей жизни!»¹⁾.

Какъ мы видимъ, по отношенію къ Кондорсе предсказаніе фернейскаго патріарха не сбылось. Да и какое множество другихъ жертвъ погублено было въ ту пору революціей, бравшей ихъ изъ своей собственной среды! Проповѣдникъ разума Шометтъ; Гобель, съ такою поспѣшностью сложившій съ себя епископскія обязанности; защитникъ Нанта Бесеръ; другъ Фабра д'Эглантина Симонъ; прелестная Люсиль—вотъ имена, которыя, перемѣшавшись въ скорбныхъ спискахъ той эпохи съ именами Диллона, жены Гебера и обоихъ Граммоновъ, стоятъ въ этихъ спискахъ непосредственно послѣ именъ Дантона, Камилла, Фабра, Базира и Филиппо.

Въ Люксембургской тюрьмѣ Шометта заключили сперва одного въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ за нимъ, впрочемъ, можно было слѣдить черезъ потайное окно. Одинъ изъ заключенныхъ, Вольё, увѣряетъ—какъ, впрочемъ, и само собой понятно—что бѣдный прокуроръ Коммуны имѣлъ опеломленный видъ⁴⁾. Арестанты,

тенбло Наполеонъ, былъ того же происхожденія и относился къ тому же времени» (*Замѣтка Ф. Араго*).

Врачъ, о которомъ упоминаетъ Араго, былъ зятемъ Кондорсе, Кабанисомъ.

Мерсе полагаетъ, что Кондорсе умеръ въ своей камерѣ отъ голода. «Вотъ—говоритъ онъ—причина, почему это событіе, которое естественно должно было вызвать шумъ, оставалось до настоящей минуты въ тайнѣ и породило впоследствии мысль о ядѣ» (См. *Nouveau Paris*, t. V, chap. CLXXXVIII). У Вольё сказано такъ: «Говорятъ, что Кондорсе умеръ отъ голода; болѣе вѣрнымъ представляется то, что онъ отравился» (См. *Essais historiques sur la Révolution de France*, t. V, p. 481).

¹⁾ *Correspondance entre Voltaire et Condorcet*.

²⁾ Beaulieu, *Essais historiques sur la Révolution de France*, t. V, p. 338.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 339.

одинъ за другимъ, ходили смотрѣть его и, встрѣчаясь, спрашивали другъ друга: «Видали волка?»¹⁾). Странная кличка для человѣка, имѣвшаго ласковое выраженіе лица и мирную повадку! Когда ему въ первый разъ позволено было ходить всюду по тюрьмѣ, онъ зашелъ въ тюремную кофейню, и тамъ не поскупились на насмѣшки надъ нимъ. Одинъ изъ заключенныхъ сказалъ ему шутливо-торжественнымъ тономъ: «Высокій національный агентъ! Согласно твоей безсмертной обвинительной рѣчи, я состою въ подозрительныхъ, ты состоишь въ подозрительныхъ, онъ состоитъ въ подозрительныхъ... мы всѣ состоимъ въ подозрительныхъ». Самъ Шометтъ не могъ удержаться отъ улыбки¹⁾). Но какой горькій урокъ заключался въ такой эпиграммѣ!

18 жерминаля (7 апрѣля) Лежандръ, говоря въ Конвентѣ о Дантонѣ и другихъ осужденныхъ, сказалъ: «Полученное мною анонимное письмо не оставляетъ во мнѣ никакого сомнѣнія въ томъ, что у виновныхъ, погибшихъ на эшафотѣ, были въ Люксембургской тюрьмѣ сообщники, собиравшіеся вызвать бунтъ. Я препроводилъ въ Комитетъ общественнаго спасенія это письмо, въ которомъ люди, называвшіе себя патріотами, льстили моему самолюбію и честолюбію, приглашая меня вооружиться двумя пистолетами и въ самомъ Конвентѣ убить Робеспьера и Сень-Жюста»²⁾). Письмо въ такомъ же родѣ прислано было и Бурдону (отъ д-та Уазы)³⁾). Фамиліи подстрекателей названы не были.

Комитетъ общественнаго спасенія, страшно жаждавшій обнаруженія виновныхъ, можетъ быть, и вѣрилъ, что эти признаки находятся въ связи съ проектомъ заговора, о которомъ было донесено Лафлотомъ, но доказательствъ этого нѣтъ никакихъ; что какъ не доказано, что онъ является убійственною выдумкой Комитета общественной безопасности, такъ не доказано и то, что заговоръ этотъ былъ дѣломъ хоть сколько-нибудь серьезнымъ. Даже по показанію Лафлота, если предположить, что оно было правдиво, все сводилось къ исполнѣ естественному желанію Люсили Демулентъ во чтò бы ни стало спасти своего мужа и къ легкомысленной болтовнѣ Диллона,

¹⁾ *Réponse des membres des anciens Comités aux imputations de Laurent Lecointre*, p. 110; *Bibl. hist. de la Rév.*, 1097—8—9 (*British Museum*).

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ См. процессъ, *Hist. parlem.* t. XXXII, p. 260.

которымъ нельзя было придавать дѣйствительной важности, въ виду того, что онъ находился обыкновенно въ петрезовомъ состояніи¹⁾.

Справедливо будетъ, однако, прибавить, что означенный заговоръ не былъ настолько химериченъ, какъ утверждали, если вѣрить Вольё, который находился тогда въ тюрьмѣ и говорить: «Нѣсколько революціонеровъ, сторонниковъ Дантона, несомнѣнно были способны сдѣлать какую-нибудь отважную попытку, но прочіе заключенные никогда не присоединились бы къ нимъ. Они презирали, ненавидѣли ихъ и скорѣе сдѣлали бы на нихъ доносъ». Около апрѣля 1794 г. «эти заключенные, въ томъ числѣ нѣсколько членовъ клуба кордельеровъ, дѣйствительно имѣли сношеніи со своими друзьями въ этомъ клубѣ, которые должны были, по данному сигналу, ворваться въ тюрьму съ находившеюся въ ихъ распоряженіи частью населенія²⁾.

Во всякомъ случаѣ, это послужило исходною точкой начатаго противъ Диллона, Симона и Люсила Демуленъ процесса. Но и на этотъ разъ въ одинъ и тотъ же обвинительный актъ оказались включенными люди различныхъ категорій, обвинявшіеся въ весьма различныхъ преступленіяхъ; такъ, на примѣръ, вдова Камилла предстала передъ Революціоннымъ судомъ рядомъ со вдовой Гебера!

Процессъ, начавшійся 21 жерминаля (10 апрѣля), окончился 24.

Диллонъ сознался, что написалъ Люсила: «Добродѣтельная женщина, не теряй мужества; твое и мое дѣло на хорошемъ пути. Вскорѣ виновные будутъ наказаны и невинные восторжествуютъ»³⁾. Онъ показалъ также, что говорилъ, что въ случаѣ повторенія сентябрьскихъ событій каждый мужественный человѣкъ будетъ обязанъ защищать свою жизнь⁴⁾. На обвиненіе въ томъ, что при вѣсти о событіяхъ 10 августа онъ потребовалъ отъ своихъ войскъ клятвы въ вѣрности королю, онъ отвѣтилъ, что былъ введенъ въ заблужденіе ложными донесеніями¹⁾.

Шометтъ держалъ себя на судѣ не безъ благородства. «Мой интересъ къ Клоотцу—сказалъ онъ—увеличился, когда онъ со-

¹⁾ Beaulieu, *Essais historiques sur la Révolution de France*, t. V, p. 287.

²⁾ *Ibid.*, p. 288 et 289.

³⁾ Процессъ Шометта, Диллона и др. *Hist. parlem.*, t. XXXII, p. 255.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 257. —Г. Мишле ошибочно влагаетъ эти слова въ уста Люсила Демуленъ.

общилъ мнѣ, что склонилъ Гобеля не признавать никакого другого исповѣданія, кромѣ поклоненія разуму»¹⁾). Въ виду взведенныхъ на него обвиненій въ томъ, будто онъ тиранически исполнялъ обязанности своей муниципальной должности, дѣлалъ препятствія доставкѣ въ столицу стѣсныхъ припасовъ и подерживалъ мысль о грабежахъ, онъ заявилъ, что отказывается опровергать эти обвиненія, признавая ихъ слишкомъ низкими и не заслуживающими его вниманія. «Обязанности мои я отправлялъ публично, отвѣчалъ онъ съ презрительнымъ спокойствіемъ; судить меня должна здравая часть народа»²⁾). Дюма, предсѣдательствовавшій въ Революціонномъ судѣ вмѣсто Германа, позволялъ себѣ упрекнуть Шометта въ томъ, будто онъ только для того распорядился закрытіемъ церквей и преслѣдовалъ женщинъ легкаго поведенія, чтобы возстановить противъ республики развратниковъ и набожныхъ людей; но это было лишь повтореніемъ клеветническаго истолкованія означенныхъ мѣръ Камилломъ Демуленомъ.

Тотъ же Камилль Демуленъ, слѣдомъ за Робеспьеромъ, напалъ на Гобеля, называя сложеніе съ себя епископскаго сана гнуснымъ лицемѣріемъ и опредѣляя его обращеніе въ революціонера словами:

Citoyens, j'ai menti soixante ans pour mon ventre³⁾.

Это недобросовѣстное обвиненіе было повторено на судѣ однимъ изъ присяжныхъ, Ренодэномъ⁴⁾). Этимъ правосудіе отвлекалось на путь предположеній. Позднѣйшія разоблаченія относительно Гобеля позволяютъ сказать только то, что передъ лицомъ смерти онъ снова сдѣлался священникомъ и послалъ изъ Консьержери одному изъ викаріевъ, Лотренжеру, письменную исповѣдь, приложивъ къ ней записку, въ которой почтительно просилъ отпущенія грѣховъ⁵⁾). Какъ бы то ни было, Фукье-Тенвиль лгалъ, когда обвинялъ его въ желаніи, совмѣстно съ Шометтомъ и Клоотцемъ, искоренить самое понятіе о божествѣ. При томъ, явля-

¹⁾ *Hist. parlem.*, t. XXXII, p. 284.

²⁾ *Ibid.*, p. 299.

³⁾ «Граждане, я шестьдесятъ лѣтъ лгалъ ради моего брюха». См. *Vieux Cordelier*, № II.—Collection des Mémoires, etc.

⁴⁾ См. процессъ, *Hist. parlem.*, t. XXXII, p. 285.

⁵⁾ *Annales ecclésiastiques*, t. III, p. 466 (Письмо Лотренжера отъ 11 марта 1797 г.).

лось ли это основаніемъ для того, чтобы требовать его головы? И могла ли революція превращать атеизмъ въ уголовное преступленіе, не отступая назадъ къ потемкамъ средневѣковья, не влачась по кровавымъ слѣдамъ инквизиціи? Лучше вспомнилъ бы Фукье-Тенвилъ слова Робеспьера изъ его рѣчи противъ гебертистовъ: «Всякій философъ, всякій отдѣльный человѣкъ можетъ держаться какого ему угодно мнѣнія объ атеизмѣ. Всякій, кто вздумалъ бы вмѣнить ему это въ преступленіе, былъ бы бессмысленнымъ человѣкомъ»¹⁾. Впрочемъ, выставленное противъ Гобеля обвиненіе касалось не только предполагаемыхъ отношеній къ партіи Гебера: ему пришлось дать отчетъ еще и о нѣкоторыхъ хищеніяхъ, произведенныхъ имъ и его племянникомъ въ замкѣ Порантрюи. И всякій, конечно, въ правѣ признать недостаточнымъ объясненіе, которое онъ далъ въ слѣдующихъ словахъ: «Ради предоставленія жителямъ Поантрюи свободы, мы съ племянникомъ пожертвовали нашимъ состояніемъ; оставшееся въ замкѣ имущество вполне законно принадлежало намъ, въ качествѣ вознагражденія»²⁾.

Люсиль Демуленъ допросили лишь вскользь. И, въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ было обвинять ее, какъ не въ томъ, что она любила своего, находившагося подъ топоромъ, мужа со всѣмъ безстрашіемъ и самоотверженіемъ благороднаго сердца? Она не поднимала глазъ, не проявляла ни страха, ни надежды и скромно ждала приговора. Въ самый день постановленія приговора вдова Гебера, очутившись рядомъ съ нею въ Консьержери, сказала ей: «Ты счастлива; вчера не было ни одного показанія противъ тебя... Ты навѣрное выйдешь изъ суда по парадной лѣстницѣ, а я отправлюсь на эшафотъ»³⁾. Какъ жены и любимыя мужьями женщины, обѣ онѣ ни въ чемъ не были повинны передъ судомъ человѣческой совѣсти и однако обѣ погибли. Да, неизгладимымъ пятномъ останется на французской революціи это варварское, ненужное и гнусное убиваніе женщинъ!

Изъ двадцати шести подсудимыхъ, составлявшихъ эту брошенную въ печь *оханку*, девятнадцать человѣкъ были приговорены къ смертной казни, а семеро оправданы⁴⁾. Точно такъ же,

¹⁾ См. рѣчь Робеспьера въ засѣданіи клуба якобинцевъ 21 ноября 1793 г.

²⁾ См. процессъ Шометта, Диллона и др. *Hist. parlem.*, t. XXXII, p. 288.

³⁾ Показаніе Тьерье Гранпре въ дѣлѣ Фукье-Тенвиля.

⁴⁾ *Hist. parlem.*, t. XXXII, p. 302.

какъ бывшій священникъ Гобель, предварительно исповѣдовавшись письменно, умеръ бывшій царедворецъ Артуръ Диллонъ, крикнувъ: *Да здравствуетъ король!* Что касается Люсилы Демулленъ, то она, передъ отправленіемъ на эшафотъ, написала слѣдующую нѣжную записку къ своей матери: «Прощай, милая мама. Изъ глазъ моихъ падаетъ слеза: это я о тебѣ плачу. Я усну въ спокойствіи невинности»¹⁾.

Кто бы повѣрилъ? Послѣ этихъ ужасныхъ казней, словно мало еще пролито было крови, Тальенъ предложилъ вновь оживить дѣйствіе мѣръ противъ «подозрительныхъ». Но Робеспьеръ прервалъ его, заявивъ, что опасаться надо не подозрительныхъ, что есть люди болѣе опасные... Тальенъ замолчалъ²⁾.

Заступался ли Робеспьеръ въ Комитетѣ общественнаго спасенія за вдову Камилла Демулена, неизвѣстно, такъ какъ члены этого Комитета, совершившіе переворотъ 9 термидора, были заинтересованы въ сокрытіи всего такого, что могло покрыть память ихъ жертвъ почетомъ. Но вотъ фактъ, который заключаетъ и комментарий къ самому себѣ.

Робеспьеръ былъ школьнымъ товарищемъ Камилла, былъ привязанъ къ женѣ своего друга и не разъ держалъ ихъ ребенка у себя на колѣняхъ³⁾; слѣдовательно, можно думать, что онъ старался спасти ее, если правда, что онъ прилагалъ старанія, чтобы спасти принцессу Елизавету, отъ которой онъ былъ далекъ и защищать которую было тогда опасно. Прочтите же слѣдующій отрывокъ изъ сочиненія роялиста Больѣ:

«Принцесса Елизавета была включена, безъ всякаго различія, въ группу пятидесяти несчастныхъ, отправленныхъ Революціоннымъ судомъ на эшафотъ... Робеспьеръ часто заходилъ по вечерамъ въ лавку книгопродавца Маре, находившуюся у входа въ Пале-Рояль. Туда люди приходили потолковать на ухо о событіяхъ дня. Когда распространители вѣстей удалялись, Робеспьеръ

¹⁾ *Essai sur la vie de Camille Desmoulins*, par M. Matton.—Маттонъ приписываетъ Люсиле произнесеніе, по выслушаніи приговора, горячихъ и буйныхъ словъ, съ которыми мы не сочли себя обязанными считаться не только потому, что ихъ нѣтъ и слѣда въ официальномъ отчетѣ, но еще и потому, что они не согласуются съ тѣмъ, что говоритъ свидѣтель-очевидецъ Тьерье Гранпре.

²⁾ Beaulieu, *Essais historiques sur la Révolution de France*, t. VI, p. 4.

³⁾ Объ этомъ напоминаетъ въ письмѣ г-жи Дюплесси, изданномъ г-номъ Маттономъ.

оставлялъ своихъ сателитовъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, подходилъ къ Маре и, перелистывая какую-нибудь книгу, распрашивалъ его о ходящихъ въ публикѣ толкахъ. Въ день казни принцессы Елизаветы онъ зашелъ въ книжную лавку въ сопровожденіи Барера и спросилъ, о чемъ ведутся разговоры. «Ропшутъ на васъ, вопятъ противъ васъ—откровенно сказалъ ему книгопродавецъ.—Спрашиваютъ, что сдѣлала вамъ принцесса Елизавета, въ чемъ ея преступленія, за что вы отправили на эшафотъ эту неповинную и добродѣтельную особу».—«Вотъ вамъ—сказалъ Робеспьеръ, обращаясь къ Бареру—вы слышите: все я, все я... Ручаюсь вамъ, дорогой Маре, что я не только неповиненъ въ смерти принцессы Елизаветы, но даже хотѣлъ ее спасти; это злодѣй Колло-д'Эрбуа вырвалъ ее у меня»¹⁾.

Когда съ казною Шометта Комитетъ общественнаго спасенія освободился отъ послѣдней помѣхи, какой могъ опасаться въ лагерѣ самой революціи, все вниманіе его сосредоточилось на контръ-революціонерахъ. Въ видахъ болѣе сплоченной борьбы съ ними, приняты были различныя мѣры, первая изъ которыхъ заключалась въ упраздненіи министровъ. Взятѣнъ ихъ учреждены были, по докладу Карно, двѣнадцать комиссій, между которыми и былъ распредѣленъ весь административный штатъ²⁾. Мѣра эта не то, чтобы представлялась способною ускорить движеніе дѣлъ или усилить власть, но она имѣла то преимущество, что зажимала ротъ парламентской оппозиціи, находившей такъ много поводовъ къ нападкамъ въ такъ называвшемся у нея монархическомъ установленіи министерствъ.

Комитетъ озаботился также организаціею общей полиціи и, прежде всего, очисткою Парижа отъ всѣхъ съѣхавшихся туда злоумышленниковъ, такъ какъ въ глазахъ Комитета общественнаго спасенія Парижъ, по выраженію Кутона, былъ «крѣпостью республики»³⁾. По этому поводу въ Комитетѣ происходили пренія, длившіяся нѣсколько дней⁴⁾; но подъ конецъ было рѣшено пред-

¹⁾ Передавая этотъ фактъ, Больё говоритъ, что онъ нѣсколько разъ слышалъ, какъ его рассказывалъ самъ книгопродавецъ Маре. См. *Essais historiques sur la Révolution de France*, t. VI (Примѣчаніе на стр. 10).—Принцесса Елизавета была приговорена къ смертной казни 21 флореала (10 мая). См. *Moniteur*, an II (1794), № 233.

²⁾ См. *Moniteur*, an II (1794), № 194.

³⁾ *Ibid.*, № 208.

⁴⁾ См. рѣчь Кутона въ засѣданіи 22 жерминаля. *Moniteur*, an II (1794), № 203.

ложить Конвенту декретъ, въ который, въ числѣ другихъ кру-
тыхъ мѣръ, вошли слѣдующія постановленія:

«Обвиняемые въ заговорахъ будутъ препровождаться со всѣхъ
пунктовъ республики въ Революціонный судъ въ Парижѣ.

«15 флореаля учреждены будутъ народныя комиссіи.

«Никто изъ бывшихъ дворянъ и ни одинъ иностранецъ,
принадлежащій къ государствамъ, съ которыми республика на-
ходится въ войнѣ, не можетъ проживать во время войны ни въ
Парижѣ, ни въ укрѣпленныхъ пунктахъ, ни въ приморскихъ
городахъ. Всякій дворянинъ или иностранецъ, обнаруженный
въ продолженіе мѣсяца въ означенномъ случаѣ въ вышеуказан-
ныхъ мѣстахъ, будетъ лишенъ покровительства законовъ.

«Если человекъ, который будетъ отнынѣ уличенъ въ жало-
бахъ на революцію, живетъ ничего не дѣлая, не находится въ
шестидесятилѣтнемъ возрастѣ и не немощенъ, то подлежитъ
ссылкѣ въ Гвіану. Дѣла о такого рода лицахъ будутъ разбираться
народными комиссіями.

«Пребываніе въ Парижѣ, укрѣпленныхъ пунктахъ и примор-
скихъ городахъ воспрещается генераламъ, не состоящимъ на
дѣйствительной службѣ»¹⁾).

Эти мѣры, вызванныя духомъ подозрительности, являвшимся,
въ свою очередь, послѣдствіемъ крайнихъ опасностей, сопровож-
дались другими мѣрами совершенно иного характера, имѣв-
шими цѣлью пресѣчь злоупотребленія властью, прекратить про-
изволь или наглость агентовъ власти, поощрить торговлю, охра-
нить промышленность, оживить сношенія и воспрепятствовать
всякому посягательству на общественную добросовѣстность²⁾).

Сень-Жюсть, которому поручено было составленіе доклада,
излил въ немъ свою душу съ суровою прямою. Не щадя
никого, онъ возсталъ въ докладѣ противъ всякаго, кто являлся
въ обществѣ представителемъ порока; тѣхъ людей, которыхъ
опъ назвалъ «расплителями торговли», онъ осыпалъ такими же
презрительными словами, какъ и приспѣшниковъ монархін, и
одинаково заклеилъ какъ дурныхъ слугъ республики, такъ
и ея ярыхъ враговъ. Слѣдующее мѣсто его рѣчи, въ которомъ
онъ набросалъ портретъ *революціоннаго дѣятеля*, было покрыто
единодушными рукоплесканіями:

¹⁾ См. *Moniteur*, an II (1794), № 207.

²⁾ *Ibidem*.

«Революціонный дѣятель непреклоненъ, но онъ здравомыслящъ, умѣренъ и простъ въ образѣ жизни; онъ не щеголяетъ ложною скромностью; онъ врагъ лжи, всякой снисходительности, всякаго притворства. Такъ какъ цѣлью является для него торжество революціи..., то онъ никогда не наноситъ ей оскорбленій, но освѣщаетъ ее и, ревнуя о ея чистотѣ, изъ уваженія къ ней, слѣдитъ за собою, когда говоритъ. Онъ имѣетъ притязаніе на равенство не столько съ властью, которою является законъ, сколько съ людьми, особенно съ людьми несчастными... Онъ думаетъ, что грубость есть признакъ обмана, и что она, подъ личиною горячей вспышки, таитъ въ себѣ лживость... Онъ не-говорчивъ съ злонамѣренными людьми, но онъ чувствителенъ. Онъ преслѣдуетъ виновныхъ и защищаетъ въ судахъ невинныхъ... Честность есть не проявленіе ума, а качество сердечное. Маратъ былъ въ домашней жизни мягокъ, а въ ужасъ приводилъ только измѣнниковъ. Жанъ-Жакъ Руссо былъ революціонеръ, а несомнѣнно не былъ наглъ. Изъ этого я заключаю, что революціонный дѣятель есть герой здраваго смысла и честности»¹⁾.

Такъ бросалъ Сенъ-Жюстъ порицаніе той части революціонной партіи, которая безстыдствомъ своихъ рѣчей и нравовъ подрывала преклоненіе передъ новыми идеями.

Что касается революціоннаго правленія, то ораторъ заявилъ во всеуслышаніе, что оно означаетъ не войну и блескъ завоеваній, а переходъ отъ зла къ добру, отъ испорченности нравовъ къ честности²⁾. Нельзя отрицать, что это мѣсто его рѣчи было потрясающимъ. «Но—воскликнулъ Сенъ-Жюстъ—чтоъ стало бы съ республикой, которая относилась бы къ яростнымъ врагамъ снисходительно? Мы выступили съ мечомъ противъ меча, и республика основана; она возникла среди бурь: такое происхожденіе ея одинаково съ происхожденіемъ міра, возникшаго изъ хаоса, и съ происхожденіемъ человѣка, плачущаго при рожденіи»³⁾.

Заключенія доклада, принятія сперва лишь съ одною поправкой относительно срока, предоставлявшася дворянамъ и иностранцамъ для выѣзда изъ Парижа, были подвергнуты новому разсмотрѣнію со стороны Комитета. Въ первоначальной редакціи сдѣлано было исключеніе въ пользу иностранныхъ рабочихъ,

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 207.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Ibid.*

употреблявшихся для изготовленія оружія, и иностранокъ, бывшихъ замужемъ за французскими патриотами. Болѣе обстоятельное обсужденіе вопроса побудило правительство признать, что рамки изыятій слѣдуетъ раздвинуть, включивъ въ нихъ тѣхъ изъ иностранныхъ рабочихъ, которые жили трудомъ рукъ своихъ до изданія настоящаго закона, дворянокъ, находящихся въ супружествѣ съ не-дворянами, дѣтей моложе пятнадцати лѣтъ и стариковъ въ возрастѣ свыше 70 лѣтъ. Съ другой стороны, мѣсячный срокъ для выѣзда признанъ былъ слишкомъ долгимъ и былъ сокращенъ до десяти дней. Въ такомъ исправленномъ видѣ декретъ и былъ принятъ¹⁾.

По предложенію Кутона, взятому имъ самимъ обратно на слѣдующій день²⁾, было рѣшено распространить законъ объ изгнаніи дворянъ изъ Парижа также и на тѣхъ лицъ, которыя приобрѣли дворянское званіе по должностямъ. Тальенъ предложилъ было оставить эту оговорку въ силѣ, заявивъ, что «всякій, кто желалъ выйти изъ народа», недостойнъ такой льготы. Но Робеспьеръ, говоря отъ имени Комитета, замѣтилъ, что изъ числа должностей, съ которыми при старомъ порядкѣ сопрягалось дворянское званіе, многія отвѣчали полезнымъ функціямъ, и что при распространеніи строгостей на слишкомъ большое число лицъ законъ могъ бы оказаться невыполнимымъ. «Можно—добавилъ онъ съ горечью—позволять себѣ кажущуюся строгость противъ враговъ народа; но кто истинно любитъ его, тотъ долженъ служить ему безъ лести». Конвентъ раздѣлил это мнѣніе³⁾.

Нѣсколько дней спустя⁴⁾ Бильо-Варенъ изложилъ политику, которой предполагалъ держаться Комитетъ общественнаго спасенія и которая, по его словамъ, должна быть основана на справедливости. Оставалось разъяснить смыслъ этого великаго слова. «Справедливость, сказалъ Бильо-Варенъ, заключается въ казни Манлія, тщетно ссылавшагося на тридцать побѣдъ, вычеркнутыхъ его измѣною»⁵⁾. Вся его рѣчь была въ такомъ высокомѣрномъ и непреклонномъ тонѣ. «Горе—прибавилъ онъ—горе тѣмъ, для которыхъ царство справедливости становится сигнала-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 208.

²⁾ *Ibid.*, № 210.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ Засѣданіе Конвента 1 флореаля (20 апрѣля).

⁵⁾ *Moniteur*, № 212.

ломъ къ страху!»¹⁾ Съ философской точки зрѣнія, конечно, слѣдовало бы предпочесть такую политику, которая относилась бы болѣе терпимо къ человѣческимъ немощамъ и уравновѣшивала бы провинности съ услугами; но торжества ея нельзя ожидать въ бурныя времена. Поэтому злобный тонъ Бильо-Варена никого не удивилъ. Къ тому же онъ высказалъ, съ краснорѣчіемъ, почерпнутымъ изъ сильнаго убѣжденія, нѣкоторыя истины, имѣвшія важное значеніе не только для нуждъ тогдашняго положенія; такъ, напримѣръ, напомнивъ о томъ, какъ пагубны для свободы бывали побѣдоносные военачальники, онъ сказалъ: «Военное управленіе наихудшее послѣ теократіи; оно болѣе гибельно уже только потому, что пускаетъ корни въ самую глубь совѣсти, при чемъ жертвы его дѣлаются его преданнѣйшими приверженцами... Когда имѣются двѣнадцать армій подъ ружьемъ, нужно опасаться не только случаевъ отступничества и не только ихъ предотвращать; опасаться нужно также и предприимчиваго полководца, вдругъ выдвинувшагося изъ ряда: исторія учитъ насъ, что именно отъ такихъ случаевъ погибали республики»²⁾.

Такъ какъ Франція взялась за оружіе лишь для защиты этихъ принциповъ, то умѣстно было провозгласить о томъ, чтобы услышано было повсюду, что Бильо-Варенъ и сдѣлалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Опытъ вѣковъ достаточно показалъ что воинственный народъ готовитъ для самого себя то иго, которое налагаетъ на другіе народы. Жажда завоеваній открываетъ душу для честолюбія, алчности, несправедливости и свирѣпости, а эти страсти рано или поздно превращаютъ небольшое число людей въ господствующихъ, а всѣхъ прочихъ въ рабовъ»³⁾. Въ видѣ вывода, онъ сказалъ, что внутри нужно сильною рукой подавлять враговъ республики, а за предѣлами Франціи вести войну такимъ образомъ, чтобы побѣдить Европу, возбуждая для этого въ душѣ солдата всѣ благородныя страсти до крайняго предѣла и не давая какому-нибудь новому Цезарю перейти Рубиконъ. Изданный на основаніи этого доклада декретъ былъ составленъ подъ вліяніемъ мысли, которая по своей горделивости могла бы показаться ребяческою, если бы не объяснялась множествомъ одержанныхъ побѣдъ разнаго рода; де-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 212.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibidem.*

кретъ предполагалъ, будто Конвентъ властенъ располагать побѣдою по своему усмотрѣнію: «Національный Конвентъ заявляетъ, что, опираясь на добродѣтели французскаго народа, онъ доставить торжество демократической республикѣ и безпощадно покараетъ всѣхъ ея враговъ» ¹⁾.

Безпощадно! Это суровое слово предвѣщало продолженіе террора, и эта угроза вскорѣ осуществлена была на дѣлѣ: одинъ за другимъ попали на эшафотъ д'Эпремениль, Ле Шапелле, Туре, Мальзербъ, Лавуазье и принцесса Елизавета ²⁾.

Враги Учредительнаго собранія, д'Эпремениль и Ле Шапелле, оказались теперь обвиненными въ одномъ и томъ же преступленіи. На повозкѣ, которая везла ихъ обоихъ къ мѣсту казни, они обмѣнялись слѣдующими хватающими за сердце словами: «Милостивый государь, сказала д'Эпремениль своему спутнику, намъ поставили на разрѣшеніе страшную задачу». — «Какую?» — «Мы должны рѣшить, къ кому изъ насъ будутъ относиться окрики и свистки толпы». — «Къ намъ обоимъ» ³⁾. Дѣйствительно, оба они сначала служили революціи, а потомъ боролись съ нею: первый съ самаго возникновенія ея и очень отважно, другой, позднѣе и подпольнымъ путемъ. Они погибли за то, что сдѣлали привалъ на невѣдомыхъ дорогахъ, по которымъ непредусмотрительно пошли ⁴⁾.

Противъ Туре едва ли существовали бы какія-либо подозрѣнія, если бы только ему не было виѣнено въ преступленіе то, что онъ былъ составителемъ конституціи, принципы которой были отсталыми. Смерть его свидѣтельствуетъ о дѣйствительно свирѣпой непреклонности тѣхъ людей, которые его покарали.

Но особенно изумительнымъ и, виѣстѣ съ тѣмъ, внушающимъ отвращеніе было убійство Мальзерба. Кто горячѣе Мальзерба возставалъ противъ деспотизма стараго Двора? Не могли же быть забыты ни его представленія Людовику XVI, дѣлавшіяся такимъ твердымъ тономъ, что Вольтеръ признавалъ ихъ

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 212.

²⁾ Первые четверо были приговорены къ смертной казни 3 флореали (22 апрѣля); пятый казненъ 18 флореали (8 мая), а сестра Людовика XVI 21 флореали (11 мая).

³⁾ Beaulieu, *Briographie d'Épréménil*.

⁴⁾ Д'Эпремениль былъ однимъ изъ первыхъ и наиболѣе горячихъ инициаторовъ парламентскихъ сопротивленій Двору. Ле-Шапелле былъ редакторомъ акта объ упраздненіи дворянства.

слишкомъ суровыми, ни его борьба за свободу совѣсти, ни неувядаемыя услуги, которыя онъ оказывалъ свободѣ печати, состоя управляющимъ библіотекой короля-деспота. Если былъ человѣкъ, котораго революція должна бы была уважать, то именно онъ, корреспондентъ и покровитель Руссо, неизмѣнный другъ философовъ, человѣкъ, безъ котораго, по свидѣтельству Гримма, никогда не вышла бы въ свѣтъ «Энциклопедія». При томъ, онъ ни отъ какихъ мнѣній своихъ не отрекся¹⁾, а его удивительное отношеніе къ низложенному, всѣми брошенному и осужденному на смерть Людовику XVI являлась только лишнимъ правомъ его на сочувствіе благородныхъ душъ. Мотивы постигшаго его приговора возмутительно неопредѣленны; они таковы: «Онъ уличается въ томъ, что былъ зачинщикомъ или сообщникомъ существовавшихъ съ 1789 г. заговоровъ противъ свободы, безопасности и верховновластія народа»²⁾. Такое упоминаніе приводитъ въ недоумѣніе и ужасъ. Этотъ крупный благомыслящій человѣкъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ дочерью, внучкой и мужемъ послѣдней, Шатобрианомъ, старшимъ братомъ знаменитаго писателя. Всѣ они разстались съ жизнью въ одинъ и тотъ же день, на одномъ и томъ же эшафотѣ. О ясности духа, проявленной Мальзербомъ въ послѣднія минуты, рассказываютъ подробности, заслуживающія того, чтобы ихъ сохранить. Прибывъ въ Консьержери, онъ весело сказалъ одному изъ заключенныхъ: «Какъ видите, я на старости лѣтъ измѣнился и сталъ дурнымъ человѣкомъ, за что меня и посадили въ тюрьму»³⁾. Идя на казнь, онъ споткнулся о камень и воскликнулъ: «Дурная примѣта,—римлянинъ, на моемъ мѣстѣ, вернулся бы домой»⁴⁾.

Мальзербъ умеръ 3 флореаля (22 апрѣля), а 18 флореаля (8 мая) умеръ Лавуазье: на протяженіи двухъ недѣль пали жертвами двѣ знаменитости.

Лавуазье принадлежалъ къ ассоціаціи откупщиковъ налоговъ это-го и погубило его. Еще задолго до флореаля озлобленія

¹⁾ Авторъ статьи о немъ въ *Biographie universelle* сдѣлалъ, съ цѣлью доказать противное, весьма жалкія усилія, падающія передъ свидѣтельствомъ друга Мальзерба, Ж.-Б. Дюбуа. *Notice historique* котораго гораздо болѣе авторитетна по части фактовъ. Эта *Notice historique sur Lamoignon de Malesherbes* была издана въ 1806 г.

²⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 221.

³⁾ J.-B. Dubois, *Notice historique sur Lamoignon de Malesherbes*, p. 153.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 154.

противъ этихъ финансистовъ стараго режима приняло страшные размѣры. Во множествѣ памфлетовъ на нихъ указывалось, какъ на народныхъ кровопійцъ, безостановочно преслѣдовали ихъ народные представители Монто и Камбонъ, постоянно говорившіе о необходимости заставить ихъ вернуть награбленное ¹⁾, и участь ихъ ясно опредѣлилась. Рассмотрѣніе ихъ дѣйствій было возложено на особую комиссію, которую Собраніе поставило подъ наблюденіе двухъ спеціальныхъ комиссаровъ, и 16 флореаля, послѣ продолжительнаго и серьезнаго разслѣдованія, она представила свой докладъ ²⁾. Подъ ревъ поднявшейся бури, Лавуазье укрылся въ убѣжище, которое далъ ему у себя бывший привратникъ Академіи наукъ, но, услышавъ объ арестованіи двадцати восьми бывшихъ откупщиковъ, онъ не захотѣлъ подвергать своего хозяина опасности и самъ пошелъ подъ арестъ ³⁾. Докладъ, составленный депутатомъ Дюпенемъ, имѣлъ громоздочный характеръ; въ немъ приведенъ былъ перечень вымогательствъ и подлоговъ и заключенъ онъ былъ предложеніемъ предать обвиняемыхъ Революціонному суду, съ предоставленіемъ ему разобрать, кто изъ нихъ виновенъ и кто не виноватъ. Въ невиновности Лавуазье не могъ сомнѣваться, да не сомнѣвался и никто изъ знавшихъ его. Но въ ученое мірѣ ужасъ поборолъ волненіе, хотя, впрочемъ, Лицей искусствъ нашелъ въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы выразить знаменитому узнику достойное его сочувствіе: депутація, добившись пропуска въ его камеру, возложила ему на голову вѣнокъ ⁴⁾. Къ ужасу нашему приходится сказать, что его приговорили къ смертной казни, но еще ужаснѣе напомнить, что онъ не могъ получить даже отсрочки для довершенія полезныхъ научныхъ опытовъ. Одни приписываютъ Дюма, другіе Фулье-Тенвиллю слѣдующій отвѣтъ, который, къ счастью, представляется сомнительнымъ, въ виду его скотской глупости, въ связи съ разнорѣчіемъ свидѣтельствъ о немъ ⁵⁾: *Намъ ученыхъ не нужно.*

¹⁾ Рѣчь Дюпена въ засѣданіи 16 флореаля II года. *Moniteur*, an II (1794), № 230.

²⁾ *Ibidem.*

³⁾ *Dictionnaire de la conversation*.—Ch. Lavoisier.

⁴⁾ *Ibidem.*

⁵⁾ Отвѣтъ этотъ приписывается Дюма авторами ениги *Art de vérifier les dates*, t. I, p. 183. Фулье-Тенвиллю приписываетъ его авторъ статьи о Лавуазье въ *Dictionnaire de la conversation*; что же касается *Biographie uni-*

Нельзя въ достаточной мѣрѣ осудить этотъ тупой и варварскій отказъ въ отсрочкѣ исполненія приговора, которая была бы полезна республикѣ, а также и несправедливое примѣненіе смертной казни къ преступленію, совершенному при другомъ режимѣ, преступленію, которое, если предположить, что оно доказано, не представляло опасности для революціи. Но несправедливо было бы видѣть въ смерти Лавуазье доказательство того, будто революція была враждебна генію. Лавуазье, хотя и ученый, былъ, однако, казненъ не какъ ученый и въ такую пору, когда преклоненіе предъ принципомъ равенства было доведено до фанатизма. Несчастіе его заключалось въ томъ, что онъ принадлежалъ въ свое время къ финансовой корпораціи, къ которой относились съ сильнѣйшимъ предубѣжденіемъ и которую, въ концѣ концовъ, признали виновною лишь послѣ обстоятельнаго разслѣдованія. Ибо для раскрытія истины были сдѣланы явныя усилія; разслѣдованіе было возложено не только на особую комиссію, но еще и на комитеты финансовый и по провѣркѣ счетовъ; записки бывшихъ откупщиковъ, предъявленныя ими добровольно, были тщательно взвѣшены и для того, чтобы въ засѣданіяхъ могло присутствовать большое число разсматривающихъ, было рѣшено созывать засѣданія въ самомъ зданіи Конвента ¹⁾. Надо особенно остерегаться всякаго преувеличенія и выдвигать противъ озлобленныхъ партійныхъ нареканій чистую правду именно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о фактахъ, унижающихъ человѣческую совѣсть.

Что касается принцессы Елизаветы, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что она злоумышляла противъ революціи, участвовала въ планѣ побѣга въ Монмеди, находилась въ постоянной перепискѣ съ эмигрировавшими принцами ²⁾ и воспитывала сына заточеннаго Людовика XVI въ свойственномъ королевской власти духѣ. Но воспитаніе, полученное ею самою, ея принадлежность къ женскому полу, ея нѣжная любовь къ брату, ея личныя добродѣтели и чувство отвращенія, которое естественно должны были внушать ей столь пагубныя для близкихъ ей людей событія—

verselle, то она, никого не называя, выражается такъ: *Главарь этой отвратительной шайки* и пр.

¹⁾ Все это констатировано въ рѣчи, произнесенной 16 флореала II года дозладчикомъ комиссіи Дюпенюмъ. См. *Moniteur*, an II (1794), № 230.

²⁾ Роялисты хвалятъ ее за это. См. статью о ней въ *Biographie universelle*,

развѣ не говорило все это въ ея пользу? Правосудіе бываетъ дѣйствительно справедливо лишь при томъ условіи, когда принимаетъ во вниманіе смягчающія вину обстоятельства; а этого-то, къ несчастію, почти и не понимаютъ въ эпохи гражданскихъ раздоровъ тѣ люди, которые держатъ въ рукахъ топоръ.

Тѣмъ не менѣе, Робеспьеръ въ данномъ случаѣ понялъ это, и именно его стараніе спасти принцессу Елизавету дало поводъ къ возникновенію смѣшной басни о его замыслѣ жениться на этой принцессѣ¹⁾. Повидимому, онъ хотѣлъ спасти также и Туре, если судить по рѣчамъ, которыя послѣдній держалъ въ Люксембургской тюрьмѣ, гдѣ онъ постоянно восхвалялъ Робеспьера, указывая на него, какъ на человѣка, который долженъ положить конецъ террору²⁾. Но для этого надо было бы обладать такою властью, какой никто въ ту пору не обладалъ. На-лицо были Колло-д'Эрбуа и Бильо-Варенъ, во всѣ глаза слѣдившіе за своимъ великимъ соперникомъ и готовые тотчасъ же обвинить его въ умѣренности, лишь только онъ далъ бы къ тому малѣйшій поводъ. Развѣ не Бильо-Варенъ взялся произвести съ трибуны слово: *безпощадно?* и развѣ не онъ былъ въ Комитетѣ общественнаго спасенія главою противной Робеспьеру партіи?

А Робеспьеръ, стоя на той окровавленной наклонной плоскости съ которой, въ силу обстоятельствъ, люди скатывались въ перемежку, съ тревогою искалъ опоры, за которую можно было бы удержаться. Онъ жадно стремился выдѣлить наконецъ изъ этой запутанной борьбы спокойное царство свободы. Онъ желалъ вывести революцію изъ хаоса. Но какъ создать изъ развалинъ распавшагося стараго общества общество новое? Ка-

¹⁾ Повѣритъ ли читатель, что въ маленькомъ памфлетѣ, всего въ восемь страницъ, изданномъ послѣ 9 термидора подъ заглавіемъ *Nouveaux et intéressants détails de l'horrible conspiration de Robespierre et de ses complices*, сказано: «10 термидора дочь Людовика XVI, вопреки своему обыкновенію, встала съ разсвѣтомъ и одѣлась въ самое лучшее платье. 12-ю она облачилась въ трауръ?»

²⁾ Болье, содержавшійся въ той же тюрьмѣ, гдѣ содержался и Туре, рассказываетъ объ этомъ фактѣ въ двухъ различныхъ мѣстахъ: сначала въ своихъ *Essais historiques sur la Révolution de France*, а потомъ въ *Biographie universelle* (въ статьѣ о Туре). Въ *Biographie universelle*, сочиненіи, какъ всякому извѣстно, ультра-роялистскомъ, Болье старается придать рѣчамъ Туре о Робеспьерѣ оттѣнокъ трусости. Но то же самое онъ изображаетъ совершенно иначе въ своихъ *Essais historiques sur la Révolution de France*.

кую отправную точку дать дѣлу переустройства, когда ничего не осталось бы уже для разрушенія? Цѣлый міръ вѣковыхъ вѣрованій не можетъ рухнуть въ одинъ день, не оставивъ за собою пустоты: какъ же наполнить эту страшную пустоту? Если порвать всѣ, до послѣдней, нравственныя связи, образующія *общественность*, то не уничтожатъ ли другъ друга ея члены? Тщетно было бы просить ихъ поддерживать единеніе между собою посредствомъ справедливости. Какая можетъ быть надежда, что понятіе о справедливости имѣетъ характеръ понятія всеобщаго и постояннаго тамъ, гдѣ оно подвержено прихоти индивидуальныхъ сужденій и колеблется соответственно различнымъ интересамъ? Какъ невелико число вопросовъ, разрѣшенныхъ человѣческою совѣстью безповоротно, во всѣхъ тѣхъ спорахъ ума, въ которыхъ каждый изъ борющихся почти всегда говоритъ и думаетъ, что справедливость на его сторонѣ! Кромѣ того, человѣческой природѣ свойственно озабочиваться тѣмъ, что было и что будетъ, витать умомъ за предѣлами своей колыбели и своей могилы, раздвигать предѣлы своего существованія путемъ надеждъ или даже мечтаній. И въ этомъ отношеніи къ числу существенныхъ условій общественности принадлежитъ согласованность стремленій.

Робеспьеръ глубоко понималъ все это; по примѣру Жанъ-Жака, онъ отвергалъ атеизмъ, находя, вмѣстѣ съ нимъ, что атеизмъ «сосредоточиваетъ всѣ страсти въ низкомъ личномъ интересѣ, въ отверженіи человѣческаго я, и понемногу подтачиваетъ истинныя основы всякаго общества»¹⁾. Тотъ же Жанъ-Жакъ писалъ: «Существуетъ чисто гражданское исповѣданіе вѣры, статьи котораго государю надлежитъ установить не въ качествѣ *религіозныхъ догмъ*, а въ качествѣ *мыслей общественности*. Цезарь, защищая Катилину, старался установить догму смертности души: Катонъ и Цицеронъ, съ цѣлью опровергнуть ее, не стали забавляться философствованіемъ, а ограничились указаніемъ на то, что Цезарь говоритъ, какъ дурной гражданинъ, и высказываетъ гибельную для государства доктрину. Дѣйствительно, римскому сенату слѣдовало судить объ этомъ, а не о вопросѣ богословія... Догмы гражданской религіи должны быть просты, немногочисленны, выражены точно, безъ объясненій и коментаріевъ. Положительныя догмы таковы: существованіе мо-

¹⁾ *Émile*, t. III, p. 114 et suiv. Amsterdam, MDCCLXII.

гущественнаго, умнаго, благотворящаго, предусмотрительнаго и заботливаго божества, будущая жизнь, счастье справедливыхъ, кара для злыхъ, святость общественнаго договора и законовъ»¹⁾).

Отсюда-то возникъ декретъ, которымъ Конвентъ призналъ бытіе Верховнаго Существа и безсмертіе души.

Но для того, чтобы склонить его къ принятію этого декрета, требовалась рѣдкая сила почина.

Для этого нуженъ былъ человѣкъ, достаточно умный, чтобы сумѣть провести разграниченіе между дѣломъ Божиимъ и дѣломъ священниковъ, достаточно сильнымъ, чтобы пренебречь гнѣвомъ фанатиковъ безвѣрія. Робеспьеръ взглянулъ этой задачѣ прямо въ лицо и безъ страха взялся за ея выполненіе.

18 флореаля (8 мая) онъ взшелъ на трибуну съ измѣнившимся болѣе обыкновеннаго лицомъ. Водворилась полная тишина, и онъ началъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«Въ пору преуспѣянія народы, а также и частныя лица, должны сосредоточиваться въ самихъ себѣ, чтобы предохранить себя отъ опьяненія и, при затишѣ страстей, внять голосу мудрости и внушаемой ею скромности. Настоящая же минута, когда во всемъ мірѣ раздается громъ нашихъ побѣдъ, есть какъ разъ та самая, когда законодатели французской республики должны съ новою заботливостью отнестись къ самимъ себѣ и къ отечеству»²⁾).

Затѣмъ онъ напомнилъ, о томъ, сколько чудесныхъ переменъ произошло на землѣ, и возвѣстилъ, что предстоятъ еще болѣе чудесныя переменны. Сказавъ, далѣе, что онъ гордится при видѣ того, что французскій народъ опередилъ другія націи на томъ пути, по которому шествуетъ человѣческій разумъ, онъ продолжалъ: «Европа стоитъ на колѣняхъ передъ тѣнями тирановъ, которыхъ мы караемъ... Она не понимаетъ, что можно жить безъ государей и дворянъ, а мы не понимаемъ, какъ можно жить съ ними... Наши важные сосѣди съ серьезнымъ видомъ оповѣщаютъ міръ о состояніи здоровья короля, о его развлеченіяхъ и поѣздкахъ; имъ непремѣнно хочется передать потомству, въ которомъ часу онъ обѣдалъ, когда вернулся съ охоты, какая та счастливая земля, которая въ тотъ или другой моментъ дня имѣла честь быть попираемою его августѣйшими ногами... Мы

¹⁾ *Contrat social*, liv. IV, chap. VIII.

²⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 229.

же передадимъ потомству имена и добродѣтели героевъ, павшихъ за свободу»¹⁾...

По мѣрѣ того какъ Робеспьеръ говорилъ, голосъ его принималъ все болѣе трагическій оттѣнокъ. Нервная дрожь, пробѣгавшая по его членамъ, когда онъ бывалъ на трибунѣ, обычное подергиваніе мускуловъ его лица и невольное дрожаніе пальцевъ, которыми онъ перебиралъ по стойкѣ трибуны, какъ бы по клавишамъ клавесина²⁾,—всѣ эти признаки никогда еще не обличали съ большею ясностью, до какой степени глубоко интересуется его поднятый вопросъ. Когда онъ приступилъ къ нему, рѣчь его стала какъ нельзя болѣе порывистою:

«Кто же это возложилъ на тебя миссію возвѣстити народу, что божества нѣтъ, на тебя, такъ страстно отстаивающаго эту безплодную доктрину и никогда не пылавшаго страстью къ отечеству? Какую выгоду находишь ты въ томъ, чтобы убѣждать человѣка, будто его судьбами руководитъ слѣпая сила, карающая наобумъ и преступленіе, и добродѣтель, и будто душа человѣческая есть лишь легкое дуновеніе, исчезающее у края могилы? Развѣ мысль *о ея ничтожествѣ* внушить ему болѣе чистыя и возвышенныя чувства, чѣмъ мысль о его безсмертіи? Внушить ли она ему болѣе уваженія къ нему подобнымъ, болѣе смѣлости къ противодѣйствию тиранамъ, болѣе презрѣнія къ смерти и изнѣженности? Вы, сожалѣющіе объ уtratѣ добродѣтельнаго друга, любите думать, что лучшая часть его избѣгла смерти. Утѣшить ли васъ, плачущихъ надъ гробомъ сына или жены, человѣкъ, говорящій вамъ, что отъ нихъ остался только прахъ? Несчастные, умирающіе подъ ударами убійцы, вашъ послѣдній вздохъ есть обращеніе къ вѣчному правосудію? Невинность на эшафотѣ заставляетъ поблѣднѣть возсѣдающаго на триумфальной колесницѣ тирана: могла ли бы она оказывать такое вліяніе, если бы могила уравнивала угнетателя и угнетеннаго?.. Миѣ нѣтъ надобности замѣчать, что дѣло идетъ здѣсь не о тяжбѣ съ какимъ-либо философскимъ и частнымъ миѣніемъ и не объ оспариваніи того, что тотъ или другой философъ можетъ быть добродѣтельнымъ, каковы бы ни были его воззрѣнія и даже вопреки имъ, въ силу его благоприятной природы или высшаго разума. Дѣло идетъ только о разсмотрѣніи атеизма,

¹⁾ *Moniteur* au II (1794), № 229.

²⁾ Charles Nodier, *Biographie de Robespierre*.

какъ ученія національнаго и связаннаго съ посягательствомъ на республику. Что за дѣло вамъ, законодателямъ, до различныхъ гипотезъ, при помощи которыхъ тѣ или другіе философы объясняли явленія природы? Разрѣшеніе этихъ вѣчныхъ споровъ вы должны предоставить имъ; вамъ не слѣдуетъ смотрѣть на нихъ ни глазами метафизиковъ, ни глазами богослововъ. Въ глазахъ законодателя истина есть все то, что полезно міру и хорошо для его обихода. Идея о Верховномъ Существовѣ и безсмертіи души является непрерывнымъ призывомъ къ *справедливости*: значитъ, это идея социальная и республиканская».

Мы видимъ, что эта была точка зрѣнія Жанъ-Жака. И въ какихъ же проникнутыхъ уваженіемъ и нѣжностью выраженіяхъ ученикъ воздалъ честь своему учителю! Съ едва сдержанною горечью поговоривъ о тѣхъ изъ философовъ XVIII вѣка, «которые иногда вопіяли противъ деспотизма, а сами получали отъ деспотовъ пенсіи, которые писали то книги противъ Двора, то посвященія государямъ, сочиняли рѣчи для царедворцевъ и мадригалы куртизанкамъ, гордо выступали въ своихъ сочиненіяхъ и пресмыкались въ переднихъ, Робеспьеръ прибавилъ: «Одинъ человѣкъ показалъ возвышенностью своей души и величіемъ своего характера, что онъ достоинъ званія наставника рода человѣческаго... О, если бы онъ былъ свидѣтелемъ этой революціи, предвѣстникомъ которой онъ былъ и которая помѣстила его въ Пантеонъ, то кто можетъ сомнѣваться, что его благородная душа съ восторгомъ примкнула бы къ дѣлу справедливости и разума!»¹⁾

Мѣсто, относящееся къ священникамъ, надо привести цѣликомъ:

«Фанатики, не ждите отъ насъ ничего! Напомнить людямъ о поклоненіи Верховному Существому значитъ нанести смертельный ударъ фанатизму. Передъ истиной исчезаютъ всѣ вымыслы и передъ разумомъ падаютъ всѣ безумства. Безъ принужденія, безъ гоненій, всѣ секты должны сами собою слиться во всемірной религіи природы (*Рукоплесканія*). Поэтому мы посоветуемъ вамъ поддерживать тѣ принципы, которые вы проявляли донныѣ. Пусть, ради самого торжества разума, будетъ уважаема свобода исповѣданій; но пусть она не нарушаетъ общественнаго порядка и не становится средствомъ для заговора. Если бы оказалось, что этою свободой прикрывается контръ-революціонная

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 299.

злонамѣренность, подавляйте послѣднюю, а въ остальномъ полагайтесь на могущество принциповъ и на самую силу вещей. Честолюбивые священники, не ждите же, что мы станемъ трудиться для возстановленія вашего господства! Такое дѣло было бы намъ даже не по силамъ (*Рукоплексканія*). Вы сами убили себя, а къ моральной жизни точно такъ же не возвращаются, какъ и къ существованію физическому. Да, къ тому же, что общаго между священниками и Богомъ? По отношенію къ нравственности священники то же самое, что шарлатаны по отношенію къ медицинѣ (*Новыя рукоплексканія*). Какъ непохожъ Богъ природы на Бога священниковъ! (*Рукоплексканія продолжаются*). Я не знаю ничего такого, что такъ походило бы на атеизмъ, какъ придуманныя священниками религіи; искажая Верховное Существо, они уничтожили Его, по скольку Оно было въ нихъ самихъ: они превращали Его то въ огненный шаръ, то въ дерево, то въ человѣка, то въ государя; священники создавали Бога по образу и подобию своему; они изображали его завистливымъ, прихотливымъ, жаднымъ, жестокимъ, неумолимымъ; они обращались съ нимъ такъ же, какъ нѣкогда мажордомы съ потомками Хлодвига, чтобы стать на его мѣсто и править отъ его имени: они сослали Его на небо, какъ во дворецъ, и призывали Его на землю, чтобы выпрашивать для своей выгоды десятинные поборы, почести, удовольствія и могущество (*Горчія рукоплексканія*). Истинный жрецъ Верховнаго Существа—природа, его храмъ—вселенная, Его культъ—добродѣтель, Его праздники—радость великаго народа, собравшагося на Его глазахъ, съ цѣлью упрочить отрадныя узы всемірнаго братства и вознести Ему хвалу изъ глубины чувствительныхъ и чистыхъ сердецъ. Священники, какими дѣянiями доказали вы вашу миссію? Были ли вы справедливыѣ, скромныѣ, правдивыѣ другихъ людей? Любили ли вы равенство, защищали ли права народовъ, питали ли отвращеніе къ деспотизму и низвергали ли тиранію? Вѣдь это вы говорили государямъ: *Вы налетаете подобіемъ Божиимъ на землю; власть вашу вы получили отъ Него одного; а государи отвѣчали вамъ: Да, вы поистиннѣ Божіи посланцы; соединимся и подыдемъ между собою имущество и поклоненіе смертныхъ*. Скипастръ и кадило составили заговоръ, чтобы обезчестить небо и узурпировать землю (*Рукоплексканія*). Оставимъ священниковъ и вернемся къ Божеству (*Рукоплексканія*)»¹⁾.

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 299.

Рѣчь свою Робеспьеръ заключилъ очень возвышенными соображеніями о необходимости ввести общее и для всѣхъ французовъ равное воспитаніе и установить національные праздники. Въ декретѣ, который былъ имъ вслѣдъ затѣмъ предложенъ и принятъ при продолжительныхъ привѣтственныхъ крикахъ, было сказано:

«Французскій народъ признаетъ бытіе Верховнаго Существа и безсмертіе души.

«Онъ признаетъ, что достойнымъ Верховнаго Существа культомъ является выполнение обязанностей человѣка.

«Для напоминанія человѣку мысли о Божествѣ и о достоинствѣ Его существа будутъ установлены праздники.

«Названія праздниковъ будутъ заимствованы отъ славныхъ событій нашей революціи, отъ наиболѣе дорогихъ и наиболѣе полезныхъ человѣку добродѣтелей и великихъ благъ, доставляемыхъ природой.

«2 будущаго преріала устроены будутъ праздникъ въ честь Верховнаго Существа¹⁾».

Къ декрету была прибавлена статья о перенесеніи въ Пантеонъ праха двухъ павшихъ за свободу героевъ, Барра и Віала, самоотверженности которыхъ Робеспьеръ посвятилъ похвальное слово²⁾.

Въ вышеприведенной внушительной рѣчи были два темныхъ пятна: во-первыхъ, безосновательная рѣзкая нападка на Кондорсе и, во-вторыхъ, оскорбленіе, брошенное памяти Дантона. Неужели очерненіемъ Дантона Робеспьеръ надѣялся избѣгнуть упрека въ томъ, что отступился отъ него? Какое грустное заблужденіе человѣка, желающаго заглушить угрызенія своей совѣсти!

Какъ бы ни было, декретъ 18 флореаля встрѣтилъ горячія привѣтствія во всей Франціи. Въ Конвентѣ посыпались адреса, въ которыхъ привѣтствовали его мудрость³⁾; одна за другою начали являться депутаціи отъ секцій съ восторженными изъявленіями сочувствія; во всѣхъ народныхъ обществахъ правительство, поставившее на очередь дня справедливость и добродѣтель, было провозглашено единственнымъ достойнымъ довер-

¹⁾ *Moniteur*. an II (1794), № 299,

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Ibid.*, № 249.

шить начатое дѣло возрожденія; наконецъ, жителямъ общинъ Монморанси и Эрменонвиля было предложено доставить въ Конвентъ урну, въ которой хранился прахъ Жанъ-Жака¹⁾.

Но зато, съ другой стороны, пробудилась и злоба, ожидавшая только благопріятной минуты, чтобы выступить наружу, и въ то время, какъ революціонеры школы барона Гольбаха глухо протестовали, священники, раздраженные не меньше ихъ, хотя и по противоположнымъ причинамъ, разжигали подъ рукою оппозицію набожныхъ людей, дѣлая видъ, будто они поражены тѣмъ, что Конвентъ осмѣлился переименовать Бога и оскорбить Его «декретированіемъ Его бытія». Такимъ образомъ, путемъ грубой лжи, они винили Робеспьера въ томъ, будто онъ *создалъ* то, что было имъ *лишь провозглашено*²⁾.

Но толчокъ былъ данъ. Коммуна, клубъ якобинцевъ, члены управленія Парижскаго департамента—всѣ поочередно явились въ Конвентъ съ заявленіями, что вполне раздѣляютъ его исповѣданіе вѣры, и предѣлательствовавшій тогда въ собраніи Карно отвѣчалъ депутаціямъ совершенно такъ же, какъ отвѣтилъ бы самъ Робеспьеръ³⁾; а Комитетъ общественнаго спасенія распорядился, чтобы впредь на фронтонахъ храмовъ, предназна-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 234.

²⁾ Обвиненіе въ безбожіи, заключавшееся въ утвержденіи, будто Робеспьеръ «декретировалъ бытіе Божіе», было такъ распространено въ то время, когда Буастъ издалъ свой *Dictionnaire de la langue française*, что онъ воспользовался этою фразой, какъ примѣромъ къ слову *décréter*.—Замѣчательно, что тѣ же самые люди, которые находятъ столь необычайнымъ, что Конвентъ *провозгласилъ* декретомъ религіозный принципъ, признавали послѣ революціи 1830 г. весьма естественнымъ то, что католическая религія была объявлена, путемъ закона, религіею государственною. Правда, что объ этомъ происходили споры и что результатомъ ихъ было установленіе—на этотъ разъ неоспоримо смѣшное—слѣдующаго статистическаго факта: «Католическая религія есть религія большинства французовъ!»

Шарль Нодье писалъ: «Сознаюсь, что, въ признаніи догмъ, я совѣмъ не вижу смѣшной стороны этой формулы (признанія Верховнаго Существа и безсмертія души) и, чтобы дополнить мою мысль, сознаюсь, что нахожу ее очень умѣстной и весьма прекрасною.. *Ничего уже болше не было*; значитъ, тутъ закладывается краугольный камень нарождавшагося общества. Это—обновленіе міра. Это крикъ этого міра, вышедшаго изъ хаоса, отдающаго себѣ отчетъ въ своемъ сотвореніи и воздающаго честь своему творцу; это порывъ всего общества въ тотъ день, когда оно вновь отыскало забытыя граматы на свое вѣчное предназначеніе». — *Dictionnaire de la conversation*, см. слово *Robespierre*.

³⁾ *Moniteur*, an II (1794), №№ 236, 239, 240.

ченныхъ для общественныхъ праздниковъ, была только одна надпись: *Верховному Существо* ¹⁾).

Слѣдующее обстоятельство показываетъ, насколько увлеченіе было всеобщимъ: въ засѣданіи клуба якобинцевъ громко-гласно высказался противъ атеизма Лекинью; онъ позабылъ тѣ книги, въ которыхъ проповѣдовалъ его ²⁾. Робеспьеръ, къ которому онъ, вѣроятно, хотѣлъ этимъ подольститься, съ презрѣніемъ оттолкнулъ его ³⁾.

Обаяніе Робеспьера возросло съ каждымъ днемъ. Еще шагъ — и онъ оказался бы на вершинѣ своей судьбы. Туда казалось, и толкало его одно неожиданное событіе.

Въ ночь съ 3 на 4 преріаля (22—23 мая) патруль, проходившій по площади у театра Фавара, вдругъ услыхалъ крики о помощи. Крики эти неслись изъ дома № 4, гдѣ жилъ Колло-д'Эрбуа. Бросились туда. Колло-д'Эрбуа стоялъ, блѣдный и безъ шляпы, на лѣстницѣ, только что вырвавшись изъ рукопашной схватки, о которой свидѣтельствовали валявшіеся тутъ же обломки сабли и ключа вырванныхъ волосъ. Въ народнаго представителя сдѣланы были два пистолетныхъ выстрѣла, въ него не попавшіе; покушавшійся же на убійство укрылся въ его комнатѣ и тамъ забаррикадировался, при чемъ кричалъ, что убьетъ всякаго, кто станетъ взламывать дверь. Слесарь, по фамиліи Жефруа, не посмотрѣвъ на его угрозы, открылъ дверь и упалъ, будучи раненъ выстрѣломъ въ плечо. Покушавшагося арестовали. Онъ оказался человѣкомъ лѣтъ пятидесяти, но еще полнымъ силъ. По его мрачному лицу можно было судить и о его душѣ. Онъ заявилъ, что хотѣлъ убить Робеспьера, но не могъ добраться до него, и потому вознаградилъ себя попыткой убить Колло-д'Эрбуа, въ домѣ котораго жилъ. Фамилія его была Амираль; онъ былъ родомъ изъ департамента Пюи-де-Домъ и служилъ конторщикомъ при національной лотереѣ. Въ собраніи, гдѣ онъ поджидалъ Робеспьера, съ цѣлью убить его, начатая Бареромъ рѣчь показалась ему скучною и онъ подъ нее заснулъ. Онъ выразилъ сожалѣніе только о томъ, что ему не удалось задуманное дѣло ⁴⁾.

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 239.

²⁾ Beaulieu, *Biographie de Lequinio*.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ См. протоколъ секціи Лепельтье, *Moniteur*, an II (1794), № 250.

А въ тотъ же самый день, когда въ Парижѣ толковали объ этомъ происшествіи, молодая дѣвушка Сесилія Рено, въ возрастѣ не болѣе 20 лѣтъ, дочь писчебумажнаго торговца, явилась въ 9 часовъ вечера къ Робеспьеру. Узнавъ, что его нѣтъ дома, она разразилась бранью и сказала, что общественное должностное лицо обязано принимать посѣтителей. Ея настойчивость, тонъ ея рѣчей и все ея поведеніе возбудили подозрѣнія. При ней оказались два ножа. «Зачѣмъ вы собрались къ Робеспьеру?» спросили ее.—«Посмотрѣть, каковъ тиранъ на видъ». Она нисколько не скрывала своей ненависти къ республикѣ и говорила, что предпочитаетъ одного короля пятидесяти тысячамъ тирановъ. На разпросы объ узелкѣ, оставленномъ ею у одного лимонадщика передъ тѣмъ, какъ войти къ Робеспьеру, она отвѣтила, что, зная, куда ее препроводятъ, хотѣла запастись бѣльемъ. Ее спросили: «О какомъ мѣстѣ вы говорите?». На это она сказала: «О тюрьмѣ, откуда меня отправили бы на гильотину».—«А какое употребленіе намѣрены вы были сдѣлать изъ двухъ найденныхъ у васъ ножей?»—«Никакого, такъ какъ я не собиралась причинить кому бы-то ни было вредъ»¹). Послѣдній ея отвѣтъ, повидимому, опровергался совокупностью другихъ отвѣтовъ; поэтому ее препроводили въ тюрьму.

Попытки къ убійству возвеличиваютъ ихъ жертвы, когда послѣдніи остаются невредимыми. Колло-д'Эрбуа и Робеспьеръ сдѣлались на минуту предметами прямо идолопоклонства со стороны революціонеровъ. Негодованіе на роялистовъ было тѣмъ болѣе велико, что еще недавно Франсуа Гамэнъ, обучавшій Людовика XVI слесарному дѣлу и помогавшій ему при устройствѣ желѣзнаго шкапа, подалъ петицію, въ которой указывалъ на сдѣланную нѣкогда попытку къ его отравленію²). Такъ вотъ какимъ образомъ хотятъ бороться съ нами!—говорили взбѣшенныя революціонеры. Кинжалъ, пистолетные выстрѣлы изъ-за угла, ядъ—вотъ ихъ оружіе! Когда 6 преріаля (25 мая) Колло-

¹) Докладъ Комитета всеобщей безопасности и надзора, *Moniteur*, an II (1794), № 250.—Допросъ Сесиліи Рено показываетъ, что слѣдуетъ думать о правдивости Ріуфа, который въ своихъ *Memoires*, p. 74—75, съ рѣдкою увѣренностью говоритъ: «При Сесиліи Рено не оказалось никакого оружія для нападенія».

²) Докладъ Пессара о петиціи Гамэна былъ внесенъ въ Конвентъ 28 фло-реала (17 мая). Мы сообщили уже въ настоящемъ сочиненіи о странномъ приключеніи, героемъ котораго былъ Гамэнъ.

д'Эрбуа и Робеспьеръ вопли въ залъ клуба якобинцевъ, взрывъ восторженныхъ возгласовъ былъ и трогателенъ, и грозенъ. Лежандръ предложилъ даже приставить стражу къ находившимся въ опасности народнымъ представителямъ. Было ли это выраженіемъ искренняго участія, или низкимъ искательствомъ, или же ловушкой? Лежандръ стоялъ недавно слишкомъ близко къ дантонистской партіи, чтобы такое предложеніе, исходя отъ него, не казалось подозрительнымъ. Окруженный стражею, Робеспьеръ, котораго столько обвиняли въ стремленіи къ диктатурѣ, казался бы вторымъ Пизистратомъ: какъ выгодно было бы это его клеветникамъ! Кутонъ горячо отклонилъ уготованный для его друга подарокъ, который былъ бы для него смертию. Въ свою очередь, Робеспьеръ, въ отвѣтъ на предложеніе дантониста Русслэна, составленное въ такомъ же духѣ, какъ предложеніе Лежандра, отвергъ мысль о почестяхъ, которыя могли только возбуждать зависть и ненависть¹⁾. Въ данномъ случаѣ, скромность была лишь актомъ осторожности.

7 преріала Бареръ прочиталъ тщательно составленный докладъ, въ которомъ старался доказать существованіе связи между такъ сильно взволновавшими общественное мнѣніе покушеніями и политикою Питта. Онъ горячо обвинялъ эту политику въ недобросовѣстности и бездушіи и выставялъ ее на позоръ за то, что она объявила Франціи войну на смерть, при чемъ считала умѣстнымъ, по отношенію къ французамъ, все: и уплату денегъ возстанію, и вербовку измѣнниковъ, и организацию обширнаго замысла съ цѣлью вызвать во Франціи голодовку, и поддѣлку ассигнацій, и постоянныя нарушенія международнаго права, и поджоги французскихъ арсеналовъ и складовъ чрезъ предателей, и обѣщаніе и выдачу наградъ убійцамъ. Въ этой картинѣ было не мало правды; но, не говоря уже о томъ, что краски въ ней были сгущены, Бареръ слишкомъ несправедливо приписывалъ англійской націи вину правительства, которое ее обманывало и, къ тому же, встрѣчало въ странѣ со всѣхъ сторонъ горячую онозицію. Дикъ и ужасенъ былъ слѣдующій декретъ, предложенный въ заключеніи этихъ ненавистническихъ воплей: «*Национальный конвентъ декретируетъ: Англичанъ и ганноверцевъ въ плѣнъ не брать*»²⁾.

¹⁾ См. засѣданіе клуба якобинцевъ 6 преріала въ *Moniteur*, an II (1794), № 250.

²⁾ Засѣданіе 7 преріала (26 мал), *Moniteur*, an II (1794), № 250.

Достойно замѣчанія то коварное стараніе, съ когорымъ Бареръ приводилъ такія выдержки изъ англійскихъ газетъ, гдѣ говорилось: Робеспьеръ приказалъ... Солдаты Робеспьера... Нельзя было бы придумать ничего лучшаго, чтобы возбудить противъ Робеспьера зависть и угодить ярости людей, желавшихъ выставить его тираномъ. Но такова была тогда усвоенная тактика. Ибо тогда уже велся заговоръ, получившій развязку 9 термидора, заговоръ, главными членами котораго были: въ Конвентѣ—Тальенъ, Бурдонъ, Лекуантръ, Фреронъ, Баррасъ, Роверъ, Тирьонъ, Куртуа, Гарнье и Мерленъ; въ Комитетѣ всеобщей безопасности—Вадье, Амаръ и Вуланъ, а въ Комитетѣ общественнаго спасенія—Бильо, Колло и Бареръ. Въ сущности, всѣ эти люди ненавидѣли въ Робеспьерѣ либо его громадное нравственное вліяніе, либо его подозрительную и угрожающую суровость. Самымъ вѣрнымъ средствомъ для того, чтобы погубить его, было стараться упрочить вѣру въ правильность мнѣнія, будто онъ домогается диктатуры. А между тѣмъ, если существовали когда либо вѣрованія, безкорыстныя въ глубокомъ значеніи этого слова, то именно таковы были вѣрованія Робеспьера; это доказываетъ его рѣчь 7 преріала, которая останется вѣчнымъ свидѣтельствомъ возвышенности его души. Никогда еще въ чело-вѣческой рѣчи не было слыхано отзвуковъ болѣе гордой грусти.

«Прекраснымъ предметомъ бесѣды будетъ для потомства, да и теперь уже является достойнымъ земли и неба зрѣлищемъ, Собраніе представителей французскаго народа, которое, стоя надъ постояннымъ вулканомъ заговоровъ, одною рукой повергаетъ къ подножію вѣчнаго Творца всего сущаго чувство почитанія со стороны великаго народа, а другою мечетъ молніи въ сплотившихся противъ него тирановъ, основываетъ первую въ мірѣ республику и водворяетъ среди смертныхъ свободу, справедливость и добродѣтель, бывшія до тѣхъ поръ въ загонѣ. Вооружившіеся противъ французскаго народа тираны погибнуть; погибнуть и партіи, опирающіяся на иноземцевъ. Вы мира не заключите; вы даруете его міру и отнимете его у преступленія... Они надѣялись на уснѣхъ, затѣвая изморить французскій народъ голодомъ... Продовольствіе его обезпечено. Какое же еще средство имъ остается? убійство. Они надѣялись истребить національное представительство при помощи подкупнаго мятежа... что же имъ остается? убійство. Ихъ приснѣшники обращаются передъ нами въ бѣгство; но имъ остается убійство... Порадуемся

же и возблагодаримъ Небо, ибо мы достаточно хорошо послужили нашему отечеству, чтобы насъ можно было признать достойными кинжаловъ тирановъ. Значить, намъ предстоятъ славныя опасности! Значить, пребываніе въ городѣ представляетъ, по меньшей мѣрѣ, столько же опасностей, сколько и пребываніе на полѣ сраженія!.. Не мы станемъ жаловаться на приемы войны, которую вы съ нами ведете: они доствйны вашей осторожности. Въ самомъ дѣлѣ, легче отнять у насъ жизнь, чѣмъ восторжествовать надъ нашими принципами или нашими арміями... Когда державы сплачиваются между собою, чтобы убить слабого человѣка, онъ, конечно, уже не долженъ упрямо держаться за жизнь. Поэтому мы не включили въ наши расчеты соображенія о томъ, чтобы жить долго... Какой человѣкъ когда-либо защищалъ права человѣчества безнаказанно?.. Я, по отношенію къ себѣ, нахожу, что то положеніе, въ которое поставили меня враги республики, не лишено выгодъ, такъ какъ чѣмъ болѣе шатка и непрочна жизнь защитниковъ свободы, тѣмъ болѣе они зависимы отъ злобы людей. Будучи окруженъ посланными отъ нихъ убійцами, я уже приспособился къ тому новому порядку вещей, въ сферу котораго они хотятъ отправить меня. Мимолетною жизнью я дорожу уже только изъ любви къ отечеству и изъ жажды справедливости; и, болѣе чѣмъ когда-нибудь отрѣшившись отъ всѣхъ личныхъ соображеній, я чувствую себя болѣе склоннымъ сдѣлать энергическій натискъ на злодѣевъ, злоумышляющихъ противъ моей родины и противъ рода человѣческаго. Чѣмъ больше спѣшатъ они положить конецъ моему поприщу здѣсь на землѣ, тѣмъ больше буду я спѣшить наполнить его дѣлами, полезными для счастья мнѣ подобныхъ. Я, по крайней мѣрѣ, оставляю имъ завѣщаніе, которое приведетъ въ трепетъ тирановъ и ихъ сообщниковъ...¹⁾

Слушая эту рѣчь, являвшуюся отголоскомъ геройскаго убѣжденія, Собраніе ощущало глубочайшее волненіе; была минута, когда оно, какъ бы перенесшись въ высшія области, поголовно встало²⁾; была минута, когда враги этого человѣка, жившаго съ любовью къ смерти, сами подивились тому, что могутъ ненавидѣть его. Когда онъ сошелъ съ трибуны, неразъ прерывавшія его рѣчь рукоплесканія разразились вновь съ безпримѣр-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 250.

²⁾ См. отчетъ въ *Moniteur*.

безъ колебаній принялъ это приглашеніе. Онъ былъ пораженъ громаднымъ стеченіемъ народа въ Тюильрійскомъ саду, гдѣ на всѣхъ лицахъ сіяли надежда и веселье. Красоту картины еще болѣе увеличивали женщины своими изящѣйшими одѣянiями. Чувствовалось, что люди собрались почтить праздникомъ Творца природы. Робеспьеръ ѣлъ мало. Взоры его часто обращались къ этому великолѣпному зрѣлищу. Онъ былъ какъ бы ошьяненъ восторгомъ. «Вотъ самая интересная идея челоуѣчества, воскликнулъ онъ, здѣсь собралась вселенная. О, природа, какъ высока и прелестна твоя сила! какъ должны поблѣднѣть тираны при мысли объ этомъ праздникѣ!»¹⁾

Зная, что члены Революціоннаго суда должны зайти къ Вилату, у котораго уже сидѣла жена Дюма²⁾, Робеспьеръ нѣсколько засидѣлся, въ ожиданіи ихъ; отъ этого произошла задержка, которую не замедлили вмѣнить ему въ преступленіе. «Онъ разырываетъ короля!» шептали его враги, указывая на его пустое мѣсто въ амфитеатрѣ, гдѣ уже собрался Конвентъ. Бурдонъ (отъ д-та Уазы), Мерленъ (отъ Тiонвиля), Лекуантръ и вообще всѣ тѣ, кто оплакивалъ Дантона или скорбѣлъ о Геберѣ, были объяты глухою яростью. Чувство это еще болѣе усилилось, когда показался Робеспьеръ и былъ привѣтствованъ кликами толпы. «Смотрите, какъ его привѣтствуютъ!»³⁾—говорили они, и въ этихъ словахъ ихъ зависть сливалась съ бранью или сарказмомъ. Онъ стоялъ, поднявъ блѣдное лицо съ гладкимъ лбомъ, его лицо выражало умиленія. Рѣчь его въ этомъ случаѣ оказалась такою прекрасною, такою патетическою, что Лагарпъ посвятилъ ей страстное похвальное слово⁴⁾.

Робеспьеръ заявилъ, что возвышеннѣйшимъ зрѣлищемъ, какое только останавливало когда-либо на себѣ людскіе взоры, является нація, которая, ведя борьбу съ угнетателями рода челоуѣческаго, отлагаетъ на-время свои героическіе труды, чтобы вознестись мыслью къ Высшему Существу, возложившему на нее миссію подъять эти труды и давшему ей силу выполнить ихъ. Онъ принесъ благодарность Богу за то, что Онъ вселилъ

¹⁾ Vilate, *Causes secrètes de la Révolution*, съ 9 на 10 термидора.

²⁾ *Ibidem*, р. 196.

³⁾ Последняя рѣчь Робеспьера, найденная въ рукописи въ числѣ его бумагъ и напечатанная по приказанію Конвента.

⁴⁾ Garat, *Mémoires historiques sur le XVIII siècle et sur M. Suard*, liv. VIII, р. 339.

въ душу торжествовавшего угнетателя угрызения совѣсти и ужасъ, а въ сердце угнетеннаго невиннаго вдохнулъ, напротивъ, спокойствіе и гордость. Онъ отрицалъ божественное право государей поспирать родъ человѣческой и божественное право духовенства впрягать людей, какъ низкихъ животныхъ, въ колесницу государей. «Творецъ природы—сказалъ онъ—связалъ всѣхъ смертныхъ громадною цѣпью счастья и любви: да погибнуть тираны, осмѣлившіеся порвать эту цѣпь!»¹⁾

Быть можетъ, тутъ было бы кстати объявить, что начинается новая эра, что терроръ прекратится... Робеспьеръ не рѣшился, однако, на такое великодушное заявленіе, потому ли, что еще не вѣрилъ въ возможность осуществить подобное обѣщаніе, или потому, что шипѣвшая вокругъ него злоба указывала ему на то, какъ опасно было бы не только поступиться неумолимостью, но даже показать готовность къ тому. Впрочемъ, послѣдующія событія доказали, что терроръ казался ему необходимымъ еще на нѣсколько дней... противъ террористовъ; этимъ и объясняется слѣдующая фраза, такъ сильно хватающая за сердце среди всеобщей радости: «Отдадимся сегодня восторгамъ чистаго веселья; завтра мы еще поборемся съ пороками и тиранами»²⁾.

Окончивъ свою рѣчь, онъ сошелъ со ступеней амфитеатра и направился къ группѣ чудовищъ: Атеизму, Эгоизму, Раздорамъ и Честолюбію; группа этихъ изображеній подлежала сожженію и, согласно программѣ, должна была открытъ видъ на статую Мудрости, стоящую на ихъ обломкахъ³⁾. Случилось, однако, такъ, что скрывавшій эту статую покровъ сгорѣлъ и она предстала совершенно почернѣвшею отъ огня, что было сочтено за зловѣщее предзнаменованіе⁴⁾.

Послѣ нѣсколькихъ словъ предсѣдателя, Конвентъ двинулся, въ сопровожденіи всего народа, къ Марсову полю. Онъ шелъ окруженный трехцвѣтною лентой, которую несли дѣти, юноши, люди зрѣлаго возраста и старики, всѣ украшенные, соответственно возрасту cadaго, фіалками, миртами, дубовыми вѣтками или виноградными лозами. Депутаты были въ одѣяніи на-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 262.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ Программа праздника въ честь Верховнаго Существа, составленная Давидомъ и утвержденная декретомъ Національнаго Конвента. См. *Moniteur*, an II (1794), № 259.

⁴⁾ *Senar*, p. 188—189.

родныхъ представителей, посылаемыхъ въ командировки, т. е. были съ султанами на шляпиахъ, а на поясъ трехцвѣтнй кушакъ, не имѣя, однако, сабель¹⁾. Каждый изъ нихъ держаль въ рукѣ букетъ изъ колосевъ, цвѣтовъ и фруктовъ. Посреди народнаго представительства ѣхала древней формы колесница, запряженная восьмеркою воловъ съ позолоченными рогами, а на ней сверкаль трофей, составленный изъ ремесленныхъ инструментовъ. Робеспьеру, въ качествѣ предсѣдателя Конвента, естественно было идти впереди всѣхъ; а тѣ изъ его сотоваришей, которые поклялись погубить его въ общественномъ мнѣнн и стали во главѣ шествія, умышленно замедляли шагъ, оставляя какъ можно большее разстоянн между нимъ и собою, чтобы люди сочли его гордецомъ и повѣрили, будто онъ питаетъ замыслы относительно диктатуры.

Посрединѣ Марсова поля устроена была символическая гора; тамъ назначено было исполнить сочиненный Мари-Жозефомъ Шенье гимнъ Верховному Существу²⁾. Когда Конвентъ размѣстился на вершинѣ горы, а слѣдовавшая за нимъ толпа расположилась кругомъ, послѣдовала неописуемо величественная сцена. Обращенн къ Вѣчному Началу, пропѣтое тысячами голосовъ; трубные звуки, слившіеся съ кликами восторженнаго народа; водворенн высшей духовной власти философіи передъ лицомъ всего міра; этотъ торжественный перерывъ агитаціи; прелесть этого дня; свѣжесть нарядныхъ одеждъ; молодые дѣвушки, бросавшія въ воздухъ цвѣты; молодые люди, сперва склонившіеся подъ родительское благословенн, а потомъ вставшіе во всемъ цвѣтѣ мужеской гордости, размахивавшіе саблями и клявшіеся не бросать ихъ впредъ до спасенія Франціи, вопреки сплоченнымъ усиліямъ всего міра — все это, по единогласному свидѣтельству современниковъ, явилось самою трогательною и самою возвышенною церемоніей, какая только была когда-либо видана³⁾.

Но именно это-то и доводило ненависть враговъ Робеспьера до крайняго предѣла. На обратномъ пути онъ чувствовалъ нѣчто странное, нѣчто грозное для него. Онъ чувствовалъ, что его какъ будто преслѣдуетъ мрачная вереница демоновъ. Въ ушахъ

1) Согласно декрету Конвента. См. *Moniteur*, an II (1794), № 259.

2) Программа Давида. *Moniteur*, an II (1794), № 259.

3) См. *Biographie de Robespierre*, par Charles Nodier.—*Ibid.*, № 265.

его раздавались угрозы смертью; онѣ произносились виолголоса, но проникали въ мозгъ какъ остріе стилета. Одинъ говорилъ: «Видишь этого человѣка? Ему мало быть повелителемъ,— онъ хочетъ быть Богомъ!» Другой ворчалъ: «Великій жрецъ, Тарпейская скала недалеко!» Третій говорилъ: «Бруты еще не перевелись!»¹⁾ Домой онъ вернулся съ тяжелымъ сердцемъ, подавленный мрачными предчувствіями. Семья Дюплэ, которую онъ оставилъ поутру такъ радостно настроенною, поняла, какъ сильно онъ страдаетъ. «Вамъ уже недолго меня видѣть», сказалъ онъ ей²⁾.

Въ сочиненіяхъ, относящихся къ революціонному періоду, безкорыстіе Мерлена (отъ Тювилля) было часто и рѣзко подвергаемо сомнѣнію. Но памфлеты, внушенные партійнымъ духомъ, переполненные ошибками, а иногда и злостными клеветами, не могутъ служить источниками, изъ которыхъ должеи слѣпо черпать историкъ. Поэтому мы на нихъ и не останавливались. Мы совсѣмъ не принимали въ расчетъ тѣхъ страницъ, на которыхъ Прюдомъ съ такимъ удовольствіемъ описываетъ пышный образъ жизни Мерлена и высказываетъ такія жестокія сомнѣнія насчетъ увеличенія его состоянія во время революціи, потому что мы знаемъ, что если въ книгѣ Прюдома есть факты истинные, то есть также и много лжи. Мы даже не упомянули о нѣкоторыхъ позорящихъ инсинуаціяхъ Робеспьера по адресу Мерлена, такъ какъ эти ничѣмъ не подтверждаемыя инсинуаціи подсказаны, какъ намъ казалось, ненавистью, охотно питавшеюся подозрѣніями. Но въ *Mémoires de Levasseur* есть одно мѣсто, гдѣ Мерленъ подвергается нападкамъ въ отношеніи безкорыстія и строгости республиканскихъ нравовъ, и намъ кажется, что историкъ не должеи обходить это мѣсто молчаніемъ, по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) потому, что Левассеръ рассказываетъ здѣсь сцену, въ которой онъ лично былъ дѣйствующимъ лицомъ; 2) потому, что Левассеръ былъ человекомъ честнымъ и, судя по его запискамъ, очевидно, другомъ справедливости; 3) потому, что рассказъ, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ всѣ характерныя признаки правды и что Левассеръ не могъ бы, понося своего бывшаго сотоварища, принадлежавшаго вмѣстѣ съ нимъ къ Горѣ, до такой степени нагаль, не становясь отвратительнѣйшимъ и безстыднѣйшимъ изъ лжецовъ; 4) наконецъ, потому, что *Mémoires de Levasseur* вышли еще при жизни Мерлена, а упомянутое нами мѣсто осталось безъ отвѣта. Если теперь принять въ соображеніе, что даже при наличности столькихъ оснований для принятія свидѣтельства Левассера мы привели его лишь *so everywhere possible oговорками* (см. нашъ т. IX) относительно вывода, который есте-

¹⁾ См. рѣчь Робеспьера 8 термидора, Записки Сенара и *Mystères de la mère de Dieu dévoilés*, par Vilate.

²⁾ Объ этомъ рассказываетъ г. Эскиросъ въ своей *Histoire des Montagnards*, на основаніи свидѣній, полученныхъ отъ самой семьи Дюплэ.

ственно сдѣлать изъ него, то нужно будетъ признать, что намъ было невозможно отнестись съ большимъ вниманіемъ и съ большею осторожностью къ нашему развѣсканію истины.

Сдѣлавъ эту оговорку, мы ставимъ себѣ въ обязанность и считаемъ удовольствіемъ опубликовать слѣдующую замѣтку, которую прислала намъ дочь Мерлена съ приложеніемъ письма, проникнутаго почтительнымъ чувствомъ взволнованной дочери къ отцу. Помимо того, что это чувство святочно въ нашихъ глазахъ, не мы станемъ вообще отодвигать въ тѣнь все то, что можетъ представити въ благопріятномъ освѣщеніи память дѣятелей революціи. Мы желаемъ, чтобы объясненіе, даваемое этой замѣткѣ ея авторомъ, по сопоставленіи съ выдержкою изъ записокъ Левассера, доставило удовлетвореніе автору замѣтки и убѣдило читателя. Что касается послѣднихъ, заключительныхъ словъ замѣтки, то пусть авторъ ея припомнитъ, что мы не говорили ничего такого, что влекло бы за собою сближеніе Мерлена, въ отношеніи его политическаго поведенія, съ Камбасересомъ и Фуше. Ничего подобнаго нами сказано не было. Вотъ присланная намъ замѣтка:

«Мерленъ, котораго г. Луи Бланъ, со словъ *Biographie universelle*, считаетъ, повидимому, не кончившимъ курса воспитанникомъ семинаріи св. Сюзьниція, въ дѣйствительности прошелъ курсъ гуманитарныхъ наукъ въ семинаріи своей провинціи, подобно многимъ молодымъ людямъ того времени, потомъ учился юридическимъ наукамъ въ Нансіскомъ университетѣ, а затѣмъ вернулся въ свой маленькій городокъ, гдѣ и женился въ 1786 г., въ возрастѣ всего 24 лѣтъ. Когда состоялось провозглашеніе республики, онъ, по довѣрію своихъ согражданъ, сталъ муниципальнымъ должностнымъ лицомъ. Жена его, подобно ему принадлежавшая къ хорошей старинной буржуазной семьѣ въ Тонвилѣ, принесла ему въ приданое ферму, подъ названіемъ *Quartier du Roi*, и городской домъ, находившійся на улицѣ Першь; ферма и домъ были впоследствии выгодно проданы. По поступленіи національныхъ имуществъ въ продажу, Мерленъ купилъ Монъ-Валерьець—конечно, верхнюю часть его, обнимающую, сверхъ монастыря, гектаровъ пятнадцать лѣса и виноградниковъ. За это имѣніе было тогда заплачено 17,000 франковъ, и я иногда думала, что, несмотря на его незначительность, оно, благодаря своему выгодному расположенію, привлекавшему къ нему вниманіе, быть можетъ, способствовало возникновенію столь распространявшагося впоследствии въ памфлетахъ эмиграціи мнѣнія, будто у Мерлена большое состояніе. Какъ бы ни было, такъ какъ, по восстановленіи богослуженія, изстари находившійся на этой возвышенности монастырь снова приобрѣлъ прежній блескъ, то имѣніе было уступлено Мерленомъ обратно одному парижскому юре за 100,000 франковъ. Вотъ каковъ былъ главный источникъ улучшенія того состоянія, о которомъ идетъ рѣчь. Былъ еще и другой источникъ. Выбывъ по жребію изъ Совѣта Пятисотъ, Мерленъ сдѣлался однимъ изъ пяти управляющихъ почтовымъ вѣдомствомъ; въ ту пору почта эксплуатировалась, какъ и при старомъ режимѣ, по откупной системѣ, и это предпріятіе, благодаря умѣлому веденію дѣла и благопріятнымъ обстоятельствамъ, доставило Мерлену, за полтора года его участія въ немъ, довольно значительную прибыль. Это было первое изъ приобретенныхъ имъ выгодъ. Онъ воспользовался ею для покупки на хорошихъ условіяхъ фермы близъ Сарселля и небольшого лѣснаго участка. Когда, въ 1799 г. почта перешла въ казенное завѣдываніе,

Мерленъ вышелъ изъ почтоваго вѣдомства и былъ назначенъ интендантомъ праваго фланга Итальянской арміи; въ должности этой онъ не пробылъ даже года, однако, благодаря своей распорядительности и строгости, успѣлъ оставить здѣсь достойный его слѣдъ. Затѣмъ онъ вернулся къ частной жизни и снова поселился въ своемъ имѣніи на Монъ-Валерьянъ. Найдя возможность освободиться отъ этого имѣнія, какъ я только что сказала, и продавъ также свою Сарсельскую ферму и имущество въ Тонвилѣ, онъ сосредоточилъ свое состояніе на имѣніи Комманшонъ, расположенномъ въ Пикардіи, близъ Клюни, которое купилъ за 160,000 франковъ у вдовы генерала Шерера, и здѣсь прожилъ двадцать два года, занимаясь исключительно сельскимъ хозяйствомъ. Здѣсь онъ былъ застигнутъ нашествіемъ 1814 года. Комманшонъ былъ разграбленъ. По подстрекательству одного изъ сосѣднихъ дворянъ, въ имѣніи расположили на постой роту пруссаковъ за счетъ владѣльца, тогда какъ послѣдній безстрашно сражался съ непріятелемъ во главѣ вольнаго отряда; возникли различныя затрудненія относительно принадлежавшаго къ имѣнію лѣсного участка, за часть котораго еще не было уплачено; короче, въ виду еще и другихъ соображеній, Мерленъ рѣшился продать Комманшонъ, распредѣливъ между двумя своими дѣтьми отъ перваго брака причитавшіяся имъ изъ доли матери части и въ 1824 г. поселился въ Парижѣ, гдѣ и жилъ до самой смерти. Состояніе его равнялось тогда 50,000 фр., которыя обоими его дѣтьми отъ перваго брака были отданы ихъ младшей сестрѣ, и эта скромная сумма составила ей приданое.

«Мерленъ всегда жилъ сообразно своему состоянію. Когда онъ былъ избранъ въ депутаты Законодательнаго собранія, онъ поселился со своею слѣпой женой и двумя дѣтьми въ очень скромной квартирѣ, сперва на улицѣ *du Petit-Carreau*, а потомъ на улицѣ *Сенъ-Тома-дю-Лувръ*. Не уникаясь до ношенія личины бѣдности, онъ жилъ настолько хорошо, насколько позволяло его скромное состояніе. Отнюдь не живя по-царски, какъ слѣдовало бы предположить на основаніи словъ его враговъ, онъ всѣ заботы по дому передалъ хорошей служанкѣ, которую привезъ съ собою изъ своего городка. Сдѣлавшись управляющимъ почтоваго вѣдомства, онъ поневолѣ долженъ былъ начать жить шире и переѣхалъ въ маленькій особнякъ на улицѣ *Сенъ-Лазаръ*, въ кварталъ, который въ ту пору считался весьма мало изысканнымъ, и довольствовался столомъ своей лотарингской кухарки. По назначеніи въ Италію, онъ поѣхалъ просто въ дилижансѣ до Марселя, откуда переѣзды въ Финале совершилъ на каботажномъ суднѣ.

«Говоря по правдѣ, у Мерлена было одно пристрастіе, которое можно пожалуй, назвать пристрастіемъ роскоши: онъ любилъ охоту. Подобно всѣмъ людямъ съ военными наклонностями, онъ находилъ въ охотѣ удовлетвореніе, для его инстинктивнаго стремленія къ дѣятельности и движенію. Но, не будучи достаточно богатъ, чтобы содержать собственную охоту, онъ ѣздилъ охотиться у друзей, то у Барраса въ Гро-Буа, то въ Ренси, принадлежавшемъ тогда маркизу Ливри. Тамъ-то и встрѣтилъ его Жюффрау *Сенъ-Илеръ*, о чемъ я много разъ слышала рассказъ знаменитаго зоолога; послѣдній попросилъ при этомъ случаѣ его содѣйствія по части поимки звѣрей предназначавшихся для составленія первой основы нашего звѣринца. И мой превосходный opiekунъ говорилъ мнѣ, что никогда еще охота не доставляла ему такого удовольствія, какъ послѣ этой встрѣчи, когда любимое его жи-

няті такъ неожиданно оказалось связаннымъ съ общимъ интересомъ. Иногда ему случалось охотиться даже на оленя, понятно, къ великому неудовольствію иныхъ изъ пуританъ Горы. Но онъ вовсе не увлекался своими удовольствіями, не разстраивалъ своего небольшого состоянія и не ощущалъ надобности въ его увеличеніи, потому что вполне довольствовался своею «охотой», состоявшею всего изъ двухъ собакъ-таксъ, тѣхъ самыхъ, которыя въ разсказѣ Левассёра именуется «двумя великолѣпными сворами»; онъ очень любилъ ихъ и долго держалъ у себя.

«Нуженъ ли еще какой-нибудь другой комментарий къ разговору, записанному Левассёромъ въ его *Mémoires*? Достаточно перечитать его, чтобы сразу увидѣть его истинный характеръ. Конечно, онъ не могъ быть выдуманъ: онъ имѣетъ характеръ правдивости и добросовѣстности. Но кто же не замѣтитъ въ немъ того гусара изъ Майнцской арміи, который употребляетъ по отношенію къ надменному комиссару при Сѣверной арміи насмѣшливый пріемъ, носящій въ народномъ и военномъ языкѣ названіе черезчуръ рѣзкой фамильярности, чтобы мы стали повторять его здѣсь? Очевидно, что Мерленъ—быть можетъ, изъ досады на нѣкоторыя неумѣстныя выраженія—со свойственнымъ ему вызывающимъ юморомъ потѣшался надъ легковѣрною подозрительностью своихъ опасливыхъ сотоварищей. Есть одинъ только пунктъ, вѣроятно, незамѣтнымъ образомъ спутавшій воспоминанія Левассёра, именно пунктъ, касающійся эпитета «мошеникъ», будто бы брошеннаго имъ въ лицо своему собесѣднику. Онъ могъ проворчать это слово сквозь зубы, вставъ со своего мѣста, чтобы перейти на другой конецъ Горы, съ цѣлью сѣсть подальше отъ такого отвратительнаго сосѣдства; если же онъ произнесъ его вслухъ, то всѣ, когда-либо знавшіе Мерлена, даже въ его старости, могли бы сказать, подобно мнѣ, что отъ этого у Левассёра остался бы слѣдъ въ иномъ мѣстѣ, чѣмъ въ памяти.

«Такой, вѣроятно, отвѣтъ на этотъ анекдотъ далъ бы Мерленъ въ своихъ запискахъ, которыя онъ подготовлялъ и для которыхъ уже собралъ матеріалы, когда намѣреніе это было пресѣчено унесшею его отъ насъ смертью. А на выраженное г. Луи Вланомъ при этомъ случаѣ сожалѣніе, что Мерленъ не походилъ, въ отношеніи безкорыстія, побольше на Клебера и немного поменьше на Фуше и Камбасереса, я отвѣчу просто напоминаніемъ, что есть черта, которую историку не слѣдовало бы оставлять въ пренебреженіи, такъ какъ она способна дать возможность съ перваго же взгляда отличать людей, подлежащихъ оставленію въ компаніи разныхъ Фуше и Камбасересовъ: чертою этого является позлѣпная готовность сбросить съ себя значки республики и облачиться въ покойную ливрею Имперіи. Вотъ по чему узнаются души оподѣвшія въ сферахъ революціи. Развѣ душа Мерлена поддалась этому искушенію?»

ГЛАВА XII.

Законъ 22 преріалъ.

Какъ выбраться изъ террора? Препятствія.—Ужасныя столкновенія на югѣ.—Лжереволюціонеры; ихъ алчность.—Расхищеніе національныхъ земель.—Грабежъ подъ тѣвнью гильотины.—Журданъ-*Головорѣзъ* и Роверь.—Менѣе обличаетъ Журдана - *Головорѣза*; Робеспьеръ передаетъ его Революціонному суду; его приговариваютъ къ смертной казни.—Уничтоженіе деревни Бедуанъ.—Учрежденіе народной комиссіи въ Оранжѣ.—Составленныя Робеспьеромъ инструкціи.—Онъ хотѣлъ уничтожить терроръ путемъ террора.—Цѣль закона 22 преріалъ о преобразованіи Революціоннаго суда.—Важное заявленіе Фульке-Тенвила.—Принятіе закона 22 преріалъ по докладу Кутона.—Чудовищныя софизмы, которыми Робеспьеръ и Кутонъ поддѣрпывали этотъ пагубный законъ.—Статьи 10 и 20 этого закона не имѣли того смысла, какой имъ придавался.—Тревожное для Конвента истолкованіе этихъ статей Бурдономъ; изданный вслѣдствіе этого декретъ.—Бурная сцена въ Комитетѣ общественнаго спасенія.—Засѣданіе 24 преріалъ; Кутонъ называетъ комментари Бурдона клеветою и требуетъ отлѣны вынесеннаго наканунѣ вотума; рѣчь Робеспьера; испугъ Бурдона; Тальена обвиняютъ во лжи; письмо его къ Робеспьеру; принятіе заключеній Кутона.—Робеспьеръ рѣшаетъ отстраниться отъ Комитета общественнаго спасенія; почему.—Достопамятный примѣръ опасностей, которые влечетъ за собою усвоеніе доктрины: «цѣль оправдываетъ средства».

Праздникъ въ честь Верховнаго Существа былъ со стороны Робеспьера шагомъ, сдѣланнымъ съ цѣлью выбраться изъ террора. Къ тому же времени относится и предложенный имъ сотоварищамъ проектъ относительно организациіи правильнаго управленія. Осуществленіе этого проекта онъ считалъ, однако, невозможнымъ, если не будутъ сперва подвергнуты карѣ террористы Комитета всеобщей безопасности, каковыми были Амаръ, Жаго, Вадье и Вуланъ, а также тѣ изъ комиссаровъ Конвента, которыхъ онъ обвинялъ въ томъ, что они «запятнали себя кровью и грабежемъ»¹⁾, какъ Фуше (отъ Нанта), Фреронъ, Тальенъ и Карье. Эти лица являлись камнемъ преткновенія. Колло-д'Эрбуа, котораго Фуше увлекъ бы въ своемъ паденіи за собою, горячо воспротивился мысли Робеспьера, а Бильо-Варенъ поддержалъ Колло²⁾, не въ силу какого-нибудь личнаго чувства, а изъ революціоннаго фанатизма и изъ ненависти къ единичному вліянію. Нужно также сказать, что высокомѣріе Сентъ-Жюста, на котораго опирался Робеспьеръ, стало ненавистнымъ многимъ изъ ихъ сотоварищей. Еще въ началѣ флореалъ между Сентъ-Жюстомъ и Карно произошла ссора, при чемъ они обмѣня-

¹⁾ Онъ употребилъ именно это выраженіе.

²⁾ С. *Mémoires de Levasseur*, t. III, chap. X, p. 189.

лись очень рѣзкими словами, и послѣдній полунасмѣшливо, полузлбно произнесъ слово «диктатура»¹⁾. Открытый разрывъ былъ неизбеженъ, и обѣ стороны готовились къ бою.

Чтобы сдѣлать надлежащую оцѣнку того, какъ поступали въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ Робеспьеръ, Сень-Жюсть и Кутонъ, необходимо дать себѣ ясный отчетъ о стоявшихъ на ихъ пути препятствіяхъ.

Пресѣчь революціонныя жестокости было какъ нельзя болѣе желательно, но неукротимая враждебность роялистовъ дѣлала эту задачу въ высшей степени трудною и вела къ тому, что наибольшими патріотами представлялись самые непреклонные республиканцы; тѣ же изъ нихъ, которые предполагали побороть ярость противниковъ инымъ способомъ, чѣмъ яростью же, естественно, навлекали на себя упрекъ въ дряблости или даже подозрѣніе въ измѣнѣ. Въ различныхъ мѣстахъ Франціи система умѣренности была испробована, но, къ сожалѣнію, съ такимъ малымъ успѣхомъ, что пришлось снова взяться за топоръ. Какъ только начинало казаться, что революція пошла на послабленія, глухая ненависть ея враговъ переходила въ отвагу, и всякое стараніе расположить ихъ къ новому строю только усиливало въ нихъ надежду на побѣду. По какимъ невылазнымъ тропинкамъ приходилось пробираться Робеспьеру, лучше всего показываютъ событія, повлекшія за собою учрежденіе Оранжевой комиссіи и подготовившія изданіе того закона 22 преріаля, мрачную исторію котораго намъ остается изложить.

За исключеніемъ вандейскаго возстанія, революція не встрѣчала нигдѣ во Франціи болѣе сильнаго сопротивленія, какъ на югѣ. Тамъ оно часто принимало даже дикій характеръ. «Наканунѣ моего прибытія — сообщилъ Пейану одинъ изъ его друзей — шесть замаскированныхъ людей явились, около половины десятаго вечера, на дачу гражданина Гра, хорошаго патріота, котораго ты, должно быть, знаешь, схватили его слугъ, заперли ихъ, а самого Гра отвели въ погребъ и разстрѣляли, на глазахъ его маленькаго ребенка, котораго заставили держать лампу!»²⁾. При такихъ ужасахъ, вызывавшихъ другіе ужасы съ

¹⁾ *Réponse des membres des deux anciens Comités aux imputations de Lecointre*, p. 103 et 104, въ *Bibl. hist. de la Révol.*, 1097—8—9 (*British Museum*).

²⁾ *Lettre d'Agricol Moureau à Payan; papiers de Robespierre publiées par Courtois*.

противной стороны, тяжела была задача людей, которые хотѣли въ тѣхъ знойныхъ краяхъ придать революціи одновременно и энергической, и въ тоже время спокойный характеръ.

Съ другой стороны, тамъ, какъ и повсюду, низверженіе старыхъ порядковъ пробудило въ низкихъ душахъ алчные аппетиты, для которыхъ служилъ покровомъ показной патриотизмъ. Въ продажѣ національныхъ имуществъ было много такого, что являлось искушеніемъ для духа спекуляціи: на эту добычу приготовились ринуться тысячи гарпій. А такъ какъ обладаніе грозною властью было надежнымъ средствомъ къ покрытію постыдныхъ продѣлокъ, предотвращенію жалобъ и устраненію конкурентовъ, то многіе стали ярыми революціонерами, съ цѣлью добиться участія въ общественной власти, и домогались ея ради своего обогащенія. Национальныя имущества сдѣлались предметомъ истиннаго разбоя¹⁾. Часть буржуазіи, отвернувшаяся было отъ революціи изъ страха, присоединилась къ ней изъ алчности. Революціонные комитеты незамѣтно наполнились прокурорами, писцами, приставами, разными практическими людьми, закладчиками, прожженными и жадными торговцами²⁾. Даже дворяне имѣли тамъ представителей въ лицѣ своихъ довѣренныхъ. И всѣ бросились, подъ тѣню гильотины, на добычу. Особенно въ сельскихъ мѣстностяхъ зло развилось до такой степени, что Кутонъ вынужденъ былъ потребовать упраздненія революціонныхъ комитетовъ въ мелкихъ общинахъ³⁾.

Одною изъ наиболѣ отвратительныхъ чертъ въ этой картинѣ являлся тотъ грязный союзъ, въ который во многихъ случаяхъ вступали между собою противныя партіи изъ жадныя наживы. Рассказывая объ убійцѣ, сдѣлавшемся владѣльцемъ богатыхъ имѣній въ Венэсенскомъ графствѣ, маркиза д'Эрагъ говорила: «Вотъ увидите, что теперь, когда г. Журданъ усваиваетъ хорошіе принципы, у насъ его отнимутъ»⁴⁾. Человѣкъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, былъ Журданъ-Головорызь, прозванный такъ за то, что во время вторженія въ Версальскій дворецъ онъ отрубилъ головы двумъ лейбъ-гвардейцамъ, Де-

¹⁾ Относительно поднявшихся на этотъ счетъ жалобъ см. *Moniteur*, an III, № 84.

²⁾ См. засѣданіе клуба якобинцевъ 1 флореала (20 апрѣля) 1794 г., *Moniteur*, № 214.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Mémoires de l'abbé Guillon de Montléon*, t. II, p. 335.

зютту и Варикуру¹⁾). Онъ же былъ и тѣмъ человѣкомъ, который вырвалъ у Фулона сердце, чѣмъ потомъ самъ же хвастался!²⁾ Этотъ негодяй, послѣдовательно перебивавшій мясникомъ, подручнымъ у кузнеца, солдатомъ оверякаго полка, служащимъ при конюшняхъ маршала Во, виноторговцемъ въ Парижѣ подъ фамиліей Пти, продавецомъ красильной марены въ Авиньонѣ, потомъ генераломъ въ авиньонской арміи и, наконецъ, сдѣлавшійся начальникомъ эскадрона жандармовъ³⁾, нашелъ достойнаго сообщника по своимъ мошенническимъ продѣлкамъ въ лицѣ монтаньяра Ровера, который, присвоивъ себѣ при монархіи фамилію маркиза де Фонвьеля, добился своего избранія въ Конвентъ, выдавая себя за внука мясника⁴⁾. Эти два пріятели⁵⁾, вполне достойные одинъ другого, были устроителями на югѣ *черныхъ бандъ*. Подъ ихъ управленіемъ составилось общество, имѣвшее цѣлью скупку національныхъ земель за безцѣнокъ. Почти невѣроятное дѣло: въ эту ассоціацію хищниковъ входило болѣе пятисотъ человѣкъ, занимавшихъ общественныя должности! И, благодаря махинаціямъ этого общества, Роверу удалось приобрести за 80,000 ливровъ ассигнаціями имѣніе Жангили, стоившее 500,000 ливровъ звонкою монетою⁶⁾.

Таково было положеніе дѣлъ на югѣ, когда туда былъ командированъ членъ Конвента и робеспьеристъ Менье. Умѣренный умъ сочетался въ немъ съ мужественною честностью⁷⁾; грязные торгаши патріотизмомъ встрѣтили въ немъ врага, котораго никакія личныя соображенія не останавливали въ выполнении долга. Для Ровера, на котораго онъ сдѣлалъ донесеніе,

¹⁾ Beaulieu, статья Jourdan въ *Biographie universelle*.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ См. *Moniteur*, an II (1794), № 253.

⁴⁾ Beaulieu, статья Rovère въ *Biographie universelle*.

⁵⁾ Когда Роверъ подвергся нападкамъ въ клубѣ якобинцевъ, Журданъ-Головорезъ съ большою горячностью выступилъ въ его защиту. См. *Moniteur*, an II (1794), № 121.

⁶⁾ *Hist. parlem.*, t. XXXV, p. 172.

⁷⁾ Мышо-младшій, при всемъ своемъ ультра-роялизмѣ, не могъ не признать въ статьѣ своей о Менье (см. приложение къ *Biographie universelle*), что онъ пользовался репутаціей даровитаго и честнаго человѣка. Менье былъ изъ тѣхъ людей, которые остались непоколебимо вѣрными своимъ убѣжденіямъ. Послѣ 1830 г. онъ вступилъ въ адвокатуру и съ честью работалъ на этомъ поприщѣ до самой смерти, послѣдовавшей 15 октября 1834 г. Онъ былъ тогда старшиною совѣта адвокатовъ.

убѣжищемъ явился Конвентъ; что же касается Журдана-Головоръза, то, какъ ни зловѣща была окружавшая его, казалось, сила, ему пришлось держать отвѣтъ; въ первый разъ онъ успѣлъ оправдаться въ клубѣ якобинцевъ, гдѣ даже получилъ братскій поцѣлуй¹⁾; но преступленія его превзошли всякую мѣру. По донесенію Менье, Робеспьеръ добился привлеченія этого злодѣя къ отвѣту передъ Революціоннымъ судомъ, а тотъ приговорилъ его къ смертной казни, признавъ его уличеннымъ, въ числѣ другихъ преступленій, въ «расхищеніи національныхъ имуществъ, которое совершалъ, дабывая путемъ интригъ и террора присвоенія себѣ земель за безцѣнокъ»²⁾.

Чѣмъ глубже вникаешь въ исторію революціи, тѣмъ больше видишь себя вынужденнымъ признать, что партія, представителями которой были Робеспьеръ и его друзья, была партиєю честныхъ людей. Но люди эти могли успѣшно бороться съ безнравственными революціонерами лишь при томъ условіи, чтобы энергически подавлять роялистскихъ заговорщиковъ, такъ какъ иначе они были бы сочтены измѣнниками и навлекали бы на себя удары своихъ враговъ. Этимъ объясняется то, что Менье, который, по прибытіи въ Марсель, освободилъ многихъ «подозрительныхъ» и спасъ нѣсколькихъ несчастныхъ отъ гильотины, оказался, тѣмъ не менѣе, вынужденнымъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ по отношенію къ жителямъ Бедуэна.

Деревня Бедуэнъ, расположенная въ департаментѣ Воклюзы, у подошвы горы Ванту, съ самаго возникновенія республики непрерывно злоумышляла противъ нея. Здѣсь всегда находилась главная квартира организаторовъ тайныхъ замысловъ, при чемъ деревня эта была и любимымъ мѣстомъ съѣзда неприемлющихъ присяги священниковъ и фанатическихъ монахинь³⁾. Здѣсь неоднократно обсуждался вопросъ объ отмѣнѣ обѣта относительно единенія съ Франціей⁴⁾. Не довольствуясь храненіемъ головныхъ уборовъ, которые были носимы старинными консулами, Бедуэнъ

¹⁾ См. *Moniteur*, an II (1794), № 105.

²⁾ См. петицію, которою авиньонское народное общество ходатайствовало передъ Собраніемъ о наказаніи Журдана-Головоръза. Засѣданіе 28 флореали (17 мая) 1794 г. *Moniteur*, № 240.

³⁾ Мотивы одного приговора, постановленнаго воклюскимъ судомъ и прочитаннаго Менье въ засѣданіи Конвента 17 нивоза II года. *Moniteur*, № 110.

⁴⁾ *Ibid.*

свято сохранялъ у себя также и щитъ съ гербомъ Людовика XVI¹⁾. Существовали доказательства того, что большое число жителей этой деревни переписывалось съ эмигрантами, и что въ многихъ домахъ хранятся разные контръ-революціонные значки, подобные значкамъ въ Безиньянѣ и Жалесѣ: бѣлыя кокарды, монархическія грамоты, папскіе патенты, печати съ изображеніемъ лилій и пр.²⁾ Вдругъ Менье узнаетъ, что въ этомъ обычномъ гнѣздѣ контръ-революціи совершенно скандальное поруганіе закона: въ ночь съ 12 на 13 флореаля (1—2 мая) вырвано изъ земли дерево свободы, истоптанъ ногами увѣнчивавшій его красный колпакъ и декреты Конвента побросаны въ грязь³⁾. Отъ муниципалитета было потребовано, чтобы онъ разыскалъ виновныхъ, но тотъ отказался, отвѣтивъ: «Мы не знаемъ здѣсь никакихъ подозрительныхъ»⁴⁾. Начальникъ 4-го ардешскаго баталіона написалъ Менье, что необходимо проучить деревню — и наказать жестоко; онъ высказывался за разрушеніе Бедуэна. Офицеръ этотъ былъ «тотъ самый, который впоследствии сталъ близокъ къ императорской фамиліи, былъ маршаломъ Франціи, — тотъ самый, котораго государи называли своимъ кузеномъ»⁵⁾: это былъ Сюше. Окружное управленіе, въ свою очередь, потребовало уничтоженія притона враговъ. Менье хотѣлъ бы покарать лишь виновныхъ; но такъ какъ община, отказавъ въ ихъ выдачѣ, тѣмъ самымъ признала свою солидарность съ ними, то было рѣшено сжечь деревню, назначивъ ея жителямъ срокъ для выселенія изъ домовъ и удаленія принадлежащей имъ движимости⁶⁾. Мѣра для острастки края жестокая! Менье колебался и написалъ въ Комитетъ общественнаго спасенія: «Если вы находите эту мѣру слишкомъ крутою, то извѣстите меня о вашихъ намѣреніяхъ»⁷⁾. Въ другомъ письмѣ онъ предлагалъ вопросъ на разрѣшеніе Собранія⁸⁾. Наконецъ пришли инструкціи: онѣ обрекали Бедуэнъ гибели⁹⁾. Сюше привелъ состоявшееся постановленіе въ

¹⁾ *Moniteur*, an III, № 110.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ Michaud jeune, біографія Менье.

⁶⁾ Постановленіе 17 флореаля II года республики.

⁷⁾ *Moniteur*, an III, № 110.

⁸⁾ *Ibidem.*

⁹⁾ *Ibid.*

исполненію, но не въ всей его строгости. Такъ какъ въ виду имѣлось только пресѣчь, путемъ примѣрного наказанія, возрастающую смѣлость заговорщиковъ, то сожжено было лишь шесть домовъ ¹⁾; да и этого было уже слишкомъ много. Названо это было пожаромъ въ Бедуэнъ ²⁾.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ Менье писалъ Кутону: «Департаментъ Воклюзы кишитъ заговорщиками. Если бы пожелали примѣнить декретъ, предписывающій препровождать заговорщиковъ въ Парижъ, то для конвоированія ихъ потребовалась бы цѣлая армія и по дорогѣ нужно было бы расположить продовольственные пункты». Въ виду этого онъ испрашивалъ разрѣшенія учредить народную комиссію для производства суда на мѣстѣ ³⁾. Комитеты общественного спасенія и всеобщей безопасности тотчасъ же собрались въ общее засѣданіе, обсудили вопросъ и постановили учредить въ Оранжѣ (городъ Авиньонъ считался неблагонадежнымъ) народную комиссію изъ пяти членовъ для производства суда надъ врагами революціи въ департаментахъ Воклюзы и Устьевь-Роны ⁴⁾.

Постановленіе это предложено было Кутонемъ и всѣми одобрено ⁵⁾. Оно было совершенно законно, и неправы дѣлавшіе впоследствии нареканія на Комитеты, съ указаніемъ на совершенное ими, будто бы, въ данномъ случаѣ превышеніе власти ⁶⁾.

¹⁾ *Hist. parlem.*, t. XXXV, p. 173.

²⁾ Нужно замѣтить, что послѣ 9 термидора дѣйствія Менье въ этомъ случаѣ подверглись горячимъ нападкамъ со стороны Ровера, на котораго онъ доносилъ, какъ на расхитителя общественного достоянія, при чемъ Менье вышелъ изъ этихъ нападокъ побѣдителемъ даже въ тѣ дни бѣшеной реакціи и несмотря на то, что былъ завѣдомымъ робеспьеристомъ. Еще поразительнѣе то, что когда жители Бедуэна, много времени спустя послѣ исполненія вышеупомянутаго рокового постановленія, подали жалобу въ Конвентъ, они воздержались отъ обвиненія лично Менье, уже не имѣвшаго тогда никакого вліянія. См. засѣданіе 14 фримера (5 декабря) 1794 г.

³⁾ Докладъ Саладена, № XL оправдательныхъ документовъ.

⁴⁾ Постановленіе отъ 21 флореала II года французской республики.

⁵⁾ Послѣ 9 термидора Билью, Колло и Бареръ хотя и не утверждали, что они были противъ этого постановленія, однако старались сложить съ себя отвѣтственность за него. Билью забывалъ при этомъ свой собственный отвѣтъ на этотъ счетъ Лекуантру въ засѣданіи 13 фриктидора: «*He знаю, подписалъ ли я его, но если не подписалъ, то сейчасъ подпишу*». См. *Lecointre au peuple français*, p. 76 et 77. *Bibl. hist. de la Révol.*, 1100—1 (*British Museum*).

⁶⁾ Декретомъ Конвента 29 вангоза (13 марта) соединеннымъ Комитетами было самымъ опредѣленнымъ образомъ поручено учредить шесть *народныхъ*

Составленные Робеспьеромъ и посланные изъ Парижа инструкціи были таковы:

«Для суда надъ врагами революціи избираются члены народной комиссіи въ Оранжѣ.

«Врагами революціи признаются люди, которые какими бы то ни было средствами и подъ какою бы ни было личиною старались нарушить ходъ революціи и воспрепятствовать упроченію республики.

«Преступленіе это карается смертью; требуемыми для осужденія доказательствами признаются всякіе свѣдѣнія, какого бы рода они ни были, которыя окажутся убѣдительными для разсудительнаго и преданнаго свободѣ чловѣка.

«Мѣриломъ для постановленія приговора служитъ совѣсть судьи, освѣщаемая любовью къ справедливости и къ отечеству; цѣлью приговора является общественное спасеніе и истребленіе враговъ отечества.

«Взоры членовъ комиссіи будутъ постоянно устремлены на эту великую цѣль; ей члены комиссіи будутъ жертвовать всякими личными соображеніями.

«Они будутъ жить въ томъ спасительномъ уединеніи, которое является надежнѣйшею порукой въ честности судей и тѣмъ самымъ доставляетъ имъ довѣріе и уваженіе; онѣ будутъ отклонять всѣ опасныя ходатайства, избѣгать всякихъ обществъ и частныхъ связей, которыя могутъ ослабить энергію защитниковъ свободы и вліять на совѣсть судей. Они не будутъ забывать, что несутъ самую полезную и наиболѣе почтенную службу, и что наградою за ихъ добродѣтель будутъ торжество республики, счастье отечества и уваженіе согражданъ»¹⁾.

Бумага съ этими инструкціями, писанная рукою Робеспьера,

комиссій для суда надъ врагами революціи. Правда, закономъ 19 флореалья (8 мая) провинціальныя революціонныя суды были упразднены, при чемъ было оговорено, что на будущее время они могутъ быть учреждаемы не иначе, какъ по декрету Конвента. Но въ своемъ *Réponse aux pièces communiquées par la Commission des 21* Вильо-Варенъ, Колло-д'Эрбуа и Бареръ справедливо замѣтили, что законъ 19 флореалья относится къ революціоннымъ судамъ, а не къ народнымъ комиссіямъ, имѣвшимъ особый характеръ. Поэтому оранжская комиссія явилась лишь замѣною комиссіи марсельской, организованной на гораздо болѣе строгихъ началахъ. См. помянутый *Réponse* въ *Biblioth. hist. de la Révol.*, 1097—8—9 (*British Museum*).

¹⁾ Докладъ, внесенный Саладеномъ отъ имени «Комиссіи двадцати одного» въ *Bibl. hist. de la Révol.*, 1097—8—9 (*British Museum*).

не была подписана ни однимъ изъ членовъ Комитета; но въ протоколѣ объ открытіи дѣйствій оранжской комиссіи она помѣщена цѣликомъ, за подписями Карно, Бильо-Варена и Кутона¹⁾.

Въ этомъ документѣ прежде всего поражаетъ безусловное подчиненіе *судебныхъ формъ* совѣсти судьи. Совѣсть эта, освѣщаемая любовью къ справедливости, признается «мѣриломъ для постановленія приговора». Нѣтъ ни присяжныхъ, ни точнаго опредѣленія дѣяній, составляющихъ преступное «оскорбленіе отечества». Цѣлью ставится такая неопредѣленная, доступная множеству различныхъ толкованій вещь, какъ *общественное спасеніе*. Какъ могъ Робеспьеръ закрыть глаза на явную опасность подобной доктрины? Какъ могъ онъ не признать той столь элементарной истины, что *формы* являются необходимою охраной подсудимаго отъ возможныхъ ошибокъ или увлеченій судьи? Предоставимъ объясниться ему самому:

«Аристократія ограждаетъ себя своими интригами лучше, чѣмъ патріотизмъ своими услугами. Революціями хотятъ у насъ управлять при помощи судейскихъ изворотовъ; въ дѣлахъ о заговорахъ поступаютъ такъ же, какъ въ процессахъ между частными лицами. Тиранія убиваетъ; свобода защищаетъ! А судятъ заговорщиковъ по законамъ, составленнымъ ими же! Какъ! дѣло идетъ о спасеніи отечества, а между тѣмъ ни свидѣтельству всей вселенной не можетъ быть отдаваемо предпочтенія передъ свидѣтельскимъ показаніемъ, ни сама очевидность не можетъ быть поставляема выше буквенной улики²⁾!»

Тиранія убиваетъ, свобода защищаетъ... Но если бы свобода, вмѣсто того, чтобы защищать, убивала, то чѣмъ же отличалась бы она отъ тираніи? Въ ходѣ человѣческихъ событій, несомнѣнно, бываютъ роковые моменты, которые ускользаютъ изъ-подъ власти обычныхъ правилъ; но когда этими обычными правилами являются начала, по природѣ своей абсолютныя, то всякій, кто отступаетъ отъ нихъ, разверзаетъ бездонныя пропасти. Это-то и проглядѣлъ Робеспьеръ, вслѣдствіе предвзвѣтой мысли, на которую не было до сихъ поръ указано историками.

Робеспьеръ исходилъ изъ той — можетъ быть и вѣрной, но

¹⁾ Докладъ Саладена въ *Bill. hist. de la Révol.* 1097—9 (British Museum).

²⁾ *Rapport sur les principes de morale politique*, засѣданіе 17 плувиоза (5 февраля 1794).

опасной—точки зрѣнія, будто *формы* судопроизводства обеспечиваютъ дѣйствительную охрану только могущественнымъ преступникамъ¹⁾. Онъ видывалъ, какъ гибли люди, не имѣвшіе защиты, тогда какъ у заговорщиковъ высокаго полета не оказывалось на судѣ недостатка ни въ какихъ средствахъ защиты, даваемыхъ высокимъ положеніемъ или покупаемыхъ за деньги. Эта мысль безотвязно преслѣдовала его и преисполняла негодованіемъ, о чемъ свидѣлствуютъ всѣ его рѣчи. Онъ съ содроганіемъ смотрѣлъ на то, какъ часто революція находила враговъ въ средѣ самого народа и судила ихъ съ сохраненіемъ гарантій, дѣйствительныхъ для людей сильныхъ, но призрачныхъ для слабыхъ²⁾. При томъ, на его взглядъ, преступниками, подлежащими карѣ, являлись не только составители роялистскихъ заговоровъ, но и тѣ безнравственные революціонеры, неискренніе жестокіе люди, которые пользуются терроромъ для удовлетворенія своихъ личныхъ выгодъ, и которымъ ловкое выставленіе напоказъ своего патріотизма, состояніе, пріобрѣтенная дурнымъ путемъ популярность, даже сами ихъ революціонныя излишества сулятъ безнаказанность, если только съ ними бороться тѣмъ же оружіемъ, которое употребляется противъ менѣ популярныхъ и болѣе безвѣстныхъ преступниковъ. Чтобы одолѣть Шнейдера, потребовалась вся энергія Сень-Жюста; да и Журданъ-Головорызь могъ долго проявлять свою алчную тиранию, пока Робеспьеру удалось сразить его; что же было бы, когда пришлось бы имѣть дѣло съ вліятельными членами Конвента, опиравшимися въ стѣнъ Собранія на многочисленныхъ сторонниковъ, напримеръ, съ Тальеномъ, или съ Фуше, или съ Карье? Противъ террористовъ такого рода Робеспьеръ считалъ возможнымъ дѣйствовать только терроромъ же которымъ они столько злоупотребляли, и путемъ такой организаціи Революціоннаго суда, которая давала бы возможность карать ихъ, не давая имъ опомниться.

Собственныя его рѣчи доказываютъ, впрочемъ, что именно такова была его мысль; слѣдующія выдержки, которыя были слишкомъ мало замѣчаемы, не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ опредѣлявшихъ его политику причинъ:

¹⁾ *Rapport sur les principes* Ас., засѣданіе 17 плювіаза (5 февр.).

²⁾ Докладъ Кутона о законѣ 22 преріаля представлялъ собою, какъ мы увидимъ, лишь развитіе этихъ мыслей.

«Милость злодѣямъ?... Нѣтъ, милость по отношенію къ невинности, милость слабымъ, милость несчастнымъ, милость гуманности! ¹⁾). Горе тому, кто осмѣлился бы направить противъ народа терроръ, который долженъ касаться только его враговъ! Горе тому, кто, смѣшивая неизбѣжныя ошибки цивизма съ умысленными ошибками вѣроломства или съ посягательствами заговорщиковъ, оставитъ опаснаго интригана, чтобы преслѣдовать мирнаго гражданина! Да погибнетъ злодѣй, осмѣливающійся злоупотреблять священнымъ именемъ свободы или грознымъ оружіемъ, которое она ему ввѣрила, и тѣмъ самымъ вносящій скорбь или смерть въ сердца патріотовъ! ²⁾). Развѣ это мы (т. е. онъ, Сень-Жюсть и Кутонъ) вносили терроръ во всеіи обществу? Это дѣлали чудовища, которыхъ мы обвиняли. Развѣ это мы объявили войну мирнымъ гражданамъ, возвели въ преступленія неисправимые предразсудки или вещи безразличныя, чтобы всюду находить виновныхъ и сдѣлать революцію грозною для самого народа? Это сдѣлали тѣ чудовища, которыхъ мы обвиняли...» ³⁾) и т. д., и т. д.

Итакъ, Робеспьеръ желалъ бы, чтобы въ трепеть были приводимы какъ разъ тѣ люди, которые сами всеіи приводили въ трепеть. Онъ возымѣлъ смѣлое намѣреніе разрознить ихъ собственною ихъ дубиною, убить терроръ терроромъ же. Но онъ зналъ могущество и численность своихъ противниковъ; онъ заранѣе видѣлъ, какъ они, когда настанетъ минута предать ихъ суду, опутаютъ его своими интригами, стануть запугивать его своими воплями, прикрываться судебнымъ крючкотворствомъ, выставлять противъ моральной правды правду судебную, а доказательства, вытекающія изъ хитроумно истолкованнаго текста или изъ продажнаго показанія, противопоставлять тѣмъ моральнымъ доказательствамъ, очевидность которыхъ вопіетъ ко всякой честной совѣсти. Онъ видѣлъ, какъ они воспользуются услугами адвокатовъ для нападенія, а не для своей защиты, какъ соберутъ вокругъ себя всеіи своихъ сторонниковъ подъ видомъ свидѣтелей и превратятъ судилище, какъ

¹⁾ *Rapport sur les principes de morale politique*, засѣданіе 17 плювіоза (6 февраля) 1794 г.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ Послѣдняя рѣчь Робеспьера, произнесенная 8 термидора II года (26-го іюля 1794 г.),

пытался сдѣлать Дантонъ, въ поле битвы¹⁾. Эти мрачныя мысли, которыми подсказаны были посланныя оранжской комиссіи инструкціи, внушили Робеспьеру и составленный въ томъ же духѣ законъ: слишкомъ знаменитый законъ 22 преріала (10 июня) о преобразованіи Революціоннаго суда.

Законъ этотъ, совершенно особый трудъ Робеспьера, который онъ внесъ чрезъ Кутона, не сообщивъ его предварительно другимъ своимъ сотоварищамъ по Комитету общественнаго спасенія²⁾, обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, временемъ своего появленія: онъ созданъ, когда только-что прошелъ праздникъ въ честь Верховнаго Существа. Сопоставленіе это могло бы показаться удивительнымъ, если не вспомнить того, какія угрозы раздавались на праздникъ въ ухахъ Робеспьера, и какія обиды вонзились въ тотъ день въ его сердце наподобіе отравленныхъ стрѣлъ.

Впрочемъ, законъ этотъ не былъ плодомъ внезапнаго порыва. Проектъ его назрѣвалъ уже нѣсколько дней, и тайны изъ него не дѣлалось. Комитеты отлично знали, что Робеспьеръ подготавливаетъ законъ, составляющій сколокъ съ принятыхъ уже распоряженій относительно учрежденія народной комиссіи въ Оранжъ³⁾. Въ Революціонномъ судѣ Дюма и присяжные открыто разговаривали о немъ⁴⁾. Молва дошла и до Фукье-Тенвиля⁵⁾; онъ узналъ даже, что предполагается упразднить защитниковъ; толки же о томъ, будто во всемъ этомъ онъ раздѣлялъ возрѣнія Робеспьера совершенно ложны, такъ какъ онъ всѣми силами старался устранить весь проектъ. Необходимо привести его собственное заявленіе: «Освѣдомившись, что новымъ закономъ предположено упразднить допросъ и защитниковъ, я явился въ Комитетъ общественнаго спасенія и высказалъ находившимся тамъ гражданамъ Бильо-Варену, Коллод'Эрбуа, Бареру и Карно мои опасенія. Мнѣ категорически отвѣтили, что это дѣло Робеспьера. Оттуда я отправился въ

¹⁾ Что таковы были мысли Робеспьера, самымъ неопровержимымъ образомъ доказываетъ докладъ Кутона, о которомъ у насъ сейчасъ будетъ рѣчь.

²⁾ *Observations de Barère sur le rapport de Saladin*, № VI, p. 5. *Bibl. hist. de la Révol.*, 1097—8—9 (*British Museum*).

³⁾ Заявленіе Фукье-Тенвиля. См. *Laurent Lecointre au peuple français* p. 74. *Bibl. hist. de la Révol.*, 1100—1 (*British Museum*).

⁴⁾ *Bibl. hist. de la Révol.*, 1100—1 (*British Museum*).

⁵⁾ *Ibid.*

Комитетъ всеобщей безопасности, гдѣ выразилъ тѣ же опасенія гражданамъ Вадье, Амару, Дюбаррану, Вулану, Луи (отъ д-та Нижняго-Рейна), Ла-Виконтри и Эли Лакосту. Всѣ они отвѣтили мнѣ, что такой законъ вносить невозможно, и что они полагаютъ, какъ поступить¹⁾... Узнавъ, что число присяжныхъ предполагается сократить съ девяти до семи, я энергически возсталъ въ Комитетѣ общественнаго спасенія противъ этого сокращенія, основываясь на томъ, что въ случаѣ осуществленія такой мѣры Революціонный судъ утратитъ довѣріе, которымъ до тѣхъ поръ пользовался. Присутствовавшій тогда Робеспьеръ зажалъ мнѣ ротъ возраженіемъ, что такъ могутъ говорить только аристократы. Разговоръ этотъ происходилъ въ присутствіи Бильо, сидѣвшаго за столомъ между Робеспьеромъ и мною, и гражданъ Колло, Барера и Приера. Всѣ умолкли, и я удалился»²⁾.

Таково было положеніе дѣлъ, когда, 22 преріаля (10 іюня), Кутонъ взошелъ на трибуну. Съ большою пышностью прибыли въ Конвентъ почти всѣ члены обоихъ Комитетовъ³⁾. Въ числѣ присутствовавшихъ выдѣлялись Бильо, Колло и Бареръ⁴⁾. Кутонъ, говоря отъ имени Комитета общественнаго спасенія⁵⁾, началъ свою рѣчь такъ:

«Всѣ наши возрѣнія на различныя части управленія нуждались въ измѣненіи; всѣ они были лишь предразсудками, мнѣніями, созданными коварствомъ и интересами деспотизма, или же причудливою смѣсью обмана съ правдою—смѣсью, являвшеюся неизбѣжнымъ результатомъ вынужденныхъ разумомъ сдѣлокъ. Бѣдная часть этихъ ложныхъ или темныхъ понятій удержалась даже въ самой революціи... Разительный примѣръ этого представляетъ намъ порядокъ судопроизводства: онъ былъ настолько же благопріятенъ для преступленія, насколько гнетущъ для невинности... Деспотическій строй создалъ особую судебную правду, которая не была правдою моральной и естественной, была даже противоположна ей, однако же она, вмѣстѣ со страстями, рѣшала участь невинности и преступленія; очевидность

¹⁾ *Bibl. hist. de la Révol.*, p. 1100—1 (*British Museum*).

²⁾ *Ibid.*, p. 75.

³⁾ *Laurent Lecointre au peuple français*, p. 86. *Bibl. hist. de la Révol.*, 1100—1 (*British Museum*).

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ См. *Moniteur*, an II (1794), № 264.

не считалась доказательною безъ свидѣтелей и письменныхъ документовъ, а окруженная этими спутниками ложь имѣла право диктовать правосудію рѣшенія. Справедливость была жерелигіей, состоявшей цѣликомъ изъ догмъ, обрядовъ и таинствъ, и мораль была изъ нея изгнана. Моральная доказательства не ставились ни во что, какъ будто человѣческія сужденія могутъ быть опредѣляемы другимъ мѣриломъ, какъ будто наиматеріальнѣйшія доказательства могутъ сами по себѣ имѣть цѣну иначе, чѣмъ въ качествѣ доказательствъ моральныхъ!..»¹⁾

Перейдя къ необходимости избѣгать смѣшенія мѣръ, принятыхъ республикой для подавленія заговоровъ, съ обычными функціями судовъ по отношенію къ частнымъ преступленіямъ, Кутонъ продолжалъ: «Обыкновенныя преступленія наносятъ непосредственный вредъ цѣлому обществу; а такъ какъ они, по своей природѣ, не подвергаютъ общественнаго благополучія непосредственной опасности, и правосудіе разрѣшаетъ столкновенія между интересами частными, то судъ можетъ допускать нѣкоторыя промедленія, нѣкоторую роскошь формъ судопроизводства и даже извѣстнаго рода снисхожденіе къ подсудимому; все дѣло правосудія сводится къ мирному принятію утонченныхъ мѣръ предосторожности для огражденія слабаго отъ злоупотребленій со стороны судебной власти. Доктрина эта гуманна, потому что соотвѣтствуетъ столько же общественному, сколько и частному интересу. Напротивъ, преступленія заговорщиковъ угрожаютъ непосредственно существованію общества или его свободѣ, что одно и то же. Здѣсь жизнь злодѣевъ кладется на вѣсы съ жизнью народа, и всякое промедленіе преступно, всякая снисходительная формальность является излишнею и составляетъ общественную опасность. Срокомъ для наказанія враговъ отечества должно быть лишь то время, какое нужно для того, чтобы узнать ихъ: дѣло идетъ не столько о наказаніи, сколько объ истребленіи ихъ»²⁾.

Относительно роли защитниковъ Кутонъ говорилъ: «Члены Уголовнаго суда уже довольно давно тому назадъ писали Комитету общественнаго спасенія, что дѣльцы-защитники скандальнымъ образомъ грабятъ подсудимыхъ, что такой-то вытре-

¹⁾ *Ibid.*

²⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 264.

боваль себѣ за защиту 150 ливровъ, что одни только несчастные бѣдняки остаются безъ защиты»¹⁾).

Докладъ этотъ не лишенъ былъ ловкости. Но что за чудовищные софизмы! Какъ! изъ-за того, что бѣдняки остаются иногда безъ защиты, слѣдуетъ вообще упразднить защитниковъ? Какъ! изъ-за того, что формы судопроизводства служатъ иногда прикрытіемъ для виновныхъ, надо лишить невиновныхъ охраны? И что значили выводы, сдѣланные Кутономъ изъ того, что между преступленіями, грозящими опасностью обществу, и тѣми, которыя касаются лишь частныхъ лицъ, существуетъ различіе? Когда люди обращаются къ суду, первымъ дѣломъ надо выяснитъ—какъ ни громадно было бы преступленіе—дѣйствительно ли виновенъ обвиняемый; скажу болѣе: чѣмъ громаднѣе преступленіе, тѣмъ съ большею тщательностью и мелочностью слѣдуетъ установить его, потому что въ этомъ случаѣ несчастіе тѣмъ болѣе ужасно, и несправедливость была бы тѣмъ болѣе вопіюща. Да чѣмъ же тутъ логика Робеспьера и Кутона огличается отъ той логики, которая въ лихолѣтія породжала исключительные суды, Звѣздныя палаты, верховные суды, военно-судныя комиссіи и превращала правосудіе къ тиранію, усиленную лицемѣріемъ? Какое жалкое безуміе—урѣзывать гарантіи подсудимаго въ революціонное время!.. Именно въ такое-то время и было бы настоятельно необходимо увеличить число этихъ гаранцій, потому что среди междоусобныхъ раздоровъ голосъ совѣсти слишкомъ часто заглушается шумомъ вступившихъ въ борьбу страстей. Въ области политическихъ мнѣній, по самой природѣ своей столь спорныхъ, такъ какъ считается однимъ за преступленіе, признается другимъ за добродѣтель, очевидность оказывается уже дѣломъ лишь *относительнымъ*; при такихъ условіяхъ можетъ ли судья, всегда принадлежащій къ партіи и, при томъ, къ партіи-побѣдительницѣ, относиться къ исходу судебного дѣла съ такимъ же безпристрастіемъ, съ какимъ относится къ нему судья, разбирающій дѣло между частными лицами? Тщетно было бы надѣяться на это. Нѣтъ такого политическаго судьи, въ которомъ подсудимый не встрѣчалъ бы врага; слѣдовательно, все то, что будетъ добавлено къ неограниченной силѣ судьи, рискуетъ быть отнятымъ отъ правосудія.

Эти начала не были признаны внесеннымъ 22 преріала за-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 264.

кономъ, какъ не были они признаваемы раньше и впоследствии столькими законами, бывшими продуктомъ менѣ благородныхъ страстей, но опиравшимися на тѣ же софизмы!

Вотъ главныя положенія внесеннаго Кутонемъ декрета:

«Революціонный судъ будетъ раздѣленъ на отдѣлы, состоящіе изъ двѣнадцати членовъ, именно: трехъ судей и девяти присяжныхъ, которые могутъ судить не иначе, какъ въ составѣ не менѣ семи человекъ.

«Революціонный судъ учреждается для суда противъ враговъ народа...

«Карю за преступленія, подлежащія вѣдѣнію Революціоннаго суда, будетъ смертная казнь.

«Уликою, необходимою для осужденія враговъ народа, признаются всякаго рода доказательства, какъ матеріальныя, такъ и моральныя, какъ словесныя, такъ и письменныя, которые могутъ быть естественно признаны дѣйствительными всякимъ справедливымъ и здравымъ умомъ. Мѣриломъ для постановленія приговоровъ служитъ совѣсть судей, руководящаяся любовью къ отечеству, цѣлью ихъ является торжество республики и гибель ея враговъ, а судопроизводствомъ—простыя средства, указываемыя здравымъ смысломъ для выясненія истины въ опредѣляемыхъ закономъ формахъ.

«Законъ ограничивается слѣдующимъ пунктами:

«Всякій гражданинъ имѣетъ право задерживать и представлять къ властямъ заговорщиковъ и контръ-революціонеровъ, Онъ обязанъ доносить на нихъ, какъ только о нихъ узнаетъ.

«Къ Революціонному суду никто не можетъ быть привлекаемъ никѣмъ, кромѣ Національнаго Конвента, Комитета общественнаго спасенія, Комитета всеобщей безопасности, народныхъ представителей, состоящихъ комиссарами Конвента, и прокурора (ст. 10).

«Подсудимый будетъ допрашиваться въ засѣданіи суда, публично; формальность предварительнаго негласнаго слѣдствія излишня и можетъ быть выполняема только въ особыхъ случаяхъ, когда это будетъ признано нужнымъ для выясненія истины.

«Если имѣются улики, матеріальныя ли или моральныя, независимо отъ свидѣтельскихъ показаній, то свидѣтели допрашиваться не будутъ, если только эта формальность не окажется нужною либо для обнаруженія сообщниковъ, либо по другимъ высшимъ соображеніямъ общественнаго интереса.

«Въ защитники оклеветаннымъ патріотамъ законъ даетъ патріотически мыслящихъ присяжныхъ; заговорщикамъ онъ отказываетъ въ защитникахъ.

«Конвентъ отмѣняетъ всѣ тѣ предшествовавшіе законы, которые оказались бы несоотвѣтствующими настоящему декрету, и не имѣетъ въ виду того, чтобы законы относительно организаціи обыкновенныхъ судовъ примѣнялись къ преступленіямъ, связаннымъ съ контръ-революціей, а также къ дѣятельности Революціоннаго суда (ст. 20)»¹⁾.

По опредѣленію декрета, «врагами народа» признавались такія лица, которые: добиваются возстановленія королевской власти; стараются опорочить Конвентъ; измѣняютъ республикѣ, пользуясь отпращиваніемъ военной или гражданской общественной должности; вызываютъ голодовку. Но, рядомъ съ этими преступленіями, перечислялись и другія, до ужаса неопредѣленнаго характера, какъ, напримѣръ: вызываніе въ обществѣ упадка духа; распространеніе ложныхъ извѣстій, съ цѣлью посѣять въ народѣ смуту; введеніе общественнаго мнѣнія въ заблужденіе; порча нравовъ; развращеніе общественной совѣсти²⁾. Какъ много надо было полагаться на умъ и честность судей, чтобы питать увѣренность, что они не стануть злоупотреблять тѣмъ оружіемъ, которое давали имъ въ руки столь мало точныя опредѣленія!

Въ двухъ статьяхъ крылась, повидимому, угроза по адресу Конвента; онѣ нуждались въ объясненіи. То были статьи десятая и двѣнадцатая. До тѣхъ поръ ни одинъ членъ Конвента не могъ быть привлекаемъ къ отвѣту предъ Революціоннымъ судомъ безъ предварительнаго принятія соотвѣтственнаго декрета самимъ Собраніемъ: неужели составители закона 22 преріала имѣли намѣреніе присвоить отнынѣ обоимъ Комитетамъ, командируемымъ комиссарамъ Конвента и прокурору право преслѣдовать народныхъ представителей независимо отъ всякаго декрета Собранія? Казалось, это дѣйствительно вытекало изъ сопоставленія статьи 10-й съ 20-ю статьей, и это-то дало нѣсколькимъ историкамъ поводъ думать, будто, по мысли Робеспьера, законъ 22 преріала имѣлъ лишь одну цѣль: незамѣтно лишить тѣхъ членовъ, которыхъ онъ хотѣлъ сразить, защиты со стороны ихъ сотоварищей, обезоружить Конвентъ³⁾.

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 264.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ См. что говорятъ на этотъ счетъ авторъ *Histoire parlem.*, t. XXXIII, p. 183.

По нашему мнѣнію, эта гипотеза, единственною основой которой является неясность редакціи означенныхъ статей, принята быть не можетъ. Никто не былъ болѣе Робеспьера убѣжденъ въ необходимости все относить къ Конвенту, какъ къ единственному источнику власти. Въ его глазахъ Конвентъ былъ органомъ верховновластія народа, и ничто не должно было дѣлаться иначе, какъ путемъ проявленія этого великаго принципа, по крайней мѣрѣ подъ его сѣнью и отъ его имени. Въ клубѣ якобинцевъ онъ непрерывно возвращался къ этому своему исповѣданію, настолько искреннему въ этомъ отношеніи, что 9 термидора, до глубины души встревожась мыслью о поднятіи руки на Конвентъ, онъ геройски спросилъ у тѣхъ, кто настойчиво предлагалъ ему присоединиться къ возмущенію противъ Собранія: *Да отъ чьего же имени?* И, будучи вынужденъ сдѣлать выборъ между отреченіемъ отъ своего вѣрованія и смертью, онъ предпочелъ смерть! ¹⁾

При томъ, что же онъ выигралъ бы, если бы отдалъ каждого члена Конвента на произволь Комитетовъ? Развѣ ихъ могущество было его могуществомъ? Развѣ въ Комитетѣ общественнаго спасенія не было противъ него подавляющаго большинства? Развѣ Комитетъ всеобщей безопасности не состоялъ изъ его жесточайшихъ враговъ? Какъ понять, чтобы онъ, желая добратъся на скамьяхъ Конвента до Бурдона, Тальена, Фуше, Ровера и Карье, сталъ требовать власти арестовать ихъ безъ предварительнаго декрета... для кого? Для себя? Нѣтъ, для того большинства, которымъ руководили его противники: въ Комитетѣ общественнаго спасенія Бильо-Варенъ и Колло-д'Эрбуа, а въ Комитетѣ всеобщей безопасности—Вадье, Вуланъ, Жаго, Амаръ. Такъ какъ вліяніе его обуславливалось преимущественно тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производили на Собраніе его рѣчи, то какой же былъ у него интересъ отказываться отъ этого преимущества?

Мало того: по оспариваемой нами гипотезѣ, Робеспьеръ намѣревался, будто бы, присвоить прокурору право непосредственно привлекать членовъ Конвента къ отвѣту передъ Революціоннымъ судомъ. Но для того, чтобы подобная мѣра была благоприятна его замысламъ, нужно было бы, чтобы прокуроръ былъ

¹⁾ См. въ слѣдующемъ томѣ рассказъ о 9-мъ термидора.

вполнѣ преданъ ему¹⁾, а этого вовсе не было. Напротивъ, Фукье-Тенвиль ненавидѣлъ Робеспьера, и его противодѣйствіе закону 22 преріала достаточно показываетъ, что породившія этотъ законъ соображенія не были ему сообщены.

Соображенія эти уже были изложены нами: такъ какъ Робеспьеръ задумалъ карать нѣсколькихъ могущественныхъ преступниковъ, то вопросъ шелъ о томъ, чтобы лишить ихъ возможности обратить свой процессъ въ политическую битву.

Во всякомъ случаѣ, декретъ истолкованъ былъ его врагами—изъ дѣйствительной ли боязни или изъ ненависти и лукавства—въ смыслѣ посягательства на права Конвента. Докладъ Кутона былъ выслушанъ молча; но едва онъ прочиталъ декретъ, Рюанъ воскликнулъ: «Я предлагаю отсрочку; если отсрочка не была бы принята, я застрѣлился бы»²⁾. Лекуантръ поддержалъ это предложеніе. Бареръ, умѣвшій искусно оставлять себѣ лазейки, выразилъ пожеланіе, чтобы отсрочка не превышала трехъ дней, такъ какъ законодатели—сказалъ онъ—могутъ имѣть лишь одно мнѣніе относительно закона, который весь составленъ *въ пользу патриотовъ*³⁾. Бильо-Варенъ и Колло-д'Эрбуа въ засѣданіи присутствовали, но промолчали⁴⁾. Робеспьеръ, заговоривъ съ горячностью, настаивалъ, чтобы законъ былъ вотированъ въ этомъ же засѣданіи, хотя бы для этого пришлось затянуть пренія до 9 часовъ вечера. Заключение его были приняты и, послѣ очень непродолжительныхъ преній, законъ былъ вотированъ. Срокъ полномочій Комитета истекъ; Кутонъ предложилъ возобновить ихъ и не встрѣтилъ никакого сопротивленія⁵⁾.

Но подъ этимъ съ готовностью выраженнымъ согласіемъ таилась кипучая досада, обратившаяся въ тотъ же вечеръ въ скандальныя сцены. Когда Тальенъ прогуливался съ двумя со-товарищами въ Тюильрійскомъ саду, очень оживленно бесѣдуя и громко говоря о гильотинѣ, имъ показалось, что ихъ выслѣживаютъ; они прямо подошли къ любопытствовавшимъ, обру-

¹⁾ Вильоме, въ своей *Histoire de la Révolution*, t. IV, p. 117, говоритъ это, не приводя ни малѣйшихъ тому доказательствъ, и ошибается. См. выше, главу подъ заглавіемъ «Терроръ».

²⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 264.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Laurent Lecointre au peuple français*, p. 80. *Bibl. hist. de la Révol.*, 1100—1 (*British Museum*).

⁵⁾ *Monieur*, an II (1794), № 264.

гали ихъ шпионами Комитета и, схвативъ ихъ за воротъ, велѣли отвести ихъ въ кордегардію. Въ числѣ этихъ лицъ оказались два правительственныхъ курьера и одинъ членъ клуба якобинцевъ, по фамилии Жарри¹⁾. Происшествіе это надѣлало шума, и Комитетъ усмотрѣлъ въ немъ умышленную попытку опорочить правительство.

Вотъ постыдное дѣло: въ этомъ законѣ 22 преріаля, открытомъ для множества подавляющихъ возраженій, только одна статья обрушивалась на враговъ Робеспьера, именно та, которая, казалось, угрожала ихъ личной безопасности. Вотивали они подъ влияніемъ нѣкотораго рода ошеломленія; ночью же посовѣтовались между собою, а на слѣдующій день, воспользовавшись отсутствіемъ членовъ Комитета²⁾, Бурдонъ бросился на трибуну. «Конвентъ—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ—вчерашнимъ своимъ голосованіемъ не имѣлъ въ виду распространять власть Комитетовъ на членовъ Собранія, безъ предварительнаго декрета»³⁾. Со всѣхъ сторонъ раздались крики: *Нѣтъ! Нѣтъ!* «Я ожидалъ этихъ благопріятныхъ возгласовъ—продолжалъ ораторъ—они указываютъ мнѣ на то, что свобода неотъемлима»⁴⁾. Затѣмъ онъ предложилъ декретировать, что арестованіе всякаго народнаго представителя остаалено будетъ, по прежнему, въ зависимости отъ формальнаго согласія Конвента⁵⁾. Это означало, будто составители закона 22-го преріаля хотѣли противнаго, а Конвентъ, узнавъ объ ихъ умыслѣ, осуждаетъ ихъ. Чтобы не придавать этому заявленію враждебнаго характера, подтвердивъ, однако, выставленный Бурдономъ принципъ, Мерленъ предложилъ слѣдующую редакцію, которая и была принята: «Принимая во вниманіе, что исключительное право національнаго представительства декретировать возбужденіе преслѣдованія противъ его членовъ и преданіе ихъ суду, есть право неотъемлемое, Конвентъ декретируетъ, что открывать пренія по этому вопросу нѣтъ надобности»⁶⁾.

Тѣмъ временемъ въ Комитетѣ общественнаго спасенія происходить раздоръ.

¹⁾ См. засѣданіе 34 преріаля (12 іюня), *Moniteur*, an II (1794), № 266.

²⁾ См. рѣчь Кутона въ засѣданіи 24 преріаля.

³⁾ Засѣданіе 23 преріаля (11 іюня), *Moniteur*, an II (1794), № 264.

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ *Ibid.*

⁶⁾ *Ibid.*

9-го сентября 1793 г. Бильо-Варенъ, настаивая на сохраненіи названія «Революціонный судъ», которымъ было замѣнено названіе «Чрезвычайный судъ», говорилъ: «*Послѣдній предполагаетъ существованіе формъ, а первый имѣть ихъ не долженъ*»¹⁾. Значить, если кто-нибудь утратилъ право возставать противъ закона 22-го преріала, то, ужъ конечно, Бильо. Съ другой стороны, какъ помнитъ читатель, когда Фукье-Тенвиль заявлялъ въ Комитетѣ общественнаго спасенія о своихъ опасеніяхъ относительно послѣдствій готовившагося закона, Бильо былъ однимъ изъ тѣхъ, которые отвѣтили, что это «дѣло Робеспьера»²⁾. Поэтому въ рассказѣ, изданномъ впоследствии Бильо вмѣстѣ съ Колло-д'Эрбуа и Бареромъ, мы не безъ нѣкотораго удивленія встрѣчаемъ сообщеніе, что на слѣдующій за 22 преріала день онъ, Бильо, упрекалъ Робеспьера въ томъ, что тотъ, ничего не сообщивъ предварительно своимъ товарищамъ, внесъ «отвратительный декретъ, ужаснувшій патриотовъ»³⁾. Трудно повѣрить, чтобы такія слова были произнесены, и не слѣдуетъ забывать, что помянутый рассказъ написанъ былъ въ такую пору, когда авторамъ его, чтобы не поплатиться жизнью, нужно было отстранить отъ себя отвѣтственность за законъ 22-го преріала и за именованіе его «отвратительнымъ». Менѣе неправдоподобно то, что Бильо, какъ онъ рассказываетъ, дѣйствительно упрекнулъ Робеспьера въ томъ, что въ данномъ случаѣ онъ дѣйствовалъ заодно съ однимъ только Кутономъ. Разговоръ былъ, повидимому, очень бурнымъ. Робеспьеръ ссылался на то, что до сихъ поръ все было дѣлаемо въ Комитетѣ по взаимному довѣрію. Въ виду сильнаго протеста Бильо, Робеспьеръ, если вѣрить рассказчику, пришелъ въ ярость и до того раскричался, что голосъ его былъ слышенъ на террасѣ Тюйлърійскаго дворца, вслѣдствіе чего пришлось закрыть окна. «Я ниоткуда не вижу поддержки—говорилъ онъ въ отчаяніи: я опутанъ заговорами». Обратившись къ Бильо, онъ замѣтилъ: «Я знаю, что въ Конвентѣ есть партія, желающая погубить меня, а ты защищаешь Рюана.»—«Зна-

¹⁾ Докладъ Саладена. *Bibl. hist. de la Révol.*, 1097—8—9 (*British Museum*).

²⁾ Заявленіе Фукье-Тенвиля въ *Laurent Lecointre au peuple français*, p. 74.

³⁾ *Réponse des membres des anciens Comités aux imputations renouvelées contre eux par Laurent Lecointre*, p. 108 et suiv. *Bibl. hist. de la Révol.* 1097—8—9 (*British Museum*).

читать—возразилъ Бильо—надо сказать, что ты хочешь гильотинировать Національный Конвентъ». Эти слова окончателно возбѣсили Робеспьера. «Вы все здѣсь свидѣтели—крикнулъ онъ—что я не говорилъ, что хочу гильотинировать Національный Конвентъ». «Затѣмъ, пристально смотря на Барера, онъ прибавилъ: «Теперь я тебя знаю».—«Я тоже—отвѣтилъ Бильо—знаю теперь, что ты контръ-революціонеръ». Робеспьеръ былъ такъ глубоко взволнованъ, что не могъ сдержать слезъ, и засѣданіе было настолько бурно, что, въ видахъ сокрытія отъ публики внутреннихъ раздоровъ, было рѣшено устраивать впредь засѣданія Комитета этажемъ выше ¹⁾.

Вотъ къ чему сводилась та мнимая диктатура Робеспьера, мысль о которой, такъ искусно втолкованная впоследствии публикѣ, послужила къ признанію его, въ глазахъ міра, отвѣтственнымъ за столько революціонныхъ излишествъ, которыя онъ осуждалъ, съ которыми боролся и которыя рѣшилъ съ опасностью жизни карать.

24-го преріала (12-го іюня) Кутонъ выразилъ въ Конвентѣ сѣтованіе по поводу того смысла, какой приданъ былъ 10-й и 20-й статьямъ внесеннаго имъ за день передъ тѣмъ закона. Съ негодованіемъ и горячностью, дышавшими полною искренностью, онъ отвергъ правильность толкованія Бурдона. Онъ допускалъ что послѣдній, *можетъ быть*, и не имѣлъ дурныхъ намѣреній, но затѣмъ, употребивъ выраженіе: «жестокая клевета», спросилъ, почему въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣ или другія статьи внесеннаго въ Конвентъ закона кажутся неясными, не требуютъ отъ Комитета объясненій, вмѣсто того, чтобы оскорблять его принятіемъ въ его отсутствіе поспѣшныхъ предположеній. Въ заключеніе, онъ предложилъ Собранію перейти къ очереднымъ дѣламъ по внесеннымъ наканунѣ предложеніямъ и «тѣмъ самымъ заклеить ихъ справедливымъ презрѣніемъ, котораго они заслуживаютъ» ²⁾.

На эту горячую и высокомерную рѣчь, неоднократно вызывавшую рукоплесканія ³⁾, Бурдонъ отвѣтилъ рѣчью, крайняя умѣренность которой походила на страхъ. Онъ требовалъ для себя права—какъ права, присущаго свободѣ—выражать опасе-

¹⁾ Отвѣтъ Бильо-Варена въ засѣданіи 13 фрюктидора, воспроизведенный Лораномъ Лекуантромъ въ его *Appel au peuple français*, p. 76. *Bibl. hist. de la Révol.*, 1100—1 (*British Museum*).

²⁾ Засѣданіе 24 преріала (12 іюня), *Moniteur*, an II (1794), № 266.

³⁾ *Ibid.*

нія, *быть можетъ и неумѣстныя*. Онъ увѣрялъ, что одинъ изъ его соговарищей, Одуанъ, предупреждалъ Комитетъ, что законъ встрѣчаетъ возраженія. Слѣдующая фраза въ его рѣчи вызвала оживленныя рукоплесканія: «Я уважаю Кутона, уважаю Комитетъ, уважаю непоколебимую Гору, которая спасла свободу» ¹⁾).

Тотчасъ же на трибуну взошелъ Робеспьеръ и сказалъ строгимъ тономъ: «Предшествующій ораторъ старался отдѣлить Комитетъ отъ Горы. Конвентъ, Гора, Комитетъ—это одно и то же». Тутъ его прервали горячія рукоплесканія ²⁾; затѣмъ онъ продолжалъ: «Всякій народный представитель, искренно любящій свободу и рѣшившійся умереть за отечество, принадлежитъ къ Горѣ». При этихъ словахъ снова раздались рукоплесканія, и Собраніе, подъ вліяніемъ внезапнаго порыва, встало, въ знакъ сочувствія ³⁾. «Было бы оскорбленіемъ отечеству — прибавилъ онъ—допускать, чтобы нѣсколько интригановъ, болѣе другихъ презрѣнные потому, что они болѣе ихъ лицемерны, старались увлечь часть Горы и сдѣлаться главарями партіи» ⁴⁾. При этихъ словахъ, Бурдонъ запротестовалъ, говоря, что онъ никогда не намѣревался стать главаремъ партіи. Робеспьеръ продолжалъ: «Было бы верхомъ позора, если бы нѣкоторые изъ нашихъ соговарищей, введенные клеветою въ заблужденіе относительно нашихъ намѣреній и цѣли нашихъ трудовъ»... — Я требую—прервалъ Бурдонъ — чтобы было доказано то, что здѣсь говорятъ. Сейчасъ было довольно ясно сказано, что я злодѣй». Отвѣтъ стоявшаго на трибунѣ мрачнаго оратора былъ кратокъ и ужасенъ: «Я не называлъ фамиліи Бурдона. Горе тому, кто самъ называетъ себя!» ⁵⁾ Бурдонъ хотѣлъ возразить, но волненіе его было такъ велико, что онъ оказался не въ состояніи произнести ни слова ⁶⁾. По выходѣ изъ засѣданія, онъ слегъ и цѣлый мѣсяцъ не вставалъ съ постели. Была минута, когда врачи опасались за его жизнь; «съ большимъ трудомъ—пишетъ Лекуантръ—имъ удалось вернуть его къ *разсудку и жизни*» ⁷⁾.

Его другъ Тальенъ проявилъ едва ли больше твердости. Напавъ на него за происшествіе, бывшее вечеромъ 22-го пре-

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 266.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ *Ibid.*

⁶⁾ *Laurent Lecointre au peuple français*, p. 97. *Bibl. hist. de la Révol.* 1100—1 (*British Museum*).

⁷⁾ *Ibid.*

ріалія и изложенное, по его утверженію, невѣрно, Робеспьеръ назвалъ его однимъ изъ тѣхъ людей, которые прикрываютъ свои преступленія ложью; а Бильо-Варенъ выразился дословно такъ: «Везстыдство Тальена не имѣетъ границъ; онъ жлетъ Собранію съ невѣроятною смѣлостью»¹⁾. Такъ какъ обострившееся до такой степени засѣданіе было закрыто, то этимъ, можетъ быть, и объясняется то, что Тальенъ смолчалъ; но ничѣмъ, кромѣ развѣ недостойнаго страха, нельзя объяснить того письма, которое онъ написалъ на слѣдующій послѣ засѣданія день Робеспьеру: въ письмѣ этомъ, переполненномъ оговорками и проникнутомъ страннымъ смиреніемъ, онъ съ необычайною кротостью обѣляетъ себя отъ нареканій въ томъ, будто онъ безнравственный человѣкъ и дурной гражданинъ, при чемъ все письмо дышетъ чувствомъ страха, весьма неловко признаннымъ въ слѣдующей фразѣ: «Не подумай, что я говорю это изъ боязни»²⁾.

Возвращаясь къ засѣданію 24 преріалія, замѣтимъ, что неуспѣхъ людей, возражавшихъ противъ доклада Кутона, имѣлъ характеръ пораженія. Лакруа заявилъ, что у него и въ мысляхъ никогда не было подозрѣвать намѣренія Комитетовъ³⁾. Мерленъ (отъ Дуэ) далъ своему предложенію такое объясненіе, будто оно имѣло цѣлью смягчить предложеніе Бурдона, при чемъ прибавилъ: «Если мой умъ впалъ въ заблужденіе, то сердце мое въ заблужденіе не впадало»⁴⁾. Бареръ, видя, куда подулъ вѣтеръ, началъ читать съ трибуны частныя письма съ отчетами о маскарадѣ въ Лондонѣ—маскарадѣ полуполитическомъ, на которомъ замѣчена была маска въ костюмѣ Шарлоты Кордэ, вставшей изъ гроба и съ кинжаломъ въ рукѣ преслѣдующей Робеспьера⁵⁾. Въ заключеніе онъ сказалъ, что вотированное накануне мотивированное постановленіе слѣдуетъ отмѣнить, что и было сдѣлано послѣ нѣсколькихъ словъ Кутона, встрѣченныхъ самими горячими рукоплесканіями⁶⁾.

Изъ всего этого ясно видны двѣ вещи: во-первыхъ, что нравственное вліяніе Робеспьера въ Конвентѣ было значительно; во-

¹⁾ Засѣданіе 24 преріалія, *Moniteur*, an II (1794), № 266.

²⁾ См. это письмо въ *Hist. parlem.*, t. XXXIII, p. 224 et 225. Оно извлечено изъ изданнаго Бервильемъ и Бареромъ доклада Куртуа о бумагахъ Робеспьера.

³⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 266.

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ *Ibid.*

⁶⁾ *Ibid.*

вторыхъ, что вліяніе его въ Комитетѣ общественнаго спасенія было очень спорнымъ и встрѣчало противудѣйствія. Что касается Комитета всеобщей безопасности, то тамъ гибель его была уже давно рѣшена¹⁾, о чемъ онъ отлично зналъ. Въ сущности, у него, какъ члена правительства, были только двѣ опоры: Сентъ-Жюсть, почти всегда находившійся въ командировкахъ, и Кутонъ, часто хворавшій. А между тѣмъ, система, заключающаяся въ сосредоточеніи на немъ всякаго рода ненависти и въ возложеніи на него одного отвѣтственности за всѣ дѣйствія власти, принимала съ каждымъ все болѣе широкое развитіе! Такая несправедливость подавляла его. У него сердце сжималось при мысли о томъ ужасномъ пьедесталѣ, на который враги поставили его въ позѣ тирана. Такъ какъ послѣдняя выходка Бильо-Варена не оставляла ему уже никакой иллюзіи относительно того, какое бѣшеное сопротивление ожидаетъ его, то онъ счелъ себя безсильнымъ творить добро и остановить зло. На что же въ такомъ случаѣ рѣшиться? Онъ задумалъ отказаться если не отъ званія, то, по крайней мѣрѣ, отъ должностныхъ обязанностей члена Комитета общественнаго спасенія, чтобы всѣмъ стало ясно, что бѣдствіи отечества были не его дѣломъ, чтобы фактъ существованія тираніи во всей ея силѣ послѣ удаленія тирана разстрѣлѣлъ расчеты его клеветниковъ²⁾.

Но, уходя, онъ оставлялъ въ рукахъ своихъ враговъ оружіе, изъ котораго они сдѣлали отвратительное употребленіе и изобрѣтеніе котораго должно было навсегда лечь пятномъ на его память, потому что оружіе это выковано было имъ. Если онъ льстилъ себя надеждой, что потомство, во вниманіе къ его намѣреніямъ, забудетъ о ихъ результатахъ, то онъ глубоко заблуждался. Кровь, о пролитіи которой мы вскорѣ услышимъ его сожалѣніе, кровь, которую проливали люди, внушавшіе ему отвращеніе, осталась на его имени. Пусть же послѣ этого еще толкуютъ, что «цѣль оправдываетъ средства»! Робеспьеръ попалъ на минуту въ ловушку этой лукавой доктрины, и этого онъ не искупилъ до конца даже смертью!

КОНЕЦЪ ДЕСЯТАГО ТОМА.

¹⁾ См. то, что передаетъ Лекюантръ о своемъ разговорѣ съ Моисаомъ Белемъ и Амаремъ черезъ два дня послѣ вотированія закона 22 преріади. *Appel au peuple français*, p. 78. *Bibl. hist. de la Révol.*, 1100—1 (*British Museum*).

²⁾ Полное и трагическое изложеніе его мотивовъ можно найти въ его рѣчи 8 термидора, къ которой мы и отсылаемъ читателя.

57244н

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 626825

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I.

Ренимъ террора.

СТРАН.

Терроръ не былъ системой.—Онъ возникъ изъ самаго положенія вещей.— Починъ террора сдѣлали первичные сходы.—Террористы, модерантисты и люди твердые, но безъ ярости.—Комитетъ всеобщей безопасности: *люди дѣловыя, слушатели и люди противоясыя*.— Жаго, Амаръ, Вадье, Вуданъ и Луп (отъ д-та Нижняго Рейна) были всѣ террористами и врагами Робеспьера.—Весь Комитетъ всеобщей безопасности, за исключеніемъ Давида и Леба, цѣликомъ были противъ Робеспьера.—Геронъ, орудіе Вадье.—Революціонные комитеты.—Шометтъ тщетно пытается овладѣть ими.—Физиономія Революціоннаго суда, его личный составъ.—Германъ не былъ «человѣкомъ Робеспьера».—Дюма и Кофингаль.—Фукье-Тенвиль; его жестокость; его отчужденность отъ Робеспьера; его сношенія съ Комитетомъ общественнаго спасенія.—Свирѣпыя присяжные.—Присяжные гуманные.—Жестокій характеръ Вилата.—Столяръ Дюплэ.—Буфетъ Революціоннаго суда.—Опровергнутыя клеветы.—Оправданнымъ подсудимымъ обезпечено было вознагражденіе.—Характерныя сцены въ судебныхъ засѣданіяхъ.—Рядъ обвинительныхъ приговоровъ.—Казнь Манюеля, генераловъ Брюне, Ушара и Ламарьера, Жире-Дюпре, Барнава, Дюпоръ-Дютертра, Керсена, Рабо-Сентъ-Этьена и г-жи Дюбарри.—*Ружиффъ*.—Наиболѣе буйные террористы—противники Робеспьера.—Строгал, но справедливая политика, которой совѣтовалъ держаться Робеспьеръ.—Разница между тономъ его рѣчей и рѣчей Колло-д'Эрбуа и Барера.—Признанной невинности оказываются почести.—Неумолимая, но искренняя революція 1

ГЛАВА II.

Агонія и смерть католической арміи.

Воинствующая эмиграція вандейцевъ.—Ларошжакленъ главнокомандующій.—Вестерманъ атакуеть вандейцевъ въ Лаваль; онъ отбитъ.—Партія майнцевъ.—Душою фрондирующей партіи является

ГЛАВА XI.

Праздникъ въ честь Верховнаго Существа.

СТРАН.

Торжество Комитета общественнаго спасенія.—Смерть Кондорсе.—Продессъ Шометта.—Робеспьеръ старается спасти принцессу Елизавету.—Мѣры безопасности.—Докладъ Сень-Жюста объ общей политикѣ; докладъ Вильо-Варена о политикѣ Комитета.—Смерть Дювала д'Эпремениля, ле Шапелье, Туре, Мальзербъ, Лавуазье, принцессы Елизаветы.—Виды Робеспьера; его рѣчь 18 флореаля; декретъ, которымъ Конвентъ признаеть бытіе Верховнаго Существа и безсмертіе души.—Покушеніе на Колло-д'Эрбуа и Робеспьера.—Рѣчь Робеспьера 7 преріаля.—Праздникъ въ честь Верховнаго Существа

352

ГЛАВА XII.

Законъ 22 преріаля.

Какъ избраться изъ террора? Препятствія.—Ужасныя столбовенія на югѣ.—Лжереволюціонеры; ихъ алчность.—Расхищеніе національных земель.—Грабежъ подъ тѣнью гильотины.—Журданъ-Головоръзъ и Роверь.—Менъе обличаетъ Журдана-Головоръза; Робеспьеръ предаеть его Революціонному суду; его приговариваютъ къ смертной казни.—Уничтоженіе деревни Бедуанъ.—Учрежденіе народной комиссіи въ Оранжеѣ.—Составленныя Робеспьеромъ инструкціи.—Онъ хотѣлъ уничтожить терроръ путемъ террора.—Цѣль закона 22 преріаля о преобразованіи Революціоннаго суда.—Важное заявленіе Фулье-Тенвиля.—Принятіе закона 22 преріаля по докладу Кутона.—Чудовищныя софизмы, которыми Робеспьеръ и Кутонъ подкрѣпляли этотъ пагубный законъ.—Статьи 10 и 20 этого закона не имѣли того смысла, какой имъ придавался.—Тревожное для Конвента истолкованіе этихъ статей Бурдономъ; изданный вслѣдствіе этого декретъ.—Бурная сцена въ Комитетѣ общественнаго спасенія.—Засѣданіе 24 преріаля; Кутонъ называетъ комментаріи Бурдона клеветою и требуетъ отмѣны вынесеннаго наканунѣ вотума; рѣчь Робеспьера; испугъ Бурдона; Гальена обвиняютъ во лжи; письмо его къ Робеспьеру; принятіе заключеній Кутона.—Робеспьеръ рѣшаетъ отстраниться отъ Комитета общественнаго спасенія; почему.—Достопамятный примѣръ опасностей, которыя влечетъ за собою усвоеніе доктринъ: «цѣль оправдываетъ средства»

352

Съ своей стороны, Шарль Нодье писалъ:

«Право, я въ послѣдствіи понялъ, что событія бываютъ гораздо сильнѣе характеровъ и что если нѣкоторые люди давили на своемъ пути народы, то это потому, что ихъ толкала сила, не менѣе неотразимая, чѣмъ та, которая разрываетъ вулканы и низвергаетъ водопады» ¹⁾).

Въ самомъ дѣлѣ, обратимся къ тѣмъ обстоятельствамъ, изъ которыхъ вытекли наиболѣе ужасныя событія революціи.

Въ іюлѣ 1792 г. непріятель наступаетъ энергично и смѣло. Креатура Лафайета, Жарри, велѣлъ, подъ вздорнымъ предлогомъ, поджечь предмѣстья Куртре, и французская армія, оставивъ братьямъ-бельгійцамъ на поруганіе груды дымящихся развалинъ, перешла обратно черезъ границу по особому приказанію Люкнера. Съ своей стороны, Лафайетъ, бросивъ свои войска, явился въ Собраніе, чтобы припугнуть его своею шпагой и пригрозить ему вторымъ Монкомъ. Дюмурье, въ письмѣ, которымъ онъ извѣщаетъ о занятіи Орші непріятелемъ, жалуется на отсутствіе провіанта, денегъ и инструкцій. На Рейнѣ сорока тысячамъ человѣкъ предстоитъ выдержать натискъ двухсотъ тысячъ австрійцевъ, пруссаковъ и венгерцевъ, не считая двадцати двухъ тысячъ эмигрантовъ. Внутри Франціи мятежъ охватываетъ одинъ городъ за другимъ. Изъ восьмидесяти трехъ департаментскихъ управленій тридцать три находятся во власти контръ-революціи. Это та пора, когда Марія-Антуанета, съ торжествующею улыбкой на устахъ, говоритъ г-жѣ Кампанъ: «Черезъ мѣсяць король будетъ свободенъ, принцы будутъ въ такой-то день въ Вердёнѣ, а въ такой-то день начнется осада Лилля». Но раздались страшныя, спасительныя слова: *Отечество въ опасности*, и вотъ вся Франція на ногахъ. Появляется манифестъ герцога Брауншвейгскаго, съ заявленіемъ, что «жители, которые осмѣлятся защищаться, будутъ наказаны, какъ мятежники»; а! значитъ имѣется въ виду навязать Франціи короля! Наступаетъ 10-е августа 1792 г., и королевская власть падаетъ, опрокинутая на грудѣ мертвыхъ тѣлъ ²⁾).

Въ сентябрѣ того же года опасности только увеличились въ

¹⁾ Charles Nodier, *Souvenirs de la Révolution et de l'Empire*, p. 15, édition Charpentier.

²⁾ См. въ VII томѣ настоящаго сочиненія главу, которою онъ заканчивается, а въ слѣдующемъ томѣ его начальную главу.

Мэръ и Арни, случалось, проливали иногда слезы, когда очевидность доказательствъ вынуждала ихъ подать голосъ за смертный приговоръ¹⁾.

Виланъ д'Обиньи, давая показаніе о Шатле, высказался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я знаю Шатле давно; нѣтъ человѣка, который, зная его, не отдалъ бы, подобно мнѣ, справедливости его добротѣ, патриотизму и особенно жертвамъ, приносившимся имъ съ первыхъ минутъ революціи ради того, чтобы услужить своимъ братьямъ и помочь несчастнымъ²⁾».

Мы уже имѣли случай говорить о столярѣ Дюплэ. Когда вспыхнула революція, Дюплэ, бывший однимъ изъ покровительствуемыхъ г-жею Жоффренъ лицъ, обладалъ состояніемъ тысячъ въ пятнадцать ливровъ, въ видѣ ренты съ домовъ³⁾. Значить, его нельзя заподозрѣть въ стремленіи обогатиться при помощи смуты въ его отечествѣ. Вотъ его портретъ, набросанный однимъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ той партіи, къ которой онъ примкнулъ: «Я всегда знавалъ Дюплэ, какъ хорошаго отца, хорошаго мужа, человѣка испытанной честности, мягкаго и снисходительнаго характера, неспособнаго приноравливать свою честность къ прихотямъ нѣсколькихъ честолюбцевъ⁴⁾. Какимъ качествамъ обязанъ былъ Робеспьеръ привязанностью Дюплэ и всей его семьи? На это человѣкъ, лучше всѣхъ знавшій тайну этой привязанности, отвѣтилъ: «Мягкости своего характера, общительности и сердечной добротѣ⁵⁾». Дюплэ принималъ у себя Камилла Демулена, Буонаротти, Леба. Последній, будучи страстнымъ любителемъ итальянской музыки, нерѣдко пѣвалъ на этихъ интимныхъ собраніяхъ, при чемъ Буонаротти аккомпанировалъ ему на фортепіано. Когда вечеръ не былъ посвящаемъ музыкѣ, происходило чтеніе лучшихъ трагедій Расина, съ большимъ одушевленіемъ декламировавшихся Леба и Робеспьеромъ⁶⁾.

Дюплэ лишь очень неохотно принялъ на себя обязанности

¹⁾ Показаніе Вольфа. *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 468.—Показаніе Тавернье. *Ibid.*, t. XXXV, p. 6.

²⁾ *Ibid.*, t. XXXIV, p. 411 et 412.

³⁾ Леба, членъ Института, *Dictionnaire de la Conversation*.

⁴⁾ Показанія прага дантовиста д'Обиньи въ дѣлѣ Фукуе-Тенвиля, *Hist. parlem.*, t. XXXIV, p. 412.

⁵⁾ Леба, членъ Института. *Dictionnaire de la Conversation*, статья Duplay.

⁶⁾ *Ibid.*

цій¹⁾, и бой не замедлил принять горячій характеръ. Л'Эшель двинулъ впередъ ускореннымъ шагомъ войска, голова которыхъ находилась на разстояніи всего четверти льё, и приказалъ имъ развернуться вправо и влѣво отъ дороги²⁾. При такомъ положеніи дѣлъ, выгоды позиціи были на сторонѣ республиканцевъ, такъ какъ они занимали гребни мѣстности и непріятель могъ наступать не иначе, какъ подъ огнемъ съ фланга и съ фронта³⁾. Поэтому вандейцы сосредоточили свои усилія противъ батареи, поставленной на той возвышенности, которою овладѣлъ республиканскій авангардъ. Батарея эта была взята и тотчасъ же направлена противъ республиканцевъ. Она считалась настолько важною, что Ларошжакленъ, Руаранъ и Д'Отишанъ почти постоянно находились при ней, вмѣстѣ съ Боже, подвигая пушки къ отступавшимъ республиканцамъ, при чемъ нальба велась такая горячая, что перепуганныхъ ѣздовыхъ приходилось подгонять кнутами⁴⁾.

По разсказу г-жи Ларошжакленъ, успѣхомъ своимъ вандейцы были обязаны своей стойкости и мужеству этой атаки⁵⁾.

По разсказу Клебера, разстройство началось, неизвѣстнымъ автору образомъ, не въ его дивизіи, которая дралась, а въ дивизіи Шальбо, которая не дралась; а такъ какъ у *солдата глаза всегда на спинѣ*, то бѣгство второй дивизіи повлекло за собою бѣгство и первой⁶⁾.

Надо сознаться, что изъ этихъ двухъ мало примиримыхъ между собою версій вандейская версія есть единственная, которая даетъ естественное или даже понятное объясненіе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могло послѣдовать разстройство въ дивизіи Шальбо, «которая не дралась»? И отчего случилось, что эти майнцскіе воины, такіе храбрые, такіе нривычные къ огню, такъ проникнутые сознаниемъ своего военнаго превосходства, тотчасъ же подались, какъ только позади нихъ разстроились вой-

¹⁾ Донесеніе Л'Эшеля военному министру отъ 28 октября.—Эта подробность подтверждается въ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XV, p. 261.

²⁾ Это движеніе, которое Тьеръ приписываетъ Клеберу, произведено было по приказанію Л'Эшеля. См. вышеупомянутое донесеніе.

³⁾ Донесеніе Л'Эшеля.

⁴⁾ *Mémoires de madame de la Rochejaquelein*, chap. XV, p. 262.

⁵⁾ *Ibidem*.

⁶⁾ Это подлинныя выраженія Клебера.

скромности, ни его мужества, ни того на рѣдкость благороднаго характера, который былъ имъ не разъ такъ ярко быть доказанъ¹⁾. Подтрунивая, напоминали, что онъ былъ когда-то ученикомъ у золотыхъ дѣлъ мастера въ Нюрѣ; называли и хозяина, у котораго онъ работалъ, и товарищей, какіе у него были во время ученичества²⁾; словомъ, по отношенію къ нему примѣняема была та же система, которая только что увѣнчалась успѣхомъ по отношенію къ Л'Эшелю. Это констатировано въ письмѣ, въ которомъ генераль-адъютантъ Руйе жалуется на «господствующій среди майнцевъ дурной духъ и на попытки внушить имъ презрѣніе къ генераламъ изъ санкюлотовъ»³⁾.

Что Россиньоль не былъ военнымъ полководцемъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; онъ самъ первый соглашался съ этимъ съ большимъ прямотушіемъ и благородствомъ. Но это и не было безусловно необходимо, какъ признаетъ всякій, кто приметъ въ соображеніе, что къ сѣверу отъ Луары большая часть тѣхъ военныхъ дѣйствій, исключительную заслугу въ которыхъ хулители революціи старались приписать майнцскимъ полководцамъ, велась, въ концѣ концовъ, по инструкціямъ, присылавшимся изъ Комитета общественнаго спасенія⁴⁾. Мало того, особенностью глубокой политики Комитета было то, что онъ устранялъ отъ высшаго командованія арміями внутри Франціи такихъ людей, въ которыхъ солдатъ преобладалъ надъ гражданиномъ, и военный геній которыхъ могъ бы, въ случаѣ побѣды, оказаться гибельнымъ для свободы. Рѣшивъ побѣдить, но единственно къ выгодѣ только революціи, главари якобинцевъ хотѣли, чтобы во главѣ арміи, дѣйствующей внугри Франціи, стоялъ такой полководецъ, который не былъ бы пропитанъ военнымъ духомъ, не имѣлъ бы достаточно генія, чтобы задумывать смѣлые планы, и который, подѣ влияніемъ хорошихъ совѣтчиковъ, обладалъ бы

¹⁾ Примѣръ тому читатель видѣлъ въ военномъ совѣтѣ, состоявшемся 2 сентября въ Сомюрѣ (см. IX томъ настоящаго сочиненія, франц. изданія стр. 339).

²⁾ *Mémoires inédits de Mercier du Rocher.*

³⁾ О письмѣ этомъ упоминается у Савари, t. II, p. 359, но съ тѣмъ чувствомъ, которое легко угадать.

⁴⁾ Постановленія Комитета общественнаго спасенія, свидѣтельствующія о томъ, что военный починъ принадлежалъ ему, приведены цѣликомъ въ докладѣ Барера о Вандеѣ, читанномъ 1 октября 1793 г. Такимъ образомъ, на этотъ счетъ невозможны никакія сомнѣнія.

ГЛАВА III.

Непрітель вытѣсенъ съ территоріи Франціи.

Англичане хотятъ удержать Тулонъ за собою.—Оскорбленія, дѣлаемыя Франціи дипломатическими агентами Питта.—Жестокости, совершенныя роялистами въ Тулонѣ.—Всеобщее негодованіе противъ союзниковъ и ихъ сообщниковъ во Франціи.—Письмо Кутона.—Республиканцы осаждаютъ Тулонъ.—Карто; Садисегги; Наполеонъ Бонапартъ; Лалуапъ.—На мѣсто Карто назначается Дюгомье.—Робеспьеръ-младшій и Рикоръ въ Тулонѣ.—Близость отношеній между Робеспьеромъ-младшимъ и Бонапартъ.—Они, вмѣстѣ съ Рикоромъ, руководятъ осадными дѣйствіями.—Шарлота Ребеспьеръ и г-жа Рикоръ; характерная черта.—Принятый военнымъ совѣтомъ планъ.—Бой на Аренскихъ высотахъ (Agènes); О'Гара взятъ въ плѣнъ.—Взятіе *англійскаго редута*; неотравимый порывъ французовъ; храбрость народныхъ представителей.—Англичане покидаютъ Тулонъ при заревѣ устроеннаго ими пожара.—Отзывъ англичанъ объ образѣ дѣйствій сэра Сиднея Смита.—Патріотизмъ тулонскихъ каторжниковъ.—Прикорбныя сцены; отчаяніе населенія; предоставленнаго иноземцами въ жертву мстительности побѣдителя.—Какъ проявилась эта мстительность; опроверженіе исторической клеветы.—Довладъ Барера.—Кампанія на Рейнѣ.—Сень-Жюстъ въ арміи.—Лакость возбуждаетъ Гоша противъ Сень-Жюста.—Геройскій пылъ Гоша.—Герцогъ Брауншвейгскій оттѣсняетъ Гоша изъ-подъ Кайзерслаутерна.—Комитетъ общественного спасенія поощряетъ Гоша.—Соединеніе армій Гоша и Пишегрю.—Лакость и Бодо назначаютъ Гоша главнокомандующимъ.—Недовольство Сень-Жюста.—Побѣда подъ Гейсбергомъ.—Непрітель переправляется обратно за Рейнъ.—Соперничество между Гошемъ и Пишегрю.—Высокомѣрное отношеніе Гоша къ Комитету общественного спасенія и къ Сень-Жюсту.—Несоотвѣтствіе его тогдашняго тона съ величіемъ его души; воспроизведеніе тона рѣчей Гебера.—Предубежденіе Комитета противъ Гоша.—Гошъ оскорбляетъ Карно независимостью своей манеры.—Арестованіе его по распоряженію только Карно и Колло-д'Эрбуа.—Сѣверная армія на зимнихъ квартирахъ.—Отозваніе Курдана.—Военныя событія на восточно-пиренейской границѣ.

Революція дѣйствовала побѣдоносно также и на границахъ, и одновременно съ уничтоженіемъ главнаго очага великаго вандейскаго возстанія она вырвала изъ рукъ англичанъ Тулонъ.

Актомъ отъ 28 августа 1793 г. лордъ Гудъ торжественно заявилъ, что *Англія удерживаетъ Тулонъ въ видѣ залога за Людовика XVII*; о томъ же напомнили лорды Норфолькъ, Грефтонъ, Ольбермаль, Дерби, Лоудердель, Лендсдоунъ и Тенетъ въ своемъ протестѣ, въ которомъ честь англійской націи ставилась выше ея интересовъ¹⁾. Если роялисты, сдавшие названный городъ врагамъ Франціи, вѣрили искренности сень-джемскаго кабинета, то ихъ преступная измѣна была равна только ихъ безумію,

¹⁾ *Protest against the declaration of the object of war.* См. *Annual Register*, 1794. State papers, p. 148.

скомъ театрѣ, онъ издалъ слѣдующее громоносное постановленіе: «Принимая въ соображеніе, что авангардъ былъ атакованъ въ такое время, когда Пердье былъ на спектаклѣ... Пердье лишается чина генераль-адъютанта и долженъ будетъ прослужить двѣ недѣли въ охранѣ лагеря, въ противномъ случаѣ будетъ сочтенъ измѣнникомъ, при чемъ съ нимъ будетъ соотвѣтственно поступлено. Настоящее постановленіе напечатать и объявить по арміи»¹⁾.

Генераль Эйзенбергъ понесъ цѣлый рядъ пораженій, послѣднее изъ которыхъ было послѣдствіемъ такой большой непредусмотрительности, что она имѣла видъ измѣны: сидя спокойно въ своей штабъ-квартирѣ, онъ далъ непріятелю возможность напасть врасплохъ на его выдвинутыя впередъ войска и потомъ бѣжалъ, вмѣстѣ съ болышею частью офицеровъ. Сенъ-Жюсть тотчасъ же послалъ на мѣсто военную комиссію, которая всѣхъ ихъ приговорила къ смертной казни, и всѣ они были разстрѣляны въ гѣнгеймскомъ редутѣ²⁾.

Такимъ показалъ себя Сенъ-Жюсть. Путемъ цѣлага ряда крутыхъ мѣръ, перечень которыхъ будетъ приведенъ нами въ слѣдующей главѣ, составляющей исторію его проконсульства въ Страсбургѣ; онъ накормилъ и одѣлъ армію; его суточные приказы, проникнутые духомъ Спарты, зажигали въ войскахъ, подобно быстро дѣйствующему пламени, одушевлявшій его самого патриотизмъ; онъ возродилъ дисциплину, покаралъ нерадивыхъ офицеровъ, навелъ трепеть на хищниковъ, заставилъ измѣну сказываться блѣдностью на лицахъ предателей и вдохнулъ въ солдатъ дикую увѣренность въ побѣдѣ, сдѣлавшую ихъ непобѣдимыми. Лебѣ помогаль ему, умѣряя его горячность, доказательствомъ чего служить тотъ день, когда, благодаря его вмѣшательству, спасенъ былъ молодой Дешанъ, котораго Сенъ-Жюсть собирался разстрѣлять за то, что этотъ безстрашный кавалеристъ, упавъ въ сраженіи съ коня и взбѣсившись на эту случайность, удалявшую его отъ опасности, отказался отправиться въ резервъ, какъ это было ему приказано, и разорвалъ предписаніе³⁾.

¹⁾ На этомъ постановленіи помѣтка: «Страсбургъ, восьмой день второго мѣсяца».

²⁾ Казнь эта послужила Шарлю Нодье предметомъ интереснаго очерка въ его *Souvenirs de la Révolution et de l'Empire*, t. I, p. 51—53, *édit. Charpentier*.

³⁾ *Histoire parlementaire*, t. XXXV, p. 347.

вался этимъ обстоятельствомъ, чтобы отойти на линію Эрбаха, а потомъ отступить въ Кайзерслаутернъ; все это онъ сдѣлалъ, не извѣстивъ о томъ Вурмзера, который лишь на слѣдующій день узналъ объ этомъ передвиженіи¹⁾.

Гошъ, должно бытъ, понялъ, что пруссаковъ уже ничто больше не связывало съ коалиціей, кромѣ желанія не посрамить своей военной репутаціи тѣмъ, чтобы оказаться битыми. Поэтому, если бы онъ, но заботясь больше о герцогѣ Брауншвейгскомъ, отступление котораго открывало правый флангъ австрійской арміи, началъ отнынѣ стараться прорвать вогезскую линію, чтобы соединиться съ Пиннегрю и дѣйствовать съ нимъ массою на восточномъ склонѣ Вогезовъ, то Вурмзеръ, которому всего только съ тридцатью четырьмя тысячами человѣкъ приходилось охранять шесть льѣ по фронту, подвергался бы большому риску быть быстро уничтоженнымъ. Къ тому же, позиція герцога Брауншвейгскаго въ Кайзерслаутернѣ была очень сильна, да и для того, чтобы добраться до нея, нужно было идти непроѣзжими и мало извѣстными дорогами, не говоря уже о томъ, что указанный выше планъ дѣйствій былъ тѣмъ самымъ, который рекомендовалъ Комитетъ общественнаго спасенія, торопя его осуществленіемъ²⁾.

Къ сожалѣнію, при Гошѣ находился народный представитель Лакостъ, который, состоя комиссаромъ въ Страсбургѣ и при Рейнской арміи, оказался совершенно заслоненнымъ при первомъ же появленіи Сень-Жюста и Леба. Поэтому Лакостъ изъ арміи Пиннегрю отправился къ арміи Гоша, которому вселилъ предубѣжденіе противъ Сень-Жюста и котораго отклонилъ отъ плана совместной атаки³⁾.

При томъ, Гошъ былъ молодъ: ему было тогда едва двадцать шесть лѣтъ, и съ большою самоувѣренностью соединялась въ немъ безпредѣльная пылкость. Напримѣръ, онъ писалъ генералу Венсану: «Я запрещаю тебѣ сноситься съ Калькрёйгомъ иначе, какъ посредствомъ пушечныхъ выстрѣловъ⁴⁾; военному министру онъ сообщалъ: «Когда шпага коротка, надо сдѣлать шагъ впередъ»⁵⁾. Любимою его поговоркой было: «Мы можемъ побѣдить

¹⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'État*, t. II, p. 433.

²⁾ Письмо Карно къ Сень-Жюсту, отъ 15 фрима́ра (5 декабря).

³⁾ Лакостъ былъ въ числѣ самыхъ ярыхъ термидоріанцевъ.

⁴⁾ *Essai sur la vie de Lazare Hoche*, par E. Vergonnioux, p. 28; 1852.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 29.

То были хотя и неудачи, но легко поправимы, и извѣстіе о нихъ потонуло въ шумѣ побѣдъ, которыми во всѣхъ другихъ мѣстахъ ознаменовывалось прохожденіе войскъ республики.

ГЛАВА IV.

Проконсулы.

Сенъ-Жюсть и Леба въ Страсбургѣ.—Ихъ энергія и безкорыстіе.—Чисто римскій характеръ ихъ распоряженій.—Внушенное ими уваженіе къ себѣ.—Шнейдеръ.—Партія «Пропаганды», Монэ, Эдельманъ, Юнгъ.—Борьба нѣмецкой и французской партій.—Смѣщеніе установленныхъ властей.—Сенъ-Жюсть избавляетъ край отъ гнета Шнейдера.—Шнейдера судятъ по почину Робеспьера.—Сенъ-Жюсть спасаетъ Эльзась, не проливъ ни капли крови.—*Бѣлый терроръ*, гораздо болѣе ужасный, чѣмъ *терроръ красный*.—Изабо и Тальенъ въ Бордо.—Тальенъ оказывается террористомъ.—Въ Бордо безъ надобности вводится террористскій режимъ.—Гуманная мѣра, за которыми вскорѣ слѣдуютъ кровавыя казни.—Число жертвъ.—Варварскія распоряженія; отказъ Бруна препятствуетъ ихъ выполнению.—Дышность, проявлявшаяся Тальеномъ и Изабо въ голодающемъ Бордо; презрѣніе, съ которымъ отнеслись къ этому революціонеры.—Перранъ д'Эрваль и Наблюдательный комитетъ.—Бравированіе власти обоихъ комиссаровъ.—Комиссары смѣщаютъ Наблюдательный комитетъ, но Комитетъ общественнаго спасенія оставляетъ его въ должности.—Любовныя дѣла Тальена и дочери испанскаго банкира Кабаррюса; вліяніе ихъ на послѣдующее поведеніе Тальена.—Источникъ богатства Тальена.—Честность Робеспьера пугаетъ Тальена.—Фреронъ и Баррасъ становятся террористами.—Отвратительныя письма Фрерона къ Моизу Бялю.—Фреронъ вводитъ въ Марсель кровавый режимъ; производимыя имъ опустошенія.—Фреронъ и Баррасъ соединяютъ вымогательства съ варварствомъ.—Они дѣлаются врагами Робеспьера изъ-за того, что онъ разоблачаетъ ихъ злоупотребленія.—Письмо Робеспьера-младшаго къ брату.—Фуше и Колло-д'Эрбуа въ Лионѣ.—Контрастъ между ихъ политикой и умѣренной политикой Кутона.—Они устанавливаютъ въ Лионѣ террористскій режимъ.—Гебертистскія оргіи.—*Инструкція* народу.—Комитетъ по дѣламъ секвестра.—Комитетъ разрушенія.—Революціонная коммиссія изъ семи судей.—Война съ домами.—Прибытіе Ронсена.—Колло-д'Эрбуа и Фуше задумываютъ систему истребленія.—Колло-д'Эрбуа старается заранѣе предотвратить негодованіе Робеспьера.—Странныя письма, которыя онъ ему пишетъ, не получая отвѣта.—Онъ обращается, но тщетно, къ Дюплэ.—Употребленіе пушекъ противъ приговоренныхъ къ смертной казни.—Ужасныя сцены.—Физиономіи Революціоннаго суда, учрежденнаго Фуше и Колло-д'Эрбуа.—Робеспьеръ возстаетъ противъ ихъ тираніи.—Не осуществившійся проектъ женитьбы Фуше на сестрѣ Робеспьера.—Каррье въ Нантѣ.—Возмутительныя жестокости вандейцевъ.—Гулленъ, Башелье, Шо, гвоздильный мастеръ Прустъ и его жена.—Подробная исторія тираніи Каррье.—Массовыя потопленія.—Отозваніе Каррье по почину Робеспьера.—Историческое сопоставленіе.

Въ продолженіе этого времени система управленія черезъ проконсуловъ, представителями которой въ Страсбургѣ были Сенъ-Жюсть и Леба, обѣщала Франціи спасеніе; напротивъ, другая система заливала кровью и переполняла ужасами Бордо,

порядокъ событій совпадаетъ съ послѣдовательнымъ развитіемъ идей.

Мы приступимъ теперь къ разсказу, который навсегда останется прискорбнымъ. Прежде чѣмъ начать его, перенесемъ мыслью на минуту въ эпоху роялистской реакціи, такъ какъ справедливость властно заставляетъ насъ напомнить читателю слѣдующее:

что *бѣлый терроръ* значительно превзошелъ свирѣпостью *терроръ красный* и погубилъ гораздо большее число жертвъ;

что именно люди, считавшіеся опорою *праваго* дѣла, фанатическіе монархисты или новообращенные жирондисты, люди въ родѣ Кадруа, Шамбона, Дюрана-Майльяна, Изнара, натравили на Францію всѣ тѣ роялистско-рыцарскіе отряды разбойниковъ, тѣ термидоріанскія своры убійцъ которыя извѣстны подъ названіемъ *Enfants du Soleil* или *Compagnies de Jésus*¹⁾;

что въ Э (Аix) устроено было роялистское 2-е сентября, съ пожаромъ тюрьмы, освѣщавшимъ избиеніе арестованныхъ²⁾;

что фортъ Тарасконъ былъ дважды, въ теченіе мѣсяца, запятнанъ массовыми убійствами, при чемъ погибло 89 республиканцевъ³⁾;

что въ томъ же самомъ мѣстѣ убійцы возвели однажды свои жертвы, въ томъ числѣ мать съ дочерью, на очень высокую башню замка, чтобы позабавиться сбрасываніемъ ихъ штыками въ протекающую внизу рѣку⁴⁾;

что 17 періаля (5 іюня 1795 г.) въ Марселѣ, въ фортѣ Сень-Жанъ, одна изъ бандъ *Compagnie du Soleil*, подъ предводительствомъ сына содержателя гостиницы, Робена, произведя нападеніе на мѣста заключенія, зажгла у входа въ нѣкоторыя камеры смѣсь рубленой соломы съ сѣрою, а другія обстрѣляла картечью и не прекращала убійствъ съ полудня до 10 часовъ вечера⁵⁾;

1) См. оправдательные документы, собранные Фрерономъ и приложенные къ его *Mémoire apologetique*.

2) Извлечено изъ бумагъ коммуны Э, отъ 23 флореала II года.

3) Второе избиеніе произошло въ ночь на 20 іюня (2 мессидора 1795 г.), а первое въ ночь съ 24 на 25 мая (5—6 періаля). Протоколы тарасконскаго муниципалитета, сообщенные Давидомъ Мильо.

4) Свѣдѣнія изъ частнаго письма, сообщеннаго намъ Давидомъ Мильо.

5) См. въ *Mémoire historique de Fréron sur la réaction royale et les massacres du Midi* протоколъ объ избиеніяхъ въ фортѣ Сень-Жанъ, № 4 оправдательныхъ документовъ, р. 124—131.

что въ Бокэрѣ, съ цѣлью удушить арестованныхъ, заподозрѣнныхъ въ якобинствѣ, въ ихъ камеры было брошено чрезъ отдушины полтора центнера горячей сѣры¹⁾;

что въ Лионѣ, послѣ 9 термидора, *золоченая молодежь* выслѣживала республиканцевъ изъ дома въ домъ, гонялась за ними по улицамъ, убивала ихъ и таскала трупы къ Ронѣ, гдѣ бросала ихъ въ воду, приговаривая: «Однимъ *матевомъ* меньше²⁾»;

что тамъ же произведено было массовое избіеніе арестованныхъ, съ поджогомъ тюрьмы, изъ которой какая-то женщина бросилась съ ребенкомъ съ башни³⁾;

что въ то время — впервые въ мірѣ — убійство сдѣлалось теоріей воспитанныхъ людей, мщеніе стало закономъ, а убійство въ публичномъ мѣстѣ заняло мѣсто судебного приговора;

что среди выигрыша въ азартной игрѣ люди бросали карты ради экскурсій, устраивавшихся съ цѣлью истребленія республиканцевъ;

наконецъ, что иной изящный молодой человекъ, прежде чѣмъ взять окровавленными пальцами дамскую бонбоньерку, даже и не думалъ помыть руки, и что на смѣну мегерамъ, носившимъ серьги въ видѣ гильотинъ, появились *очаровательныя фури*, носившія булавки въ видѣ кинжаловъ⁴⁾.

Исторія термидоріанской реакціи — это раскопка цѣлой горы преступленій. «Представьте себѣ одну изъ тѣхъ длинныхъ повозокъ съ рѣшетчатыми обочинами, въ которыхъ возятъ телятъ на бойню; представьте себѣ такую повозку съ беспорядочно сваленными въ нее людьми; руки и ноги перевязаны у нихъ веревкой, головы ихъ свѣсились и бьются отъ толчковъ... И это люди, самымъ большимъ преступленіемъ которыхъ почти всегда было безумное возбужденіе, выражавшееся угрожающими рѣчами. Не думайте, чтобы имъ было дано, въ видѣ тщетнаго утѣшенія, хоть на минуту оказать невозможное, въ сущности, сопротивленіе сдѣланному на нихъ и не сопряженному съ опасностью нападенію, какъ бывало на аренахъ у Констанція и Галлерія! Убіеніе застигало ихъ неподвижными; ихъ убивали свя-

1) *Mémoires* Фрерона, № 4 Pièces justificatives.

2) *Hist. parlem.*, t. XXXVI, p. 412.—Mathévon — кличка франц. революціонеровъ, павшихъ въ 1795 г. первыми жертвами реакціи. (*Переводч.*)

3) *Hist. parlem.*, t. XXXVI, p. 413.

4) *Souvenirs de la Révolution et de l'Empire*, par Charles Nodier, t. I, p. 124.

Поспѣшимъ закончить это тягостное повѣствованіе. Мы еще встрѣтимся съ Каррье при разсмотрѣніи его отношеній съ республиканскими генералами; мы встрѣтимся съ нимъ въ ту пору, когда, въ виду доносовъ Жюльена, охваченный негодованіемъ Робеспьеръ требовалъ его отозванія. Въ самомъ дѣлѣ, какого еще болѣе заклятаго врага могла имѣть республика, если не этого человѣка, который выставялъ ее одинаково свирѣпою съ вандейцами! Хотя онъ и требовалъ, чтобы казни, которыя онъ называлъ *тайными экспедиціями*, были совершаемы подъ покровомъ ночи, однако пришлось-таки расклеить въ Нантѣ распоряженіе, которымъ *воспрещалось пить воду изъ зараженной трупами Луары!*¹⁾ Да и сама Луара плохо хранила ввѣренныя ей тайны: говорятъ, чрезвычайно сильный морской приливъ вогналъ въ нее обратно тѣ трупы, которые она несла въ море²⁾.

«Où sont-ils, où sont-ils, sombres dans les nuits noires?
O flots! que vous savez de lugubres histoires!
Flots profonds, redoutés des mères à genoux!
Vous vous les racontez en montant les marées,
Et c'est ce qui vous fait ces voix désespérés
Que vous avez le soir quand vous venez à nous»³⁾.

Не забудемъ, однако, и того, что и республиканцы, въ свой чередъ, находили могилу въ рѣкахъ, когда восторжествовали роялисты. Во время послѣдовавшей за 9-мъ термидора реакціи при всякой переправѣ черезъ Рону нельзя было не услышать паденія какого-нибудь *матевона*, сброшеннаго въ воду!⁴⁾ Разница была только въ одномъ: революція сама карала людей, запятнавшихъ себя на службѣ ей; у всѣхъ этихъ Шнейдеровъ, Тальеновъ, Фрероновъ, Колло-д'Эрбуа, Фуше, Каррье не было болѣе неумолимаго судьи, чѣмъ Робеспьеръ, тогда какъ роялизмъ, напротивъ, сплеталъ вѣнки виновникамъ преступленій,

¹⁾ *Noyades*, par Féhémési, p. 6. *Bibl. hist. de la Révol.*, 1049—50—51 (*British Museum*).

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ Victor Hugo, *Les rayons et les Ombres*.—*Oceano Nox* (Переводъ: «Гдѣ-то, гдѣ-то они, потонувшіе въ темныя ночи? О, волны, сколько зловѣщихъ исторій вы знаете!—волны глубокия, внушающія ужасъ колѣнопреклоненнымъ матерямъ! Поднимаясь съ приливомъ, вы рассказываете намъ эти исторіи, и это-то даетъ вамъ тѣ отчаянные голоса, которые слышатся въ васъ по вечерамъ, когда вы докатываете до насъ»).

⁴⁾ Charles Nodier, *Souvenirs de la Révolution*, t. I, p. 124.

не узнаю общественнаго мнѣнія; если бы я пріѣхалъ въ Парижъ тремя днями позже, меня, можетъ быть, привлекли бы декретомъ къ суду»...¹⁾ Затѣмъ, отвѣчая людямъ, говорившимъ: «Жертвы состоявшихся въ Ліонѣ массовыхъ казней умерли не сразу», онъ сказалъ: «А Шалье—развѣ онъ умеръ сразу? Вы думаете, якобинцы погибли бы сразу, если бы восторжествовали аристократы? И сразу ли погибъ бы тогда Конвентъ, который эти злодѣи объявили лишеннымъ покровительства закона? Кто же тѣ люди, которые всю свою чувствительность приберегаютъ для контръ-революціонеровъ? Капля крови, пролитой изъ благородныхъ жилъ патриотовъ, жжетъ мнѣ сердце, но къ заговорщикамъ у меня жалости нѣтъ»...²⁾ На Камилла Демулена Колло-д'Эрбуа напалъ, не называя его, но Никола́ прямо назвалъ его и, обозвавъ «Стараго Кордельера» «пасквиломъ», онъ произнесъ варварскую фразу: «Камиллъ Демуленъ уже давно находится на волосъ отъ гильотины»³⁾. Засѣданіе завершилось похвальнымъ отзывомъ Колло-д'Эрбуа о Ронсенѣ. Терроръ снова бралъ въ руки свой кровавый скипетръ. Въ опьяненіи радостью Геберъ воздвигъ для Колло-д'Эрбуа пьедесталъ, написавъ: «Явился великанъ!»⁴⁾

Два дня спустя, 3-го нивоза (23-го декабря), въ Конвентъ явилась новая депутація отъ клуба кордельеровъ, 'съ цѣлью настоять на освобожденіи Ронсена и Венсана⁵⁾. Очевидно, гебертисты вновь перешли въ наступленіе; доказательствомъ этого было состоявшееся послѣ приѣма означенной депутаціи засѣданіе клуба якобинцевъ.

Въ предшествовавшемъ засѣданіи было рѣшено, чтобы въ этотъ вечеръ Камиллъ Демуленъ, Бурдонъ, Фабръ д'Эглантинъ и Филиппо дали отвѣтъ—первый изъ нихъ на обвиненія со стороны Никола́, а остальные—на обвиненія со стороны Гебера.

Ожидались драматическіе инциденты, и стеченіе публики было такъ велико, что за мѣста платили до 25 ливровъ⁶⁾. Колло-д'Эрбуа явился въ засѣданіе со скорбнымъ выраженіемъ

¹⁾ *Moniteur*, an II (1793), № 94. Отчетъ о засѣданіи клуба якобинцевъ 1 нивоза (21 декабря).

²⁾ *Ibid.*, № 92.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Père Duchêne*, № CCCXXVI.

⁵⁾ *Moniteur*, an II (1793), № 95.

⁶⁾ *Vieux Cordelier*, № 5, p. 85. Collection des mémoires etc.

вали до полусмерти беременныхъ женщинъ; въ узкихъ проходахъ рынка, давя другъ друга, толкаясь, тѣснились тысячи людей обоого пола. Наемные люди уносили половины бычачьихъ тушъ и убѣгали, согнувшись подъ своей громадною ношей; съ блѣдными лицами слѣдили за ними бѣдняки, жадно глядя на сырое мясо. Иногда жандармы пускали своихъ лошадей вскачь по проходамъ между прилавками, имѣвшимъ едва три фута ширины, опрокидывая людей, увеличивая число несчастныхъ случаевъ, подъ предлогомъ ихъ предупрежденія, и способствуя этою лукавой тактикой совершенію гнусныхъ торговыхъ сдѣлокъ. Такова картина этихъ безпорядковъ, набросанная современнымъ наблюдателемъ. «Злодѣи—говоритъ онъ—состоявшіе на жалованьи у Коммуны, заставляли женщинъ выстраиваться гуськомъ; но пока онѣ, стуча зубами отъ холода, дожидались очереди, носильщики, образовавъ непроницаемую стѣну передъ лавками, уносили цѣлыхъ быковъ, а послѣ раздѣла львиной доли женщины, стоявшія попарно гуськомъ и не сдѣлавшія ни шага впередъ, уходили съ пустыми руками¹⁾».

Результатъ такого положенія дѣлъ былъ поистинѣ удивительный и—если отбросить другія подобныя явленія, источникомъ которыхъ было суевѣріе—единственный примѣръ гражданскаго самоотверженія. Мясо нужно было для сражавшихся за свободу солдатъ; нужно оно было и для переполнявшихъ больницы больныхъ; и вотъ изъ заботы о нихъ возникла мысль, что всѣ добрые граждане должны добровольно наложить на себя гражданскій постъ. Еще въ іюнѣ 1793 г. Монмартрская секція и секція de l'Homme-Armé установили у себя шестинедѣльный постъ²⁾; а 3 вантоза 1794 г. (22 февраля) Бареръ сказалъ въ Конвентѣ: «Когда Георгъ снарядилъ эскадры для порабощенія Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, онъ приказалъ установить въ Лондонѣ посты... Въ настоящее время въ Англіи существуютъ посты религіозные... Наши предки, да и мы сами, соблюдали посты въ память календарныхъ святыхъ, какихънибудь монаховъ X вѣка или какой-нибудь священнической продѣлки: установимъ же постъ ради свободы... Солдаты Рейнской арміи нѣсколько дней стояли на бивакахъ; они завидѣли Ландау; прежде достиженія этого пункта, имъ предложили хлѣба и

1) Mercier, *Nouveau Paris*, t. III, chap. XC.

2) *Histoire parlementaire*, t. XXXII, p. 12.

Кутонъ, котораго гебертисты винили въ *умѣренности*, предложилъ въ клубѣ якобинцевъ дать клятву: *смерть тиранамъ, миръ хижинамъ!* и убѣдилъ клубъ постановить, чтобы члены общества якобинцевъ, когда пойдутъ поздравлять Гору съ проявленною ею въ процессѣ Людовика XVI энергіей, надѣли красные колпаки, а предѣдатель держалъ въ рукѣ пику¹⁾. Это происходило наканунѣ 21-го января.

21-го Конвенту было доложено, что пришли члены клуба якобинцевъ. Общимъ порывомъ было рѣшено принять ихъ, и они прошли по залу процессіей, при звукахъ шедшей во главѣ ихъ военной музыки. Залъ огласился рукоплесканіямъ: *Жить свободными или умереть!* Сколько разъ была даваема эта клятва! По предложенію Кутона, она была дана теперь снова. Въ этотъ день клубъ якобинцевъ и Коммуна должны были отправиться къ дереву Свободы. Кутонъ потребовалъ, чтобы къ шествію присоединилась депутація изъ двѣнадцати монтаньяровъ. «Нѣтъ—закричали съ Горы—мы пойдѣмъ всѣ, всѣ!» Но Бильо-Вареннъ предложилъ, чтобы вмѣстѣ съ якобинцами на площадь Революціи отправился весь Національный Конвентъ въ полномъ составѣ. Предложеніе это было принято. Всѣхъ охватило какъ бы горячее настроеніе. Среди общаго возбужденія, музыка исполнила пѣсню *Veillons au salut de l'empire* (Будемъ охранять благосостояніе государства)! Принесены были портреты королей; ихъ предали сожженію и остатки растоптали. Затѣмъ, по приглашенію Кутона, Собраніе избрало комиссаровъ для составленія обвинительнаго акта противъ всѣхъ государей и разсылки акта во всѣ страны на судъ общественнаго мнѣнія, «чтобы впредь не было уже ни одного государя, который нашелъ бы для себя небо, готовое покрывать его, или землю, которая стала бы терпѣть его»²⁾.

Но въ то же время вотъ что случилось. Въ ту минуту, когда Конвентъ подходилъ къ площади Революціи, на подмосткахъ гильотины показались четверо осужденныхъ на смертную казнь. И вотъ представители народа очутились лицомъ къ лицу нередъ палачомъ! Собраніе въ ужасѣ попятилось. Была ли то заранѣе подстроена сцена или просто зловѣщая случайность? Очевидно,

¹⁾ Засѣданіе клуба якобинцевъ 1 плювіоза (20 января). *Moniteur*, an II (1794), № 124.

²⁾ Засѣданіе Конвента 2 плювіоза (21 января). *Moniteur*, an II (1794), № 123.

былъ затѣмъ арестованъ и состоитъ подъ позорнымъ обвиненіемъ. Съ другой стороны, никакихъ доказательствъ выставленныхъ имъ фактовъ нѣтъ. Противъ Ронсена имѣлись разоблаченія Филиппо; но имъ мало вѣрили въ средѣ патріотовъ, наиболѣе благоразумные изъ которыхъ, прежде чѣмъ высказаться, выжидали разсказа въ противоположномъ духѣ, такъ рѣзко общапаго со стороны Шудѣ. При томъ, Комитетъ всеобщей безопасности занять былъ не разоблаченіями Филиппо. Что касается истребованія отъ Ронсена отчета въ его поведеніи въ Лионѣ, то сдѣлать это, конечно, было можно; но это послужило бы матеріаломъ для новыхъ преній, очень бурныхъ и обширныхъ, которыя вооружили бы другъ противъ друга разныхъ другихъ членовъ Комитета общественнаго спасенія, дезорганизовали бы правительство и породили бы хаосъ. Ибо какъ же привлечь къ отвѣту за лионскія дѣла Ронсена, не привлекая и Колла-д'Эрбуа, и какъ же карать Колло-д'Эрбуа, не угрожая Бильо-Варенну? Это значило бы заставить важную фракцію Комитета общественнаго спасенія открыто заключить съ гебертистами наступательно-оборонительный союзъ, который могъ бы обезпечить послѣднимъ побѣду.

Робеспьеръ былъ не такой человѣкъ, чтобы сдѣлать такую ошибку. Ронсена и Венсана заключили въ тюрьму на основаніи брошеннаго Фабромъ-д'Эглантинемъ обвиненія: если бы уликъ не оказалось, ихъ пришлось бы выпустить на волю, не проявляя, впрочемъ, ни страха, ни почтительнаго отношенія къ насилію. Поэтому-то, когда 9 плувіоза (28-го января) Леонаръ Бурдонъ настойчиво предложилъ клубу якобинцевъ выступить въ пользу Ронсена и Венсана, Робеспьеръ воспротивился этому, заявивъ, что такъ какъ Комитетъ всеобщей безопасности, «повидимому, убѣжденъ, что противъ Ронсена и Венсана нѣтъ сколько нибудь вѣскихъ уликъ, то надо предоставить ему дѣйствовать, чтобы невиновность ихъ была объявлена властью общественною, а не частною». Впрочемъ, онъ не упустилъ отгнѣнить, что факты, относительно которыхъ доказательства нѣтъ, суть факты, относящіеся къ *разоблаченію Фабра-д'Эглантина*¹⁾.

Такъ какъ ходатайство гебертистовъ передъ клубомъ якобинцевъ потерпѣло неудачу, то они обратились непосредственно къ

¹⁾ Засѣданіе клуба якобинцевъ 9 плувіоза (28 января). *Moniteur*, an II (1794), № 133.

наго разрѣшенія отъ министровъ: кто же исходатайствовалъ и послалъ ему это разрѣшеніе? Дантонъ. Какъ мы уже рассказывали, постановление по этому дѣлу Совѣта, въ томъ видѣ, въ какомъ ископотагъ его Дантонъ у своихъ сотоварищей, было сказано: «Совѣтъ постановляетъ, чтобы было отвѣчено, что республика не можетъ выслушивать никакихъ предложеній, пока прусскія войска не очистятъ территорію». Но къ этой официальной и ясной депешѣ Дантонъ приложилъ частное письмо, въ которомъ, отъ имени Совѣта, разрѣшилъ Дюмуре выпустить прусскую армію, *не упорствуя въ попыткахъ уничтожить ее*¹⁾. Дантонъ прибавлялъ, что въ числѣ трехъ комиссаровъ Конвента, собирающихся отправиться въ главную квартиру двухъ соединенныхъ армій, находятся двое — Силлери и Карра—снабженные *болѣе подробными* инструкціями относительно выполнения военной конвенціи, которую признано будетъ нужнымъ заключить²⁾. Но какъ же это? Силлери былъ преданъ герцогу Орлеанскому, а журналистъ Карра выдвигалъ кандидатуру герцога Брауншвейскаго на французскій престолъ: почему же имъ оказывалось больше довѣрія, чѣмъ Приёру (отъ д-та Марны), единственному изъ троихъ комиссаровъ, республиканизмъ котораго былъ вѣ всякихъ сомнѣній?

На основаніи простыхъ предположеній нельзя еще отрицать того, что Дантонъ, поддерживая политику уступокъ по отношенію къ Пруссіи, которую велъ Дюмуре, слѣдовалъ лишь своимъ собственнымъ соображеніямъ и усвоилъ эту политику, какъ наиболѣе отвѣчавшую, на его взглядъ, интересамъ Франціи, не зная и не прадугадывая дальнѣйшихъ плановъ Дюмуре. Правда, Дюмуре, въ своихъ *Mémoires*, изложивъ свой конечный планъ, частью котораго было намѣреніе «распустить Конвентъ и уничтожить якобинизмъ»¹⁾, прибавляетъ: «Таковъ былъ проектъ, извѣстный только четыремъ лицамъ», а если вѣрить Мирандѣ, *тремя изъ этихъ лицъ были Дантонъ, Лакруа и Вестерманъ*; но вѣдь это не доказательства, особенно когда дѣло идетъ о такомъ важномъ обвиненіи! Во всякомъ случаѣ, напомнить объ этихъ обстоятельствахъ было непремѣнно нужно, потому что они даютъ ключъ къ подозрѣніямъ, которыя могли

¹⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'État*, t. I, p. 517.

²⁾ *Ibid.*

заключенъ въ тюрьму за отказъ подписать приговоръ, стремился отомстить какъ за своего друга, такъ и за собственные свои обиды (см. показаніе Фукье-Тенвилля, *Hist. parlam.*, t. XXXIV, p. 459, 464, 478; засѣданіе 13 фрюктидора, показаніе Дюэма, а также—относительно существовавшей личной вражды между Фукье-Тенвиллемъ и Пари—показаніе жены буфетчика Революціоннаго суда, приведенное выше). Тому, что утвержденія этого Пари были такъ слѣпо принимаемы на вѣру современными намъ писателями, можно только подивиться, когда имѣешь передъ глазами слѣдующую выдержку изъ *Réponse des membres de l'ancien Comité de salut public dénoncés, aux pièces communiquées par la Commission des vingt et un*: «Изъ одного показанія Пари явствуетъ, что во время процесса Дантона Флёрю и Фукье произвели отборъ присяжныхъ для составленія группы, предназначенной для разсмотрѣнія этого процесса; что Амаръ и Вуланъ принесли въ судъ декретъ, предписывавшій устранить подсудимыхъ отъ участія въ судоговореніи, причемъ сказали Фукье: «Вотъ чѣмъ вы можете быть довольны»; что такъ какъ между присяжными произошло разногласіе, то Амаръ, Вуланъ, Вадье, Моизъ Бэль и Давидъ отправились, вмѣстѣ съ председателемъ Германомъ, въ буфетъ; что Германъ вошелъ въ комнату присяжныхъ и говорилъ съ ними, восстанавливая ихъ противъ подсудимыхъ. Но нужно замѣтить, что этотъ документъ былъ отклоненъ Конвентомъ, въ который онъ поступилъ сперва анонимнымъ, и, будучи впоследствии подписанъ Пари, долженъ казаться только еще болѣе достойнымъ порицанія и не приобрѣвшимъ никакой цѣнности отъ подписи, сдѣланной уже послѣ его подачи (см. *Réponse de membres de l'ancien Comité...*, etc., p. 34, въ *Biblioth. historique de la Révol.* 1100—1. *British Museum*).

Впрочемъ, ошибки (чтобы не сказать болѣе рѣзко) Пари очень легко указать.

Въ показанія, данномъ имъ по дѣлу Фукье, онъ говоритъ (см. *Hist. parlam.*, t. XXXVI, p. 466—476): Священный для Национальнаго Конвента принципъ былъ нарушенъ; у него добились декрета, которымъ *подсудимые устранялись отъ участія въ судоговореніи*. Но это неправда. Декретъ 15 жерминаля, вовсе не устраняя подсудимыхъ отъ судоговоренія, постановлялъ, что «Революціонный судъ *будетъ продолжать разслѣдованіе* относительно заговора Лакруа, Дантона, Шабо и другихъ лицъ». И разслѣдованіе дѣйствительно продолжалось 15 жерминаля; если же на слѣдующій день пренія были закрыты, то не въ силу декрета отъ 15 числа, а потому, что присяжные, на предложенный имъ, согласно закону, послѣ трехдневныхъ преній, вопросъ о томъ, достаточно ли выяснилось для нихъ дѣло, отвѣтили утвердительно. Обстоятельство несомнѣнно отвратительное; но оно касается присяжныхъ и не имѣетъ ничего общаго съ декретомъ 15 жерминаля въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ предложенъ Сенъ-Жюстомъ и принятъ Конвентомъ.

Пари утверждаетъ, что когда Камилль предъявилъ отводъ противъ Ренодэна, то судъ не удовлетворилъ этого требованія потому, что такой присяжный, какъ Ренодэнъ, былъ нуженъ, и что вопросъ объ отводѣ *даже не подвергся обсужденію*. Однако это вполне опредѣленно опровергается показаніемъ опять-таки друга Дантона и врага Фукье, служившаго въ канцеляріи суда—Робера Вольфа, который говоритъ (см. *Hist. parlam.*, t. XXXIV, p. 452):

зналъ ли Лафайетъ то, что говорилъ; и г. Денуа, заявляющій, что «мы находимся въ подлѣйшемъ невѣдѣніи на этотъ счетъ», нѣсколькими строками ниже, напоминая о рѣчи Дантона при вступленіи въ должность въ Коммунѣ, рѣчи, въ которой былъ затронутъ и остался безъ возраженій вопросъ объ означенномъ выкупѣ, допускаетъ, что «тогда знали, однако, сколько стѣитъ должность адвоката». Конечно, знали; поэтому-то и позволительно думать, что Лафайетъ былъ хорошо осведомленъ, когда съ такою увѣренностью говорилъ, что та адвокатская должность, за которую Дантонъ, по его призванію, получилъ 100,000 ливровъ, стоила всего десять тысячъ. Что касается робко высказываемыхъ, повидимому, г. Денуа сомнѣній въ подлинности замѣтки, изъ которой извлечены эти подробности—потому что, говорить онъ, издатели напечатали: *Замѣтка генерала Лафайета*, когда замѣтка писана самимъ Лафайетомъ,—то вопросъ разрѣшается слѣдующимъ мѣстомъ изъ *Mémoires de Lafayette*, которое очевидно и неоспоримо писано имъ самимъ: «Дантонъ, росписка котораго въ ста тысячахъ ливровъ была въ рукахъ министра Монморена, потребовалъ головы Лафайета; это значило слишкомъ ужъ полагаться на скромность Лафайета на счетъ сохраненія тайны, относительно которой Дантонъ зналъ, что она ему небезызвѣстна» (*Mém. de Lafayette*, t. III, p. 85). «Но почему эта скромность?» восклицаетъ г. Денуа. На это Лафайетъ заранѣе уже отвѣтилъ: «Потому что это значило бы подвести министра Монморена подъ смертную казнь». И этотъ отвѣтъ, повидимому, неполнилъ удовлетворяющій г. Денуа, мы, съ своей стороны, признаемъ рѣшающимъ, напоминая, сколько въ тѣ ужасные дни погибло людей, обвинявшихся въ гораздо меньшемъ.

Надо ли настаивать на чрезвычайной важности заявленія Бриссо, который утверждаетъ, что онъ «видѣлъ росписку въ ста тысячахъ эку, отсчитанныхъ Дантону Монмореномъ»? Г. Денуа спрашиваетъ, гдѣ и какъ видѣлъ Бриссо эту росписку, не будучи другомъ министра. Но г. Денуа забываетъ, что въ мартѣ 1792 года Бриссо былъ душою дипломатической комиссіи; что министерство иностранныхъ дѣлъ относилось именно къ его области вѣдѣнія; что на него спеціально было возложено изслѣдованіе тайнъ этого министерства; что свое обвиненіе противъ министра Лессара онъ основалъ на документахъ, съ которыми ознакомился въ министерствѣ; что передъ его глазами были переписка и многія бумаги Монморена, и что когда онъ въ засѣданіи 23 мая 1792 г. потребовалъ привлеченія Монморена къ суду, то требованіе свое основалъ на «документахъ, находившихся какъ въ наблюдательной комиссіи, такъ и въ комисіи дипломатической, а также на бумагахъ, ввѣренныхъ непосредственно ему самому» (см. *Opinion de Brissot sur l'existence d'un comité autrichien*). Что касается указанія на неодинаковость цифръ, приводимыхъ Бриссо (100,000 эку) и Лафайетомъ (100,000 ливровъ), то доводъ этотъ имѣлъ бы какую-нибудь цѣнность только въ томъ случаѣ, если бы Бриссо имѣлъ въ виду говорить о той же самой уплатѣ, о которой говоритъ Лафайетъ; но на этотъ счетъ вѣтъ никакихъ ни доказательствъ, ни даже указаній. Слѣдовательно, остается только одно средство отвергнуть это показаніе, именно поставить подъ сомнѣніе либо умъ, либо добросовѣстность Бриссо, что и пытается сдѣлать г. Денуа, говоря о Бриссо, что «онъ былъ и очень легковѣренъ, и достаточно лживъ». Мы признаемъ, однако, невозможнымъ допустить въ этомъ отношеніи мнѣніе ученаго критика. «Легковѣріе»

въ дружбѣ; теперь же, когда Дантонъ умеръ, онъ находилъ его виновнымъ¹⁾. Со всѣхъ концовъ Франціи поступали поздравительные адреса. Городъ Родезъ писалъ Конвенту: «Тщетно, значить, поднимали голову дѣти титановъ: молнія повергла ихъ всѣхъ во прахъ»²⁾. Подчиненіе было всеобщее и безусловное.

Однако, въ чемъ же было дѣло? Кровь, только-что пролитая революціей, была ея собственною кровью, и теперь революція представлялась какъ ея внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ врагамъ значительно ослабленною. Комитетъ общественнаго спасенія настолько хорошо понималъ это, что рѣшилъ удвоить свою дѣятельность и твердость. Мы расскажем о тѣхъ мѣрахъ, которыя приняты были имъ въ силу этого рѣшенія, но прежде посвятимъ нѣсколько страницъ пополненію предшествующаго погребальнаго разсказа.

Черезъ день послѣ казни Дантона умеръ Кондорсе.

Мы уже рассказывали, съ какимъ мужественнымъ великодушіемъ г-жа Верне приютила у себя въ іюлѣ 1793 г. этого знаменитаго философа, который былъ въ то время вынужденъ скрываться³⁾. Послѣ катастрофы 31 октября онъ хотѣлъ удалиться изъ своего убѣжища, опасаясь за свою покровительницу. «Я лишень покровительства законовъ; я не могу оставаться у васъ», сказалъ онъ г-жѣ Верне, но она возразила: «Конвентъ имѣетъ право лишать людей покровительства законовъ, но не властенъ лишать ихъ покровительства гуманности»⁴⁾.

Кондорсе долженъ былъ уступить, и съ этой минуты сталъ предметомъ дѣятельнаго и трогательнаго присмотра. Г-жа Верне, желая усыпить безпокойство своего дорогаго узника, давъ нищу его мысли, побудила его жену и друзей уговорить его, чтобы онъ предпринялъ какое нибудь большое сочиненіе. Этой счастливой мысли мы обязаны книгою *Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain*⁵⁾ (Набросокъ исторической картины успѣховъ челоувческаго ума). Книгу эту, дышащую высокою ясностью духа, Кондорсе написалъ въ двухъ шагахъ отъ эшафота.

¹⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 200.

²⁾ *Ibid.*, № 208.

³⁾ См. главу «Конституція 1793 г.» въ IX томѣ настоящаго сочиненія.

⁴⁾ *Biographie de Condorcet*, par F. Arago, въ *Oeuvres de Condorcet*, publiées par A. Condorcet, O'Connor et F. Arago.

⁵⁾ *Oeuvres de Condorcet*, p. 142 et 143.

можетъ, по наступленіи ночи, придти Кондорсе. Онъ ушелъ, взявъ съ собою посланія Горація, которыя вручили ему при расставаніи его друзья. Вернулся ли онъ? нашелъ ли онъ калитку запертой? Больё говоритъ, что онъ вернулся раньше указанного часа и, не рѣшившись перелѣзть черезъ заборъ, ушелъ назадъ...¹⁾ Онъ бродилъ весь слѣдующій день; на третій день, изнемогая отъ усталости, натерши себѣ ногу, умирая отъ голода, онъ вошелъ въ кабачокъ Кламара и спросилъ себѣ яичницу. «Къ несчастію», пишетъ его біографъ, «этотъ человекъ, знающій почти все на свѣтѣ, не зналъ даже приблизительно, сколько яицъ съѣдаетъ рабочій за одинъ присѣсть. На вопросъ хозяина кабачка, онъ отвѣчаетъ: «Дюжину»²⁾. Можно себѣ представить удивленіе хозяина! «Ваши бумаги?» Бумагъ у него не было. «Да кто вы такой?» Несчастный назвалъ профессію, которой совсѣмъ не соответствовала бѣлизна и выхоленность его рукъ. Этого было довольно: его повлекли въ мѣстный комитетъ, такъ какъ въ ту пору даже въ мельчайшихъ мѣстечкахъ были свои «комитеты санкюлотовъ». Тамъ, подвергшись обыску и допросу, онъ заявилъ только одно: *Симонъ, бывший лакей*. А весь багажъ его состоялъ изъ книжки Горація, на поляхъ которой были написаны карандашомъ строки полатыни. Въ виду этого, допрашивавшій его членъ Комитета сказалъ ему: «Ты толкуешь, что былъ лакеемъ, а я думаю, что ты бывшій дворянинъ и самъ держалъ лакеевъ»³⁾. И онъ приказалъ отвести неизвѣстнаго въ округъ Bourg-l'Égalité. Его повели пѣшкомъ, подъ вооруженнымъ конвоемъ, но несчастный Кондорсе могъ дойти только до Шатильона, гдѣ упалъ отъ изнеможенія. Какой-то виноградарь, сжалившись надъ нимъ, доставилъ ему возможность продолжать путь, давъ ему свою лошадь. Въ округѣ его заключили подъ стражу, и когда 20 жерминаля (9 апрѣля) тюремщикъ вошелъ въ его камеру, то увидѣлъ распростертымъ на полу... мертвое тѣло. Кондорсе проглотилъ большую дозу концентрированного яда, который носилъ съ нѣкоторыхъ поръ въ персти⁴⁾.

¹⁾ Нужно замѣтить, что это не та версія, которую, повидимому, считаетъ вѣрною ученый біографъ Кондорсе, Араго.

²⁾ *Biographie de Condorcet*, par M. Arago, p. 155.

³⁾ *Mercier, Nouveau Paris*, t. V, chap. CLXXXVIII.

⁴⁾ «Этотъ ядъ (какой именно, неизвѣстно) былъ, говорятъ, приготовленъ однимъ знаменитымъ врачомъ. Ядъ, которымъ хотѣлъ отправиться въ Фон-

ными страстностью и единодушіемъ, и Конвентъ декретировалъ перевести его рѣчь на всѣ языки ¹⁾.

20 періаля (8 іюня) назначено было для устройства праздника въ честь Верховнаго Существа. День этотъ, котораго Робеспьеръ ждалъ съ религіознымъ нетерпѣніемъ, наконецъ наступилъ. Никогда еще солнце не сіяло такъ ярко на чистомъ небѣ. «Казалось, сквозь прозрачную твердь взору открывались другія небеса ²⁾». Съ самаго ранняго утра весь городъ былъ въ движеніи; дома были убраны вѣтками деревъ или гирляндами и всѣ улицы усыпаны цвѣтами; не было окна, изъ котораго не развѣвался бы флагъ, а на рѣкѣ не было лодки, не украшенной лентами ³⁾. Въ 8 часовъ раздались пушечные выстрѣлы и народъ повалилъ въ садъ Тюильрійскаго дворца, гдѣ для Конвента построенъ былъ амфитеатръ, вздымавшійся снизу отъ цвѣтниковъ до балкона павильона de l'Horloge, а надъ поверхностью большого бассейна высилась колоссальная статуя ⁴⁾. Вся церемонія произошла такъ, какъ ее задумалъ устроитель праздника, Давидъ. Матери были съ букетами розъ, молодыя дѣвушки съ корзинами цвѣтовъ, мужчины съ дубовыми вѣтками въ рукахъ. Орудіе казни было скрыто подъ богатою драпировкой. При видѣ господствовавшей въ группахъ сердечности и сіяющихъ лицъ, кто не сказалъ бы, что время ненависти миновало? «Люди сближались, не будучи между собою знакомы — пишетъ одинъ очевидецъ — цѣловались, не называя другъ друга» ⁵⁾. Нѣкоторые льстили себя надеждой, что революція кончилась.

Въ видѣ исключенія, Робеспьеръ былъ избранъ въ предсѣдатели Собранія: это было отличіемъ роковымъ, можетъ быть даже злоумышленнымъ, отъ котораго было бы благоразумнѣе отказаться! «Проходя въ залъ Свободы — рассказываетъ Вилатъ, жившій въ павильонѣ Флоры — и встрѣтилъ Робеспьера; онъ былъ въ костюмѣ народнаго представителя и держалъ въ рукѣ букетъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ колосьями; лицо его впервые свѣтилось радостью. Онъ еще не завтракалъ; переполненный радостнымъ чувствомъ, которое вызвалъ во мнѣ этотъ чудный день, я пригласилъ его зайти ко мнѣ на квартиру и онъ

¹⁾ См. отчетъ въ *Moniteur*.

²⁾ Charles Nodier, *Biographie de Robespierre*.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Moniteur*, an II (1794), № 265.

⁵⁾ Charles Nodier, *ubi supra*.